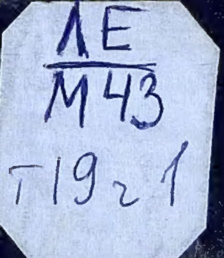


МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ
ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878–1917

КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ
ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1938

RELATIONS INTERNATIONALES
DE L'ÉPOQUE DE L'IMPERIALISME

DOCUMENTS DES ARCHIVES
DES GOUVERNEMENTS
IMPÉRIAL ET PROVISOIRE
1878-1917

2-E SÉRIE
1900-1913

1938

ЛЕ
М43

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ
ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878-1917

СЕРИЯ ВТОРАЯ
1900-1913

Т. 19. ч. 1

1 9 3 8

12-п экз

КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ
ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

А. П. БОЛЬШЕМЕННИКОВ

А. С. ЕРУСАЛИМСКИЙ

А. А. МОГИЛЕВИЧ

Ф. А. РОТШТЕЙН

ТОМ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ЧАСТЬ I

14 НОЯБРЯ 1911 г. – 13 ЯНВАРЯ 1912 г.

ПОДГОТОВИЛА К ПЕЧАТИ

Л. А. ТЕЛЕШЕВА

ПРИ УЧАСТИИ

Э. С. АЛЬТШУЛЕР

И

Е. М. ГЛЯЗЕР

9 (47)
М 43 Доб. 327

Редактор *А. Могилевич.*

Техред *О. С. Прохорова.* Корректор *Н. Цванцигер.*

Сдано в набор 3/VI 1937 г.—13/III 1938 г. Подписано к печати 20/X 1938 г.

Государственное издательство политической литературы № 1552.

Формат 70 × 108 1/16. 21 5/8 печ. л. Уч.-авт. 36,9 л. 134 400 зн. в 1 печ. л. Заказ № 1555.

Уполномоч. Главлита № Б-30325.

Тираж 5000 экз. Цена книги 12 р.

Бумага Вишерского бумкомбината.

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига“ „Печатный Двор“ имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
33	24 св.	batons	bâtons
72	3 сн.	Y. 183,	S. 183,
75	23 св.	ferme ture	fermeture
192	26 и 27 св.	immixion	immixtion
195	15 сн.	сходись	сходить
199	5 св.	promulger	promulguer
199	12 св.	constitutionneles	constitutionnelles
201	7 св.	coincède	coincide
216	21 сн.	parait,	paraît,

Международные отношения в эпоху империализма, т. XIX, ч. I. Зак. 1555

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ[1]

Помимо общепринятых в редакционном тексте примечаний допускались следующие сокращения:

Военное министерство — воен. м-во.
Генеральное консульство — ген. консульство.
Депеша — деп.
Докладная записка — докл. записка.
Константинополь — К-поль.
Литографская копия — лит. копия.
Министерство иностранных дел — м-во ин. дел.
Министерство торговли и промышленности — м-во торг. и пром.
Министерство финансов — м-во фин.
Министр — м-р.
Памятная записка — пам. записка.
Посольство — пос-во.
Правительство — прав-во.
Телеграмма — тел.

British Documents on the Origins of the War 1898—1914, London—Brit. Doc.
Известия министерства иностранных дел — Изв. МИД.
«Красный архив», изд. Центрархива — Кр. арх.
Материалы по истории франко-русских отношений, Москва 1922 г. — М.
Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914 (Dipl. Akt. des Oest.-Ung. Ministeriums des Aeussern), Wien und Leipzig 1930 — Oe. U. A.
Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии, вып. VII Изд. МИД, Петербург 1913 г. — Ор. кн.
Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел изд. НКИД, 1917 г. — Сб. секр. док.
Siebert, B. — Graf Benckendorffs Diplomatischer Schriftwechsel, Verlag von Walter de Gruyter u. Co, Berlin und Leipzig 1928 — Siebert.
Stieve, Friedrich — Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis. — Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, Berlin 1925 — Stieve.

[1] О методах и приемах публикации, принятых в настоящем издании, см. серия III, т. I, стр. XXV — XXXII.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

ТОМ XIX

(14/1 ноября 1911 г. — 13 мая/30 апреля 1912 г.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(14/1 ноября 1911 г. — 13 января 1912 г./31 декабря 1911 г.)

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
155	5.XII/22.XI	Тел. № 1959	Нератов — Извольскому (Сазонову)	П. ст. 594б	141
156	5.XII/22.XI	Письмо	Бенкендорф — Нератову	С. А. 751	142
157	5.XII/22.XI	Письмо	Долгорукий — Нератову	К. 109	147
158	5.XII/22.XI	Депеша № 125	Чарыков — Нератову	К. 32	148
159	5.XII/22.XI	Письмо	Чарыков — Нератову	П. А. 1041	149
160	5.XII/22.XI	Тел. № 1199	Поклевский — Нератову	П. ст. 3б	150
161	5.XII/22.XI	Тел. № 69	Бахметев — Нератову	К. 134	150
162	6.XII/23.XI	Тел. № 1966	Нератов — Неклюдову	С. А. 477	151
163	6.XII/23.XI	Тел. № 1967	Нератов — Неклюдову и Гартвигу	П. А. 3692	151
164	6.XII/23.XI	Тел. № 1968	Нератов — Чарыкову	С. А. 477	152
165	6.XII/23.XI	Письмо	Неклюдов — Сазонову	П. А. 3692	152
166	6.XII/23.XI	Тел. № 1206	Поклевский — Нератову	К. 125—6	155
167	6.XII/23.XI	Тел. № 70	Бахметев — Нератову	К. 134	156
168	6.XII/23.XI	Тел. № 71	Бахметев — Нератову	К. 134	156
169	7.XII/24.XI	Депеша № 80	Извольский — Нератову	К. 103	156
170	7.XII/24.XI	Письмо	Извольский — Нератову	С. А. 760	157
171	7.XII/24.XI	Депеша № 73	Н. Гирс — Нератову	К. 131	158
172	7.XII/24.XI	Депеша № 74	Н. Гирс — Нератову	П. А. 3202	160
173	7.XII/24.XI	Тел. № 75	Свербеев — Нератову	К. 7	161
174	7.XII/24.XI	Тел. № 725	Чарыков — Нератову	К. 35	161
175	7.XII/24.XI	Тел. № 146	Дабижа — Нератову	П. ст. 75б	162
176	8.XII/25.XI	Меморандум	Англ. посол в Париже — росс. м-ру ин. дел	П. ст. 594б	163
177	8.XII/25.XI	Тел. № 1978	Нератов — Н. Гирсу	П. А. 2594	165
178	8.XII/25.XI	Тел.	Сазонов — Нератову	К. 104	165
179	8.XII/25.XI	Депеша № 79	Остен-Сакен — Нератову	К. 18	166
180	8.XII/25.XI	Депеша № 81	Остен-Сакен — Нератову	К. 18	168
181	8.XII/25.XI	Тел. № 727	Чарыков — Нератову	П. А. 3189	169
182	8.XII/25.XI	Тел. № 728	Чарыков — Нератову	К. 149	169
183	8.XII/25.XI	Тел. № 1216	Поклевский — Нератову	К. 125—6	170
184	8.XII/25.XI	Депеша № 109	Щекин — Нератову	К. ст. 135	171
185	9.XII/26.XI	Тел. № 2000	Нератов — Поклевскому	П. ст. 594б	172
186	9.XII/26.XI	Тел. № 188	Сазонов — Нератову	С. А. 477	173
187	9.XII/26.XI	Тел. № 734	Чарыков — Нератову	С. А. 477	174
188	10.XII/27.XI	Тел. № 2010	Нератов — Поклевскому	П. ст. 594б	174
189	11.XII/28.XI	Письмо № 885	Нератов — Коковцову	П. ст. 594б	175
		Приложение: Пам. записка м-ва ин. дел англ. послу в Петербурге от 10 дек./27 ноября		П. ст. 594б	176
190	11.XII/28.XI	Тел. № 96	Неклюдов — Нератову	К. 121	177
191	11.XII/28.XI	Тел. № 1235	Поклевский — Нератову	П. ст. 3б	177
192	11.XII/28.XI	Донесение № 1166	Лавдовский — Козакову	К. ст. 675	177
193	12.XII/29.XI	Тел. № 739	Чарыков — Нератову	К. 35	180
194	12.XII/29.XI	Тел. № 1243	Поклевский — Нератову	К. 125—6	180
195	12.XII/29.XI	Письмо	Щекин — Нератову	К. ст. 854	181
196	13.XII/30.XI	Тел. № 2028	Нератов — Бенкендорфу	П. ст. 594б	184
197	13.XII/30.XI	Тел. № 2029	Нератов — Поклевскому	П. ст. 594б	184
198	13.XII/30.XI	Донесение № 4403	Экземплярский—Н. Гирсу	Вена 1849	184
199	13.XII/30.XI	Тел.	Поклевский — Нератову	К. 125—6	186
200	14/1.XII	Тел. № 2043	Сазонов — Поклевскому	П. ст. 594б	186
201	14/1.XII	Тел. № 2045	Сазонов — Бенкендорфу, Извольскому, Бахметеву, Остен-Сакену, Броневскому и Щекину	К. ст. 896	187
202	14/1.XII	Тел. № 2046	Сазонов — Воронцову-Дашкову	П. ст. 677	187
203	14/1.XII	Письмо № 785	Сазонов — Н. Гирсу	П. А. 3693	187
204	14/1.XII	Тел. № 744	Чарыков — Сазонову	С. А. 477	188
205	14/1.XII	Выписка из донесения Гроссе № 960		К. ст. 355	189
206	14/1.XII	Тел. № 74	Бахметев — Сазонову	К. 134	190

№ 1. Временно управляющий министерством иностранных дел[1] посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 1773 [2]. 14/1 ноября 1911 г.
Срочно.

Корреспондент «Times» телеграфировал, что регент и министры подали в отставку вследствие вашей ноты [3]. Благоволите срочно телеграфировать, верно ли это и в каком положении вопрос об удовлетворении. Если означенное известие неправильно и вами еще не получено ответа, то считаем необходимым, чтобы вы безотлагательно сделали заявление о прекращении вами сношений с кабинетом, вслед за чем нами будет сделано распоряжение об отправлении отряда в Казвин.

Нератов.

№ 2. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 14/1 ноября 1911 г.
Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

13 ноября/31 октября зашел ко мне мой итальянский коллега и выразил желание иметь со мной крайне секретный разговор, который должен был бы остаться тайной для Консульты, иначе цель его, столь желательная для избежания осложнений на Ближнем Востоке, не могла бы быть достигнута. Герцог Аварна доверил мне, что он настойчиво советует своему правительству изъять из круга военных действий Италии Эгейское море и Малую Азию, иначе вспыхнет пожар на Балканах, и тогда нельзя будет поручиться, что и Австро-Венгрия не выступит для защиты своих интересов в Боснии и Герцеговине. Пока он не имеет никаких указаний о влиянии его доводов на решение итальянского правительства касательно этого вопроса, но он убедился из всей ему доверительно сообщаемой переписки Сан-Джулиано с итальянскими послами, что разговоры ваши с Мелегари и данные вашим превосходительством советы имели всякий раз решающее значение для итальянского правительства, которое убедилось в полном бескорыстии и миролюбии наших внушений.

Я предложил Аварна сообщить вашему превосходительству нашу беседу шифром, на что он ответил, что он предпочитает, чтобы я имел до этого обмен мнений с Эренталем, который в этом вопросе в полном единомыслии с нами. На следующий день я виделся с министром иностранных дел, который сообщил мне о разговоре вашем с австро-венгерским поверенным в делах, как я имел честь сообщить в моей секретной телеграмме от

[1] В связи с болезнью Сазонова Нератов был назначен временно управляющим м-вом ин. дел с 18/5 марта 1911 года. Сазонов уехал в длительный отпуск за границу 3 июня/21 мая.
[2] Опубл. Ор. кн., стр. 228, со стилистическими изменениями.
[3] См. т. XVIII, № 866, а также №№ 16 и 22 настоящего тома.

14/1 ноября за № 66 [1]. Вы предупредили желание итальянского посла, что его очень порадовало, так как он отдает себе отличный отчет в опасности теперешнего положения. Надо надеяться, что гроза эта нас миновала, однако все же следует отметить лестный для нашего самолюбия факт, что королевское правительство принимает в должное соображение советы, даваемые ему от имени вашего превосходительства.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 3. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

'/. Письмо. 14/1 ноября 1911 г.
Весьма секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Приношу вашему превосходительству искреннюю мою признательность за весьма секретное письмо ваше от [23] 10 октября № 678 [2].

Письмо это заключает в себе общие директивы, коим я с тем большей точностью буду следовать, что они отвечают вполне моим собственным убеждениям. Действительно, вовсе не нам возобновлять с болгарами переговоры о военной и политической конвенции. Искать ее должны болгаре, а не мы. Если бы соглашению между болгарами и сербами суждено было осуществиться, то само собой устранилось бы препятствие, произведшее прошлой зимой заминку в вышесказанных переговорах. Ввиду особого и совершенно бескорыстного покровительства, оказываемого нами сербскому королевству, единение болгар с сербами и известные с их стороны уступки сербам в Македонии могли бы считаться веским доказательством искреннего желания болгар итти бесповоротно рука об руку с Россией, а следовательно и под водительством и *под защитой* России. Обо всем этом теперь именно и идет речь между болгарами и сербами, и я стараюсь следить за этими переговорами с возможно большим вниманием, устраняясь, однако, от всякого активного вмешательства, кроме одного вопроса: будет ли соглашение носить исключительно оборонительный характер или также и наступательный; я, разумеется, выставляю вторую альтернативу недопустимой с нашей точки зрения и настаиваю на смысле и термине status quo.

Но помимо вопроса о содержании и целях самого союзного договора представляется и будет представляться до последней минуты еще один, самый существенный вопрос, а именно, будет ли вообще заключен сербо-болгарский союз или не будет.

Те сведения, которые дает относительно Болгарии в своей депеше от [8 октября] 25 сентября № 57 наш посланник в Белграде [3] и которые ваше превосходительство сообщаете мне при своем письме, весьма и весьма меня озабочивают. Если король Фердинанд так решительно противен сербо-болгарскому единению, то едва ли нынешнее движение в пользу этого единения может привести к желанному завершению. Особенно трудно предвидеть удачу, если весь почин этого движения шел только от г. Ризова и его более отдаленных вдохновителей. Будь это дело делом Гешова — Данева и их единомышленников, для короля Фердинанда явилась бы дилемма: одобрить союз, или же рассориться с сильной, консервативной частью страны. Но если главной пружиной всего является Ризов, то за его отсутствием может ослабнуть и его влияние, и гг. Гешов и Данев без особой борьбы уступят королю Фердинанду, и всей затее будет положен скорый конец.

---

[1] Тел. от 14/1 ноября за № 66 Н. Гирс передал Нератову, со слов Эренталя, что австро-венг. повер. в делах в Петербурге сообщил о совете, данном Нератовым Мелегари, «относительно серьезной опасности для сохранения мира на Балканах, в случае военных действий Италии в Эгейском море или в Малой Азии». Эренталь выразил удовольствие по поводу того, что совет этот тождественен с тем, который он дал итал. послу в Вене, и высказал надежду, что «одинаковое мнение, выраженное двумя более всего заинтересованными державами, повлияет на мнение итальянского правительства».

[2] См. т. XVIII, № 699.

[3] См. т. XVIII, № 563.

В силу моих наблюдений на месте я не могу еще вполне проникнуться взглядами гофмейстера Гартвига, в особенности в том, что касается умаления роли гг. Гешова и Данева. Но я могу и ошибаться. И в таком случае, говорю заранее, что надежда на успех сербо-болгарских переговоров сводится к весьма малому.

Но могут существовать и другие причины неудачи переговоров: в Сербии — излишние претензии, запальчивость и нескромность; в Болгарии — недоверчивость, преувеличенная боязнь лишиться полной свободы действий, нежелание делать сербам уступок в Македонии. Разумеется, здесь эти препятствия и критики [1] отнюдь не будут исходить от нынешнего кабинета и его сторонников; но, как ни популярно в стране правительство Гешова — Данева, наряду с ним существуют сильные течения, олицетворяющие вышеупомянутую недоверчивость, боязнь и преувеличенный национализм; особенно сказываются эти течения в военной среде, даже среди людей принципиально преданных России. А с мнением военных здесь приходится считаться и королю Фердинанду, и даже правительству.

Примите и пр.

Н е к л ю д о в.

№ 4. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

./. Письмо. 14/1 ноября 1911 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В доверительном письме моем от [30]17 октября с. г.[2] я извещал ваше превосходительство, что сербский посланник Спалайкович выехал в Белград за новыми инструкциями для ведения весьма секретных переговоров о союзе с Болгарией. Вернувшись около [5 ноября] 23 числа [октября], Спалайкович в тот же день посетил г. Гешова, а на другой день — меня. Болгарскому министру иностранных дел сербский посланник сообщил проект союзного договора, выработанный г. Миловановичем. В тот же вечер г. Гешов прочел мне этот проект, а на другое утро г. Спалайкович провел у меня два часа и не только познакомил меня с проектом, но продиктовал мне те его части, которые показались мне особенно важными. Прилагаю при сем записанный мной таким образом проект, причем первые четыре статьи записаны были мной в дословном русском переводе, а остальные вкратце, но с точным соблюдением смысла [3].

Телеграммой от [6 ноября] 24 мин. октября № 86 [4] я имел честь донести вашему превосходительству содержание этого проекта, а также и те замечания, которые я счел долгом немедленно же сделать г. Спалайковичу по поводу некоторых статей, особенно же 3-й и 4-й.

В самых определенных и энергичных выражениях я заявил сербскому посланнику, что императорское правительство никогда не одобрит 3-й статьи, предвидящей наступательные цели и действия сербо-болгарского союза; я повторил ему, что мы ото всего сердца желали бы видеть осуществление союза, но решительно предостерегаем обе стороны против всякого поползновения придать этому союзу характер наступательный. Для соединенных Сербии и Болгарии единственным casus belli должно являться нарушение status quo; если же этот status quo начнет рушиться сам собой, то для обеих стран, крепко сплоченных договором и военной конвенцией, будет всегда время сговориться с Россией, бдительно за событиями следящей, и решить совместно с нею цели, характер и подходящую минуту для общего и решительного выступления. Я также обратил внимание г. Спалайковича на совершенную неуместность упоминания в статье 4-й об Адриа-

---

[1] Так в оригинале.
[2] См. т. XVIII, № 757.
[3] См. приложение к публикуемому документу.
[4] См. т. XVIII, № 813.

нопольском вилайете; сербский посланник понял меня с полуслова. Вообще же мои замечания и опровержения встречены были им с полным вниманием, и в конце беседы г. Спалайкович обещал мне в точности передать их г. Миловановичу и содействовать изменению тех статей, которые трактуют о наступательных действиях и о разделе Македонии. При этом мой собеседник не скрыл от меня, что г. Гешов отнюдь не одобрил статьи 3-й и заявил ему о желании болгарского правительства ограничить союз целями оборонительными и охранительными. Я слышал это, впрочем, накануне сам из уст г. Гешова, который продолжает во всем этом деле относиться ко мне с полной откровенностью.

Три дня тому назад г. Спалайкович принес мне новую редакцию статей 3-й и 4-й, предлагаемую из Белграда. Редакция эта сообщена была вашему превосходительству по телеграфу гофмейстером Гартвигом [1]. В этом проекте вопрос о наступательных действиях представляется уже в совершенно другом виде, а именно, всяким переговорам между обеими сторонами о действиях наступательных должно предшествовать согласие России. Это в сущности уже сводится к тому, что я говорил Спалайковичу.

Статья 4-я в новой редакции оставляет совершенно в стороне область Адрианополя и сводит сербо-болгарское территориальное разногласие к одному клину Македонии, вершина коего лежит на северной части Охридского озера, а боковые линии — по течению речек Пчинье и Брегальницы (притоков Вардара). Считаю, однако, при этом необходимым заметить, что сербы все увеличивают свои требования; в прошлом году дело шло только об Ускюбе и Дибре, которых никак не хотели «уступать» сербам болгаре; теперь же, «получив» Ускюб и Дибру, сербы требуют Велеса, Прилепа и северной части Охридского озера. Как ни беспочвенны, на мой взгляд, подобные споры о будущем дележе, — ибо в конце концов события и соотношения сил решат дележ, а вовсе не хартия договора, — тем не менее на этих препирательствах могут запнуться весьма легко все переговоры о сербо-болгарском союзе. Скажу более, — раньше, чем будет так или иначе решен этот вопрос о разграничении, нельзя надеяться и на заключение союза. Я не знаю, в какой мере у нас найдена будет уместной мысль о верховном арбитраже в вопросе будущего разграничения Македонии, почему я и не делал на сей счет никаких замечаний ни г. Спалайковичу, ни г. Гешову.

Оформленное в союзном договоре разграничение сфер влияния в Македонии имеет далее и то важное значение, что оно придает всему договору, помимо всяких иных статей, характер, безусловно враждебный Турции. Ибо если бы договор с подобной в нем статьей дошел когда-нибудь до сведения турок, то их никоим образом нельзя было бы убедить, что раздел имеет в виду «экономические» или тому подобные интересы болгар и сербов. Раз договорились о разделе, значит намереваются при случае разделить. Это такой непреложный «труизм», о который должны разбиться всякие надежды на возможность искреннего и сколько-нибудь длительного соглашения между Портой и чающими разделить ее наследство балканскими государствами.

Считаю, кроме того, своим долгом обратить особое внимание вашего превосходительства еще на одно соображение, связанное с вопросом о «разделе сфер влияния» в Македонии. Поддерживая за последнее время Сербию в ее планах проникнуть к Адриатике южнее Далматинского побережья (раз нельзя еще думать об этом заветном береге), мы поддерживаем вполне естественно и стремление ее обеспечить себе подобный «Not-ausgang» достаточно широким Hinterland'ом, поэтому и действуем мы на болгар в смысле уступки сербам части С.-Стефанской Болгарии — Ускюба, Дибры и т. д. Но если этот Hinterland должен дойти до берегов Охридского озера, то у наблюдающих географическую карту полуострова вполне естественно может явиться мысль, что база подобной ширины предполагает выход на

[1] Гартвиг передал этот проект не тел., а деп. за № 64 от 7 ноября/25 окт. См. т. XVIII, № 829.

албанское прибрежье не только в Сан-Джиованни-ди-Медуа и окрестностях, но даже южнее Дураццо. А если бы в подобных планах стала подозревать сербов Италия, то тогда она сделала бы все возможное, чтобы предотвратить подобное поступление их, и из доброжелательницы славянских государств на Балканах сделалась бы решительным врагом их единения и расширения; с этим, по моему убеждению, необходимо в настоящую минуту особенно серьезно считаться.

Все рассуждения эти приводят меня к следующим конечным выводам, которыми я беру смелость утруждать внимание ваше:

1) Сербо-болгарский союз для России желателен, ибо в случае наступления на Балканском полуострове событий решительных и если мы сочтем невозможным воздержаться от вмешательства, — соединенные под нашим водительством сербо-болгарские силы представят для нас пособие немаловажное.

2) Чтобы быть искренним и представлять собой орудие действительное, сербо-болгарский союз должен быть основан на разграничении «сфер влияния» и включать серьезную военную конвенцию, хотя бы и строго оборонительную.

3) Эти два непременных условия союзного договора представляют, однако, собой и две главные его опасности. Разграничение Македонии, в случае если оно известно станет туркам, окончательно вооружит их против славян и России; военная конвенция, хотя бы оборонительная, не может быть понята Австрией иначе, как соединение сербо-болгарских сил против всяческого решительного выступления ее на Балканском полуострове; и чтобы сломить и снести подобную новую преграду, в Вене и Будапеште не побрезгуют никакими средствами, не остановятся ни перед какими усилиями; а это, в свою очередь, может вызвать на действия и Россию, несмотря на все ее нежелание и на все ее миролюбие.

4) Ввиду сих соображений самой подходящей формой союзного договора между Сербией и Болгарией была бы следующая: а) договор, состоящий из двух главных статей: об обоюдной обороне в случае нападения третьей державы и об охранении status quo на Балканах от чуждого покушения и б) тайные добавления к договору, из коих существенных два: военная конвенция и акт о полюбовном размежевании сфер влияния; что же касается наступательных действий, то либо могла бы быть принята последняя редакция Миловановича, либо обе стороны должны были бы успокоиться на том соображении, что оборонительный союз и военная конвенция могут весьма легко быть превращены в союз и конвенцию наступательные.

5) Договор должен безусловно оставаться в тайне, особенно от Австро-Венгрии; другим балканским государствам, — в крайнем случае и Порте,— могла бы быть сообщена лишь первая часть его.

6) Как ни кажется благоприятной нынешняя минута для заключения сербо-болгарского союза, могут, однако, ежечасно привступить обстоятельства, способные помешать всему делу. Кроме того, даже если союз заключен будет, весьма возможно, что при известном направлении событий он не устоит против искушения минуты. Мы не только призваны помочь его заключению; мы принуждены будем неустанно заботиться о его поддержании и направлении.

Примите и пр. Н е к л ю д о в.

Приложение.

Проект сербо-болгарского союзного договора.

I

Обе стороны обеспечивают друг другу независимость и целость территории и обязуются притти на помощь всеми своими силами в случае нападения на одну из них.

II

Обе державы обязуются всеми своими силами противодействовать попытке какой-либо великой державы присоединить или временно занять какую-либо часть балканской территории, принадлежащей ныне Турции, — разумеется, если одна из обеих сторон смотрит на подобный шаг великой державы, как на нарушение своих интересов и на casus belli.

III

В случае, если одна из сторон сочтет, что положение в Турции того требует и что общеевропейское положение то дозволяет, и если она обратится к другой с предложением начать действия для освобождения сербов и болгар из-под турецкого ига, — то сторона, к которой обратились, должна тотчас ответить на это приглашение и вступить по оному в немедленный обмен мыслей; если таким образом соглашение о действии будет достигнуто, то действие начнется; в противном случае апеллируется к мнению России, каковое обязательно для обеих сторон; если же Россия не захочет подать своего мнения и если соглашение не состоится, то в таком случае та сторона, которая предложила действия и начала их на свой страх и риск, имеет право рассчитывать на дружелюбный нейтралитет другой; и при этом другая сторона должна приступить немедленно к мобилизации в размерах, предвиденных военной конвенцией, и притти на помощь союзнице всеми своими силами, если бы за Турцию вступилась третья держава.

В случае, если бы одна из сторон вступила в войну с Турцией для того, чтобы прекратить анархию и резню на своих границах, где затронуты ее жизненные государственные и народные интересы, и когда для нее очевидным станет, что Турция сама не в силах положить конец анархии и резне, то другая сторона должна, по приглашению своей союзницы, объявить одновременно войну Турции.

IV

Все территориальные приобретения, которые сделают насчет Турции одна или обе стороны, суть приобретения общие, и к разделу таковых должно быть приступлено лишь по миновании войны; при этом все земли, лежащие на север от Шар-Планины, считаются бесспорной принадлежностью Сербии, равно как Адрианопольский вилайет должен считаться бесспорной принадлежностью Болгарии; вся же остальная территория делится между Болгарией и Сербией по арбитражу императора всероссийского.

V

Немедленно по подписании настоящего договора должна быть выработана и подписана до [13 февраля] 31 января 1912 года военная конвенция между обеими сторонами.

VI

Срок этого договора на 5 лет. Каждая из сторон должна за год до истечения срока договора заявить другой о своем желании возобновить таковой. В случае, если договор не будет возобновлен, то он прекращается сам собой по истечении срока; однако если бы в момент истечения срока происходили действия, предпринятые на основании этого договора, то срок действия его продолжается до окончательного завершения и территориальной ликвидации войны.

VII

Договор подписывается обоими государями и скрепляется обоими министрами иностранных дел.

VIII

Обе договаривающиеся стороны сообщают договор этот российскому императорскому правительству.

IX

По соглашению обеих договаривающихся сторон, договор этот может быть сообщен Греции и Черногории.

X

Обе стороны обеспечивают друг другу абсолютную тайну этого договора, за исключением, разумеется, России.

XI

Всякие разногласия по тексту и существу договора повергаются обеими сторонами на арбитражное решение русского правительства.

№ 5. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 179 [1]. 14/1 ноября 1911 г.
Секретно.

Получил телеграмму № 1747 [2].

Прежде всего по поводу необходимости соблюдать осторожность. Должен заметить, что, поскольку мне известно, обе стороны озабочены сохранением переговоров в строжайшей тайне. По крайней мере, Сербией приняты все меры в этом отношении. Так, здесь даже, кажется, не все министры посвящены в подробности дел; переписка, шифровка телеграмм и пр. ведется в Софии лично Спалайковичем, а в Белграде — Миловановичем и начальником отдела. Печать на основании слухов из Константинополя действительно толкует о балканской конференции; переговоры о сербо-болгарском соглашении остаются в тайне. В последнее время заговорили о сближении обоих государств с точки зрения экономической, чему послужил поводом официальный отъезд в Софию представителей сербских фирм для переговоров о торговом договоре, таможенном союзе и пр. Это явилось весьма кстати для отвода глаз. Далее, о тексте конвенции: представленная мною схема не есть точная копия с проекта [3]. После ухода от меня Миловановича я по памяти, в общих чертах, восстановил прочитанный им на сербском языке первый набросок соглашения. Я умышленно не просил у него копии, дабы не связывать императорское правительство, по мнению которого выработку формулы надлежало предоставить всецело почину договаривающихся. Приступив после долгих враждебных препирательств к дружеским переговорам, обе державы видимо убеждены, что идут навстречу настоятельным советам России касательно славянского сближения, а посему едва ли они полагали, что вырабатываемый ныне в Софии проект соглашения может послужить канвой для Балканской федерации. Таковая, казалось, должна вылиться в иную форму, если ваше превосходительство разделяете соображения, высказанные в депеше моей № 64 [4].

О намерениях и целях договаривающихся сторон, по всем имеющимся положительным данным, ни Сербия, ни Болгария не намерены направить соглашение специально к завоевательным целям. Из личных объяснений Гешова с Миловановичем выяснилось, что обе державы ставят своей задачей прежде всего охранение существующего положения и взаимо-обеспечение своего достояния от покушений извне; активное же выступление

[1] Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 4.
[2] См. т. XVIII, № 850.
[3] Имеется в виду тел. Гартвига от 4 ноября/22 окт. за № 172 (см. т. XVIII, № 801).
[4] См. т. XVIII, № 829.

допускается, и то лишь с согласия и одобрения России, только в случаях общего обострения дел на Балканах, возможность наступления коего непрестанно обсуждается всей европейской печатью. Смею думать, что и для нас представляется важным предварительный, с согласия России, уговор обеих держав на этот счет, дабы они, застигнутые событиями врасплох, как то было в 1908 году, не стали действовать друг другу в ущерб. Телеграмма вашего превосходительства была отправлена до получения моей депеши за № 64, в которой сообщалось о состоявшемся уже изменении 3-й статьи в смысле полного предоставления России определять случаи выступления. Сейчас замечаю, что в 3-й статье в самом начале мною пропущена важная оговорка: «если, помимо воли сторон, status quo на Балканах будет нарушено к их ущербу, если положение и т. д.», — что прямо указывает на их намерение до крайней возможности поддерживать status quo. Статья 4-я, находясь в тесной связи с предыдущей, распределяет захваты, вызванные против воли обеих сторон исключительными обстоятельствами, предусмотренными 3-й статьей. Основанием же для разграничения сфер служат культурные, экономические и национальные задачи. Вообще, обсуждая вопрос с местной точки зрения, почитаю долгом высказать убеждение, что если из настоящего проекта исключить статью о взаимной помощи при исключительных обстоятельствах, то само соглашение потеряет в глазах обеих держав всякую ценность, и они снова станут в неприязненное друг к другу положение, открывая широкое поле для подпольной агитации извне в ущерб интересам славянским, а следовательно и русским, на Балканском полуострове. Между тем, на этот раз и болгарское и сербское правительства, видимо, одушевлены сознанием необходимости для интересов славянских государств установления общности действий под наблюдением России. По сообщению Спалайковича, Гешов горит нетерпением приложить свою подпись к историческому акту первостепенной важности. Обоюдное стремление сторон не уклоняться от общих указаний миссий всецело подчинить свои действия контролю императорского правительства является гарантией, что соглашение не будет использовано ими как оружие против Турции, с которой они могут вообще сговориться на иных основаниях, если Балканская федерация имеет под собой хотя какую-либо реальную почву.

Гартвиг.

Принципиально Гартвиг прав. Этот вопрос меня очень интересует.

Ливадия, [22]9 ноября 1911 г.

№ 6. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 684 [1]. 14/1 ноября 1911 г.

Ссылаюсь на письмо [30]17 октября [2] и на отправленное вчера [3].

Имел вчера обстоятельную беседу с великим визирем о миссии в Крым [4], которая заканчивает приготовления к отплытию, и о Проливах. Осведомивши Саида-пашу доверительно согласно вашей телеграмме от [6 ноября] 24 октября [5] о наших заботах касательно благополучия Турции, я указал, что этими же намерениями вызвано мое письмо [12 октября] 29 сентября [6]. Его текст сообщен мной в Петербург, но там его нашли не вполне удовлетворительным: слишком мягким и недостаточно точным. Чем больше приступ к переговорам стал бы затягиваться, тем более требовательности надо будет ожидать с нашей стороны. Перейдя к железным дорогам, я на-

[1] Маш. копия.
[2] См. т. XVIII, № 760.
[3] См. т. XVIII, № 870.
[4] См. № 24.
[5] См. т. XVIII, № 811.
[6] См. т. XVIII, № 602.

помнил, что сношения о них начаты при Хильми-паше [1]. Останься он у власти, уговор 1900 г. был бы несомненно уже заменен новым. К сожалению, Хакки-паша, менее беспристрастный, стал действовать по-иному и попытался обойти названное соглашение. В результате Порта оказалась в унизительном и крайне стесненном положении, продолжающемся и ныне, вместо того, чтобы располагать полной свободой к западу от линии Самсун—Сивас—Диарбекир—Моссул и дружеским соглашением с нами к востоку от нее. Великий визирь ответил: «Nous ne suivrons pas l'exemple de Hakky-Pacha. Nous n'allons pas éluder l'accord de 1900. Au contraire nous établirons une entente également profitable aux deux pays» [2]. Затем я объяснил Саиду-паше то решающее значение, которое голос России будет иметь, когда дело дойдет до установления мира между Турцией и Италией, вследствие того, что Россия не состоит в союзе с Италией, подобно Германии и Австро-Венгрии, и в отличие от Франции и Англии не имеет прямых интересов в Средиземном море. «Этого мнения я не разделяю, — возразил мне великий визирь, — напротив Россия имеет интересы в Средиземном море и даже очень крупные». «Когда русские военные суда, — сказал я, — будут проходить из Черного моря в Средиземное, русские интересы там определятся, конечно, полнее, и Россия получит там возможность их осуществлять». «Для Турции, — продолжал я, — будет очень важно, в чью пользу подан голос России, а это будет, очевидно, зависеть от той холодности или теплоты отношений, которую Турция к тому времени проявит на деле в области предстоящих переговоров». «La Russie nous aidera sur le terrain du traité de Berlin?»[3]— спросил великий визирь. Я ответил, что русское правительство, всегда верное своей подписи, может без сомнения быть расположено содействовать, насколько ему возможно, охранению договорных прав Турции. Воспользовавшись замечанием великого визиря о Средиземном море, я изложил свою академическую мысль о соглашении касательно его восточной половины, аналогичном с недавними договорами о западной его половине [4] и о Северном и Балтийском морях [5]. Эта мысль чрезвычайно понравилась Саиду, который высказал, что она практически желательна, и заметил, что в таком случае Крит был бы закреплен за Турцией. В заключение я спросил великого визиря, когда можно будет начать наши официальные переговоры. Он ответил: по возвращении миссии из Крыма. Он надеется, что она произведет благоприятное впечатление. Мне кажется, что дело начинает налаживаться.

Чарыков.

№ 7. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁒ Телеграмма № 687. 14/1 ноября 1911 г.

Секретно.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 684 [6].

Довольно загадочные слова великого визиря о надеждах, возлагаемых на чрезвычайное посольство в Крым, не исключают возможности, что посольству этому будет дано султаном какое-либо поручение общеполитического характера, касающееся, может быть, условий мира с Италией или намеченных русско-турецких переговоров. В последнем случае и во исполнение высочайшей воли, указанной в телеграмме вашей № 1420 [7], осмели-

[1] Ср. № 20.

[2] «Мы не последуем примеру Хакки-паши. Мы не будем пытаться обходить договор 1900 г. Наоборот, мы установим согласие, одинаково выгодное для обеих стран».

[3] «Россия поможет нам на основе Берлинского трактата?».

[4] 16/3 мая 1907 г. состоялся обмен нот между Францией, Англией и Испанией о сохранении status quo на Средиземном море и в части Атлантического океана, омывающей берега Европы и Африки.

[5] 23/10 апр. 1908 г. были подписаны две декларации Россией, Германией, Данией и Швецией о сохранении status quo в Балтийском и Северном морях.

[6] См. № 6.

[7] См. т. XVIII, № 550.

ваюсь высказать предположение, что осуществление означенных предначертаний было бы чрезвычайно облегчено, если бы государю императору было благоугодно указать послу султана на желательность привести к быстрому окончанию переговоры, имеющие упрочить между Россией и Турцией дружественные добрососедские отношения.

Чарыков.

№ 8. Управляющий генеральным консульством в Канее временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 98. 14/1 ноября 1911 г.

Копия в Афины.

Ссылаюсь на № 95 [1].

Председатель народного собрания передал представителям держав-покровительниц меморандум, в коем сообщается, что собрание пришло на последних своих заседаниях к заключению, что продление настоящего неопределенного политического положения Крита является небезопасным и ставит страну в безвыходно тяжелые условия, вследствие чего, по мнению собрания, международное признание соединения Крита с Грецией является в настоящий критический момент срочно необходимым. Меморандум, написанный по-гречески, составлен в почтительных выражениях и повторяет доводы прежних подобных обращений к державам-покровительницам.

Пустошкин.

№ 9. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 1091 [2]. 14/1 ноября 1911 г.
Срочная.

Получил № 1773 [3].

Уже два дня я не имел непосредственных сношений с кабинетом, но мне известно из достоверного источника, что Самсам-эс-Солтане, всегда старавшийся вместе с министром иностранных дел итти навстречу нашим желаниям, вчера приказал Шустеру отозвать своих жандармов из дома и имений Шоа. Шустер ответил, что, получив приказание о конфискации имений принца за подписью всех членов кабинета, он не может удовлетвориться для отозвания жандармов единоличным приказом первого министра. Что же касается извинений, то у меня нет никаких указаний на то, чтобы персы склонялись к уступке в этом вопросе. Вчера же первый министр и министр иностранных дел подали в отставку, и сегодняшние частные совещания о сформировании нового кабинета не дали никакого результата. По моему мнению, вполне разделяемому Барклаем, как вероятная отставка регента, так и нынешний министерский кризис вызваны исключительно внутренними персидскими неурядицами и невозможностью пополнить кабинет из-за чинимых меджлисом препятствий. Весьма возможно однако, что все это будет приписано как здесь, так и за границей влиянию предъявленных нами требований. Ответ персидского правительства на наш ультиматум может последовать[4] лишь после образования нового министерства, с которым я сразу прерву сношения, если наши требования не будут исполнены

[1] Тел. от 7 ноября/25 окт. за № 95 ген. консул в Канее Шебунин сообщал Нератову о самороспуске критского народного собрания. Последнее решило, в случае затруднений, присвоить прав-ву право вновь созвать собрание, а также представить державам-покровительницам новую записку о необходимости соединения Крита с Грецией.

[2] Опубл. Ор. кн., стр. 228, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[3] См. № 1.

[4] См. т. XVIII, № 866.

вслед за вступлением его в должность. При этом прошу указаний вашего превосходительства относительно характера предстоящего, повидимому, перерыва сношений миссии с шахским правительством, а именно должны ли последняя и генеральное консульство продолжать неофициальные сношения с второстепенными чинами министерства иностранных дел по текущим делам и принимать участие в судебных заседаниях, касающихся русско-подданных. В заключение позволяю себе доложить, что для должного на персов впечатления и полной уверенности в успехе предпринимаемой нами военной демонстрации, я считал бы рискованным отправление в Тегеран отряда численностью менее 2 000 человек. Вследствие же необходимости поддержания коммуникационной линии и оставления резерва в Казвине, всех войск потребуется до 4 000 человек.

Поклевский.

№ 10. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 1782. 15/2 ноября 1911 г.

Неполучение от вас никаких сведений о положении вопроса об удовлетворении, потребованном нами от персов [1], ставит министерство в крайне неудобное положение в отношении печати и общественного мнения, ожидающих с нетерпением результата нашего шага. Если до завтрашнего дня мы не получим от вас ответа, то будем считать вопрос поконченным в смысле явного уклонения персов от удовлетворения и сделаем распоряжение об отправлении отряда в Казвин. Выход в отставку министра-президента и министра иностранных дел [2], подтвержденный агентской телеграммой, не может быть сочтен нами иначе, как отказом подчиниться нашему требованию.

Нератов.

№ 11. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 171. 15/2 ноября 1911 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1714 [3] и на письмо № 707 [4].

Жорж Луи, временно заведующий политическими делами, все еще не имеет никаких указаний на возможный объект предполагаемого Италией решительного действия. Здесь также считают весьма затруднительным какое-либо выступление в Риме; однако французскому представителю предписано, если к тому представится удобный случай, обратить внимание итальянского правительства на опасность военных действий против Джедды на Красном море, ибо это могло бы вызвать повсеместный взрыв мусульманского фанатизма. Что касается турецкого протеста против итальянских жестокостей, то французское правительство не намерено ничего предпринимать по этому поводу [5].

Извольский.

№ 12. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 15/2 ноября 1911 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Неожиданное прибытие кронпринца в Берлин из Данцига, где он в настоящее время командует полком, с специальной целью присутствовать

---

[1] См. № 1.
[2] См. № 9.
[3] См. т. XVIII, № 821.
[4] См. т. XVIII, прим. к № 858.
[5] Публикуемая тел. была передана Нератовым в Рим 17/4 ноября за № 1800.

на обсуждении в рейхстаге соглашения с Францией относительно Марокко [1] и в особенности демонстративное проявление им, во время прений по означенному вопросу, сочувствия резким выступлениям говоривших в палате против мароккской политики правительства и против Англии ораторов обратило на себя внимание всех классов общества и вызвало в стране некоторое волнение.

Печать всех политических оттенков, за исключением пан-германских органов, резко осудила поведение наследника престола, видя в нем, с одной стороны, вмешательство неответственных членов императорской семьи в государственное управление, с другой стороны, опасаясь того впечатления, которое означенное выступление кронпринца могло произвести за границей, где оно, по мнению германской печати, может быть истолковано, как проявление воинственных замыслов германского народа с наследником престола во главе. Более сочувственно отнеслись к выходке кронпринца средние классы населения, в среде которых неудовольствие политикой правительства за последнее время достигло значительных размеров. Уступчивость, будто бы проявленная руководителями внешней политики Германии во время переговоров с Францией, и недостаточно энергичный отпор, данный ими вмешательству в этот вопрос Англии, вызвали в стране некоторое возбуждение не только против личности канцлера и г. фон Кидерлен-Вехтера, но и против самого императора Вильгельма. Все чаще и громче стали раздаваться сетования на бесцельность тяжелого бремени налогов, налагаемых на население для содержания и увеличения военной силы в Германии, если правительство не решается использовать ее в свою пользу при разрешении международных вопросов.

Поступок кронпринца, истолкованный в Германии как выражение солидарности с вышеозначенным настроением страны, встретил сочувствие населения, выразившееся шумной овацией, сделанной ему вечером того же дня при посещении цирка.

На г. фон Бетман-Гольвега поступок кронпринца должен был несомненно произвести весьма неблагоприятное впечатление, и, приглашенный в тот же день императором к обеду, он имел случай высказать его величеству свой взгляд на поведение наследника престола. О том, как отнесся ко всему вышеизложенному император Вильгельм, точно неизвестно; известно только, что кронпринц на следующие два заседания рейхстага, посвященные мароккскому вопросу, не явился и вскоре уехал обратно в Данциг.

Великобританский посол, запрошенный по сему поводу по приказанию короля Георга, ответил в примирительном тоне, объяснив поступок кронпринца его молодостью и влиянием окружающих его молодых военных элементов.

Нет сомнения, что всему этому инциденту было придано как в самой Германии, так и за границей слишком большое значение; он заслуживает внимания исключительно как показатель того нервного возбуждения, которое охватило, под влиянием политических событий, общественное мнение всех европейских государств.

Примите и пр. Гр. Остен-Сакен.

№ 13. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 767 [2]. 15/2 ноября 1911 г.

Повидимому, само пекинское правительство не рассчитывает вернуть под свою власть отторгнувшиеся южные провинции, и Юань Ши-кай не идет далее надежды достигнуть с ними компромисса, пока представляющегося проблематичным. Между тем сила вещей может заставить иностранные дер-

[1] Имеется в виду франко-герм. соглашение от 4 ноября/22 окт., которым закончился, так называемый, «Агадирский кризис».

[2] Опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 74.

жавы, прежде всего в обеспечение финансовых интересов, именно платежей по займам, пойти далее деловых сношений с южными автономными властями и формально признать эти последние. В предвидении подобной случайности считал бы необходимым заблаговременно установить нашу точку зрения. Со своей стороны, исходя из того основного факта, что в Южном Китае у нас нет территориальных и прямых политических интересов, а лишь финансовые и отчасти торговые в долине Янцзы, признавал бы необходимым сделать все зависящее, чтобы установить с самого начала возможно дружеские отношения с южными властями. В данном случае было бы необходимым учесть неизбежный антагонизм, который обнаружится между Северным и Южным Китаем, как только он станет независимым, причем в силу географических условий наши трения с китайцами будут почти исключительно сосредоточиваться на севере, и следовательно[1] тот факт, что южане будут являться естественными нашими союзниками. С другой стороны, считал бы крупной ошибкой давать распространительное толкование нашим соглашениям с Японией, захватывающим лишь Манчжурию и отчасти Монголию, и руководствоваться в отношении Южного Китая точкой зрения токийского правительства, имевшего там свои особые интересы. По изложенным соображениям считал бы необходимым при первой к тому возможности и надобности признать южные власти, установить с ними правильные сношения и всячески использовать обстоятельства, чтобы сделать эти отношения возможно близкими. В частности при таких условиях присутствие нашего консульского представителя в Кантоне представлялось бы весьма желательным. В отношении событий, происходящих на севере, получается такое впечатление, что манчжурская династия удерживается пока в Пекине в силу опасений революционеров вызвать резню как в столице, так и в Тяньцзине, а главное страхом перед занятием Японией Чжилийской провинции. Мне стало известно, что последнего особенно опасается Юань Ши-кай. Из других источников подтверждается слух, что Юань Ши-кай будет искать помощи иностранных держав и будто бы имеет в виду предложить нам признание нашего положения в Манчжурии. В заключение считаю долгом отметить сегодняшний указ о назначении Силяна военным губернатором Жэхэ, являющееся как бы косвенным подтверждением возможности переезда двора в этот город[2].

Коростовец.

№ 14. Выписка из донесения генерального консула в Мукдене статского советника Колоколова от [15] 2 ноября 1911 г., № 1142[3].

Революционный переворот, который охватил весь Китай, коснулся и Манчжурии. Прежде всего здесь было образовано «Народное общество охранения общественной безопасности». Хотя часть войск склонялась к более радикальным решениям, но видя, что большинство остается верным трону, — крайние элементы пошли на уступки. [12 ноября] 30 октября состоялось собрание по вопросу об организации вышесказанного общества.

---

[1] Так в оригинале.

[2] В докладной записке от 18/5 ноября (опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 75), при которой Нератов, препровождая Николаю II копию публикуемой тел., а также проект ответа Коростовцу (см. № 60), указывал, что при составлении ответа он руководствовался следующими соображениями: «С точки зрения наших интересов распадение нынешней Китайской империи являлось бы во многих отношениях желательным. Между различными частями Китая, хотя бы они и не встали друг к другу во вполне независимые отношения, будет несомненно существовать соперничество, ослабляющее их. Обстоятельство это мы можем использовать, чтобы завершить дело заселения и укрепления наших окраин, на которых мы будем пользоваться значительно большей, чем теперь, свободой действий, так как внимание китайцев, ныне сосредоточенное на мысли спаять с Внутренним Китаем лежащие к северу от Великой стены области, будет тогда отвлечено в сторону внутренних вопросов, вызываемых взаимным недоверием и соперничеством между провинциальными правительствами». На этой записке имеется помета Николая II: «Да. Ливадия, [22]9 ноября 1911 г.».

[3] Царск. экз. Заголовок оригинала.

На этом собрании должны были быть согласованы вожделения крайних революционеров и умеренной чиновной партии. Накануне этого заседания происходили переговоры между китайским публицистом Лян Ци-чао, известным революционным деятелем, и генерал-губернатором, результатом чего явилось соглашение действовать совместно ради охранения в Мукдене и вообще в Манчжурии полного спокойствия и, главным образом, безопасности иностранцев. Было решено образовать исполнительную палату, что, однако, не удовлетворило часть военных. Последнее обстоятельство угрожало образованием местного раскола и могло послужить началом беспорядков. В городе поднялась сильная тревога, и многие жители стали покидать его. Эта тревога не уменьшилась и по окончании собрания, на котором генерал-губернатор был избран в председатели «Народного общества охранения общественной безопасности». Он произнес речь, в которой попытался иносказательно отозваться с неодобрением о деятельности революционеров, но был прерван одним из присутствовавших. Чжао Эрр-сюнь, чтобы сгладить эту неловкость, поспешил закрыть собрание.

По сообщению статского советника Колоколова, в городе приняты меры для предупреждения беспорядков. До сих пор функционируют все присутственные места. Торговля и движение не прекращались. Революционеры принимают участие в управлении, контролируя деятельность старых провинциальных властей, а главное руководство управлением осуществляет «Народное общество охранения общественной безопасности» [1].

№ 15. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 1796 [2]. 16/3 ноября 1911 г.

Телеграмма за № 1091 [3] получена лишь [15] 2 ноября в пятом часу дня.

Как я уже высказал в своей телеграмме за № 1782 [4], выход в отставку первого министра и министра иностранных дел может рассматриваться нами только как уклонение персов от исполнения наших требований. Ожидать сформирования нового кабинета считаем излишним. Поэтому сегодня наместнику сообщено, что мы признаем необходимым немедленно двинуть отряд в Казвин и озаботиться доведением его численности до 4 000 человек, не задерживая, однако, ради этого движения уже подготовленных частей. О выступлении первой части отряда из Баку наместник имеет известить вас и Некрасова [5].

Что касается характера перерыва сношений, то, по нашему мнению, должны быть прекращены сношения только между вами и кабинетом; консулы же и чины миссии могут продолжать сноситься с местными вла-

---

[1] В рапорте от 15/2 ноября за № 290 пом. воен. агента в Китае Блонский сообщал воен. агенту следующее о положении в Мукдене: «Беспокойство, вызванное в Мукдене тревожной телеграммой из Пекина об опасном положении императора и о близком падении Пекина, улеглось, чему в значительной степени способствовало учреждение общества «Охранение спокойствия». «Митинг [12 ноября] 30 числа [октября] был шумный; в город было введено сравнительно много войск — почти вся смешанная бригада. На митинге присутствовали два видных революционера, один из них — Лян Ци-чао, прибывший из Японии и остановившийся на это время в квартире начальника штаба войск Манчжурии Дзян-Боли. Консервативной части удалось взять верх, и объявление независимости Мукдена было отставлено. После этого Лян Ци-чао выехал в Шанхай».

[2] Опубл. Ор. кн., стр. 229, со стилистическими изменениями.

[3] См. № 9.

[4] См. № 10.

[5] Тел. от 16/3 ноября без номера Коковцов предписывал наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову следующее: «Численность отряда должна быть доведена до 4 000 человек, с тем, чтобы из них 2 000 могли быть отправлены в Тегеран и столько же оставлены в Казвине в виде резерва и для обеспечения сообщения. Необходимо, однако, ввиду желательности произвести ныне же впечатление на персов, немедленно отправить все готовые к отъезду части с артиллерией в Казвин; остальные войска могут подойти вслед за теми в ближайшем времени и хотя бы постепенно».

стями по текущим делам. Детальное разрешение этого вопроса предоставляется вашему усмотрению сообразно с местными условиями.

Благоволите снабдить консулов соответствующими указаниями [1].

Нератов.

№ 16. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1798 [2]. 16/3 ноября 1911 г.

Благоволите довести до сведения лондонского кабинета нижеследующее:

Как ему хорошо известно, за последнее время отношения к нам персидского правительства носили далеко не дружелюбный характер, причем ответственность за это падала главным образом на финансового советника Шустера-Моргана, который с момента своего появления в Тегеране стал систематически игнорировать интересы России. Вследствие сильной поддержки, которой этот иностранец заручился в меджлисе и среди персидских националистов, тегеранский кабинет был в значительной мере бессилен против него. Недавно в Тегеране возник инцидент по поводу намерения персидского правительства конфисковать имущество сторонников бывшего шаха Мохамед-Али, в том числе принца Шоа-эс-Солтане, с имуществом коего были связаны русские интересы [3]. Шустер, которому было поручено выполнение этой меры, повел и это дело в явно вызывающей по отношению к нам форме. Подчиненные ему и действовавшие по его указаниям жандармы не только позволили себе насильно завладеть недвижимостями принца до окончания переговоров между представителем Шустера и нашим генеральным консулом и изгнать из дома Шоа-эс-Солтане казаков персидской казачьей бригады, которым вверена была охрана дома, но даже целились в чиновников генерального консульства с видимым намерением стрелять в них. Со своей стороны, персидское правительство, в нарушение всех традиций, позволило себе двумя последовательными нотами [4] требовать отозвания русского генерального консула и подведомственного ему чиновника.

Признавая такие действия недопустимыми с точки зрения достоинства и интересов России, мы предложили посланнику в Тегеране вернуть персидскому правительству упомянутые две ноты [5] и потребовать словесно: 1) замены жандармов по охране дома и имений Шоа-эс-Солтане казаками бригады впредь до надлежащего обеспечения связанных с этим имуществом русских частных интересов; 2) принесения шахским министром иностранных дел извинения за образ действий персидской жандармерии в этом деле.

Вопреки нашему ожиданию это крайне умеренное требование наше было отвергнуто персидским правительством [6], почему действительному статскому советнику Поклевскому-Козелл было предписано повторить таковое письменно, дав понять персам, что мы ожидаем незамедлительного исполнения этих требований и что, в противном случае, посланник прекратит сношения с правительством, и мы предоставим себе принять меры по своему усмотрению [7].

Ввиду неполучения от персидского правительства до сего времени никакого ответа, посланнику предложено прекратить сношения с кабинетом [8],

---

[1] В тот же день тел. за № 1797 Нератов сообщил консулам в Реште, Казвине, Астрабаде, Тавризе и Керманшахе краткое содержание публикуемой тел. и уведомил их, что дальнейшие указания они получат от Поклевского.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 209, № 489.

[3] См. т. XVIII, №№ 603 и 616.

[4] См. т. XVIII, №№ 617 и 745.

[5] См. т. XVIII, №№ 636, 764 и 784.

[6] См. т. XVIII, № 815.

[7] См. т. XVIII, №№ 835 и 866.

[8] См. № 1.

и вместе с тем императорское правительство, признавая свои интересы серьезно нарушенными и считая необходимым произвести давление на персидское правительство, распорядилось ныне же двинуть на г. Казвин отряд войск, разных родов оружия, с предоставлением посланнику права вызвать, в случае надобности, необходимые силы в Тегеран для удаления персидских жандармов из дома и имений Шоа-эс-Солтане [1].

Принимаемые нами меры, вызванные вышеуказанными обстоятельствами, носят, конечно, совершенно временный характер, и как только означенный инцидент будет исчерпан и необходимые гарантии насчет дальнейшего корректного по отношению к нам образа действий персидского правительства получены, наш отряд будет вновь возвращен в Россию.

Из телеграфного отчета об ответе, данном в парламенте сэром Э. Греем на запрос по упомянутому выше делу [2], мы с удовольствием осведомились о высказанной им оценке положения.

Со своей стороны, мы считаем, что принимаемые нами меры ни в чем не противоречат основам нашего соглашения с Англией относительно Персии, и мы остаемся при твердом намерении придерживаться попрежнему полной солидарности и взаимодействия с великобританским правительством в персидских делах.

Нератов.

№ 17. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо № 1181. 16/3 ноября 1911 г.

Секретно.

М. г. Александр Петрович,

Я имел честь получить копию вашего письма к французскому министру иностранных дел от 4 ноября нов. ст. [3]. По содержанию этого документа я могу отметить лишь следующее: перечисляя области Северного Китая, в которых императорское правительство желает сохранения военного и административного status quo, письмо упоминает только о Манчжурии и Китайском Туркестане. Монголия остается неупомянутой. Весьма возможно, что это обстоятельство вызвано канцелярским недосмотром, допущенным или в первом департаменте министерства или в канцелярии вверенного вашему превосходительству посольства. Во всяком случае я считаю долгом обратить на это внимание ваше, так как, с своей стороны думаю, что Монголия является едва ли не той областью Китая, для которой мы наиболее заинтересованы сохранить ее настоящий строй, дающий нам возможность считать обеспеченной эту часть нашей границы [4].

Внимательно вдумываясь в ход ваших переговоров с г. де Сельвом по настоящему предмету, я не могу не предвидеть возможности нежелания французского правительства выдать нам по вопросу о признании Северного Китая сферой наших преимущественных интересов желательные нам обязательства в секретной форме. Я опасаюсь, что недавний инцидент с секретным франко-испанским соглашением по марокским делам [5] сделает министров республики особенно осторожными и несговорчивыми в этом отношении.

---

[1] См. №№ 10 и 15.

[2] На запрос Понсонби 14/1 ноября о том, не считает ли англ. прав-во русский ультиматум Персии прямым нарушением англо-русского соглашения 1907 г., Грей ответил, что не следует понимать англо-русское соглашение в том смысле, что оно лишает англ. и росс. прав-ва права защищать интересы своих подданных.

[3] См. т. XVIII, приложение к № 838.

[4] В экземпляре, представленном Николаю II, часть письма от слов: «По содержанию...» до слов: «нашей границы» опущена и заменена словами: «касательно получения от французского правительства некоторых обязательств по отношению Северного Китая».

[5] Повидимому, имеется в виду факт опубликования в газете «Matin» 8 ноября/26 окт. секретного франко-испанского соглашения от 3 окт./20 сент. 1904 года.

Между тем в формулировке наших пожеланий, заключающейся в вашем письме г. де Сельву, и согласно с моим письмом к вашему превосходительству от [5 октября] 22 сентября с. г. № 990 [1], заключаются некоторые пункты, опубликование которых неудобно, может быть, не столько для нас, сколько для французов. Я говорю об обязательстве Франции не поддерживать попыток создать международные интересы в лежащих к северу от Великой стены областях Китайской империи, о возможном отказе Франции от внеземельных прав своих граждан в полосе отчуждения Китайской-восточной жел. дор. и о согласии французского правительства на те меры, которые мы можем принять для укрепления нашего положения в Северном Китае.

Я допускаю, что это затруднение можно было бы обойти путем упоминания министром иностранных дел лишь в общих чертах с парламентской трибуны о том направлении, которого французское правительство будет держаться в своей политике в Северном Китае, причем самое соглашение, будет ли оно оформлено обменом писем между вами и г. де Сельвом или каким-либо иным способом, осталось бы неопубликованным и даже о самом его существовании могло бы быть не упомянуто.

На всякий случай, однако, если бы пришлось искать для французских обязательств такой формулировки, которая допускала бы предание ее гласности, имею честь приложить проект новой формулы [2], где сказанные обязательства изложены в выражениях более общих, при которых интересы Китая и третьих держав, казалось бы, не затрагиваются настолько, чтобы Франция не могла открыто говорить о своей солидарности с Россией в этом деле.

Ваше превосходительство ближе можете судить, которая из двух предлагаемых мной формул — прежняя или нынешняя и с какими возможными изменениями — будет лучше отвечать цели примирить наши интересы с желаниями нашей союзницы. Считаю лишь долгом заметить, что с точки зрения наших непосредственных выгод, прежняя более конкретная формула является несомненно предпочтительной.

Наилучшим решением вопроса с точки зрения сохранения в тайне существа нашего проектируемого соглашения с Францией было бы, быть может, чтобы наряду с опубликованным соглашением, составленным в общих и никого не компрометирующих выражениях, существовал обмен секретных писем, дополняющих и истолковывающих это соглашение.

В заключение считаю долгом предупредить ваше превосходительство, что, как уже и сделано вами по отношению вашего письма к французскому министру иностранных дел от 4 ноября, необходимо, чтобы г. де Сельв имел в виду, что и его ответ вам, хотя бы составленный по соглашению с вами, будет иметь предварительный характер и может быть принят вами лишь ad referendum в ожидании его рассмотрения императорским правительством.

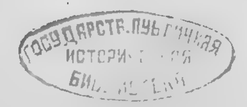
Примите и пр. [Нератов.]

Приложение.

Ayant en vue les intérêts spéciaux russes résultant de la gravitation géographique réciproque des régions de la Chine limitrophes de la Russie et des possessions russes en Asie, et reconnaissant le bien fondé du désir du gouvernement russe de ne pas laisser troubler le status quo dans les dites régions, le gouvernement français ne prêtera aucun concours aux entreprises de nature à porter atteinte aux intérêts sus-indiqués.

Reconnaissant le caractère spécial du chemin de fer de l'Est Chinois, le gouvernement français ne contestera pas à la Société dudit chemin de fer le droit de soumettre les sujets et protégés des autres Puissances résidant sur son territoire, au régime, aux taxes et aux règlements qui y seront établis pour les sujets russes.

[1] См. т. XVIII, № 533.
[2] См. приложение к публикуемому документу.


ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧ. БИБЛИОТЕКА

Перевод.

Принимая во внимание специальные русские интересы, вытекающие из взаимного географического тяготения китайских областей, пограничных с Россией, и русских владений в Азии, и признавая основательность желания российского правительства не допускать нарушения status quo в указанных областях, французское правительство не будет оказывать никакого содействия предприятиям, способным нанести ущерб вышеупомянутым интересам.

Признавая особый характер за Китайской восточной железной дорогой, французское правительство не будет оспаривать права общества указанной железной дороги подчинять подданных и протеже других держав, проживающих на его территории, режиму, налогам и порядкам, которые там будут установлены для русских подданных.

№ 18. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Берлине Остен-Сакену.

·/. Письмо № 730. 16/3 ноября 1911 г.
Секретно.

М. г. Николай Дмитриевич,

Секретной телеграммой от [8 ноября] 26 октября за № 91[1] и весьма доверительным письмом от [10 ноября] 28 октября [2], в ответ на мое частное письмо [3], вашему сиятельству угодно было поделиться со мной теми соображениями и опасениями, в силу коих, по вашему мнению, всякий обмен мыслей с германским кабинетом по вопросам, специально нас интересующим, как например, о Проливах, представляется небезопасным.

Принося вам искреннюю благодарность за сообщение почерпнутых вами на месте впечатлений, с которыми, очевидно, придется считаться при переговорах, я тем не менее не могу не взглянуть на вопрос и с другой точки зрения.

Если кризис 1908 г. и имел последствием некоторую натянутость отношений, то с тех пор произошли такие события, как свидание монархов в Потсдаме [4], посещение С.-Петербурга кронпринцем [5] и подписание с Германией соглашения по персидским делам [6], — что дает основание предполагать, что отношение Германии к нашим интересам не будет во всем a priori отрицательным.

Затем в переписке императорского министерства имеются указания на неоднократные заявления германского правительства и императора Вильгельма как государю императору, так и императорскому правительству о том, что со стороны Германии Россия не встретит затруднений к мирному разрешению вопроса о Проливах. Подобное заявление было сделано и после босно-герцеговинского кризиса, и общая мысль об этом допускается и в германской печати.

Наконец, по недавнем возвращении своем из отпуска, германский посол, без особого с моей стороны вызова, в течение разговора заверил меня, что, признав еще со времен Бисмарка принцип преимущественных интересов России в Проливах, Германия не сделает никаких затруднений к разрешению вопроса о Проливах согласно нашим желаниям, при условии причастности ее к переговорам по этому поводу.

Все это вполне отвечает тому отношению Германии к вопросу о Проливах, на которое мы считаем себя вправе рассчитывать и которое в настоящем фазисе вопроса, когда еще нет собственно переговоров, а лишь выясняются условия их ведения, вполне достаточно.

В силу всего вышеизложенного ваше сиятельство, может быть, изыщете подходящий случай, чтобы передать германскому правительству в разговорной форме, что, замечая со стороны Порты некоторую готовность объ-

---

[1] См. т. XVIII, № 840.
[2] См. т. XVIII, № 854.
[3] См. т. XVIII, № 780.
[4] В ноябре 1910 г.
[5] В мае 1911 г.
[6] 19/6 авг. 1911 г.

ясниться с нами по вопросам взаимных интересов, мы, может быть, воспользуемся обстоятельством для выяснения себе положения вопроса о Проливах и рассчитываем, что Германия, в силу неоднократных своих заверений, отнесется благожелательно к переговорам нашим с Портой по этому предмету.

В заключение считаю долгом отметить еще одно весьма деликатное соображение.

Как на одну из причин нынешнего недоброжелательства Германии к России вами указывается на тесное единение наше с Францией и Англией, к коим Германия расположена ныне недружественно.

Казалось бы в интересах самой Германии, в целях ослабить это нежелательное для нее тяготение России к названной группе держав, проявить благорасположение к нам в вопросе, ее интересы прямо не затрагивающем.

Примите и пр.

[Нератов.]

P. S. Изложенное в последних словах соображение, конечно, не должно означать, что ценой согласия Германии в деле Проливов будет установлена какая-либо новая ориентировка у нас в общеполитическом смысле [1].

А. Н[ератов.]

№ 19. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Вене Н. Гирсу.

⁄. Письмо № 731. 16/3 ноября 1911 г.

Секретно.

М. г. Николай Николаевич,

Проявляемая с некоторого времени Портой готовность совместно с нами обсудить взаимно интересующие нас вопросы, во главе коих, как это всем известно, стоит вопрос о Проливах, даст нам, может быть, повод ближе затронуть этот вопрос в Константинополе.

Весьма вероятно, что такой факт не уклонится от наблюдений остальных держав, почему я и счел своевременным поставить в известность о возможности таких переговоров германское правительство.

Копию соответственного письма моего к графу Остен-Сакену [2] имею честь при сем приложить для *личного* вашего сведения, и я был бы весьма признателен вашему превосходительству за сообщение мне впечатлений ваших о настроении венских правящих кругов по этому, ныне столь оживленно обсуждаемому печатью, вопросу о домогательствах России относительно Проливов.

В частности, желательно было бы проверить, насколько недавняя статья газеты «Reichspost», ставшая в открыто враждебное к России положение, является верным отражением действительно господствующих в австро-венгерском министерстве иностранных дел мнений и настроений.

При этом благоволите иметь в виду, что мы всегда считали, на основании неоднократных заявлений, что венский кабинет признает существование в вопросе о Проливах специальных интересов России.

Примите и пр.

[Нератов.]

№ 20. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Письмо 16/3 ноября 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Хильми-паша, бывший великим визирем в 1909 г. и являющийся соперником нынешнего великого визиря Саида-паши и наиболее вероятным

[1] В черновом отпуске против слов: «P. S. Изложенное... смысле» имеется помета: «приписка А. А. Нератова».

[2] См. № 18.

его преемником, воспользовался недавно удобным случаем, чтобы возобновить мне уверения в своем неизменном сочувствии идее русско-турецкого сближения.

Идея эта окрепла в нем, как известно, благодаря его прошлогоднему путешествию по России.

Благосклонный прием, которого Хильми-паша удостоился тогда в Петергофе [1], и мысли, высказанные по этому случаю, сохранились неизгладимо в его памяти, и когда Хильми-паша вернется к власти, он намерен приступить к их осуществлению.

Хильми-паше было, по его словам, действительно предложено стать во главе посольства, отправляемого ныне к государю императору.

«Но, — сказал Хильми-паша, — я не хотел ехать в Ливадию с пустыми руками, а определенных инструкций мне не хотели дать, поэтому я решил отказаться».

Говоря о сближении с Россией, как о проекте вполне осуществимом, Хильми-паша делает, однако, оговорку относительно Проливов и выражает надежду, что этот вопрос не будет поставлен теперь нами на очередь. Иначе показалось бы, что Россия сама вступает на путь использования несчастного для Турции столкновения с Италией для добывания себе компенсаций.

Из вышеприведенных слов Хильми-паши можно заключить, что он не осведомлен о теперешнем положении наших переговоров с Саидом-пашой, который, не высказываясь, правда, ни передо мной, ни перед французским послом по существу вопроса о Проливах, не выражал, однако, ни мне, ни г. Бомпар принципиального протеста по этому предмету.

Зная о соперничестве между Саидом-пашой и Хильми-пашой, я не без умысла упомянул о благоприятном отношении последнего к малоазиатскому железнодорожному вопросу в том разговоре с великим визирем, о коем я пространно телеграфировал вашему превосходительству [14] 1 ноября с. г. за № 684 [2].

Может быть, это обстоятельство способствовало столь категорическому заявлению со стороны великого визиря о том, что его кабинет не будет подражать ошибке его предшественника, не станет пытаться обходить договора 1900 года и, напротив, установит с русским правительством обоюдновыгодное соглашение.

Заявление это тем более важно, что оно совершенно противоречит существовавшим до сих пор намерениям турецкого министерства общественных работ, которое под главенством известного Хулусси-бея продолжает держаться враждебных нам и безусловно преданных Германии традиций.

Такому стремлению названного министерства пришлось, однако, испытать на-днях новую неудачу.

Я уже имел случай упомянуть о безуспешности хлопот германского агента г. Гельфериха относительно концессии Ангора—Кайсарие — Эрегли (см. мое доверительное письмо от 6 ноября/24 октября 1911 г. [3]). На-днях проект концессии германскому обществу Анатолийской дороги на линии Ада-Базар — Болу (см. мою депешу от 9 июня/27 мая с. г. за № 60 [4]) встретил в сенате решительный отпор.

---

[1] Хильми-паша был в России в начале 1910 г. По поводу его поездки Чарыков в деп. от 28/15 апр. 1910 г. за № 58 писал следующее: «Среди правительства прием Хильми-паши в С.-Петербурге оценен по достоинству, и министр иностранных дел воспользовался первым удобным случаем для того, чтобы высказать мне, как рады здесь ласке и вниманию, оказанным Хильми-паше».

[2] См. № 6.

[3] Часть письма от 6 ноября/24 окт., посвященная вопросу об указанной концессии, полностью изложена в публикуемом документе.

[4] В деп. от 9 июня/27 мая за № 60 Чарыков между прочим сообщал о том, что вел. визирь Хакки-паша провел через палату депутатов концессию в пользу герм. об-ва Анатолийской дороги на ветвь от Ада-Базара до Болу «с продолжением еще на 60 *км* до каменноугольных залежей, исследованных одним германским инженером. Законопроект этот натолкнулся на сопротивление сената, враждебного Хакки-паше и его радикальной внутренней политике, и сенат отложил рассмотрение концессии Ада-Базар—Болу до осени».

Действительно, условия этой концессии, принятой наскоро палатой депутатов в последние часы весенней сессии этого года, оказываются уже чересчур убыточными для турецкого правительства и даже превосходящими те жертвы, которые возлагались на Турцию в пользу Германии при султане Абдул-Гамиде.

Так километрическая гарантия в 15 000 фр. в год должна была выплачиваться обществу за год вперед, а общество лишь в конце года имело возвращать казне разность между означенной суммой и километрическим доходом линии, определяемым самим обществом.

Это условие было скрыто весной от палаты депутатов, и потому можно думать, что, в случае нового рассмотрения дела, проект концессии не будет принят в таком виде и нижней палатой турецкого парламента.

Впрочем, в ней были раскрыты на-днях же крупные злоупотребления германского общества Анатолийской железной дороги по перевозке хлебных грузов в ущерб насущным интересам местных турецких земледельцев.

Старания министра Хулусси-бея обелить германское общество не имели успеха, и жалобы соответствующих депутатов были приняты к парламентскому расследованию.

Наконец, теперешний министр финансов Наиль-бей прямо обратился к французскому представителю г. Ламорне с просьбой ускорить дело урегулирования Скутарийского озера и вместе с тем заявил, по поводу хлопот г. Гельфериха, что Порта не заключит никаких железнодорожных соглашений с германскими предпринимателями прежде, чем она не сговорится с французскими.

Приведенные выше факты свидетельствуют о постепенном повороте в настроении турецких правящих сфер по отношению к главнейшим интересующим нас вопросам, что и побуждает меня в настоящее время склоняться к мысли, что наше дело, как будто, начинает налаживаться.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

№ 21. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 16/3 ноября 1911 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Разговор французского посла с великим визирем, упомянутый в моем письме от [13 ноября] 31 октября с. г. [1], происходил [9 ноября] 27 числа того же месяца и касался, главным образом, сближения между Турцией и державами Тройственного согласия и нового предположения Саида-паши касательно созыва европейской конференции.

В ответ на заявление великого визиря о его желании сблизиться с названными державами посол заметил, что соглашение с Францией не является затруднительным.

Нет ни одного крупного вопроса, который разделял бы Францию и Турцию. Придирки и неприятности, столь часто чинившиеся французам — да и другим иностранцам — турецкими властями в области текущих дел, легко прекратить при более широком и светлом взгляде на интересы самой Турции. Экономические же выгоды, которые одни преследуются здесь Францией и которые касаются преимущественно железнодорожных предприятий, до такой степени совпадают с насущной пользой самой Турции, что осуществление их не должно бы встретить препятствий.

Само собой разумеется, продолжал посол, что турецкое правительство должно будет при этом относиться к французским предприятиям беспристрастно и справедливо, а не так, как оно поступало в последнее время, когда только Германии были оказываемы всевозможные облегчения и поощрения, именно в железнодорожном деле.

---

[1] См. т. XVIII, № 870.

Сближение с Англией потребовало бы, без сомнения, установления с ней соглашения о железной дороге от Багдада до Персидского залива.

Что же касается России, то послу известно искреннее желание последней установить с Турцией прочные добрососедские отношения и заменить железнодорожный уговор 1900 года новым соглашением, более соответствующим теперешним интересам обоих государств.

Посол убедительно советовал, как великому визирю, так и министру иностранных дел, которого он видел вслед затем, не медлить заключением с Россией соглашения, столь важного для Турции не только по отношению к железнодорожному делу в Малой Азии, но и в особенности с точки зрения обеспечения для Турции дружественного расположения русского правительства.

Выслушав с сочувственной сдержанностью вышеизложенные рассуждения, Саид-паша, видимо стремясь связать рассматривавшиеся соглашения с восстановлением мира между Турцией и Италией, изложил г. Бомпару, со свойственной ему умышленной неопределенностью, мысль, которая будто бы зародилась у него во время разговора и которую он желал бы популяризировать среди членов своего кабинета.

Мысль эта, насколько посол смог ее себе уяснить, заключается вкратце в следующем:

Недавнее объявление итальянским правительством о присоединении Триполитании[1] является не обоснованным, даже фактически открытым нарушением тех суверенных прав и той территориальной целости, которые обеспечены Оттоманской империи Парижским и Берлинским трактатами.

Трактаты эти и содержащиеся в них для Турции гарантии подписаны великими державами, и потому Турция может представить на суд европейской конференции означенное объявление и правонарушение Италии.

Не надеясь, повидимому, что собравшиеся на конференцию державы заставят Италию отказаться от присоединения Триполитании, Саид-паша желал бы, повидимому, чтобы Турция оказалась вынужденной уступить названную область под давлением не Италии только, а всех великих держав. Последние должны были бы зато вознаградить Турцию коллективными уступками, вероятно, в области экономических, финансовых и капитуляционных интересов.

Мысль эта представляется французскому послу остроумной и выгодной для турецкого правительства.

Она могла бы также соответствовать интересам Германии и Австро-Венгрии, дав этим державам возможность свалить на весь «европейский концерт» неприятную ответственность ампутирования Триполийского края.

Уступки же, намечаемые Саидом-пашой, уже обещаны Австро-Венгрией Турции при аннексии Боснии и Герцеговины. Посол также уверен, что Германия не поколеблется последовать примеру венского кабинета, дабы угодить туркам, и что Италия охотно вознаградила бы Турцию уступками в этом направлении, лишь бы завладеть бесспорно Триполитанией.

При таких условиях проектируемая конференция оказалась бы невыгодной как раз для держав Тройственного согласия: им пришлось бы разделить с союзниками Италии грех нарушения территориальной целости Турции и, не получив от такового никаких выгод, или сделать Турции безвозмездно значительные экономические, финансовые и юридические уступки, или, отказав в оных, предать Турцию снова германо-австрийскому господству.

Взгляд г. Бомпара на мысль великого визиря о конференции кажется мне заслуживающим полного внимания.

Очевидно, как сам посол не преминул указать Саиду-паше, собрать конференцию можно, только сговорившись заранее, хотя бы в общих чертах, о том, к чему она должна привести.

[1] 5 ноября/23 окт. Италия объявила аннексию Триполитании и Киренаики.

И на этой почве нам в особенности, а также и Франции, не следует приносить наши реальные интересы в Турции в жертву так называемым «европейским интересам», что так легко происходит на международных собраниях, подобных тем, которые выработали трактаты, упомянутые великим визирем.

Но если русское правительство признало бы нужным согласиться на конференцию, имеющую пересмотреть Берлинский трактат, хотя бы в той его части, которая ныне нарушена Италией, казалось бы совершенно необходимым обусловить наше согласие на конференцию эту, по крайней мере, установлением на ней той же интерпретации существующих договоров о закрытии Проливов, которая составляет предмет начинающихся русско-турецких переговоров.

Я все более и более убеждаюсь в том, что вопрос этот в настоящее время настолько созрел и что общая политическая конъюнктура настолько для него благоприятна, что нам не следовало бы упускать представившегося случая, дабы смело заявить наше требование не только Турции, но и прочим державам и настоять на его удовлетворении.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

№ 22. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо[1]. 16/3 ноября 1911 г.
Конфиденциально.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В настоящее время Персия вновь переживает министерский кризис после того, как три дня тому назад подали в отставку первый министр и оставшиеся еще в должностях два министра: иностранных дел и почт и телеграфов.

Уже предпоследний кризис, вызванный отставкой Сепехдара[2], грозил затянуться бесконечно и доказал, как трудно при нынешних обстоятельствах составление в Персии сколько-нибудь прочного министерства. Действительно, у персидских политических партий нет определенной программы, и борьба между ними немедленно переходит на почву личных счетов и интриг, сменяющихся временными и непрочными перемириями. Если у более организованной демократической партии и существует своя программа, то она держится в тайне, что побуждает более широкие персидские политические круги смотреть на них с недоверием и подозрением, которые усиливаются от приписываемого демократам участия в некоторых террористических актах и вообще расположения к террору, как средству политической борьбы. Вследствие этого демократам не удалось до сих пор прочно стать у власти, и прошлогодняя их попытка образовать министерство кончилась вскоре неудачею.

Не будучи в состоянии добиться власти, демократы, однако, достаточно искусны в интригах и сильны в меджлисе, чтобы мешать работать всякому умеренному кабинету. Притом им часто удается ввести в такой кабинет одного или двух членов своей партии, которые являются затем в нем разлагающим элементом, который ведет его к конечному неуспеху и падению.

Общая всем послереволюционным министерствам участь постигла также и кабинет Самсам-эс-Солтане. Образованный вслед за прибытием в Персию Мохамед-Али-шаха[3] и под влиянием необходимости заручиться содействием бахтиар для борьбы с последним, кабинет этот вначале пользовался единодушной поддержкой меджлиса. Тогдашние попытки Самсама и Восуг-эд-Доуле сблизиться с нами не вызывали противодействия в парламенте, и

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 234, со стилистическими изменениями.

[2] Кабинет под председательством Сепехдара подал в отставку 12 июля/29 июня 1911 г.

[3] Кабинет под председательством Самсам-эс-Солтане, в котором пост м-ра ин. дел занял Восуг-эд-Доуле, был образован 26/13 июля 1911 г.

кабинету даже удалось угрозой отставки добиться разрешения меджлиса на прокладку фирмой Нобель нефтепровода между Рештом и Энзели и на утверждение известной вашему превосходительству министерской программы.

Но лишь только миновала непосредственная опасность после побед над Аршад-эд-Доуле и Салар-эд-Доуле, демократы стали немедленно интриговать против бахтиар, дабы не допустить чрезмерного усиления их влияния, а также и против кабинета, опасаясь, что он может зайти слишком далеко в своей уступчивости по отношению к России. Министерская программа осталась мертвой буквой, и попытки Самсам-эс-Солтане принять меры против демократов встретили противодействие в среде самого же кабинета со стороны сочувствовавших этой партии Хаким-оль-Молька и Каввам-эс-Солтане. Когда же эти два министра и Мушир-эд-Доуле вышли в отставку, то меджлис не позволил первому министру заменить их своими кандидатами, а предлагал ему лиц, на назначение коих Самсам-эс-Солтане не мог согласиться.

Кроме этой общей причины министерского кризиса, была и другая, не менее важная, на которую я уже неоднократно обращал внимание вашего превосходительства, а именно — обострившиеся до крайности отношения кабинета к Шустеру. Последний, ознакомившись с положением дел в Персии и с ее конституцией, сразу понял, что регент и министры являются здесь лишь статистами и что вся власть, притом ничем не ограниченная, сосредоточена в руках меджлиса. Ввиду этого Шустер направил все свои старания к приобретению доверия парламентских, а особенно националистических кругов, и он в этом успел необыкновенно быстро. [26] 13 прошлого июня меджлис единогласно вотировал закон о полномочиях главного казначея, на основании коего Шустер начал немедленно вести переговоры о займе, о постройке железных дорог, о покупке оружия и т. п., не осведомляя даже кабинет о своих намерениях. Он одновременно стал путем отпуска или отказа в кредитах, а иногда и путем непосредственного вмешательства, оказывать давление на распоряжения отдельных министров, причем он не стеснялся формой и не всегда щадил самолюбие этих сановников. После столкновения Шустера с таможенной администрацией и принятия им на службу Стокса [1], министры также убедились, что дальнейшая в этом роде деятельность главного казначея может ежеминутно вовлечь Персию в острый конфликт с Россией.

Между тем у кабинета не было средств для обуздания Шустера, и делавшиеся им в этом направлении попытки не увенчались успехом. Так например, прошлым летом, после нашего совместного с Англией протеста против назначения Стокса начальником финансовой жандармерии, кабинет приказал Шустеру не принимать на службу этого английского офицера, но ему было отвечено, что меджлис предоставил назначение и увольнение чинов финансового ведомства исключительно усмотрению главного казначея.

Обострявшиеся постепенно отношения побудили, наконец, кабинет потребовать от меджлиса под угрозой отставки ограничения прав Шустера. Умеренное большинство пошло сначала навстречу этому желанию, и на частных совещаниях выработана была даже редакция добавочной статьи к закону [26] 13 июня, которая должна была гласить, что главный казначей может пользоваться своими полномочиями лишь под ответственностью министра финансов, действующего с одобрения кабинета. Демократы, однако, повели энергичную кампанию против министерского проекта, стали распространять слухи об отставке Шустера и неминуемом дурном впечатлении, которое она произведет среди европейских друзей Персии, и в конце концов добились того, что умеренные депутаты взяли назад данное ими министерству обещание.

После этого кабинет надеялся, что ему удастся справиться с Шустером и разрешить несколько интересующих нас дел после роспуска нынешнего меджлиса, за истечением его полномочий, и до созыва нового. Но и эти

---

[1] См. т. XVIII, №№ 183 и 426.

надежды оказались тщетными, так как искусная обструкция со стороны демократов замещению министерских вакансий привела к тому, что накануне окончания депутатских полномочий кабинет состоял всего из трех членов. Это обстоятельство не позволило регенту, как он ранее намеревался, объявить посредством прокламации о роспуске меджлиса, что, в свою очередь, повело к продолжению последним своих собственных полномочий.

Все вышеизложенное, мне кажется, доказывает, что постепенно подготовлявшийся министерский кризис объясняется существующим в Персии хаосом и не может быть приписан желанию кабинета уклониться от исполнения предъявленных нами требований, в связи с имевшим место при конфискации имущества Шоа-эс-Солтане инцидентом [1]. Наоборот, имеется много данных, доказывающих, что Самсам-эс-Солтане и Восуг-эд-Доуле приложили все старания к тому, чтобы дать нам удовлетворение, но им это не удалось вследствие противодействия Шустера и, по всей вероятности, также и меджлиса. Если наши требования и ускорили их отставку, то разве в том смысле, что они не захотели, не по своей вине, остаться козлами отпущения, на коих пала бы ответственность за принятые нами по отношению к Персии меры понуждения.

По слухам, регент покамест ведет с Самсам-эс-Солтане переговоры об образовании нового кабинета [2].

Примите и пр. С. Поклевский-Козелл.

№ 23. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Риме Долгорукому.

Телеграмма № 1801. 17/4 ноября 1911 г.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 171 [3].

Благоволите, сговорившись с вашим французским сотоварищем и если встретится случай, со своей стороны обратить внимание правительства на опасность военных действий против Джедды, легко могущих вызвать взрыв мусульманского фанатизма.

Нератов.

№ 24. Временно управляющий министерством иностранных дел министру двора Фредериксу.

Телеграмма № 1802. 17/4 ноября 1911 г.

Ввиду предстоящего в воскресенье прибытия в Ялту чрезвычайного посольства султана, прошу вас доложить государю императору нижеследующее: посол в Константинополе, основываясь на предположении, что посольству, может быть, будет дано султаном какое-либо поручение общеполитического характера в связи с известными государю намеченными русско-турецкими переговорами, высказывал предположение о желательности, чтобы государю императору благоугодно было указать послу султана на желательность привести к быстрому окончанию переговоры, имеющие упрочить дружественные отношения между Россией и Турцией [4].

За краткостью остающегося до отъезда посольства из Константинополя срока я взял на себя ответить Чарыкову, что ввиду невыясненности еще отношения Порты к самому предмету намеченных переговоров и неизвестности, в какой мере члены посольства осведомлены об общей политике, я считал бы предпочтительным, чтобы почин заявлений политического харак-

---

[1] См. № 16.

[2] В тот же день Поклевский телеграфировал Нератову за № 1103: «По совету регента, Самсам-эс-Солтане, отставка коего еще официально не принята, повторил в категорической форме Шустеру приказание отозвать жандармов из дома и имений Шоа».

[3] См. № 11.

[4] См. № 7.

тера исходил с турецкой стороны [1], в каковом случае явилось бы вполне соответственным обстоятельствам, если бы государь император благоизволил в заключение беседы и в общих чертах высказать пожелание или надежду на установление возможно лучших отношений между Россией и Турцией.

Изложенное обязуюсь повергнуть на высочайшее благовоззрение.

Нератов.

№ 25. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Вене Н. Гирсу.

*/. Телеграмма № 1804. 17/4 ноября 1911 г.

Ссылаюсь на мое письмо № 731 [2], отправленное вчерашним курьером.

Чарыков пишет, что недавно в разговоре с ним Паллавичини, по собственному почину, затронул вопрос о Проливах и заявил, что венский кабинет уже высказал в 1908 году свое принципиальное согласие на свободное прохождение русских военных судов чрез Проливы [3]. Это заявление австро-венгерского посла подтверждает наше мнение и уверенность, что благоприятное отношение венского кабинета к возможным переговорам нашим с Портой по этому предмету является обеспеченным.

[Нератов.]

№ 26. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 1805 [4]. 17/4 ноября 1911 г.

Принимая во внимание, что персидское правительство неисполнением наших требований вынудило нас двинуть в Персию войска [5] и что мы до известной степени находимся ныне на военном положении с этой страной, мы полагаем, что отмена похода, если бы персы теперь одумались, или отозвание впоследствии нашего отряда должны были бы быть обставлены известными условиями, которые гарантировали бы нам дальнейшее корректное к нам отношение персов. На первом плане в этом отношении стоит вопрос об увольнении Шустера, который с самого появления своего в Персии систематически портит наши отношения с персидским правительством. Прошу вашего заключения, каким путем это могло бы быть осуществлено без какого-либо непосредственного действия лично против Шустера, как американского подданного, во избежание вмешательства правительства Соединенных штатов [6]. Имейте при этом в виду, что в этом вопросе мы имеем полное сочувствие лондонского кабинета [7] и можем, повидимому, рассчитывать на его поддержку и что в отношении уплаты Шустеру какой-либо неустойки, вероятно, можно будет, в случае надобности, притти на помощь персидскому правительству.

---

[1] Об этом Нератов сообщил Чарыкову тел. от 16/3 ноября за № 1790.

[2] См. № 19.

[3] Имеется в виду письмо Чарыкова от 13 ноября/31 окт. (см. т. XVIII, № 870).

[4] Частично опубл. в Ор. кн., стр. 238, со стилистическими изменениями.

[5] См. № 15.

[6] В письме от 15/2 ноября англ. повер. в делах в Петербурге О'Берн указывал Нератову на нежелательность выставлять увольнение Шустера в числе требований росс. прав-ва, так как перс. прав-во вряд ли сможет выполнить это требование, что привело бы к необходимости послать войска в Персию. О'Берн отмечал при этом, что он не теряет надежды на то, что перс. прав-во даст требуемое от него удовлетворение (см. № 30). Позднее тел. от 20/7 ноября за № 1830 (опубл. Siebert, II, S. 217, № 493) Нератов сообщал Поклевскому, что в беседе с ним посол США в Петербурге Гайльд заявил, что его прав-во «совершенно не заинтересовано в судьбе Шустера, образ действий коего оно не одобряет», и что оно воздержится от какого-либо вмешательства, если росс. прав-во потребует удаления этого американца с перс. службы.

[7] См. стр. 32, прим. 3.

Засим можно было бы поднять вопрос о пересмотре Туркманчайского трактата вообще и в частности о включении в него статьи, предоставляющей нашим подданным право владения недвижимой собственностью и принятия таковой в залог, о чем вы упоминаете в телеграмме за № 1101 [1]. Следует, однако, иметь в виду, что это право распространится одновременно и на подданных других держав, и потому надо предварительно обсудить, насколько это будет соответствовать нашим интересам. По этому вопросу прошу также заключения.

Независимо от сего могли бы быть предъявлены требования об удовлетворении всех накопившихся вопросов, как-то: об убытках русско-подданных за время революции, о Караджадагской горной концессии, автомобилях, судоходству по Урмийскому озеру, окончании всех гилянских и талышинских дел и т. п. Желательно было бы получить от вас спешно подробный перечень таких вопросов.

Нератов.

№ 27. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

%. Телеграмма № 1808. 17/4 ноября 1911 г.

Ваше письмо [13 ноября] 31 октября получено [2].

Вчерашним курьером поручено Гирсу зондировать настроение венского кабинета относительно Проливов в связи с его прежними заявлениями [3]. Сегодня телеграммой уведомил его дополнительно о высказанном вам маркизом Паллавичини взгляде венского кабинета на этот вопрос [4].

С своей стороны германский посол заявил мне, что германское правительство еще со времен Бисмарка признает преимущественные интересы России в Проливах и не сделает никаких затруднений к разрешению вопроса согласно нашим желаниям при условии быть причастным к переговорам по этому предмету [5].

Полагаю, однако, осторожнее не придавать пока словам обоих послов значения официального мнения их правительств.

[Нератов.]

№ 28. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Лондоне, Париже, Риме, Берлине, Вене, Константинополе и Вашингтоне — Бенкендорфу, Извольскому, Долгорукому, Остен-Сакену, Н. Гирсу, Чарыкову и Бахметеву и посланникам в Гааге, Брюсселе, Стокгольме и Христиании — Палену, Кудашеву, Нарышкину и Крупенскому.

%. Телеграмма № 1809. 17/4 ноября 1911 г.

Только для Лондона (clair).

Adressons circulaire suivante à nos représentants dans les autres pays [6].

[11 ноября] 29 минувшего октября нашим посланником в Тегеране передана была персидскому правительству нота, в которой требовалось удовлетворение за недопустимое отношение персидских властей к чинам нашего генерального консульства в Тегеране и вызывающий образ действий их

---

[1] В тел. от 16/3 ноября за № 1101 по вопросу о рассрочке долга Ферман-Ферма Учетно-Ссудному банку Поклевский обращал внимание м-ва ин. дел на то, что ст. 2 концессии банка запрещает последнему выдавать ссуды под залог недвижимых имуществ, и в связи с этим высказывался за желательность изменения концессии банка и соответствующего дополнения Туркманчайского трактата.

[2] См. т. XVIII, № 870.

[3] См. № 19.

[4] См. № 25.

[5] См. № 18.

[6] «Посылаем следующее циркулярное сообщение нашим представителям в других странах».

в известном деле о конфискации сказанным правительством имущества принца Шоа-эс-Солтане, подробности коего были изложены в опубликованном официальном сообщении [1].

Не получив до сего времени ответа на эту ноту и усматривая в этом явное уклонение персидского правительства от исполнения нашего требования, императорское правительство предписало посланнику прекратить сношения с тегеранским кабинетом и приказало двинуть в Персию отряд войск, который имеет сосредоточиться в городе Казвине, на пути к Тегерану [2].

Благоволите словесно довести об изложенном до сведения правительства, при котором вы аккредитованы, пояснив при этом, что принятая нами мера носит совершенно временный характер, и как только означенный инцидент будет исчерпан и надлежащие отношения с Персией установлены, — наш отряд будет тотчас возвращен в Россию.

Такое же сообщение делается нами другим державам.

Нератов.

№ 29. Временно управляющий министерством иностранных дел военному министру Сухомлинову.

Письмо № 1185. 17/4 ноября 1911 г.
Спешно. Секретно.

М. г. Владимир Александрович,

Как известно вашему высокопревосходительству, совет министров, обсуждая вопрос о нашем отношении к ныне происходящим в Китае событиям, остановился на решении быть готовыми ко всяким случайностям и действовать в Китае параллельно с Японией. В соответствии с таким решением военным ведомством были намечены те меры, о которых генерал-от-инфантерии Поливанов сообщил мне письмом от [11 ноября] 29 мин. октября № 2360 [3].

Хотя положение в Китае еще не вышло из того фазиса, при котором для целей нашей политики достаточны подготовительные меры, принимаемые на русской территории, причем предпочтительно, чтобы они не имели слишком демонстративного характера, дабы не подать повода придания противоиностранного характера происходящему в Китае антидинастическому движению, тем не менее получаемые мною от наших консулов в Манчжурии донесения о возможности в этой области серьезных беспорядков на почве вражды между манчжурами и китайцами [4], а равно сведения о военных приготовлениях Японии, заключающиеся в сообщенных мне при записке вашей от [14] 1 сего ноября № 4321 телеграммах генерал-майора Самойлова [5], побуждают меня высказаться перед вашим высокопревосходительством за

---

[1] В «Новом времени» № 12801 от 13 ноября/31 окт. было опубликовано официальное сообщение по поводу конфликта между Россией и Персией под заголовком «Русско-персидский конфликт».

[2] См. № 15.

[3] В письме помощника воен. м-ра Поливанова от 11 ноября/29 окт. за № 2360 указывалось, что, в виду предполагаемой отправки в Тяньцзин бригады 5-й япон. дивизии, были даны предварительные распоряжения по передвижению в Пекин или Тяньцзин одного полка и двух батарей 2-й сиб. стрелковой дивизии. Если же обстоятельства потребовали бы подготовки к занятию Сев. Манчжурии, то намечались в основном следующие мероприятия: в первую очередь направить в Сев. Манчжурию из Иркутского округа 4 Сиб. стрелковую дивизию, а из Приамурского — одну дивизию пехоты; во вторую очередь — мобилизовать остальные войсковые части Иркутского округа и направить в Манчжурию II и III Сиб. корпуса и 2 второочередных казачьих полка; в Приамурском же округе мобилизовать Амурское и Уссурийское казачьи войска и подготовить бригаду пехоты для направления в Манчжурию из Хабаровска.

[4] Тел. от 10 ноября/28 окт. за № 737 Коростовец передал следующее сообщение консула в Цицикаре: «По сведениям решено во всей Манчжурии одновременно начать резню китайцев манчжурами. В Цицикаре вчера, [8 ноября] 26 [октября], усиленный наряд конной и пешей полиции. Власти спешно вооружают манчжур». См. также № 14.

[5] См. т. XVIII, № 787 и прим. к нему.

необходимость привести части войск, предположенные к посылке в Северную Манчжурию и в Чжилийскую провинцию, в первую очередь, в такое состояние, которое позволило бы осуществить эту меру в каждый данный момент.

Вышеизложенное мнение мое находится в полном согласии с взглядом председателя совета министров [1].

Покорнейше прося ваше высокопревосходительство не отказать уведомить меня о последующем в скорейшем по возможности времени, пользуюсь случаем и пр. [2].

[Нератов.]

№ 30. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 279 [3]. 17/4 ноября 1911 г.

Grey est extrêmement inquiété par information sur possibilité envoi troupes russes à Téhéran reçue d' O'Beirne et de Barclay. Ce dernier dit même qu'il s'agirait d'un détachement de 2 000 hommes. Occupation de la capitale surtout si imposante, produirait selon le ministre impression fâcheuse sur opinion publique ici. Il en redoute les conséquences. Je répondis qu'il s'agissait pour le moment d'occupation de Kazwin et que faculté de mesures ultérieures était laissée au jugement de notre ministre en Perse [4]. Poursuivant entretien de façon plus personnelle et insistant à nouveau sur nécessité compter avec opinion publique, Grey ajouta que si lui était obligé, comme nous aujourd'hui, recourir à mesures de répression, il procéderait d'abord à la saisie des douanes persanes en réservant mesures plus énergiques à l'appui de nouvelles exigences éventuelles — «telles par exemple que la révocation de Shuster», à laquelle on ne s'opposerait pas ici. Le ministre a télégraphié dans ce sens à O'Beirne sans toutefois mentionner Shuster. J'ai toute impression que Grey est préoccupé de soustraire nos rapports premiers à toute répercussion de la part de l'opinion publique alarmée.

Benckendorff.

Перевод.

Грей чрезвычайно встревожен сообщением о возможности посылки русских войск в Тегеран, полученным от О'Берна и Барклая. Последний говорит даже, что дело идет об отряде в 2 000 человек. Оккупация столицы, и притом столь внушительная, произведет здесь, по мнению министра, неприятное впечатление на общественное мнение. Он опасается последствий этого. Я ответил, что в настоящий момент речь идет о занятии Казвина и что разрешение вопроса о дальнейших мероприятиях предоставлено на усмотрение нашего посланника в Персии. Продолжая беседу в форме более частного разговора и вновь настаивая на необходимости считаться с общественным мнением, Грей добавил, что если бы он — как мы теперь — был вынужден прибегнуть к репрессивным мерам, он прежде всего приступил бы к занятию персидских таможен, оставляя более энергичные меры для поддержки возможных новых требований, «как, например, отозвание Шустера», против чего здесь бы не возражали. В этом смысле министр телеграфировал О'Берну, не называя, однако, Шустера. У меня создалось впечатление, что Грей озабочен тем, чтобы избавить наши первые сообщения от критики со стороны встревоженного общественного мнения.

Бенкендорф.

---

[1] Письмом от 13 ноября/31 окт. за № 727 Коковцов сообщил Нератову о необходимости преподания командующим войсками Иркутского и Приамурского военных округов указаний о том, чтобы при сосредоточении войск на границе Манчжурии «части этих войск, имеющие быть, в случае необходимости, двинутыми в китайские пределы в первую очередь, были немедленно приведены в такое состояние, которое позволило бы осуществить эту меру в каждый данный момент».

[2] В ответном письме от 20/7 ноября за № 4354 Сухомлинов сообщил, что «еще [11 ноября] 29 минувшего октября командующие войсками Приамурского и Иркутского военных округов были извещены о необходимости быть готовыми к исполнению высочайше одобренных предположений особого совещания [19] 6 марта сего года по случаю ожидавшихся тогда осложнений с Китаем».

[3] Царск. экз.

[4] См. № 15.

№ 31. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1810[1]. 18/5 ноября 1911 г.

Возвратившийся сегодня Бьюкенен подробно изложил в разговоре со мной взгляд Грея на наш конфликт с Персией, оговорив, что слова министра относятся к моменту, когда нами еще не было сделано распоряжение о посылке туда войск.

Признавая наше требование удовлетворения от персидского правительства вполне понятным и соответствующим нашему положению в Персии, Грей высказал, однако, мысль, что на нашем месте он, при аналогичных условиях, ограничился бы, как мерой давления на персов, занятием таможен[2]. Посылка же войска представляет слишком много опасности как в отношении собственно персидских дел, так и ввиду неблагоприятного влияния, которое эта мера могла бы иметь на англо-русское соглашение.

Грей поручил Бьюкенену сказать мне и Коковцову, что он чрезвычайно дорожит сохранением наших добрых отношений и что он за все время трений на почве персидских дел напрягал все усилия, чтобы поддерживать нашу точку зрения не только в Персии, но и у себя дома. Отметив, что нет ни одного мирового вопроса, в котором Россия и Англия не шли бы рука об руку, Грей сказал, что ему было бы особенно обидно, если бы из-за персидского вопроса между обеими державами возникли недоразумения. Чуткость английского общественного мнения к этому последнему вопросу чрезвычайно велика, и английское правительство не может не считаться с этим. Посылка русских войск вызовет в Англии несомненное возбуждение, в особенности ввиду совпадения нашего конфликта с Персией с пребыванием короля Георга в Индии[3], где мусульманский элемент может нежелательным образом для самой Англии и ее монарха выразить свое недоброжелательство к соглашению с Россией под влиянием наших действий в соседней единоверной стране. Поэтому Грей надеялся, что мы, войдя в затруднительное положение британского правительства, проявим умеренность в наших действиях по отношению к Персии, в видах сохранения тесного согласия между нами.

К изложенному Бьюкенен прибавил от себя, что за два последних дня обстоятельства несколько изменились. Распоряжение об отправлении войск в Персию вызывает уже вопрос о дальнейших наших действиях. Он спросил меня, каковы наши намерения относительно пребывания войск в Персии, каков взгляд наш на соглашение с Англией и какое влияние настоящие события могут иметь на дальнейшее управление Персией, выразив надежду, что мы повременим появлением наших войск в Тегеране, дабы дать возможность персам одуматься и выполнить наши требования. Указав затем на симпатии Англии к Наср-оль-Мольку, которого она считает единственным подходящим человеком для должности регента, посол добавил, что восстановление на престоле Мохамеда-Али встретило бы в Англии общее несочувствие и что великобританское правительство не могло бы признать его реставрацию в особенности теперь, когда она явилась бы как бы вызванной нашим военным вмешательством в персидские дела.

В заключение посол коснулся роли Похитонова в инциденте с имуществом Шоа-эс-Солтане и высказал сомнение в правильности образа действий нашего консула и его подчиненных в этом деле[4].

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 239, с сокращениями, и Siebert, II, S. 211, № 490, где она датирована 17/4 ноября. На представленной в тот же день Нератовым Николаю II докл. записке, к которой была приложена публикуемая тел., имеется помета Николая II: «Лучше ответить послу, чем вы это сделали, нельзя. Благодарю вас. Ливадия, [22] 9 ноября 1911 г.».

[2] См. № 30.

[3] Георг V выехал 11 ноября/29 окт. на коронационные торжества в Индию, куда приехал 2 дек./19 ноября. Коронационные торжества состоялись 12 дек./29 ноября 1911 г.

[4] См. т. XVIII, № 616.

Отвечая на все изложенное, я счел долгом отметить в самых дружественных выражениях, что мы продолжаем особенно ценить наши отношения с Англией, что подтвердит ему несомненно и Коковцов. Вопрос о возможных мерах к получению удовлетворения подвергался с нашей стороны тщательному обсуждению. Рассматривалась и мысль о занятии таможен, но оно имело бы столь малое значение в глазах персов, что от него пришлось отказаться. Таможенные сборы и без того поступают в наше распоряжение, и персидское правительство увидело бы в означенной мере только колебание с нашей стороны, между тем как, по нашему мнению, нужен был резкий удар, чтобы произвести должное впечатление. Как бы то ни было, войскам отдано приказание двинуться в Казвин, и дальнейшие решения будут зависеть от обстановки, которая создастся после прибытия через некоторое время отряда в сказанный пункт. Персам, следовательно, есть время подумать, дабы предотвратить наше движение на Тегеран. В связи с этим находится и наш ответ на поставленный им вопрос о продолжительности пребывания наших войск в Персии, которое во всяком случае будет иметь лишь временный характер.

Мы сожалеем, что наше решение может встретить несочувствие в английском общественном мнении, но думаем, что последнее при подобных же обстоятельствах не осудило бы свое правительство за аналогичные меры. Наше же общественное мнение уже давно высказывает удивление медленности и колебаниям русского правительства и требует от нас энергичных действий.

Само собой разумеется, что наше соглашение с Англией остается в полной силе и что в наших дальнейших шагах мы будем по возможности избегать всего, что могло бы поставить британское правительство в затруднительное положение. Что же касается дальнейшей судьбы Персии, то основой нашей политики попрежнему остается принцип независимости и целости этой страны.

В согласии с мнением Грея о Наср-оль-Мольке, мы охотно поддержали бы последнего с пожеланием, чтобы в будущем он проявлял больше силы воли и был бы поставлен в условия, более благоприятные для государственной деятельности.

По мере удлинения срока пребывания наших войск в Персии, конечно, должны будут увеличиваться и наши требования к персидскому правительству. Не исключена при этом и возможность настояний с нашей стороны на удалении Шустера, хотя мы понимаем, что по отношению к нему, как иностранцу, не могут быть приняты меры, обычные в Персии.

На вопрос Бьюкенена, не могли ли бы мы дать понять персам, что, поспешив дать нам удовлетворение, они предотвратят прибытие русских войск в страну, я заметил, что это совершенно ясно для персов, а какие-либо новые шаги с нашей стороны в этом направлении могли бы лишь внушить им мысль о существовании у нас колебаний. Мы могли бы допустить только собственный почин персов, к которому мы отнеслись бы, конечно, с должным великодушием.

Относительно образа действий наших субалтерных агентов в инциденте я высказал Бьюкенену, что Похитонов действовал все время в согласии с нашими правами и обычаями страны, хорошо ему известными по долголетнему пребыванию в Персии. Инцидент, подобный нынешнему, случился минувшим летом и не вызвал никаких осложнений, почему Похитонов не сомневался в правильности своих действий. Если же младшие исполнители и проявили слишком много усердия, то это может быть им поставлено министерством на вид только в дисциплинарном порядке без всякого отношения к международной стороне вопроса. Я заметил при этом, что со стороны английских субалтерных агентов наблюдалось не совсем точное исполнение служебных обязанностей, как, например, со стороны Стокса.

Признавая всю предупредительность Грея в отношении нас в персидских делах, я напомнил послу, что и мы, в свою очередь, неоднократно, из

внимания к Англии, допускали факты, нам неблагоприятные, как например, назначение Нью [1] и финансового агента в Исфагани [2].

Наконец, что касается вопроса о восстановлении на престоле Мохамеда-Али, я сказал Бьюкенену, что, принимая военные меры в Персии, мы совершенно не имели в виду означенного вопроса и что мы отнюдь не связываем наших действий с судьбой бывшего шаха.

Сообщая вам об изложенном для сведения, прошу вас, в ответ на дружественное заявление Грея о его желании поддерживать с нами попрежнему добрые отношения, выразить ему нашу благодарность и заверить его, что и мы, в свою очередь, искренно воодушевлены таковыми же чувствами [3].

Нератов.

№ 32. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 1820. 18/5 ноября 1911 г.

Испанский посол весьма доверительно сообщил мне, что переговоры их с Францией о Марокко стали на мертвую точку. Французы обязательно требуют очищения Эль-Ксара, предлагая за это:

1) отказ от всякого вмешательства в дела Андорры,

2) привлечение французских капиталов к испанским предприятиям в Марокко и

3) содействие Франции к признанию со временем испанского полного суверенитета над нынешней «сферой влияния» в Марокко за исключением Ксара и Танжера.

По словам посла, Испания никак не может отказаться от Ксара, выговоренного соглашением с Францией 1904 г. [4], каковое является основой дальнейших соглашений Испании по марокккским делам, а предлагаемые компенсации — первая не имеет цены, вторая не изменяет существующего уже положения, третья слишком проблематична. Посол прибавил, что

---

[1] См. т. XVIII, № 525 и прим. к № 593.

[2] Имеется в виду назначение в окт. 1911 г. англ. подданного Гейкок финансовым агентом в Исфагани (донесение упр. консульством в Исфагани Долгополова от 4 ноября/22 окт. за № 555).

[3] Тел. от 18/5 ноября за № 280 (опубл. Siebert, II, S. 216, № 491) Бенкендорф сообщил Нератову о своем разговоре с Никольсоном. Прочтя донесение Бьюкенена об изложенной в публикуемом документе беседе с Нератовым, Никольсон заверил Бенкендорфа, что «кабинет сделает все возможное для сохранения согласия». Указав на трудные условия, при которых Грею придется защищать перед парламентом свой образ действий в Персии, так как оппозиция считает бесспорным, что конечный результат англо-русской политики в Персии не удовлетворителен, Никольсон далее заявил, что англ. общественное мнение ни в коем случае не согласится на русский протекторат и реставрацию Мохамед-Али. Если бы Мохамед-Али добился власти или даже только добился успеха во время пребывания русских войск в Персии, то последствием этого было бы, по словам Никольсона, полное уничтожение доверия к русско-английскому соглашению. Что же касается трудностей с Шустером, то Никольсон заявил: «Лондонский кабинет с удовольствием отнесся бы к его исчезновению».

Тел. от 19/6 ноября за № 288 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Бьюкенен передал Грею свою беседу с Коковцовым, которому он повторил все то, что он сказал Нератову во время встречи с последним. Коковцов, по словам Бьюкенена, ему заявил, что у России нет никаких агрессивных планов по отношению к Персии и что «русские войска будут отозваны, как только будут выполнены ее два требования, т. е. формальное извинение персидского министра иностранных дел перед российским посланником и замена жандармов персидскими казаками в имении Шоа». Энергично настаивая перед Коковцовым на том, чтобы войска не двигались на Тегеран и чтобы после занятия Казвина был дан срок персам одуматься, Бьюкенен добился от него такого обещания. В заключение Коковцов, по словам Бьюкенена, «дал формальное обещание, что Россия не аннексирует [персидской] провинции», не нарушит территориальной неприкосновенности Персии, и уверил посла, «что у русского правительства нет мысли о поддержке бывшего шаха или хотя бы о переговорах с ним».

[4] Имеется в виду франко-испанское соглашение от 3 окт./20 сент. 1904 г. о разделе сфер влияния в Марокко.

английское правительство разделяет испанскую точку зрения и уже оказало в этом смысле содействие Испании в Париже. По сведениям, полученным Виньясою совершенно доверительным путем и, вероятно, неизвестным даже Пересу Кабальеро, кабинет Кайо для воздействия на Испанию не отступит даже пред поощрением республиканской пропаганды в королевстве и его войсках в Африке [1].

Благоволите проверить изложенные обстоятельства и иметь эти соображения в виду на случай возможности оказать примиряющее воздействие [2].

Нератов.

№ 33. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 96 [3]. 18/5 ноября 1911 г.
Personnel.

Reçu lettre secrète № 730 [4].

Je me suis ménagé cette après-midi un long entretien avec Kiderlen. Le départ de l'empereur pour Bade et Donau-Eschingen désigné pour demain et l'absence du chancelier de l'Empire qui ne rentre à Berlin que demain soir a naturellement prété à mon entretien avec Kiderlen un caractère d'échange de vues qui, pour devenir une réponse du Cabinet de Berlin à la question des Détroits, devra d'abord trouver la sanction de sa majesté et celle du chancelier. La forme de la réponse comme les limites de l'assentiment favorable que nous trouverions auprès du Cabinet de Berlin doivent être réservées à la décision souveraine. Personnellement, Kiderlen maintient que l'Allemagne n'a aucun intérêt à nous mettre des batons dans les roues dans nos négociations avec la Turquie à propos du passage des Détroits et que si la Turquie l'acceptait, l'Allemagne n'aurait rien à y redire. J'observai au secrétaire d'Etat que la Turquie ne pourrait donner son consentement sans l'accord des Puissances qui avaient réglé cette affaire dans les traités de Paris et de Berlin, qu'en conséquence le Cabinet de Berlin aura à prononcer un assentiment ou un refus et que précisément il nous serait de très grande importance de nous en expliquer avec l'Allemagne au préalable. Il me serait donc d'une grande importance,— ajoutai-je,— si le secrétaire d'Etat voulait bien consentir à m'en donner une réponse par écrit. Nous sommes convenus que Kiderlen saisirait de la question aussi bien l'empereur que le chancelier de l'Empire et que lundi s'il y réussissait, il m'en donnerait une assurance par écrit. Pour conclusion je ne cachai pas au secrétaire d'Etat que sa réponse doublerait de valeur pour nous si l'Allemagne ne se contentait pas seulement d'une simple adhésion, mais qu'elle voulût bien y ajouter ses conseils à Vienne, aussi bien qu'à Constantinople, d'adopter une résolution favorable dans le sens de nos désirs. J'avouerai à votre excellence que l'attitude si prévenante du secrétaire d'Etat durant cet entretien confidentiel m'a fait penser au dernier § de votre lettre dans laquelle vous sembliez prévoir un accueil encourageant auprès du Cabinet de Berlin précisément dans la pensée de son intérêt à nous détacher, si possible, par des témoignages amicaux de notre rapprochement avec l'Angleterre. Il compte peut-être sur un refus du Cabinet de St.-James, comme ce dernier l'avait déjà fait à Iswolsky à l'époque de l'annexion de la Bosnie et de l'Her-

---

[1] Тел. от 14/1 ноября за № 1778 Нератов передал Извольскому сделанное ему австро-венгер. поверенным в делах в Петербурге сообщение, что Эренталь находит желательным умеряющее воздействие на Францию «по отношению к предстоящим переговорам с Испанией о Марокко для поддержания в Испании монархического принципа, сильно поколебленного».

[2] Тел. от 23/10 ноября за № 175 Извольский ответил: «Из разговора с де Сельвом заключаю, что сведения, сообщенные испанским послом, не верны. Переговоры с Испанией еще не начаты, и французское правительство еще не формулировало никаких требований. В частности, о присоединении части Марокко к Испании нет речи». ДеСельв, по словам Извольского, надеялся на благоприятный исход предстоящих переговоров.

[3] Царск. экз.

[4] См. № 18.

zégovine à l'Autriche. C'est ce qui m'a décidé à chercher à obtenir une réponse par écrit et l'appui de l'Allemagne auprès de la Turquie et de l'Autriche. Il sera très curieux et très instructif pour nous de voir combien l'empereur et le chancelier se prêteront à l'aimable accueil que j'ai trouvé dans mon entretien avec Kiderlen.

Osten-Sacken.

Перевод.

Лично.

Получил секретное письмо № 730.

Сегодня пополудни я имел длинную беседу с Кидерленом. Назначенный на завтра отъезд императора в Баден и Донау-Эшинген и отсутствие имперского канцлера, который вернется в Берлин только завтра вечером, придали естественно моей беседе с Кидерленом характер обмена мнениями, который для того, чтобы стать ответом берлинского кабинета на вопрос о Проливах, должен будет сначала получить санкцию его величества и канцлера. Как сама форма ответа, так и пределы благожелательного отношения, которое мы можем встретить у берлинского кабинета, должны быть предоставлены высочайшему усмотрению. Лично Кидерлен придерживается того мнения, что Германия нисколько не заинтересована в том, чтобы вставлять палки в колеса при наших переговорах с Турцией относительно прохода [судов] через Проливы и что, если Турция согласится на это, у Германии не будет никаких возражений. Я заметил статс-секретарю, что Турция не сможет дать согласие без договоренности с державами, которые урегулировали этот вопрос в Парижском и Берлинском трактатах; что, следовательно, берлинскому кабинету надлежит ответить согласием или отказом и что нам именно очень важно объясниться предварительно с Германией. Следовательно, добавил я, для меня было бы очень важно, чтобы статс-секретарь согласился дать мне письменный ответ. Мы условились, что Кидерлен обсудит этот вопрос как с императором, так и с имперским канцлером, и что в понедельник, если ему это удастся, он даст мне заверения в письменной форме. В заключение я не скрыл от статс-секретаря, что его ответ был бы для нас вдвое более ценным, если бы Германия не ограничилась простым выражением своего согласия, а пожелала бы, сверх того, преподать совет в Вене, так же как и в Константинополе, чтобы было принято решение в благоприятном для нас смысле. Признаюсь вашему превосходительству, что такая предупредительность статс-секретаря во время этой доверительной беседы приводит мне на мысль последний § вашего письма, в котором вы предусматриваете благожелательное отношение берлинского кабинета, рассчитывая именно на то, что в его интересах, путем проявления дружественных чувств, ослабить, если это возможно, наше сближение с Англией. Может быть, он рассчитывает, что Сен-джемский кабинет ответит отказом, как этот последний уже отказал Извольскому во время аннексии Австрией Боснии и Герцеговины. Это и заставило меня добиваться ответа в письменной форме, а также поддержки Германии в Турции и Австрии. Для нас будет очень интересно и поучительно узнать, в какой мере император и канцлер согласятся пойти на такой же доброжелательный прием, который я встретил в беседе с Кидерленом.

Остен-Сакен.

№ 34. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 1119. 18/5 ноября 1911 г.

Копии в Константинополь, Тифлис и Хой.

Ссылаюсь на телеграмму Преображенского [1].

Описанный Преображенским случай задержания наших казаков турецким отрядом и пропуск их затем на основании письменного разрешения

[1] В тел. от 12 ноября/30 окт. за № 5 (опубл. Ор. кн., стр. 224, с сокращениями) вице-консул в Хое Преображенский сообщал, что 10 ноября/28 окт. он отправил офицера с 20 казаками сопровождать ехавшего в Урмию члена духовной миссии иеромонаха Григория. «Благополучно доехав до Джамалабада, — сообщал далее Преображенский, — в названном селении казаки в грубой форме были задержаны турецким отрядом. Получив от офицера извещение об этом, я обратился к хойскому шахбендеру с запросом, на каком основании задержаны турками русское духовное лицо и мой конвой. Турецкий консул извинился и дал письменно приказание о пропуске на имя начальника стоящего в Кулуджи отряда, отказав почему-то сделать телеграфное распоряжение». Преображенский просил прислать военный отряд для того, чтобы отдельные части его разместить в важнейших пунктах Хой—Салмаз—Урмийского караванного пути, так как, по его мнению, подобные инциденты «непременно будут повторяться».

турецкого консула нельзя не считать крайне обидным для нашего самолюбия. Между тем командирование в будущем частей хойского конвоя в занятые турками местности может лишь участить подобные инциденты. Посылка же нами военного отряда с целью постановки небольших его частей в важнейших пунктах Хой — Салмаз — Урмийского главного пути несомненно поведет, по моему мнению, к усилению численности турецких войск на персидской территории и даже, вероятно, к вооруженному столкновению с турками. В неоднократных моих беседах с здешним турецким послом я указывал ему на опасность движения турецких войск в северо-западной части Азербайджана. Посол уверял меня, что он не только поднял в Константинополе вопрос об отозвании выдвинутых слишком близко к нашей границе турецких отрядов, но что турецкое правительство будто бы отнеслось в принципе сочувственно к его предложению. Ввиду этого не представляется ли возможным, прежде посылки нового отряда в Хой, попытаться дипломатическим путем добиться от Турции отозвания ее войск, хотя бы из северной части бесспорной персидской территории, включая Куши [1].

Поклевский.

№ 35. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁰/. Телеграмма № 174. 19/6 ноября 1911 г.

Турецкий посол сказал мне, что ему поручено заявить французскому правительству, что, ввиду близости итальянских морских сил к Дарданеллам и Смирне, турецкое правительство может оказаться вынужденным принять меры, которые фактически прекратят международную торговлю в турецких водах.

Извольский.

№ 36. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁰/. Телеграмма № 92. 19/6 ноября 1911 г.

Получил № 1800 [2].

Французский поверенный в делах просил в дружеских выражениях министра иностранных дел по мере возможности избегать военных действий против Джедды, ввиду скопления там в настоящую минуту паломников. По имеющимся здесь сведениям из Константинополя, шериф должен был воспользоваться таким предлогом, чтобы провозгласить повсеместную священную войну. Министр ответил, что ему неизвестны приказания двинуть суда против Джедды, но что Италия тоже заинтересована не давать повода к взрыву фанатизма мусульманских подданных Сомали. Если же турки предпримут что-либо из Акабы, итальянцы не могут отказаться от противодействия им в Красном море. Считая, что вышеизложенные объяснения исчерпали вопрос, и пользуясь предоставленной мне свободой действий, я воздержусь затрагивать эту тему в моих беседах в Консульте, которой достаточно надоели советами представители союзных держав.

Долгорукий.

---

[1] Ссылаясь на публикуемую тел., Нератов телеграфировал 21/8 ноября за № 1841 Чарыкову (копия Воронцову-Дашкову и Поклевскому): «Так как по всем поступающим сведениям захваты турок и усиление их войск в оккупированных районах и ныне упорно продолжаются и нельзя ожидать, чтобы местное турецкое начальство подчинилось приказанию из Константинополя об удалении выдвинутых в интересующие нас местности воинских частей, затрудняемся согласиться с мнением Поклевского. К посылке отряда в Хойский округ побуждает нас и необходимость самолично озаботиться спасением соседнего с нашей территорией края, где только-что произведено было нападение на нашего офицера с конвоем».

[2] См. стр. 11, прим. 5.

№ 37. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 97 [1]. 19/6 ноября 1911 г.

J'ai eu ce matin la visite de mon collègue d'Autriche qui m'a confié qu'Aehrenthal lui avait rapporté une longue conversation de Pallavicini avec Tcharykow au sujet de la question des Détroits [2]. L'initiative de l'entretien appartenait tout entièrement à notre ambassadeur. De là Aehrenthal croyait conclure que la question allait être par nous portée à l'ordre du jour. Je répondis à l'ambassadeur d'Autriche que je croyais que c'était en effet dans l'air et que nous chercherons probablement à sonder les intentions des Grandes Puissances. L'ambassadeur d'Autriche m'a répondu qu'il croyait que Aehrenthal ne nous ferait pas d'opposition et que la clef de la situation était en Angleterre, mais que d'après ses renseignements, le comte Aehrenthal ignorait les dispositions du Cabinet de St.-James. Szögyeni croyait le moment favorable.

Osten-Sacken.

Перевод.

Сегодня утром меня посетил мой австрийский коллега, сообщивший мне доверительно, что Эренталь передал ему содержание длинного разговора между Паллавичини и Чарыковым по поводу Проливов. Инициатива этой беседы целиком исходила от нашего посла. Отсюда Эренталь считал возможным сделать вывод, что этот вопрос будет нами поставлен на обсуждение. Я ответил австрийскому послу, что, по моему мнению, это действительно похоже на правду и что мы попытаемся, вероятно, позондировать намерения великих держав. Австрийский посол ответил, что, по его мнению, Эренталь не будет чинить нам препятствий и что ключ положения в руках Англии, но что, по имеющимся у него сведениям, намерения Сен-джемского кабинета графу Эренталю неизвестны. Сегени считает момент благоприятным.

Остен-Сакен.

№ 38. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 69. 19/6 ноября 1911 г.
Срочная.

Ответ на № 1815 [3].

Эренталь сообщил мне, что он крайне озабочен решением Италии и находит, что при этих условиях выжидательное положение держав более немыслимо. Он допускает мысль, что на-днях итальянский флот ворвется в Дарданеллы, рискуя даже потерять два — три судна, и постарается добраться до Константинополя, чтобы заставить султана подписать там мир. Интересы и достоинство России и Австро-Венгрии пострадают в этом случае более всего, другие великие державы менее заинтересованы. Вот почему он находит, что Россия и Австрия должны были бы, ввиду тождественных интересов в этом вопросе, энергично действовать совместно. Он не формулирует нового предложения, чтобы не выступать всякий раз с новыми предложениями, что может не понравиться другим, но в доверительном разговоре он дал мне понять, что мы могли бы совместно, если не слишком поздно, настоять на немедленном перемирии воюющих сторон; это дало бы возможность всем державам настоять на посредничестве.

Гирс.

---

[1] Маш. копия.

[2] Ср. № 25.

[3] Тел. от 18/5 ноября за № 1815 Нератов сообщил в Лондон, Париж, Рим, Берлин, Вену и К-поль о сделанном ему накануне итал. послом в Петербурге Мелегари заявлении, что, «по всем признакам, минута решительного выступления Италии приближается, причем простое занятие одного или нескольких островов не произвело бы достаточного впечатления. Посему более вероятным шагом Италии представляется блокада какого-либо чувствительного для Порты пункта, хотя бы и пришлось для этого, к сожалению, задеть интересы третьих».

№ 39. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Депеша № 65. 19/6 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

За последнее время в донесениях моих императорскому министерству я неоднократно касался вопроса о военных приготовлениях Австро-Венгрии на границах Сербии и главным образом Новобазарского санджака [1]. Какое значение имеют эти приготовления в настоящую минуту,—ясно само собой.

Турция, несмотря на то, что она находится в войне с Италией, оставляет почти беззащитными свои европейские владения. Италия, обязавшись перед Европой локализировать военные действия, до сих пор, в противность сенсационным известиям из Вены, не сделала ни одного шага, которым нарушались бы данные ею обязательства. Наконец, балканские государства, по настоятельным советам великих держав, и *в том числе Австро-Венгрии*, соблюдают строжайший нейтралитет, отказавшись даже от самых обычных мер самообороны.

Таким образом на поверку выходит, что одна Габсбургская монархия, при общем мирном настроении на Балканах, оставила за собой какую-то привилегию *вооружаться*. И вооружаться в такой части полуострова, где она во всякую данную минуту может извлечь для себя существенные преимущества в ущерб интересам славянства.

Что венский кабинет работает втихомолку и официально отвергает приписываемые ему мероприятия, в этом нет ничего удивительного. Но было бы не только удивительно, но и в высшей степени опасно, если бы мы, имея своей задачей защиту славянских интересов, закрывали бы глаза на получаемые секретным путем фактические данные о вооружениях прямо, так сказать, *с места действия*.

Как я однажды высказал, все секретные сведения могут страдать преувеличениями и неточностью; не лишены, конечно, этих недостатков и сербские сведения. Посему их надлежит тщательно взвешивать, *проверять*, а не принципиально отвергать со ссылкой на доводы, которые доказывают не совсем то, что доказать желательно. Им следует противопоставлять не чье-либо *мнение* или внутреннее убеждение, а непременно другие *фактические данные*, добытые из иного соответственного источника; пока таких новых данных нет, нельзя пренебрегать теми, которые имеются налицо. Иначе мы в будущем наткнемся на такие неожиданности, которые в 1908 году обусловили успех аннексии.

Исходя из этих соображений, я позволяю себе остановить внимание вашего превосходительства на секретной телеграмме нашего посла в Вене от [10 ноября] 28 октября № 58 [2]. Телеграмма эта, правда, служит ответом на неизвестный мне запрос императорского министерства по поводу тревожных сведений из Цетинье [3]; но так как все собранные в ней данные приводятся главным образом в опровержение слухов *об австрийских вооружениях в Боснии*, то я считаю долгом, в целях вящшего освещения рассматриваемого вопроса, высказать нижеследующее:

Гофмейстер Гирс ссылается на сообщения наших консулов в Праге, в Фиуме, в Сараеве и на заявление начальника австрийского генерального штаба. Последнее, строго говоря, не заслуживало бы совсем внимания; в параллель этому мне припоминается эпизод из недавнего прошлого, когда на запрос нашего представителя в Сербии по поводу пресловутой австро-сербской секретной конвенции 1881 года, королевский министр иностранных дел дал *честное слово* покойному Персиани в том, что подобной конвенции не существует. В данном случае оказалось неосторожным только «честное слово», но, само собой разумеется, что ни Гарашанин тогда, ни австрий-

---

[1] См. т. XVIII, № 697. О военных приготовлениях Австро-Венгрии Гартвиг доносил и раньше в деп. от 29/16 янв. за № 6, 12 февр./30 янв. за №№ 8 и 9.

[2] См. т. XVIII, № 855.

[3] См. т. XVIII, № 847, прим. к нему и прим. к № 855.

ский начальник штаба теперь — не могли дать иного, кроме отрицательного, ответа на нескромные запросы чужестранных агентов касательно *секретных* мероприятий их правительств.

Что касается вышеперечисленных консульских донесений, то должно заметить следующее:

1) [1] Донесение надворного советника Жуковского из Праги, в достоверности коего нет оснований сомневаться, в сущности вовсе или почти не освещает вопроса о вооружениях в Боснии; оно только свидетельствует одно, а именно, что VIII корпус австрийцами не тронут. Да в сербских военных кругах хорошо известно, что пополнение боснийских гарнизонов и усиление пограничных кордонов производится обыкновенно за счет VII Темешварского и XIII Загребского корпусов. При стремлении австрийцев сохранить в возможно строгой тайне настоящие мероприятия, с их стороны было бы неосторожно прибегать к мобилизации частей из отдаленного военного округа, когда под рукой имеется достаточный контингент в ближайших к Боснии районах.

Эти же рассуждения применимы и по отношению к тому, что сообщает консул в Фиуме г. Сальвиати.

Единственный агент, который по месту своего пребывания в самом деле мог бы во всех подробностях осведомлять об австрийских военных приготовлениях, — это консул наш в Сараеве. Но если принять во внимание крайне тяжелые, едва выносимые условия, коими обставлена там деятельность русского консульского представителя, окруженного и денно и нощно явными и тайными полицейскими агентами, то станет вполне понятным, почему от его наблюдения могли ускользнуть такие несомненные факты, как непрестанное за последнее время прохождение воинских частей *именно через Вышеград!* При всем желании своем статский советник Игельстрем не мог бы заняться разведками *в Сараеве*, и малейший шаг его в этом направлении несомненно привел бы лишь к крупному дипломатическому инциденту.

Тем ценнее, стало быть, представляются для нас сведения об австрийских приготовлениях на границе Санджака, которые добываются сербами, наиболее заинтересованными в открытии истины. К тому же разведочное дело у них поставлено прекрасно. Здесь имеются для этой цели три специальные организации: одна при генеральном штабе, другая при военном министерстве, третья при Комитете народной обороны. Все три действуют самостоятельно и независимо друг от друга. У каждой имеются свои корреспонденты в главных пунктах и собственные агенты, командируемые в Санджак и Боснию для проверки корреспонденций на месте.

Все полученные таким путем данные проходят затем через общую цензуру, сличаются, сопоставляются, подвергаются строгой оценке и в конечном результате дают уже достоверную картину того, что сделано Австрией на всем протяжении боснийской границы.

Последние разведки, вопреки заявлению начальника австрийского генерального штаба, свидетельствуют вообще о напряженной деятельности австрийцев в помянутых местностях со времени итало-турецкой войны. Так, в Боснию прибыло *ранее срока* 12 поездов *с новобранцами*, но увольнения соответственного числа *запасных не последовало*. Вот упрощенный способ удваивать количество войск, не прибегая к мобилизации: дело как будто поистине сводится «лишь к обыкновенным передвижениям новобранцев».

От Вышеграда до *черногорской границы* войска усилены за счет внутренних гарнизонов Боснии. Так например, в Челибич прибыла одна рота, 12 горных орудий и пулеметное отделение.

Гарнизоны усилены вокруг врезывающегося в Боснию Новобазарского треугольника, а именно в Чайнице, Горажде и Фоче.

В целях затруднения разведок, местные власти около [23] 10 октября, под предлогом ограждения от холерной эпидемии, *закрыли боснийскую гра-*

[1] Дальнейшее перечисление пунктов отсутствует.

ницу по соседству с Новобазарским санджаком и Сербией; воспользовались этим для размещения в главных пунктах патрульных отрядов в усиленном составе; а на границе Санджака вооружили те части населения, которые будто бы пользуются доверием властей.

Из *мобилизационных мер* разведчики удостоверяют:

1. Установку строгой охраны железной дороги Сараево—Вердиште—Увац. Торговцам Боснии объявлено, чтобы они, впредь до отмены распоряжения, не рассчитывали на линию Сараево — Б. Брод для товарного движения.

2. Подготовку пограничной зоны для расквартирования.

3. Подвоз значительного количества боевых припасов и других материалов.

4. Усиление существующих на границе укреплений.

5. Постройку бараков вдоль Верхнего Дрина.

6. Наконец, удостоверяется, что VII (Темешвар) и XIII (Загреб) корпуса подготовлены к мобилизации во всем, что касается *материальной части* и *перевозочных средств*.

Таковы сведения из сербских источников.

В заключение я позволю себе сказать еще два слова:

В вышеупомянутой телеграмме из Вены от [10 ноября] 28 октября № 58 гофмейстер Гирс и полковник Занкевич высказывают убеждение, что «меры эти (военные приготовления Австрии) не имеют *в настоящую минуту агрессивного характера*, а вызываются опасением возможных серьезных осложнений на Балканском полуострове и решением встретить их *в полной боевой готовности*».

Я не знаю, насколько такое объяснение должно считать успокоительным с точки зрения русских и славянских интересов вообще. А затем я сильно сомневаюсь в том, чтобы можно было отрицать *агрессивный характер* военных мероприятий, которые великая держава осуществляет *в мирное время*, вблизи границ *мирно настроенных* маленьких государств Балканского полуострова, дабы, когда ей заблагорассудится, признать общее положение крайне опасным и выступить против них в полной боевой готовности.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 40. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 66. 19/6 ноября 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к предыдущей депеше [1] я почитаю долгом сообщить, что, насколько мне известно, австрийскими вооружениями в Боснии весьма заинтересовались правительства Франции, Англии и Италии. Мой французский коллега имел несколько телеграфных предписаний проверить, именно чрез посредство сербских властей, полученные в Париже сведения об увеличении войск вблизи сербской границы, об усилении гарнизонов, расположенных по всем стратегическим линиям к Новобазарскому санджаку и Черногории.

Здешний итальянский посланник Бароли конфиденциально сообщил мне, что его правительство не имеет никакого доверия к нынешнему образу действий Австрии, которая несомненно питает агрессивные замыслы по отношению к Новобазарскому санджаку, занятие коего ее войсками последует при первых же затруднениях на Балканском полуострове.

Из секретной телеграммы нашего консула в Митровице от [10 ноября] 28 октября № 255 [2] ваше превосходительство изволили усмотреть, что и в пределах Старой Сербии не является более тайной «усиленная военная деятельность австрийцев вблизи турецкой границы» (т. е. Санджака). Коллежский асессор Лобачев тоже говорит о работах в Горажде и Фоче; а также

[1] См. № 39.

[2] Тел. консула в Митровице за № 255 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

о том новом факте, что минируются мосты на реке Дрине. Сейчас узнаю, что наш военный агент в Вене обратился к состоящему при вверенной мне миссии полковнику Артамонову с просьбой о подыскании здесь, среди сербов, способного и добросовестного разведчика, которому можно было бы поручить собирание секретных сведений об австрийских военных приготовлениях в Боснии. Повидимому, ныне и полковник Занкевич пришел к совершенно правильному заключению, что разведки, добываемые по сю сторону австрийской границы, гораздо достовернее и обстоятельнее тех, которые можно получить в Сараеве или Вене [1].

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 41. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 1115 [2]. 19/6 ноября 1911 г.

Получил телеграмму № 1796 [3].

О прекращении мной сношений с кабинетом и о предстоящем движении нашего отряда в Казвин я сообщил через Гирса [4] министерству иностранных дел. Здесь делают очень энергичные попытки к немедленному оформлению нового кабинета под председательством Самсам-эс-Солтане. Следуя смыслу указаний вашего превосходительства, я намерен не вступать в сношения с новым кабинетом, пока он не исполнит наших требований. В последнем же случае я воздержусь от каких-либо обещаний насчет отозвания посылаемых ныне войск.

Поклевский.

№ 42. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

·/. Телеграмма № 1833 [5]. 20/7 ноября 1911 г.

Телеграмма № 1115 получена [6].

Вполне разделяем высказанные в ней соображения.

Полагаем, что вам следует принять министра иностранных дел только в том случае, если он вас известит о решении правительства исполнить наше требование. Было бы, однако, желательно ныне же дать понять персам каким-либо путем, что мы теперь уже не можем удовлетвориться одним исполнением наших прежних требований, а намерены возбудить несколько вопросов, урегулирование коих считаем необходимым для устранения на будущее время поводов к постоянным трениям и для создания почвы, благоприятной для установления между нами прочных дружественных отношений. О том, что мы поставим отозвание наших войск в зависимость от получения от персидского правительства необходимых гарантий дальнейшего к нам корректного отношения, нами уже поставлен в известность лондонский кабинет [7], который между прочим относится сочувственно к нашему намерению потребовать увольнения Шустера [8].

Что касается других гарантий, то помимо перечисленных в телеграмме моей за № 1805 [9], из коих, быть может, некоторые могли бы быть разрешены

---

[1] 25/12 ноября за № 79 Н. Гирс телеграфировал Нератову: «Военный агент в Вене просит не рассылать в литографиях депешу императорского посланника в Белграде за № 66, ввиду опасности огласки осведомительных его источников. Что же касается до меня, то отвечать на резкие критики Гартвига считаю ниже моего достоинства».

[2] Опубл. Ор. кн., стр. 242, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[3] См. № 15.

[4] Гирс, М. М. — первый драгоман росс. миссии в Тегеране.

[5] Опубл. Siebert, II, S. 218, № 494.

[6] См. № 41.

[7] См. № 31.

[8] См. № 30 и стр. 32, прим. 3.

[9] См. № 26.

и независимо от настоящего инцидента, мы полагали бы своевременным возбудить вопрос о дальнейшем развитии персидских вооруженных сил, которые в нашей сфере влияния желательно было бы подчинить нашему наблюдению. Дабы, однако, не затрагивать этого щекотливого вопроса сразу во всем его объеме и не навлечь на себя нарекание в том, что мы стремимся взять целиком в свои руки реорганизацию персидских войск, которые, при случае, могли бы действовать и в английской сфере влияния, мы полагали бы пока настаивать лишь на сформировании особой части, на подобие казачьей бригады, для Азербайджана, указав при этом на то, что это дало бы нам возможность осуществить отозвание из Тавриза нашего отряда, столь желательное и для персидского правительства.

Кроме того, было бы желательно поднять также вопрос о расширении концессионных прав общества Джульфа-тавризской и Энзели-тегеранской дорог в том смысле, чтобы за этими обществами в сфере его [1] деятельности было признано преимущественное право на постройку железных дорог.

По этим двум последним вопросам прошу также вашего спешного заключения.

Нератов.

№ 43. Временно управляющий министерством иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 1193. 20/7 ноября 1911 г.

Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Из прилагаемой при сем секретной телеграммы посланника в Пекине от [17] 4 с. ноября № 769 [2] ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что инициатива, взятая на себя главным инспектором китайских морских таможен англичанином Агленом, приказавшим сдавать в английский Гонконг-Шанхайский банк поступающие таможенные сборы, побудила иностранных представителей в Пекине изыскать способы более справедливого распределения выгод, выпадающих Гонконг-Шанхайскому банку от хранения столь крупных сумм. Посланники остановились на мысли образовать международную комиссию для получения таможенных доходов и их распределения между кредиторами Китая и поручили выработку схемы организации такой комиссии шанхайской комиссии банкиров.

Следует полагать, что под влиянием донесений их представителей в Пекине державы ныне отнесутся с большим интересом к неисправности китайского правительства в уплате по его иностранным займам, чем ими было проявлено до сих пор, как я имел честь сообщить вам письмом от [16] 3 сего ноября № 1183 [3], и вопрос о способах обеспечения интересов иностранных кредиторов удастся сдвинуть с мертвой точки до наступления [14] 1 января 1912 г., срока уплаты купона боксерского вознаграждения и займа 1895 г.

Вследствие сего считаю долгом обратиться к вашему высокопревосходительству с просьбою сообщить мне, какими указаниями вы полагали бы нужным снабдить нашего посланника в Пекине в связи с обсуждаемым та-

[1] Так в оригинале. Следует читать «их».

[2] В указанной тел. Коростовец сообщал, что проект о сдаче в Гонконг-Шанхайский банк поступающих таможенных сборов возник в связи с задержкой в уплате Китаем очередного взноса по боксерскому вознаграждению и 500 000 лан, причитавшихся по займу 1895 г.

[3] В этом письме Нератов в ответ на предложение Коковцова выступить в Китае с протестом по поводу отказа кит. прав-ва уплатить очередной взнос по боксерскому вознаграждению сообщал, что заинтересованные державы, включая Японию, не склонны рассматривать Китай, как неисправного плательщика, так как ст. VI заключительного протокола 1901 г. предусматривает, что погашение боксерского вознаграждения будет производиться не ежемесячно, а один раз в год; уплата же процентов по этому вознаграждению — раз в полгода. В ответном письме от 20/7 ноября за № 758 Коковцов указывал, что дополнительной коллективной нотой держав от 15/2 июня 1905 г. было установлено, что Китай будет производить платежи ежемесячно. Тем не менее ввиду позиции держав в этом вопросе Коковцов не настаивал на своем предложении выступить в Китае с протестом по этому поводу.

мошним дипломатическим корпусом вопросом об организации международной комиссии для хранения и распределения доходов китайских морских таможен [1].

Примите и пр. [Нератов.]

№ 44. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 694. 20/7 ноября 1911 г.

Получена телеграмма № 1815 [2].

Сюда дошли слухи о готовящемся итальянском выступлении, и министр иностранных дел сообщил сегодня мне и некоторым коллегам, что в таком случае турецкое правительство оставляет за собой полную свободу принять необходимые оборонительные меры, хотя бы последствием таковых явилось прекращение на неопределенное время в данной местности всякого судоходства. Об этом разослан Портой циркуляр [3].

Чарыков.

№ 45. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 777. 20/7 ноября 1911 г.

Донесение Островерхова [4] от [14] 1 ноября:

«Генерал Ли сообщил сегодня консулам, что командующие войсками в разных провинциях уведомили об избрании его главой центрального республиканского правительства с резиденцией в Учане, почему сношения иностранных государств с китайской республикой надлежит вести через него [5]. Ввиду сего он оповещает иностранные державы, что заключенные ранее манчжурским правительством договоры и займы сохраняют полную силу; за заключенные же вновь правительство ответственности не принимает. Об изложенном он просит уведомить миссию для доведения до сведения нашего правительства и дать ответ».

Коростовец.

№ 46. Министр финансов временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 760. 20/7 ноября 1911 г.
Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Несколько времени тому назад Шахиншахский банк открыл свое отделение в Казвине, а ныне, согласно полученному от управляющего энзелий-

---

[1] На основании ответа, полученного от Коковцова (письмо от 22/9 ноября за № 14793), Нератов тел. от 22/9 ноября за № 1854 сообщил Коростовцу, что с его стороны не встречается возражений против образования международной комиссии для хранения и распределения доходов морских таможен, и высказывал уверенность, что «наши права на участие в таможенных доходах будут соответствовать размеру наших претензий по боксерскому вознаграждению и займу 1895 г.». Тел. от 25/12 ноября за № 799 Коростовец передал следующий план организации этих сборов, выработанный директорами банков в Шанхае: «Таможенные доходы переводятся еженедельно изо всех портов в Шанхай и распределяются здесь равномерно между русским, гонконгским и германским банками».

[2] См. стр. 36, прим. 3.

[3] Циркулярная нота турец. прав-ва от 18/5 ноября в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена (опубл. British Documents on the Origins of the War 1898—1914. V. IX, P. I, p. 324, No 310). Ср. No 35.

[4] Консул в Ханькоу.

[5] В сообщении, переданном 3 ноября/21 окт. Островерхову, как старшине консульского корпуса, командующий хубейской армией национального кит. прав-ва ген. Ли Юань-хун, между прочим, заявлял, что «иностранные державы, оказывающие содействие дайцинскому правительству, будут рассматриваться национальным китайским правительством как враги». Генерал Ли далее предупреждал иностранных консулов, что «китайское национальное правительство будет конфисковывать оружие и другие предметы, могущие служить для военных целей, если таковые предметы будут доставляться иностранными державами для дайцинского правительства».

ским отделением Учетно-ссудного банка Персии донесению, в Энзели ходят слухи об открытии английским банком агентства также и в этом последнем городе. Таким образом мы, повидимому, встречаемся со стремлением Шахиншахского банка распространить свою деятельность в сфере нашего влияния.

Подобный образ действий названного банка не может быть, на мой взгляд, оставлен нами без возражений, так как он не вполне согласуется с русско-английской конвенцией о Персии 1907 г. Главною целью нашего соглашения с Англией являлось предупреждение появления в соответствующих сферах влияния конкурирующих русских и английских интересов, причем в частности великобританское правительство обязалось не домогаться в Северной Персии для самого себя и не поддерживать в пользу британских подданных каких-либо концессий политического и торгового свойства, в том числе и банковских. Конечно, это обязательство не распространялось на английские предприятия, возникшие в сфере нашего влияния до заключения конвенции, в том числе и на Шахиншахский банк с открытыми там до указанного времени отделениями и агентствами, но мы, казалось бы, имеем полное основание настаивать на том, чтобы названный банк не открывал в Северной Персии новых учреждений.

Изложенное побуждает меня обратиться к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой не отказать в случае, если вы разделяете мои соображения, войти в соответствующие объяснения с великобританским правительством.

В ожидании уведомления о последующем, прошу принять и пр.

В. Коковцов.

№ 47. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1840. 21/8 ноября 1911 г.
Срочно.

В случае обращения к вам шахского министра иностранных дел с просьбой принять его для исполнения наших требований, благоволите под каким-либо благовидным предлогом, например, необходимостью испросить дополнительные инструкции, оттянуть свидание с ним до прибытия в Энзели Сальянского полка, который вчера вечером отплыл из Баку. Это необходимо ввиду моего заявления Бьюкенену, что если исполнение персами наших прежних требований не последует до прибытия наших войск в Персию, мы выставим новые требования, в том числе, вероятно, и увольнение Шустера.

Нератов.

№ 48. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Риме и Константинополе — Долгорукому и Чарыкову.

·/. Телеграмма № 1847. 21/8 ноября 1911 г.

За № 2 сообщается послам в Берлин, Вену, Лондон и Париж.

Из бесед с итальянским и турецким послами я вывел заключение, что ожидается со стороны Италии расширение района военных операций и перенесение их на Эгейское море. При этом в Вене и Берлине вынесено впечатление, что турецкое правительство допускает закрытие Проливов как меру самозащиты, не ожидая даже нападения.

Осуществление этого намерения, как равно и установление Италией блокады Дарданелл, способно непосредственно отразиться на важных государственных интересах России, если оно создаст затруднения для сообщений между Черным и Эгейским морями. Между тем мы полагаем, что свободный проход через Босфор и Дарданеллы для торговых судов всех

нейтральных флагов обеспечен статьей III Лондонского договора 1871 года [1]. Всякая военная мера, могущая фактически прекратить пользование Проливами для целей мирной торговли, будет поэтому прямым нарушением трактатных прав нейтральных [2].

Считаем необходимым заранее предупредить о сем обоих воюющих.

Благоволите, не откладывая, подготовить в изложенном смысле почву для обеспечения успешности заявлений со стороны держав, коих мы просим поручить своим представителям в Риме и Константинополе сговориться с коллегами об общих представлениях [3].

Нератов.

№ 49. Временно управляющий министерством иностранных дел председателю совета министров и военному министру — Коковцову и Сухомлинову.

Письмо № 738 [4]. 21/8 ноября 1911 г.

Секретно.

М. г. Владимир Николаевич (Владимир Александрович),

Вследствие секретного письма вашего высокопревосходительства от [18] 5 ноября с. г. за № 5221 [5] (генерал-от инфантерии Поливанова от [11 ноября] 29 октября с. г. за № 2358 [6]) по вопросу о поступивших в военное министерство донесениях об усилении австрийских войск на южных границах монархии считаю долгом уведомить, что, по полученным в министерстве иностранных дел из разных источников сведениям, — в том числе и из препровожденного мною к вашему высокопревосходительству письма корреспондента СПБ телеграфного агентства Сватковского [7], — следует заключить, что несомненно замечается или, правильнее, замечалось в середине октября месяца некоторое усиление военных сил Австрии на границах Новобазарского санджака.

Но помимо того, что приток новых частей находится в связи с увольнением старослужащих, нет никаких указаний на то, чтобы имелось в виду какое-либо непосредственное выступление Австрии, разве что наступили бы какие-либо неожиданные осложнения на Балканах.

Поэтому, повторив нашим посольствам, миссиям и консульствам указания зорко следить за движениями военных сил в Санджаке и близ него, я не вижу оснований в настоящий момент принимать какие-либо особые меры по содержанию упомянутых военных известий [8].

Примите и пр.

[Нератов.]

---

[1] Ст. III Лондонского договора 1871 г. читается так: «Черное море остается попрежнему открытым для торгового мореплавания всех народов».

[2] В тел. от 28/15 ноября за № 731 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Грей предписал Бьюкенену следующее: «Вы можете сказать г. Нератову о том, что мы осведомили турок, что мы не можем противодействовать мерам, которые не находятся в противоречии с правами нейтральных, признанными международными трактатами. Впрочем, вы скажите г. Нератову, что я не рассматриваю это как полномочие на мероприятия, в результате которых была бы установлена блокада, закрывающая Черное море и его торговлю».

[3] Тел. от 21/8 ноября за № 1846 Нератов предлагал послам в Берлине, Вене, Лондоне и Париже объясниться с соответствующими прав-вами по содержанию публикуемой телеграммы.

[4] Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 6.

[5] В письме от 18/5 ноября за № 5221 Коковцов сообщал, что Поливанов известил его о поступивших в воен. м-во тел. Занкевича относительно усиления австр. войск на южной границе Австро-Венгрии и просил Нератова ознакомить его со своим взглядом на этот вопрос.

[6] См. т. XVIII, прим. к № 847.

[7] См. т. XVIII, прим. к № 781.

[8] Деп. от 26/13 ноября за № 63 Арсеньев сообщал, что, согласно полученным черног. прав-вом от «своих негласных агентов в Боснии» сведениям, продолжается сосредоточение австро-венг. войск на границе Санджака, причем к турец. границе придвинуты преимущественно полки венг. и немецкой национальности. Арсеньев указывал, что с 1 дек./18 ноября «все перевозочные средства железных дорог поступят в исключительное распоряжение военного ведомства».

№ 50. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 21/8 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В Константинополе [1] замечается некоторое разочарование по поводу нежелания держав оказать воздействие на Турцию, чтобы склонить ее просить мира на условиях, приемлемых для Италии. Здесь находят, что, ограничивая, стесняя свою сферу военных действий ради интересов нейтральных держав, Италия этим самым приобретает право на содействие с их стороны к достижению намеченной цели. Было бы несправедливым, по ее мнению, чтобы уступки с ее стороны носили односторонний характер [2].

Если тяжести войны будут ложиться исключительно на Италию, то ее общественное мнение, недовольное недостаточно решительным поведением кабинета Джиолитти, потребует морской демонстрации, которая должна будет оказаться чувствительной и для Турции. Все министры единодушны в желании отдалить такое выступление, но правительству приходится считаться с общественным мнением, и последнее может заставить его принять меры, которые оно предпочло бы избежать. Денежные соображения не имеют тут преобладающего значения, ибо средства, находящиеся в распоряжении государственного казначейства, достаточны, чтобы протянуть войну далее того времени, когда отсутствие средств у Турции может заставить ее итти на мир. Тем более, что стоимость затянувшейся войны вычтут из той суммы, которую покамест еще готовы уплатить за государственные имущества, находящиеся в Триполи и Киренаике.

Получив телеграмму за № 1800 [3], я поспешил посетить министра иностранных дел и сделать ему предписанное мне сообщение. Он благодарил за оказанное ему внимание и сказал мне, что в Персии Италия руководствуется исключительно желанием угодить нам, и в подтверждение своих слов сослался на известный вашему превосходительству отказ Италии предоставить Персии итальянских офицеров для преобразования жандармерии. Я ответил, что императорское правительство в свое время отметило с признательностью столь корректный образ действий королевского правительства.

Примите и пр.

Кн. Долгорукий.

№ 51. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 21/8 ноября 1911 г.

Строго доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В здешней печати упорно держится слух о переговорах, которые мы, будто бы, ведем в Константинополе в целях упразднения нынешнего стеснительного для нас положения в Проливах. Ввиду того, что сведения эти отчасти подтверждаются донесениями г. Бомпара, сообщенными в Фарнезский дворец, я позволю себе высказать некоторые мои соображения о влиянии, которое оказала на этот вопрос триполийская экспедиция.

Если я не ошибаюсь, препятствия, на которые натолкнулся в 1908 г. гофмейстер Извольский в своих усилиях разрешить сказанный вопрос в

[1] Так в оригинале. Следует читать: «В Консульте».

[2] В деп. от 21/8 ноября за № 64 посланник в Бухаресте М. Гирс передал о полученном румын. м-ром ин. дел Майореску сообщении от румын. повер. в делах в Софии Рашкану, что «итальянский представитель в Софии, пользуясь близкими отношениями, установившимися между г. Рашкану и нынешним министром иностранных дел Оттоманской империи, во время пребывания последнего в Болгарии, просил г. Рашкану съездить в Константинополь для передачи в руки Ассим-бея весьма секретного пакета. Получив на то разрешение своего правительства, румынский поверенный в делах исполнил просьбу итальянского своего коллеги, причем уведомил г. Майореску, что Ассим-бей, приняв пакет, не нашел, будто бы, возможным входить ныне в обсуждение его содержания».

[3] См. стр. 11, прим. 5.

желательном для нас духе, — находились не в Константинополе, а в Лондоне. Завладение Триполитании Италией изменит чрезвычайно выгодно для нас отношение Великобритании к этой болезненно назревшей задаче нашей политики.

В доверительных письмах моих от 10 октября/27 сентября [1] и 24/11 октября [2] я выражал предположение, что Великобритания и Франция воспользуются увеличившимся значением Италии, чтобы вовлечь ее в какое-нибудь соглашение, которое ослабляло бы ее участие в Тройственном союзе. Предлогом к такому соглашению могло бы, по моему мнению, служить предложение Франции и Великобритании гарантировать Италии ее новые владения. Таким соглашением устранялась бы опасность, которую Италия, владеющая портом Августа и Тобруком, могла бы представлять для французского флота и сообщений Англии с Индией. Италия, владения коей на африканском побережьи втиснуты между Тунисом и Египтом, не могла бы не приветствовать такого соглашения, которое обеспечивало бы ее последние приобретения от посягательств на них обоих ее могучих, ранее ее основавшихся в Африке, соседей.

Раз одной из сторон, обеспечивающих status quo в восточных водах Средиземного моря, явится Франция, то этим самым должны уменьшиться предубеждения, питаемые Великобританией против открытия нам Проливов. Ибо ее интересы требуют усиления нашим флотом французского, которому, как вашему превосходительству известно, определено сферой деятельности Средиземное море, в то время как великобританскому флоту предназначено бороться с германским. Обеспечение содействия Андреевского флага позволит французскому флоту скорее исполнить свою задачу и отправиться затем на помощь англичанам. Военно-морская коалиция, влияние которой начиналось бы от Батума и простиралось бы до Гибралтара и Атлантического океана, являлась бы такой силой, которая, несомненно, обеспечивала бы Англии преобладание над Германией в Константинополе и уменьшила бы мощь германского блока.

Указываемые мной обстоятельства—такого свойства, что должны были бы заставить Англию изменить свой недоверчивый к нам взгляд на вопрос о Проливах. Но, понятно, эти новые факторы политического положения возымеют силу лишь по окончании войны, когда намечаемое выше соглашение будет заключено между Францией, Англией и Италией.

Примите и пр.

Кн. Долгорукий.

№ 52. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 21/8 ноября 1911 г.
Весьма доверительно.

Многоуважаемый Анатолий Анатольевич,

По получении секретного письма вашего от [16] 3 сего ноября за № 731 [3] и телеграммы за № 1804 [4] я воспользовался первым случаем, чтобы доверительно объясниться с графом Эренталем об обсуждаемом печатью вопросе о Проливах.

Секретной моей телеграммой от 16/6 ноября [5] я изложил вкратце точку зрения Эренталя. Он отвергает всякую общность с статьей газеты «Reichs-

---

[1] В письме от 10 окт./27 сент. Долгорукий высказывал опасение, что предстоящее разрешение Триполийского вопроса «исчерпает для Италии интерес договоров», связывающих ее с Англией и Францией. Поэтому он считал желательным сохранение после войны участия Италии, в качестве державы-покровительницы, в критском вопросе, который, по его словам, является «зацепкой, упрочивающей известную независимость Италии в Тройственном союзе».

[2] См. т. XVIII, № 714.

[3] См. № 19.

[4] См. № 25.

[5] Так в оригинале. Имеется в виду тел. от 19/6 ноября за № 70, содержание которой исчерпывается публикуемым документом.

post», которая ни в коем случае не отражает ни мнений, ни намерений австро-венгерского правительства, — тем не менее заявление, сделанное маркизом Паллавичини, выражает лишь личное мнение последнего.

Эренталь вполне расположен обсудить этот вопрос с императорским правительством самым дружественным образом.

Тут вкрался между Эренталем и мной инцидент, о котором я не счел нужным упомянуть в моей телеграмме.

Эренталь заявил мне, что он не считает себя связанным согласием 1908 года потому, что оно было дано под непременным условием признания аннексии Боснии и Герцеговины, а между тем Россия не только отказалась от такого признания в то время, но благодаря ей Австрия была накануне войны с Сербией. Я возразил тотчас же, что если граф Эренталь желает дружеских отношений с Россией, он никогда не должен упоминать о вопросах, в которых мы остаемся каждый при своем мнении; я напомнил ему, что в день нашего первого свидания он мне обещал, по личному почину, не упоминать о пережитом кризисе. Эренталь спохватился немедленно и просил меня не упомянуть в моем донесении о словах, невольно сорвавшихся с его языка. Он повторил, что готов обменяться взглядами по вопросам о Проливах.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 53. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 21/8 ноября 1911 г.

Многоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Третьего дня король греческий сделал мне честь, приняв мое приглашение к завтраку [1].

До этого его королевское величество удостоил меня приемом и имел со мной продолжительный разговор.

Во время нашей беседы король затронул вопрос о итальянско-турецкой войне. Он решительно не видит возможности прекращения этой войны, потому что Италия стала на ложную почву. Она глубоко ошибается, думая, что великие державы смогут заставить Турцию признать аннексию. Это признание немыслимо, пока весь Триполитанский край не будет de facto завоеван Италией и турецким войскам не будет нанесено поражение в самой Оттоманской империи. В Македонии стянуты очень внушительные военные силы и о поражении со стороны Италии не может быть и речи; не так скоро можно ожидать умиротворения страны, присоединенной королевским декретом. В разговоре с Титтони [2], которого король нашел чрезмерно воинственно настроенным, король спросил, почему Италия не уничтожила турецкий флот, когда она могла это сделать до его вступления в Мраморное море. Не имелось ли в виду сохранить этот флот, чтобы греки не воспользовались отсутствием флота, чтобы присоединить Крит. Когда король заговорил о критском вопросе, который остается открытым с 1864 г., Титтони ответил, что великие державы не могут допустить присоединения Крита к Греции из-за принципа территориальной неприкосновенности Оттоманской империи, на что его величество возразил, что Италия дала странный пример соблюдения этой неприкосновенности. Затем король выразил Титтони свое убеждение, что если война протянется до весны, она несомненно распространится и на Балканский полуостров. Турции нет причины признать аннексию, она понимает, что стоит на твердой почве права. Если Турция пока не высылает 60 000 рабочих рук итальянских, это просто потому, что без них ей обойтись трудно, нет рабочих-турок.

---

[1] Деп. от 23/10 ноября за № 71 Н. Гирс сообщил Нератову, что греч. король Георг прибыл в Вену «под строгим инкогнито», пробыл там около 10 дней, был принят 16/3 ноября Францем-Иосифом и имел две длительные, по несколько часов каждая, встречи с Эренталем, после чего он выехал в Афины 22/9 ноября.

[2] Король Георг был в Париже в начале ноября нов. ст.

Король очень жалеет, что С.-Джулиано нехорошо расположен к Аварна и его советам разумным не придает должного значения; между тем король, который знает с давних времен Аварна, который был в Греции в качестве итальянского посланника, считает его осторожным и понимающим прекрасно настоящее положение дел.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 54. Посланник в Стокгольме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 20. 21/8 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

На последнем дипломатическом приеме граф Эренсверд коснулся, в разговоре со мной, вопроса о посылке в Персию шведских инструкторов для преобразования персидской жандармерии.

При этом министр сообщил мне, что королевским правительством было получено, косвенным образом, предложение командировать другую группу офицеров для реорганизации персидской армии. Несмотря на то, что король Густав относился к мысли этой весьма сочувственно, считая такую командировку полезной в смысле военной практики для шведских офицеров, его величество отказался от осуществления этого намерения, так как до сведения его дошло, что подобная командировка была бы встречена несочувственно императорским правительством.

Передавая мне о вышеизложенном, граф Эренсверд прибавил, что такое решение короля внушено было самым искренним желанием его величества и королевского правительства поддерживать и развивать наилучшие отношения между Россией и Швецией.

Новый министр иностранных дел не перестает, при каждом свидании со мной, уверять меня в своих дружеских чувствах к России, а действия королевского правительства как в настоящем вопросе, так и в деле участия финляндцев в Олимпийских играх являются несомненным подтверждением этих заявлений.

В том же духе говорил со мной граф Эренсверд и при передаче ему мной, в прошлую субботу, содержания циркулярной телеграммы вашего превосходительства о посылке нашего отряда в Казвин [1]; министр иностранных дел выразил при этом надежду на скорое улажение нашего недоразумения с тегеранским кабинетом, так как и шведское правительство, командирующее в Персию своих жандармских инструкторов, и здешнее общественное мнение живо интересуются персидскими делами.

Примите и пр.

К. Нарышкин.

№ 55. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма [2]. 21/8 ноября 1911 г.

Получил телеграммы №№ 1805 [3] и 1833 [4].

Если императорское правительство решило не отменять похода даже в случае, если персы исполнят наши требования, то нам непременно следовало бы воспользоваться этим обстоятельством для обеспечения на будущее время нормальных с Персией отношений. Деятельность Шустера, не поставленная в надлежащие рамки, угрожает нам не только постоянными осложнениями, но и составляет опасность для англо-русского соглашения,

---

[1] См. № 28.

[2] Номер отсутствует. Опубл. Ор. кн., стр. 243, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[3] См. № 26.

[4] См. № 42.

расстройство коего является одной из главных его задач [1]. К тому же, за последние два дня Шустеру можно поставить в вину две вещи, из коих каждая дает нам полное право требовать немедленного его увольнения: 1) он два дня тому назад начал даром раздавать народу под заглавием «Добрые отношения Персии» перевод значительно дополненного письма его в «Times» с нападками на Россию и, отчасти, на Англию [2]; 2) несмотря на ясно выраженное ему нежелание трех правительств оставлять Стокса на персидской службе, он не предпринимает никаких шагов к его увольнению, что доказывает то, что Стокс уже три дня не дает никакого ответа на вторично предъявленное ему великобританским правительством категорическое требование немедленно отправиться к его месту службы в Индию [3]. Ответ на вопрос вашего превосходительства, каким путем может быть осуществлено увольнение Шустера, крайне затруднительный; на основании собранных мной в течение двух дней справок и сведений я могу ответить лишь следующее. Рассчитывать на добровольное удаление Шустера или на согласие меджлиса в этом вопросе весьма трудно. Вся прошлая деятельность этого собрания, его отказ от займа, пока таковой был обставлен политическими условиями, его упрямство в вопросах об автомобилях и Караджадагской концессии, когда этой ценой Персия могла добиться отозвания казвинского отряда, его неуступчивость относительно предъявленных нами теперешних требований, — все это заставляет опасаться, что меджлис не согласится на удаление Шустера и будет надеяться на вмешательство иностранных держав, чтобы не допустить русских войск в Тегеран. Однако движение наших войск на Казвин и особенно на Тегеран ободрит всех противников нынешнего дискредитированного режима и врагов Шустера, и удаление последнего будет достигнуто путем государственного переворота одним из следующих трех способов: первый — бахтиарами в свою пользу, о чем я доношу другой телеграммой [4]; второй — в случае полного удаления от дел бахтиар — сторонниками Мохамед-Али-шаха с целью восстановления его на престоле, или третий — нами самими при занятии Тегерана, и в таком случае нам, вероятно, пришлось бы оставить нынешнего шаха и регента. При всех этих исходах образовавшееся дружественное нам правительство попутно разрешит все затронутые вашим превосходительством в вышеупомянутых телеграммах вопросы. При нынешнем же режиме и меджлисе мы пока могли бы надеяться лишь на благоприятное решение вопросов об автомобилях и Караджадагской концессии и, вероятно, о вознаграждении за убытки, и в этом важном обстоятельстве кроется единственная причина, почему после свержения Мохамед-Али-шаха мы не могли до сих пор подвинуть все интересующие нас дела. Независимо от того или иного решения императорского правительства относительно удаления Шустера, я считал бы полезным поставить персам условием удаления посылаемых нами ныне войск общее урегулирование отношений Персии к России и Англии на почве англо-русского соглашения. Согласно выработанной совместно с лондонским кабинетом форме таковое урегулирование должно бы выразиться в признании Персией сфер влияния, преимущественного положения обеих держав в вопросах о займах и о имеющих политическое или стратегическое значение концессиях, а также точное определение прав стоящих во главе персидской финансовой администрации европейцев. Выраженные нами в таком смысле требования настолько правильны и за-

---

[1] Тел. от 25/12 ноября за № 289 (№ 3) (опубл. Siebert, II, S. 232, № 505, где она датирована 24/11 ноября) Бенкендорф сообщал Нератову, что «по установившемуся здесь мнению, первой и основной мыслью меджлиса и Шустера является разрыв англо-русского соглашения. В этом смысле их не страшит мысль о русской оккупации, которую они рассчитывают использовать для своих целей».

[2] См. т. XVIII, № 852 и прим. к нему.

[3] Позднее, тел. от 5 дек./22 ноября за № 1200, Поклевский сообщил Нератову, что, по словам Барклая, Стокс заявил о своем согласии выехать из Персии в непродолжительном времени.

[4] См. № 57.

конны, что мы, мне кажется, можем совершенно не интересоваться вопросом, какое влияние предъявление подобных требований может оказать на существующий в Персии режим.

Поклевский.

№ 56. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 1124. 21/8 ноября 1911 г.

Получил № 1833 [1].

По приказанию из Лондона Барклай сообщил сегодня персам, что он имеет полное основание думать, что исполнение ими обоих наших требований поведет к отозванию посылаемых нами теперь в Персию войск. Известие о подобном решении императорского правительства сообщил Бьюкенен после вчерашнего разговора с председателем совета министров [2]. Вероятно, под влиянием вышеизложенного кабинет составился под председательством Самсам-эс-Солтане и при участии министров, против которых меджлис до сих пор возражал. Более чем вероятно, что завтра будут исполнены оба наши требования. Шустер уже согласился на отозвание жандармов из дома и имений Шоа [3], после того, как ему было обещано кабинетом, что прием от него весьма ценного имущества Шоа состоится по описи и что с управления главного казначея впредь снимется всякая ответственность за сохранность такового [4].

Поклевский.

№ 57. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 1125. 21/8 ноября 1911 г.
Срочная.

Два бахтиарских хана, от имени всего племени, посетили вчера Барклая, чтобы переговорить об общем положении и запросить его совета.

Они заявили, что демократы вместе с Шустером не только делают управление Персией невозможным, но и подвергают ее большой опасности, действуя вызывающе по отношению к России. Теперь демократы в меджлисе мешают образованию кабинета, выбранного специально Самсам-эс-Солтане для ограничения прав Шустера и удовлетворения наших требований. Бахтиары не могут остаться зрителями гибели их родины и они теперь колеблются между двумя путями: совершением государственного переворота с целью взять власть в свои руки, на что они имеют полную возможность, или устранением от дел и возвращением на родину, оставляя Персию легкой добычей для Мохамед-Али-шаха или Салара. С удовольствием ушли бы в Бахтиарию, если бы оба начальника дали им гарантию, что, кто бы ни стал у власти в Тегеране, не будут притеснять на их территории, границы коей должны быть точно определены. Они затем спросили, поведет ли по-

---

[1] См. № 42.

[2] Разговор Бьюкенена с Коковцовым происходил 19/6 ноября; см. стр. 32, прим. 3.

[3] Тел. от 21/8 ноября (копия которой была передана Бьюкененом Нератову) Барклай сообщил Грею, что Шустеру отдан приказ за подписью всех м-ров отозвать жандармов из имений Шоа и передать эти имения представителям перс. прав-ва, их охрана поручена казачьей бригаде. На запрос перс. прав-ва, удовлетворится ли Россия принесением извинения перс. поверенного в делах в Петербурге, Барклай ответил, что он в этом не уверен и что «такая постановка вопроса — потеря драгоценного времени». «Министр иностранных дел, — сообщал в заключение Барклай, — принесет извинения как только кабинет представится меджлису».

[4] Тел. от 21/8 ноября за № 283 (опубл. Siebert, II, S. 219, № 495) Бенкендорф передал Нератову, что перс. посланник в Лондоне довел до сведения Грея о готовности перс. прав-ва выполнить оба русских требования. Грей одобрил намерение перс. прав-ва, но отказался «действовать перед императорским правительством в пользу Персии».

мянутый выше государственный переворот ко вмешательству обеих держав, и заверили, что составленное бахтиарами правительство может уволить Шустера и будет всегда действовать в согласии с Россией и Англией. Относительно своего образа действий, в случае возможности остаться у власти, они объяснили, что начнут с образования кабинета по собственному выбору, который постарается держать меджлис в повиновении. Если последнее не удастся, то они его распустят, и так как это поведет к отставке регента, то они назначат на его место одного из бахтиарских ханов. О захвате престола они не упоминали, но подобное желание сквозило у них между слов.

Барклай отказался дать им какой-либо совет и указал, что вся ответственность за их действия падает на них самих. После совещания со мной и прежде чем бахтиарские ханы успели посетить меня, мы пришли к убеждению, что отсутствие с нашей стороны указаний может поощрить бахтиар к немедленным действиям, а потому мы решили, что я им скажу следующее от имени обеих миссий. Происходившие летом между мной и бахтиарами переговоры дают обоим посланникам право их заверить, что в случае их ухода на родину, им будет обеспечено справедливое отношение со стороны тех, кто будет находиться у власти. Вопрос же о государственном перевороте является совершенно новым, и мы не можем на него ответить, не испросив указаний наших правительств; до получения таковых мы просим бахтиар воздержаться от активных выступлений. В разговоре со мной ханы повторили все изложенное и лишь прибавили, что занятое ими летом положение и потоки пролитой крови не позволяют им теперь принять деятельное участие в восстановлении Мохамед-Али-шаха. Они этому, однако, мешать не будут, если таково желание обоих правительств и если они получат возможность удалиться из Тегерана с гарантиями. По прошествии же какого-нибудь года они будут готовы вновь участвовать верными слугами бывшего шаха. Ханы также просили меня, чтобы ответ наш был возможно ясен и чтобы в случае их удаления были совершенно точно определены их территориальные границы, в которые они желали бы включить Исфагань, Бахтиарию и Бехбехан.

Прошу срочных телеграфных указаний[1].

Поклевский.

№ 58. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 103[2]. 21/8 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Я уже имел честь донести вашему превосходительству по телеграфу об издании императорского указа, коим предписывается генерал-губернаторам и губернаторам созвать нотаблей вверенных им провинций, кои имеют выбрать из своей среды депутатов для участия в созываемом в Пекине учредительном собрании и выработки конституционных законов, приняв в основу положения, уже одобренные троном[3]. Одновременно опубликованы были указы о командировании особых комиссаров-умиротворителей (сюаньвэй-ши), которым поручается объяснить населению истинные намерения

---

[1] Тел. от 26/13 ноября за № 1879 Нератов отвечал Поклевскому, что, по словам Бьюкенена, Грей не считает возможным дать какой-либо положительный ответ бахтиарам, так как это было бы вмешательством во внутренние дела Персии и наложило бы на Англию ответственность за последствия. В связи с тем, что бахтиарские ханы желали знать мнение обоих прав-в и «нам нельзя будет отклоняться от того, что будет сказано англичанами», Нератов поручал Поклевскому условиться с Барклаем относительно ответа ханам, добавляя при этом: «Полагаем однако, что вы могли бы высказаться в менее определенных выражениях, дабы не оттолкнуть от себя бахтиар и не побудить их отказаться от желательных с нашей точки зрения энергичных выступлений против Шустера и меджлиса».

[2] Опубл. Изв. МИД, 1912 г., кн. 5, стр. 110.

[3] Указ был издан 14/1 ноября 1911 г.

*

правительства относительно введения конституционного строя [1]. Почти все двенадцать умиротворителей — китайцы, занимавшие довольно высокие административные посты губернаторов, цензоров, провинциальных казначеев. Некоторые из них подвергались опале за либеральный образ мыслей и за приверженность Юань Ши-каю.

Принятое ныне правительством решение касательно созыва провинциальных депутатов ожидалось еще раньше, а посему появление этих указов не произвело особенного впечатления. Одновременно с обнародованием указов прибыл в столицу новый председатель совета министров Юань Ши-кай. Свое вступление в должность названный сановник ознаменовал принятием энергичных мер безопасности: повсюду усилены были полицейские посты, появились конные патрули, образованы были добровольные дружины стражников и поставлены солдаты для охранения банков и магазинов. Были также приняты чрезвычайные меры охраны дворцового города и жилищ членов императорской фамилии. Благодаря этим мерам в городе произошло заметное успокоение, жители понемногу начинают возвращаться и торговля возобновляется.

Тотчас по приезде в Пекин Юань Ши-кай имел аудиенцию у князя-регента и вдовствующей императрицы и повидался с князем Цином [2] и с другими членами бывшего правительства. Депутации от конституционной палаты, принесшей Юань Ши-каю приветствие с назначением, он объявил, что берет на себя исполнительную власть, а для выработки конституции и принятия дальнейших решений по введению нового строя будет ждать созыва учредительного собрания. Он также просил палату разъяснить ему компетенцию и пределы власти премьера согласно принятым уже 19 статьям конституции.

Одним из первых распоряжений Юань Ши-кая было сформирование ответственного кабинета, причем, согласно новому положению о чинах, к каждому министру назначено по одному товарищу (фу-да-чень) вместо прежних двух, составлявших, собственно говоря, коллегию. В новый кабинет Юань Ши-кая вошло несколько бывших министров, например, министр иностранных дел Лян Дун-ян, а также несколько бывших товарищей министров. Большая часть новых министров — китайцы, за исключением министра колоний. Манчжурам предоставлены места товарищей. Партия реформаторов представлена Лян Ци-чао, известным сподвижником Кан Ю-вея, который назначен товарищем министра юстиции. В общем новый кабинет довольно бесцветен с преобладанием бюрократов старой школы и сослуживцев Юань Ши-кая. Здешняя пресса уже указала на это обстоятельство, отметив отсутствие в новом кабинете представителей общественных организаций.

Я имел случай видеться и беседовать с Юань Ши-каем, который вскоре по приезде навестил всех здешних посланников. Во время разговора Юань коснулся нынешнего положения дел в Китае, сказав, что принял назначение против воли лишь для того, чтобы исполнить свой долг и помочь, если можно, правительству, вполне сознавая трудность этой задачи. Ввиду того, что революция охватила три четверти Китая и что правительство не располагает достаточным числом войск, он считает, что подавление мятежа вооруженной силой может затянуться и что посему нужно искать компромисса с восставшими путем удовлетворения их разумных требований. Самой подходящей к Китаю формой правления Юань Ши-кай находит конституционную монархию с сохранением нынешней династии на престоле. На последнем условии он намерен настаивать, находя, что удаление династии, существующей свыше 250 лет, поведет еще к худшим бедствиям. Республиканский строй, по его мнению, представляется пока утопией. Для осуществления намеченных в 19 пунктах и одобренных палатой конституционных реформ он намерен опереться на более умеренные элементы

[1] В особом указе от 14/1 ноября перечислены комиссары-умиротворители с указанием провинций, куда они назначаются.

[2] Предшественник Юань Ши-кая на посту премьера.

страны, составляющие большинство и нежелающие анархии. Он уже делал попытки договориться с революционерами и убедить их отказаться от крайних требований, причем некоторый успех в этом отношении уже достигнут. Если же мирными средствами цель эта не будет достигнута, то он прибегнет к силе. Юань ничего не возразил, когда я заметил, что, по моим сведениям, военные операции под Ханькоу и Нанкином продолжаются и что, очевидно, соглашения пока достигнуть не удалось. Юань Ши-кай ручается за сохранение спокойствия не только в Пекине, но даже в Чжилийской провинции и уверен в лойяльности стоящих здесь войск. Когда я спросил премьера, какими способами он предполагает побудить отделившиеся провинции вновь признать центральную власть, он ответил, что для начала им посылаются умиротворители, дабы убедить вожаков движения в опасности и вреде сепаратистских стремлений. Он также рассчитывает на то, что провинции отзовутся на приглашение правительства прислать депутатов в общеимперский парламент. Революционная пропаганда, по его словам, не пустила глубоких корней и автономистским выступлениям большинства провинций не следует придавать чрезмерного значения; некоторые провинции, как, например Чжили, Хэнань, Шаньси, не примкнули серьезно к движению. Вообще Юань смотрит на вещи оптимистически и производит впечатление человека, готового испытать все средства, дабы вывести государство из нынешнего хаотического состояния.

Между тем, если сопоставить заявления нового руководителя китайской политики с событиями последнего времени и с получаемыми с разных концов империи сведениями, то нельзя не усумниться в осуществимости намеченной программы. Как известно, многие провинции объявили себя независимыми, а иные ввели у себя республиканскую форму правления. Долина Янцзы охвачена восстанием, и борьба между империалистами [1] и восставшими продолжается, не показывая перевеса ни в чью сторону. О готовности революционеров итти на компромисс что-то не слышно, но известно, что главные вожди движения настаивают на изгнании манчжур. В Шанхае намечается программа реформ для всего Китая, которые имеют быть выработаны своим национальным собранием из представителей примкнувших к движению провинций. Весьма характерным признаком общего настроения является недавнее обращение шанхайского временного правительства к князю регенту с предложением династии отказаться от престола, ибо проектированное ею преобразование государственного строя не удовлетворяет страны. Телеграмма, содержащая это предложение, была передана здешнему американскому представителю его консулом в Шанхае. Она подписана известным Ву Дин-фаном (он избран министром иностранных дел шанхайской федерации) и другими членами временного правительства.

Если манчжурские провинции не последовали примеру других и не объявили себя автономными, то лишь из опасения, что такой шаг может повести к внешним осложнениям. Но и в Мукдене местное провинциальное собрание уже сделало попытку провозгласить независимость и федеративное управление «ду-ли». Лишь благодаря убеждениям генерал-губернатора, предупредившего, что это послужит сигналом к занятию провинции Японией и к гибели государства, мукденские деятели отказались от первоначального намерения, удовольствовавшись учреждением Общества охраны порядка и спокойствия [2]. На практике новая организация явилась предлогом для допущения к управлению революционеров, имеющих ныне фактический контроль над действиями администрации.

Нельзя поручиться, что примеру мукденской не последуют другие манчжурские провинции. Судя по телеграммам наших консулов, и в Цицикаре и в Гирине ведется деятельная агитация [3].

Ввиду изложенного, трудно предугадать, какой результат получится от ближайших мероприятий Юань Ши-кая — созыва учредительного со-

[1] Так в оригинале.
[2] См. № 14.
[3] См. стр. 28, прим. 4.

брания и посылки умиротворителей. Созыв учредительного собрания потребует много времени, между тем сепаратизм провинций и их решимость игнорировать центральное правительство все увеличиваются. Кроме того, весьма вероятно, что многие провинции совсем не пожелают послать депутатов. Так, по газетным сведениям, глава республиканского правительства в Шандуне, бывший губернатор Сунь Пао-ци, отозвался на приглашение Пекина тем, что население уже высказалось в пользу федерального управления и автономии и не считает нужным посылать делегатов. Командирование комиссаров-умиротворителей также представляет мало шансов на успех: многие комиссары, вероятно, не решатся выступить с какими-либо предложениями, особенно в провинциях, где оппозиция правительству приняла боевой характер.

Высказавшись прямо против республиканского строя, Юань оттолкнул от себя крайние партии так называемых «гоминданов»[1]. Едва ли он может также рассчитывать на поддержку конституционалистов, мало доверяющих искренности его намерений в деле проведения реформ. Большинство манчжур, лишенных своего первенствующего положения, естественно против него. Что касается двора, то лишь чувство самосохранения побудило его временно побороть в себе ненависть к этому сановнику, сыгравшему столь вероломную роль в трагической судьбе богдохана Гуан-сюй. Таким образом Юань Ши-каю приходится искать опоры в китайских бюрократических кругах, имеющих с ним личные связи по прежней службе в Чжили и Шандуне и в войсках, где имя его до сих пор пользуется популярностью. Значение сената, благодаря последним событиям, настолько сократилось, что это учреждение, даже при желании, не может оказать премьеру серьезной поддержки; к тому же сенат, по мнению самого Юаня, не представляет страны.

Приняв тем не менее управление, Юань Ши-кай имеет, вероятно, в виду другие соображения. Так, на помощь его объединительным планам может явиться рознь между вождями революционеров и революционными организациями, захватившими власть в провинциальных центрах, но действующими, повидимому, без общей программы и руководства. Весьма серьезным козырем в руках правительства служит также страх перед иностранным вмешательством. Китайские газеты уже теперь переполнены тревожными известиями о делаемых некоторыми державами с этой целью военных приготовлениях. Особенно опасаются вмешательства Японии[2]. Наконец, особенно важным фактором в пользу соглашения между сторонами будет служить финансовое истощение, уже испытываемое как правительством, так и мятежниками. Известно, например, что все делавшиеся китайским правительством в последнее время попытки заключить заграничный заем кончились полной неудачей, несмотря на самые выгодные условия, предлагавшиеся китайцами. Финансовые сферы Европы справедливо не доверяют пекинскому правительству и выжидают выяснения положения.

Как бы ни разрешилось восстание, но уже теперь можно сказать, что одним из крупных последствий для Китая будет тяжелый финансовый кри-

---

[1] Так в оригинале.

[2] В рапорте от 17/4 ноября за № 429 воен. агент в Японии Самойлов, передавая полученные им сведения о положении в Китае, сообщал следующее: «Повидимому, в ближайшем будущем можно ожидать столкновения обеих сторон. Есть основание думать, что японцы желали бы ускорить развязку, и как будто бы это одна из причин того, что они посылают войска в Тяньцзин, так как в сущности пока нет надобности в этом. Необходимость посылки войск японцы объясняют опасностью, угрожающей их подданным и вообще их интересам в Китае. Однако войска посылаются не туда, где действительно такая опасность есть, как в Ханькоу или Нанкине, откуда японцы просто уехали, а в Тяньцзин — в том расчете, что, опасаясь иностранного вмешательства, революционеры несколько умерят свои требования, правительство же почувствует некоторое ободрение, и весь конфликт, может быть, как-нибудь уладится. Не желая быть обвиненными в каких-либо замыслах, японцы действуют очень осторожно и посылают войска не иначе, как при согласии других заинтересованных держав и пока в пределах, обусловленных международным соглашением, состоявшимся по окончании боксерского восстания, т. е. таким образом, чтобы в провинции Чжили было бы не более 1 400 японских войск».

зис. Уже в настоящее время правительство, испытывая острую нужду в средствах, принуждено было отказаться от внесения срочных платежей по займам и боксерскому вознаграждению. Отказ этот побудил дипломатический корпус поднять вопрос о необходимости обеспечить платежи, причитающиеся с Китая, путем организации международной комиссии банкиров в Шанхае [1] и, по соглашению с инспектором морской таможни, выработать порядок получения и распределения платежей между заинтересованными державами. Как известно, доходы морских и туземных таможен служат обеспечением иностранных займов Китая. Хотя мера эта принимается в согласии с статьей VI заключительного протокола 1901 года [2] и ей предполагается дать временный характер, но она все же может явиться первым шагом к установлению международного контроля и над другими финансовыми ресурсами Китая. По сведениям главного инспектора морских таможен поступление пошлин происходит до сих пор довольно правильно и не встречает препятствий со стороны революционных властей.

При сем имею честь препроводить на благоусмотрение вашего превосходительства переводы трех упомянутых в настоящем донесении указов от [14]1 и [16]3 ноября [3]. Позволяю себе также приложить вырезку из здешней газеты «Journal de Pékin» от 17/4 ноября, дающую довольно верную характеристику нового кабинета [4].

Примите и пр.

Коростовец.

№ 59. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 1851. 22/9 ноября 1911 г.

Телеграмма за № 1124 получена [5].

Слова председателя совета министров были поняты и переданы Бьюкененом очевидно не совсем правильно. Статс-секретарь Коковцов не высказывался положительно в смысле возможности для нас удовольствоваться исполнением персами прежних двух наших требований и после вступления наших войск в Персию. В сегодняшней моей беседе с Бьюкененом я ему разъяснил это, указав при этом, что заявления, сделанные в Лондоне сэром Эдуардом Греем персидскому посланнику и в Тегеране Барклаем персидскому правительству, не могли итти дальше дружественных советов и предположений и, очевидно, никаких обязательств на великобританское правительство не возлагают. Бьюкенен с этим согласился. Я предупредил затем Бьюкенена, что мы, вероятно, выставим дополнительные требования.

Полагаем, что Барклай мог бы, в случае надобности, дать персам объяснение в вышеуказанном смысле. Подробности вы получите дополнительно.

Нератов.

---

[1] См. № 43.

[2] Согласно VI статье заключительного протокола от 7 сент./25 авг. 1901 г., после подавления боксерского восстания, Китай обязан был уплатить иностранным державам в течение 39 лет 450 000 таэлей. Обеспечением долга служили: остаток от доходов морской таможни после покрытия процентов и погашения предшествовавших займов, доходы туземных таможен и соляной налог. Капитал и проценты боксерского вознаграждения должны были уплачиваться в установленные сроки в Шанхае следующим образом: каждая держава будет иметь своего представителя в комиссии банкиров; комиссия эта получает от кит. прав-ва проценты и погашение по долгу и распределяет полученное между заинтересованными.

[3] См. стр. 51, прим. 3, и стр. 52, прим. 1. Указ от 16/3 ноября 1911 г. касался «организации совета министров и назначения членов последнего».

[4] В помещенной в этой газете статье «Le premier cabinet responsable» высказывалось мнение, что назначенные министры не являются представителями каких-либо общественных организаций. «Можно сказать, — говорилось в статье, — что вновь сформированный кабинет не имеет политической окраски».

[5] См. № 56.

№ 60. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине Коростовцу.

Телеграмма № 1852. 22/9 ноября 1911 г.

№ 767 получен [1].

Изложенные в этой телеграмме взгляды ваши в принципе одобряются. Мы не предполагаем руководствоваться в Южном Китае точкой зрения японского правительства и признаем те выгоды, которые может представить нам сближение с южно-китайским правительством, если таковое образуется. Раздробление Китая на более или менее самостоятельные штаты было бы в наших глазах согласным с нашими широко понятыми интересами.

Необходимо однако иметь в виду, что те или другие практические шаги наши в этом направлении должны находиться в зависимости от хода событий в Китае и от отношения к ним держав, с которым мы не можем не считаться, чтобы не создать себе осложнений, не оправдываемых получаемыми выгодами, и чтобы не быть принужденными отступать от уже сделанных шагов.

В частности, мы считаем необходимым относиться осторожно к попыткам китайцев расстроить нашу солидарность с Японией на манчжурской почве и опасаться, что такой именно характер имеет упоминаемое вами намерение, существующее, будто бы, у Юань Ши-кая, признать наше положение в Манчжурии [2].

[Н е р а т о в.]

С[огласен].

Ливадия, [22] 9 ноября 1911 г.

№ 61. Временно управляющий министерством иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 1197. 22/9 ноября 1911 г.
Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

При письме от [20] 7 сего ноября, № 5236, вы изволили препроводить ко мне копии четырех телеграмм военного агента в Японии, в которых сообщается о сформировании японским правительством предназначаемого к отправке в Китай отряда и о желании японского военного министерства быть осведомленным о тех шагах, которые российское правительство предполагает сделать в связи с происходящими в Китае событиями [3].

По существу этого вопроса я остаюсь при том мнении, которое было одобрено советом министров под председательством вашего высокопревосходительства [4], что нам следует держаться возможно ближе к Японии и действовать параллельно с ней по отношению кризиса в Китае и не брать на себя инициативы активных выступлений. С этой точки зрения я нахожу необходимым ограничиваться пока приведением в готовность тех войсковых частей, движение которых в Манчжурию и Чжилийскую провинцию может сделаться нужным по ходу событий [5]. Я не мог бы отнестись

---

[1] См. № 13.

[2] Тел. Коростовца за № 767 была препровождена Нератовым Коковцову при письме от 24/11 ноября за № 1206, в котором он, изложив в основном мысли, приведенные в публикуемом документе, добавлял: «Признавая необходимым параллельность наших и японских действий по отношению переживаемого Китаем кризиса, я не могу закрывать глаза на то, что не только в Южном Китае, но еще более в Монголии и Синцзяне, наши и японские интересы не совпадают. Поэтому, вполне солидарными с Японией мы можем быть только в Манчжурии и на севере Внутреннего Китая, где тот или другой ход событий не замедлит отразиться и на нашем положении в Манчжурии».

[3] См. т. XVIII, № 787, прим. к нему, и стр. 54, прим. 2 настоящего тома.

[4] Повидимому, имеется в виду частное совещание совета м-ров от 3 ноября/21 окт. 1911 г., на которое имеется указание в письме Поливанова № 2360 (см. стр. 28, прим. 3). Журнал этого совещания в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен.

[5] См. № 29.

иначе, как отрицательно, к мысли занять Илийский край, воспользовавшись настоящим моментом, если только происходящее в Китае брожение не перебросится в названную область и не будет угрожать интересам живущих там русских подданных. Наше движение в Илийский край было бы, вероятно, желательно для японцев, так как отвлекало бы наше внимание от восточных частей китайской империи; но предоставить японцам одним решать связанные с событиями в Пекине вопросы, на мой взгляд, было бы несогласно с нашими интересами.

Считаю долгом отметить, что, насколько можно догадываться из сопоставления имеющихся в моем распоряжении сведений, сделанные японским военным министерством нашему военному агенту сообщения совпадают с получением в Токио просьбы японского посланника в Пекине о посылке войск для занятия железнодорожного сообщения китайской столицы с морем.

Как сказал мне здешний японский посол, токийский кабинет не признал нужным привести в исполнение эту меру, и отряд, о сформировании которого доносил генерал-майор Самойлов, до сих пор не вступил на китайскую территорию.

Примите и пр. [Нератов.]

№ 62. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [1]. 22/9 ноября 1911 г.

Monsieur le Gérant,

Si au moment de la crise marocaine il eut été impossible de percevoir en Angleterre la moindre opposition sérieuse à l'opinion que le gouvernement était tenu de donner le cas échéant à la France l'appui de ses armes, il ne saurait être nié que, depuis que le calme s'est rétabli, il se manifeste une certaine réaction dans différents centres,— les centres pacifiques surtout, très disséminés au sein des partis, mais appartenant surtout à la gauche des radicaux.

Je n'attribue à ce mouvement aucune importance spéciale; je crois qu'il y a là plutôt l'effet d'une réaction contre une tension un temps extrême et je ne crois pas à sa durée. Les grands partis gouvernementaux représentés à la Chambre tant conservateurs-unionistes que libéraux n'en présentent nul signe appréciable.

Le raisonnement dont usent les adeptes du mouvement dont je parle, peut se résumer ainsi. En deux ans l'Angleterre s'est trouvée par deux fois à la veille de prendre les armes pour des questions où elle n'avait que des intérêts indirects. Ceci aurait pu produire deux guerres comme résultat des ententes. La politique de l'isolement aurait donc des avantages.

Une lettre parue dans le «Standart» de lundi dernier et signée par Mr. Stead jette quelque jour sur cette question et je crois devoir la joindre ci-près[2].

Je rends compte de cette manifestation d'opinion surtout par acquit de conscience, mais aussi parce que c'est là une tendance dont la politique allemande tentera certainement de profiter et tout d'abord en en exagérant l'importance.

Il y a aussi à dire que cette tendance d'opposition, dont le fond est que le gouvernement tient les Chambres trop peu informées de la politique internationale, peut donner plus d'ampleur et quelqu'appui aux attaques dont Sir E. Grey sera l'objet au sujet des affaires de Perse.

Pour donner à votre excellence un exemple de la façon dont use le comité persan pour présenter les affaires au public, je crois devoir joindre ci-près sa dernière publication à ce sujet [2]. Je joins également un appel signé par deux noms bien différents: Mr. Buxton, membre du Comité balkanique, Mr. Ponsonby, membre du Comité persan et où intervient de façon inattendue le nom

[1] Опубл. Siebert, II, S. 221, № 497, где датировано 21/8 ноября.
[2] Приложения не воспроизводятся.

de Sir Henry Norman, un des adeptes les plus fervents de l'entente anglo-russe.

Il est à remarquer que les membres de l'opposition conservatrice et unioniste ne se mêlent en aucune façon à ce mouvement. Il n'est pas à prévoir que la retraite de Mr. Balfour fasse de différence à ce point de vue. Mais Mr. Bonar Law n'a pas encore donné sa mesure.

Sir E. Grey a si bien l'oreille de la Chambre et sa parole a une telle autorité que j'ai tout lieu d'espérer que le débat fixé à lundi prochain tournera à l'avantage de la politique du gouvernement.

J'ai à maintes reprises attiré l'attention de Sir E. Grey sur la vigueur avec laquelle s'exprime notre opinion publique, notamment sur les affaires de Perse. Il en a je crois tenu compte. Et je crois que son changement d'attitude envers Mr. Shuster en est un résultat. Mais comme j'ai eu l'honneur d'en entretenir hier votre excellence par télégraphe [1], quand Sir E. Grey parle [de l'] opinion publique anglaise ou plutôt difficulté parlementaire, c'est d'une difficulté directe et réelle qu'il parle, en ce sens qu'elle peut se traduire en un vote de la Chambre. Evidemment il y a là une certaine différence que j'ai cru devoir signaler à votre excellence.

Veuillez agréer, etc. Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

Если в момент марокканского кризиса было невозможно заметить в Англии мало-мальски серьезную оппозицию точке зрения, что правительство обязано оказать, в подлежащем случае, вооруженную поддержку Франции, то нельзя отрицать, что с тех пор, как спокойствие восстановилось, проявляется известная реакция в некоторых кругах — особенно в пацифистских кругах, крайне разбросанных по разным партиям, но принадлежащих преимущественно к левой части радикалов.

Я не придаю этому движению никакой особой важности; я думаю, что здесь проявляется скорее реакция против бывшего одно время очень сильного напряжения, и я не верю в его продолжительность. Основные правительственные партии, представленные в палате, как консерваторы-юнионисты, так и либералы, не проявляют в этом отношении никаких сколько-нибудь значительных признаков.

Рассуждение, к которому прибегают сторонники движения, о котором я говорю, можно резюмировать так. За два года Англия два раза оказалась почти вынужденной взяться за оружие из-за вопросов, в которых она имела лишь косвенные интересы. Это могло бы привести к двум войнам в результате заключенных соглашений. Политика изоляции имеет поэтому преимущества.

Письмо, появившееся в «Standart» в прошлый понедельник и подписанное г. Стидом, бросает некоторый свет на этот вопрос, и я считаю долгом приложить его при сем.

Я даю отчет об этом проявлении общественного мнения главным образом для очистки совести, но также и потому, что в этом сказывается тенденция, которую, конечно, попытается использовать германская политика, прежде всего преувеличив ее важность.

Надо также сказать, что эта тенденция оппозиции, имеющая в своей основе то, что правительство слишком мало осведомляет палаты о международной политике, может придать больший объем и некоторую поддержку нападкам, которым сэр Э. Грей подвергнется по поводу персидских дел.

Чтобы привести вашему превосходительству пример того, как действует персидский комитет, отчитываясь публично в своих делах, считаю долгом приложить при сем последние печатные издания по этому предмету. Прилагаю также воззвание, подписанное двумя весьма различными именами: г. Бэкстон, членом Балканского комитета, г. Понсонби, членом Персидского комитета, и где неожиданным образом встречается имя сэра Генри Нормана, одного из самых горячих сторонников англо-русского соглашения.

---

[1] Очевидно, ошибка. Имеется в виду тел. не от 21/8, а от 22/9 ноября за № 284, в которой Бенкендорф сообщил Нератову, что он неоднократно указывал Грею на возбуждение общественного мнения в России, под влиянием чего Грей изменил свое отношение в вопросе о Шустере. Далее Бенкендорф указывал, что трудность для Грея «защищать необходимость посылки нашей военной экспедиции значительно увеличивается отсутствием ясных доказательств, что в инциденте, которым мотивировали посылку экспедиции, право на нашей стороне. Я не думаю, что Грей имеет абсолютные доказательства в том, что вся вина на персидской стороне». Указывая далее на то, что он не может навязать Грею своего мнения, сам не зная всех подробностей дела, Бенкендорф подчеркивал, что приведенные им выше соображения окажут влияние на дебаты в парламенте и, со своей стороны, предлагал во имя общих политических интересов действовать «с умеренностью, совместимой с нашими интересами».

Надо заметить, что члены консервативной и юнионистской оппозиции никоим образом не участвуют в этом движении. Нет оснований ожидать, чтобы уход г. Бальфура внес какое-либо изменение в этом отношении. Но г. Бонар Лоу еще не проявил себя.

Сэр Э. Грей настолько заставляет палату прислушиваться к себе, и его слова имеют такой авторитет, что я имею все основания надеяться, что дебаты, назначенные на будущий понедельник, обратятся на пользу политики правительства.

Я неоднократно обращал внимание сэра Э. Грея на то, с какой силой выражается наше общественное мнение в особенности по поводу персидских дел. Он, мне кажется, учел это. И я думаю, что изменение его позиции по отношению к г. Шустеру является результатом этого. Но, как я имел честь сообщить вчера вашему превосходительству по телеграфу, когда сэр Э. Грей говорит об английском общественном мнении или скорее о парламентских затруднениях, то он говорит о затруднениях прямых и реальных в том смысле, что они могут выразиться в вотуме палаты. Очевидно, здесь есть некоторая разница, на которую я и считал долгом указать вашему превосходительству.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 63. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 22/9 ноября 1911 г.

Monsieur le Gérant,

Souffrant depuis quelques jours et empêché de sortir, je n'ai eu des rapports directs avec le ministère des affaires étrangères que par des visites que me fait Sir A. Nicolson dés que la nécessité s'en présente.

C'est ainsi que le sous-secrétaire d'Etat est venu me faire lecture du télégramme par lequel Sir G. Buchanan a rendu compte de sa première entrevue avec votre excellence. Je lui ai de même communiqué les passages du télégramme que vous avez bien voulu m'adresser à la même occasion [1], complétant ainsi le sommaire un peu plus succinct, mais d'ailleurs tout à fait exact de l'ambassadeur d'Angleterre.

Je ne crois pas me tromper en disant que l'impression du Cabinet de Londres est que, si les graves décisions prises par le Cabinet impérial, celles nommément de l'envoi en Perse d'un corps expéditionnaire et de l'interruption des rapports diplomatiques ont eu pour motif immédiat l'incident Shoaes-Saltaneh,— elle est néanmoins causée par des raisons plus profondes.

L'incident en question, comme en témoigne l'article ci-joint du «Times» [2], continue à être envisagé non sans quelques commentaires qui dans une certaine mesure en diminuent l'importance, au point de vue anglais.

Il n'en est pas de même des résultats et des tendances de la politique de Mr. Shuster, celle-ci, sauf en certains parages qui n'ont jamais éprouvé de sympathie réelle pour l'entente, est considérée par le gouvernement tout d'abord et par la majorité du public anglais sérieux comme incompatible avec les intérêts de la Russie et aussi avec ceux de l'Angleterre; on pense que le mieux serait d'y mettre fin par la retraite ou le renvoi par le gouvernement persan du fonctionnaire américain.

L'unique observation que m'a fait Sir A. Nicolson se réfère aux difficultés du mode de procéder à ce sujet une fois que nos troupes seront sur place. La première difficulté se rapporte à la qualité d'étranger et de sujet américain de Mr. Shuster. La seconde c'est que, s'étant rendu à peu près indépendant d'un gouvernement qui d'ailleurs n'existe plus qu'en la personne du Régent, il a fait cause commune avec le medjliss et occupe ainsi une situation qui, pour peu qu'il y mette de l'obstination, peut créer des difficultés qui demandent à être examinées avec prudence.

En un mot et quoi qu'il en soit de l'occasion on ne discute ici ni notre droit, ni la nécessité en principe d'une politique énergique.

D'ailleurs l'assurance donnée que notre occupation ne sera que temporaire [3] et que le principe de la politique du Cabinet impérial reste comme jusqu'ici

---

[1] См. № 31.
[2] Приложение не воспроизводится.
[3] См. №№ 16 и 31.

celui de l'indépendance et de l'intégrité de la Perse (un sujet sur lequel d'ailleurs aucun doute n'avait été éveillé) a suffi pour rassurer le Cabinet de Londres, en facilitant les déclarations que Sir E. Grey aura à faire à la Chambre des communes.

Il y a un point pourtant qui ne laisse pas d'inquiéter dans une certaine mesure le Cabinet de Londres. C'est la présence sur territoire persan de Mohamed-Ali.

Votre excellence ayant donné des explications à ce sujet à Sir G. Buchanan, je me bornai à communiquer à Sir A. Nicolson la traduction exacte de ce passage de votre télégramme [1]. Il m'en exprima son appréciation, tout en ne les trouvant peut-être pas entièrement absolues.

Ceci m'oblige à reprendre cette question.

Quelle que soit l'opinion admise en Angleterre sur la valeur personnelle de l'ex-shah et sur celle de son régime, il est difficile d'affirmer que, s'il avait été par suite d'un désarroi complet du régime actuel et d'un fort mouvement en sa faveur en Perse même, rappelé au trône, le gouvernement anglais n'aurait pas fini par le reconnaitre. Je crois que la chose eût été extrêmement difficile à cause de bien des considérations de nature diverse. La chose pourtant n'eut peut-être pas été tout à fait impossible. Je ne saurais exprimer d'opinion absolue à ce sujet. En tout cas cette reconnaissance n'eut pu avoir lieu qu'à toute extrémité et après un échange d'idées approfondi avec le Cabinet impérial. Il eut fallu que Mohamed-Ali se fût abstenu pendant son exil en Russie de toute intrigue et de toute activité politique.

Comme les choses sont, il a quitté la Russie dès que la chose lui a semblé utile; ensuite il traversa subrepticement et, comme on juge ici, déloyalement la Russie pour apparaître en Perse, y tenter le sort des mouvements populaires et celui des armes.

Le pire pour lui c'est que ni l'un ni l'autre n'ont réussi et que ses succès partiels n'ont jamais été qu'éphémères; ceci le condamne et rend sa position pire qu'elle n'a jamais été aux yeux du gouvernement et du public anglais.

Si aujourd'hui, profitant des circonstances créées par la présence de nos troupes, l'ex-shah arrivait à se faire proclamer, cette restauration ne serait pas reconnue et serait en outre considérée comme due, sinon intentionnellement du moins de fait à la force de nos armes qui seules pourraient le maintenir.

C'est là un point sur lequel j'ai cru devoir insister spécialement comme d'importance majeure, en vue des conséquences qui en découleraient.

Je ne saurais cacher l'impression qu'il existe à ce sujet un certain degré d'inquiétudes. Elles me semblent d'autant plus vives qu'aujourd'hui plus que jamais le gouvernement anglais tient à son entente avec la Russie et ne se laissera désorienter en aucune façon par quelques symptômes d'un mouvement beaucoup plus bruyant que réel qui se manifeste contre cette entente et même peut-être contre celle avec la France; ils proviennent des centres pacifistes et radicaux extrêmes et le débat sur la politique étrangère annoncé pour lundi prochain à la Chambre des communes en présentera, il faut le croire, quelques traces [2].

Veuillez agréer, etc. Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

Будучи нездоров в течение нескольких дней и не имея возможности выходить, я мог непосредственно сноситься с министерством иностранных дел лишь благодаря визитам сэра А. Никольсона, который посещал меня, как только к этому представлялась необходимость.

---

[1] См. № 31.

[2] Тел. от 25/12 ноября за № 288 (№ 2) (опубл. Siebert, II, S. 231, № 504, где датирована 24/11 ноября) Бенкендорф уведомлял Нератова о возможности министерского кризиса в Англии, последствием которого будет выход в отставку Грея, так как последний, уверенный в поддержке палаты депутатов по вопросам общей политики, сомневается, что парламент одобрит его политику относительно Персии.

В одно из таких посещений помощник статс-секретаря прочел мне телеграмму, в которой сэр Дж. Бьюкенен сообщал о своем первом свидании с вашим превосходительством. Я, со своей стороны, прочел ему выдержки из телеграммы, посланной мне вами по тому же вопросу, дополнив таким образом несколько сокращенное, хотя и вполне точное, сообщение английского посла.

Я не думаю, что ошибусь, если скажу, что у лондонского кабинета создалось впечатление, что хотя инцидент с Шоа-эс-Солтане и был тем прямым поводом, который вызвал столь важные решения императорского кабинета, как отправка в Персию экспедиционного корпуса и разрыв дипломатических сношений, истинной причиной тому были соображения более глубокого характера.

Указанный инцидент, как о том свидетельствует прилагаемая статья из «Times», продолжает рассматриваться не без некоторых комментарий, которые умаляют его значение с английской точки зрения.

Но не таково мнение о направлении и результатах политики Шустера; эта последняя, кроме некоторых кругов, в действительности никогда не сочувствовавших согласию, рассматривается большей частью серьезного общественного мнения Англии и прежде всего правительством, как несовместимая с интересами России, а также и с интересами Англии; здесь думают, что лучше всего было бы положить ей конец либо путем отставки американского чиновника, либо удалением его персидским правительством.

Единственное замечание, сделанное мне сэром А. Никольсоном, относится к затруднениям, связанным с осуществлением такого образа действий, когда наши войска прибудут на место. Первое затруднение связано с тем, что Шустер — иностранец и американский подданный. Второе заключается в том, что он, создав себе положение, почти независимое от правительства, существующего к тому же лишь в лице регента, действует заодно с меджлисом, и занимаемое им в настоящий момент положение таково, что может — при малейшем упорстве с его стороны — создать затруднения, которые следует тщательно взвесить.

Одним словом, что бы ни случилось, ни наше право, ни необходимость твердой политики в принципе здесь не оспариваются.

К тому же данные заверения, что наша оккупация носит лишь временный характер и что принципом политики императорского кабинета остается, как и до сих пор, независимость и целостность Персии (что, впрочем, и не вызывало никаких сомнений), были достаточны, чтобы рассеять опасения лондонского кабинета, облегчив сэру Э. Грею декларации, которые он должен будет сделать в палате общин.

Однако есть один пункт, который не перестает, до некоторой степени, тревожить лондонский кабинет. Это — присутствие на персидской территории Мохамеда-Али.

Так как ваше высокопревосходительство дали по этому поводу объяснения сэру Дж. Бьюкенену, я ограничился сообщением сэру А. Никольсону точного перевода соответствующего места вашей телеграммы. Он высказал мне свою оценку этим объяснениям, не находя их, может быть, полностью обоснованными.

Это заставляет меня вернуться к указанному вопросу.

Каково бы ни было мнение Англии относительно достоинств самого экс-шаха и его режима, вряд ли можно утверждать, что английское правительство не согласилось бы в конце концов его признать, если бы в результате полного крушения теперешнего режима и сильного движения в его пользу в самой Персии он был бы снова призван на престол. Я думаю, что это признание сопровождалось бы, в силу различных соображений, чрезвычайными затруднениями. Тем не менее это, может быть, не вполне невозможно. Я не могу высказаться определенно по этому вопросу. Во всяком случае такое признание могло бы иметь место лишь в самом крайнем случае и после тщательного обмена мнениями с императорским кабинетом. Следовало бы, чтобы Мохамед-Али в течение своего пребывания в России воздерживался от всяких интриг и от всякой политической деятельности.

Но в действительности он покинул Россию, как только это показалось ему полезным; затем украдкою и, как говорят здесь, незаконно он проехал через Россию, чтобы явиться в Персию попытать счастья, используя для этого народное движение и силу оружия.

Самое худшее для него это то, что ни первое, ни второе ему не удалось и что его частичные успехи всегда были призрачными; это его губит и делает его положение в глазах правительства и общественного мнения Англии более тяжелым, чем когда-либо.

Если бы в настоящий момент, используя обстоятельства, сложившиеся в результате присутствия наших войск, ему удалось бы провозгласить себя шахом, такая реставрация не получила бы признания и кроме того считали бы, что она обязана если не преднамеренным действиям, то по крайней мере фактической силе нашего оружия, которая одна могла бы ее поддержать.

Я счел своим долгом особенно подчеркнуть это обстоятельство, имеющее величайшее значение в силу тех последствий, которые оно могло бы повлечь за собой.

Не сумею скрыть от вас создавшееся у меня впечатление, что по этому вопросу существуют некоторые опасения. Они кажутся мне тем более глубокими, что в настоящее время английское правительство более чем когда-либо дорожит согласием с Россией и никоим образом оно не позволит заставить изменить ориентацию из-за внешних проявлений какого-то движения, гораздо более шумного, чем серьезного, направленного против этого согласия и даже, может быть, против согласия с Францией. Послед-

нее берет начало в пацифистских кругах и у крайних радикалов. Надо думать, что оно найдет отражение в дебатах по иностранной политике, имеющих быть в палате общин в будущий понедельник.

Примите и пр. Бенкендорф.

№ 64. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 94. 22/9 ноября 1911 г.

Получил № 1847 [1].

Министр иностранных дел заявил вчера французскому поверенному в делах, что он решил покамест сосредоточить все свое внимание на покорении Триполи и в настоящую минуту не предполагает расширять район военных действий. Министр, которого я только-что посетил, подтвердил и мне то же самое, хотя добавил, что на будущее время никакими обязательствами себя не связывает. Он сказал, что считает турецкую угрозу — в качестве меры самозащиты закрыть Проливы — блефом, имеющим целью вызвать Россию на неприятное для Италии выступление. Министр ясно отдает себе отчет в значении и последствиях такой меры, как блокада Дарданелл, но именно оттого-то Италия, располагающая достаточной силой, чтобы привести ее в исполнение, и отсрочивает применение таковой, желая щадить интересы нейтральных держав. Турки же в своем бессилии нанести удар Италии стараются задеть интересы третьих. Жюль Камбон телеграфировал своему правительству, что Германия, в ответ на заявление турецкого посла, отказалась сделать представления в Риме, не веря будто бы в намерение Италии перенести военные действия в Эгейское море. До сих пор мне не удается выяснить, не вследствие ли давления союзниц отложен теперь план военной демонстрации в названном море.

Долгорукий.

№ 65. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 76 [2]. 22/9 ноября 1911 г.

Ссылаюсь на № 70 [3].

Эренталь дал мне прочесть ответ австрийского посла в Константинополе на запрос касательно его разговора с русским послом в Константинополе. Австрийский посол телеграфирует, что в общем разговоре с Чарыковым он коснулся и вопроса о Проливах и сказал, что он вполне признает специальные интересы России в Проливах. С этим заявлением посла Эренталь вполне согласен. Австрийскому послу в Петербурге, который возвращается на-днях в Россию, будут даны указания на случай, если бы вы сочли нужным заговорить с ним об этом вопросе.

Гирс.

№ 66. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 88 [4]. 22/9 ноября 1911 г.

Сюда начинают проникать слухи о возможности соглашения нашего с Турцией. Я лично не верю в возможность подобного соглашения, как искренней и длительной политической комбинации. 1) Турция — в нынешних ее географических границах — есть элемент разрушающийся; единственно живой силой является ее армия, но и то только на случай борьбы за существование, борьбы, которая направлена была бы прежде всего про-

[1] См. № 48.
[2] Тел. бланк.
[3] См. стр. 46, прим. 5.
[4] Маш. копия.

тив православных балканских государств. 2) Если бы Турция формально обещала нам и этим государствам даровать административную автономию их соплеменникам, она не могла бы исполнить своего обещания; на бумаге — всякие вольности, на деле — грабежи и насилия албанских шаек в Старой Сербии, Западной Македонии и Эпире. 3) В случае выступления Австрии, против коего, очевидно, и было бы направлено наше с Турцией соглашение, — весьма трудно предвидеть, чтобы Болгария и Греция ополчились на защиту нынешних турецких владений. Всего вероятнее они двинулись бы немедленно сами в Македонию и Фракию и тем поставили бы нам выбор между ними и Турцией. Всего опаснее было бы связать наши переговоры в Константинополе с вопросом о Проливах. Несвоевременная постановка этого важнейшего вопроса в 1908 году отразилась обострением именно славянских недочетов и славянского возбуждения и чуть-чуть не привела нас к войне. За всем тем, если бы соглашение с Турцией все-таки налаживалось, будучи обусловлено серьезными и временными оппортуническими [1] соображениями, то я настоятельно просил бы вас: 1) известить меня о сем заблаговременно, дабы я мог подготовить к тому короля и правительство Гешова — Данева, которые сами весьма склонны к чисто оппортуническому [1] соглашению с Турцией, но не знают истинных наших намерений и смущены характером сербских предложений; 2) высказаться категорически перед Белградом, что мы решительно не допускаем в сербо-болгарском договоре упоминаний о наступательных против Турции действиях. Считаю еще долгом предупредить, что болгары будут тем менее сговорчивы в вопросе о разграничении Македонии, чем длительнее представится им работа школьной и церковной пропаганды обеих стран в вилайетах.

Неклюдов.

№ 67. Посланник в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 69. 22/9 ноября 1911 г.

Получил № 1838 [2].

Греческое правительство весьма озабочено революционным движением на Крите и это тем более, что благоразумные доселе Кундурос и Михилидаки в нем участвуют. С другой стороны, число сторонников Венизелоса на острове значительно убавилось. Тем не менее министр иностранных дел не теряет надежды на то, что исполнительному комитету, поддерживаемому благоразумным элементом, удастся предотвратить посылку депутатов в Афины. Афинский кабинет с тем большей искренностью работает в желаемом направлении, что ввиду категорических и преданных широкой гласности своих заявлений касательно употребления даже насильственных мер в случае прибытия критских депутатов в Грецию, он отступить в настоящем вопросе уже не может; между тем меры эти со стороны правительства привели бы, вероятно, к его падению. Таким образом Венизелос с крайним напряжением действует в желаемом смысле, а потому, по мнению как моих сотоварищей, так и моему, напоминание с нашей стороны произвело бы на него нежелательное впечатление недоверия к афинскому кабинету наших правительств [3].

Свербеев.

[1] Так в оригинале.

[2] Тел. от 21/8 ноября за № 1838 Нератов, ссылаясь на тел. Пустошкина за № 100 (см. стр. 64, прим. 1), предписывал Свербееву: «Благоволите по содержанию ее обменяться взглядами с вашими коллегами держав-покровительниц и, в случае одинаковости ваших инструкций, напомнить Венизелосу его прежнее решение и обещание хотя бы и силой воспротивиться появлению критских самозванных депутатов на территории королевства».

[3] Тел. от 23/10 ноября за № 71 Свербеев сообщил Нератову, что в палате депутатов Венизелос заявил по критскому вопросу следующее: «Греческое правительство резко осуждает настоящее движение и ни в коем случае не допустит критских уполномоченных. Если общественное мнение его в этом не поддержит, кабинет выйдет в отставку».

№ 68. Управляющий генеральным консульством в Канее временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 101. 22/9 ноября 1911 г.

Копия в Афины.

Продолжение № 100 [1].

Прокламации с назначением революционных выборов на [26] 13 ноября вчера разосланы. Правительство опубликовало в противовес ей обращение к друзьям с советами благоразумия, в котором цитирует выдержку из письма Венизелоса к одному из членов правительства. Венизелос называет в нем настоящее движение на Крите преступным и выражает надежду, что никто из его единомышленников не примкнет к этому опасному для страны восстанию. Однако среди лиц, подписавших прокламацию, значатся пять депутатов венизелосистов.

Пустошкин.

№ 69. Николай II — далай-ламе.

Письмо. [2] Ливадия, 23/10 ноября 1911 г.

Ваше святейшество,

Получив послание вашего святейшества, помеченное 22 днем вставной луны, уведомляю вас, что заключающиеся в нем выражения добрых чувств ко мне глубоко меня тронули, и я не могу не высказать вам за них моей искренной признательности, равно как за присланный в дар хадак.

С своей стороны заверяю ваше святейшество в неизменности моего к вам благожелательства. С искренним участием следил я за теми испытаниями, которые в последнее время выпали на вашу долю и о которых вы сообщаете в вашем послании, и твердо надеюсь, что они имеют временный характер и что судьба ваша переменится к лучшему.

Прошу вас верить, что я весьма озабочен теми затруднительными обстоятельствами, которые переживает ваше святейшество. Мое правительство с особым вниманием следит за развитием тибетского вопроса и вполне благожелательно относится к стремлению Тибета отстоять в пределах существующих договоров свои законные права. Одним из важных условий для сего я признаю следование политике доброго согласия с великобританским правительством по тибетским делам и полагаю, что если ваше святейшество

---

[1] Тел. от 19/6 ноября за № 100 Пустошкин передал Нератову добытые им «из достоверного источника» сведения о том, что «группа из 27 депутатов и нескольких других влиятельных лиц, стоящих во главе движения, постановила [26] 13 ноября [произвести] во всех округах Крита выборы революционного собрания», которое должно будет затем избрать из своей среды депутатов в афинскую палату. «Соответственная прокламация, — сообщал далее Пустошкин, — уже отпечатана и будет на-днях разослана. В среде агитаторов существует также план заменить настоящее правительство революционным».

[2] Докл. запиской от 31/18 окт. Нератов представил Николаю II проект публикуемого письма. Сообщая в этой записке, что Бенкендорф должен был по поводу письма далай-ламы снестись с лондонским кабинетом, Нератов писал: «Посол в Лондоне не нашел, однако, удобного момента для объяснения с великобританским правительством по тибетскому вопросу в той широкой его постановке, которая вызывается обращением к нам далай-ламы, и нельзя действительно не признать, что ряд крупнейших политических событий последнего времени, привлекающих самое серьезное внимание обоих правительств, не создает благоприятной почвы для переговоров о Тибете.

Осмеливаюсь, однако, полагать, что оставление без ответа письма тибетского первосвященника, впредь до выяснения положения, было бы нежелательным, так как могло бы к невыгоде для нас вызвать в нем мысль, что Россия с безучастием относится к судьбам Тибета.

Вследствие сего в министерстве иностранных дел выработан проект высочайшего ответного письма далай-ламе успокоительного характера, но в котором пришлось, по необходимости, придерживаться возможно общих выражений, дабы не подать повода к преувеличенным надеждам».

в ваших действиях не будете упускать из виду этого соображения, то тем самым будете способствовать скорейшему благоприятному разрешению нынешнего затруднительного положения.

Желая вашему святейшеству доброго здравия и успеха в ваших начинаниях, остаюсь доброжелательный к вам

Николай.

№ 70. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

⁺/. Телеграмма № 1856 [1]. 23/10 ноября 1911 г.
Срочно.

[№ 1.]

Сообщается послу в Лондоне.

Телеграмма за № 1124 получена [2].

Из нее не усматриваем, доведено ли вами до сведения персов о невозможности для нас удовольствоваться исполнением двух прежних требований. Сегодня великобританский посол сообщил мне, что, по полученным им сведениям, формируемый в Тегеране кабинет вперед решил тотчас по вступлении в отправление обязанностей удовлетворить наши первоначальные требования в таком смысле, что министр иностранных дел принесет требуемые извинения и жандармы в доме и имениях Шоа-эс-Солтане будут заменены казаками при предоставлении, однако, заведывания означенным имуществом принца правительственным чиновникам, которые для этого будут назначены. Бьюкенен спросил при этом, удовлетворились ли бы мы этим и согласились ли бы задержать отправку отряда в Персию или отозвать его оттуда, если он уже прибыл на место.

Я ответил послу, что о приостановке поздно говорить, так как головная часть отряда уже вчера прибыла в Энзели и сегодня должны были подойти другие части. Это обстоятельство изменило положение дела, и мы теперь уже не можем удовлетвориться исполнением персами наших прежних требований. В интересах, как наших, так и Персии — чтобы мы не упустили этого случая для урегулирования наших отношений к Персии вообще и устранения всего, что препятствует установлению прочных дружественных отношений между нами. Еслиб мы сейчас отозвали наши войска, удовольствовавшись формальным исполнением персами двух прежних пунктов, то, вероятно, в близком будущем возникли бы новые трения, например, в вопросе о Лекофре [3], которые вынудили бы нас на новое, быть может, еще более энергичное выступление. Поэтому мы имеем в виду отозвать наши войска лишь по получении от персидского правительства положительных гарантий дальнейшего корректного отношения к нам, о чем Бенкендорфу поручено было довести до сведения лондонского кабинета. На замечание посла, что великобританское правительство не совсем так понимало наше намерение и думало, что мы удовольствуемся прежними требованиями, я ответил, что после моих предшествовавших объяснений английский представитель в Тегеране едва ли мог дать в этом смысле какие-либо положительные заверения персидскому правительству, которое к тому же до настоящей минуты еще ничего не сделало для улажения инцидента.

Бьюкенен спросил меня затем, не согласились ли бы мы, по крайней мере, задержать отряд в Реште, пока положение дел в Тегеране не выяснится. При этом он доверительно ознакомил меня с телеграммой Барклая, в которой сообщается о разговоре с бахтиарами, о коем вы говорите в вашей

---

[1] Публикуемая тел. была послана под №№ 1 и 2. Опубл. Siebert, II, S. 226, 228, №№ 499, 500.
[2] См. № 56.
[3] См. т. XVIII, №№ 793 и 848.

телеграмме за № 1125 [1]. Я ответил, что при таких условиях отряд наш мог бы, пожалуй, выжидать некоторое время в Реште дальнейших событий.

[№ 2.]

В заключение я возвратился в частной форме к вопросу об устранении Шустера, которое как мы, так и англичане признаем желательным и которому не будет противиться правительство Северо-Американских Штатов. Я не скрыл от Бьюкенена, что сопротивление, которое мы могли бы встретить в этом вопросе со стороны персов, вынудило бы нас, быть может, на решительные действия. На это Бьюкенен ответил, что при всем доверии к нам лондонского кабинета, последний едва ли мог бы отнестись сочувственно к осуществлению наших целей немирными способами ввиду того, что в наших насильственных действиях не замедлили бы заподозрить затаенные намерения [2].

Принимая во внимание, что для нас важно сейчас присутствие нашего отряда на персидской территории вообще, а не именно в Казвине, я полагал бы, что мы могли бы задержать на некоторое время отряд в Реште под каким-либо благовидным предлогом, так как это, повидимому, облегчило бы наши переговоры с Англией для достижения намеченных целей, а с другой стороны, дало бы возможность выяснить истинные намерения бахтиар и их шансы на успех в борьбе с меджлисом. Поэтому я обращаюсь вместе с сим к председателю совета министров с просьбой войти в соответствующее сношение с наместником его императорского величества на Кавказе [3].

Н е р а т о в.

№ 71. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 1859 [4]. 23/10 ноября 1911 г.
Срочно.

[№ 1.]

Дальнейшую программу действий в Тегеране мы полагали бы наметить следующим образом.

В случае обращения к вам министра иностранных дел с заявлением об исполнении наших первоначальных требований вы могли бы объявить ему, что вы уполномочены, ввиду этого, возобновить с ним сношения. Затем вам надлежало бы тут же предупредить его о следующем:

Так как замедление со стороны персидского правительства в исполнении наших требований вынудило нас на столь крупную и решительную меру, как посылка отряда, сопряженную для нас с большими неудобствами и расходами, и так как уже после предъявления упомянутых требований

---

[1] См. № 57.

[2] Письмом от 23/10 ноября, на следующий день после разговора, изложенного в публикуемом документе, Бьюкенен сообщил Нератову о полученной им инструкции от Грея известить его и Коковцова, что, согласно полученным от Барклая сведениям, перс. прав-во уже удовлетворило одно из требований России и выполнит также и второе требование. Поэтому Грей считал необходимым, «чтобы русские войска не были высажены; если же они уже высадились, то чтобы они были как можно скорее отозваны обратно».

[3] В тот же день, ссылаясь на публикуемую тел., Нератов сообщил Бенкендорфу за № 1861 (опубл. Siebert, II, S. 230, № 502), что им получена тел. Поклевского по поводу распространения Шустером своего письма в «Times» с нападками на Россию (см. № 55). «Такой образ действий состоящего на персидской службе иностранца, — указывал далее Нератов, — явно направленный к возбуждению против нас персов, в связи с тем обстоятельством, что персидское правительство вынудило нас на столь серьезную меру, как посылка отряда, создал такое положение, что мы вынуждены выступить с новым требованием и до его исполнения не можем отозвать отряда. Поступок Шустера будет предложен мной на обсуждение совета министров и, я полагаю, будет решено потребовать увольнения этого иностранца и его ставленников, причем, если это требование не будет удовлетворено, нам придется, вероятно, действовать силой, само собой разумеется, без всякого уклонения от дальнейших совместных действий с Англией».

[4] Лит. копия. Публикуемая тел. была послана под №№ 1 и 2.

явился новый весьма важный факт распространения Шустером, с явной целью возбуждения против нас персов, перевода его письма в «Times», полного ложных и искаженных сведений, мы не можем теперь удовольствоваться удалением жандармов из дома и имений Шоа-эс-Солтане и извинением за действия этих жандармов. Для прекращения предпринятых нами против персидского правительства действий и отозвания нашего отряда нам необходимы полные гарантии того, что впредь наши взаимные отношения будут поставлены на правильную и прочную почву. Для этого должно быть устранено, прежде всего, все, что создавало и продолжает создавать между нами трения, в том числе главным образом должны быть уволены от персидской службы финансовый советник Шустер и его ставленник в Тавризе Лекофр [1]. Засим, приглашение иностранцев на персидскую службу, давшее ныне столь нежелательные результаты, должно быть обусловлено предварительным обсуждением намеченных кандидатов с Россией и Англией [2], и сами эти иностранцы должны обязательно быть подданными второстепенных держав, а не великих, хотя бы и внеевропейских, и, наконец, персидское правительство должно обязаться незамедлительно, в порядке переговоров, разрешить все накопившиеся у нас дела и вопросы.

[№ 2.]

Для вашего личного сведения.

Если настоящее персидское правительство признает эти требования для себя неприемлемыми или заявит о невозможности для него их осуществления, из-за противодействия радикалов, то нам придется двинуть отряд в Тегеран, предложить регенту уволить министров и сформировать новый кабинет, который прежде всего распустил бы нынешний, незаконно заседающий, состав меджлиса и назначил бы новые, строго согласованные с законом, выборы с одновременным учреждением сената, а вслед затем уволил бы Шустера и исполнил остальные наши требования. Само собой разумеется, что означенный новый кабинет должен быть сформирован по предварительному соглашению с нами и Англией. Если бы меджлис отказался разойтись по требованию правительства, то нам придется понудить его силой, путем, который по местным условиям представится наиболее подходящим. В случае ухода регента в отставку нам придется озаботиться назначением такового по соглашению с англичанами или самим осуществить указанные мероприятия.

Эту программу я имею в виду предложить совету министров по возможности завтра, для чего прошу вашего срочного заключения. В случае ее одобрения надо будет предварительно переговорить также с англичанами.

Нератов.

№ 72. Временно управляющий министерством иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 834. 23/10 ноября 1911 г.
Срочно. Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Войска, входящие в состав отправляемой в Персию экспедиции, вступают в эту страну при несколько иных условиях, чем это было при командировании прежнего казвинского отряда. Охрана жизни и имущества

---

[1] См. т. XVIII, №№ 793 и 848.

[2] Письмом от 24/11 ноября Бьюкенен писал Нератову по этому вопросу: «Размышляя о том, что вы мне сказали вчера вечером, я нахожу, что если вы предъявите персидскому правительству требование относительно приглашения им иностранных подданных при условии предварительного совещания с обеими миссиями, это может создать впечатление, что правительство его величества, так же как и императорское правительство принимают в известном смысле на себя обязательство. Поэтому я был бы вам весьма признателен, если бы вы отложили предъявление такого требования до тех пор, пока я не получу возможности сообщить вам взгляд моего правительства».

русско-подданных и иностранцев, а равно наших и иностранных учреждений, составлявшие исключительную задачу упомянутого отряда, в настоящее время отходит на второй план; в первую же очередь становится политическое значение посылки новых сил в Персию. Тем не менее, принимая во внимание, что руководящие принципы нашей политики в этой стране остаются неизменными, я полагал бы целесообразным, чтобы начальнику вступающих туда войск была преподана к руководству полностью действующая ныне инструкция нашим воинским частям в Персии.

При этом ввиду невозможности точно формулировать ныне действия, которые предстоят командируемой экспедиции и которые будут всецело зависеть от хода событий, я считал бы необходимым изложить первый пункт инструкции следующим образом: «Общие задачи отряда определяются особыми указаниями, которые начальник его будет получать от императорского посланника в Тегеране».

На случай, если бы ваше высокопревосходительство не встретили со своей стороны каких-либо к тому препятствий и одобрили бы вышеизложенные соображения, имею честь обратиться к вам с покорнейшей просьбой не отказать сообщить их наместнику его императорского величества на Кавказе. Проект соответствующей телеграммы на имя генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова при сем прилагается на ваше усмотрение вместе с текстом установленной по соглашению между заинтересованными ведомствами и ныне действующей инструкции нашим воинским частям в Персии [1].

В ожидании уведомления вашего высокопревосходительства о последующем, пользуюсь и пр.

[Н е р а т о в.]

№ 73. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 286 [2]. 23/10 ноября 1911 г.

Reçu № 1856 I et II [3].

Crois devoir déterminer exactement situation ici. Il devient évident que lundi prochain [4] attaques contre Grey concernant Perse seront beaucoup plus sérieuses qu'on pouvait prévoir et trouveront arguments puissants dans consentement manifeste de Perse de se soumettre à satisfaction exigée par ultimatum. Grey n'a pas autre moyen que de défendre absolument notre action. Il y est décidé. Mais il ne lui sera pas possible se solidariser avec notre intention d'occupation et d'en user comme moyen de pression pour exigeance de nature nouvelle et différente. Incident et ultimatum prendraient apparence de prétexte et Grey sera accusé de se laisser entraîner au delà de nos premières déclarations ce qui le paralysera aujourd'hui pour nous garantir appui ultérieur de l'Angleterre dans la question Shuster. Je crois d'urgence de le remettre à même faire lundi déclaration qui couvre sa politique. Je n'en vois d'autre que celle que si satisfaction complète est rapidement donnée nos troupes se retireront pour reparaître bien entendu avec conséquence à charge de la Perse, si garanties suffisantes pour avenir ne sont pas postérieurement obtenues. Je ne crois pas qu'arrêt à Recht puisse suffir. Je comprends que ceci nous crée longue matière, mais je crois que prestige de nos déclarations en sera accru au lieu d'être sensiblement atteint et je crois aussi une concession nécessaire au principe de coopération. Une décision du gouvernement impérial la plus

---

[1] К письму приложены: «Инструкция тавризскому отряду [25] 12 апреля 1909 года» и проект тел. Коковцова Воронцову-Дашкову, содержание которой исчерпывающе изложено в первых двух абзацах публикуемого письма. 24/11 ноября тел. за № 1865 Нератов передал Поклевскому текст тел., посланной Коковцовым Воронцову-Дашкову.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 229, № 501.

[3] См. № 70 и прим. 1 к нему.

[4] 30/17 ноября.

rapide est extrêmement désirable à cause de bataille de lundi qui doit avoir des conséquences de haute portée politique pour l'entente.

Benckendorff.

Перевод.

Получил № 1856 I и II.

Считаю долгом точно определить здешнее положение. Становится очевидным, что нападки на Грея в будущий понедельник по персидскому вопросу будут гораздо более серьезными, чем можно было предвидеть, и что они найдут сильный аргумент в проявленном Персией согласии дать удовлетворение требованиям ультиматума. Грей не располагает иными средствами, кроме полной защиты наших действий. Он решился на это. Но ему невозможно будет солидаризироваться с нашим намерением прибегнуть к оккупации и воспользоваться ею как средством давления при предъявлении нового требования, имеющего иной характер. Инцидент и ультиматум были бы похожи на предлог, и Грей будет обвинен в том, что он дал увлечь себя за пределы наших первых заявлений, а это лишит его в данный момент возможности обеспечить нам дальнейшую поддержку Англии в деле Шустера. Я считаю необходимым дать ему возможность сделать в понедельник заявление, которое оправдает его политику. И я не вижу иного выхода, кроме заявления ему о том, что в случае получения быстрого и полного удовлетворения, наши войска уйдут с тем, чтобы вернуться; само собой разумеется, что последствия падут на Персию, если вслед затем не будут получены достаточные гарантии на будущее время. Я не думаю, что остановка в Реште может быть достаточной. Я понимаю, что это затягивает дело, но я думаю, что престиж наших заявлений вместо того, чтобы сильно пострадать, возрастет, и я полагаю также, что необходимо сделать уступку ради принципа сотрудничества. Чрезвычайно желательно незамедлительное решение императорского правительства в связи с ожидающимся боем в понедельник, который должен иметь для согласия последствия большого политического значения.

Бенкендорф.

№ 74. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 23/10 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Из последовательных телеграмм моих [1] вам уже известно, что я не преминул сделать французскому министерству иностранных дел письменное заявление, что мы считаем в настоящую минуту всякие ссуды китайскому правительству неудобными и считаем себя в праве требовать, чтобы при нынешних обстоятельствах подобные операции совершались с нашего ведома и при нашем участии.

На это заявление я получил письменный же ответ, в котором г. де Сельв уведомил меня, что им преподан совет Четверному синдикату не соглашаться на какие-либо авансы китайскому правительству или революционерам. Кроме того, накануне собрания в Париже представителей сказанного синдиката я счел необходимым лично разъяснить главному представителю французской группы, директору Индо-китайского банка г. Симону, нашу точку зрения на настоящий вопрос. Предпринятые мной шаги возымели надлежащее действие и, как я телеграфировал вам 10 ноября /28 октября, представители синдиката решили воздержаться от всякой операции, покуда в Китае не будет правильно организованной правительственной власти[2].

Г. Симон, с которым я виделся на-днях, сообщил мне следующие подробности о том, что происходило на вышеуказанном собрании: представители синдиката приняли самым серьезным образом во внимание наш протест, текст коего был сообщен г. де Сельвом французской группе; они решили не делать в настоящее время Китаю не только никаких авансов за счет нового займа, но также никаких платежей за счет прежних займов, остающихся еще на руках у банкиров (напр. железнодорожный заем Ханькоу — Кантон). Вслед за сим, по инициативе г. Симона, был затронут вопрос

---

[1] Имеются в виду тел. от 6 ноября/24 окт. за № 162 и от 7 ноября/25 окт. за № 164 (см. т. XVIII, прим. к № 774 и прим. к № 818).

[2] См. т. XVIII, прим. к № 837.

о способе удовлетворения пожеланий России и Японии. В частности обсуждалось допущение к участию в синдикате русских и японских банков; английский и отчасти германский представители отнеслись к этой мысли сочувственно, американский — безусловно враждебно; представители разъехались, не приняв в этом отношении никакого решения.

Я воспользовался беседой с г. Симоном, чтобы еще раз вполне определенно разъяснить ему наши требования: я подтвердил ему, что, собственно говоря, мы желали бы выхода из синдиката всей французской группы и перестройки его на других основаниях, более отвечающих нашим интересам и близким отношениям между Францией и Россией. Если же это окажется невозможным, то мы во всяком случае настаиваем на отказе синдиката от деятельности на всем пространстве Китая к северу от Великой стены. При этом я подробно изложил г. Симону опасности, могущие произойти от пренебрежения со стороны синдиката нашими требованиями и интересами, указав ему, между прочим, на последствия деятельности г. Шустера-Моргана в Персии. Во всяком случае, сказал я ему, вы должны ожидать, что каждый раз, когда зайдет речь о финансировании каких-либо предприятий в сфере наших интересов, синдикат встретится с нашим veto. С другой стороны, мы вовсе не желаем препятствовать французским капиталам искать помещения в сказанной сфере, но требуем, чтобы это происходило под нашим политическим предводительством. Г. Симон вполне со мной согласился, что необходимо найти исход из настоящего тупика, и обещал мне серьезно обдумать это дело и постараться найти могущую удовлетворить нас комбинацию. Из нескольких слов его я мог заключить, что он не считает возможным для французской группы выйти из синдиката (главным образом вследствие невозможности порвать связи с английскими банками), но лично он склоняется к допущению в синдикат русских и японских банков, причем доли участия в отдельных предприятиях распределялись бы соответственно тому, имеют ли эти предприятия объектом тот или другой географический район, или носят ли они общегосударственный характер. Г. Симон не скрыл от меня, что ввиду энергической оппозиции американцев, и подобная комбинация весьма трудно осуществима; он прибавил, что было бы весьма желательно добиться того, чтобы английское правительство произвело давление на английские банки, дабы побудить их к соглашению с нами и японцами.

Я, конечно, ничего не высказал г. Симону относительно приемлемости или неприемлемости для нас его мысли; в тот же день я виделся с г. Жорж Луи и, передав ему содержание вышеупомянутой беседы, просил его со своей стороны побудить г. Симона и французскую группу изыскать способы для разрешения настоящего вопроса. Г. Ж. Луи, которому хорошо известны все подробности и фазисы дела, обещал мне в самом непродолжительном времени вызвать г. Симона на разговор и сообщить мне о его результате.

В заключение считаю долгом присовокупить, что, по сведениям, полученным мной как из министерства иностранных дел, так и из финансовых сфер, заем барона Коттю [1] имеет весьма мало шансов осуществиться. Министерство иностранных дел заявило барону Коттю, что, при нынешних обстоятельствах, оно не может одобрить никакой ссуды китайскому правительству, иными словами, что оно не разрешит котировки сего займа (о чем барон Коттю, впрочем, не просил). С другой стороны, по словам директора Индо-китайского банка, в займе Коттю не участвует ни один крупный французский банк [2].

Примите и пр. **Извольский.**

---

[1] Тел. от 30/17 окт. за № 681 Коростовец сообщил, что образовавшаяся недавно англо-франко-бельгийская группа, представленная бароном Коттю, предложила Китаю 6%-й заем в 100 млн. фр. Позднее в тел. от 19/6 ноября за № 775 он указывал, что гарантиями займа «служат все без исключения доходы Китая, не составляющие обеспечения по ранее заключенным долговым обязательствам».

[2] Тел. от 30/17 ноября за № 812 Коростовец сообщил, что конституционная палата утвердила заем, заключенный бароном Коттю, который не будет добиваться коти-

№ 75. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [1]. 23/10 ноября 1911 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Из официального письма вашего [2] для меня не вполне ясно, одобрили ли вы мой образ действия в деле переговоров о Проливах и Северном Китае. Письмо мое к де Сельву, не предрешая последующего хода этих переговоров, возымело то хорошее последствие, что вызвало эти два вопроса из области общих и бесплодных бесед с министром, не имеющим никакого представления ни о их важности, ни о их существе. Как я заранее предвидел, ответ его на мое письмо вряд ли окажется исчерпывающим и способным дать нам полное удовлетворение. В разговоре со мной Ж. Луи высказал, между прочим, некоторое смущение по поводу происходящих в Константинополе переговоров и спросил меня, имеет ли мое письмо в виду вопрос о Проливах в том именно виде, в котором он, повидимому, поставлен Чарыковым, т. е. в связи с предлагаемой нами, будто бы, Турции, гарантией ее владений на берегах Босфора и Дарданелл. Я поспешил разъяснить ему, что мой запрос о Проливах не имеет ничего общего с теми или другими шагами Чарыкова и носит чисто принципиальный характер. Я считаю возможным, что французское правительство побоится выдать нам безусловное обязательство в смысле признания полной нашей свободы действий в Проливах и, ограничившись на первый раз какой-либо неопределенной формулой, попросит нас точнее определить наши пожелания. Подобный ответ, если он окажется для нас недостаточным, даст нам вполне удобный повод перейти к более формальным и подробным переговорам. Что касается Северного Китая, мне кажется, что если французское правительство поставит этот вопрос в зависимость от вопроса о части китайской империи, сопредельной с Индо-Китаем, — это в значительной степени облегчит его разрешение [3].

Хотя вы, я знаю, не очень любите Жоржа Луи и не особенно ему доверяете, я могу лишь радоваться, что здесь, наконец, есть с кем серьезно разговаривать. За последние недели, т. е. со времени открытия парламента, де Сельв совершенно невидим, да кроме того, от разговоров с ним весьма мало проку, ибо он весь поглощен защитой франко-германской конвенции, а о других делах ничего не знает и все, что ему говорят о них, пропускает мимо ушей. Инцидент с Бапстом [4], надо надеяться, приведет к учреждению должности постоянного генерального секретаря, на манер той, которую занимает в Лондоне Никольсон. Поскольку мне известно, Луи весьма мало склонен занять эту должность и настаивает на том, чтобы возвратиться в Петербург.

Судя по сегодняшним газетам, столкновение с Персией благополучно улажено, чему сердечно радуюсь. Но неужели г. Шустер-Морган после

ровки в Париже, так как получает ее в Брюсселе. «Ввиду отказа банков четверной группы от всякого касательства к этому делу деньги предполагается выдать пекинскому правительству через Бельгийский банк в Тяньцзине и Русско-азиатский банк».

[1] Опубл. М., стр. 136.

[2] См. № 17.

[3] В ответном письме от 30/17 ноября за № 1223 (опубл. М., стр. 136) Нератов писал Извольскому: «Разъяснения, данные вами г. Ж. Луи по вопросам о Проливах и признании наших специальных интересов в Северном Китае, как равно и постановка, данная вами этим вопросам в письме на имя г. де Сельва от 4 ноября нов. ст., вполне отвечают нашим желаниям и намерениям». Нератов добавлял, что со стороны росс. прав-ва «не может встретиться препятствий ни к более конкретной формулировке тех обязательств, которыми мы желали бы заручиться от французского правительства по сказанным вопросам, ни к признанию с нашей стороны особого положения Франции в интересующих ее областях Китая, если бы правительство республики того пожелало».

[4] Тел. от 12 ноября/30 окт. за № 169 Извольский передал со слов де Сельва, что Ж. Луи останется некоторое время в Париже, «чтобы заняться некоторыми вопросами, касающимися реорганизации министерства иностранных дел». Извольский сообщал, что «решение это находится в связи с инцидентом, возникшим на-днях в парламентской комиссии по внешним делам, вследствие коего политический директор Бапст получил отпуск и, вероятно, будет совершенно устранен от этой должности».

этого не будет выставлен из Персии? Я бы поставил его удаление первым нашим требованием. Засим, и после этого урока персидскому правительству, не думаете ли вы, что настало время заняться вопросом о железнодорожном строительстве в Персии и, прежде всего, о транзитном транс-персидском пути. Здесь подготовительная работа на финансовой почве за последнее время сделала довольно значительные успехи. Учреждение «Société d'Etudes» можно считать обеспеченным. Но, насколько мне известно, дипломатическая подготовка этого дела все еще довольно мало подвинулась вперед, а это — тот фундамент, без которого никакие финансовые комбинации невозможны. На будущей неделе здесь ожидается Буше и Печковский для окончательных решений по вопросу о «Société d'Etudes». Я весьма внимательно слежу за этим делом, но имею от вас весьма мало о нем сведений. Не откажите прислать мне относящиеся к нему последние документы, т. е. последний обмен мнений о нем с лондонским кабинетом, о котором я слышал лишь косвенным образом.

Какие имеете известия о С. Д. Сазонове? [1]

Сейчас еду к де Сельву, чтобы сделать ему сообщение относительно возможного закрытия Проливов для нейтральной торговли. О результате сообщу вам по телеграфу [2].

В заключение позвольте мне обратиться к вам по следующему делу: в бытность мою министром я один, а может быть и два раза оказал денежное пособие корреспонденту «Нового времени» в Лондоне Веселитскому-Божедаровичу выдачей ему курьерской дачи для приезда в Петербург. Расход этот не пропал даром, ибо он оказал несомненное влияние на настроение редакции сказанной газеты по отношению к нашему министерству. Веселитский, бывший недавно в Париже, просил моего содействия к возобновлению в этом году подобного же пособия. Если вы найдете возможным это сделать, дайте об этом знать Веселитскому в Лондон через графа Бенкендорфа, который, так же как и я, считает эту меру справедливой и полезной.

Примите и пр.

Извольский.

№ 76. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [3]. 23/10 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Во время пребывания в Париже короля Петра I [4] я имел весьма интересную беседу с сербским министром иностранных дел; г. Милованович начал с того, что самым положительным образом заверил меня в миролюбивых намерениях Сербии и в отсутствии у сербского правительства какого бы то ни было поползновения использовать настоящие события на Ближнем Востоке; с другой стороны, он выразил мне живейшее беспокойство по поводу обширных планов, замышляемых, по имеющимся у него сведениям, Австро-Венгрией; по его словам, австро-венгерское правительство, встречающее противодействие своей балканской политике со стороны Сербии и Болгарии, решило осуществить мысль крупного автономного албанского государства; с этой целью оно тратит большие суммы для возбуждения в Европе интереса и симпатий к албанской народности, будто бы особенно способной к политическому развитию; будущая независимая Албания должна простираться до течения Вардара и захватить большую часть Македонии; само собой разумеется, что государство это должно подчиниться австро-венгерскому протекторату, служить политическим целям

[1] См. стр. 1, прим. 1.
[2] См. № 94.
[3] Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 8 и Stieve, B. I, J. 183, № 160.
[4] Серб. король Петр в сопровождении Миловановича и свиты выехал из Белграда в Париж 13 ноября/31 окт., приехал в Париж 17/4 ноября и пробыл там три дня.

Австро-Венгрии[1] и оттеснить на задний план славянские государства, т. е. Сербию и Болгарию; что касается Черногории, то г. Милованович приписывает ей склонность следовать за Австро-Венгрией, в награду за что ей будет предоставлена часть Санджака и некоторые албанские земли со Скутари; г. Милованович уверяет, что в Болгарии, наконец, поняли всю опасность, угрожающую славянству со стороны Австро-Венгрии, и что ныне переговоры о сербско-болгарском соглашении идут гораздо успешнее и имеют все шансы притти к благополучному окончанию; о переговорах этих, по его словам, императорское правительство осведомлено самым подробным образом. На мой вопрос, что ему известно о положении, которое займет Румыния в случае столкновения сербско-болгарских интересов с австро-венгерскими, г. Милованович ответил, что, по его убеждению, румынское правительство также не имеет никакого повода способствовать движению Австро-Венгрии вглубь Балканского полуострова, что оно не связано с Австро-Венгрией никакими положительными обязательствами по отношению к Сербии и Болгарии и что в случае ликвидации Европейской Турции она может удовольствоваться исправлением границы близ Силистрии.

В заключение г. Милованович сказал мне, что, по вполне достоверным сведениям, Австро-Венгрия в весьма серьезных размерах увеличивает численность своих военных сил в Боснии и Герцеговине, дабы в каждую минуту быть готовой к действиям на Балканах[2]. При этом, как и в 1908 году, она не посылает туда новых частей, а лишь доводит находящиеся там части до численности боевого состава.

Все вышеизложенное, несомненно, известно от г. Миловановича нашему посланнику в Сербии, который лучше, нежели я, может оценить степень серьезности и обоснованности его слов; тем не менее мне кажется небесполезным довести до вашего сведения о моей беседе с этим, несомненно, умным и хорошо осведомленным государственным деятелем.

Примите и пр.

Извольский.

№ 77. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо[3]. 23/10 ноября 1911 г.
Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Я имел честь получить секретное письмо ваше от [16] 3 ноября сего года за № 1181[4].

Прежде всего считаю долгом разъяснить, что опущение «Монголии» в копии письма моего к французскому министру иностранных дел объясняется, конечно, лишь канцелярским недосмотром: как в отпуске, так и в самом письме, переписанном мной собственноручно, упомянуты все три области, а именно — Манчжурия, *Монголия* и Китайский Туркестан.

Со времени вручения мной вышесказанного письма, я почти не виделся

[1] У Stieve слова: «служить политическим целям Австро-Венгрии» опущены.

[2] В деп. от 3 дек./20 ноября за № 69 Гартвиг, останавливаясь на вопросе об австр. вооружениях в Боснии (см. №№ 39 и 40), считал, что эти вооружения имеют и непосредственное значение для России. «Если вполне естественно предположить, — отмечал далее Гартвиг, — что ближайшим операционным базисом нашим в предстоящей катастрофе явится Балканский полуостров, то спрашивается: можем ли мы равнодушно относиться к тому обстоятельству, что один из наших будущих противников — Австро-Венгрия — заблаговременно принимает все меры, дабы на указанном поле брани встретить нас «в полной боевой готовности»? Можем ли мы после того доверять миролюбивым изъявлениям австро-венгерских дипломатических сфер, будто бы всегда готовых итти заодно с Россией в вопросах балканской политики, и усыплять себя систематическим голословным отрицанием данных из военной деятельности Австрии, которые за последнее время в общих чертах стали достоянием чуть не всей славянской печати?»

[3] Опубл. М., стр. 133.

[4] См. № 17.

с г. де Сельвом, всецело поглощенным защитой франко-германской конвенции о Марокко и Конго перед парламентской комиссией по внешним делам. Впрочем, нынешний французский министр иностранных дел столь мало знаком с сущностью и историей затронутых мной вопросов, что беседа с ним на эту тему оказалась бы, вероятно, весьма мало полезной; но в настоящую минуту главнейшими политическими делами временно заведует здесь превосходно осведомленный г. Жорж Луи, которому, как мне известно, поручено редактирование ответа на мое письмо; я имел с ним два весьма интересных разговора, которые в достаточной степени осветили мне отношение французского министерства к нашим пожеланиям.

Из слов г. Ж. Луи я мог заключить, что здесь несколько опасаются выдать нам обязательство относительно Проливов в тех выражениях, которые употреблены мной в заключительной части моего письма; г. Луи смущает главным образом неопределенность выражения «liberté d'action» [1]; он желал бы знать, что именно мы имеем в виду предпринять по отношению к Проливам и к какому разрешению связанных с ними вопросов мы стремимся. Я ответил г. Ж. Луи, что сказанное выражение употреблено мной именно вследствие его неопределенности, ибо в настоящую минуту невозможно предвидеть, какой оборот примет вопрос о Проливах; «Россия, — сказал я, — заинтересована в том, чтобы по возможности дольше сохранить существование турецкой империи, но при том условии, чтобы с нас были сняты устаревшие и несовместимые с нашими интересами и с нашим достоинством стеснения; поэтому мы прежде всего стремимся к тому, чтобы установить с турецким правительством дружеское соглашение по сказанному вопросу. Но если подобное соглашение окажется недостижимым или если наступит ликвидация турецкого владычества в Европе, то, конечно, изменится и наше отношение к Проливам. Подобно тому, как Франция заявила нам текущим летом, что она не может допустить утверждения какой-либо посторонней державы в Марокко, со своей стороны и мы обязаны предупредить Францию, что Россия не может допустить перехода Проливов в иные руки, кроме русских. Мы, конечно, заранее уверены, что как в первом, так и во втором случае мы встретим со стороны союзной Франции полное сочувствие и поддержку; тем не менее, для нас весьма важно оформить отношение французского правительства к настоящему вопросу. То же самое относится и к вопросам, связанным с Северным Китаем. В моем письме перечислены некоторые из мероприятий, которые нам, вероятно, придется осуществить в более или менее близком будущем, дабы укрепить наше положение в этих странах; но этим, очевидно, не исчерпываются все возможные со временем комбинации и случайности. Сейчас невозможно предвидеть, как разовьются происходящие в Китае события. Если китайская империя окончательно вступит в период разложения, мы можем оказаться вынужденными расширить нашу программу; к тому же самому может привести нас активное выступление Японии, с которой у нас существует соглашение о разграничении обоюдных сфер влияния в Манчжурии. Во всех этих случаях мы опять-таки вправе ожидать сочувствия и дипломатического содействия со стороны нашей союзницы».

Насколько я мог заметить, разъяснения мои произвели на г. Ж. Луи должное впечатление. Он согласился со мной, что весьма полезно заранее выяснить между Россией и Францией отношение обоих правительств к могущим наступить как на Близком, так и на Дальнем Востоке событиям. Он признал также, что избранный мной путь является наиболее удобным приступом к обмену мыслей по вышесказанным вопросам. Со своей стороны я еще раз подчеркнул, что письмо мое к г. де Сельву имеет лишь предварительный характер и что если французское правительство находит его содержание слишком неопределенным, мы легко можем перейти к более точной формулировке наших пожеланий. В результате, г. Ж. Луи обещал

[1] «свобода действий».

мне, как только у него будет готов проект ответа, ознакомить меня с его содержанием.

Я, конечно, не премину сообразоваться с вашими указаниями касательно принятия французского ответа лишь ad referendum в ожидании рассмотрения его императорским правительством. В разговоре со мной г. Ж. Луи не высказал мне никаких сомнений в возможности выдачи нам тех или иных обязательств в секретной форме; поэтому, до ознакомления с проектом французского ответа, мне кажется ненужным изменять первоначальную формулировку наших пожеланий по отношению к Северному Китаю. С другой стороны, весьма возможно, что французское правительство обусловит свое согласие на эти пожелания выдачей ему нами соответственных обязательств по отношению к его интересам в частях китайской империи, граничащих с Индо-Китаем, против чего, насколько мне известно, с нашей стороны не может встретиться особенных возражений.

Примите и пр.

Извольский.

№ 78. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 99. 23/10 ноября 1911 г.

Reçu № 1846 [1].

Kiderlen ne peut jusqu'à ce soir m'accorder une entrevue. Mon collègue de Turquie me quitte en ce moment après sa visite au secrétaire d'Etat. Ce dernier se montre fort réservé dans la question de la fermeture éventuelle des Détroits par la Turquie vis-à-vis des dernières menaces de l'Italie. Interpellé par Nizami-Pacha [2] à sur ce que Cabinet de Berlin comptait faire en présence de la nécessité où se trouve la Porte de procéder sans retard à fermer elle-même le passage, Kiderlen lui a répondu dans un mouvement de mauvaise humeur: «Après tout cela nous est égal, c'est aux Puissances plus intéressées que la nôtre à s'en occuper — au besoin fermez-les». Ambassadeur de Turquie croirait que si l'on obtenait de l'Italie l'assurance qu'elle ne forcerait pas les Dardanelles la Porte de son côté renoncerait à fermer les Détroits ce qui présente pour elle la seule mesure de salut. Sans avoir pu obtenir une réponse directe de Kiderlen, ambassadeur croirait savoir qu'une dépêche à ce sujet aurait été envoyée à Rome [3].

Osten-Sacken.

Перевод.

Получил № 1846.

До сегодняшнего вечера Кидерлен не мог меня принять. Мой турецкий коллега только-что ушел от меня, после того как он посетил статс-секретаря. Этот последний высказывается весьма сдержанно по поводу возможного закрытия Проливов Турцией в связи с последними угрозами Италии. Запрошенный Низами-пашой относительно того, что берлинский кабинет рассчитывает предпринять ввиду необходимости для Порты незамедлительно самой приступить к закрытию Проливов, Кидерлен раздраженно ответил ему: «В конце концов для нас это безразлично, пусть этим занимаются державы более заинтересованные, чем мы; в случае надобности закройте их». Турецкий посол полагает, что если от Италии будет получено заверение, что она не нападет на Дарданеллы, Порта со своей стороны откажется от закрытия Проливов, представляющего для нее единственную меру спасения. Не имев возможности добиться от Кидерлена прямого ответа, посол предполагает, что по этому вопросу отправлена депеша в Рим.

Остен-Сакен.

---

[1] См. стр. 44, прим. 3.

[2] Турец. посол в Берлине.

[3] Тел. от 23/10 ноября за № 100 Остен-Сакен сообщил Нератову, что он передал содержание тел. за № 1846 Кидерлену, который обещал дать герм. послам в Риме и К-поле инструкции, аналогичные тем, которые даны росс. представителям.

№ 79. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 101 [1]. 23/10 ноября 1911 г.
Personnel.

Me réfère à mon télégramme № 96 [2].

Le Cabinet de Berlin ne s'oppose en aucune façon à nos arrangements avec la Turquie au sujet de l'ouverture des Détroits. Quant à l'initiative que Kiderlen avait prise durant ma dernière conversation avec lui d'appuyer à Vienne notre point de vue à ce sujet, il avait rapporté l'impression qu'à Vienne on aimerait connaître les détails de notre arrangement éventuel avec la Porte. On croirait même, paraît-il, à Vienne que notre accord avec la Turquie aurait été déjà conclu, ce que j'ai cru pouvoir nier.

Osten-Sacken.

Перевод.

Лично.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 96.

Берлинский кабинет никоим образом не возражает против наших соглашений с Турцией по вопросу об открытии Проливов. Что касается инициативы, взятой на себя Кидерленом во время моего последнего с ним разговора, о поддержке в Вене нашей точки зрения в этом вопросе, то у него создалось впечатление, что в Вене желали бы знать детали нашего эвентуального соглашения с Портой. В Вене даже, кажется, думают, что наше соглашение с Турцией уже заключено, что я счел возможным опровергнуть.

Остен-Сакен.

№ 80. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 77. 23/10 ноября 1911 г.

Ссылаюсь на № 76 [3].

Министр иностранных дел просил меня зайти к нему. Он нашел малое разногласие по одному пункту между сделанным мной сообщением [4] и полученной затем телеграммой от австро-венгерского поверенного в делах в С.-Петербурге. Ваше превосходительство сказали будто бы австро-венгерскому поверенному в делах, будто вы обратились уже к итальянскому правительству с извещением, что всякая мера, могущая фактически прекратить пользование Проливами для целей мирной торговли, будет прямым нарушением трактатных прав нейтральных; вот почему императорское правительство советует не расширять района военных операций на Эгейское море и Проливы. В случае согласия Италии вы предложили бы, чтобы представители пяти держав в Константинополе сообщили об этом обязательстве итальянского правительства Порте, требуя, чтобы никакие меры не были предприняты с ее стороны для стеснения прохода через Босфор и Дарданеллы торговых нейтральных флагов. Эренталь заявляет, что австро-венгерское правительство совсем разделяет нашу точку зрения, что закрытие Дарданелл, блокада их и даже, по его мнению, всякая попытка вторгнуться в Проливы является явным нарушением заключенных трактатов. Но он нашел бы более предпочтительным, чтобы пять держав сделали одновременно общее представление как в Константинополе, так и в Риме. Во всяком случае Эренталь будет ждать результатов ваших переговоров с Римом и ответов со стороны других держав, прежде чем снабдить соответствующими указаниями австро-венгерских послов при итальянском и турецком правительствах.

Гирс.

[1] Тел. бланк.

[2] См. № 33.

[3] См. № 65.

[4] В ответ на тел. Нератова за № 1846 (см. стр. 44, прим. 3) Н. Гирс передал в тел. от 22/9 ноября за № 75 Нератову заявление Эренталя, что он относится «с большим сочувствием» к предложению Нератова. Эренталь обещал дать официальный ответ 23/10 ноября после свидания с Францем-Иосифом. «По его мнению, — заканчивал Гирс, — мысль подчеркнуть обязательства, вытекающие из статьи третьей Лондонского договора 1871 года, очень удачная».

№ 81. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Письмо. 23/10 ноября 1911 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Граф Эренталь по собственному почину доверил мне свой разговор с королем греческим [1]. Его величество жаловался на трудное положение Греции по отношению к Криту, находя его безвыходным, если державы не пожелают способствовать его разрешению. Эренталь ответил, что Австро-Венгрия не принадлежит к числу четырех держав-покровительниц, но что он считает полезным высказаться вполне откровенно по этому вопросу. Он посоветовал королю установить самые дружественные отношения с Турцией и не думать о присоединении Крита, на каковое Турция не согласится, в особенности после слишком резкой и преждевременной аннексии Триполи Италией. De facto Крит находится под исключительным правлением Греции: офицеры — греки, правосудие — в греческих руках, представители высшей местной власти — греки, зачем же изменять это положение, против которого Турция будет тем менее протестовать, раз что отношения между ней и Грецией будут корректные? Присоединение же при теперешних условиях являлось бы лишь удовлетворением самолюбия, могущим повлечь за собой большие международные осложнения для Греции. Эренталю показалось, что король отнесся к его советам сочувственно и не намерен допускать со стороны греческого правительства опрометчивого решения.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 82. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Письмо. 23/10 ноября 1911 г.

Многоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Граф Эренталь только что сообщил мне частным образом, что он представил на усмотрение императора Франца-Иосифа донесения австро-венгерского поверенного в делах Силаши касательно его бесед с председателем совета министров В. Н. Коковцовым относительно опасений осложнения на Балканском полуострове. Г. Силаши был уполномочен заявить В. Н. Коковцову, что австро-венгерское правительство твердо намерено держаться политики status quo на Балканах. По возвращении из Ливадии В. Н. Коковцов сообщил от имени государя императора австро-венгерскому поверенному в делах, что его величество выразил полное удовлетворение по поводу такого единомыслия между Россией и Австрией относительно политики на Балканах, что несомненно будет способствовать устранению опасных для мира осложнений.

Графу Турну будет поручено поблагодарить за столь ценный для императора Франца-Иосифа отзыв.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 83. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 701. 23/10 ноября 1911 г.

Получил № 1847 [2].

Во исполнение этого поручения, я виделся сегодня с министром иностранных дел и подготовил в изложенном смысле почву для обеспечения успешности предположенных заявлений Порте со стороны нейтральных

[1] О пребывании короля греческого в Вене см. № 53.
[2] См. № 48.

держав для охранения прав, присвоенных их торговым судам в Проливах Лондонским трактатом 1871 года. Министр заявил мне категорично, что Турция предпримет предвозвещенные ею меры только при наличности непосредственной опасности итальянского нападения. Ввиду сего впечатление, вынесенное в Вене и Берлине, что турецкое правительство допускает закрытие Проливов, как меру самозащиты, не ожидая нападения, здесь, как мне кажется, не подтверждается. Министр добавил, что он вполне сознает всю ценность для Турции доброго расположения нейтральных держав, искренняя забота Турции о торговых интересах коих, впрочем, доказана циркулярами Порты о хлебных грузах и вообще о военной контрабанде. Министр особенно тронут тем, что Россия берет на себя почин в вопросе, в котором интересы нейтральных держав в столь полной мере совпадают с желаниями и интересами самой Турции. Я полагаю, что можно быть вполне уверенным в согласии Турции не осуществлять закрытия Проливов, не ожидая нападения. Министр упомянул также о закрытии для всякого судоходства в случае необходимости подступов к Смирне и Салоникам. Французский посол еще не получил инструкций по этому вопросу, но вполне признает за Турцией право принять намеченные ею оборонительные меры. Он несколько опасается ответственности, которая проистекла бы для держав, если бы[1] Турция, уступая их настояниям, не примет заблаговременно в Проливах надлежащих военных мер, а Италия все-таки произведет нападение на Дарданеллы.

Чарыков.

№ 84. Морской агент в Турции начальнику морского генерального штаба Ливену.

Рапорт № 329 [2]. 23/10 ноября 1911 г.

В течение минувшей недели настроение как турецкого правительства, так и народных масс было приподнято известием о непризнании державами аннексии Триполи, а также известиями с театра военных действий, откуда было сообщено, что турецкие и арабские войска имеют возможность вести продолжительную войну, так как располагают в изобилии боевыми и провиантскими запасами, а также и достаточным числом верблюдов. При этом из Триполи было сообщено, что в присылке пехотных офицеров нужды более нет, а желательна присылка кавалерийских офицеров.

По приблизительному подсчету в Триполи пробралось около 300 офицеров, в числе которых были и моряки. Из знакомых мне моряков туда отправился также и командир крейсера «Абдул-Гамид», капитан II ранга Реуф, один из лучших командиров отряда.

На-днях в Триполи получена отправленная туда значительная сумма денег, по слухам, будто бы 1,8 миллиона лир, но на самом деле, как оказалось, туда было послано 300 000 лир, отпущенных из секретного запасного фонда.

Ввиду предстоящих военных расходов я воспользовался случаем беседовать с г. Ревуалем, самым влиятельным из директоров Оттоманского банка, бывшего до того французским посланником в Мадриде. На вопрос, как отразится война на турецких финансах вообще и в частности на бюджете будущего года, г. Ревуаль сказал, что текущий счет будет закончен в отпущенных нормах, так как кредиты этого года еще полностью не исчерпаны. Бюджет же будущего года сбалансирован по проекту так, что дефициту предвидится на 4 миллиона лир меньше, чем в текущем году, каковой благоприятный факт является следствием того, что, во-первых, ожидается увеличение доходов на 2 миллиона лир, а, во-вторых, в бюджетах различных ведомств сделаны сокращения на 2 миллиона лир, что в сумме и дает 4 миллиона лир.

---

[1] Так в оригинале.
[2] Лит. копия.

Вообще, по отзыву г. Ревуаля, представленный проект бюджета производит хорошее впечатление и, по его мнению, предстоящие военные расходы будут сравнительно незначительны и, может быть, потребуют небольшого аванса без отягощения финансов Турции, которая, ввиду уменьшения дефицита на 4 миллиона лир, может в будущем году рассчитывать заключить успешный внешний заем.

По мнению г. Ревуаля, высказанному им турецкому министру финансов, Турция должна использовать настоящий благоприятный оборот войны, чтобы теперь же, не теряя времени, получить согласие от держав на отмену экономической капитуляционной зависимости и добиться увеличения на 4% таможенных ставок. Насколько мне известно из других источников, Турция, повидимому, намерена последовать этому совету, и я считаю долгом упомянуть здесь об этом потому, что осуществление этого намерения внесет существенное оздоровление в турецкие финансы, сразу увеличив доходы, что может иметь влияние и в морской области, отразившись новыми морскими заказами боевых единиц флота.

На мой вопрос, насколько вероятно вотирование кредита на новые дредноуты, г. Ревуаль сказал мне, что правительство не внесло на этот предмет в бюджет никаких новых ассигнований, но что это не значит, что, кроме уже заказанного дредноута, не будут заказаны еще и другие, так как существует сильное давление в этом смысле на правительство со стороны различных партий и в последнее время даже арабы и те изъявили желание приносить пожертвования на флот.

В заключение разговора г. Ревуаль добавил: «Есть ли смысл туркам строить лишь один дредноут; очевидно, их нужно еще не менее трех».

Из этого разговора, равно как и из общего здесь политического положения, нельзя не вынести пока впечатления, что настоящий оборот войны может иметь не только благоприятные последствия на турецкие финансы, но и вообще послужить к поднятию духа мусульманских народностей, особенно, если итальянцы будут далее продолжать своими военными неудачами дискредитировать понятие о европейской мощи, с каковыми последствиями придется наиболее считаться Англии, Франции и России, как государствам, имеющим в своем составе значительное число мусульман.

Уже и теперь успешное сопротивление в Триполи, дипломатические переговоры о союзе с державами [1] и сравнительно благоприятный новый бюджет в совокупности повлияли на турок и сделали их заносчивее, подтверждение чего нельзя не видеть хотя бы в только-что происшедших фактах с турецкой миссией, отправившейся в Ливадию [2].

В то время, как для приветствия английского короля в Египет был послан сын султана [3], а в Румынию, Австрию и Германию посылался наследник престола, во главе миссии, посланной в Ливадию, был поставлен генерал Махмуд-Мухтар, заведомый приверженец Германии, младотурок, принимавший непосредственное участие в свержении Абдул-Гамида и недавно занимавший в кабинете Хакки-паши пост морского министра, покинутый им под влиянием общего негодования за разброску флота по портам перед войной.

Отправляясь в Ливадию, Махмуд-Мухтар не только вопреки обычаю не сделал визит нашему послу, но перед снятием с якоря крейсера был крайне нелюбезен и высокомерен с нашим первым драгоманом, которому он заявил, что по прибытии в Ливадию крейсер салютовать императорскому штандарту не будет, несмотря на то, что по телеграмме генерал-адъютанта Нилова, переданной мной письменно командиру крейсера, такой салют произвести следовало.

---

[1] Повидимому, имеется в виду начало переговоров со стороны Турции в Вене по поводу заключения союза с центральными державами и Румынией (см. Oe. U. A., № 3036, 3047, 3103).

[2] Турецкая делегация во главе с Махмуд-Мухтар-пашой прибыла в Ливадию 20/7 ноября и выехала оттуда 23/10 ноября.

[3] См. № 87.

По прибытии в Ялту крейсер действительно не салютовал, о чем мне стало известно от генерал-адъютанта Нилова, запросившего срочно меня: «почему турецкий крейсер не салютовал императорскому штандарту», на что я ответил лишь, что необходимость салюта была мной письменно сообщена командиру крейсера.

Не зная пока, чем окончился инцидент с салютом, нельзя не отнести этот факт к разряду весьма характерных, тем более, если принять во внимание, что отправление миссии в Ливадию на крейсере тоже есть явление далеко не случайное, а вполне обдуманное. Крейсер этот два года тому назад тоже плавал в составе отряда под командой адмирала Гембеля, но тогда, по традиционному обычаю, миссия выезжала на яхте, теперь же, когда весь отряд сосредоточен в Дарданеллах, для отражения ожидаемого прорыва итальянцев, самый лучший корабль по стрельбе, укомплектованию и исправности выводится из состава отряда для отправления в Ялту. Факт этот показывает, какое моральное значение придают турки появлению крейсера в русских территориальных водах впервые после тридцатилетнего отсутствия турецких судов в Черном море. Поэтому, с точки зрения турок, было бы вполне логично ожидать, что будущий раз миссия отправится в Ливадию уже на дредноуте, а по завершению постройки других дредноутов, затем и вовсе прекратит эти поездки.

Считаю долгом добавить, что посол наш, гофмейстер Чарыков, объясняет все вышеизложенное поведение турок неблагоприятным впечатлением, произведенным на Махмуд-Мухтар-пашу газетными статьями «Нового времени», критиковавшими его. Однако такое объяснение казалось бы справедливым лишь, поскольку Махмуд-Мухтар свою обидчивость подчеркнул лично послу, не сделав ему визита перед отъездом, но остальные факты все же остаются в силе.

Заканчивая этот рапорт, я получил достоверное сведение о том, что итальянские агитаторы в значительном числе посланы в Албанию и Македонию, общею же деятельностью руководит тайно бывший здесь итальянский военный агент, полковник Марро, проживающий теперь в Афинах. Цель этой меры — триполитанский вопрос превратить в балканский, что следует ожидать в феврале или марте наступающего года.

Щеглов.

№ 85. Председатель совета министров временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 774. 23/10 ноября 1911 г.
Спешно. Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вследствие письма от [23] 10 сего ноября за № 829 [1], коим ваше превосходительство изволили уведомить меня о беседе с великобританским послом при высочайшем дворе по поводу отправки русских войск в Персию, имею честь сообщить, что я готов немедленно войти в сношение с наместником его императорского величества на Кавказе по вопросу о задержании означенных войск в Реште, но с своей стороны полагаю, что эта мера может быть принята нами только при соблюдении двух следующих условий:

1. Остановка наших войск в Реште должна носить лишь временный характер, с таким расчетом, чтобы она могла быть объяснена необходимостью сосредоточения в Реште всех назначенных к отправке в Персию воинских частей.

[1] В письме от 23/10 ноября за № 829 Нератов передавал Коковцову свой разговор с Бьюкененом (см. № 70) и просил, «если вы признаете это возможным, войти в спешные сношения по телеграфу с наместником его императорского величества на Кавказе, с целью задержать на некоторое время дальнейшее движение наших войск из Решта, не приостанавливая, однако, поспешного отправления из Баку подготовленных для похода в Персию сил».

2. В вопросе о дальнейшем движении этих войск из Решта внутрь страны надлежало бы сообразоваться не с отношением к этой мере великобританского правительства, а с необходимостью сохранения достоинства России и удовлетворения справедливых требований нашего общественного мнения.

Таким образом я полагаю, что вслед за предполагаемой временной остановкой наших войск должно последовать их дальнейшее движение по выработанному ранее плану. Что же касается их возвращения в Россию, то таковое может, по моему мнению, последовать лишь в том случае, если персидское правительство удовлетворит не только наши первоначальные требования, изложенные в ультиматуме, но и те из наших претензий, которые вы признали бы возможным предъявить в настоящую минуту. В частности я вполне присоединяюсь к мнению вашего превосходительства о необходимости предъявления персидскому правительству в той или иной форме требования об удалении Моргана-Шустера.

В случае согласия вашего превосходительства с изложенными выше предположениями я не премину войти в соответствующее сношение с графом Воронцовым-Дашковым немедленно по получении от вас ответного отзыва.

Примите и пр. В. Коковцов.

№ 86. Наместник на Кавказе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

7. Телеграмма № 6210. 23/10 ноября 1911 г.

Из телеграмм нашего посланника в Персии и консула в Хое [1], представленных вашему высокопревосходительству через министра иностранных дел [2], вы осведомлены о дерзком нападении курдов на нашего сотника Бичерахова с его казачьим конвоем, возвращавшихся в Хой из Урмии, куда они сопровождали иеромонаха миссии Григория. Телеграммы консулов Преображенского и Миллера высказывают предположение об участии в нападении вместе с курдами и турецких аскеров. В последнем я не сомневаюсь, так как ранее этого сотник Бичерахов имел объяснение с турецким офицером, который дерзко угрожал сотнику оружием и кричал: «где стоят турецкие солдаты, не персидская, а турецкая территория», и заставил свернуть конвой на другую дорогу [3]. В дополнение к моей телеграмме от [12 ноября] 30 минувшего октября № 2861 [4], обобщающей все мои предшествовавшие ей представления о необходимости решительного протеста против захвата турками Урмийской провинции, я ныне считаю себя обязанным с горечью сказать, что наша нерешительная политика в Константинополе и Персии довела турок до дерзкого нападения на наш казачий конвой. Я почти уверен, что подобные столкновения будут иметь случай и в будущем, и нам остается или признать турок господами в Урмийской провинции или, ради сохранения престижа и мощи России на Востоке, заставить их очистить им не принадлежащую персидскую территорию. По мере того, как множатся турецкие войска в Урмийской провинции, нам неотложно следует выдвигать и множить силу наших отрядов в Хое и Марагу и упрочить свое влияние в Макинском ханстве. Я далеко не раз-

[1] См. № 34 и прим. 1 к нему. Тел. от 18/5 ноября за № 11 (опубл. Ор. кн., стр. 239) Преображенский сообщал, что возвращавшийся из Урмии сотник Бичерахов и 20 казаков подверглись нападению «неизвестных людей, занимавших позиции за городом около проезжей дороги». Как указывалось далее, в перестрелке, длившейся два часа, Бичерахов был ранен маузеровскими пулями, не имеющимися у курдов, и Преображенский, высказывая предположение, что среди нападавших были и турецкие аскеры, вновь ходатайствовал о скорейшей присылке отряда.

[2] Повидимому, эта тел. была адресована Воронцовым-Дашковым Коковцову и послана Нератову в копии.

[3] Об этом Преображенский сообщал в донесении от 22/9 ноября за № 13.

[4] Соответствующей тел. Воронцова-Дашкова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

деляю взгляда нашего посланника Поклевского, изложенного им в телеграмме министру иностранных дел [1] о некомандировании в Хой и другие соприкасающиеся с турецкими захватами местности наших отрядов из опасения, что могут произойти вооруженные столкновения с турками, и тем более протестую против совета его о дипломатической волоките в Константинополе, ибо вашему высокопревосходительству, мне и нашим посланникам в Константинополе и Тегеране отлично известны способы турецкой увертливости в ведении переговоров с целью затянуть дело и впредь надолго, как они тянут уже вопрос о спорной полосе в течение нескольких лет. Надо говорить, но и рядом действовать, а иначе мы всегда будем обмануты. Повторяю, что совет Поклевского не посылать отряда в Хой, чтобы не дразнить турок, равносилен потере нашего престижа на Востоке и даст результат совершенно противоположный. Напротив, я, как доказывал о необходимости занять Хой, так в настоящую минуту горячо поддерживаю ходатайство генерального консула Преображенского о командировании отряда для занятия Джульфа-Хой-Салмаз-Урмийского района, а равно и Марагу. Уверен, что без нашего решительного выступления и фактического занятия упомянутой части персидской территории движение турок вплотную подойдет к нашей границе [2].

Воронцов-Дашков.

Вполне согласен.
Ливадия, [29]16 ноября 1911 г.

№ 87. Секретарь дипломатического агентства в Каире временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Депеша № 33. 24/11 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Приезд в Египет принца Зиа-Эддина, которому султан поручил приветствовать великобританскую королевскую чету, произвел сильное впечатление на здешние мусульманские круги [3]. Приезд этот знаменателен прежде всего оттого, что со времен Магомет-Али ни один турецкий принц официально не бывал в Египте. Пребывание же здесь старшего сына ныне царствующего султана во время все еще продолжающейся войны между Турцией и Италией не могло не поднять дух преданных Турции египетских мусульман. Туземные газеты поместили ряд восторженных статей, в которых выражалась радость по поводу посещения принцем хедива и его страны. В Каире готовились внушительные демонстрации в честь Зиа-Эддина. В демонстрациях этих должны были участвовать воспитанники средних и высших мусульманских учебных заведений; население вообще надеялось иметь случай проявить, при виде старшего сына султана, одушевляющие его чувства безграничной преданности повелителю правоверных.

Надеждам этим, однако, не было суждено сбыться. Торжественный въезд принца Зиа-Эддина в Каир был отменен, и он ранним утром проехал из

[1] См. № 34.

[2] В тел. от 23/10 ноября за № 700 Чарыков также считал «крайне желательной и своевременной посылку отряда в Хойский округ». По мнению Чарыкова, отряд должен был бы «служить официально для усиления конвоя в Хое и быть настолько сильным и внушительным, чтобы моральный перевес силы в названном округе тотчас перешел на русскую сторону».

[3] Деп. от того же числа за № 32 Саблер сообщал, что король Георг V проездом в Индию (см. стр. 30, прим. 3) остановился 20/7 ноября 1911 г. в Порт-Саиде. Для встречи его приехал из Константинополя принц Зиа-Эддин с собственноручным письмом своего отца, Мохамеда V, в котором тот выражал «чувства дружбы к особе короля» и «уверенность в неизменности дружественных отношений между Турцией и Великобританией». «Передавая письмо своего отца, — писал Саблер, — принц Зиа-Эддин обратился к королю с небольшой речью, в которой он высказал пожелание процветания Великобритании и отметил, что отношения между последней и Оттоманской империей всегда были наилучшие. Король Георг в ответной речи принцу, с своей стороны, выразил надежду на упрочение дружбы между Великобританией и Турцией».

Порт-Саида с хедивом в загородный дворец последнего Куббэ. Таким образом народу не пришлось видеть сына султана, и собравшаяся уже в большом количестве учащаяся молодежь была рассеяна полицией. Принц, уезжающий послезавтра в Константинополь, почти безвыездно находился в Куббэ; он совершил в строгом инкогнито лишь несколько поездок по Каиру и окрестностям и посетил мать хедива и лорда Китченера.

Местная арабская пресса очень недовольна тем, что принца Зиа-Эддина как бы скрывают от египтян. Действительно, пребыванию принца в Египте придан до известной степени частный характер. Произошло это, как мне думается, по следующей причине.

Поездка старшего сына султана в Египет для приветствования великобританской королевской четы была, повидимому, вызвана желанием турецкого правительства приблизиться к Великобритании в эту трудную для Оттоманской империи минуту, когда Италия отнимает у нее Триполи и после того как Германия, которую Турция считала своим верным другом, не оказала ей поддержки в борьбе ее с Италией. Принц Зиа-Эддин весьма милостиво был принят королем Георгом; он вручил его величеству письмо султана и получил от короля ответное письмо Мохамеду V. Затем принцу была пожалована высшая степень ордена Виктории, причем лорд Китченер, передавая принцу, по поручению короля, орденские знаки, сказал ему, что король очень доволен приездом принца в Порт-Саид, а Зиа-Эддин ответил лорду Китченеру, что султан и его правительство будут очень благодарны за знаки благоволения, оказанные ему, Зиа-Эддину, и добавил, что ему известны симпатии Китченера к Турции.

Таким образом можно сказать, что порт-саидская встреча закрепила дружеские отношения между великобританским королем и турецким принцем и что обе стороны желали, наверное, наилучшим образом использовать этот момент в смысле сближения Турции и Великобритании.

Естественно поэтому, что было сочтено нужным не допускать никаких демонстраций, которые из сочувственных принцу легко могли обратиться во враждебные Англии, и в виде предосторожности торжественный въезд принца в Каир был отменен. Инициатива этой меры, как можно думать, принадлежала лорду Китченеру.

Вчера хедив дал обед в честь принца Зиа-Эддина; первоначально предполагалось пригласить на обед, кроме египетских министров, весь дипломатический корпус, но затем из иностранных представителей был приглашен лишь лорд Китченер. Это обстоятельство, несомненно, указывает на совершенно исключительное положение, занятое здесь Китченером, не желавшим, повидимому, чтобы другие иностранные представители участвовали на обеде, данном хедивом в честь его высокого гостя.

Примите и пр.

Ю. Саблер.

№ 88. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Депеша № 77. 24/11 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Г. Кидерлен-Вехтер сообщил на-днях бюджетной комиссии рейхстага еще одно дополнение к франко-германскому соглашению 4 ноября.

Обменом нот между германским статс-секретарем по иностранным делам и французским послом постановлено, что Франция отказывается от предоставленных ей франко-испанским договором 27 июня [н. ст.] 1900 г. преимущественных прав на покупку у Испании испанской Гвинеи, островов Кориско и Елобей. Зато Германия изъявила свою готовность не принимать участия в переговорах касательно Марокко, если бы таковые происходили между Францией и Испанией. При этом германские и французские правительства пришли к соглашению, что под Марокко подразумевается

*

часть Средней Африки, лежащей между Алжиром, французской Западной Африкой и испанской колонией Рио-Доро.

Даваемое Германии этими нотами преимущественное право в случае продажи Испанией своих колоний в этой части Африки имеет некоторый интерес для нее, так как испанская Гвинея входит клином в германские экваториальные владения и дополнит собой новые приобретения во французском Конго.

Слухи, появившиеся в печати, что германское правительство уже вступило в переговоры с мадридским кабинетом о продаже этих колоний, преждевременны.

Примите и пр. Гр. Остен-Сакен.

№ 89. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 78. 24/11 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к депеше моей от сего числа касательно речи, произнесенной статс-секретарем по иностранным делам в бюджетной комиссии рейхстага, считаю долгом остановиться на некоторых других подробностях происходившего в этой комиссии, при закрытых дверях, обсуждения франко-германского соглашения 4 ноября и затем отчасти появившихся в печати, между прочим, и в официозных органах правительства [1].

По поводу речи французского министра-президента, упомянувшего, что древний Рим вербовал своих лучших солдат в Северной Африке, был поднят в бюджетной комиссии вопрос о возможности и значении для Франции пользоваться туземцами для увеличения кадра своих войск. Представитель прусского военного министерства высказался в бюджетной комиссии не вполне определенно о так называемой здесь «черной опасности» («Schwarze Gefahr»); пользоваться туземцами для военных целей, притом также в Европе, по его мнению, конечно, возможно, и Германия должна быть готова к некоторому увеличению этим путем военной мощи Франции; однако трудно сказать, удастся ли французам в скором времени использовать этот материал, пока слишком еще не подготовленный.

Затем, по желанию бюджетной комиссии, г. Кидерлен-Вехтер и генерал фельдмаршал фон дер Гольц, специально приглашенный в качестве эксперта, высказали свое мнение о том, как может отозваться марокскский договор на отношении ислама к Германии. Попутно был затронут вопрос Триполиса и высказано мнение о необходимости строгого соблюдения нейтралитета по отношению к обеим воюющим державам.

Подробности этой части прений, к сожалению, не были оглашены.

Кроме того, г. Кидерлен-Вехтер на запрос одного депутата заявил, что вопрос немецкой почты в Марокко не был затронут новым соглашением с Францией, ввиду чего право иметь свою почту в этой стране сохранилось за Германией и на будущее время. Это, повидимому, не вполне совпадает с мнением, высказываемым некоторыми французскими политическими деятелями.

Отвечая на другой запрос, статс-секретарь по иностранным делам обратил внимание бюджетной комиссии на то, что Алжезирасское соглашение нисколько не отменено и не потеряло своей силы, а лишь дополнено новым договором с Францией.

Из речи г. Кидерлена-Вехтера о соглашении касательно Конго, опубликованной и в газетной вырезке у сего препровождаемой [2], следует только

[1] В деп. от 24/11 ноября за № 76 Остен-Сакен сообщал, что протокол первого заседания бюджетной комиссии рейхстага был опубликован в сокращенном виде официозным телегр. аг-вом Вольфа. О речи Кидерлена в бюджетной комиссии см. стр. 166, прим. 1.

[2] Приложение не воспроизводится.

отметить, что германское правительство придает цену приобретенному ею ныне праву иметь свой голос (mitsprechen) при возможных будущих изменениях в бассейне реки Конго.

Примите и пр. Гр. Остен-Сакен.

№ 90. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 1141 [1]. 24/11 ноября 1911 г.
Срочная.

№ 1.

После того как жандармы Шустера были заменены в доме и имениях Шоа казаками казачьей бригады, министр иностранных дел в 3 часа дня в парадной форме принес мне извинения за оскорбление чинов нашего генерального консульства. Министр при этом заверил, что подобное оскорбление не могло входить даже в мысли персидского правительства и что опоздание в выполнении наших двух требований вызвано исключительно министерским кризисом. Я ответил министру, что его шаг дает мне возможность вновь возобновить сношения с кабинетом. Затем по причинам, изложенным в телеграмме за № 2 [2], я позволил себе указать министру на то, что замедление в исполнении наших требований вынудило нас на посылку в Персию отряда, часть коего уже высадилась; что мера эта сопряжена с большими неудобствами и расходами и что тем временем Шустер позволил себе распространить в Персии перевод его письма в «Times», полного ложных и оскорбительных для нас сведений [3]. Ввиду этого я не думаю, чтобы императорское правительство могло теперь удовольствоваться исполнением первых двух наших требований, и что я ожидаю на этот счет указаний вашего превосходительства. Министр на это сказал, что Шустер получил возможность распространить брошюру лишь благодаря кризису, что теперь министры приложат все старания к тому, чтобы поставить его в надлежащие рамки и что есть даже надежда, что финал инцидента с конфискацией имущества Шоа убедит многих депутатов в опасности следования советам главного казначея. В заключение министр иностранных дел передал мне для ознакомления подлинный контракт персидского правительства с Шустером [4].

Поклевский.

№ 91. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 1143. 24/11 ноября 1911 г.
Срочная.

№ 2.

Получил 4 телеграммы 1856 [5] и 1859 [6].

Я не мог своевременно дать понять персам, что мы поставим дополнительные требования, так как телеграмма вашего превосходительства № 1833 [7] пришла в тот день, когда Барклай здесь сообщил, что у него есть полное основание предполагать, что выполнение наших двух требований поведет за собой отозвание посылаемых в Персию войск. Вышеупомянутые же 4 телеграммы получены сегодня поздно ночью. Мной через Барклая уже

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 253, с сокращениями и стилистическими изменениями.
[2] См. № 91.
[3] См. № 55.
[4] Тел. от 25/12 ноября за № 1145 Поклевский сообщал, что «в контракте Шустера не предусматривается случая увольнения его персидским правительством ранее срока, т. е. трех лет, без какой-либо с его стороны вины».
[5] См. № 70 и прим. 1 к нему.
[6] См. № 71 и прим. к нему.
[7] См. № 42.

было назначено время для приема министра иностранных дел. Из вчерашнего письма Барклая к одному из чинов министерства иностранных дел персы могли заключить, что сделанное им во вторник[1] сообщение не носит безусловно категорического характера. Мне не было совершенно ясно, составляют ли упомянутые в телеграмме № 1859, № 1 — требования точно формулированные инструкции, которые мне надлежало сообщить министру иностранных дел, или же они являлись частью программы действий, которая нуждалась еще в одобрении совета министров. Из осторожности я ограничился изложенным в моей телеграмме за № 1 заявлением, каковое дает нам возможность предъявить какие угодно дополнительные требования.

Поклевский.

№ 92. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 105. 24/11 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

За последние дни не произошло ничего, что содействовало бы выяснению общего положения и, напротив, есть полное основание предполагать, что таковое грозит еще более осложниться. Юань Ши-кай, которого около двух недель тому назад встречали, как спасителя страны, начинает, повидимому, терять почву под ногами. Действительно, составленный им кабинет до сих пор еще не собирался, причем из назначенных министров министр иностранных дел Лян Дун-ян, предполагаемый министр почт и сообщений Тан Шао-и и министр колоний Да-шоу уже отказались от предложенных постов, а другие министры и их товарищи, судя по отдельным указам о продлении их отпусков и замене одного другим, не выражают готовности приступить к выполнению своих функций. Правительственные войска вот уже месяц как пытаются без всякого успеха выбить революционеров из занятых ими позиций в Ханьяне и Учане, причем, судя по телеграммам нашего генерального консула в Ханькоу, между представителями обеих воюющих сторон все время ведутся переговоры о компромиссе, до сих пор не приведшие ни к каким результатам, так как весь вопрос в этих переговорах сводится к сохранению династии, недопускаемому революционерами[2]. Военные действия между империалистами[3] и революционерами продолжаются также и в других пунктах, например в Нанкине и в провинции Шанси, и ведутся с переменным счастьем, причиняя серьезные бедствия мирному населению и переходя в отдельных местностях в открытую анархию.

До сего времени нет и признаков возможности съезда в столицу представителей от провинций для выработки основ конституционного строя, о чем говорилось в указе от [14] 1 ноября[4], и таким образом фактически власть остается в руках Юань Ши-кая, но и с его стороны пока незаметно никаких энергичных выступлений. Конституционная палата, правда, делает слабые попытки продолжать свою роль руководителя по осуществлению конституционных реформ, но с приездом Юань Ши-кая роль ее свелась к нулю, и принятые ею резолюции уже не вызывают специальных указов для их немедленного осуществления на практике. Так, на последнем заседании палаты, бывшем [20] 7 ноября, было по единогласному решению

[1] 21/8 ноября. См. № 56.

[2] Тел. от 27/14 ноября за № 791 Коростовец сообщил Нератову, что, согласно полученным от Островерхова сведениям, в Ханькоу происходили совещания между делегатами командующего хубейской армией нац. кит. прав-ва ген. Ли Юань-хуна и делегатами Юань Ши-кая, на которых революционеры настаивали на отречении династии; в этом случае могли бы быть сохранены за династией «права собственности под некоторыми гарантиями, которые установит собирающееся учредительное собрание». Островерхов сообщал также о «готовности революционеров прекратить на время переговоров военные действия, если такое же распоряжение будет дано и правительственным войскам».

[3] Так в оригинале.

[4] См. № 58.

представлено трону требование об издании указа с предписанием об отрезании косы и о переходе к системе солнечного календаря, но до сего времени никаких распоряжений по сему поводу не последовало. На том же заседании большинством членов было высказано недоумение по поводу того, что Юань Ши-кай до сего времени не удостоил палату своим присутствием, «как будто бы председателю совета министров не о чем посоветоваться с конституционной палатой». Далее, тогда же обсуждалась телеграмма тяньцзинского совещательного комитета, в коей выставлено было предложение решить путем плебисцита вопрос о судьбе династии; при этом один из членов заявил, что он не может, будучи назначенным в палату от правительства и являясь сторонником конституционной монархии, принять участие в обсуждении такого предложения. Этот единственный голос в защиту династии вызвал бурные протесты большинства из присутствующих, которые покинули зал заседания. Но значение палаты настолько уменьшилось, что подобные демонстрации уже не оказывают никакого видимого влияния на ход событий. Таким образом силой вещей и благодаря своей прежней деятельности новый премьер не находит ни в ком поддержки, и даже трон, призвавший его в минуту полной растерянности, ныне, в силу той же нерешительности и страха за будущее, начинает подозревать его в коварных замыслах против династии.

Дело в том, что в план Юань Ши-кая несомненно входило по возможности полное устранение князя-регента от государственных дел и ограничение общения его с различными сановниками, легко могущими влиять на него в том или ином направлении. С этой целью выработаны были новые правила об аудиенциях и докладах, в силу которых ныне отменялся прежний порядок высочайших аудиенций, право на которые сохранялось лишь у членов совета министров; точно также отменялся старый порядок представления трону докладов, которые отныне все должны были итти на усмотрение совета министров. Обнародованный по сему поводу указ от [22] 9 ноября объясняет эту реформу, как осуществление конституционных принципов, и поясняет, что ныне «председателю совета министров нет надобности ежедневно являться на аудиенции» и что «в нужных случаях он будет особо призываться на аудиенцию». Другими словами Юаню предоставляется лишь для формы советоваться с верховной главой империи.

Несмотря, однако, на принятые Юанем меры, манчжурские князья и сановники не желают примириться с своим вынужденным бездельем и тормозят распоряжения Юаня вмешательством в дела управления и интригами через регента. Особенно непримиримыми являются князья Цзай-Сюнь и Цзай-Цзэ. Понимая, что присутствие двора в Пекине связывает его свободу действия, особенно в деле переговоров с революционерами, недоверяющими манчжурам и их обещаниям, Юань Ши-кай пытался воздействовать на регента и князей в смысле желательности их временного удаления из Пекина с тем, чтобы вернуть их в столицу, когда удастся установить более или менее прочный порядок. Ввиду неудачи этой попытки, хотя и поддержанной некоторыми более благоразумными манчжурами, как, например, князь Цин, Юань Ши-кай, стесняемый в своих действиях интригами манчжурской партии, а, может быть, опасаясь какого-нибудь покушения лично против себя, предполагал даже перенести свою деятельность в Тяньцзин, где он мог бы взять на себя обязанности чжилийского генерал-губернатора и куда могли бы переселиться главные представители правительственной власти. Как бы то ни было, двор, по частным сведениям, уже обсуждал вопрос об отъезде, но не решился пойти на такой шаг, опасаясь, что это будет истолковано, как отречение династии от прав на престол, и не доверяя Юань Ши-каю.

Как я имел честь доносить в секретной телеграмме от [23] 10 сего ноября за № 790 [1], это недоверие трона к председателю совета министров за послед-

[1] Тел. от 23/10 ноября за № 790 (опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 76) Коростовец, передавая Нератову о попытке Юань Ши-кая убедить князя-регента и двор уехать

ние дни настолько увеличилось, что по распоряжению князя-регента был тайно принят ряд мер, направленных к ограждению двора от последствий двуличной политики Юань Ши-кая, в которой недовольные манчжурские элементы при дворе все более и более начинают подозревать возвратившегося из опалы сановника. Такими мерами явились, как я имел честь телеграфировать: ввод в пределы императорского города только-что выведенных по распоряжению Юаня манчжурских полков и установление со стороны последних надзора за председателем совета министров и окружающей его собственной вооруженной охраны из китайцев.

Такие мероприятия не могут не вызывать серьезного беспокойства за будущее, так как при всей своей изолированности Юань Ши-кай остается единственным лицом, представляющим в Пекине твердую правительственную власть, и устранение его с арены совершающихся событий было бы равносильно переходу власти в руки двора и военного элемента, со всеми его неожиданными и опасными последствиями, наглядным примером чего были события 1900 года.

Ввиду такого положения вещей вопрос о принятии необходимых мер возбужден был на бывшем [23] 10 ноября заседании дипломатического корпуса, причем оказалось, что и мой американский сотоварищ был также осведомлен о совершившейся перемене в отношении трона к Юань Ши-каю. Хотя дипломатический корпус разделил высказанное мной и американским посланником мнение о желательности обезопасить положение Юань Ши-кая и дать ему возможность действовать и признал, что в случае его падения или смерти может произойти вооруженное столкновение, угрожающее иностранцам и кварталу миссий, что повело бы к вмешательству держав, но не нашел возможности обратиться непосредственно к регенту для того, чтобы обратить внимание его на важность предупредить всякие враждебные Юаню действия. Дипломатический корпус также не согласился с тем, что отъезд Юаня в Тяньцзин устранит существующие затруднения, ибо удаление его прежде всего поведет к анархии в столице. Решено поэтому поручить старшине переговорить частным образом с Юань Ши-каем и посоветоваться относительно лучшего способа действия [1]. Решено также принять меры к усилению гарнизона квартала миссий, что должно произвести нравственное впечатление на китайцев и манчжур и показать им, что нападение их будет отражено. С этой целью посланники имеют обратиться к своим правительствам с просьбой прислать небольшие отряды, не свыше 300 человек на каждую миссию, с тем, чтобы нынешний гарнизон, составляющий 1200 человек, был доведен до 2000.

Что же касается до мероприятий, принимаемых революционерами, то таковые направлены к закреплению завоеванного положения и к практическому осуществлению нового республиканского строя. Как вашему превосходительству известно, под Ханькоу одновременно идут военные действия и переговоры о возможном соглашении. Представители пекинского правительства стараются запугать делегатов республиканской партии неизбежным иностранным вмешательством и раздроблением Китая, делегаты же генерала Ли заявляют, что о соглашении и об объединении

на-время из Пекина, сообщал следующее: «Двор, под влиянием манчжурских партий и императрицы, особенно князя Цзай-Цзэ, отказывался, обвиняя Юань Ши-кая в желании захватить власть и устранить династию. Прибыв в Пекин, Юань Ши-кай для личной охраны привел около 2000 верных ему китайских солдат, расположив их близ дворца в занятом им квартале и потребовав, во избежание конфликта, удаления манчжурских войск, расквартированных в городе. Ныне, по секретным сведениям, во дворец тайно введен манчжурский полубатальон с пулеметами. Часть манчжурских солдат окружила квартал, где проживает Юань Ши-кай».

[1] Тел. от 26/13 ноября за № 800 Коростовец известил Нератова о беседе Юань Ши-кая с деканом дипломатического корпуса, во время которой Юань Ши-кай заявил, что «придворная партия, хотя и крайне раздраженная против него, едва ли решится прибегнуть в настоящую минуту к насилию». Далее Коростовец сообщал, что «Юань отказывается от мысли отправиться в Тяньцзин, так как его отъезд был бы сигналом к беспорядкам в Пекине; продолжая считать положение тревожным, он, однако, не ожидает немедленной вспышки».

можно говорить лишь после устранения от власти манчжурской династии. В то же время из Шанхая двинуты революционерами войска против Нанкина, который продолжает оставаться в руках манчжурского гарнизона. Временное правительство как в Учане, так и в Шанхае стремится всячески установить сношения с консулами и возбуждает вопрос об официальном признании новой республики. Генеральный консул наш в Шанхае доставил в императорскую миссию ряд сообщений на его имя военного правительства китайской республики, в которых говорится о том, что китайский народ долгое время страдал под гнетом абсолютизма, что манчжурское правительство за свое 250-летнее управление Китаем показало полную неспособность, применяя во внутреннем управлении и в международных сношениях варварские приемы и поддерживая в Китае порядок, совершенно несогласный с правовыми понятиями иностранцев. «Такое положение вещей, — говорится в одном из сообщений, — оказалось более нетерпимым, и поэтому в Китае провозглашена республика, правительство коей задалось целью спасти китайский народ и доставить иностранцам возможность мирного и спокойного проживания в Китае». При этом в тех же сообщениях временное правительство всячески заверяло, что им будет сделано все для охраны жизни и имущества иностранцев и что оно надеется, что существовавшие с давних времен между Россией и Китаем дружественные отношения еще более разовьются после провозглашения в последнем республики.

Но что имеет гораздо большее значение, чем эти воззвания, — это стремление к объединению между восставшими в различных провинциях гарнизонами, кои, в сущности говоря, являются главными и активными деятелями восстания в Китае. Так, по имеющимся сведениям, командующим республиканскими войсками в Шанхае отправлена командующим войсками в Учане, Чанше, Аньцине, Наньчане, Сучжоу, Чжэцзяне, Тайюаньфу, Саньфу, Фучжоу, Кантоне, Цзинаньфу, Гуйлине, Юнани и Гуйчжоу циркулярная телеграмма с указанием на необходимость создания центрального правительства китайской республики, главным образом для установления правильных сношений с иностранными державами и с приглашением прислать для этой цели в Шанхай депутатов от каждой провинции.

Что же касается до сведений из других частей Китая, то особенную тревогу вызвало имевшее место в городе Сианьфу Шэнсийской провинции избиение иностранцев. Сведения об этом были подтверждены прибывшими оттуда миссионерами, которые сообщили, что среди погибших находится учительница местной школы с пятью детьми и два иностранца, служившие в местном отделении китайской почты. Повидимому, нападение на иностранцев являлось последствием царствующей там анархии.

По сведениям из Тяньцзина и из городов Манчжурии, особых перемен там не произошло за последнее время. В последних фактическая власть сосредоточивается в упомянутых в моем донесении от [18] 5 сего ноября за № 103 [1] обществах охраны спокойствия и порядка, образовавшихся из местных чиновников, представителей торгового сословия и членов революционной партии. Судя по опубликованным ныне уставам этих обществ, таковые являются как бы самоуправляющимися единицами со всеми органами и функциями правительственной власти. Само собой разумеется, что все эти организации имеют характер временного компромисса, вызванного неуверенностью обеих сторон и желанием избежать кровопролития, и едва ли они могут сохранить свой теперешний характер при более выяснившемся положении вещей.

Примите и пр.

Коростовец.

---

[1] В оригинале ошибка. Указанное донесение датировано 21/8 ноября. См. № 58.

№ 93. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Риме, Вене, Берлине и Константинополе — Извольскому, Бенкендорфу, Долгорукому, Н. Гирсу, Остен-Сакену и Чарыкову.

*/. Телеграмма № 1873. 25/12 ноября 1911 г.

Получил № 77 [1] (для Вены).

Получил № 701 [2] (для Константинополя).

Считаю нужным пояснить основную мысль, вложенную в указания, преподанные послам в Риме и Константинополе телеграммой за № 1847 [3].

Считая право плавания нейтральных торговых флагов через Проливы и в мирное и в военное время обеспеченным трактатами вообще и в частности ст. III Лондонского трактата 1871 г., мы считаем недопустимым фактическое уничтожение этого права ни блокадой или иными средствами нападающего, ни закрытием плавания в видах самозащиты со стороны обороняющегося. Такая постановка сама по себе не исключает возможности применения чисто технических военных и боевых мер нападения или защиты.

Если бы державы согласились с такой постановкой вопроса, то о взгляде их желательно довести до сведения воюющих одновременно, но не совместно, причем, дабы пощадить самолюбие Италии, соответственные заявления могли бы быть сделаны не в Риме, а итальянским послам при пяти державах.

Благоволите по содержанию вышеизложенного объясниться с правительством, при коем вы аккредитованы, и о последующем телеграфировать [4].

Нератов.

№ 94. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 176 [5]. 25/12 ноября 1911 г.

Получил телеграмму № 1847 [6].

На сделанное мною сообщение в смысле этой телеграммы де Сельв только ответил, что французское правительство разделяет нашу точку зрения и что французским представителям за границей уже даны соответствующие инструкции.

Извольский.

№ 95. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 25/12 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Как только телеграмма за № 1847 была разобрана, я поспешил посетить министра ди Сан-Джулиано. Руководствуясь указаниями вашего превосходительства приготовить почву к успеху указанного в телеграмме коллективного выступления держав, я дружески пытался убедить его в неоценимом вреде, которое нанесло бы мирной торговле угрожаемое Турцией закрытие Проливов. Вместе с сим я подчеркнул, что Турция оправдывает такую меру требованиями самозащиты. Министр тогда заверил меня, что в *настоящую минуту* он не предполагает расширять район военных действий, что он, напротив, считает более соответственным интересам

---

[1] См. № 80.

[2] См. № 83.

[3] См. № 48.

[4] Тел. от 26/13 ноября за № 80 Н. Гирс сообщил о согласии Эренталя на предложение Нератова и о намерении его сделать соответствующее заявление итал. послу в Вене. Эренталь намерен также «предписать австро-венгерскому послу в Риме войти в соглашение с другими послами, чтобы одновременно, но не совместно, в беседе с итальянским министром иностранных дел выразиться в том же смысле».

[5] Маш. копия.

[6] См. № 48.

намеченной цели сосредоточить все внимание на усмирении Триполи. То же самое и в тех же выражениях министр сказал накануне французскому поверенному в делах. Затем маркиз ди Сан-Джулиано добавил, что в угрозе Турции он усматривает bluff, имеющий целью побудить Россию к неприятному для самолюбия Италии выступлению. «Все это шито белыми нитками, я считал турецкую дипломатию способнее; по крайней мере она пользовалась такой, как видно, не совсем заслуженной, славой», закончил он. Я успокоил его, объяснив ему, что я не имею никакого поручения к нему от императорского правительства, но что меня несколько беспокоит судьба мирной торговли, в том случае, если бы было прекращено сообщение между Черным морем и Архипелагом. Тем более, что на запросы, которые я получил за последние дни от сицилианских экспортеров, — могут ли они продолжать грузить агрумы в порты Южной России, — я отвечал утвердительно. Под таким впечатлением я и решил обменяться с ним взглядами. Тогда он провел параллель между образом действий Италии, ради интересов нейтральных держав стесняющей себя в пользовании имеющимися в ее распоряжении средствами сломить противника, и политикой Турции, руководствующейся исключительно личными взглядами и готовой, ради обеспечения таковых, пожертвовать нуждами мировой торговли.

Я не счел удобным настаивать далее, ибо из переданных сюда во французское посольство телеграмм Жюля и Павла Камбон видно, что ни великобританское, ни германское правительства не намеревались выступать в желательном для Турции смысле. Поэтому я предпочел оставить министра в убеждении, что я действовал по личному почину, озабоченный исключительно обеспечением беспрепятственного товарообмена между нами и остальными нейтральными державами.

Как я упоминал в моей телеграмме за № 94 [1], я твердо убежден, что мысль перенести военные действия в Эгейское море была временно оставлена, под влиянием оказанного на Италию ее союзницами давления. Что такое решение, однако, не окончательное, явствует, с одной стороны, из слов ди Сан-Джулиано, что он никакими обязательствами на будущее время себя не желает связывать, и, с другой стороны, из доверительного обращения итальянского морского министерства к нашему и японскому морским агентам. Морское министерство запросило их относительно траллесов [2] и т. п. Капитан Бойль [3] обещал им доставить сведения, помещенные после нашей войны в морском сборнике и уже ставшие общим достоянием.

Последние обстоятельства убеждают меня, что Консульта крайне несочувственно относится к делаемым ей представлениям, имеющим целью стеснить ее свободу действий. Под страхом мобилизации австрийского флота «дружеские советы» приемлются к исполнению, но в сердцах руководящих политикой государственных деятелей затаивается убеждение в правильности доводов недавно появившейся в неаполитанском «Il Mattino» статьи, озаглавленной «Где враг?» («Dove è il nemico?») Излишне будет упоминать, что такового, по мнению автора статьи, следует искать в Вене и Берлине.

Примите и пр. Кн. Долгорукий.

№ 96. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [4]. 25/12 ноября 1911 г.

Частное, весьма доверительно.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

При посещении моем в Давосе С. Д. Сазонова [5] я сообщил ему об одном весьма секретном вопросе, — настолько секретном, вернее настолько де-

[1] См. № 64.
[2] Слово «траллесов» подчеркнуто Николаем II и на полях его помета: «траллов!».
[3] Морской агент росс. прав-ва в Италии и Австро-Венгрии.
[4] Опубл. Сб. секр. док., IV, стр. 168, № 57.
[5] В сентябре 1911 года.

ликатном, что я не решался о нем писать, а собирался доложить вам устно при свидании в Петербурге, куда я хотел заехать дня на два после свадьбы моей дочери. Но так как свадьба состоялась в Софии и я не считаю возможным удаляться в настоящую минуту от своего поста, то я принужден обратиться все-таки к «пергаменту и трости» и сделать вам мое сообщение в виде настоящего совершенно частного и весьма доверительного письма.

Вот в чем дело: месяца два тому назад король Фердинанд, через посредство сначала министра финансов Тодорова, а потом и своего тайного секретаря Добровича, зондировал меня насчет возможности занять в России для себя лично, — на льготных, разумеется, условиях, — около трех миллионов франков. Я слышал уже и раньше, что имущественные дела короля находятся далеко не в блестящем положении; с одной стороны, он слишком много накупил и настроил в Болгарии, с другой — принцесса Клементина, без того весьма много потратившая в Болгарии для упрочения престола сына, не предоставила в своем завещании, как того ожидали, особых преимуществ своему любимцу, который таким образом получил после матери от 600 до 700 тысяч франков годового дохода, отнюдь не больше. Что же касается имуществ, приобретенных им в Болгарии, то они, правда, представляют собой довольно значительную ценность (свыше 4 миллионов франков, как мне говорили), но не только не дают доходу, а стоят пока ежегодно королю довольно значительных сумм. Из имуществ этих лишь великолепный еловый лес в Чамкории может давать известный и увеличивающийся с году на год доход, но и то лишь, когда окончательно решится процесс короля с Самоковской общиной из-за части леса и введена будет правильная эксплоатация.

Тем временем долг короля народному банку достиг почти 3 миллионов франков и притом из 7%. Кроме того, что для короля Фердинанда довольно унизительно переписывать из году в год векселя банку и так сказать зависеть от этого эмиссионного, но в сущности не государственного учреждения, — и самый размер процентных платежей представляется весьма убыточным — 200 000 фр. в год.

Ввиду этого король Фердинанд был бы нам очень признателен, если бы мы могли выдать ему ссуду — под обеспечение его имуществ, находящихся в Болгарии — в размере 3 000 000 фр. из 4 процентов плюс $^1/_2$% погашения.

Подобная ссуда, разумеется, могла бы быть осуществлена лишь при посредстве какого-нибудь частного русского банка, за которым скрывалась бы русская казна, — как то было сделано в деле 4-миллионной ссуды белградскому офицерскому собранию в связи с уплатой долгов королевича Георгия [1].

При этом само собой понятно, что наша казна должна была бы нести известный расход по добавлении процентов; вероятно 5% вместо 4%, т. е. на 3 млн. ссуды всего 30 000 франков (11 тысяч рублей ежегодно). Расход этот такой минимальный, что о нем в сущности не стоит и говорить, если только самый факт ссуды будет признан операцией не слишком опасной в финансовом отношении и целесообразной в отношении политическом; что касается первого вопроса, то я думаю, что поручительство наше за долг короля Фердинанда не представляет опасности.

Король Фердинанд — все-таки не король Милан и не королевич Георгий; к тому же имущество, им предлагаемое в обеспечение долга, представляет и в особенности представит собой через несколько лет довольно значительную ценность.

Что же касается политической целесообразности, то это вопрос более сложный и, в особенности, весьма деликатный. Думать, что мы купим короля Фердинанда за ссуду в 3 000 000 фр., было бы и наивно, и даже не совсем достойно. К тому же человек, способный торговать своим поли-

---

[1] Имеется, повидимому, в виду 4 млн. ссуда, выданная росс. прав-вом в июле 1910 г. сроком на 5 лет серб. офицерскому о-ву «Офицерская задруга».

тическим влиянием, будучи на троне или возле трона, способен и просто-напросто обмануть своих доверителей, как то сделал некогда Милан.

Но наше любезное содействие без всякого торга к улажению денежных дел болгарского двора несомненно учтется известным увеличением влияния нашего на короля. А в настоящую минуту король Фердинанд именно стоит на распутьи между нами и Австрией, приближаясь скорее к нам, и услуга, оказанная ему лично, может явиться лишним толчком в нашу пользу.

Вот почему я стою за исполнение желания его величества.

Но только, — если у нас пойдут на это, — то на мой взгляд безусловно необходимо, чтобы ссуда была устроена, как уже выше выразился, без всякого торга, ни политического, ни финансового; в размере просимом, на условиях предлагаемых; быстро, совершенно негласно и любезно, т. е. так, как это делается между «джентльменами»; мы тем возвысим короля Фердинанда в его собственных глазах; а подобные нравственные одолжения ценятся иногда еще больше, чем материальные.

Во всяком же случае, т. е. согласимся ли мы на эту комбинацию, или откажемся от нее, — безусловно необходимо, чтобы обо всем этом, до высочайшей санкции, не знал никто, кроме вас, статс-секретаря Коковцова, меня и, в крайнем случае, трех или четырех совершенно доверенных лиц.

В ожидании возможно скорого и благоприятного отзыва на настоящее письмо, прошу вас принять и пр. [1].

А. Неклюдов.

№ 97. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 25/12 ноября 1911 г.
Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В последней шифрованной телеграмме моей от [22]9 числа сего месяца [2] я позволил себе затронуть вопросы, не касающиеся формально моего круга деятельности, но бесспорно отражающиеся на отношениях наших к болгарам и на болгарской политике: вопрос о русско-турецком соглашении и вопрос о Проливах.

Здесь за последнее время усиленно обращаются слухи о том, что Россия ищет заключить с Турцией «союз». Слухи эти нашли себе, между прочим, выражение в народном собрании, в нескольких речах оппозиции по поводу внешних дел, из каковых речей наиболее замечательные — речь Геннадиева, направленная, разумеется, против Турции.

Когда я спрашиваю, в чем должны заключаться условия подобного союза, о коем я сам пока не имею никакого понятия, то мне отвечают, что Россия ищет устроить «Балканскую федерацию», направленную против Австрии; что, обещая Турции всяческую поддержку и территориальное status quo, мы, будто бы, в свою очередь желаем выговорить у турок: а) уступок православному населению балканской Турции в смысле широкой административной автономии и б) некоторых изменений в действующем положении о Проливах в пользу нашего Черноморского флота.

Как я уже имел честь высказаться перед вашим превосходительством в одном из моих частных и доверительных писем [3], я не верю в то, что принято называть «Балканской федерацией». Турки всегда будут видеть в болгарах,

[1] В ответ на это письмо Сазонов телеграфировал Неклюдову 16/3 дек. (без номера): «По поводу упоминаемой в нем комбинации возникает вопрос о повышении погашения до 1%. Благоволите выяснить, каковы в таком случае были бы предложения заинтересованного лица». Тел. от 27/14 янв. за № 5 (опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 20) Неклюдов сообщал, что «заинтересованное лицо изъявило полное свое согласие и живейшую признательность», и добавлял, что «лицо выразило желание, чтобы, насколько возможно, все устроено было бы в Петербурге непосредственно с Государственным банком или вполне доверенным нашим посредником».

[2] См. № 66.

[3] См. т. XVIII, № 769.

греках, сербах непримиримых искателей оттоманского в Европе наследства, а в болгарах к тому же и опасного врага. Всякие обещания реформ со стороны Турции есть «затея ветряная». На такие реформы, которые действительно обеспечивали бы развитие и национальную обособленность славян и эллинов, т. е. на автономию вроде бывшей Восточной Румелии и нынешнего Крита, турки никогда добровольно не согласятся; никогда не увидим мы их в роли «du guillotiné par persuasion»[1]. А реформы менее решительные не приведут в конце концов ни к чему, разве только к усилению албанских насилий и движений.

С еще большим опасением отношусь я к вопросу о Проливах; опыт 1908 года показал, как опасно трогать этот вопрос; по-моему, его можно будет действительно поднять только в том случае, если бы произошли известные территориальные перемены на Балканах; до этого лучше оставить status quo и ревниво охранять неприкосновенность оттоманской территории в размерах азиатских владений Порты и Адрианопольского вилайета. А раз мы говорим об Адрианополе и его округе, мы, несомненно, затрагиваем область болгарской политики и отношения к нам болгар...

Однако все это я говорю, во-первых, по наслышке, а во-вторых, не зная всего происходящего. Вполне допускаю, что могут существовать такие причины, которые категорически предписывали бы русской политике искать сближения с Турцией, искать в особенности ее доверия; также как могут привступить и такие обстоятельства (вроде недавней тревоги нашего хлебного черноморского экспорта), которые могут заставить нас, даже нехотя, заговорить о Проливах. Словом, в наши расчеты может входить временное, оппортунистическое соглашение с Турцией. Судить об этом может только наш посол в Константинополе, и его компетенция в сем вопросе должна быть безусловно признана другими русскими представителями на Балканском полуострове.

Но если дело складывается так, то, по моему глубокому убеждению, мы должны непременно побудить болгар всецело согласовать свое поведение с нашим. Это явилось бы тем более уместным, что и нынешнее болгарское правительство, и король Фердинанд весьма склонны именно в настоящую минуту к временной, оппортунистической дружбе с Турцией. Во-первых, болгарская армия весьма недостаточно оборудована в смысле снарядов, лошадей, даже оружия; во-вторых, Болгария добивается в настоящую минуту постройки линии Кюстендиль — Куманово и выгодного для ее промышленности торгового с Турцией трактата; в-третьих, они полны надежд на мощь болгарской школьной и церковной работы в Македонии.

Словом, я уверен, что на приглашение с нашей стороны устроиться при нашем содействии по возможности лучше с Портой болгары отозвались бы с большей готовностью; но нужно им это официально и определенно сказать.

И в таком случае, прежде всего следовало бы немедленно дать понять самым решительным образом в Белграде, что мы не допускаем между сербами и болгарами таких договоров, которые имели бы предметом наступательные против Турции действия.

До сих пор я еще не уполномочен официально заявить г. Гешову, что в Петербурге согласны с его точкой зрения и что, в случае заключения сербо-болгарского соглашения, из этого соглашения должны быть тщательно исключены всякие статьи наступательного свойства; я заявлял об этом официозно, но, повидимому, мои заявления не совсем сходятся с теми, которые делаются в Белграде нашим посланником; а между тем авторитет гофмейстера Гартвига, как человека, стоявшего одно время во главе всей восточной политики России и имевшего издавна тесные сношения со всеми славянскими деятелями, настолько велик, что не ограничивается пределами сербского королевства, а чувствуется и в Софии, и инде.

Кроме сего, считаю долгом прибавить, что при подобной постановке вопроса, во-первых, самое значение сербо-болгарских переговоров несколько

[1] «гильотинированного по убеждению».

умаляется, и самый союзный договор,—если бы к нему все-таки пришли,— получил бы несколько иную окраску и содержание. В частности, болгары несомненно будут менее уступчивы в вопросе о разделе сфер влияния в Македонии, если будут предвидеть известную длительность добрососедских сношений с Турцией и если убедятся вообще, что решительные события на Балканах могут быть надолго отсрочены. При подобной обстановке культурная работа и болгар и сербов в предоставленной ими друг другу сфере влияния должна быть настолько успешна и, следовательно, знаменательна для будущего территориального раздела, что болгары едва ли поступятся сколько-нибудь значительной дробью того населения, среди коего их пропаганда уже сделала значительные успехи.

Примите и пр. Неклюдов.

№ 98. Посланник в Софии посланнику в Белграде Гартвигу.

Письмо. 25/12 ноября 1911 г.
Весьма доверительно.

Дорогой Николай Генрихович,

Благодарю вас очень за любезное и интересное письмо ваше от [17] 4-го[1]. Во избежание всяких недоразумений считаю долгом заявить вам, что по вопросу о статье соглашения, предвидящей наступательные против Турции действия [2], я остаюсь при прежнем своем мнении. Подобная статья ни в коем виде и ни в какой редакции, по-моему, не допустима. Также боюсь я чрезмерных территориальных требований сербов. Болгары,— я ныне в этом совсем уверился,— дальше Ускюба, и в крайнем случае Дибры, ни пяди не уступят.

А засим вполне разделяю все ваши воззрения: «Балканская федерация» есть шутовство и чепуха; c'est du Chester, pour tout dire. Но, конечно, могут быть в настоящую минуту особые и специальные причины, чтобы желать доверия Порты; я о таких причинах не осведомлен, но они могут быть. В таком случае ничто нам не мешает любезничать с турками, и болгары и сербы готовы нам будут в этом подражать. Но только это не «Балканская федерация», а просто оппортунистический прием.

Но что было бы всего опаснее,— это опять подымать вопрос о Проливах! Это уже пахнуло бы новым дипломатическим Ватерлоо, как то, которое заставил нас потерпеть Наполеон-Извольский в 1909 г. («un Napoléon qui avait commencé par Waterloo» [3], как я тогда о нем отзывался; это стоило мне афинского места).

Крепко жму вашу руку и прошу верить самым искренним чувствам моего уважения и преданности.

А. Неклюдов.

№ 99. Посланник в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Телеграмма № 72. 25/12 ноября 1911 г.

Министр иностранных дел передал мне, английскому и французскому посланникам просьбу греческого правительства не занимать Крита, буде возникло бы таковое намерение, международными отрядами и не свозить десант, ибо меры эти, крайне непопулярные как на острове, так и в королевстве, весьма затруднили бы положение афинского кабинета. Тем не менее правительство, решившееся скорее пасть, чем допустить сюда критских уполномоченных [4], усердно просит держав-покровительниц помешать, буде

---

[1] Письмо Гартвига Неклюдову от 17/4 ноября в делах б. росс. миссии в Белграде не обнаружено.

[2] Имеется в виду ст. III проекта сербо-болгарского договора. См. приложение к № 4.

[3] «Наполеон, который начал с Ватерлоо».

[4] См. стр. 63, прим. 3.

возможно, иными средствами отправлению депутатов в Афины; если бы, например, державы признали нужным удвоить число стационеров и тем дать ясно понять критянам их твердое намерение не допускать беспорядков, то решение это греческое правительство приветствовало бы как крайне желательное.

Согласно имеющимся у министра иностранных дел сведениям, не потеряна еще надежда, что благонамеренные элементы сумеют удержать критян от нежелательного решения, тем более, что против него уже высказываются многие участники движения и что также и сам Заимис, пользующийся большим влиянием на острове, гласно его осудил.

Свербеев.

№ 100. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

¹/. Телеграмма № 183. 25/12 ноября 1911 г.

В дополнение к депеше моей № 66 [1] сообщаю полученные чрез доверенное лицо нижеследующие данные: боснийские власти снова прекратили товарное движение на 14 дней; предписана спешная подготовка вагонов по 6 штук в каждые 24 часа; к концу года ожидается подвоз к турецкой границе 138 вагонов воинских частей из империи. Проф. Массарик просит передать своим сербским друзьям, будто в среде его партии утвердилось убеждение, что Австрия готовится занять Санджак в конце января либо в начале февраля.

Гартвиг.

Надо зорко слѣдить и подумать о томъ, можно ли удержать Австрію отъ столь опаснаго для мира шага.

Ливадия, [1 декабря] 18 ноября 1911 г.

№ 101. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

¹/. Телеграмма № 1146. 25/12 ноября 1911 г.
Лично. Весьма секретно.

Наше энергичное выступление в связи с инцидентом с имуществом Шоа и посылка в Персию столь многочисленного отряда объясняется здесь почти всеми нашим желанием во что бы то ни стало посадить на престол Мохамед-Али-шаха, и, действительно, наступление наших войск на Тегеран может при известной подготовке привести к этому результату. Ко мне обращаются за разъяснениями многие, как сторонники бывшего шаха, так и колеблющиеся, но готовые встать на его сторону, и я затрудняюсь давать им какие-либо указания. Во всяком случае считаю долгом сообщить, что без активной и непосредственной с нашей стороны поддержки дело Мохамед-Али-шаха не может быть выиграно. До меня доходят также сведения, что великобританское правительство будто бы ни в коем случае при нынешних обстоятельствах не признает бывшего шаха. Правда ли это, и если да, то отзовется ли это на нашем будущем образе действий.

Поклевский.

№ 102. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

¹/. Телеграмма № 1877 [2]. 26/13 ноября 1911 г.

Сообщается послу в Лондоне.

Великобританский посол сказал мне вчера, что Грей признает наше право предъявить персам дополнительные требования, и полагает, что некоторые

---

[1] См. № 40.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 233, № 507.

из них могли бы даже быть поддержаны английской миссией в Тегеране. Он считал бы при этом, однако, желательным, чтобы дипломатические сношения наши с персидским правительством были возобновлены и чтобы наши войска были пока задержаны в Реште. Я ответил послу, что ввиду исполнения персами наших первоначальных требований [1], вами уже возобновлены сношения с шахским министром иностранных дел и что программа наших новых требований будет сообщена вам тотчас по обсуждении ее в совете министров, после чего вам можно будет совместно с Барклаем определить, в чем может выразиться поддержка со стороны британской миссии.

Для вашего сведения.

Мы при этом отнюдь не имеем в виду обусловить предъявление вами персам наших требований согласием на них Барклая. Что же касается ваших сношений с министром иностранных дел, то, ввиду выступления нашего с новыми требованиями, эти сношения должны носить характер лишь деловой, а не вполне нормальных отношений.

Н е р а т о в.

№ 103. Временно управляющий министерством иностранных дел управляющему генеральным консульством в Канее Пустошкину.

./. Телеграмма № 1878. 26/13 ноября 1911 г.

Сообщается в Париж, Лондон, Рим, Константинополь и Афины.

Ссылаюсь на ваши телеграммы №№ 100 и 101 [2].

Великобританское правительство считает желательным, чтобы консула держав-покровительниц, пребывая между собой в постоянном обмене мыслей и сведений по внутреннему положению острова, совместно внушали бы критянам, что никакое изменение status quo в настоящее время не может быть допущено. В случае возникновения беспокойства или сомнений в этом отношении консула могли бы, обменявшись взглядами, сообщить своим правительствам о возможных и желательных средствах воздействия для достижения указанной цели [3].

[Н е р а т о в.]

№ 104. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1881 [4]. 26/13 ноября 1911 г.

№ 2 [5].

Сообщается послу в Лондоне.

Совет министров, обсудив положение дел, принял во внимание, что настоящий конфликт с Персией вызван некорректными действиями персидского правительства и его агентов по специальному поводу, что поэтому предъявленные ныне дополнительные требования наши персидскому прави-

[1] См. № 90.

[2] См. № 68 и прим. к нему.

[3] Тел. от 27/14 ноября за № 104 Пустошкин запрашивал Нератова, может ли он присоединиться к заявлению англ. консула, содержание которого изложено в публикуемом документе. Тел. от 29/16 ноября за № 1902 Нератов ответил Пустошкину: «Можете присоединиться к предложенному заявлению, как и вообще ко всякому шагу, в основе коего лежит сохранение status quo». Тел. от 30/17 ноября за № 106 Пустошкин сообщал Нератову, что соответствующее заявление было сделано консулами держав-покровительниц совместно с итал. консулом 30/17 ноября.

[4] Опубл. Ор. кн., стр. 259, где датирована 29/16 ноября, с сокращениями, и Siebert, II, S. 235, № 509, где отсутствует номер. Публикуемая тел. в тот же день была послана Нератовым за № 1880 Фредериксу на утверждение Николая II.

[5] Тел. от того же числа за № 1882 (№ 1) Нератов предлагал Поклевскому составить ноту, соответствующую содержанию публикуемой тел., «дабы таковая могла быть передана вами персидскому правительству незамедлительно по получении уведомления от нас о последовавшем высочайшем соизволении».

тельству также не должны выходить из рамок инцидента, его причин и его последствий, и что такая только постановка вопроса будет всецело понятной в глазах общественного мнения как нашего, так и заграничного.

Устранив поэтому мысль о присоединении к нашим требованиям вопросов, не имеющих какого-либо касательства к инциденту, совет министров постановил предъявить ныне персидскому правительству следующие требования:

1) Увольнение Шустера и Лекофра. Положение других приглашенных Шустером лиц должно быть урегулировано в согласии с пунктом 2.

2) Обязательство персидского правительства не приглашать на свою службу иностранцев без предварительного согласия русской и английской миссий в Тегеране.

3) Возмещение персидским правительством расходов, вызванных нынешней экспедицией в Персию. Размер причитающейся нам суммы и способы ее уплаты будут установлены дополнительно, после получения ответа от персидского правительства.

Предъявляя в письменной форме эти требования шахскому правительству от имени императорского правительства, вам надо будет прежде всего пояснить в той же ноте, что этот шаг вызывается непременной необходимостью для нас получить удовлетворение по поводу вынужденной посылки отряда и новых провокаторских выступлений Шустера и вместе с тем искренним желанием нашим устранить ныне же главные причины происшедших трений, чтобы создать на будущее время почву, на которой между обоими правительствами могли бы быть установлены прочные дружественные отношения и получили бы быстрое и благоприятное разрешение все незаконченные дела и вопросы. Вы имеете добавить к этому, что мы будем ожидать удовлетворения наших требований не долее 48 часов, в течение коих отряд будет задержан в Реште. Если по истечении этого срока ответа не последует или он будет неблагоприятный, отряд будет двинут дальше, что, конечно, повлечет за собой, между прочим, и увеличение той суммы, которую персидскому правительству придется уплатить [1].

Нератов.

№ 105. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 96. 26/13 ноября 1911 г.

Все местные газеты перепечатали известие, появившееся в парижском «Matin», об обращении России к державам с просьбой о представлениях в Риме и Константинополе с целью удержания воюющих от блокады и закрытия Проливов [2]. Опасаясь впечатления, которое должно было произ-

---

[1] 28/15 ноября за № 2924 Фредерикс телеграфировал Нератову, что Николай II, вычеркнув из первого абзаца публикуемой тел. слова: «и что такая только... заграничного», написал следующее: «Одобряю. Излишнею является ссылка на наше и заграничное общественное мнение, когда затронуты интересы или достоинство России. Меры, принимаемые для ограждения и укрепления порядка, понятны всякому здравомыслящему человеку». Тел. от 29/16 ноября, помеченной также № 1902 (ср. стр. 97, прим. 3) Нератов, сообщая Поклевскому об одобрении Николаем II текста публикуемой тел., предлагал передать соответствующую ноту перс. прав-ву, «не касаясь, конечно, в ней мотивировки совета министров, изложенной в первом абзаце телеграммы № 1881».

В письме от 26/13 ноября за № 843 Нератов сообщил Бьюкенену о принятом решении предъявить перс. прав-ву изложенные в публикуемом документе три новых требования и в заключение писал: «Чтобы не затруднять бесполезно положение сэра Э. Грея в парламенте, мы решили не оглашать этого решения до вторника [28/15 ноября], и только тогда Поклевский сообщит наши требования персидскому правительству. Сообщение нашего посланника будет иметь характер ультиматума, условия которого должны быть выполнены в течение 48 часов, до истечения которых наши войска будут задержаны в Реште».

[2] Повидимому, имеется в виду заметка в «Matin» № 10134 от 26/13 ноября под заглавием «Une démarche de la Russie». Содержание заметки в основном изложено в публикуемом документе.

вести на министра иностранных дел преждевременное разглашение предпринятого нами шага, я счел нужным вновь выяснить министру истинный смысл нашего почина. Необходимо было подчеркнуть ему главным образом правовой характер обращения. Министр был весьма опечален, что ему приписывали намерения, от которых он неоднократно отказывался. Почему,— сказал он,— не обратились к нам прямо, а предпочли опросить сначала державы. Я бы лишний раз повторил, что блокада нами не предполагается, ибо мы считаем ее мерой крайней, но не действительной и отзывающейся более на нейтральных, нежели на Турции. Каждое стесняющее свободу действий Италии вмешательство держав, дающее туркам иллюзию их неуязвимости, является поощрением упорства Порты, отдаляющим заключение мира, а потому одинаково невыгодным для Италии и России. Ввиду этого министр просил, не найдете ли вы возможным, опираясь на его нынешние уверения, взять назад ваше предложение державам. Частным образом узнал, что Сан-Джулиано дал приказание итальянским послам не посещать министров иностранных дел дня два-три, дабы дать вашему превосходительству время, уступая его просьбе, отменить наше предложение [1].

Ввиду вышеизложенного полагаю опасность блокады Проливов устраненной. Прошу срочного ответа. Долгорукий.

№ 106. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Берлине Остен-Сакену.

*/. Телеграмма № 1889. 27/14 ноября 1911 г.
Срочно.

Сообщается послам в Вене, Лондоне, Париже и Константинополе.

Телеграмма № 102 получена [2]. Ссылаюсь на мою телеграмму № 1873 [3].

В случае согласия пяти держав сообщение Порте, по мнению нашему, должно было быть сделано официально чрез послов в Константинополе, так как и ее сообщение о предположении прекратить плавание чрез Проливы было сделано державам официально чрез турецких послов [4]. Но, если бы не установилось тождественности взгляда пяти держав, не вижу препятствий сделать сообщение со стороны согласных [5] держав чрез турецких послов на местах.

Для личного вашего сведения: почти все державы в принципе приняли нашу мысль [6]. Лишь от Англии нет еще ответа.

Нератов.

№ 107. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1891 [7]. 27/14 ноября 1911 г.

Непрекращающиеся захваты в Урмийском районе со стороны турок, которые упорно распространяются по направлению к нашей закавказской

[1] В тел. от 27/14 ноября за № 178 (опубл. Stieve, I, S. 184, № 161) Извольский сообщал Нератову, со слов итал. посла в Париже Титтони, что «в Риме вовсе не помышляют о блокаде Дарданелл и что во всяком случае единоличного нашего дружеского заявления вполне достаточно, чтобы итальянское правительство отказалось от подобной мысли; напротив того, коллективное давление держав может лишь поставить сказанное правительство в затруднительное положение».

[2] В тел. от 26/13 ноября за № 102 Остен-Сакен в ответ на тел. Нератова за № 1873 (см. № 93) просил «срочно уведомить, предполагается ли сделать означенное сообщение Порте в Константинополе или же через посредство турецких послов при пяти державах». На другой день, 27/14 ноября, тел. за № 103 Остен-Сакен сообщил Нератову, что Кидерлен «не видит никакой выгоды от того, что выступление будет сделано итальянским и турецким послам при пяти державах. Он продолжает относиться сочувственно к нашему первому предложению [см. № 48] и уже дал необходимые инструкции».

[3] См. № 93.

[4] Ср. № 44 и стр. 42, прим. 3.

[5] Так в оригинале.

[6] См. №№ 78, 80 и 94.

[7] Лит. копия.

границе, и справедливые опасения, которые это обстоятельство вызывает в наших военных сферах, вынудили императорское правительство усилить конвой при вновь открытом консульстве в Хое одним стрелковым полком при пулеметах, 4 орудиями и командой сапер [1]. Отряд этот вместе с сим отправляется по назначению, и на него возложена, совместно с находящимися уже в Хое 2 казачьими сотнями, охрана караванного пути между этим городом и Урмией. Главным поводом для этой меры является недавнее нападение курдов при весьма вероятном участии турецких солдат в непосредственной близости от Хоя на нашего сотника Бичерахова, ехавшего с конвоем, причем офицер этот был тяжело ранен. Наше право самим озаботиться водворением безопасности в означенных местах, где сосредоточены крупные политические и торговые интересы наши, вытекает из того, что сами персы абсолютно бессильны что-либо там предпринять.

Об изложенном благоволите довести до сведения британского правительства. Со своей стороны сообщу об этом Бьюкенену [2].

Нератов.

№ 108. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Риме Долгорукому.

*/. Телеграмма № 1892. 28/15 ноября 1911 г.

Сообщается послам в Париже [3], Лондоне, Берлине, Вене и Константинополе.

Ваша телеграмма № 96 получена [4].

Вчера Мелегари вновь заявил мне, что Италия не имеет намерения блокировать Дарданеллы. На вопрос мой, разделяет ли Италия и нашу правовую точку зрения на то, что статьей III Лондонской конвенции гарантируется право свободного плавания нейтральных чрез Проливы, посол не счел возможным дать положительный ответ. Я сказал тогда Мелегари, что необходимость выяснить эту принципиальную сторону вопроса, весьма тревожащего наш торговый мир, и обусловила наше обращение не к Италии только, а и к прочим державам, дабы Италия была заранее оповещена ими об их толковании статьи III во избежание протестов в будущем. Теперь что посол заявляет мне, что фактически Дарданеллы блокированы не будут, я считаю вопрос по отношению к Италии исчерпанным, так что от каждой великой державы будет зависеть, делать ли Италии какое-либо заявление по этому поводу [5].

Но взгляд держав на принципиальную сторону вопроса тем не менее желательно выяснить для сообщения Турции, не связанной статьей XVIII Лондонской декларации 1909 года, [6] в ответ на ее официальное заявление о намерении в виде предохранительной меры закрыть плавание через Проливы.

Нератов.

---

[1] 25/12 ноября за № 1874 Нератов телеграфировал Чарыкову, что сделано распоряжение об отправке отряда в Хой, и предлагал сообщить об этом турец. прав-ву, «придав посылке отряда характер временного усиления консульского конвоя [и] объяснив последнее нападением на нашего офицера» (ср. № 86 и примечания к нему).

[2] Тел. от 2 дек./19 ноября за № 713 Чарыков сообщал Нератову, что он выполнил данное ему поручение (см. прим. 1). По словам Чарыкова, Асим-бей «отнесся вполне спокойно к появлению наших войск в Хое и по пути в Урмию и даже удивился, что их нет в Маку». В заключение Чарыков предлагал послать в Маку консульского представителя «с внушительным отрядом».

Тел. от 29/16 ноября за № 294 Бенкендорф извещал Нератова, что Грей в ответ на его сообщение сказал, что он не придает особого политического значения этим мерам росс. прав-ва, так как они вызваны необходимостью обезопасить себя от Турции.

[3] В Париж послано со ссылкой на тел. № 178 (см. стр. 99, прим. 1).

[4] См. № 105.

[5] Тел. от 28/15 ноября за № 1899 Нератов, ссылаясь на публикуемую тел., сообщил Остен-Сакену: «Ввиду сомнительности единомыслия держав о заявлении итальянскому правительству через послов в Риме, полагаю, что настаивать на этом пункте едва ли возможно».

[6] Ст. XVIII Лондонской декларации о праве морской войны 26/13 февраля 1909 г. гласит: «Блокирующие силы не должны преграждать доступ к нейтральным портам и берегам».

№ 109. Временно управляющий министерством иностранных дел военному министру Сухомлинову.

Письмо № 1218. 28/15 ноября 1911 г.
Секретно. Срочно.

М. г. Владимир Александрович,

Посланник в Пекине уведомил меня, что ввиду продолжающегося там тревожного положения и невыясненности намерений китайского двора, дипломатический корпус признал необходимым, чтобы иностранные миссии усилили свои охранные отряды в пределах установленной после боксерского восстания нормы в 300 чел. для каждой миссии. Действительный статский советник Коростовец ходатайствует поэтому о немедленной отправке в Пекин для охраны императорской миссии одной роты военного состава с двумя пулеметами и двумя полевыми гаубицами. Желательно, чтобы в числе офицеров посылаемой роты находился хотя один владеющий английским языком и чтобы сказанная часть захватила с собой койки, если этим не задержится ее отправление [1].

Передавая о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство сделать распоряжение о срочной отправке в Пекин по железной дороге просимой посланником роты из тех войсковых частей, о приведении которых в готовность к немедленному выступлению вы изволили уведомить меня письмом от [20]7 сего ноября № 4354 [2].

О последующем я буду ожидать срочного уведомления вашего высокопревосходительства, так как для перевозки нашей роты по Южно-Манчжурской и Северной Китайской железным дорогам необходимы сношения с японским и китайским правительствами, из которых первое, впрочем, уже изъявило принципиальное согласие на перевозку по Южно-Манчжурской линии следующих в Чжилийскую провинцию русских войск [3]. Равным образом спешным является необходимость уведомить посланника в Пекине о времени прихода охранной роты, дабы он мог озаботиться своевременным приспособлением для нее помещения и коек, если бы люди не успели захватить с собою таковых.

К вышеизложенному считаю долгом присовокупить, что, как японское правительство уже уведомило нас, оно посылает в Чжилийскую провинцию войска с таким расчетом, чтобы иметь в Пекине и Тяньцзине к [3 декабря] 20 с. ноября вместе с уже находящимися там всего 1 243 человека [4].

Примите и пр.

[Нератов.]

№ 110. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 81. 28/15 ноября 1911 г.

Ответ на № 1889 [5].

Министр иностранных дел просит сообщить вашему превосходительству, что последние изменения предложений императорского правительства, о которых доносит австро-венгерский поверенный в делах в Петербурге, его очень смущают. Он придерживается исключительно точки зрения, высказанной вами в первом предложении от 21/8 ноября [6] касательно телеграфной

---

[1] Соответствующие телеграммы Коростовца Нератову от 24/11 ноября за №№ 792 и 797 полностью изложены в публикуемом документе.

[2] См. стр. 29, прим. 2.

[3] Тел. от 14/1 ноября за № 221 пов. в делах в Токио Броневский, сообщив о готовности япон. прав-ва содействовать провозу по Южно-Манчжурской жел. дороге частей русских войск для посылки их в Китай, передал просьбу япон. м-ра ин. дел заблаговременно извещать его о каждой предстоящей отправке войск, так как каждый пропуск должен быть оформлен согласием совета м-ров или в крайнем случае — премьера.

[4] В ответном письме от 1 дек./18 ноября за № 2085 Сухомлинов сообщил Нератову, что командующему войсками Приамурского воен. округа указано «о немедленном командировании в Пекин отряда в просимом вашим превосходительством составе».

[5] См. № 106.

[6] См. № 48.

инструкции вашей послам в Риме и Константинополе. Это предложение пользуется полной его симпатией. Пока не будет известно намерение итальянского правительства в ответ на заявление послов в Риме, он не считает возможным какие бы ни было сообщения ни через турецкого поверенного в делах, ни давать инструкций австро-венгерскому послу в Константинополе. По его мнению, Турция имеет полное право принимать все меры в видах самозащиты, пока Италия не откажется от перенесения района военных операций на Эгейское море. Кидерлен запросил Эренталя, на каком основании он согласился сделать вчера итальянскому послу в Вене соответственное заявление [1]. Германия не согласилась на это русское предложение. Эренталь ответил, что он хотел сделать приятное России. По сведениям Эренталя, и Франция разделяет мнение Германии в этом вопросе. Точку зрения же Англии ему пока не удалось узнать чрез австро-венгерского посла в Лондоне. С другой стороны, французский посол только-что сообщил мне, что он получил телеграмму от Сельва, извещающую его, что итальянский посол в Париже заявил, что Италия отказывается от распространения военных действий на Проливы.

Гирс.

№ 111. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 82. 28/15 ноября 1911 г.

Во время вчерашней моей беседы Эренталь сказал мне, что император Франц-Иосиф, как и он, имел продолжительное свидание с королем болгар[2] и вывел заключение, что Болгария не нарушит мира на Балканах и будет относиться нейтрально и дружелюбно к Турции[3]. Король прибыл в Вену инкогнито.

Гирс.

№ 112. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1903 [4]. 29/16 ноября 1911 г.

Хотя мы ещё не имеем полного текста речи Грея в палате общин [5], все же телеграфные отчеты представляют выраженные им взгляды по интересующему нас теперь персидскому вопросу в столь сочувственном для нас освещении, что я считаю необходимым выразить по этому поводу наше полное удовлетворение и просить вас поблагодарить Грея за его заявления, по существу вполне разделяемые и русским правительством [6].

Нератов.

---

[1] Ср. стр. 90, прим. 4.

[2] О пребывании короля Фердинанда в Вене см. № 165.

[3] Тел. от 28/15 ноября за № 90 Неклюдов сообщал Нератову, что в Софии существуют два течения: прав-во ищет сближения с Турцией, а «оппозиция старается всеми силами поддержать македонское движение, повидимому, все более и более возбуждаемое на месте». По мнению Неклюдова, посещение королем Фердинандом императора Франца-Иосифа «имело очевидной целью немного разузнать положение, принимаемое Австрией».

[4] Опубл. Siebert, II, S. 238, № 512.

[5] См. стр. 103, прим. 4.

[6] Письмом от 1 дек./18 ноября Бенкендорф извещал Нератова об исполнении возложенного на него поручения и препровождал копию ответного письма Грея, в котором последний благодарил за лестную оценку, данную Нератовым его парламентской речи, и одновременно выражал большую тревогу, испытываемую им по поводу дальнейшего хода событий в Персии, в особенности вследствие дополнительных требований росс. прав-ва. «Было бы очень печально, если бы Россия употребила силу для обеспечения принятия предъявленных ею трех требований», заканчивал свое письмо Грей.

№ 113. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 295. 29/16 ноября 1911 г.

Reçu télégramme №№ 1846, 1847 [1] et 1873 [2].

Gouvernement italien ayant sans s'engager en principe déclaré à ambassadeur d'Angleterre qu'il n'avait pas en vue actuellement le blocus des Dardanelles, Grey trouve qu'une démarche à Rome pourrait froisser gouvernement italien. Grey croit que ce renseignement peut servir à démarche Constantinople qui sera basée en outre sur traités et pratiques internationales admises. Ambassadeur d'Angleterre chargé de vous répondre officiellement.

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграммы №№ 1846, 1847 и 1873.

Ввиду того, что итальянское правительство, не связывая себя принципиальным обязательством, заявило английскому послу, что в настоящий момент оно не имеет в виду блокаду Дарданелл, Грей считает, что выступление в Риме может оскорбить итальянское правительство. Грей считает, что эти сведения могут быть использованы для выступления в Константинополе, которое будет к тому же базироваться на трактатах и установившихся в международных отношениях обычаях. Английскому послу поручено дать вам официальный ответ.

Бенкендорф.

№ 114. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 29/16 ноября 1911 г.

Monsieur le Gérant,

Hier, comme j'ai eu l'honneur d'en informer votre excellence par télégraphe [3], Sir E. Grey me fit prier de passer chez lui.

Je débutai par quelques mots d'appréciation personnelle sur son discours de la veille [4]. Sir Edward me dit qu'il s'était efforcé de présenter le point de vue russe sur la situation en Perse sous son vrai jour.

Il me dit que toutefois il restait très soucieux du développement ultérieur de la question et qu'au Parlement il n'avait pas pu se prononcer à ce sujet.

Il me dit qu'il avait télégraphié le matin même à Sir G. Buchanan le chargeant de faire appel au Cabinet impérial de ne pas pousser l'action russe jusqu'à sa dernière limite et surtout d'y mettre le temps voulu pour que, d'un côté, il soit rendu possible au gouvernement persan de revenir de son désarroi et d'en arriver aux conclusions nécessaires,—de l'autre, et ceci lui paraissait encore plus nécessaire, de donner le temps aux Cabinets de St.-Pétersbourg

---

[1] См. № 48 и стр. 44, прим. 3.

[2] См. № 93.

[3] Имеется в виду тел. от 28/15 ноября за № 292 (опубл. Siebert, II, S. 236, № 510), исчерпывающе изложенная в публикуемом документе.

[4] Тел. от 28/15 ноября за № 291 Бенкендорф, передавая Нератову резюме речи Грея в палате общин 27/14 ноября, отмечал, что успех, вызванный этой речью, ослабил подготовлявшееся по поводу событий в Персии выступление оппозиции. Говоря о перс. делах, Грей защищал политику России и Англии и нападал на Шустера. Признав вполне нормальными возражения России против назначения англ. чиновников в русскую сферу влияния, он отдал должное лойяльности России во время перс. революции. Несмотря на то, что перс. прав-во выполнило, хотя и с опозданием, первоначальные требования русского ультиматума, совершенно новое положение создано, по мнению Грея, опубликованием брошюры Шустера. «Подобный поступок высшего чиновника был бы недопустим даже между двумя равнозначащими государствами», сказал Грей. Переходя к вопросу о независимости Персии, он признал существенным, чтобы эта независимость была согласована с интересами обоих государств. Для самих этих государств важно, чтобы поддерживался порядок вблизи их границы. Он далее упрекал перс. националистов, сопротивляющихся издавна установленному влиянию России в этой стране, и сказал, что при иной политике перс. прав-ва русское влияние дало бы удовлетворительные результаты.

et de Londres de concerter bien exactement le plan d'action et les conséquences d'une marche décisive des troupes russes.

Je répondis que je croyais savoir qu'il s'agissait d'un terme assez court, Sir Edward me répondit qu'il le savait et que c'était la difficulté.

Sir Edward me dit qu'il ne contestait pas la gravité du cas actuel, qu'il s'en était expliqué au Parlement, mais que pourtant il ne pouvait se persuader que le cas actuel était de ceux où la nécessité de l'emploi de la force jusqu'à sa dernière conséquence était évidente à première vue. Qu'il s'agissait de conditions nouvelles ajoutées à celles du premier ultimatum lesquelles, une fois remplies par la Perse, n'avaient pas été suivies du retrait de nos troupes, comme on avait été en droit de s'y attendre [1].

Sir Edward me parla de l'état de choses à Téhéran même au cas d'une occupation militaire de la capitale.

Il me dit qu'il conseillerait au gouvernement persan de se soumettre, mais que pour cela il devait être à même de pouvoir promettre le retrait des troupes.

Sir Edward me demanda de quelle nature étaient les conditions ultérieures envisagées, au cas d'avance de nos troupes. Je lui dis que je ne saurais le renseigner positivement, mais qu'il s'agissait d'une indemnité supplémentaire. Sir Edward me répondit qu'en Perse il n'y avait rien à prendre et que de nouvelles conditions, après les conditions si graves actuelles, pouvaient créer des difficultés insolubles.

A ce moment Sir Edward me dit qu'il fallait considérer le fond de la question, que la base de la convention était l'indépendance de la Perse, qu'il s'était expliqué au Parlement sur la nature de cette indépendance, mais qu'une action militaire à outrance, suivie d'une occupation de Téhéran, réduirait de fait cette indépendance à une simple fiction, que dès lors la base de la convention était faussée et serait mise en discussion et que du jour où il serait obligé d'admettre au Parlement que tel était le cas, l'entente même, telle qu'il l'a représenté hier au Parlement, serait ébranlée.

Sans entrer dans le détail des arguments que je venais d'entendre, je répondis que l'impression du gouvernement impérial était que le moment était venu de traiter les affaires en Perse tout à fait sérieusement.

Sir Edward me répondit qu'il s'agissait dans son idée de ne pas forcer les choses jusqu'à leur toute dernière limite et pas trop rapidement, pour donner le temps d'arriver à une solution sans que la situation générale soit compromise.

Je demandai à Sir Edward si ce qu'il venait de me dire était consigné dans son télégramme à Sir G. Buchanan. Il me répondit qu'il n'y avait pas mentionné ses appréhensions pour l'avenir de la convention et la mise en question de l'entente qui en serait la conséquence ainsi qu'il venait de m'en parler.

Comme je le disais au début, cette conversation avait lieu hier, lendemain du jour où Sir Edward avait prononcé son discours. Pour attaquer de front l'opposition à laquelle il devait s'attendre, il avait présenté à la Chambre le point de vue russe dans son ensemble, l'examinant point par point et l'approuvant y compris le dernier stage, celui du maintien de nos troupes à Recht,

---

[1] Двумя последовательными тел. от 28/15 ноября, текст которых был передан Бьюкененом Нератову при письме от 30/17 ноября, Грей предписывал ему «самым настойчивым образом» заявить Коковцову и Нератову, что он, Грей, не понимает необходимости спешить с продвижением русских войск к Тегерану или даже дальше Рещта, раз Персия выполнила первые два требования. «Российское правительство само дало основание думать, что войска будут отозваны, как только будут удовлетворены указанные требования. Ничего с тех пор не случилось такого, чем можно было бы объяснить, почему эта надежда была обманута и почему новый ультиматум с чрезвычайно коротким сроком выполнения предъявлен Персии». Грей далее предписывал Бьюкенену «срочно настаивать перед императорским правительством, чтобы новые требования не содержали определенного срока выполнения, а представляли собой лишь простое условие отозвания русских войск». Если же Россия не получит в короткий срок удовлетворения, она «смогла бы договориться с нами относительно тех перемен, которые необходимо произвести для охраны ее интересов».

par suite de la nouvelle provocation que constituait la propagation du pamphlet Shuster. Il a mis dans ce procédé parlementaire un talent et une décision qui, de fait, a réduit l'opposition au silence.

Mais c'est au point indiqué qu'il s'arrête: il ne s'engage pas pour notre action future quelle qu'elle soit.

Je crois que c'est ainsi que doivent être comprises les paroles qu'il m'a adressées.

Il se maintient sur le principe que l'indépendance de la Perse, telle du moins que jusqu'ici les deux Puissances l'ont comprise, ne doit pas courir de danger et il est prêt à s'employer pour écarter ce danger même auquel une action militaire tout-à-fait radicale ouvrirait la porte.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

Как я имел честь сообщить вашему превосходительству по телеграфу, вчера сэр Э. Грей просил меня зайти к нему.

Я начал с выражения личного мнения по поводу речи, произнесенной им накануне. Сэр Эдуард сказал мне, что он старался представить русскую точку зрения на положение в Персии в ее истинном виде.

Он мне сказал, что тем не менее будущее развитие этого вопроса продолжает его крайне тревожить и что в парламенте он не мог высказаться по этому предмету.

Он мне сказал, что сегодня утром он телеграфировал сэру Дж. Бьюкенену, поручив ему обратиться к императорскому кабинету с призывом не доводить действия России до крайних пределов и, в особенности, растянуть их на некоторое время, чтобы, с одной стороны, персидское правительство имело возможность оправиться от неурядиц и сделать из них соответствующие выводы, а с другой, — и это ему кажется еще более необходимым, — для того, чтобы дать петербургскому и лондонскому кабинетам возможность точно договориться относительно плана действий и относительно последствий решительного движения русских войск.

Я ответил, что, насколько мне известно, речь идет о небольшом сроке. Сэр Эдуард ответил мне, что он это знает и что в этом-то и заключается затруднение.

Сэр Эдуард мне сказал, что он не оспаривает серьезности данного случая, и что в этом смысле он высказался в парламенте; но что тем не менее он не может убедить себя в том, что данный случай является одним из тех, в которых с первого взгляда очевидна необходимость применения силы до крайних пределов; что дело идет о новых требованиях, добавленных к условиям первого ультиматума, выполнение которых персидским правительством не вызвало, как этого можно было по праву ожидать, отозвания наших войск.

Сэр Эдуард говорил со мной о положении в Тегеране даже в случае военной оккупации столицы.

Он мне сказал, что он посоветует персидскому правительству покориться, но что для этого он должен иметь возможность обещать, что войска будут отозваны.

Сэр Эдуард спросил у меня, какие дальнейшие условия предусматриваются нами в случае продвижения наших войск. Я сказал, что не сумею дать ему точных сведений, но что речь идет о дополнительном возмещении убытков. Сэр Эдуард ответил мне, что у Персии нечего взять и что новые требования после тяжелых условий, поставленных в настоящий момент, могут создать неразрешимые затруднения.

В этот момент сэр Эдуард сказал мне, что нужно рассматривать вопрос по существу; что основой соглашения является независимость Персии, что в парламенте он высказался относительно характера этой независимости, но что доведенные до крайности военные действия, с последующей оккупацией Тегерана, сделали бы в действительности эту независимость фиктивной; а раз так, основа соглашения была бы нарушена и стала бы предметом обсуждения; и что в тот день, когда он был бы вынужден признать в парламенте, что это действительно имело место, согласие в том виде, как он обрисовал его вчера в парламенте, было бы поколеблено.

Не вдаваясь в подробности выслушанных мной аргументов, я ответил, что, по мнению императорского правительства, настало время вполне серьезно обсудить персидские дела.

Сэр Эдуард ответил, что, по его мнению, не следует доводить события до крайних пределов и не следует слишком спешить, чтобы иметь время для принятия решения, не подвергая опасности общее положение.

Я спросил у сэра Эдуарда, было ли указано в телеграмме сэру Дж. Бьюкенену то, что он мне сказал. Он мне ответил, что там он не упоминал о своих опасениях за будущую судьбу конвенции и о том, что в результате этого согласие могло быть скомпрометировано, как он говорил об этом мне.

Как я уже сказал вначале, эта беседа имела место вчера, на другой день после того, как сэр Эдуард произнес свою речь. Чтобы повести решительное наступление на оппозицию, наличие которой он должен был предвидеть, он представил палате русскую точку

зрения в целом, рассматривая ее пункт за пунктом и одобряя ее вплоть до последнего этапа, а именно сохранение наших войск в Реште в результате новой провокации, которую представляет собой распространение памфлета Шустера. Он вложил в свое парламентское выступление столько таланта и решительности, что оно на самом деле заставило оппозицию молчать.

Но на указанном пункте он остановился: он не берется отстаивать наши будущие действия, каковы бы они ни были.

Я думаю, что именно так следует понимать сказанные им мне слова.

Он придерживается принципа, что независимость Персии — по крайней мере, в том виде, как она до сих пор мыслилась обеими державами — не должна подвергаться опасности, и он готов приложить свои усилия с целью устранить эту опасность, для которой, в результате наших решительных военных действий, были бы открыты двери.

Примите и пр. Бенкендорф.

№ 115. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 1157[1]. 29/16 ноября 1911 г.

Срочная.

Получил телеграммы № № 1881[2], 1882 и 1902[3].

Ультимативная нота вручена сегодня Гирсом министру иностранных дел в 12 часов дня. Вначале сделана ссылка на мое последнее предупреждение министра о неизбежности предъявления нами новых требований, затем перечислены эти три требования и мотивированы согласно полученным инструкциям вашего превосходительства в телеграмме № 1881. Заканчивается нота определением срока ультиматума и последствий его неисполнения[4].

Поклевский.

№ 116. Вице-консул в Урмии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма[5]. 29/16 ноября 1911 г.

Телеграфирую посланнику в Тегеране:

Сегодня получил третье письмо от макинского хана, в котором он вновь просит не посылать в Маку казаков, мотивируя свое ходатайство тем, что приход наших войск вызовет непременно приход и турецких и, кроме того, послужит поводом для беспорядков внутри ханства, населенного суннитами, сочувствующими туркам, каковыми не замедлят воспользоваться фидаи. Сердар обещает самостоятельно поддерживать в Маку полное спокойствие и собственными силами удержать натиск со стороны турок. В конце письма он прибавляет, что помещения для 200 казаков сейчас не имеется, но что если бы наше правительство имело в виду присоединение Маку к России, он выражает на это полное согласие, но тогда, говорит он, надо посылать не 200 казаков, а занять всю область и все пограничные пункты.

Преображенский.

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 260, со стилистическими изменениями.

[2] См. № 104.

[3] См. стр. 97, прим. 5, и стр. 98, прим. 1.

[4] Дополнительной тел. от того же числа за № 1158 (опубл. Ор. кн., стр. 260) Поклевский просил Нератова «снабдить начальника отряда соответствующими указаниями на случай необходимости дальнейшего движения отряда по истечении срока ультиматума».

Тел. от 29/16 ноября за № 1161 Поклевский сообщал Нератову: «Кабинет прислал ко мне поздно вечером начальника русского отделения с просьбой продлить срок ультиматума с двух до десяти дней, дабы министры имели возможность обсудить с меджлисом не только предъявленные нами требования, но и общий план установления с нами прочных и дружественных отношений. Я ответил, что не могу взять на себя официальную передачу этой просьбы императорскому правительству и что в интересах обоих правительств поскорее покончить с возбужденными нашим ультиматумом вопросами».

[5] Номер отсутствует.

№ 117. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 806. 29/16 ноября 1911 г.

На последнем приеме в вай-ву-бу Ху Вей-дэ сообщил мне, что наши контрпредложения по предложению пересмотра торгового договора [1] не получены в Пекине и что обсуждение их несколько задержится, пока не выяснится внутреннее положение. Затем Ху высказал надежду, что если в Монголии началось волнение, Россия по чувству дружбы к Китаю не воспользуется нынешними затруднениями последнего для оказания поддержки монголам и поощрения их стремления к автономии. Желая дать нам полное удовлетворение, генеральный штаб отзывает полковника, которому поручено организовать в Урге новые воинские части. Я ограничился ответом, что все наши последние шаги по монгольскому вопросу вызваны именно желанием избежать активного вмешательства в монгольские дела, каковое стремление, видимо, не было оценено Китаем, судя по тем двусмысленным письменным ответам, которые нам давались[2].

Коростовец.

№ 118. Поверенный в делах в Токио [3] временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 29/16 ноября 1911 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В доверительном письме моем от [4 ноября] 22 минувшего октября [4] я, между прочим, коснулся бесед, которые военный агент при вверенном моему управлению посольстве имел с начальником департамента военных дел, во время коих генерал-майор Танака затронул ряд вопросов, по свойству и значению своему далеко выходящих за пределы его компетенции.

Как я уже имел честь докладывать вашему превосходительству, японский министр иностранных дел на вопрос мой: выразителем чьих собственно взглядов является названный японский генерал,— отнесся вполне отрицательно как к содержанию заявлений последнего, так и к принятой им на себя инициативе и сказал, что положит ей предел.

И действительно, через день или два после разговора моего по этому поводу с виконтом Уцида, военный агент наш получил от генерал-майора Танака полуофициальное письмо, гласившее, что отныне он вопросов политического характера касаться не будет, что им, по свидетельству генерал-майора Самойлова, и соблюдается.

Таким образом инцидент с выступлением генерал-майора Танака был скоро исчерпан без ущерба хорошим отношениям между последним и нашим военным агентом; что же касается причин, породивших это выступление, позволю себе высказать следующее предположение. Повидимому, в течение первых трех недель китайского восстания здешняя военная партия, полагавшая желательным и возможным для Японии, опираясь на Россию и Англию, принять в направлении китайских событий выдающуюся или даже решающую роль, считала себя достаточно влиятельной, чтобы навязать новому кабинету осуществление этих своих планов. Однако дальнейший ход здешних событий пока вполне оправдывает все данные мне виконтом Уцида категорические заверения, что Япония не ищет вмешательства в китайские события и если вмешается, то лишь по соглашению и совместно со всеми другими заинтересованными державами. Отсюда можно сделать

---

[1] 7 ноября/25 окт. росс. прав-во вручило свои контрпредложения в Петербурге кит. уполномоченному по пересмотру Петербургского договора 1881 г. Лу-Чжен-Сяну.
[2] См. т. XVIII, №№ 607 и 670.
[3] Малевский уехал в отпуск 27/14 июня 1911 г., передав управление посольством Броневскому.
[4] См. т. XVIII, № 802.

заключение, что новый состав японского правительства [1], не склонный по каким-либо веским причинам итти на военную авантюру, одержал верх над военной партией. Что новый кабинет действительно настолько окреп, что в состоянии противиться влияниям неответственных закулисных внушителей, явствует также и из успеха, коим увенчались в последнем заседании совета министров решительные старания министра финансов уменьшить бюджеты отдельных ведомств, в том числе морского и военного, о чем я счел долгом донести императорскому министерству секретной телеграммой от [26] 13 ноября за № 237 [2]. Из того, что до сей поры проникло в прессу, видно, что г. Ямамото удалось отклонить часть требуемых морским и военным министрами новых ассигнований; по его настоянию также отложены на неопределенное время токийская всемирная выставка 1917 года и уширение железнодорожной колеи.

Японские газеты объясняют успех этот тем, что г. Ямамото без прикрас изобразил пред своими коллегами действительное состояние финансов страны, не терпящее новых жертв. Можно думать, что этот же неотразимый аргумент помог, в числе других, нынешнему кабинету отклонить желаемое военной кликой маршала Ямагата более активное выступление Японии в соседней империи.

Примите и пр. А. Броневский.

№ 119. Заведующий отделом Среднего Востока английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

Письмо № 855. 30/17 ноября 1911 г.
Privée.

Monsieur l'ambassadeur,

Mr. Nératow qui se trouve en ce moment au conseil des ministres m'a chargé de porter à la connaissance de votre excellence ce qui suit:

D'après un télégramme de Mr. Poklewsky, reçu hier soir, la note contenant nos nouvelles exigences a été remise par lui au gouvernement persan hier à midi [3]. Aujourd'hui Mr. Nératow vient de télégraphier à Mr. Poklewsky l'informant de ce que la réponse persane sera considérée par nous comme satisfaisante si dans les 48 heures fixées dans notre note le gouvernement persan lui annonce par écrit que les trois points contenant nos exigences sont formellement acceptés et que la démission de Shuster et Lecoffre est un fait accompli [4]. Cependant, vu que les formalités à remplir par rapport à la démission de Shuster pourraient exiger un certain temps, Mr. Poklewsky est mis en mesure d'accorder au gouvernement persan, pour la liquidation complète de la position de ce fonctionnaire, le délai qu'il jugera nécessaire d'après les conditions locales. Quant à la question du remboursement des frais de l'expédition de nos troupes en Perse, il suffirait que le gouvernement persan s'engage actuellement à régler cette question lorsque le montant de ces frais aura été fixé.

Si une réponse satisfaisante est reçue, notre détachement n'avancera pas au delà de Recht, mais son rappel en Russie ne pourra avoir lieu que quand l'affaire Shuster aura été complètement terminée [5].

Veuillez agréer, etc.

Klemm.

---

[1] Кабинет Сайондзи был составлен 30/17 авг. 1911 г.

[2] Тел. Броневского от 26/13 ноября за № 237 полностью изложена в публикуемом документе.

[3] См. № 115.

[4] См. № 120.

[5] На оригинале публикуемого документа имеется следующая помета: «По получении этого письма английский посол запросил управляющего министерством: а) остановятся ли наши войска в Казвине и б) имеем ли мы в виду предъявить новые требования в том случае, если войска наши дойдут до Тегерана. На это ему было отвечено, что войска наши во всяком случае будут иметь остановку в Казвине, что даст еще некоторое время для обсуждения дела, и что второй вопрос будет зависеть от того, как

Перевод. Частное.

Г. посол,

Г. Нератов, который в настоящий момент находится в совете министров, поручил мне довести до сведения вашего превосходительства следующее:

Согласно телеграмме г. Поклевского, полученной вчера вечером, нота, содержащая наши новые требования, была передана им вчера в полдень персидскому правительству. Сегодня г. Нератов телеграфировал г. Поклевскому, уведомляя его, что ответ персидского правительства будет сочтен нами удовлетворительным, если в течение 48 часов, указанных в нашей ноте, персидское правительство заявит в письменной форме, что три пункта, составляющие наши требования, формально приняты и что отставка Шустера и Лекофра — совершившийся факт. Однако ввиду того, что на выполнение формальностей, связанных с отставкой Шустера, может потребоваться некоторое время, г. Поклевский уполномочен предоставить персидскому правительству для полной ликвидации положения этого чиновника тот срок, который он сочтет нужным по местным условиям. Что же касается вопроса о возмещении издержек по экспедиции наших войск в Персии, достаточно, чтобы персидское правительство обязалось в настоящий момент урегулировать этот вопрос, когда будет установлена сумма этих издержек.

Если будет получен удовлетворительный ответ, наш отряд не пойдет дальше Решта; но отозвание его в Россию может иметь место лишь тогда, когда дело Шустера будет полностью закончено.

Примите и пр. Клемм.

№ 120. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1909. 30/17 ноября 1911 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 1898[1].

Так как на выполнение всех формальностей по увольнению Шустера может потребоваться известное время, то, в случае указания персов на это обстоятельство, мы считали бы возможным дать им несколько времени на полную ликвидацию положения Шустера. Однако через 48 часов должен быть получен письменный ответ, и притом заключающий в себе формальное принятие персами всех трех наших требований, с извещением о состоявшемся увольнении Шустера и Лекофра. Для указанной же выше полной ликвидации можете назначить срок по соображению с местными условиями.

В случае получения означенного ответа отряд не выступит далее из Решта, но отозвание его может последовать лишь по окончательном завершении дела Шустера. Если же благоприятного ответа на ноту своевременно получено не будет, то благоволите дать указания начальнику отряда ожидать дальнейших указаний, которые будут преподаны ему чрез вас из Петербурга.

В отношении пункта 3-го инструкций требуется в ответной персидской ноте обязательство уплаты по расчету, который будет им предъявлен впоследствии.

Нератов.

совершится движение наших войск на Тегеран. [1 декабря] 18 ноября 1911 г. В. Клемм».

30/17 ноября Бьюкенен обратился к Нератову с письмом, в котором, ссылаясь на публикуемый документ, писал: «Это письмо не касается, однако, вопроса, предложенного мной вчера председателю совета по поводу отсрочки, которую можно было бы дать в том случае, если русские войска прибудут в Казвин раньше, чем будет получено удовлетворение по трем требованиям. Кроме того, г. Коковцов дал мне вчера категорическое заверение, что русские войска будут отозваны, как только будут выполнены эти требования, даже если войска будут вынуждены дойти до Тегерана. Прежде чем телеграфировать моему правительству, я очень хотел бы знать, уполномочен ли я вами дать это заверение от имени императорского правительства, и очень важно, чтобы сэр Э. Грей получил заверение в этом смысле в кратчайший срок».

[1] Тел. от 28/15 ноября за № 1898 Нератов сообщал Поклевскому: «В случае запроса со стороны персидского правительства вам можно будет ответить, что отряд наш будет отозван после фактического увольнения Шустера и Лекофра и получения нами формального обязательства тегеранского кабинета выполнить вторую часть 1-го пункта и 2-й пункт и произвести уплату денег за экспедицию по сообщении ему нами причитающейся суммы. Для вашего сведения: уплату, в случае надобности, вероятно, будет признано возможным рассрочить».

№ 121. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Риме, Берлине, Вене и Константинополе — Извольскому, Бенкендорфу, Долгорукому, Остен-Сакену, Н. Гирсу и Чарыкову.

Телеграмма № 1915 [1]. 30/17 ноября 1911 г.

L'ambassadeur de Turquie ayant parlé de la possibilité de la fermeture des Détroits comme d'un moyen de défense que la Turquie se verrait éventuellement obligée de prendre en vue d'une agression italienne le gouvernement impérial a cru nécessaire de préciser vis-à-vis des Puissances sa manière de voir sur cette question et d'appuyer sur la considération que, selon lui, le droit de navigation des neutres par les Détroits était assuré par l'article III de la convention de Londres de 1871 dont la Turquie est signataire et que par conséquent toute mesure tendant à supprimer de fait ce droit serait contraire aux traités et préjudiciable aux intérêts des neutres [2].

Cette manière de voir n'exclut nullement la faculté pour les belligérants de prendre telles mesures militaires techniques d'attaque ou de défense qu'ils jugeraient nécessaires.

Le point de vue du gouvernement impérial n'ayant pas rencontré d'objections de la part des Puissances neutres et en l'absence d'unanimité quant à la manière de procéder vis-à-vis des belligérants je compte à la première occasion exposer notre manière de voir à l'ambassadeur de Turquie en le priant de porter ma communication à la connaissance de la Sublime Porte.

(Прибавка для Чарыкова). Veuillez vous conformer à ce qui précède dans vos entretiens avec les ministres ottomans et vos collègues.

(Прибавка для Вены, Берлина, Лондона, Парижа и Рима). Vous pouvez donner connaissance de notre manière de procéder au gouvernement auprès duquel vous êtes accrédité [3].

Nératow.

Перевод.

Вследствие того, что турецкий посол говорил о возможности закрытия проливов как о средстве обороны, к которому Турция может быть вынуждена прибегнуть ввиду агрессивных действий Италии, императорское правительство сочло нужным точно определить перед державами свою точку зрения в этом вопросе и подчеркнуть, что, по его мнению, право плавания через Проливы для нейтральных государств предусмотрено статьей III Лондонской конвенции 1871 года, подписанной Турцией, и что, следовательно, всякая мера, стремящаяся упразднить на деле это право, противоречит трактатам и наносит ущерб интересам нейтральных государств.

---

[1] Опубл. М., стр. 135.

[2] См. № 48.

[3] Ответной тел. от 2 дек./19 ноября за № 98 Долгорукий известил Нератова, что итал. м-р ин. дел принял это сообщение с удовольствием, и, повидимому, «убедился окончательно, что мы, обращаясь к державам, не имели в виду предпринять шага, который Турция могла бы истолковать, как поощрение ее неуступчивости».

В тот же день Бенкендорф сообщал письмом, со слов Никольсона, что Грей в разговоре с Тевфик-пашой «выразился в том же смысле, сказав, что английское правительство не может иметь никаких возражений против того, чтобы оттоманское правительство поставило Босфор и Дарданеллы в состояние обороны при условии свободного пропуска нейтральных коммерческих судов, согласно трактатам и установившемуся обычаю».

Тел. от 3 дек./20 ноября за № 85 Н. Гирс сообщил, что он передал содержание публикуемой тел. Эренталю, который заявил, что он намерен сделать аналогичное заявление турец. поверенному в делах, «если не встретит возражений со стороны какой-либо державы». «Я понимаю, — добавлял Гирс, — что он хочет избежать новых упреков со стороны Кидерлена». Позднее Эренталь заявил Гирсу, что он ограничится уже сделанным заявлением австр. посла в К-поле, обратившего внимание Порты на необходимость не препятствовать свободному проходу торговых судов через Проливы (тел. от 7 дек./24 ноября за № 87). И, наконец, 4 дек./21 ноября за № 182 Извольский телеграфировал об устном заявлении де Сельва Рифаату-паше, что «раз опасность нападения Италии на Дарданеллы, повидимому, устранена, французское правительство рассчитывает, что оттоманское правительство со своей стороны откажется от таких мер защиты, которые фактически закрывали бы Проливы для нейтрального торгового судоходства». Франц. послу в К-поле поручено, по словам де Сельва, высказаться в том же смысле перед турец. прав-вом. Ответ Берлина в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен.

Такой взгляд отнюдь не исключает возможности для воюющих принимать те или иные технические военные меры в целях нападения или обороны, которые они сочтут необходимыми.

Так как точка зрения императорского правительства не встретила возражений со стороны нейтральных держав и ввиду отсутствия единогласия относительно образа действий по отношению к воюющим, я рассчитываю изложить при первом удобном случае нашу точку зрения турецкому послу с просьбой довести мое сообщение до сведения Блистательной Порты.

(Прибавка для Чарыкова). Благоволите иметь в виду вышеизложенное в беседах с турецкими министрами и вашими коллегами.

(Прибавка для Вены, Берлина, Лондона, Парижа и Рима). Вы можете сообщить о нашем образе действий правительству, при котором вы аккредитованы.

Нератов.

№ 122. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 298[1]. 30/17 ноября 1911 г.

Si après discours Grey toute opposition à politique étrangère de Cabinet semblait écrasée [2], elle commence à reprendre son activité. Elle est concentrée dans extrême gauche. Je tiens de bonne source que de ce côté propositions ont été faites à parti conservateur pour renverser Grey. Proposition a été catégoriquement refusée. Mais elle est symptomatique. Centre oppositionnel s'attaque à discours L. George, prononcé à cause renseignement reçu par Berlin de France ce que Grey n'a pas pu sans indiscrétion dévoiler à tribune. Grey a dit emphatiquement qu'il accepterait nouvelles ententes mais pas au détriment de celles qui existent. Cette formule est attaquée aussi. Cela se dévoile que cette opposition est germanophile et tendant vers l'Allemagne. Opposition à politique anglaise commune avec la nôtre en Perse vient s'y joindre à titre complémentaire. Le tout ne présente pas de caractère réellement dangereux et aucune crise n'est à prévoir. Mais Grey sera obligé à plus grande prudence. Je télégraphie ceci parce que je sais Grey préoccupé et pour vous mettre mieux à même de juger situation et résultats plus immédiats qui paraissent probables de toute crise dans entente anglo-russe.

Benckendorff.

Перевод.

Если после речи Грея вся оппозиция иностранной политике кабинета казалась уничтоженной, то теперь она вновь начинает проявлять свою деятельность. Она сосредоточилась в крайней левой. Я узнал из надежного источника, что с этой стороны было сделано предложение партии консерваторов свалить Грея. Предложение было категорически отвергнуто. Но оно симптоматично. Оппозиционный центр нападает на речь Л. Джорджа, произнесенную по случаю сведений, полученных через Берлин из Франции, о чем Грей не мог говорить с трибуны, не допустив нескромности. Грей торжественно сказал, что он принял бы новые соглашения, но не в ущерб тем, которые уже существуют. Эта формула также подвергается нападкам. Как выясняется, эта оппозиция германофильская, и она склоняется в сторону Германии. В виде дополнительного элемента, к ней присоединяется оппозиция английской политике, действующей в Персии заодно с нашей. Все в целом не представляется действительно опасным, и никакого кризиса не предвидится. Но Грей должен будет быть более осторожным. Я телеграфирую об этом, потому что знаю, что Грей встревожен, и для того, чтобы дать вам возможность судить о положении и о представляющихся вероятными непосредственных результатах всякого кризиса в англо-русском согласии.

Бенкендорф.

№ 123. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 712. 30/17 ноября 1911 г.

Ссылаюсь на ваши телеграммы №№ 1889 [3] и 1892 [4].

По сведениям французского посла, Титтони заявил де Сельву, что Италия воздерживается от всяких предприятий в сторону Дарданелл, значит

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 238, № 513.
[2] См. № 114 и стр. 103, прим. 4.
[3] См. № 106.
[4] См. № 108.

не только от блокады, но и от нападения на них. Если такое решение действительно принято итальянским правительством, представляется крайне желательным уведомить о сем, по возможности безотлагательно, Порту, так как министр иностранных дел сообщил мне вчера, что «si nous n'avons pas l'assurance formelle, que l'Italie ne s'attaquera pas aux Dardanelles, on prendra des mesures, qui pourront entraver le commerce maritime» [1]. Это намерение является, повидимому, последствием недавней поездки в Дарданеллы военного и морского министров. Если желаемое уверение не коснется Салоник и Смирны, то означенные меры будут применены к названным двум портам, которые нас, впрочем, интересуют менее, чем Дарданеллы.

Чарыков.

№ 124. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 123. 30/17 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Официальные переговоры с Портой о политическом соглашении между Россией и Турцией, обнимающем как вопрос об ограждении русских интересов при турецком железнодорожном строительстве в Малой Азии, так и вопрос об открытии Проливов для русских военных судов, начались [27] 14 сего ноября с вручения мной министру иностранных дел проекта соответственной декларации, при сем в копии прилагаемого [2].

Передаче этой предшествовала непосредственно беседа между мной и великим визирем, которому я напомнил его заявление, что к переговорам будет приступлено вслед за возвращением из Крыма турецкой чрезвычайной миссии [3]. Она вернулась, сказал я, тому три дня, быв удостоена в Ливадии весьма милостивого приема. Отмечая эти обстоятельства, я припомнил также Саиду-паше мое предупреждение, что в случае большого промедления в приступе к переговорам, редакция наших предложений, вероятно, подвергнется изменениям в смысле большей требовательности и что сдержанное или теплое отношение России к интересам Турции в переживаемом ею кризисе будет прямо соответствовать сдержанности или теплоте, которая будет проявлена турецким правительством по отношению к нашему теперешнему искренне дружественному предложению.

Великий визирь, который, когда я приехал в Порту, председательствовал в совете министров, сначала попытался избегнуть этого свидания, поручив министру иностранных дел извинить его передо мной по вышеозначенной причине. Я счел, однако, необходимым предотвратить подобное уклонение Саида-паши, и он, прервав заседание совета, уже не старался снова отсрочить переговоры, но напротив, как я имел честь телеграфировать вашему превосходительству того же числа за № 708 [4], тотчас заговорил о благосклонном приеме миссии в Ливадии и сам предложил мне приступить тут же в его кабинете к официальным переговорам с министром иностранных дел.

При этом Саид-паша сообщил мне, что он уже осведомил конфиденциально о моем письме ему от [12 октября] 29 сентября сего года [5] своих сослуживцев-министров и что теперь они займутся официальным обсуждением нашего предложения.

Великий визирь спросил меня также, получил ли я известия из Рима по вопросу о предполагавшемся нападении итальянцев на Дарданеллы,

[1] «если мы не получим формального заверения, что Италия не атакует Дарданеллы, будут приняты меры, которые смогут помешать морской торговле».

[2] При публикуемом документе Чарыков препроводил текст декларации, который полностью совпадает с письмом Чарыкова Саиду-паше от 12 окт./29 сент. (см. т. XVIII, № 602) за исключением последнего абзаца ст. IV (см. стр. 113, прим. 2).

[3] См. № 6.

[4] Содержание тел. от 28/15 ноября за № 708 полностью изложено в публикуемом документе.

[5] См. т. XVIII, № 602.

на что я ответил отрицательно, упомянув однако, что, по частным известиям, почин России в ограждении договорных постановлений, оберегающих Проливы [1], встретил среди нейтральных держав сочувствие и что Италия, повидимому, не решится осуществить свою угрозу.

В заключение я прочел Саиду-паше новую редакцию последнего абзаца ст. IV проекта декларации, следующего содержания [2]: «Le gouvernement impérial de Russie et le gouvernement impérial ottoman porteront, d'un commun accord, l'entente établie entre eux à la connaissance des autres Puissances signataires du traité de Londres du 13/1 mars 1871» [3].

Мне показалось, что новая редакция как будто более понравилась великому визирю, чем прежняя, может быть, потому, что она ставит вопрос ўже и проще и уменьшает для Турции возможность осложнения с другими державами из-за соглашения с нами. Со своей стороны я руководствовался при составлении новой редакции ценным указанием по этому предмету телеграммы вашего превосходительства от 23/10 минувшего октября за № 1570 [4], а равно и создавшимся с тех пор прецедентом франко-германского соглашения касательно Марокко.

Означенное соглашение имело целью придать новое истолкование международной Алжезирасской конвенции в смысле признания за Францией исключительных прав в Марокко, доходящих до положительного протектората.

Достигнув соглашения, парижский и берлинский кабинеты поставили о нем в известность прочих участников Алжезирасского договора, которые, как например Россия, не встретили возражений к осуществлению франко-германского истолкования Алжезирасской конвенции.

Соответственно сему казалось бы вполне уместным, чтобы Россия и Турция постарались притти к соглашению о новом истолковании Лондонского договора 1871 года в смысле большего приравнения России к Турции в отношении пользования в мирное время Проливами и чтобы обязанности, в данном случае, обеих договаривающихся держав к прочим участникам названного договора исчерпывались поставлением последних в известность о состоявшемся между Россией и Турцией соглашении.

Оговорка «d'un commun accord» введена мной для того, чтобы в текст предполагаемого оповещения державам была включена лишь та тождественная доля [5] русско-турецкой декларации, которая была бы признана договаривающимися правительствами подлежащей таковому оповещению или вообще оглашению. Так, если состоится в той или иной форме русско-турецкий уговор о нашей помощи Турции в обороне территорий, прилегающих к проливам, то, быть может, эта доля декларации, как не относящаяся непосредственно к тексту ст. II Лондонского трактата 1871 года [6], не должна бы, может быть, упоминаться в предположенных русско-турецких циркулярах.

При таком обороте дела даже неполучение благоприятного отзыва от кого-либо из участников Лондонского трактата 1871 года, как например

---

[1] См. № 108.

[2] «В письме великому визирю от [12 октября] 29 сентября с. г. названный абзац гласил: «L'application de cette interprétation de la convention conclue à Londres le 13/1 mars 1871 demeure subordonnée au consentement préalable des autres Puissances signataires de ladite convention» [Прим. оригинала]. («Применение этого толкования конвенции, заключенной в Лондоне 13/1 марта 1871 г., обусловлено предварительным согласием на него других держав, подписавших указанную конвенцию»).

[3] «Российское императорское правительство и оттоманское императорское правительство с общего согласия доведут до сведения других держав, подписавших Лондонский трактат от 13/1 марта 1871 г., о состоявшемся между ними соглашении».

[4] В оригинале ошибка: тел. за № 1570 датирована 22/9 окт. См. т. XVIII, № 690.

[5] Так в оригинале.

[6] Ст. II Лондонского трактата от 13/1 марта 1871 г. гласит: «Начало закрытия проливов Дарданелл и Босфора, установленное отдельной конвенцией 30 марта 1856 г., сохраняется с предоставлением е.и.в. султану права открывать сказанные проливы в мирное время для военных судов дружественных и союзных держав, в случае если Высокая Порта будет считать это нужным, дабы обеспечить исполнение постановлений Парижского трактата 30 марта 1856 г.».

Австро-Венгрии (см. ваши две телеграммы мне от 23/10 и 24/11 сего ноября №№ 1858 [1] и 1862 [2]), не воспрепятствовало бы осуществлению на практике достигнутого между Россией и Турцией соглашения.

Когда министр иностранных дел вышел ко мне из залы заседания совета, я повторил Ассим-бею ту мотивировку нашего предложения, которую я в свое время изложил великому визирю (см. мою депешу от 14/1 октября с. г. за № 96 [3] и мои письма от 14/1 и 30/17 октября с. г. [4]).

Я добавил, что со стороны великого визиря мне уже дано уверение, что в отношении малоазиатских железных дорог теперешний кабинет не станет «обходить» (éluder) договора 1900 года и что, напротив, он установит с русским правительством по этому предмету обоюдно-выгодное соглашение.

Касательно же новой редакции конца статьи о Проливах я указал министру на упомянутую выше аналогию между франко-германским соглашением об истолковании Алжезирасского договора и предположенным русско-турецким соглашением относительно обоюдно-выгодного истолкования трактата 1871 года.

При этом я не скрыл от Ассим-бея, что не имею основания ожидать со стороны иных держав противодействия нашему соглашению с Турцией касательно Проливов.

Приняв от меня проект декларации, министр заявил, что он сообщит этот проект совету министров и, со свойственной ему откровенностью, скажет мне, если что-либо в нем представится неприемлемым или подлежащим изменениям.

Но в одном министр уже может меня уверить, именно в существовании, по его глубокому убеждению, солидарности между интересами России и интересами Турции.

Я ответил, что, будучи совершенно убежден в пользе для Турции проектированного соглашения, я желаю лишь одного — возможности обсудить и установить с министром наилучшие способы осуществления нашей общей цели.

Я предполагаю предоставить турецкому правительству с неделю времени для официального обсуждения переданного ему проекта и продолжать затем начавшиеся переговоры, сначала совершенно самостоятельно, а затем пользуясь, в случае и по мере надобности, поддержкой французского и великобританского послов, а равно и иными способами дружественного давления на Порту, которыми нам представляется возможным в настоящее время здесь располагать, не придавая, однако, нашим домогательствам характера компенсации за выгоды, которые были бы получены Италией из ее нападения на турецкую империю.

Примите и пр. Н. Чарыков.

Приложение.

Заметка по депеше Чарыкова от [30] 17 ноября № 123 [5].

1. Форма декларации не была указана Чарыкову, ни о ней предупреждено министерство.

2. Ч[арыков] упускает из виду, что, сообщив уже туркам *письменный* текст, он не сможет прибавить и запятой, не обратив на нее *особого* внимания турок, заставив их доискиваться наших «задних мыслей».

3. Вынужденный характер приступа к переговорам не предвещает ничего хорошего.

---

[1] Тел. от 23/10 ноября за № 1858 Нератов передал Чарыкову тел. Н. Гирса от 22/9 ноября за № 76 (см. № 65).

[2] Тел. от 24/11 ноября за № 1862 (опубл. Siebert, II, S. 233, № 506) Нератов передавал Бенкендорфу и Чарыкову содержание тел. Остен-Сакена от 23/10 ноября за № 101 (см. № 79).

[3] См. т. XVIII, № 629.

[4] См. т. XVIII, №№ 630 и 760.

[5] Заголовок оригинала. Публикуемый документ написан рукой Нератова.

4. Письмо [12 октября] 29 сентября имело, по словам Чарыкова, характер его личного мнения, а не предложения русского правительства.

5. Определение «в мирное время» вставлено Чарыковым. В первоначальной редакции у нас предполагалось «au temps de paix comme au temps de guerre». Дабы сделать это место более удобоприемлемым, упоминание о войне или мире было выпущено, но смысл оставался «во *всякое* время».

6. Это место надо редактировать особенно осторожно, чтобы не создалась фикция *контроля* держав над русско-турецкими отношениями или обязательств России по отношению к державам, коим уговор наш с Турцией будет сообщен.

7. Об этом никогда речи не было.

№ 125. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 1167 [1]. 30/17 ноября 1911 г.

Министр иностранных дел посетил меня сегодня в 4 часа дня и просил разъяснить ему некоторые отдельные выражения нашей ультимативной ноты. Между прочим министр сказал, что многие объясняют нашу фразу о создании на будущее время почвы для установления между обоими правительствами прочных дружественных отношений и быстрого и благоприятного разрешения всех незаконченных наших дел, как указание на возможность предъявления нами новых требований в той же ультимативной форме. Я ответил министру, что вышеупомянутая фраза свидетельствует главным образом о желании императорского правительства установить истинно дружеские отношения с Персией, чему будет сильно способствовать увольнение Шустера, и что тогда можно будет надеяться на окончание наших дел дипломатическим путем. Министр дал мне понять, что он советует меджлису принять наши требования, но что у него очень мало надежды успеть в этом в столь короткий срок. Другие доходящие до меня сведения свидетельствуют о непримиримом настроении меджлиса [2].

Поклевский.

№ 126. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1916 [3]. 1 декабря/18 ноября 1911 г.

Телеграмма за № 1173 получена [4].

Вследствие отказа персов удовлетворить наши требования, благоволите указать начальнику отряда двинуть войска по направлению к Казвину с таким расчетом, чтобы выступление их из Решта началось не ранее второй половины завтрашнего дня.

Нератов.

№ 127. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 1919 [5]. 1 декабря/18 ноября 1911 г.

Ввиду поступающих сведений о террористических актах в Тегеране [6], прошу вас сообщить, считаете ли вы положение миссии, консульства, банка

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 262, со стилистическими изменениями.

[2] В тот же день Поклевский сообщал (тел. без номера) о переформировании кабинета, в котором попрежнему Самсам-эс-Солтане остался председателем, а Восуг-эд-Доуле — м-ром ин. дел (см. стр. 23, прим. 3).

[3] Опубл. Ор. кн., стр. 268, с сокращениями.

[4] См. № 133.

[5] Опубл. Ор. кн., стр. 270, со стилистическими изменениями и сокращениями.

[6] См. № 134.

и русско-подданных вообще достаточно обеспеченным и какие могли бы быть приняты меры для охраны их безопасности.

Нератов.

№ 128. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1924 [1]. 1 декабря/18 ноября 1911 г.

Сообщается посланнику в Тегеране.

Сообщив сегодня Бьюкенену об отказе персов удовлетворить наши требования [2], я пояснил, что такой формальный отказ, мотивированный притом решением меджлиса, весьма осложнил положение и лишает нас возможности относиться уступчиво к персидскому правительству. По моему мнению, движение наше в Тегеран неизбежно, так как меджлис, конечно, не захочет от своего решения отступиться. Предотвратить наше вступление в столицу мог бы только, повидимому, какой-либо переворот, в виде роспуска меджлиса. На выраженную послом надежду, что под этим переворотом мы не подразумеваем восстановление на престоле Мохамед-Али-шаха, я вновь высказал ему, что мы свои действия отнюдь не связываем с участью бывшего шаха.

В заключение я сказал Бьюкенену, что по прибытии в Казвин наши войска естественно будут иметь там некоторый отдых [3].

Нератов.

№ 129. Временно управляющий министерством иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 862. 1 декабря/18 ноября 1911 г.

М. г. Владимир Николаевич,

Как ваше высокопревосходительство изволите усмотреть из прилагаемых при сем в копиях двух секретных телеграмм посланника в Тегеране №№ 1167 [4] и 1173 [5], персидское правительство отказалось от выполнения поставленных нами требований.

Ввиду этого я вместе с сим срочно телеграфирую посланнику в Тегеране приказание предложить начальнику нашего отряда выступить из Решта по направлению к Тегерану во второй половине завтрашнего дня. Копию моей телеграммы действительному статскому советнику Поклевскому-Козелл я равным образом прилагаю при сем [6].

Позволяю себе также предложить на ваше благоусмотрение проект телеграммы от вашего имени наместнику его императорского величества на Кавказе [7], покорнейше прося уведомить меня, не признаете ли вы возможным телеграфировать спешно в этом смысле гр. Воронцову-Дашкову [8].

Примите и пр.

Нератов.

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 269, со стилистическими изменениями.

[2] См. № 133. Тел. от 1 дек./18 ноября за № 1923 (опубл. Siebert, II, S. 241, № 518) Нератов передал Бенкендорфу содержание своей тел. Поклевскому за № 1916 (см. № 126) и добавлял, что по содержанию этой тел. он сделал заявление Бьюкенену. Заявление «было принято им с удовольствием».

[3] В тот же день Нератов телеграфировал Фредериксу (без номера) с просьбой доложить Николаю II, что им сделано предписание о движении войск из Решта по направлению к Казвину.

[4] См. № 125.

[5] См. № 133.

[6] См. № 126.

[7] К письму приложен проект тел. Коковцова Воронцову-Дашкову, совпадающий по содержанию с тел. Нератова Поклевскому за № 1916 (см. № 126).

[8] В ответном письме от 2 дек./19 ноября за № 5523 Коковцов сообщал, что, вполне разделяя взгляд Нератова по этому делу, он послал тел. Воронцову-Дашкову.

№ 130. Временно управляющий министерством иностранных дел генеральному консулу в Сеуле Лютшу.

Письмо № 1251. 1 декабря/18 ноября 1911 г.

Секретно.

М. г. Яков Яковлевич,

Ввиду предстоящего вступления вашего в должность генерального консула в Сеуле, считаю нелишним сообщить вам для руководства нижеследующие указания:

Корея, состоявшая со времени заключения Портсмутского договора под протекторатом Японии, в минувшем году была присоединена к последней и составляет новую японскую провинцию. Присоединение Кореи к Японии не явилось для нас неожиданностью: оно было совершено с нашего ведома, и мы не заявили против этого акта возражений. Поэтому мы должны относиться вполне добросовестно к этому факту, отнюдь не поддерживать в корейцах надежды, которые они, может быть, еще питают, и не имеем оснований содействовать стремлениям корейцев свергнуть японское владычество. Вам следует, ввиду сего, избегать всего того, что могло бы быть истолковано японцами, как желание наше поддержать корейцев в борьбе с нынешними хозяевами страны.

По приезде на место вы познакомитесь с положением дел и постараетесь установить с местными японскими властями хорошие отношения, которые, несомненно, помогут вам успешно исполнять возложенные на вас обязанности. Само собой разумеется, что только при соблюдении полной осторожности и, главным образом, корректности к японцам вам может удаться вызвать к себе доверие последних и постоянной осмотрительностью во всех своих действиях сохранить подобные хорошие отношения.

Необходимо иметь неусыпное наблюдение за движением корейцев против японцев, и в случае возникновения слухов о нашем будто бы сочувствии этому движению, во-время прекращать подобные толки, которые могут распространяться помимо вас и чинов вверенного вам генерального консульства. Такой образ действий тем более необходим, что предпринятые корейцами до сих пор меры к восстановлению своей независимости были совершенно неудачными и обречены на такую же участь и впредь, так как народ этот не имеет ни средств, ни силы вступить в успешную борьбу с хозяевами страны. Все попытки в этом роде кончались для корейцев до сих пор неудачами и влекли за собой военные экзекуции и усиление надзора за этими новыми подданными Японии.

Из донесений ваших предместников усматривается, что японцы весьма энергично и умело работают над созданием военного базиса в Северной Корее по близости к нашей границе. Для достижения этой цели они не щадят ни сил, ни средств и уже теперь достигли видных результатов. Нельзя, конечно, ставить японцам в упрек усилия их закрепить за собой их новое приобретение. Это является необходимым как на случай военных осложнений, так и в интересах замирения страны. Военные мероприятия их на севере и востоке Кореи имеют первостепенную для нас важность, и все сведения, которые вам удастся добыть, явятся для императорского правительства очень ценными.

Укрепившись в Корее, японцы задались целью усилить японский элемент в этой стране. Ради этого были созданы некоторые акционерные общества, содействующие поселению японцев в Корее и снабжению их земельными участками. Хотя общества эти действуют чрезвычайно энергично в пользу заселения Кореи их соотечественниками но, судя по доходящим до нас сведениям, японцы не особенно охотно расстаются с своей родиной, отчасти ввиду прохладного, по сравнению с Японией, климата Кореи. Тем не менее есть полное основание предполагать, что японскому правительству, при свойственных ему упорстве и энергии, удастся добиться своего желания. Так как в густо населенных частях Кореи заселение их японцами может произойти лишь с ущербом для коренных жителей, то у них под

разными предлогами отчуждаются земельные участки. Это последнее обстоятельство, равно как и надежда устроиться на лучших условиях в пределах Приамурского края, побуждает корейцев переселяться в смежную с Кореей Приморскую нашу область. Японское правительство не препятствует их выселению, но по возвращению их на родину не считает тех из них, которые приняли русское подданство, утратившими свое прежнее подданство. По этому вопросу, равно как и по вопросу об эмиграции корейцев в Приамурье вы имеете представлять свои донесения нашему посольству в Токио, с отсылкой копий их в императорское министерство, а также сообщать о положении сего дела приамурскому генерал-губернатору.

Находясь в Сеуле, вы будете иметь возможность собирать сведения самого разнородного характера о происшествиях в Китае и самой Японии. Наблюдения ваши будут иметь несомненный интерес как для посольства в Токио, так и для императорского посланника в Пекине, которому я прошу вас сообщать копии тех донесений, которые могут представить для него интерес. Равным образом вам следует установить постоянные сношения с приамурским генерал-губернатором, коему полезно иметь возможно полные сведения о соседней с Приамурским краем Корее.

Вполне надеясь, что ваш многолетний служебный опыт, приобретенный во время пребывания вашего в Средней Азии и на Дальнем Востоке, поможет вам ориентироваться в предстоящем вам новом положении, прошу принять и пр.

[Нератов.]

№ 131. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 303 [1]. 1 декабря/18 ноября 1911 г.

Le ministre persan est venu chez Grey d'ordre de son gouvernement lui demander conseil. Grey a répondu que le gouvernement persan devait se soumettre aux exigences russes sans retard.

Benckendorff.

Перевод.

Персидский посланник по предписанию своего правительства приходил просить у Грея совета. Грей ответил, что персидское правительство должно без промедления подчиниться русским требованиям.

Бенкендорф.

№ 132. Управляющий генеральным консульством в Канее временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 107. 1 декабря/18 ноября 1911 г.

Ссылаюсь на № 105 [2].

Как я уже имел честь доносить, в программу агитаторов входит, кроме посылки депутатов в афинскую палату, еще и замена настоящего правительства революционным. Ныне, ввиду все более выясняющейся затруднительности выполнения первой части программы, представляется вероятным, что революционеры попытаются произвести здесь переворот. Подобное нарушение status quo представляется коллегам и мне весьма опасным, так как революционное правительство, если бы ему удалось завладеть

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 270, и Siebert, II, S. 241, № 516.

[2] В тел. от 28/15 ноября за № 105 Пустошкин, сообщая, что выборы в революционное собрание состоялись 26/13 ноября «на всем Крите», отмечал, что вождями революционного движения опубликована прокламация об образовании особой стражи с целью обеспечить спокойствие и безопасность. «В действительности же, — заканчивал Пустошкин, — эта стража должна будет оказать опору планам революционеров в случае противодействия им. Повидимому, предположено в будущем осуществить замену настоящего правительства революционным».

казначейством и встать во главе острова, могло бы, состоя из самых неспокойных и готовых на все деятелей, наделать не мало бед. Настоящий же исполнительный комитет только при уверенности в нашей активной, в случае надобности, поддержке, решился бы, может быть, на сопротивление революционно избранному правительству. Прошу инструкций вашего превосходительства на случай осуществления изложенных намерений агитаторов. В Суду пришел второй английский крейсер; ожидается и второй французский.

Пустошкин.

№ 133. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 1173 [1]. 1 декабря/18 ноября 1911 г.

Срочная.

После продолжительных секретных совещаний кабинета с меджлисом сегодня утром вопрос об ответе на наш ультиматум был поставлен на баллотировку в открытом заседании. Подавляющим большинством меджлис решил отклонить наши требования, о чем начальник русского отделения довел до сведения миссии ровно в полдень.

Поклевский.

№ 134. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 1175 [2]. 1 декабря/18 ноября 1911 г.

Срочная.

Дополнение к моей телеграмме № 1173 [3]. Получил № 1909 [4].

Вчера вечером по городу разгуливали тысячные толпы студентов и народа с криками «смерть или свобода» и «умрем за свободу». Сегодня производятся еще более многочисленные манифестации, и вообще наш ультиматум привел город в возбужденное и тревожное настроение. Начинается террор. Сегодня утром убит фидаями перед своим домом Ала-эд-Доуле. Убийство это можно лишь приписать его частым сношениям с миссией и его личной большой дружбе со мной. Сегодня же произведено покушение на жизнь бывшего садразама Мушир-эс-Солтане. Требую от правительства разыскания убийц и их наказания и прекращения уличных демонстраций, но опасаюсь, что правительство окажется бессильным сдержать волнение. Постараюсь также установить кооперацию между казачьей бригадой и бахтиарами для поддержания в городе порядка, но пока еще не могу судить, каково в настоящую минуту настроение бахтиар. Ввиду неисправности телеграфа между Тегераном и Рештом, прошу дать начальнику отряда также и непосредственные указания о выступлении войск.

Поклевский.

№ 135. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 1180 [5]. 1 декабря/18 ноября 1911 г.

Срочная.

Весь кабинет подал в отставку, считая отклонение нашего ультиматума меджлисом за выражение недоверия министрам, предполагавшим согласиться на наши требования [6].

Поклевский.

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 267, со стилистическими изменениями.
[2] Опубл. Ор. кн., стр. 268, с сокращениями и стилистическими изменениями.
[3] См. № 133.
[4] См. № 120.
[5] Опубл. Ор. кн., стр. 271, со стилистическими изменениями.
[6] Тел. от 3 дек./20 ноября за № 1192 (опубл. Ор. кн., стр. 276) Поклевский извещал Нератова, что регент отказался принять отставку кабинета.

№ 136. Управляющий консульством в Урге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 1102. 1 декабря/18 ноября 1911 г.

Сегодня утром князья выпустили манифест, которым объявили Халху автономной. Китайскому населению обещано полное покровительство. Саньдо уступил без протеста: на-днях выезжает в Манчжурию через Сибирь. Все благополучно. Консульством приняты меры к поддержанию порядка. Подробности почтой. Посланнику сообщено [1].

Лавдовский.

№ 137. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

·/. Телеграмма № 1930. 2 декабря/19 ноября 1911 г.

Телеграмма № 712 получена [2].

Турхан-паша спросил меня вчера о том, какой отзыв последовал из Италии по вопросу о возможности принятия воюющими военных мер в области проливов. Я воспользовался случаем высказаться в самой дружеской форме перед турецким послом в смысле моей телеграммы за № 1915 [3], подчеркнув, что мы относимся отрицательно не вообще к военным мерам обороны или нападения в проливах и около, а лишь к провозглашению таких мер, которые фактически уничтожали бы гарантированное нейтральным флагам трактатами право плавания. Такие меры затруднили бы наше положение не только с точки зрения постановлений трактатов, но и в отношении наших весьма серьезных экономических интересов.

На специальный вопрос посла я ответил, что лично уверен в отсутствии у Италии намерения блокировать Дарданеллы и не думаю, что она предпримет нападение на проливы, но что ввиду нейтральности России мы не можем делать запросов или заявлений, которые бы имели характер давления на одного из воюющих, ни, следовательно, принимать на себя какие-либо ручательства, пока длится военное положение.

Последнее соображение благоволите не терять из виду в ответе на упомянутые вами заявления Ассим-бея и при переговорах ваших с Портой вообще [4].

Нератов.

№ 138. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине Коростовцу.

·/. Телеграмма № 1931. 2 декабря/19 ноября 1911 г.

№ 799 получен [5].

Не встречаем препятствий согласиться на предлагаемый порядок распределения таможенных доходов между Русско-азиатским, Гонконг-Шанхайским и германским банками.

---

[1] Тел. от 6 дек./23 ноября за № 1149 Лавдовский сообщил Нератову, что «китайские солдаты отказались защищать Саньдо, перешли на сторону гэгена. Саньдо просил убежища в консульстве, куда был мной принят со своими приближенными и их семьями. Мной же устроен ему проезд до Кяхты, дана охрана. Никакого акта амбанем подписано не было. Управление временно поручено хутухтой председателю сейма Тушетуханского аймака. Образ правления предполагается монархический. Гэген будет провозглашен халхасским ханом».

[2] См. № 123.

[3] См. № 121.

[4] Публикуемая тел., а также тел. за № 1915 (см. № 121) были представлены Нератовым Николаю II при докл. записке от 2 дек./19 ноября, в которой он указывал следующее: «В бывших у меня по сему поводу дружеских объяснениях с итальянским и турецким послами я выяснил им наш взгляд на это дело и дал понять, что мы отнюдь не относимся отрицательно к возможным военным мерам в области проливов, а лишь настаиваем на исполнении гарантированного трактатами права плавания нейтральных торговых судов».

[5] См. стр. 42, прим. 1.

Ввиду указываемой вероятной недостачи таможенных доходов для покрытия платежей боксерского вознаграждения, благоволите выяснить отношение ваших иностранных сотоварищей к вопросу о возможности использовать для этой цели другие указанные в заключительном протоколе 1901 года источники: соляной налог и доходы внутренних таможен.

Желательно также иметь ваше заключение о мерах, которые заинтересованные державы могли бы принять для урегулирования поступлений по китайским займам в случае перехода в руки революционеров источников этих поступлений [1].

[Нератов.]

№ 139. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 305 [2]. 2 декабря/19 ноября 1911 г.

Rends compte par télégramme séparé entrevue ce matin avec Grey [3]. Tiens à signaler tout spécialement à l'attention de votre excellence conclusions principales de Grey. Si notre coopération en Perse cessait, entente serait nécessairement rompue. Il s'en suivrait, à échéance plus brève qu'on ne l'imagine, orientation nouvelle de politique anglaise sur laquelle il ne s'est pas expliqué. Cela oblige de dévoiler qu'il n'y a plus accord complet entre Russie et Angleterre. En ce cas il démissionnerait attendu, m'a-t-il dit, qu'il ne serait pas désirable pour intérêts d'Angleterre qu'il reste à la tête d'une politique anglaise autre que celle qu'il a défendue autant qu'il pouvait sans qu'il en est l'adhérant le plus convaincu. Je crois que ceci répond entièrement à l'esprit public de plus désorienté par rapidité de nos décisions, qui comme on juge ici rend solution favorable plus difficile et ne laisse prévoir que des résultats absoluments inacceptables. J'ai constaté et Cambon m'a dit, qu'il n'a jamais vu Grey plus anxieux que ces derniers jours. Ambassadeur d'Italie m'a demandé si je croyais démission de Grey possible. Grey n'en a parlé qu'à moi seul, pas même à l'ambassadeur de France.

Benckendorff.

Перевод.

Отдельной телеграммой доношу о свидании с Греем сегодня утром. Считаю нужным обратить особое внимание вашего превосходительства на основные заключения Грея. Если бы прекратилось наше сотрудничество в Персии, согласие было бы неизбежно нарушено. В результате этого, в течение времени более короткого, чем это можно предположить, последовала бы новая ориентация английской политики, относительно которой он не высказался. Это заставило бы открыто признать, что между Россией и Англией полного согласия больше нет. В этом случае он подал бы в отставку, потому что, сказал он мне, в интересах Англии нежелательно, чтобы он оставался во главе английской политики иной, чем та, которую он защищал как только мог, не будучи самым убежденным приверженцем ее. Я думаю, что это вполне отвечает настроению общества, особенно сбитого с толку быстротой наших решений, которые, как здесь думают, все более затрудняют благоприятное решение вопроса и заставляют предвидеть лишь совершенно неприемлемые результаты. Я констатировал, и Камбон мне сказал, что никогда он не видел Грея столь встревоженным, как в эти последние дни. Итальянский посол спросил меня, считаю ли я возможной отставку Грея. Кроме меня Грей не говорил об этом ни с кем, даже с французским послом.

Бенкендорф.

---

[1] Позднее, тел. от 3 янв. 1912 г./21 дек. 1911 г. за № 950, поверенный в делах в Пекине Щекин сообщил, что на заседании дипл. корпуса утверждена комиссия из представителей англ., герм. и русского банков в Шанхае для хранения и распределения таможенных сборов. На том же заседании было принято предложение Щекина о передаче управлению морских таможен взимания соляного налога для обращения этого источника доходов на покрытие платежей по боксерскому вознаграждению.

Кит. прав-во на сделанное ему по этому поводу заявление не выставило никаких принципиальных возражений (тел. Щекина от 12 янв. 1912 г./30 дек. 1911 г. за № 1002).

[2] Опубл. Siebert, II, S. 242, № 519.

[3] См. № 140.

№ 140. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 307 [1]. 2 декабря/19 ноября 1911 г.

№ 2 [2].

Texte anglais de communication de Grey à l'ambassadeur d'Angleterre à St.-Pétersbourg, résumant notre conversation d'aujourd'hui: «I spoke very seriously to Benckendorff as to my anxiety about Persia. I said it was most unfortunate in the first instance that ultimatum Russia based on question of property of Shoa: for question was a somewhat trivial one and Russian case did not seem to be very strong. It was still more unfortunate that after we had been given to understand and indeed had once received a more positive assurance from Kokovtzow — that Russian troops would be withdrawn when the two first demands were complied with and English Minister had urged Government of Persia to comply in this expectation, the troops had not been withdrawn and further demands have been put forward. It is true that there had been a delay of a few days in complying, but nevertheless the circumstances in which the action of Russia was taken were not very fortunate. Three demands had now been put forward. With regard to the first two, as to Shuster and future appointment of foreign advisers, I could not object. Shuster had rejected advices given him through our Minister. He has placed us in a most embarrassing position. And some arrangement with Government of Persia respecting such advisers was necessary even from point of view English, to prevent our being placed in such a position again. It would have been better if Government of Persia had been asked to promise not to appoint foreign advisers without consultation with Russian and English Legations instead of beeing bound to obtain consent. But this was a matter of form. I regretted that an indemnity had been asked. English trade had suffered more than Russian. In fact Russian trade in North might have gained by stoppage of British trade in South. Money was essential for restoration of order in South and demand of indemnity would be felt here as injurious to prospect of restoration of order [in] South, that was necessary for British trade. As demand had been put forward, Government of Persia must say yes to it, but I trusted that payment would either not be pressed for, or in some other way be abated for some other advantage later on. I then urged strongly upon Ambassador that Russian troops should not go to Tehran except in the very last resort. And no further demands of a more far reaching nature should be put forward by Russia without consultation with us. I was afraid that Government of Russia did not realise how suddenly Persian question, if it was mismanaged, might raise the whole question of foreign politics. If further demands were to be put forward, with regard which we might be obliged to say that they were not justified or inconsistent with the entente, the Persian question would disappear and the much more serious question of foreign politics, both for us and Russia, would take its place. This would be most deplorable and I was very anxious. On the other hand, if Government of Russia would restrict themselves to their existing demands and not go to Tehran except in the last resort, I thought that we might get through the present difficulties. We might secure a Persian Government who would realise that they govern with a good disposition towards Russian interests, instead of in opposition to them. We should be able to assist such a Government with foreign advisers and facilitate a loan such as Seligman's or another on favorable terms. Things in Persia might then become the best they had yet been. But at present we were passing through a very delicate and difficult time. And I was afraid that the Government of Russia did not realise what great issues were at stake and what great care was

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 243, № 520.

[2] За № 1, повидимому, была послана тел. за № 305 (см. № 139).

needed, to prevent our drifting apart». Je trouve ce résumé parfaitement exact.

Benckendorff.

Вся суть в страхе Англии перед занятием Тегерана нашими войсками. Но ведь до этого далеко еще!

Ливадия, [9 декабря] 26 ноября 1911 г.

Перевод.

№ 2.

Английский текст сообщения Грея английскому послу в Петербурге, резюмирующий нашу сегодняшнюю беседу: «Я имел весьма серьезный разговор с Бенкендорфом по поводу моей тревоги относительно положения в Персии. Я сказал, что, во-первых, чрезвычайно прискорбным фактом является то, что русский ультиматум был предъявлен из-за вопроса об имении Шоа — вопроса незначительного — и что русская точка зрения недостаточно обоснована. Еще более прискорбно то, что после того, как нам было дано понять и, в действительности, было получено от Коковцова более определенное заверение, что русские войска уйдут, как только первые два требования будут выполнены, и английский посланник настоял перед персидским правительством, чтобы в расчете на это оно подчинилось, — войска не были отозваны и были предъявлены новые требования. Правда, выполнение требований запоздало на несколько дней, тем не менее обстоятельства, при которых действовала Россия, не были очень благоприятны. Теперь выставлено три требования. Я не могу возражать по поводу двух первых, касающихся Шустера и приглашения иностранных советников. Шустер отклонял советы, даваемые ему через нашего посланника. Он поставил нас в чрезвычайно затруднительное положение. И соглашение с персидским правительством по вопросу об иностранных советниках было необходимо даже с английской точки зрения для того, чтобы оградить себя от возможности оказаться вновь в таком же положении. Было бы лучше потребовать от персидского правительства обещания не приглашать иностранных советников без совещания с русской и английской миссиями вместо того, чтобы связывать его обязательством испрашивать их согласие. Но это вопрос формы. Я выразил сожаление по поводу требуемого возмещения убытков. Английская торговля пострадала больше, чем русская. В действительности русская торговля на Севере выиграла от прекращения английской торговли на Юге. Деньги крайне нужны для восстановления порядка на Юге, и требование возмещения будет воспринято здесь как препятствие для восстановления порядка на Юге, чего требуют интересы английской торговли. Так как требование уже предъявлено, персидское правительство вынуждено сказать да, но я выразил надежду, что на выплате его или не будут настаивать, или требование будет смягчено взамен каких-либо компенсаций в будущем. Я энергично настаивал перед послом, чтобы русские войска не шли к Тегерану, кроме случая крайней необходимости, и чтобы в дальнейшем требования более серьезного характера не выставлялись бы Россией без совещания с нами. Я выразил опасение, что российское правительство не представляет себе, как неожиданно персидский вопрос, при неудачной политике, может поднять всю совокупность вопросов иностранной политики. Если были бы выставлены дальнейшие требования, которые мы были бы вынуждены признать необоснованными или несовместимыми с согласием, персидский вопрос должен был бы исчезнуть, уступив место вопросам иностранной политики, имеющим как для нас, так и для России гораздо более серьезное значение. Это было бы чрезвычайно прискорбно, и я этим сильно озабочен. С другой стороны, если российское правительство ограничится предъявленными требованиями и согласится послать войска в Тегеран лишь в случае крайней необходимости, я надеюсь, что мы преодолеем настоящие затруднения. Может быть, нам удастся утвердить такое правительство в Персии, которое поймет, что ему нужно управлять, идя навстречу русским интересам вместо того, чтобы препятствовать им. Мы бы предоставили в помощь такому правительству иностранных советников и оказали бы содействие заключению такого займа, как заем у Зелигмана или другого на благоприятных условиях. Положение в Персии могло бы стать лучше, чем оно когда-либо было. Но в настоящее время мы стоим перед сложными и большими затруднениями. Я высказал опасения, что российское правительство не отдает себе отчета, какой большой вопрос поставлен на карту и какие большие усилия требуются для того, чтобы предупредить разрыв между нами». Я нахожу это резюме абсолютно точным.

Бенкендорф.

№ 141. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 308 [1]. 2 декабря/19 ноября 1911 г.

№ 3.

Tiens à préciser les points sur lesquels Grey a spécialement insisté. Il est très désirable comme preuve de modération envers Puissance si faible et aussi

[1] Опубл. Siebert, II, S. 246, № 521.

pour ne pas compliquer davantage situation à Téhéran de n'ajouter aucune nouvelle exigence. Grey est engagé par nos trois exigences actuelles sauf commentaire sur troisième. Il ne saurait s'engager davantage à soutenir exigences ultérieures qu'il ne connaît pas. Il demande qu'aucune ne soit formulée avant entente préalable avec Angleterre. Si parmi exigences ultérieures posées par nous il s'en trouveraient auxquelles il ne donne son appui, il ne le pourrait à moins que de s'en expliquer au Parlement où jusqu'ici il a soutenu de toute son énergie toute notre politique. Cette déclaration au Parlement constituerait fin de coopération suivie des conséquences énumérées dans mon télégramme № 305 [1], conséquences dont Grey ne parle pas dans son résumé transmis sub № 2 [2], mais dont il m'a fait confidence. Grey insiste vivement sur marche lente des troupes et arrêt à Kasvine assez prolongé pour discuter plan ultérieur et éventuellement exigences complémentaires, aussi pour qu'à Téhéran situation mûrisse et que le gouvernement ait temps de se former et de se soumettre aux trois exigences auxquelles Perse doit indubitablement se soumettre. Grey rassuré par ce que vous avez dit à l'ambassadeur anglais n'a cité que pour mémoire restauration ex-shah comme inacceptable [3]. Le gouvernement anglais restera absolument neutre si Serdar-Assad et Baktiares tentent former gouvernement. Il les reconnaîtra en cas de succès pourvu qu'ils emploient procédés admissibles. Il croit que cela pourra résoudre problème mais à condition seulement que temps suffisant soit accordé. Grey a ajouté qu'en tous cas Régent devrait être couvert par protection des deux légations [4].

Benckendorff.

Перевод.

№ 3.

Считаю нужным уточнить пункты, на которых Грей особенно настаивал. Для того, чтобы доказать умеренность по отношению к столь слабой державе, а также чтобы не усложнять больше положение в Тегеране, желательно не выставлять никаких новых требований. Грей связан тремя настоящими нашими требованиями, за исключением комментарий по третьему. Он не сможет обещать поддержку нашим будущим требованиям, которых он не знает. Он просит, чтобы ни одно из них не формулировалось без предварительного уговора с Англией. Если среди наших будущих требований оказались бы такие, которые он не поддерживает, то он должен был бы дать по этому поводу объяснения в парламенте, где он до настоящего времени энергично защищал всю нашу политику. Такое заявление означало бы, что наше сотрудничество прекратилось и имело бы последствия, перечисленные в моей телеграмме № 305; об этих последствиях Грей не упоминает в телеграмме, переданной за № 2, но доверительно он говорил со мной о них. Грей энергично настаивает на медленном продвижении наших войск и на остановке в Казвине, достаточно длительной, чтобы можно было обсудить план на будущее время и возможные дополнительные требования, а также для того, чтобы положение в Тегеране определилось и чтобы правительство имело время сформироваться и подчиниться трем требованиям, выполнить которые Персия несомненно должна. Грей, успокоенный тем, что вы сказали английскому послу, лишь для памяти упомянул, что реставрация экс-шаха неприемлема. Английское правительство займет абсолютно нейтральную позицию в случае, если Сердар-Асад и бахтиары попытаются сформировать правительство. В случае их успеха оно признает их при условии, что они не будут прибегать к недопустимым методам. Он полагает, что таким образом вопрос может быть разрешен, но при наличии достаточного срока. Грей добавил, что регент, во всяком случае, должен пользоваться покровительством обеих миссий.

Бенкендорф.

[1] См. № 139.

[2] См. № 140.

[3] Ср. № 128.

[4] Дополнительной тел. от того же числа за № 309 (опубл. Siebert, II, S. 247, № 522) Бенкендорф сообщал следующее: если для росс. прав-ва приемлем план Грея (см. № 140), который не содержит ничего неблагоприятного для престижа России в Персии и в Европе и против которого ничего нельзя возразить с точки зрения англо-русской конвенции, то следовало бы сделать немедленно такое заявление Англии: во время пребывания русских войск в Казвине положение будет обсуждаться с лондонским кабинетом, и спустя некоторое время будет послан в Тегеран новый ультиматум, согласованный с Англией. Если вступление русских войск в Тегеран сделается необходимым, то, по мнению Бенкендорфа, оно совершится на основе конвенции, «и наша незаинтересованность будет продемонстрирована в глазах всех держав».

№ 142. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 1188 [1]. 2 декабря/19 ноября 1911 г.

По приказанию из Лондона Барклай сообщил вчера персам, что оба кабинета обсуждают создавшееся в Тегеране положение, но что персидское правительство не должно надеяться на то, что какое-либо из наших требований будет взято обратно. Неисполнение же последних неминуемо повлечет за собой движение вперед нашего отряда. Это заявление восстановило в глазах персидского правительства и здешних англичан солидарность политики обоих правительств, относительно коей в Тегеране стали возникать сомнения после нашего последнего ультиматума [2].

Поклевский.

№ 143. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 1190 [3]. 2 декабря/19 ноября 1911 г.

Получил № 1919 [4].

Для усиления охраны миссии и генерального консульства вызваны сегодня из Казвина 25 пеших казаков при офицере. В Тегеране враждебные России демонстрации продолжаются уже третий день; было несколько новых террористических покушений против лиц менее известных; идет сильная агитация в пользу бойкота русских товаров; насильно удаляется публика из вагонов считающейся русским предприятием конки. Сегодня еще непосредственной опасности для русских учреждений, подданных не наблюдается, но такая может возникнуть для всех русских в любой момент, если не уляжется народное возбуждение и не появится какой-либо сильной власти. [5] Пока же кабинет, губернатор и Ефрем устранились от дел [6], и уличные беспорядки никем не сдерживаются. До прихода нашего отряда никаких серьезных мер для обеспечения русских подданных в Тегеране принято быть не может. Казачья бригада численностью до 700 человек находится, конечно, в полном нашем распоряжении, но в случае открытого нападения на русских она сама подвергается опасности. Бахтиары в принципе согласны действовать заодно с казачьей бригадой, но ханы запуганы народным движением и пока не решаются на активные меры.

Поклевский.

№ 144. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 68. 3 декабря/20 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Я имел честь по телеграфу поставить ваше превосходительство в известность о благополучном возвращении короля Петра из путешествия во Францию, о некоторых подробностях приема, оказанного его величеству в Париже, а также о впечатлениях, которые вынес председатель совета

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 272, со стилистическими изменениями.

[2] См. № 104.

[3] Опубл. Ор. кн., стр. 273, со стилистическими изменениями и сокращениями.

[4] См. № 127.

[5] См. № 134. 2 дек./19 ноября тел. за № 663 (опубл. Ор. кн., стр. 273, с сокращениями) консул в Тавризе Миллер сообщал в м-во ин. дел, что энджумен старается вызвать беспорядки на религиозной почве по поводу нового ультиматума, «будто бы предъявленного Россией и Англией в связи с требованиями об увольнении Шустера и Лекофра. Все партии призываются к единению для защиты веры. С этой целью Шоджа-эд-Доуле и изгнанные ранее муджтехиды приглашаются в город».

[6] Позднее, тел. от 5 дек./22 ноября за № 1203 Поклевский сообщил Нератову, что «Ефрем вновь назначен начальником полиции».

министров Милованович из бесед с французскими правительственными лицами по вопросам балканской политики [1].

Как было сказано в моей секретной телеграмме, сердечность парижского свидания, а равно проявление французами интереса к сербским делам превзошли ожидания сербов и внушили им уверенность, что в будущих весьма вероятных осложнениях на Ближнем Востоке они могут рассчитывать вполне на дружественную помощь союзницы России — Франции.

По словам Миловановича, для него, как королевского министра иностранных дел, особенно ценным было единогласное со стороны всех государственных деятелей Франции одобрение спокойной, полной достоинства внешней политики Сербии, которой Европа обязана сохранением мира в тяжелый аннексионный период.

Вместе с сим из неоднократных собеседований с гг. Кайо, Делькассе и Баррером сербский министр убедился, что во Франции самое широкое сочувствие встречает идея «Балканы для балканских народностей», из которых особые симпатии французов привлекают к себе сербская и болгарская нации, проявившие за последние десятки лет необычайную жизненность и неоспоримую способность к культурному совершенствованию. Им должна принадлежать, по мнению вышеупомянутых деятелей, первенствующая роль на Ближнем Востоке. В силу именно этих соображений, как уверяли Миловановича Делькассе и Баррер, проект Балканской федерации во главе с Турцией — организмом, подвергающимся постепенному разложению, — признается в парижских политических кругах чистейшей утопией, тогда как сербо-болгарскому союзу Франция во всякое время готова оказать мощную поддержку.

В общем надо сознаться, что для свидания короля Петра с президентом республики выбрана была весьма подходящая психологическая минута. Ко времени приезда сербского монарха в Париж [2] Франция еще находилась, так сказать, в праздничном настроении по поводу одержанной ею победы над немцами в марокканском деле; а потому с ее стороны было вполне естественным стремление подчеркнуть свои симпатии к маленькому балканскому государству, отстаивающему свою национальную независимость в борьбе с великой соседней империей и являющемуся передовым оплотом против австро-германского натиска на Ближнем Востоке. На эту тему широко распространялись почти все органы парижской печати за время пребывания высокого гостя во Франции. Мне кажется, что в данном случае подогреты были отчасти и патриотические чувства парижан, которые, конечно, ни одной минуты не теряли из виду, что глава сербского государства самоотверженно сражался в рядах французской армии против немцев в 1870 году.

На-днях я имел случай видеться с королем Петром при передаче его величеству, в частной аудиенции, высочайшей государя императора известительной грамоты о бракосочетании его высочества князя Иоанна Константиновича с королевной Еленой Петровной. Король находился еще под живыми парижскими впечатлениями и с большим упоением рассказывал мне все подробности оказанного ему приема во Франции. Его величество особенно тронут был проявлениями неподдельных симпатий к нему со стороны военных чинов, устроивших своему боевому товарищу великолепный праздник в Сен-Сирской школе, с которой король связан неизгладимыми воспоминаниями.

Примите и пр. Ник. Гартвиг.

[1] Об этом Гартвиг извещал Нератова тел. от 23/10 ноября за № 182 (опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 7). Первая часть ее изложена в публикуемой деп.; во второй части Гартвиг сообщал: «Милованович советовался в Париже с Ризовым и Станчовым, получавшими указания от короля Фердинанда и Гешова. Соглашение совсем наладилось за исключением статьи о сферах. Дабы обойти и это препятствие, сербское правительство намерено на-днях собрать совещание, к которому будет приглашен Спалайкович, в целях определения самого крайнего минимума сербских притязаний. Милованович надеется, что новая разграничительная черта будет принята в Софии, и таким образом великое славянское дело завершится благополучно».

[2] См. стр. 72, прим. 4.

№ 145. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 71. 3 декабря/20 ноября 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к секретной телеграмме моей относительно положения дела о сербо-болгарском соглашении [1] почитаю долгом сообщить нижеследующее.

По возвращении своем из Парижа председатель совета министров не преминул созвать особое совещание для нового обсуждения вопроса о разграничении между Сербией и Болгарией сфер влияния в Македонии и Коссовском вилайете, ввиду выраженной болгарами просьбы о том, чтобы сербское правительство согласилось на принятие предложенной ими демаркационной линии, а именно: на востоке — по течению реки Пчинье, а на западе — севернее Охридского озера, приблизительно по направлению к Дибре. Болгары к этому прибавляли, что такое решение вопроса ускорит заключение соглашения и во всяком случае устранит необходимость прибегать к третейским разбирательствам.

Само собой разумеется, что подобное предложение не могло быть принято совещанием уже потому, что оно сокращало сербскую сферу влияния по сравнению даже с тем, что было проектировано Ризовым в бытность его в Белграде и на что в принципе соглашался сам Гешов, во время личных переговоров с Миловановичем в вагоне железной дороги [2].

Характерной иллюстрацией к сему служит вынесенное сербским посланником в Софии убеждение, что болгарское правительство (вернее, король Фердинанд) будет всячески стремиться к исключению статьи о третейском разбирательстве России, будучи заранее уверено, что оно окажется благоприятным для Сербии.

Не является ли это лучшим доказательством, что притязания сербов совсем не чрезмерны, а, напротив, составляют тот крайний минимум, которым обеспечиваются их жизненные интересы? Отодвигать, например, в западной части сербскую сферу далеко на север, к Дибре, в самый центр враждебно настроенных албанских племен, — значит предумышленно лишать сербов важной опоры в родственных славянских землях (Hinterland'а) и тем самым преградить им в будущем доступ к Адриатическому морю.

Одушевленное однако искренним желанием возможно скорее притти к соглашению с Болгарией, сербское правительство сделало новый шаг к примирению взаимных интересов, определив свою разграничительную черту следующим образом: от болгарской границы линия проходит через Каратово до Новосело на Вардаре; стало быть, значительно севернее течения Брегальницы, в известной зависимости однако от топографических условий местности. От Новосело, пересекая Вардар и оставляя таким образом весь Велесский округ за Болгарией, разграничительная черта следует по прямой линии на юго-запад, вплоть до Струги на северном берегу Охридского озера.

В случае отказа Болгарии принять это новое примирительное предложение сербское правительство будет настаивать на сохранении в силе первоначальной статьи о верховном арбитраже, который коснется спорных земель, лежащих между демаркационными линиями, выработанными каждой из договаривающихся сторон.

За последние дни от сербского посланника в Софии по этому предмету не было получено никаких известий. Повидимому, вообще переговоры несколько приостановились вследствие внезапного отъезда в Австрию короля Фердинанда. Этот отъезд, как утверждает г. Спалайкович в своей секрет-

[1] Имеется в виду тел. Гартвига от 23/10 ноября за № 182 (см. стр. 126, прим. 1).
[2] См. т. XVIII, № 625.

ной телеграмме Миловановичу, был неожиданностью даже для самого Гешова [1].

Примите и пр. Ник. Гартвиг.

№ 146. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 1193 [2]. 3 декабря/20 ноября 1911 г.

Вчера миссией получена ответная на наш ультиматум персидская нота от [1 декабря] 18 ноября [3]. После общих рассуждений в спокойном и приличном тоне нота заканчивается извинениями в том, что персидское правительство не может принять наших требований и выражает готовность приступить к переговорам об их изменениях.

Поклевский.

Приложение.

Перевод ноты шахского министра иностранных дел от 9 зи-хедже 1329 г. [1 декабря/18 ноября 1911 г.] за № 14545 [4].

В ответ на ноту вашего превосходительства за № 158 [5] честь имею сообщить следующее:

После того как императорское правительство, при посредстве ноты вашего превосходительства за № 156 [6] по делу об аресте имений Шоа-эс-Солтане, предъявило персидскому правительству некоторые требования, несмотря на то, что ранее уже правительство это довело до сведения вашего превосходительства, путем устных переговоров, истинное положение дела и свой взгляд на него, и несмотря на министерский кризис, возникший за несколько дней до получения вышеуказанной ноты, персидское правительство приняло все меры к удовлетворению требований русского правительства с поспешностью и быстротой, доказывающими благие намерения его и сознание необходимости для него сохранить дружеские отношения с Россией; персидское правительство считало, что миролюбие и добрые намерения его послужат к устранению всяких поводов к вражде и недовольству императорского правительства, почему и нашло нужным принять меры к удовлетворению требований русского правительства. В ответ на эти стремления к дружелюбному согласию и несмотря на то, что в ноте за № 156 исполнение требований никаким определенным сроком ограничено не было, несмотря на то, что императорское правительство было осведомлено о существовании министерского кризиса, и, наконец, несмотря на то, что ни в вышеуказанной ноте, ни во время устных переговоров не упоминалось о движении войска в случае неудовлетворения требований, — неожиданно императорское правительство заявило о прекращении сношений и уведомило о посылке воинского отряда. После же исполнения требований, войска, вызов коих стоял в зависимости от неудовлетворения требований, не были удалены.

К сожалению, не остановившись на этом и не считаясь со старинными дружественными отношениями, о которых императорская миссия всегда свидетельствовала и на которые указывала в своих нотах, императорское правительство нотой за № 158 предъявило персидскому правительству новые требования, чрезвычайная важность коих ясна и некоторые из коих с пер-

[1] Ср. № 165.
[2] Опубл. Ор. кн., стр. 276, со стилистическими изменениями.
[3] См. приложение к публикуемому документу.
[4] Маш. копия. Заголовок оригинала. Опубл. Ор. кн., стр. 291. Препровождая публикуемую ноту Нератову 7 дек./24 ноября при деп. за № 60, Поклевский одновременно сообщал, что она была передана в миссию только 2 дек./19 ноября поздно вечером.
[5] См. № 115.
[6] См. т. XVIII, № 866.

вого взгляда противоречат независимости Персии, не дав при этом ни времени, ни возможности к всестороннему их обсуждению и необходимым переговорам. Удивительнее всего то, что в вашей ноте вы мотивировали эти требования, во-первых, непременной необходимостью получить удовлетворение; во-вторых, вызывающим образом действий г. Шустера, и, наконец, искренним желанием императорского правительства устранить причины трений и создать почву для дружественных отношений.

Раз действия персидского правительства не имели никакого отношения к движению войска, нет оснований обязываться дать за это денежное удовлетворение; что касается упомянутых выше вызывающих действий, то без предварительных совместных расследований по существу и сношений они дали бы повод к предъявлению требований лишь в том случае, если бы персидское правительство, при наличности таковых, уклонялось от удовлетворения; наконец, устранение поводов к трениям и создание почвы для согласия и взаимного единения естественно успешнее будет достигнуто мирными путями. Вследствие вышеизложенного, приглашая чувства справедливости вашего превосходительства и вашего правительства обратить внимание на истинное положение дела, на дружественные отношения между обоими правительствами и на важность сохранения таковых, честь имею представить вашему превосходительству извинения персидского правительства в непринятии указанных выше требований и довести до вашего сведения, что персидское правительство готово приступить к переговорам об изменении этих требований и принять те обязательства, которые ему будут предложены по справедливости.

Примите и пр.

№ 147. Посол в Вашингтоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 67. 3 декабря/20 ноября 1911 г.

Завтра собирается конгресс, и резолюция о денонсиации нашего трактата [1] будет поставлена на очередь. Можно уверенно сказать, что она будет принята нижней палатой, а вероятно, и сенатом, где правительство имеет только ничтожное большинство, на которое оно в настоящем вопросе даже не может рассчитывать. Тогда остается только veto президента, но по всему тому, что я слышал, он теперь не будет в силах сдержать успокоительного обещания, данного им прошлым летом Кудашеву, что он сделает все возможное, чтобы помешать денонсиации трактата. Таким образом жидовская группа с личной оппозицией против Тафта достигнут цели и поставят президента в крайне затруднительное положение, как по отношению к нам, так и перед суждением всего просвещенного мира. На благоразумие же и дальновидность большинства сенаторов нельзя надеяться, так как они, занятые политической борьбой, для достижения успеха над Тафтом, готовы не только пренебречь обязательствами к дружеской державе, но и пожертвовать несомненными интересами своей страны, в случае если торговые отношения хотя на время будут прерваны. Несмотря на всю затруднительность создавшегося положения, мне все-таки кажется, что есть еще возможность хотя бы на-время рассеять быстро надвигающуюся тучу, если императорское правительство, не делая, конечно, никаких малейших уступок и не связывая себя ничем, выразило бы послу в Петербурге свое принципиальное согласие на возможность обсуждения существующих правил об иммиграции вообще и о паспортной системе в частности, не упоминая даже прямо о евреях; оно этим не только значительно успокоило бы фальшивое настроение общественного мнения, но и дало бы президенту и государственному секретарю сильное орудие для защиты трактата перед сенатом и для предотвращения столь унизительной для правительства, как и крайне

[1] Имеется в виду русско-американский трактат 1832 года. Тел. от 11 апр./29 марта 1911 г. за № 18 Кудашев сообщал, что «в конгресс внесено предложение: денонсировать наш трактат из-за еврейских паспортов».

нежелательной для нас, демонстрации, грозящей испортить дружеские сношения между Россией и Америкой. Но время не терпит, и агитаторы не унимаются; в будущую среду должен состояться в Нью-Йорке грандиозный митинг для обсуждения этого вопроса, конечно, в враждебном нам духе. Нокс в отсутствии, и я его увижу только послезавтра.

Бахметев.

№ 148. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1951 [1]. 4 декабря/21 ноября 1911 г.

Сообщается посланнику в Тегеране.

Телеграмма № 307 получена [2].

Мы не отдаем себе отчета в причине беспокойства, вызываемого в Грее нашим образом действий в Персии, который не противоречит и, конечно, и впредь не будет ни в чем противоречить нашему соглашению с Англией.

Мы не имеем в виду настаивать на немедленном возмещении персами расходов, вызванных нашей экспедицией. В самых требованиях наших указано, что этот пункт будет подлежать дальнейшему обсуждению.

Войска наши сосредоточатся в Казвине, вероятно, к [13 декабря] 30 ноября, и начальнику отряда предписано ожидать там дальнейших указаний. Сообщив об этом Бьюкенену, я счел, однако, нужным предупредить его, что остановка нашего отряда в Казвине будет зависеть от дальнейшего хода событий и в частности от обстановки в Тегеране, и что поэтому мы можем быть вынуждены ускорить прибытие войск в Тегеран.

Что касается новых требований с нашей стороны, то, в случае надобности предъявлять таковые, например, по причине оказанного нам вооруженного сопротивления и пролития крови, они будут касаться лишь предметов, относящихся к специальным интересам России в нашей сфере влияния, как, например, вопросов о железнодорожном строительстве в Северной Персии, об учреждении в Тавризе вооруженной силы под нашим контролем в видах отозвания оттуда нашего отряда и т. п. Само собой разумеется, что никаких требований общеполитического характера мы без предварительного соглашения с лондонским кабинетом предъявлять не станем [3].

Нератов.

№ 149. Персидский посланник в Петербурге Али-Голи-хан персидскому министру иностранных дел Восуг-эд-Доуле.

*/. Телеграмма [4]. 4 декабря/21 ноября 1911 г.

Во время моего посещения министерства иностранных дел, как заранее было условлено, от политических разговоров отказались и заявили, что прежде всего следует, чтобы переговоры начались между министром иностранных дел и русским посланником в Тегеране. В то же время была

---

[1] Частично опубл. Ор. кн., стр. 277, со стилистическими изменениями, и Siebert, II, S. 256, № 527.

[2] См. № 140.

[3] Тел. от 2 дек./19 ноября за № 317 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Бьюкенен передал Грею ответ Нератова по вопросу о предъявлении новых требований перс. прав-ву, целиком совпадающий с изложенным в последнем абзаце публикуемого документа и высказал мнение, что он может быть использован Греем в парламенте.

Со своей стороны, тел. от 5 дек./22 ноября за № 312 Бенкендорф сообщил Нератову, что он передал Никольсону содержание публикуемого документа, который, по словам Бенкендорфа, «удачно осветил положение и вооружил Грея ценными аргументами против интриг оппозиции и свирепствующего недоброжелательного отношения» к России.

[4] Расшифрована и переведена с персидского в росс. м-ве ин. дел.

послана телеграмма посланнику с предписанием немедленно начать переговоры и результат их сообщить сюда. Посредничество Англии не может принести пользы, так как действия русских были предприняты с ее согласия.

№ 150. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 311. 4 декабря/21 ноября 1911 г.

Voudrais résumer mon opinion pour prévenir tout malentendu. Le gouvernement anglais fermement décidé de maintenir entente nous a donné l'appui le plus loyal, complet et public. Cet appui constitue en lui même engagement qui nous assure tous les points nécessaires à l'établissement en Perse d'une situation de nature à garantir nos intérêts. Mais le ministre des affaires étrangères actuel, celui qui nous a donné appui qu'il a formulé, peut devoir se retirer pour cause des exigences de notre part qui sont en somme de nature secondaire, ou bien inspirées par surcro t de dignité vis-à-vis de l'Angleterre, dont selon vous conduite de Grey nous permet de nous affranchir. Retraite de ce ministre doit entraîner transformation de constellation politique. Je ne puis plus avoir de doute que nous serons en présence orientation nouvelle de politique anglaise, orientation contre laquelle seront impuissants de réagir tant le Cabinet actuel puisqu'elle aura été cause de sa retraite que le Cabinet suivant parce que c'est à elle qu'il devra son arrivée au pouvoir. Allons nous, quand le principal est assuré, risquer tout au moins inconnu de situation nouvelle et retomber en Perse même en rivalité de jadis pour des questions qui ne sont pas de premier ordre? Ce que Grey demande n'est en somme qu'assurance positive que, même nos troupes à Téhéran, nous resterons fidèles à préambule convention et prendrons en considération intérêts anglais légitimes. Cette exigence de sa part n'est résultat ni de soupçons ni caprice d'amour-propre; c'est nécessité pratique de se maintenir au pouvoir, tandis que sa retraite signifie ce que viens de décrire. Il n'y a en ceci nulle exagération. C'est à ceci que tiennent inquiétudes de Grey, qui m'en a parlé avec émotion que je ne lui ai vue. Majorité sérieuse de l'Angleterre est avec Grey, c'est là notre gage de sécurité. Mais crise ministérielle éclatant aujourd'hui à cause de nous transformera dispositions; public ne comprendra pas. Il y a encore à dire que si nous sortons sans encombres des difficultés actuelles, situation vis-à-vis Angleterre sera consolidée d'autant, sans que intérêt d'aucune autre Puissance soit affecté, ni que aucune d'elles puisse se plaindre ou être froissée. Je suis premier à comprendre exigences public russe, mais cela, je crois, ne veut pas dire que le gouvernement impérial ait à prendre en considération ces exigences seulement, public voit seulement un côté et n'est renseigné que incomplètement. Il n'y a aucune opposition ici pour que but soit atteint. On le désire. Tout ce qu'on demande est que accord reste manifeste et que Grey puisse dire avec précision voulue qu'il s'associe à tout ce que fait Russie parce qu'il sait où Russie va et que accord restera intact. Je crois que rôle joué jusqu'ici par Angleterre nous permet et nous indique traiter avec elle non seulement avec franchise mais avec confiance entière. Et je crois qu'il est indispensable de considérer toutes les conséquences possibles. Avant de partir pour Paris où ministre m'invite, ce à quoi vous n'aurez, je pense, pas d'objection, je tenais à dire ce qui précède, parce que je crois moment venu de se décider. Considérations qui précèdent dictées par expérience locale, me paraissent si essentielles que crois devoir les soumettre à attention toute spéciale de votre excellence et du gouvernement impérial.

Benckendorff.

Перевод.

Во избежание всякого недоразумения хотел бы резюмировать свое мнение. Английское правительство, твердо решившееся поддерживать согласие, оказало нам самую лойяльную, полную и открытую поддержку. Эта поддержка сама по себе

является обязательством, которое обеспечивает нам все необходимое для установления в Персии положения, гарантирующего наши интересы. Но теперешний министр иностранных дел, оказавший нам поддержку, которую он сам же охарактеризовал, может уйти в отставку из-за наших требований, являющихся в сущности требованиями второстепенного порядка или же внушенными повышенным чувством собственного достоинства по отношению к Англии, но от этого поведение Грея, по вашему мнению, позволяет нам отказаться. Отставка этого министра должна повлечь за собой изменение в политической обстановке. Я не могу больше сомневаться в том, что мы окажемся перед новой ориентацией английской политики, перед ориентацией, с которой не сможет бороться ни теперешний кабинет, потому что она явится причиной его отставки, ни новый кабинет, который придет к власти благодаря ей. Пойдем ли мы на риск нового, во всяком случае неизвестного положения тогда, когда основное нам обеспечено, и начнем ли мы, как когда-то, соперничать в той же Персии из-за вопросов, не имеющих первостепенной важности? В сущности Грей не требует от нас ничего другого, как положительного заверения, что даже при наличии наших войск в Тегеране мы останемся верны вводной части конвенции и будем считаться с законными интересами Англии. Такое требование с его стороны не является результатом ни подозрения, ни каприза самолюбия; это практическая необходимость для того, чтобы удержаться у власти, тогда как его отставка означает то, что я только-что описал. В этом нет никакого преувеличения. Вот откуда происходит тревога Грея, который говорил со мной об этом с волнением, в каком я его еще не видел. Значительное большинство Англии с Греем — в этом наш залог безопасности. Но если в настоящее время из-за нас разразится министерский кризис, положение изменится; общество не поймет. Нужно сказать еще, что если нам удастся легко выйти из настоящих затруднений, мы очень упрочим свое положение по отношению к Англии, не задевая интересов ни одной из держав, не давая повода к жалобам или обидам со стороны какой-либо из них. Я первый признаю необходимость считаться с требованиями общественного мнения, но, по-моему, это не значит, что императорское правительство должно иметь в виду лишь эти требования; общественное мнение видит только одну сторону, оно недостаточно осведомлено. Здесь не встречается никакой оппозиции тому, чтобы цель была достигнута. Этого желают. Здесь требуют только, чтобы согласие было явным и чтобы Грей мог сказать с желательной определенностью, что он солидарен со всем тем, что делает Россия, потому что он знает, куда Россия идет, и знает, что согласие не будет задето. Я думаю, что роль, которую Англия играла до сих пор, позволяет и предписывает нам действовать по отношению к ней не только с откровенностью, но и с полным доверием. И я думаю, что необходимо рассмотреть все возможные последствия. Перед отъездом в Париж, куда меня приглашает министр, — против чего, я думаю, вы не будете возражать, — мне хотелось сказать вам вышеизложенное, потому что, я думаю, пришло время принять решение. Вышеизложенные соображения, подсказанные опытом, приобретенным на месте, мне кажутся столь существенными, что я считаю долгом предложить их особому вниманию вашего превосходительства и императорского правительства.

Бенкендорф.

№ 151. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Письмо [1]. 4 декабря/21 ноября 1911 г.

Monsieur le Gérant,

Il ne m'est pas très facile de donner à votre excellence un tableau d'ensemble de la situation telle qu'elle se présente à Londres.

Le discours où Sir E. Grey s'était attaqué à toute la situation politique, telle qu'elle découlait des derniers événements en Europe et en Perse [2], et où il avait expliqué, plus que défendu sa politique avec la sobriété et la clarté qui distinguent son éloquence, avait fait une profonde impression, impression qui d'ailleurs dure encore.

En grandes lignes, il est certainement soutenu par la majorité du pays et la presse après avoir été à peu près unanime à approuver le discours ne para^t pas ébranlée. Il n'y a pas une attaque à signaler dans les grands journaux, où les articles sur la politique extérieure prennent d'ailleurs une place restreinte, bien moindre en tout cas que celle occupée par les correspondants, c'est l'usage à Londres.

Pourtant dès la séance, il a été remarqué que le discours du ministre avait un succès complet du côté de l'opposition conservatrice, tandis que sur les

[1] Опубл. Siebert, II, S. 251, № 526.
[2] См. стр. 103, прим. 4.

bancs où siège le parti gouvernemental l'impression n'avait pas été tout à fait la même.

Le parti libéral a de tout temps eu des tendances de pacification entre l'Angleterre et l'Allemagne. On y a trouvé que le discours de Sir E. Grey ne tenait pas suffisamment compte des voeux de ce parti, et de ce côté, il s'est bientôt éveillé contre lui une opposition difficile à distinguer, mais qui néanmoins existe et tend à se développer.

L'autorité de Sir E. Grey et son influence dans la Chambre est pourtant telle que les tendances dont je parle seraient restées sans effet s'il n'était venu s'y joindre l'opposition à sa politique en Perse qui provient toujours du même groupe, et qui, comme telle, ne serait nullement dangereuse prise isolément.

Le fait est que cette fraction du parti ultra-radical a été exaspérée par son exposition du point de vue russe pour les affaires de Perse. Cette exposition, que jusqu'ici le public anglais n'avait trouvée nulle part, qui a éclairé et illustré la question et la situation aux yeux d'un grand nombre et a converti bon nombre d'hésitants, a en effet produit une impression très profonde. On s'attendait à son appui de notre politique; on ne s'attendait pas à ce qu'il l'expliquât.

Depuis Sir E. Grey se trouve l'objet constant des attaques de ce parti sur les votes duquel le Cabinet actuel compte.

A cette opposition peu nombreuse, mais violente vient de joindre l'opposition plus modérée et plus sourde, dangereuse pourtant pour lui, de ceux qui, disséminés surtout dans le parti libéral, mais pas exclusivement dans ce parti, lui en veulent d'une attitude trop péremptoire vis-à-vis de l'Allemagne.

En réalité Sir E. Grey, comme il l'a d'ailleurs dit dans son discours, n'a aucune objection à une amélioration des rapports avec l'Allemagne. Il la désire même, mais il ne veut pas lui sacrifier les deux ententes et il est convaincu qu'un rapprochement sérieux avec l'Allemagne n'est possible qu'à ce prix.

Comme il me l'a dit en toutes lettres hier, quoique très confidentiellement, c'est avec cette politique qu'il restera au pouvoir ou qu'il tombera. C'est pourquoi, m'a-t-il dit aussi, notre politique devrait être rendue claire à l'Angleterre. Il m'a dit encore que si notre coopération résiste à la crise actuelle et aux graves difficultés qui surgissent, l'Angleterre y verra le triomphe le plus éclatant de la politique de l'entente en Perse et par conséquent de la permanence des rapports entre les deux pays.

Mais pour fermer la bouche à l'opposition il ne suffit pas que la politique russe soit exposée jusqu'au jour de son discours. Il faut qu'il puisse en exposer chaque phase. De là en réalité son entretien avec moi de samedi, avant-hier. Cet entretien a tout entier eu un caractère confidentiel. Lui et moi étions entrés dans beaucoup de détails dont une partie seulement était substantielle; comme je le priai de se résumer, il me promit de mettre par écrit sa pensée et l'essentiel de ce qu'il m'avait dit. C'est le pro-memoria confidentiel que j'ai transmis le jour même par télégraphe en anglais à votre excellence [1] et auquel j'ai ajouté deux télégrammes complémentaires [2].

La pensée que le gouvernement impérial veuille s'en prendre à l'intégrité ou à l'indépendance quelque peu relative par rapport aux deux Puissances — de la Perse, n'a joué aucun rôle dans l'esprit de Sir E. Grey. Mais c'est, à coup sûr, la thèse de toute l'opposition.

A plusieurs reprises déjà j'avais remarqué qu'il redoutait la gradation de nos exigences dont il sortait chaque jour de nouvelles, comme de nature à nourrir les appréhensions de cette opposition qui s'excite de jour en jour d'avantage avec danger de le faire tomber, alors qu'il comprend parfaitement que sa chute aujourd'hui entraînerait presqu'à coup sûr un changement complet de politique et constituerait un événement de premier ordre qui changerait l'orientation de la politique anglaise. C'est encore ce qu'il m'a dit hier.

---

[1] См. № 140.
[2] См. №№ 139 и 141.

C'est pourquoi il a fait des appels réitérés à votre excellence d'entrer en sa situation, comme lors de son discours et après, il était entré dans la situation de la Russie, pour qu'il soit à même de donner un démenti aux pronostics erronnés lancés dans le public et dans la Chambre, d'être renseigné le mieux possible sur nos exigences ultérieures et sur nos projets définitifs, si nous devions arriver jusqu'à Téhéran.

J'ai vu hier matin chez Sir A. Nicolson un télégramme de Sir G. Buchanan qui contenait l'assurance que, quelles que soient les conditions ultérieures imposées à la Perse, elles ne regarderaient que des questions purement russes et n'ayant d'effet que dans notre sphère d'influence [1]. J'ai fait observer à Sir Arthur que cet exposé négatif était de grande valeur et impliquait beaucoup de conséquences. Sir Arthur me répondit qu'il ne savait pas si cela couvrait notre plan d'action au cas où nos troupes occuperaient Téhéran.

C'est en effet le point le plus grave. L'entrée de nos troupes à Téhéran constituera un événement de premier ordre et son impression sur les esprits sera en conséquence.

Pour le maintien de l'entente je crois qu'il est nécessaire de déclarer au gouvernement anglais que, même à Téhéran, nous n'agirons que sur la base de la convention, c'est à dire qu'une fois que les conditions imposées seront acceptées par la Perse, l'intégrité et l'indépendance, telle qu'elle est admise par les deux Puissances, resteront intactes. Sinon, quoiqu'il fasse ou quoiqu'il dise, la chute de Sir E. Grey est escomptée.

Si nous ne perdions en lui qu'un homme d'Etat de sa valeur et de sa fermeté dans la ligne politique suivie, cette circonstance pourrait après tout être regardée comme secondaire par le gouvernement impérial et ne serait certainement pas de nature à devoir influer sur ses décisions. Mais, je crois devoir le répéter, la chute de Sir E. Grey entraine la chute du système.

Quant à celui qui suivra, je ne puis conserver à ce sujet que très peu de doutes. C'est maintenant qu'un rapprochement graduel avec l'Allemagne se prépare. Partiel au début, il ne peut pas manquer de devenir général et exclusif. C'est là du moins ma ferme conviction et malgré toutes les apparences du contraire et l'aigreur des esprits se maintenant à Londres comme à Berlin. Je crois que quand on sera arrivé à séparer la Russie et l'Angleterre, l'état des esprits changera très rapidement. Il est évident que, pour ceux qui désirent la rupture de cette entente, l'affaire Shuster est un puissant levier.

Je reviens à l'entretien d'avant-hier.

Toujours dans l'idée qu'il eut été plus heureux et plus profitable que le fond sérieux des choses — l'attitude de la Perse sous la direction de Mr. Shuster — eut pu être attaqué de front avec des exigences fixes une fois pour toutes et des délais plus longs, Sir Edward qualifia de malheureuses deux circonstances: surtout celle que les exigences principielles aujourd'hui posées, l'aient été progressivement et ensuite que cette progression aie pris son point de départ dans un incident pas de toute première importance et où il croyait que notre point de droit n'avait pas été irréfutablement établi.

Je n'ai pas pu ne pas relever le mot «malheureux» et j'ai repassé en revue la progression dont Sir Edward parlait. Il me dit: «Je sais parfaitement comment ces choses se passent et je vois très bien comment elles se sont passées; je les qualifie de malheureuses en ce sens qu'elle rendent plus difficiles l'accord manifeste et constant de nos gouvernements».

De même au sujet de la briéveté des délais je suis revenu sur la pression de plus en plus énergique de notre opinion publique, lasse d'atermoiements, de délais, de marche et contre-marche. Je vis Sir Edward très bien renseigné à ce sujet. En effet, Sir Arthur Nicolson me fit hier une lecture qui dépeint cette pression de notre opinion dans ses plus grands détails et avec grande précision et force. Sir Edward comprend parfaitement les sentiments de notre opinion publique, mais il n'en revient pas moins à la même conclusion.

Je ne voudrais pas étendre cette lettre, mais je crois devoir appeler l'atten-

---

[1] См. № 148.

tion de votre excellence sur une question dont Sir E. Grey fait mention avant hier pour la première fois. Il s'agit d'indemnité et de questions financières en général. Il me dit que, de toute évidence, le Trésor persan était complètement à sec et que, si nous exigions des payements immédiats qui engageraient ses dernières ressources, le résultat se ferait sentir sur toute la Perse qui, même dans un avenir prochain, ne pourrait songer à des dépenses nécessaires pour la sûreté, les voies de communication et la protection du commerce étranger, beaucoup plus nécessaire dans le Midi où règne le chaos, que dans le Nord où un ordre relatif existe, le tout au plus grand détriment du commerce anglais, aujourd'hui arrêté au profit probablement du commerce russe qui continue en sécurité dans le Nord.

Sir Edward a exprimé des réserves au sujet de cette question et l'espoir que la Russie userait d'assez de modération pour rendre possible, lors du prochain emprunt, l'administration — le peu qu'il en existe — et une amélioration que les intérêts du commerce anglais exigent dans le Midi. Sir E. Grey juge inévitablement nécessaire cet emprunt qui d'ailleurs n'offrira plus de difficultés quand, nos exigences acceptées par la Perse, un ordre de choses convenable aux deux Puissances y sera établi [1].

Pour terminer je me permettrai une dernière reflexion, à laquelle je crois me souvenir d'avoir déjà fait allusion. Téhéran se trouve dans notre sphère d'influence. Il ne s'en suit pas, je crois, en toute justice que nous puissions dans la capitale prendre indépendamment des mesures dont l'effet réagirait sur toute la Perse, y compris la sphère anglaise et même la sphère neutre. En tout cas je ne crois pas me tromper en disant que le gouvernement anglais objecterait à ce point de vue et à telle ou telle mesure qui en serait la conséquence.

Veuillez agréer, etc. Benckendorff.

Перевод:

Г. управляющий,

Мне не очень легко обрисовать вашему превосходительству все положение в целом в том виде, в каком оно представляется в Лондоне.

Речь, в которой сэр Э. Грей критиковал всю политическую обстановку, создавшуюся в результате последних событий в Европе и в Персии и в которой он сдержанно и с ясностью, характерной для его красноречия, скорее объяснял, чем защищал, свою политику, произвела глубокое впечатление,—впечатление, которое, впрочем, сохранилось еще и теперь.

В общем его несомненно поддерживает бо́льшая часть страны, и пресса, высказав почти единодушное одобрение его речи, не проявляет колебаний. Нельзя заметить ни одного выпада в крупных газетах, в которых, впрочем, статьям по внешней политике отводится ограниченное место, во всяком случае, значительно меньшее, чем то, которое предоставляется сообщениям корреспондентов. Таков обычай в Лондоне.

Однако уже во время заседания было видно, что речь министра имела полный успех у консервативной оппозиции в то время, как на скамьях, занимаемых правительственной партией, впечатление было несколько иное.

Либеральная партия всегда имела тенденцию к установлению миролюбивых отношений между Англией и Германией. Там нашли, что в своей речи сэр Э. Грей недостаточно считался с желаниями этой партии, и с этой стороны против него вскоре наметилась оппозиция, еле уловимая, но которая все же существует и обнаруживает тенденцию к возрастанию.

Авторитет сэра Э. Грея и его влияние в палате все же таковы, что указанные мной тенденции не имели бы последствий, если бы к ним не присоединилась оппозиция его политике в Персии, исходящая все от той же группы и которая, как таковая, сама по себе, отнюдь не была бы опасна.

Факт тот, что эта фракция ультрарадикальной партии была выведена из себя тем, что он изложил русскую точку зрения на положение в Персии. Это изложение, которого английское общественное мнение до сих пор нигде не встречало, которое пояснило и иллюстрировало вопрос и общее положение в глазах многих и убедило многих колебавшихся, в самом деле, произвело очень глубокое впечатление. От него ожидали, что он будет поддерживать русскую политику, но не ожидали, что он будет ее объяснять.

С этого времени сэр Э. Грей является постоянным объектом нападок со стороны этой партии, на голоса которой рассчитывает настоящий кабинет.

---

[1] У Siebert'а часть письма, начиная со слов: «Je n'ai pas pu» и кончая словами: «y sera établi» опущена.

К этой оппозиции немногочисленной, но энергичной присоединяется оппозиция более скрытая и более умеренная, но все же опасная для него, со стороны тех, которые, будучи рассеяны главным образом в либеральной партии, но не исключительно в этой партии, осуждают его за слишком решительную позицию по отношению к Германии.

В действительности, сэр Э. Грей, как он и сказал в своей речи, никоим образом не возражает против улучшения отношений с Германией. Он даже желает его, но он не хочет принести для этого в жертву оба согласия, а он убежден, что серьезное сближение с Германией возможно только этой ценой.

Как он сказал мне вчера с полной определенностью, хотя и весьма доверительно, он или сохранит эту политику, оставаясь у власти, или это приведет к его отставке. Вот почему, также сказал он мне, наша политика должна быть ясна для Англии. Он мне сказал еще, что если наше согласие устоит против серьезных затруднений, возникших при настоящем кризисе, Англия увидит в этом самый блестящий успех политики согласия в Персии, а следовательно и незыблемости отношений между двумя странами.

Но для того, чтобы заставить оппозицию замолчать, недостаточно, чтобы политика России была изложена до того дня, когда он произнес свою речь. Нужно, чтобы он мог изложить каждый этап ее. Этим, в сущности, вызвана его беседа со мной в субботу, позавчера. Вся эта беседа носила доверительный характер. Мы оба рассмотрели вопрос во всех деталях, из которых лишь часть была существенна; так как я просил его резюмировать свои соображения, он обещал мне письменно изложить сущность того, что он мне сказал. Это была доверительная памятная записка, которую я в тот же день передал по телеграфу вашему превосходительству на английском языке и которую я дополнил двумя телеграммами.

Мысль, что императорское правительство хочет посягнуть на целостность Персии или на ее независимость — несколько условную по отношению к двум державам,— не играла никакой роли в соображениях сэра Э. Грея. Но это, наверняка, тезис всякой оппозиции.

Несколько раз я уже отмечал, что он опасался возрастания наших требований, а каждый день приносил новые требования, способные поддерживать тревогу этой оппозиции, которая день ото дня приходит во все большее возбуждение, что угрожает вызвать его отставку, тогда как он прекрасно понимает, что уход его от власти в настоящий момент повлек бы за собой почти наверняка полную перемену политики и явился бы событием первостепенного значения, изменяющим направление английской политики. Вот что еще он сказал мне вчера.

Вот почему он повторяет свою просьбу к вашему превосходительству войти в его положение, — как он во время своей речи и после нее входил в положение России, — чтобы он мог опровергнуть ошибочные предсказания, пущенные в оборот в обществе и в палате и чтобы он был как можно лучше осведомлен относительно наших будущих требований и наших окончательных проектов, если мы должны дойти до Тегерана.

Вчера утром я видел у сэра А. Никольсона телеграмму от сэра Дж. Бьюкенена, в которой передавались заверения, что какие бы условия ни были поставлены Персии в будущем, они будут касаться вопросов чисто русских и имеющих значение лишь в русской сфере влияния. Я заметил сэру Артуру, что это заявление отрицательного характера имеет большую ценность и влечет за собой многие последствия. Сэр Артур мне ответил, что он не знает, ограничится ли этим наш план действий в том случае, если наши войска займут Тегеран.

В самом деле, это наиболее важный пункт. Вступление в Тегеран наших войск будет событием первостепенного значения и таким же будет впечатление, произведенное им.

Для поддержания согласия я считаю необходимым заявить английскому правительству, что даже в Тегеране мы будем действовать на основании конвенции, т. е., что, когда поставленные Персии условия будут ею приняты, целостность и независимость ее в том виде, в каком она мыслится обеими державами, будут неприкосновенны. В противном случае, что̀ бы он ни делал или что̀ бы он ни говорил, отставка сэра Э. Грея предрешена.

Если бы в его лице мы теряли только государственного человека, обладающего его достоинствами и его твердостью в проводимой им политике, это обстоятельство могло бы, в глазах императорского правительства, считаться второстепенным и не должно было бы, конечно, влиять на его решения. Но я считаю своим долгом повторить, что отставка Грея влечет за собой крушение системы.

Относительно же системы, которая за этим последует, у меня очень мало сомнений. В настоящее время подготовляется постепенное сближение с Германией. Подготовляемое вначале лишь частично, оно не преминет сделаться общим и исключительным. Таково, по крайней мере, мое твердое убеждение, несмотря на то, что внешние факты говорят обратное, и несмотря на натянутость отношений, существующих между Лондоном и Берлином. Я думаю, что, когда удастся разъединить Россию и Англию, состояние умов изменится очень быстро. Совершенно очевидно, что для тех, кто желает разрыва этого согласия, дело Шустера — мощный рычаг.

Я возвращаюсь к позавчерашней беседе.

Попрежнему полагая, что было бы лучше и выгоднее выбрать объектом своих действий самое существо вещей — позицию Персии под управлением Шустера,— поставив раз и навсегда определенные требования с предоставлением более длительного срока, сэр Э. Грей признает прискорбными два обстоятельства: в особенности то, что принципиальные требования, поставленные в настоящее время, постепенно возрастали,

и затем то, что это возрастание берет свое начало от инцидента, не имеющего первостепенного значения и в котором, как он полагает, наша правота не установлена бесспорно.

Я не мог не отметить слова «прискорбные», и я сделал обзор возраставших требований, о которых говорил сэр Эдуард. Он мне сказал: «Я очень хорошо знаю, как происходят такие события, и я очень хорошо представляю, как они происходили; я называю их прискорбными в том смысле, что они затрудняют явное и постоянное согласие двух правительств».

По поводу краткости сроков я также указал на все более и более энергичное давление нашего общественного мнения, которому наскучили отсрочки, сроки, меры и контрмеры. Я видел, что сэр Эдуард был очень хорошо осведомлен на этот счет. В самом деле, сэр Артур Никольсон прочел мне вчера статью, в которой описано это давление нашего общественного мнения с большой подробностью, с большой точностью и силой. Сэр Эдуард прекрасно понимает настроение нашего общественного мнения, но он тем не менее снова приходит к тому же заключению.

Я не хотел бы удлинять это письмо, но я считаю своим долгом обратить внимание вашего превосходительства на вопрос, о котором сэр Э. Грей упомянул позавчера в первый раз. Дело касается возмещения и вообще финансовых вопросов. Он мне сказал, что, по всей очевидности, персидская казна совершенно пуста и что если мы потребуем немедленной уплаты, на которую пойдут ее последние ресурсы, результаты этого отзовутся на всей Персии, которая даже в близком будущем не будет располагать средствами, необходимыми для поддержания безопасности, путей сообщения и ограждения интересов иностранной торговли, что является гораздо более необходимым на Юге, где царит беспорядок, чем на Севере, где некоторый порядок все-таки существует. Все это наносит величайший ущерб английской торговле, в настоящее время прекратившейся, отчего, вероятно, выигрывает русская торговля, продолжающаяся в безопасности в Северной Персии.

Сэр Эдуард высказал оговорки по этому вопросу и выразил надежду, что Россия проявит достаточную умеренность, чтобы сделать возможным, во время будущего займа, управление им — в той малой мере, в какой оно имеется — и улучшение, требуемое интересами английской торговли на Юге. Сэр Э. Грей считает неизбежным этот заем, с которым, впрочем, не будет больше затруднений, когда, по принятии Персией наших требований, там установится порядок вещей, приемлемый для обеих держав.

В заключение позволю себе высказать последнее соображение, о котором я, как мне кажется, уже упоминал. Тегеран находится в нашей сфере влияния. Но я думаю, что, по всей справедливости, из этого не следует, что мы можем самостоятельно принимать в столице такие меры, последствия которых могли бы сказаться на всей Персии, включая и английскую сферу влияния и даже нейтральную. Во всяком случае я не думаю ошибиться, сказав, что английское правительство будет возражать против такой точки зрения и против той или иной меры, которая была бы ее последствием.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 152. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 4 декабря/21 ноября 1911 г.

Строго доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Получив телеграмму вашего превосходительства за № 1915 [1], я не замедлил сообщить ее содержание министру иностранных дел. Маркиз ди Сан-Джулиано был весьма обрадован принятым вами решением; он боялся, что обращением к Италии державы могли дать Турции повод предполагать, что отказ от блокады Дарданелл последовал вследствие оказанного на Консульту давления. Официальное одностороннее предупреждение турецкого посла рассеяло окончательно его опасения. Он убедился, что Порта не будет иметь предлога истолковывать поведение держав в выгодном для себя смысле и не будет иметь повода рассчитывать, что своей пассивностью она может вынудить державы к действиям, которые явились бы собственно нарушением нейтралитета.

Чтобы бесповоротно исчерпать этот вопрос, я сказал министру, что помещу в «Corriera della Sera» маленькую заметку, которая, не называя императорского посольства, как источник, из которого сотрудник почерпнул передаваемые им сведения, все же указывала бы на официозный их ха-

[1] См. № 121.

рактер. Заметку эту при сем прилагаю [1]; если в ней отрицается наше обращение к Консульте, то в ней все же подчеркивается отсутствие надобности такого шага, ввиду того, что Италия является одной из участниц Лондонской декларации 1909 г. Дружными усилиями удалось повлиять на итальянскую печать, и весь инцидент миновал благополучно, не вызвав против России нападок, которым подверглась Австрия за ее выступление в целях исключения Адриатического и Ионического морей из сферы военных действий.

Я воспользовался упоминанием вашего превосходительства в телеграмме за № 1892 [2] обстоятельства, что г. Мелегари не счел возможным дать вам положительный ответ по вопросу об ограничениях, налагаемых 3-й статьей Лондонской конвенции, чтобы просить маркиза ди Сан-Джулиано, князя Скалеа и г. Боллати высказать мне взгляд Консульты на этот предмет. Министр иностранных дел сказал, что, по его мнению, настоящая минута является едва ли уместной для того, чтобы Италия, будучи одной из воюющих сторон, устанавливала свое толкование названной статьи. Все же, уступая моим просьбам, они обещали прислать мне до отъезда нынешнего курьера взгляд Консульты на ст. III Лондонского договора 1871 г., но до сих пор я еще не получил их ответа.

Князь Скалеа при этом поведал мне, что г. Джиолитти никогда не допустил бы блокады Дарданелл, независимо от толкования юридического положения Проливов, руководствуясь, как обычно, соображениями внутренней политики. За последнее время замечается сильное, беспримерное за истекшие 15 лет, повышение цен на зерновые продукты. Вздорожание предметов первой необходимости является одной из главных забот правительства в данную минуту. Угрозы закрытия Проливов было бы достаточно, чтобы спекулянты искусственно взвинтили цены.

Опасность эта была бы использована противоправительственными партиями для агитационных целей, и столь популярная в стране до сих пор война рисковала бы вызвать серьезное движение. Г. Боллати сказал моему великобританскому коллеге, что он искренне сожалеет о том, что в официальном сообщении агентства Стефани было упомянуто слово «attualmente», и объяснил его спешностью, с которой был составлен текст сообщения.

Примите и пр.

Кн. Долгорукий.

P. S. В минуту отправления курьера я узнал, что король Виктор-Эммануил, принимая в прощальной аудиенции румынского посланника г. Нану, коснулся вопроса о Проливах. Г. Нану первый заговорил о невыгодах для Румынии возможной блокады проливов. Король ответил ему, что о блокаде никто серьезно не помышлял. Если бы, однако, Италии понадобилось нанести решительный удар Турции, то технических к тому препятствий не встретилось бы. Не желая рисковать крупными единицами, у Италии имеется флотилия в 60 быстроходных, делающих до 25 миль в час, судов (миноносцев и контрминоносцев), которые имеют возможность легко прорваться через Дарданеллы. Затруднения встречаются только в области дипломатической. Потом, резко оборвав свою мысль, его величество перевел разговор на другой предмет.

Г. Нану — весьма порядочный человек, любитель и даже, как говорят, знаток искусства, но умственный горизонт его крайне ограничен. Он явится исключительно передаточной инстанцией, вероятно, для нас весьма желательной, так как он сильно поддается влиянию окружающей его среды.

Ut in litteris

Кн. Долгорукий.

---

[1] Приложение не воспроизводится.
[2] См. № 108.

№ 153. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

5 декабря/22 ноября 1911 г.

Приемлю смелость повергнуть при сем на всемилостивейшее благовоззрение вашего императорского величества личное письмо ко мне великобританского посла в С.-Петербурге от [3 декабря] 20 сего ноября по персидским делам [1].

В ответ на это письмо я при первом же свидании выскажу сэру Дж. Бьюкенену, что о направлении всего дела о конфликте нашем с персидским правительством мною незамедлительно докладывается вашему императорскому величеству и что решения наши всегда согласованы с общими указаниями, преподаваемыми вашим величеством.

Что касается дальнейших шагов наших в этом деле, то я уже высказал послу следующий свой взгляд. Войскам нашим потребуется некоторое время, чтобы дойти до Казвина, где они, кроме того, должны будут естественно иметь некоторый отдых. Это даст персам еще известное время на размышление и принятие, если они того пожелают, наших требований. Во всяком случае, начальнику отряда предписано не двигаться далее Казвина без особых указаний. Я добавил, однако, тут же, что эти предположения могут и не оправдаться, если какие-либо события в Тегеране вынудили бы нас ускорить прибытие наших войск в этот город.

На вопрос о возможности предъявления нами новых требований я ответил, что таковые могли бы касаться лишь предметов, относящихся к специальным интересам России в нашей сфере влияния, как, например, вопросы о железнодорожном строительстве в Северной Персии, об учреждении в Тавризе вооруженной силы под нашим контролем, в видах отозвания оттуда нашего отряда и т. п. Само собою разумеется, что никаких требований общеполитического характера, затрагивающих так или иначе англо-русскую конвенцию, мы без предварительного соглашения с лондонским кабинетом предъявлять бы не стали [2].

Докладывая об изложенном, приемлю смелость испрашивать указаний, не будет ли вашему императорскому величеству благоугодно соизволить на то, чтобы я высказал великобританскому послу, что ваше величество с удовольствием осведомились о желании лондонского кабинета придерживаться попрежнему взаимно согласованного с нами образа действий в персидских делах, невзирая на затруднительное положение, в которое это желание нередко ставит великобританского министра иностранных дел по отношению к оппозиционной части английского общественного мнения [3].

Нератов.

Верно.
Ливадия, [9 декабря] 26 ноября 1911 г.

---

[1] В письме от 3 дек./20 ноября Бьюкенен сообщал о выраженной Греем надежде, что Нератов будет держать Николая II в курсе персидских дел; Грей, по его словам, придает большое значение тому, чтобы Николай II знал о тех серьезных последствиях, которые могут иметь настоящие события в Персии для иностранной политики обоих прав-в в целом и для англо-русского согласия, в частности, если эти события примут слишком резкий оборот; по мнению Грея, очень важно, сообщал далее Бьюкенен, чтобы к занятию Тегерана российское правительство приступило лишь в крайнем случае и чтобы оно не предъявляло новых требований, превосходящих по своему значению уже предъявленные. Грей надеется, что «до предъявления новых требований российское правительство предварительно обсудит их с лондонским кабинетом; он опасается, что в противном случае не сможет защищать перед палатой общин эти требования, как несогласные с англо-русским соглашением, что имело бы печальные последствия для политики обоих правительств».

[2] См. № 148.

[3] Тел. от 3 дек./20 ноября без номера (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Бьюкенен, сообщая Грею о выполнении его поручения (см. прим. 1), высказывал следующие соображения: «Считаю, что было бы трудно получить более категорические и связывающие заверения, чем те, которые я передал вчера для оглашения в парламенте [см. стр. 130, прим. 3]. Ввиду того, что в результате последовавшего отказа

№ 154. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1958 [1]. 5 декабря/22 ноября 1911 г.

Для министра [2].

После отклонения меджлисом наших новых требований, положение в Тегеране стало тревожным. Несколько убийств лиц, считавшихся нашими сторонниками, дают повод опасаться дальнейших эксцессов, от которых могут пострадать наши и иностранные подданные и учреждения. Казачья бригада и бахтиары стараются поддерживать порядок, но на последних, повидимому, вполне рассчитывать нельзя, а бригада слаба. Отставка последнего кабинета, сочувствовавшего подчинению нашим требованиям и в коем участвуют бахтиары, регентом не принята. Со времени исполнения первых наших требований Поклевский, видимо, возобновил деловые сношения с министром иностранных дел. Правительство, однако, нерешительно и пока ничего не предпринимает против меджлиса, самовольно продлившего свои полномочия. Последний, очевидно, от своих взглядов не отступится, а потому представляется весьма вероятным, что нам придется ввести войска в Тегеран.

Англичанам последнее не желательно. Они просят нас не спешить с этой мерой. Им сказано, что отряд наш сосредоточится к [13 декабря] 30 ноября в Казвине, где будет ждать дальнейших приказаний. Это даст персам еще время на размышление. Однако положение дел в Тегеране может вынудить нас двинуть войска немедленно далее.

Требования наши пока сводятся к трем пунктам: 1) увольнение Шустера и Лекофра и урегулирование положения других ставленников Шустера согласно п. 2; 2) обязательство не приглашать на персидскую службу иностранцев без согласия обеих миссий; 3) возмещение расходов нашей экспедиции. В ультимативной ноте высказано было, кроме того, что наша цель — устранить причину трений между нами и Персией и создать почву, на которой могли бы быть установлены прочные дружественные отношения и получили бы быстрое разрешение незаконченные дела и вопросы. Мы имели при этом в виду разрешение путем нормальных дипломатических переговоров таких вопросов, как железнодорожный в нашей зоне, судоходство по Урмийскому озеру, сформирование в Тавризе воинской части под нашим контролем, что дало бы нам возможность отозвать Тавризский отряд, и тому подобное.

В случае оказания нашим войскам сопротивления и кровопролития, представится, быть может, нужным облечь эти вопросы в новые требования. Об этом сообщено англичанам, с указанием, что все это касается лишь специально наших интересов в нашей сфере влияния и что никаких требований общеполитического характера, могущих затронуть англо-русскую конвенцию, мы без предварительного соглашения с ними предъявлять не будем [3]. К вопросам такого характера относятся, например, весьма желательные:

принять русский ультиматум дела зашли слишком далеко, я сомневаюсь, должен ли я, согласно вашего требования, просить у г. Нератова дать мне письменные заверения». Бьюкенен считал целесообразным, чтобы после заявления в парламенте Грей прислал ему текст этого заявления для ознакомления с ним Нератова. Тогда последний сможет вторично подтвердить свои заверения, что будет достаточной гарантией их выполнения. Далее Бьюкенен указывал: «Мы не можем, однако, предотвратить опасность давления военных кругов на императора. Имеется еще путь — это обращение к российскому правительству с официальной нотой, в которой будут изложены заверения и требование официально их подтвердить. Однако это может быть расценено как проявление недоверия».

[1] Опубл. Stieve, I, S. 186, № 165.

[2] Сазонов находился проездом из Виши в Париже (с 6 декабря/23 ноября по 10 декабря/27 ноября), где он имел ряд совещаний с франц. государственными деятелями, а также с Извольским и с вызванным из Лондона для этой цели Бенкендорфом.

[3] См. № 148.

усиление власти правительства, обновление состава меджлиса путем правильных выборов и созвание полагающегося по закону сената [1].

В последнее время бахтиары вступили в переговоры с обеими миссиями [2]. Они настроены против Шустера и меджлиса и, как бы ни повернулись события, они желали бы быть обеспеченными, что они впоследствии не подвергнутся гонениям. По соглашению с англичанами, заверения в последнем смысле им даны, но относительно их действий против меджлиса и тому подобных им сказано, что оба правительства в такие внутренние персидские дела вмешиваться не могут. Сейчас бахтиары вместе с казачьей бригадой поддерживают порядок в Тегеране. По приезде их вождя Сердара-Асада, который уже на пути туда из Решта, бахтиары, верно, примут окончательное решение. Возможна попытка Асада завладеть престолом. Ввиду гарантирования нами совместно с Англией престолонаследия в династии Каджаров, а также ввиду давнишней тесной связи бахтиаров с англичанами, такой переворот был бы для нас весьма нежелательным. Кроме того, с ним не примирились бы другие кочевники, особенно могущественные кашкайцы, и анархия в Персии только еще бы возросла.

Определить вперед наш образ действий, в случае вступления наших войск в Тегеран, теперь трудно. По всей вероятности придется назначить правительство, которое уволило бы Шустера, распустило бы при нашем содействии меджлис и водворило бы порядок. Все будет, конечно, зависеть от обстоятельств.

Нератов.

№ 155. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1959 [3]. 5 декабря/22 ноября 1911 г.

Для министра.

Великобританское правительство неоднократно уже осведомлялось о наших намерениях относительно Мохамеда-Али и давало нам понять, что оно не могло бы признать бывшего шаха, если бы он воспользовался присутствием наших войск в Персии, чтобы вернуть себе престол. Мы неизменно отвечали на это заверениями, что не связываем наших нынешних военных мероприятий с судьбой бывшего шаха.

Сегодня Бьюкенен заявил мне, по поручению Грея, что последний отныне, под риском отставки, совершенно не считает возможным признать Мохамед-Али при каких бы то ни было обстоятельствах; русское же признание бывшего шаха в глазах английского общественного мнения и палат повлекло бы за собой уничтожение англо-русского согласия. Посол добавил, что Грей желал бы, заручившись нашим согласием, заявить в парламенте, что оба правительства решили не признавать ни в каком случае бывшего шаха.

Я ответил послу, что могу заверить Грея в полном отсутствии у нас намерения способствовать реставрации Мохамеда-Али и готов формально обещать ему, что мы не признаем его шахом, пока экспедиционный отряд наш будет в Персии, без предварительного соглашения с Англией. Я добавил, что нами даже сделано уже в этом смысле предупреждение шаху. Но дальше этого я считаю невозможным итти. Мы не можем теперь же обязаться не признавать его, если он когда-нибудь самостоятельно вернет себе престол и будет признан народом, который, может быть, придет к сознанию, что лишь этим путем порядок в стране может быть восстановлен. Я пояснил при этом, что говорю это для личного сведения Грея, а не для провозглашения с трибуны.

---

[1] Далее зачеркнуто: «Англичан явно беспокоит мысль, что мы поможем Мохамед-Али вернуть престол. Они заявляют, что в таком случае не признают его. Мы на это неизменно отвечаем, что наши действия в Персии ничего общего с судьбой бывшего шаха не имеют».

[2] См. № 57.

[3] Опубл. Stieve, I, S. 188, № 166.

Бьюкенен тем не менее просил меня еще обдумать предложение Грея и подыскать по возможности формулу для заявления в парламенте, которое произвело бы самое успокоительное впечатление на английское общественное мнение. Посол добавил от имени Грея, что в таком случае великобританское правительство готово было бы оказать нам самую широкую поддержку в смысле налаживания наших отношений с Персией, в частности образования благоприятного нам правительства и даже выбора подходящего для нас регента. Эти последние слова были оставлены мной без ответа.

В предвидении того, что Бьюкенен вернется к этому вопросу, мы обдумываем формулу, которую можно было бы предложить Грею и которую мы представим предварительно на благовоззрение государя [1].

Нератов.

№ 156. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 5 декабря/22 ноября 1911 г.

Cher Анатолий Анатольевич,

Je vous remercie sincèrement des aimables paroles que vous m'adressez à la fin de votre lettre du [30] 17 [2]. Je me fais parfois reproche de n'être pas venu à Pétersbourg causer avec vous et le président du Conseil. Mais si j'étais venu il y a quelques semaines, nous n'aurions pas pu prévoir tout ce qui arrive, depuis les événements ont marché trop vite. Votre lettre même le prouve, elle n'a que cinq jours de date. Que de choses depuis. Je vous ai beaucoup télégraphié, et j'écris tout ce que je pense. Je n'aurais donc que peu à ajouter, n'était que votre lettre même met précisément le doigt sur la difficulté, la seule en réalité, qui me paraît dangereuse et fort dangereuse. Cette lettre m'indique que pour le but et le principe nous sommes parfaitement d'accord avec le gouvernement anglais et avec Grey. Mais nous jugeons différemment sur les moyens, plutôt les procédés. Il y a un peu plus à quoi je reviendrais plus tard.

Vous citez, par exemple, le point de vue psychologique de 48 h[eures] [3]. Rien ne pourrait mieux faire comprendre votre mobile, que ce terme. Mais le point de vue de Grey psychologique l'amenait à de tout à fait autres conclusions. Selon lui ce terme tout à fait insuffisant pour donner le temps au gouvernement persan de se retourner devrait plutôt leur inspirer que de céder était inutile et que notre décision était prise, faisant ainsi le jeu de ceux qui n'ont rien à perdre à voir la catastrophe arriver et tout à gagner à voir la Russie et l'Angleterre se brouiller. C'est à dire un américain de hasard et un medjliss parfaitement irresponsable. De fait c'est un peu ce qui est arrivé. Les passions ont pris le dessus. Et comme Grey l'a prévu, ils refusent tout, et nous mettent en situation extrêmement difficile. De même l'entrée à Téhéran. Ce n' est pas qu'il redoute particulièrement de voir dans cette ville l'uniforme russe. Ce qu'il redoute c'est l'inconnu, la difficulté extrême de faire un programme d'action parce qu'on ne peut absolument pas prévoir quelle sera la situation une fois que nous serons là, ni surtout quand il nous sera possible de nous retirer [4]. Il est aussi contraire à la progression des exigences. Pour l'argent, il fait ses réserves concernant uniquement l'intérêt anglais. Mais au point de vue commun il dit: vous posez un ultimatum. La Perse accepte.

---

[1] См. приложение к № 189.

[2] Указанное письмо Нератова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[3] См. № 104.

[4] В Арх. Вн. Пол. в деле П. ст. 594б имеется записка м-ва ин. дел от 12 дек/29 ноября, в которой, между прочим, было записано следующее: «Россия далека была от желания прибегать в отношении Персии к таким серьезным мерам, как например, занятие ее столицы русскими войсками, и даже теперь экспедиционный отряд находится еще вдали от Тегерана, давая тем самым персам еще возможность одуматься. По нашим сведениям, сосредоточивающиеся ныне в Каввине войска двинутся дальше не ранее как дней через восемь, если, конечно, какие-либо чрезвычайные события не вынудят русского посланника в Тегеране вызвать туда отряд ранее означенного

Il paraîtrait que c'est fini. Pas du tout, cela est plein d'exigences nouvelles, qui remettent tout en question. Et c'est ce qu'il prévoit pour la prochaine fois encore. Avec le résultat que la Perse toute infime qu'elle est, n'y croit plus. L'instinct de la conservation ne la pousse plus à céder. Il y a quelques jours j'ai demandé à Grey: mais qu'auriez vous fait? Il m'a répondu, j'y ai bien pensé. J'aurai rassemblé vos forces considérables à Recht. De là j'aurais formulé mes exigences capitales, tel que le séjour de Shuster. Je les aurai formulées définitivement, en écartant les questions mineures. Je n'aurai pas fixé de terme. J'aurais attendu un temps raisonnable, et après un ultimatum d'au moins une semaine. Selon Grey ce procédé lent et de modération manifeste, en aurait imposé beaucoup plus, et rendu à Téhéran l'appui anglais infiniment plus efficace. Grey croit que la raison serait venue et qu'ils auraient cédé. Il ne voit que peu de chances à ce qu'ils cèdent aujourd'hui. Malgré son action très énergique, tout d'abord ici à Londres où de suite il a fait venir le ministre de Perse, et puis à Téhéran, comme Poklewsky le télégraphie depuis. Maintenant comme vous il compte surtout sur un переворот Bachtiar. Mais le croit rendu plus difficile, vu l'effervescence de la populace et plus de difficultés matérielles.

Mais il y a certainement plus. Indubitablement l'opposition contre lui grandit et s'étend. Son discours acclamé par les conservateurs surtout avait en effet tout écrasé et remis l'équilibre. Mais depuis une bonne dose de méfiance sur nos intentions finales. Elle est nourrie, non pas par la presse, bonne au... [1] très prudente, mais par les correspondants locaux, tous pris de la fièvre locale et mauvaise, elle est nourrie surtout par l'opinion sincère ou feinte de la presse étrangère. Elle établit comme fait acquis que nous allons au partage et à la conquête et que Grey se laisse duper. Cette opinion grandit à vue d'œil. Et met très certainement la position de Grey en danger constant. Quand il défend notre politique, et il ne fait que cela, l'argument est «Où sont vos preuves, avez vous en main les déclarations explicites de la Russie, connaissez-vous son programme, en ce cas quel est-il? Pourquoi du mystère?». Mon opinion est qu'il ne faut pas qu'il puisse rester à court, je dirai plus — le prestige de notre parole et de notre bonne foi exige qu'il ne reste pas à court. Coopération présuppose concert. S'il n'y a plus de concert, si même il s'avançait sans preuve en main, on ne lui croira pas. L'argument est simple, si la Russie se tait c'est qu'elle ne veut pas annoncer ses réels projets. Il n'y a pas à faire trop d'illusions: nous avons mis, et c'est, pardonnez moi de vous le dire, ce à quoi on n'a pas assez pensé à Pétersbourg, nous avons mis certaines apparences contre nous. Nous avons été péremptoires, mais pas catégoriques. C'est le contraire qu'il fallait. La progression d'exigences, dont j'ai parlé est une de ces apparences, le doute sur les exigences ultérieures en est une autre, et puis l'occasion de début, l'incident Shoa-es-Saltaneh pas assez clair, ni peut être assez important en lui même pour mouvoir l'armée. C'est à ces faits que Grey applique les termes de «unfortunate», qui m'a fait regimber, mais c'était bien là son idée, qui complétée signifie: cela ne me rend pas la tâche plus facile.

Je comprends très bien et il me semble même évident, que du terrain de Pétersbourg il est difficile de ce rendre compte de tout ce côté là de la question et de la position de Grey extraordinairement difficile. N'oubliez pas la diplomatie étrangère qui jubile et d'après le procédé jesuitique ordinaire proclame arrivé déjà ce qu'elle désire le plus au monde — une rupture entre la Russie et l'Angleterre.

Je vous l'ai télégraphié hier [2], je ne vois qu'un seul moyen et je ne vois pas au monde, pourquoi nous n'y aurions pas recours, user avec l'Angleterre

срока. Вообще самая посылка войск в Персию была мера, к которой русское правительство приступило безо всякой охоты, лишь будучи вынужденным к тому обстоятельствами, и, конечно, как это уже неоднократно было отмечено, без какого-либо намерения нарушить целость и независимость своей соседки, с которой она уже без малого столетие мирно уживается бок-о-бок».

[1] Слово не разборчиво.

[2] См. № 150.

de confiance complète. Elle le mérite, en ce qu'elle a déjà fait. Avec la confiance que Grey et le gouvernement nous manifeste, elle le mérite pour la fermeté que ce gouvernement anglais met à tout ce qu'il fait. Le Maroc en est un fier exemple et, je crois, doit être de nature à nous inspirer confiance. Il y a des points obscurs, je le sais, mais alors pourquoi ne pas se concerter? Le fait me semble clair, les deux plus grandes Puissances du monde sont liées par une convention, qui dit convention, dit coopération, toujours admise d'ailleurs, qui dit coopération admet concert préalable, pour les situations les plus difficiles, et à celles qui ne sont pas à prévoir, il y a des principes à établir, en ce cas la convention même.

Il n'y a pas à dire si l'entente survit à cette crise elle en sera la justification la plus manifeste, et doit faire taire toute opposition radicale ou autre.

Laissez moi rappeler à votre mémoire que l'an dernier j'ai rendu compte, je ne sais plus sous quelle forme d'un entretien privé avec lord Curzon. Il doit parler jeudi [1] à la Chambre des Lords. Je redoute un peu ce discours. Il m'a dit: «J'ai fait opposition à la convention, non pas parce que je serais contrarié à une convention avec la Russie, au contraire, mais j'ai trouvé que les termes de la convention actuelle sont trop en notre défaveur». Pourtant, si la convention telle qu'elle est, se montre viable, je retire toute mon opposition et en deviendrai partisan.

Dans le cas actuel, il me semble, que nous devons faire un effort de plus, pour la conserver viable, dans le sens d'une politique carte sur table. Cet effort l'Angleterre l'a fait publiquement à Londres, diplomatiquement, mais tout aussi publiquement à Téhéran. Remarquez que le cas de la Russie a été fermement établi ici au Parlement par le ministre des affaires étrangères. En Russie, le cas de l'Angleterre est inconnu du public. Je sens que nos institutions n'y prêtent pas. Mais peut-être aurait on pu faire usage plus large de la «Россия» très suffisamment officielle.

Il y a encore un avantage tout spécial à consolider les choses, à l'occasion de la Perse. Aucune autre Puissance ne s'en peut sentir, ni lesée, ni négligée, ni froissée, c'est un cas qui regarde la Russie et l'Angleterre seule. Ceci me paraît très important et tout à notre avantage surtout. Sur la question des Dardanelles (vaisseaux de commerce neutres) vous pouvez compter sur l'Angleterre. Elle a craint de froisser l'Italie, et le danger ne me semble plus pressant. L'Italie et la Turquie savent à qui s'en tenir. Mais Grey m'a dit, que l'intérêt anglais, du commerce neutre, si fréquemment transporté sous pavillon marchand anglais, ne lui permettrait pas d'admettre la fermeture des Détroits, ni un blocus absolu.

Je remettrai tout de suite le mémorandum sur la réponse de l'empereur au Dalai-Lhama [2], je n'y vois aucun inconvénient, et dirai que la lettre sera remise après le départ du roi.

Une autre considération, qui doit avoir quelque poids chez nous. Il est trop important de calmer l'effervescence chiite musulmane aux Indes. Elle commence, juste au moment où le roi y est. Elle s'attaque à une nouvelle diminution de territoire musulman. C'est délicat. — Il y a aussi l'argument que j'entends développer entre diplomates. La France a le Maroc, l'Allemagne — un morceau du Congo, l'Italie — Tripoli, la Russie prend un morceau de Perse. On vous déroule cela comme une évidence, et cela nourrit les appréhensions ici.

Mille excuses de cette lettre écrite tout à fait au courant de la plume. Je pars demain matin pour Paris, où notre chef m'invite [3].

Merci encore une fois de vos bonnes paroles. Croyez les très sincèrement réciproques. Mille compliments très sincères.

Benckendorff.

---

[1] 7 дек./25 ноября.
[2] См. № 69.
[3] См. стр. 140, прим. 2.

J'espère que vous ne m'en voudrez pas d'avoir agi comme je l'ai fait à la suite de votre télégramme № 1950 [1]. Ce télégramme est exactement ce qui fallait pour soulager une situation qui se complique tous les jours. Le gros du parti radical et quelques autres députés des autres partis, attaquent Grey pour toute la politique de la Triple Entente. Cela se résume à peu près comme suit. Cette Triple Entente a valu à la France le Maroc, à l'Italie Tripoli, à l'Allemagne une partie du Congo, à la Russie le Nord de la Perse (comme fait accompli) et à l'Angleterre un surcroît de dépenses pour sa flotte. C'est pourquoi la Perse est devenu le pivot du tout.

Перевод.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Искренно благодарю вас за любезные слова, с которыми вы обращаетесь ко мне в конце вашего письма от [30]17. Я иногда упрекаю себя за то, что не приехал в Петербург поговорить с вами и с председателем совета министров. Но если бы я приехал несколько недель тому назад, то мы не могли бы предусмотреть все то, что случилось: события с тех пор шли слишком быстро. Самое ваше письмо доказывает это, оно написано только пять дней тому назад. Сколько событий с тех пор. Я много вам телеграфировал и пишу все, что думаю. Мне поэтому оставалось бы лишь мало добавить, не будь вашего письма, которое как раз касается трудности, в сущности единственной, но кажущейся мне опасной, и очень опасной. Это письмо показывает мне, что относительно цели и принципа мы совершенно согласны с английским правительством и с Греем. Но мы судим различно о средствах, скорее — о способах. Есть нечто большее, к чему я вернусь позднее.

Вы ссылаетесь, например, на психологическое значение 48 часов. Ничто не могло бы лучше дать понять ваши мотивы, как этот срок. Но психологическая точка зрения Грея приводила его совсем к другим выводам. По его мнению, этот срок, совершенно недостаточный для того, чтобы дать персидскому правительству время обернуться, должен скорее внушить им, что уступать бесполезно и что решение нами принято; таким образом [мы] сыграли бы на-руку тем, кто ничего не может потерять от наступления катастрофы и все может выиграть от ссоры между Россией и Англией. Иными словами — случайному американцу и совершенно безответственному меджлису. Фактически это отчасти то, что и случилось. Страсти взяли верх. И, как Грей предвидел, они во всем отказывают и ставят нас в крайне трудное положение. То же самое со вступлением в Тегеран. Дело не в том, что он особенно опасается появления в этом городе русских мундиров. Чего он боится — это неизвестности, крайней затруднительности установить программу действий, так как совершенно нельзя предвидеть, какое создастся положение, когда мы будем там, и в особенности — когда мы будем иметь возможность уйти оттуда. Он также против повышения требований. Что касается денег, то он делает свои оговорки исключительно в отношении английских интересов. Но с общей точки зрения он говорит: вы предъявляете ультиматум. Персия принимает его. Казалось бы, дело кончено. Вовсе нет, появляется масса новых требований, ставящих снова все под вопрос. И именно это он предвидит еще для следующего раза. В результате Персия, как она ни ничтожна, уже не верит этому. Инстинкт самосохранения больше не толкает ее на уступки. Несколько дней тому назад я спросил Грея: но что́ бы вы сделали? Он ответил: я хорошо обдумал это. Я собрал бы ваши значительные силы в Реште; оттуда я заявил бы свои главные требования, как например, по поводу пребывания Шустера. Я заявил бы их в окончательной форме, устранив второстепенные вопросы. Я не назначал бы срока. Я подождал бы разумное время, а затем — ультиматум по меньшей мере с недельным сроком. По мнению Грея, этот медленный и явно умеренный способ действий произвел бы гораздо большее впечатление и сделал бы английскую поддержку в Тегеране бесконечно более действенной. Грей полагает, что они одумались бы и уступили. Он видит мало шансов на то, чтобы они уступили теперь. Несмотря на его очень энергичные действия, сперва здесь в Лондоне, где он сейчас же призвал персидского посланника, и затем в Тегеране, как позднее телеграфировал Поклевский. Теперь, как и вы, он рассчитывает главным образом на бахтиарский переворот. Он, однако, считает, что это стало более трудным ввиду возбужденного состояния черни, а также материальных затруднений.

Но, конечно, есть нечто большее. Несомненно, что оппозиция против него растет и ширится. Его речь, которую приветствовали главным образом консерваторы, действительно все подавила и восстановила равновесие. Но с тех пор значительная доля недоверия к нашим конечным намерениям. Оно питается не прессой... очень осторожной, а местными корреспондентами, находящимися всегда в состоянии местной и вредной лихорадки, особенно же оно питается мнением — искренним или притворным — иностранной прессы. Она утверждает, как о совершившемся факте, что мы идем к разделу и завоеванию, и что Грей дает себя морочить. Это мнение растет на наших глазах. И вполне определенно ставит положение Грея под постоянную угрозу. Когда он защищает нашу политику, а он только это и делает, аргументом является следующее: «где ваши доказательства, имеете ли вы в руках определенные заявления

[1] Очевидно, ошибка. Тел. за № 1950 посвящена вопросу о Стоксе. Имеется в виду тел. № 1951 (см. № 148).

России, знаете ли вы ее программу и в этом случае, в чем она заключается? Зачем тайны?». По моему мнению, не следует, чтобы он оставался без ответа, скажу больше — престиж нашего слова и нашей добросовестности требует, чтобы он не оставался без ответа. Сотрудничество предполагает согласованность. Если больше нет согласованности, если даже он пойдет дальше, не имея в руках доказательств, то ему не поверят. Аргумент прост: если Россия молчит, значит, она не хочет объявить своих настоящих планов. Не надо делать себе излишних иллюзий; мы создали, и это — простите, что я вам это говорю — то, о чем недостаточно подумали в Петербурге, мы создали некоторые видимости против себя. Мы вели себя повелительно, но не были категоричны. Надо было обратное. Повышение требований, о котором я говорил, является одной из таких видимостей, сомнение насчет наших дальнейших требований является другой, а затем — начальный повод — инцидент с Шоа-эс-Солтане — недостаточно ясен, а также не может быть достаточно важен сам по себе, чтобы привести в движение армию. К этим фактам Грей и применяет выражение «прискорбные», заставившее меня дать отпор; именно такова была его мысль, в дополненном виде означающая: это мне не облегчает мою задачу.

Я очень хорошо понимаю, и мне даже кажется очевидным, что из Петербурга нелегко отдать себе отчет во всей этой стороне вопроса и в чрезвычайно трудном положении Грея. Не забывайте об иностранной дипломатии, которая торжествует и, по обычной иезуитской манере, объявляет уже о наступлении того, чего она желает больше всего на свете — разрыва между Россией и Англией.

Я вам телеграфировал об этом вчера, я вижу лишь одно средство — и не понимаю, почему нам не прибегнуть к нему, — состоящее в поддержании полного доверия между нами и Англией. Она заслуживает этого тем, что уже сделала. При том доверии, какое проявляют к нам Грей и правительство, она заслуживает этого той твердостью, какую нынешнее английское правительство вкладывает во все то, что оно делает. Марокко является блестящим примером, который, мне кажется, способен внушить нам доверие. Имеются темные пункты, я это знаю, но тогда почему же не сговориться? Дело мне представляется ясным: две самые крупные в мире державы связаны конвенцией, а кто говорит «конвенция», говорит «сотрудничество», к тому же всегда признававшееся, и кто говорит «сотрудничество», тот допускает предварительную договоренность по самым трудным положениям, а по тем, которых нельзя предвидеть, следует установить принципы, в этом случае сама конвенция.

Нечего и говорить, если согласие переживет этот кризис, оно будет самым явным оправданием этого и заставит замолчать всякую радикальную или иную оппозицию.

Позвольте воскресить в вашей памяти, что в прошлом году, не помню уже в какой форме, я доносил о частной беседе с лордом Керзоном. В четверг он должен говорить в палате лордов. Я немного опасаюсь этой речи. Он сказал мне: «Я возражал против конвенции не потому, что я против соглашения с Россией, наоборот, но я находил, что условия нынешней конвенции слишком невыгодны для нас. Тем не менее, если конвенция, как она существует, окажется жизнеспособной, я беру назад все свои возражения и стану ее сторонником».

В настоящем случае мне кажется, что мы должны сделать еще одно усилие для сохранения ее жизнеспособности в смысле политики «карты на стол». Англия публично сделала это усилие в Лондоне, в дипломатическом порядке, но столь же публично и в Тегеране. Заметьте, что точка зрения России была твердо установлена здесь, в парламенте, министром иностранных дел. В России точка зрения Англии неизвестна публике. Я чувствую, что наши органы не благоприятствуют этому. Но, быть может, можно было бы шире использовать «Россию», которая в достаточной степени официальна.

Имеется еще одна совершенно особая выгода укрепить положение, пользуясь, как поводом, Персией. Никакая другая держава не может чувствовать себя ни затронутой, ни игнорируемой, ни обиженной; это есть дело, касающееся только России и Англии. Это кажется мне очень важным и, главное, всецело для нас выгодным. По вопросу о Дарданеллах (нейтральные торговые суда) вы можете рассчитывать на Англию. Она побоялась затронуть Италию, и опасность мне больше уже не представляется угрожающей. Италия и Турция знают, чем им руководиться. Но Грей сказал мне, что английские интересы, интересы нейтральной торговли, столь часто пользующейся английским торговым флагом, не позволят ему допустить ни закрытия проливов, ни абсолютной блокады.

Я тотчас же вручу меморандум об ответе императора далай-ламе, не вижу в этом ничего неудобного и скажу, что письмо будет передано после отъезда короля.

Еще одно соображение, которое должно иметь некоторый вес у нас. Чрезвычайно важно успокоить возбуждение мусульман-шиитов в Индии. Оно начинается как раз в тот момент, когда там находится король. Оно направлено против нового сокращения мусульманской территории. Это — щекотливое дело. Есть еще аргумент, который мне пришлось слышать среди дипломатов. Франция имеет Марокко, Германия — кусок Конго, Италия — Триполи, Россия берет кусок Персии. Развивают это, как очевидную истину, и это питает здесь беспокойство.

Тысяча извинений за это письмо, написанное совершенно без подготовки. Завтра утром я уезжаю в Париж, куда меня приглашает наш начальник.

Еще раз благодарю вас за добрые слова. Прошу вас верить искренней взаимности. Тысяча искренних приветствий.

Бенкендорф.

Надеюсь, что вы не недовольны мною за то, как я поступил во исполнение вашей телеграммы № 1950. Эта телеграмма была как раз тем, что нужно было для облегчения положения, осложняющегося с каждым днем. Большинство радикальной партии и некоторые другие депутаты из других партий нападают на Грея за всю политику Тройственного согласия. Это сводится приблизительно к следующему. Это Тройственное согласие дало Франции Марокко, Германии — часть Конго, России — Северную Персию (как совершившийся факт), Англии же — дополнительные расходы на ее флот. Поэтому Персия и стала осью всего.

№ 157. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 5 декабря/22 ноября 1911 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Последние дни в Консульте находились под торжествующим впечатлением отставки австрийского начальника генерального штаба [1]. Князь Скалеа сказал мне, что «удаление барона Конрада последовало по требованию итальянского правительства. Австрия не могла нам отказать в доказательстве, что агрессивная политика генерала Конрада не разделяется его правительством, после того, что, уступая желанию союзниц, мы ограничили свободу своих действий в Адриатическом и Ионическом морях. Не желая, однако, компрометировать графа Эренталя и возбуждать полемику, которая может только послужить к взаимному ожесточению, я отдал приказание печати не подчеркивать угодного нам значения сказанной меры. Не знаю. впрочем, подчинятся ли газеты моим указаниям». Князь Скалеа воспользовался данным случаем, чтобы отдать дань постоянной доброжелательности графа Эренталя, не изменившейся ни минуты за последний год. Осенью 1910 г. при его посещении Италии австро-венгерский министр иностранных дел настойчиво твердил кн. Скалеа, что для Италии и Австрии не существует возможности иных отношений, как тесный союз или открытая вражда. Граф Эренталь на деле доказал, что с своей стороны он прилагает все усилия к тому, чтобы восторжествовало первое течение. Нет счета доказательствам верности,с которой граф Эренталь проводил свою программу; так, например, речь барона Гауча, которая произвела столь благоприятное впечатление на Италию (см. мое донесение за № 42 [2]), была сообщена Консульте на просмотр, до произнесения ее австро-венгерским премьером [3] и т. д. «Однако союз с Австрией может быть выгодным для Италии в отношении Балканского полуострова, только если в нем участвует Россия», добавил князь Скалеа, возвращаясь к мысли г. Титтони, высказанной последним еще в 1908 г. Не без некоторого колебания спросил он меня затем, известно ли мне что-либо о собственноручном письме императора Франца-Иосифа, посланном государю императору с (?) [4] гр. Берхтольдом. В этом письме Австрия будто бы предлагает России вернуться к Мюрцштегскому соглашению. Я хотел успокоить князя Скалеа и уверить его, что, верные нашему обещанию, мы не заключим никаких новых соглашений о Балканах без участия Италии, но, не имея указаний императорского правительства по сему предмету, я ограничился признанием, что я ничего не знаю о посылке в Петербург кабинетного письма. К тому же мне казалось, что не было никакого основания спешить с возобновлениями уверений в искренности нашего отношения к соглашению, которое, насколько касается нас, только-что облегчило Италии доступ в Триполи.

Примите и пр. Кн. Долгорукий.

[1] Отставка Конрада состоялась 30/17 ноября 1911 г. Ср. № 171.

[2] В донесении от 31/18 окт. за № 42 Долгорукий писал Нератову о чрезвычайно благоприятном впечатлении, которое произвела в Италии речь австр. премьера Гауча в обеих палатах Австро-Венгрии. Речь эта была произнесена Гаучем 24/11 окт. (см. т. XVIII, № 740). По словам Долгорукого, общественное мнение Италии «весьма польщено порицанием, которому подверг министр поведение Турции, вынудившее Италию послать ультиматум и объявить войну. Он явился первым, который в Европе с парламентской трибуны оправдал все то, что было сделано Италией».

[3] Так в оригинале. Гауч был австрийский премьер-министр.

[4] Знак вопроса в оригинале.

*

№ 158. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 125. 5 декабря/22 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Борьба в турецком сенате против дарования германскому обществу Анатолийской железной дороги концессии на линию Ада-Базар — Болу [1] кончилась принятием сенатом проекта названной концессии в том виде, в котором она была вотирована весной палатой депутатов.

Решение это было принято лишь после продолжительных прений, во время коих германцам пришлось выслушать много горьких истин по поводу той эксплоатации, которой они подвергают турецкую казну и турецкого обывателя.

Данный проект концессии оказался, однако, в отличие от всех предыдущих концессий более выгодным для турецкого правительства, чем для германской компании. Причина следующая: компания руководствовалась изысканиями и финансовыми расчетами, произведенными уже несколько лет тому назад и не соответствующими увеличившейся с тех пор стоимости работ.

Таким образом сенаторы, восставшие сначала против проекта, смогли на него согласиться со спокойной совестью.

Общество же Анатолийской дороги настолько не дорожило получением этой концессии, что ответило решительным отказом на просьбу сената допустить даже незначительное изменение в тексте договора.

Но, по сведениям французского посла, барон Маршалл поставил вопрос на почву нравственного обаяния Германии и, пустив в ход все средства воздействия, добился концессии, хотя не выгодной с денежной точки зрения, лишь бы не допустить отвержения турецким парламентом заключенного с германским обществом контракта.

Зато, как мне рассказал вчера г. Бомпар, турецкое правительство заявляет теперь французским предпринимателям, что ныне «наступает их очередь».

Продолжение линии Ада-Базар — Болу до Гераклеи, где имеются известные каменноугольные копи и гавань Зунгулдак на Черном море, предлагается французам на тех же условиях, на которых линия Ада-Базар — Болу предоставлена германцам.

Равным образом всячески поощряется французская предприимчивость и в отношении других линий, и, что совершенно ново, французские поставщики были на-днях приглашены в военное министерство для получения таких заказов, которые до сих пор делались в Германии.

Турки заявили при этом, что военные заказы будут делаться впредь не в Германии, а во Франции.

Французский посол приписывает этот любопытный оборот великому визирю Саид-паше и указаниям, сделанным ему послом на совершенно несправедливое и недопустимое пристрастие предшествующего кабинета к германским предпринимателям.

Правда, турецкое правительство обратилось именно теперь за авансом в размере от $1^1/_2$ до 2 миллионов турецких лир к Оттоманскому банку в счет будущего займа, а директор банка г. Ревуаль поехал в Париж, чтобы устроить это дело с некоторыми французскими капиталистами. По мнению посла, дело наладится, конечно, при обеспечении аванса надлежащими гарантиями. Проектируемый заем должен будет, очевидно, произойти во Франции при наступлении более благоприятных политических обстоятельств.

Как бы то ни было, старание теперешнего кабинета сблизиться с Францией на промышленно-финансовой почве, соответствующее назревающей необходимости, является очень кстати и для наших интересов.

Примите и пр. Н. Чарыков.

---

[1] См. мое доверительное письмо от 16/3 сего ноября [Прим. оригинала]. См. № 20.

№ 159. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 5 декабря/22 ноября 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Осведомившись из литографированной переписки императорского посла в Вене с упоминанием графа Эренталя гофмейстеру Гирсу о желательности перемирия между Италией и Турцией [1] и о солидарности в этом отношении интересов России и Австро-Венгрии, я коснулся на-днях этой темы в доверительном разговоре с маркизом Паллавичини.

Последний указал мне, как на источник замечания графа Эренталя о перемирии, на беседу великого визиря с ним, маркизом, которая происходила 20/7 сего ноября и которую посол донес тогда же министру.

В этой беседе Саид-паша высказал маркизу Паллавичини, что коль скоро притязательность Италии делает невозможными переговоры о мире, то казалось бы желательным установить хотя бы перемирие (armistice) между Турцией и Италией, в течение коего можно было бы постараться изыскать способы сговориться о мире.

Посол полагает, что это рассуждение великого визиря обратило на себя внимание графа Эренталя и послужило основанием для разговора, отмеченного Н. Н. Гирсом.

Со своей стороны я счел уместным выразить полное сочувствие почину Саид-паши и, не говоря о своем письме вашему превосходительству от 20/7 сего ноября [2], я изложил послу сущность содержащихся в нем соображений по вопросу о возможных условиях перемирия.

Маркизу Паллавичини в особенности понравилась мысль, что самая конвенция о перемирии могла бы стать исходным пунктом для переговоров о мире. При этом посол вполне сочувствует сделанному мной вскользь замечанию, что на этой почве могла бы проявиться солидарность интересов и взаимодействие с.-петербургского и венского кабинетов.

Затем посол прочел мне донесения, полученные им от австро-венгерского консульства в г. Триполи.

Эти донесения рисуют положение там итальянцев в довольно мрачном свете.

Настроение среди офицеров пессимистическое. Между старшими военными начальниками существует разлад. Из Рима получаются распоряжения избегать кровопролития, ввиду чего решено будто бы очистить некоторую часть оазиса от неприятеля не путем вооруженного нападения на него, а уничтожением с помощью артиллерийского огня всех пальмовых рощ и всех построек, могущих служить закрытием для врага.

Если эти сведения верны, то мысль о перемирии могла бы найти благоприятную почву даже в Риме. Мысль эта пропагандируется теперь, как видно, в австрийской и, в особенности, венгерской печати.

Французский посол сказал мне в свою очередь, что он замечает за последнее время старания графа Эренталя обеспечить медиацию между Италией и Турцией за совокупностью великих держав с участием Австро-Венгрии с целью не допустить единоличного успеха в этом деле Германии.

Подобное предположение не лишено вероятия. Во всяком случае здешний австро-венгерский посол стал проявлять здесь усиленную дипломатическую деятельность, как бы стараясь выйти из того третьестепенного и

---

[1] Повидимому, имеется в виду тел. Н. Гирса от 19/6 ноября за № 69 (см. № 38).

[2] В письме от 20/7 ноября Чарыков, высказывая мнение, что «итало-турецкая война стала на мертвую точку», признавал этот момент наиболее благоприятным для начала переговоров о мире. Указывая далее, что всякая попытка медиации встретит затруднение в связи с объявлением Италией аннексии Триполитании, Чарыков усматривал выход из положения в заключении между воюющими перемирия, которое должно коснуться всей совокупности военных действий между противниками и тем самым подготовить почву для переговоров о мире. Эта форма перемирия, указывал Чарыков, в международном праве называется «la trêve».

бесцветного положения, которое Австро-Венгрия, как известно, занимает здесь с начала итало-турецкого кризиса.

Примите и пр. Н. Чарыков.

№ 160. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 1199[1]. 5 декабря/22 ноября 1911 г.

Манифестации и митинги в городе продолжаются[2], и в них со вчерашнего дня стали принимать участие женщины. Часть фидаев, захвативших две пушки, удалилась в один из загородных садов, откуда, по слухам, будет оказано сопротивление наступлению наших войск. Из слов посетивших меня сегодня бахтиарских ханов заключаю, что бахтиары хотят оказать давление на меджлис, дабы добиться от него согласия на наши требования. В случае неуспеха они попытаются закрыть меджлис, а если и это им не удастся, то они совсем устранятся от дел и постараются уйти из Тегерана до прихода наших войск. Все это продолжает указывать на неопределенность и даже тревожность положения, причем планы бахтиар могут еще измениться с прибытием сюда Сердар-Асада. Бахтиарский хан эмир Муджахед назначен временным генерал-губернатором Тегерана, и сегодня объявлено здесь военное положение[3].

Поклевский.

№ 161. Посол в Вашингтоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 69. 5 декабря/22 ноября 1911 г.

Продолжение телеграммы № 67[4].

Я сейчас видел Нокса, который подтвердил искреннее желание президента удержать конгресс от безумного (шага), который он подготовляет в обеих палатах, где он несомненно будет одобрен. Государственный секретарь предложил мне именно ту полумеру, которую я позволил себе представить вашему превосходительству в моей последней телеграмме. По мнению его, малейший признак того, что императорское правительство не отказывается приступить к обсуждению некоторых изменений в паспортных правилах вообще, правилах, которые, согласно телеграмме вашего превосходительства от [13 апреля] 31 марта с. г.[5], уже подлежат рассмотрению, сильно поможет президенту остановить или приостановить проведение этой резолюции, которая наносила бы несомненный моральный и практический ущерб Северо-Американским Соединенным Штатам и могла бы считаться нами недружественной демонстрацией. Он показал составленный им проект параграфа, который будет включен в послание, представляемое завтра конгрессу, английский текст которого я дополнительно передам вашему превосходительству. Советуя обеим палатам ничего не предпринимать без серьезного изучения вопроса, президент надеется этим оттянуть дело и вразумить сенаторов, вовлеченных в эту кампанию по неведению. Есть тоже предположение командировать в Россию 3 сенаторов и 3 депутатов для ознакомления с местными условиями и ожидать их доклада о результате их миссии. Какие-либо уступки с нашей стороны, конечно,

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 277, со стилистическими изменениями.

[2] См. № 134.

[3] В тот же день тел. за № 1203 (опубл. Ор. кн., стр. 278) Поклевский сообщал Нератову: «Базары остаются закрытыми, бойкот трамваев и русских товаров продолжается, многочисленные митинги собираются в мечетях, но толпа в общем ведет себя спокойно». «Демократы, — заканчивал Поклевский, — усиленно агитируют за оказание нам вооруженного сопротивления. Окончательное решение по этому вопросу будет, вероятно, принято по прибытии сюда Сердар-Асада».

[4] См. № 147.

[5] Указанная тел. Нератова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

немыслимы, но, как я выразился в моем последнем разговоре перед отъездом из Петербурга с председателем совета министров, было бы практично для наших настоящих и будущих политических и торговых интересов «позолотить американцам пилюлю». Если этот скандал будет приостановлен вначале, то можно будет рассчитывать на временное успокоение и на возможность исподволь обоюдно обсудить и разрешить этот вопрос на основании наших неоспоримых прав. Если же бессмысленный акт денонсиации трактата на этом основании совершится, то нам будет гораздо затруднительнее согласиться на какие-либо переговоры.

Бахметев.

№ 162. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Софии Неклюдову.

°/. Телеграмма № 1966 [1]. 6 декабря/23 ноября 1911 г.

Получен № 88 [2].

Можете в доверительной форме сообщить Гешову, что у нас с Турцией происходит обмен мнений по вопросам, нас специально интересующим. При этом мы с особой осторожностью относимся к вопросам, могущим затронуть интересы балканских государств. В частности, по отношению болгарских интересов нами не намечается никаких сделок, затрагивающих те вопросы, которые служили предметом наших доверительных предложений Болгарии с 1910 г. и относительно коих мы имеем основание ожидать сочувственного с ее стороны приема [3].

Нератов.

№ 163. Временно управляющий министерством иностранных дел посланникам в Софии и Белграде — Неклюдову и Гартвигу.

°/. Телеграмма № 1967 [4]. 6 декабря/23 ноября 1911 г.

Телеграмма № 91 получена (для Софии) [5].

Телеграмма № 182 получена (для Белграда) [6].

Вследствие разговоров, поднявшихся около вопроса о сближениях балканских государств, не исключая и конфедерации, мы полагаем особенно желательным осуществление сербо-болгарского уговора преимущественно по двум вопросам: взаимная поддержка в случае нарушения status quo и разграничение культурных сфер влияния. Такое соглашение, защищая обе стороны от непосредственного на них покушения или от предрешения вопросов будущего в невыгодном для них смысле, одновременно предохранило бы их от уклонения в сторону более сложных комбинаций, к чему, повидимому, склонна Австрия, советуя Болгарии сблизиться с Румынией и сама затевая разговоры с Грецией. Помимо того, что более обширные комбинации потребовали бы и более спорных и продолжительных переговоров, они легче возбудили бы подозрения Турции.

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 10.

[2] См. № 66.

[3] Тел. от 11 дек./28 ноября за № 97 Неклюдов извещал Нератова, что несмотря на успокоительные заверения, данные им Гешову, в Софии обеспокоены результатами переговоров России с Турцией. По словам Неклюдова, болг. посланник в Берлине сообщил в Софию о высказанном Кидерленом предположении, «будто Россия, взамен открытия проливов под известными условиями для русских военных судов, предложила Турции гарантировать ее земельное status quo в Европе».

[4] Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 11.

[5] Тел. от 30/17 ноября за № 91 Неклюдов сообщал, что итал. посланник в Белграде осведомлен о сербо-болг. переговорах. Предполагая, что австрийцы имеют подобные же сведения, Неклюдов считал нужным посоветовать обеим сторонам временно прекратить всякие переговоры, опасаясь преждевременных событий на полуострове.

[6] См. стр. 126, прим. 1.

Вообще необходима крайняя осторожность для избежания огласки переговоров, так как есть указания, что о существовании их уже осведомлен откуда-то итальянский посланник в Белграде [1].

[Нератов.]

№ 164. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

*/. Телеграмма № 1968. 6 декабря/23 ноября 1911 г.

Депеша № 123 получена [2].

Ввиду интереса, проявляемого Англией и Францией к вопросу о переговорах наших с Турцией относительно Проливов, благоволите уведомить по телеграфу, что ответил вам Ассим-бей и были ли у вас и какие разговоры с Лоутером и Бомпаром. Благоволите иметь в виду все оговорки моей телеграммы № 1570 [3] и необходимость подвергнуть суждению совета министров все дальнейшие наши шаги. В частности, новая редакция последнего абзаца пункта 4-го требует особенно тщательного обсуждения и отделки, дабы она не могла быть истолкована ни как право контроля держав над русско-турецкими отношениями касательно Проливов, ни как обязательство, даваемое Россией державам, коим уговор наш с Турцией имел бы быть сообщенным.

Нератов.

№ 165. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Письмо. 6 декабря/23 ноября 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Проездом через Вену вы, вероятно, осведомлены были обо всем, что касается свидания короля Фердинанда с графом Эренталем и с императором Францем-Иосифом [4]. [19] 6 ноября, на свадьбе моей дочери, король, пробывши долгое время в миссии, удалился со мной на несколько минут в мой кабинет и заговорил со мной о злободневном вопросе сербо-болгарского соглашения, причем подтвердил мне, что он очень желает этого сближения, что предоставляет во всем этом деле полную свободу действий кабинету Гешова — Данева и с радостью утвердит своей подписью соглашение в той форме, в какой оно принято будет этим кабинетом. Но в то же время король высказал мне опасения свои, что сербы слишком много требуют в вопросе о разграничении Македонии и что болгары на подобные требования никогда не согласятся. Далее, король подтвердил мне мнение, несколько раз высказанное мне Гешовым, что из соглашения нужно тщательно исключить все то, что могло бы бесповоротно утвердить подозрения и боязнь турок, в случае, если бы какими-либо путями текст договора попал бы в их или чьи-либо

---

[1] Ссылаясь на публикуемую тел., Гартвиг тел. от 9 дек./26 ноября за № 190 сообщал Нератову, что накануне в либеральной газете «Сербская застава» была напечатана статья о «новом предательстве» радикалов, «будто бы замышляющих оборонительно-наступательный союз с Болгарией, в силу коего последняя получит всю Македонию и большую часть Старой Сербии с Куманово и Ускюбом», причем идея этого союза приписывалась России. По мнению Гартвига, источник этого сообщения «несомненно австро-венгерский». «Сегодня, — сообщал далее Гартвиг, — появилось правительственное сообщение, категорически опровергающее газетное известие, могущее лишь повредить интересам Сербии. Что касается здешнего итальянского посланника, с коим состою в весьма дружеских отношениях, то еще на-днях он выражал мне досаду по поводу недоверчивых отношений между сербами и болгарами, сближение которых представляло бы громадную силу и отвечало бы вполне итальянским интересам на Балканах». На замечание Гартвига, что «к сожалению, главным препятствием этому служат интриги в Софии со стороны «союзницы» Италии», Бароли ответил, что в Риме это сознают, и «Сан-Джулиано собирается через Мелегари откровенно объясниться с российским правительством». По мнению Гартвига, это и дало повод предполагать, что Бароли осведомлен о переговорах в Софии.

[2] См. № 124.

[3] См. т. XVIII, № 690.

[4] См. № 111.

иные руки. В заключение нашей беседы король сообщил мне, что на другой день он едет, как и в каждую годовщину смерти своей матери, в Эбенталь, дабы провести эту годовщину близ ее могилы. «Я признаюсь вам, — добавил король, — что во время поездки моей я постараюсь сколько возможно больше разузнать об истинных намерениях Австрии и о политическом положении Европы. Я здесь сижу как на иголках, чувствую, что что-то творится, и не знаю, что именно. Зачем, например, ездил в Вену король эллинов?» [1].

На этом вопросе, на который я, конечно, не мог дать никакого ответа, кончилась наша политическая беседа, и его величество в самых любезных выражениях распрощался со мной.

Я тогда же понял, что король хотел бы беседовать в Вене с графом Эренталем и постарается быть принятым у императора.

Оказывается однако, что гр. Эренталь сам захотел разговаривать с болгарским государем и побудил престарелого императора также принять короля Фердинанда и иметь с ним довольно продолжительный обмен мыслей. Получил ли король приглашение Эренталя еще до своего отъезда или же лишь по прибытии своем в Эбенталь, я не мог еще узнать наверное. Французский посланник г. Палеолог уверяет, что король уехал, имея уже приглашение императора в кармане и скрыв оное до времени от своего кабинета. Но сведения г. Палеолога не всегда внушают мне доверие: этот умный, но довольно поверхностный дипломат имеет своей специальностью обличать короля, — перед нами, по крайней мере, — в самых коварных замыслах; и к тому же источники его сведений вполне известны: он черпает их главным образом от стамбуловистов, с которыми французское представительство поневоле связано, ибо бывших министров стамбуловской партии хотят судить за взятки, принятые ими именно от французских оружейных заводов; другим же источником сведений французского посланника являются рассказы одного из самых близких к королю лиц, его церемониймейстера графа de Clinchamps, которого король, в силу свойственной его величеству нервности и изменчивости нрава, осыпает то ласками, то оскорблениями.

Г. Гешов сообщил мне в свою очередь, что король уже из Эбенталя протелеграфировал ему о просьбе графа Эренталя быть принятым его величеством и о последовавшем затем через графа Эренталя приглашении со стороны императора Франца-Иосифа. Король на этот раз так далеко простер свою конституционность, что в первой телеграмме своей Гешову спрашивал его даже, не имеет ли кабинет чего-либо против, чтобы король принял графа Эренталя и говорил с ним о политике. Эта строгая конституционность мне, по правде сказать, очень мало нравится; но во всяком случае можно почти с достоверностью сказать, что инициатива свидания на этот раз шла именно из Вены.

Наш посол при австро-венгерском дворе объясняет себе эту инициативу желанием венского кабинета осведомиться об истинных намерениях Болгарии и ее короля на случай каких-либо грядущих осложнений. Н. Н. Гирс передает при этом слухи, что в Вене особенно стараются сблизить Болгарию с Румынией, дабы отвлечь ее от каких-либо иных комбинаций, которые были бы особенно неприятны для Двуединой монархии [2].

Я охотно верю этим сообщениям нашего венского посольства. По всему вероятию, в Вену так или иначе проникли сведения о переговорах между Болгарией и Сербией, ввиду чего и желают лаской, почетом и доверием вновь привлечь к себе короля болгарского, показав ему, может быть, при этом мираж каких-либо совместных с Австрией действий. Каким образом

---

[1] См. № 53.

[2] Имеется в виду тел. Н. Гирса от 2 дек./19 ноября за № 84, в которой последний сообщал: «Приглашение короля Фердинанда от имени императора Франца-Иосифа, по внушению Эренталя, вызвано желанием австрийского правительства точно определить положение, которое король и его правительство займут в случае осложнений. Идет слух, что будто бы Австрия желает способствовать сближению Болгарии с Румынией, советуя обеим этим балканским державам заключить союз, чтобы охранить себя от всякой против Австрии федерации».

можно при этом связать Болгарию с Румынией, которая именно не потерпит увеличения территориального могущества Болгарии, этого я не могу хорошенько понять, но замечательно, что за последнее время и здешний румынский поверенный в делах, и румынский военный агент дважды ездили в Бухарест, причем в последний раз пребывали там одновременно.

Я полагаю, что король Фердинанд с отменным удовольствием вступил в конфиденциальный разговор, а, быть может, даже переговоры с графом Эренталем, но его главной целью при этом было выведать, что можно, о ближайших целях австрийской политики и постараться обольстить своих собеседников призрачными полупризнаниями и полуобещаниями. Это было бы совершенно в его характере.

Что же касается самой возможности сближения Болгарии с Австрией и с Румынией, то я имел еще вчера серьезный и откровенный разговор с Гешовым, который выразил мне свою полную уверенность, что на этот путь, даже если бы не существовало противодействия со стороны кабинета, сам король Фердинанд никогда не вступит сколько-нибудь решительным образом. Он считает, во-первых, что для Болгарии было бы величайшей опасностью притти в непосредственное пограничное соприкосновение с Австро-Венгрией; он, далее, совершенно не доверяет Румынии и королю Карлу[1]. И, действительно, я сам дважды подметил искреннюю недоброжелательность короля Фердинанда при отзывах его о короле Карле и его политике, такую недоброжелательность, какую он никогда не проявляет при отзывах об австрийском императоре.

Король Фердинанд возвращается сюда только завтра или послезавтра. До его возвращения и разговоров с Гешовым и Даневым (а быть может, и со мной лично) мне трудно будет составить себе положительное мнение. Но пока мне все-таки сдается, — я считаю своим долгом сообщить вашему высокопревосходительству это мое впечатление, — что главная подкладка дела в сербо-болгарском сближении.

Я уже несколько раз обращал внимание императорского министерства (и имел честь доносить вам об этом лично), что сербо-болгарские переговоры имеют одну весьма опасную сторону: если бы Австрия узнала о них доподлинно и, в особенности, если бы она увидела осуществление сербо-болгарского союза, то политика Двуединой монархии прибегла бы ко всем средствам, включая подговоры к возмущениям или даже к политическим убийствам, лишь бы только разрушить эту совершенно несносную для нее комбинацию. В крайнем случае она способна была бы даже на вооруженное выступление.

Вот почему, и если только оправдаются догадки о большей или меньшей утечке в секретах сербо-болгарских переговоров, я считаю своим долгом выразить перед вашим высокопревосходительством убеждение, что вернее и безопаснее было бы для нас (а попутно и для Сербии) либо совсем прекратить ведущиеся переговоры и возобновить их лишь в более удобную минуту, либо, напротив того, побудить обе стороны так ускорить эти переговоры, чтобы они были заключены в течение каких-нибудь 15 дней.

Но если именно эта последняя альтернатива нами будет признана желательной, то дело не обойдется без нашего вступления. Пока мы говорим: «Пусть сначала сербы и болгары устроятся, как знают, между собой по щекотливому делу македонского разграничения, а потом мы уже дадим нашу санкцию и обещаем наше содействие», — пока мы говорим так, сербо-болгарские переговоры и препирательства будут длиться сколько угодно

---

[1] В деп. от 22/9 дек. за № 71 посланник в Бухаресте М. Гирс сообщал Нератову о своей беседе с Майореску, во время которой последний сказал ему, что от рум. посланника в Париже были получены сведения, будто Фердинанд, во время пребывания своего в Вене, обратился к графу Эренталю с просьбой оказать содействие улучшению румыно-болг. отношений. С целью проверить это сообщение, австро-венг. посланником в Румынии был послан Эренталю телеграфный запрос из Бухареста и получен «категорический ответ графа, что во время пребывания короля Фердинанда в Вене не было, будто бы, и речи о Румынии». По словам Майореску, румыно-болг. отношения «стали вполне дружественными» и не нуждаются в примирении через Вену.

и, вероятнее всего, не приведут ни к какому результату. Только наше прямое воздействие может решить вопрос.

При этом я, однако же, поставлен в необходимость сознаться, что здесь в Болгарии мы не добьемся уступки большей, нежели Ускюб и Дибра; и что уже и это — успех огромный; остальное давление мы должны производить в Белграде, где нас слушаются безусловно, ибо находятся в особенно опасном положении и особенно чувствуют свою немощь. Даже если бы мы поставили вопрос на почву славянских чувств и симпатий, то и тут осуществление сербо-болгарского единения стояло бы выше сентиментальных соображений об особом покровительстве слабой и обиженной Сербии. И Гешов, и Данев говорили мне, что если только сербо-болгарский союз действительно осуществится и некоторое время продержится, то ни для Болгарии, ни для ее короля не будет более никогда возврата к политике антирусской. И я этому охотно верю. Но и Гешовы, и Даневы прежде всего — болгары и никогда не согласятся связать свое имя с такими, хотя и чисто теоретическими уступками в Македонии, которых бы им никогда не простило болгарское общественное мнение. Да и к тому же должна быть и справедливость: еще в прошлом году мы говорили болгарам: «Отдайте сербам Ускюб и Дибру, и мы заключим с вами тесное соглашение и обещаем вам всякую помощь»; прошел один год, и мы говорим тем же болгарам: «Вы уступаете сербам Ускюб и Дибру, докажите же нам вашу полную преданность славянскому делу и уступите сербам еще всю страну до Прилепа и Охриды».

На это болгары не пойдут, и это во всяком случае не способ утвердить в них доверие к неизменяемости русской политики и русских советов.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 166. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

¹/. Телеграмма № 1206 [1]. 6 декабря/23 ноября 1911 г.

Положение в городе без перемен [2]. Из достоверных источников миссии сообщают, что в кругах меджлиса и разных комитетов и энджуменов уверены, что в настоящее время уступчивость по отношению к России не спасет Персии, а лишь вызовет, согласно бывшему недавно примеру, новые с нашей стороны требования. Ввиду вышеизложенного эти круги оказывают все более сильное давление на правительство, настаивая либо оградить дипломатическим путем Тегеран от прихода русских войск, либо организовать вооруженное нам сопротивление вне и в стенах города. Демократы рассылают во все провинции воззвания с призывом к борьбе с Россией и отовсюду получают сочувственные ответы. Окончательное решение вопроса о сопротивлении будет зависеть, мне кажется, от ожидаемого от неджефских мулл ответа и от положения, которое здесь займет прибывший вчера вечером Сердар-Асад. Во главе обороны Тегерана будет, по слухам, поставлен Ефрем, которому приписывают мнение, что Персии лучше сразу погибнуть, чем подвергаться продолжительной агонии. Меджлис разослал во все парламенты телеграммы с просьбой о заступничестве, а персидское правительство обратилось с подобной же просьбой к Северо-Американским Соединенным Штатам [3].

Поклевский.

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 281, со стилистическими изменениями.

[2] См. № 160.

[3] В тел. от 8 дек./25 ноября за № 1217 (опубл. Ор. кн., стр. 299) Поклевский, сообщая Нератову, что в городе «замечается некоторое затишье», отмечал, что перс. м-ры проповедуют необходимость подчинения требованиям России и считают безумием всякую попытку к сопротивлению.

№ 167. Посол в Вашингтоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 70. 6 декабря/23 ноября 1911 г.

Продолжение № 69 [1].

Нокс только сейчас сообщил параграф президентского послания, касающийся еврейских паспортов, текст которого телеграфирую особо [2]. Ваше превосходительство усмотрит, что президент крайне осторожно и деликатно затрагивает вопрос, зная, с какой сильной оппозицией ему придется бороться, и только старается неопределенным обещанием оттянуть его, и от него нельзя ожидать более авторитетного личного вмешательства, так как он теперь не рискнет возбудить против себя весь влиятельный жидовский и жидовствующий элемент.

Бахметев.

№ 168. Посол в Вашингтоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 71. 6 декабря/23 ноября 1911 г.

Ad № 70 [3].

Texte anglais: By direction of the State Department our Ambassador to Russia has recently been having a series of conferences with the Minister of Foreign Affairs of Russia with a view to securing a clearer understanding and construction of the treaty of 1832, and modification of any existing Russian regulations which may be found to interfere in any way with the full recognition of the rights of American citizens under the treaty. I believe the Russian Government is addressing itself seriously to the need of changing the present practice under the treaty and that sufficient progress has been made to justify the continuance of these conferences in the hope that there may soon be removed any justification of the complaints of treaty violation now prevailing in this country. I hope that immediately after Christmas recess I shall be able to make a further communication to Congress on this subject.

Bakhmetew.

Перевод.

К № 70.

Английский текст: По указанию государственного департамента наш посол в России имел недавно ряд совещаний с российским министром иностранных дел с целью добиться более ясного понимания и толкования договора 1832 г. и изменения всех тех существующих русских постановлений, которые оказались бы как-либо нарушающими полное признание прав американских граждан согласно этому договору. Мне кажется, что само российское правительство обращает серьезное внимание на необходимость изменить нынешнюю практику применения договора и что достигнуты успехи, достаточные для оправдания дальнейшего ведения этих совещаний в надежде, что можно будет вскоре устранить все основания к распространенным ныне здесь жалобам на нарушение договора. Надеюсь, что немедленно после рождественских каникул я буду иметь возможность сделать конгрессу дальнейшее сообщение по этому предмету.

Бахметев.

№ 169. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 80. 7 декабря/24 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Появившиеся за последнее время в печати и в политических кругах разноречивые толки о существе тайных обязательств, заключенных между

---

[1] См. № 161.
[2] См. № 168.
[3] См. № 167.

Францией и Англией касательно Марокко, побудили французское правительство, для восстановления истинной картины марокского вопроса, опубликовать, по соглашению с лондонским кабинетом, текст секретных статей англо-французского соглашения 8 апреля [н. ст.] 1904 г. Тайные статьи эти, препровождаемые при сем в газетной вырезке, были сообщены одновременно 24/11 текущего ноября французскому и английскому парламенту [1].

В силу этих статей Франция обязалась не противиться, в случае желания Англии, ее преобразовательной деятельности в Египте, под условием, что Англия, с своей стороны, согласится на введение Францией реформ в Марокко. Оба правительства, кроме того, условились, в случае падения власти марокского султана, предоставить исключительному управлению Испании побережье от Мелилы до правого берега реки Себу.

Опубликование этих статей произвело довольно тягостное впечатление на французское общественное мнение, подобно тому, как было при обнародовании тайного франко-испанского договора 1904 года. Оппозиционные круги и близкая им печать воспользовались этим для выступлений против радикального правительства, не сумевшего якобы достаточно стойко отстоять интересы Франции в северной Африке, и для нападок на личность автора тайных франко-английского и франко-испанского соглашений г. Делькассе.

Необходимо, однако, отметить, что обнародование помянутых двух соглашений в значительной степени расчистило дорогу для предстоящих франко-испанских переговоров, заставив французское общественное мнение сжиться с мыслью о необходимости предоставления Испании территориальных компенсаций в Марокко.

Примите и пр. Извольский.

№ 170. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [2]. 7 декабря/24 ноября 1911 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Приезд С. Д. Сазонова, совпавший с отправлением курьера и требующий с моей стороны массы распоряжений, разговоров и т. д., лишает меня возможности написать вам что-либо толком сегодня. Ограничиваюсь поэтому несколькими строками, а главное выражением искреннейшей моей признательности за ваше письмо от [30] 17 ноября [3]. Впрочем, здесь в настоящую минуту нет ничего особенно нового. Обсуждение франко-германского соглашения в палатах начнется не ранее, как через неделю. По всеобщему убеждению соглашение будет несомненно одобрено; но дело не обойдется без резких нападок на правительство, и вскоре затем кабинет г. Кайо, вероятно, потерпит крушение по какому-либо внутреннему вопросу. Тем временем начинаются переговоры с Испанией. Я за ними внимательно слежу и стараюсь действовать умеряющим образом на де Сельва, который лично настроен довольно благожелательно, но встречает затруднения со стороны других членов кабинета.

Мною все еще не получено ответа на мое письмо о Проливах и Китае [4], и я нарочно не тороплю де Сельва и Жоржа Луи. Ибо, во-первых, все внимание правительства поглощено предстоящей защитой франко-германского соглашения перед палатами, а, во-вторых, инициатива Чарыкова в Константинополе создает, мне кажется, неблагоприятную конъюнктуру для разговоров о Проливах. Наконец, раз письмо мое заключало скорее утверждение, нежели вопросы, проволочка в ответе выгодна скорее нам, чем французам. Тем не менее я постараюсь получить ответ во всяком случае до отъезда Жоржа Луи в Петербург.

---

[1] Приложение не воспроизводится.
[2] Опубл. М., стр. 138.
[3] См. стр. 71, прим. 3.
[4] См. т. XVIII, приложение к № 838.

С. Д. Сазонов приехал вчера и на вид вполне бодр и здоров. Он намерен выехать в Петербург в воскресенье вечером. Он вызвал сюда графа Бенкендорфа, и мы втроем читаем и обсуждаем ваши телеграммы о Персии. Не скрою от вас, что это дело внушает мне серьезные опасения за будущность нашего соглашения с Англией и что это очень меня тревожит и огорчает. События только-что минувшего лета показали всю цену Тройственного согласия, как могущественного фактора сохранения европейского мира и равновесия. Ибо теперь, после речи сэра Э. Грея и столь слабого ответа на нее Бетман-Гольвега [1], не может быть сомнения в том, что Германия, задумавшая утвердиться в Марокко, отступила лишь перед перспективой столкновения с Францией, Англией и нами. Я понимаю всю трудность согласовать наши настоящие действия в Персии с английскими пожеланиями. Тем не менее умоляю вас не терять из виду неисчислимых последствий разрыва с Англией на почве персидских дел. Я думаю, что Англия очень далеко пойдет за нами, но что слишком натягивать струну — опасно. Критический момент настанет, если мы вступим в Тегеран: окажется ли в таком случае возможным сохранить согласованность наших и английских требований и действий? Далее, вчерашняя телеграмма [2] содержит в этом отношении некоторую неясность, чтобы не сказать противоречие. Ибо в начале вы говорите, что мы не предъявим никаких требований общеполитического свойства без соглашения с Англией, а в конце вы предвидите, в случае вступления наших войск в Тегеран, роспуск меджлиса, назначение нового правительства и т. д. Подобные меры, если они будут приняты нами самостоятельно, очевидно, положат конец англо-русскому соглашению, а это, повторяю еще раз, повлечет за собой неисчислимые последствия для общеевропейской политики. Я только-что видел за завтраком в Елисейском дворце президента республики и гг. Кайо и де Сельва. Они все трое очень озабочены возможностью подобного исхода, который тяжело отразится на международном положении Франции.

В канцелярии ждут моего письма для отправления курьера.

Примите и пр.

Извольский.

№ 171. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 73. 7 декабря/24 ноября 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

На прошлой неделе внезапно состоялось увольнение, согласно прошению, начальника австро-венгерского генерального штаба, генерала-от-инфантерии барона Конрада фон Гетцендорфа [3] от занимаемой им должности с назначением его инспектором армии. Начальником генерального штаба на место барона фон Конрада назначен фельдмаршал-лейтенант Шемуа, бывший до сих пор начальником одного из департаментов военного министерства.

Явившийся для всех совершенно неожиданным уход со своего столь важного и ответственного поста такого выдающегося генерала, как барон фон Конрад, престиж коего в военных кругах был огромный и который весьма близко стоял к наследнику престола, пользуясь его полным доверием и всегда находя в нем могущественную поддержку, — естественно привлек к себе всеобщее внимание здешних политических кругов и печати, с полным основанием придающих этому событию очень крупное политическое значение.

Ни для кого не составляет тайны, что уход барона фон Конрада вызван был все усиливавшимися несогласиями между ним и графом Эренталем, создавшими за последнее время столь обостренное положение, что одновре-

[1] Ср. № 179.
[2] См. № 154.
[3] См. стр. 147, прим. 1.

менно им обоим нельзя было оставаться на занимаемых ими постах, и император Франц-Иосиф оказался вынужденным решиться на выбор между министром иностранных дел и начальником генерального штаба. Этот факт был даже подтвержден официозным сообщением, сделанным прессе из военного министерства и в коем упоминалось между прочим, что эрцгерцог Франц-Фердинанд с тяжелым сердцем смотрит на уход генерала фон Конрада, но что и наследник престола должен был, как послушный солдат, подчиниться решению императора. Причину разногласия между бароном фон Конрадом и графом Эренталем здешняя печать, согласно получаемым ею официозным внушениям, видит в предпринятых начальником генерального штаба и уже ранее получивших огласку военных мерах предосторожности на границе с Италией, усиление войск и укреплений вдоль коей приняло, будто, характер, вредивший преследуемой графом Эренталем мирной политике и грозивший целости Тройственного союза. Насколько я мог убедиться, однако, вышеизложенное мнение лишь отчасти соответствует истинному положению вещей; главной же причиной, вызвавшей конфликт между министром иностранных дел и начальником генерального штаба, приведший к уходу последнего, является вопрос об усилении войск в Боснии и Герцеговине, — что здешние правительственные круги тщательно стараются скрыть. Разногласия между графом Эренталем и бароном фон Конрадом начались еще со времени увольнения в отставку военного министра барона Шенайха, находившегося в полном единомыслии с министром иностранных дел [1]. Его уход, вызванный настояниями перед императором эрцгерцога Франца-Фердинанда, являлся победой проводимых начальником генерального штаба взглядов и был весьма неприятен для министра иностранных дел. Решенное затем военным министерством и долженствующее состояться в начале будущей весны усиление войск на итальянской границе и другие военные меры, проектированные здешним генеральным штабом и направленные против Италии, встретили со стороны графа Эренталя живое неодобрение и противодействие. Тем не менее еще недавно об открытом остром конфликте между ним и начальником генерального штаба не было речи. Кризис наступил по вопросу об усилении войск в Боснии и Герцеговине. Как я имел неоднократно честь доносить императорскому министерству, здесь крайне озабочены теми последствиями, которые итальянско-турецкая война могла бы иметь на Балканском полуострове. В особенности в военных сферах опасаются возможности возникновения в скором времени на Балканах самых серьезных осложнений и желают быть по отношению ко всяким случайностям в полной боевой готовности. Особенно горячим выразителем этого стремления являлся барон фон Конрад, и несомненно ему следует приписать принятие под строжайшей тайной мер к усилению количества и боевой готовности войск, находящихся в Боснии и Герцеговине. Весьма вероятно, что граф Эренталь и не имел бы ничего против этого, если бы помянутые меры могли остаться скрытыми от иностранных правительств и их агентов здесь. Но начавшиеся по направлению к Боснии и Герцеговине военные перевозки и передвижения войск в этих областях не замедлили привлечь к себе внимание здешних посольств и иностранных военных агентов, вызвали неоднократные запросы с их стороны в министерствах как военном, так и иностранных дел и возбудили тревогу в печати и общественном мнении за границей. Граф Эренталь не мог оставаться равнодушным к такому положению вещей, грозившему подорвать всякую веру в искренность его миролюбивых заявлений и вызвать со стороны некоторых соседей Австро-Венгрии справедливые подозрения насчет возможных с ее стороны затаенных замыслов. По соображениям общей политики он поэтому энергично восстал против мер, предположенных начальником генерального штаба, который в свою очередь упорствовал со своей специально военной точки зрения на необходимости приведения их в исполнение.

---

[1] Отставка Шенайха состоялась 5 сент./24 авг. 1911 года. О причинах отставки см. т. XVIII, № 336.

Конфликт этот весьма быстро до крайности обострился. Как кажется, последний толчок к разразившемуся кризису был дан сделанным недавно барону фон Конраду турецким военным агентом заявлением, что если слухи об усилении австро-венгерских войск в Боснии и Герцеговине подтвердятся, то Турция найдет выпужденной мобилизовать свои войска в Новобазарском санджаке. Во всяком случае, тотчас после этого граф Эренталь изложил свою точку зрения перед императором Францем-Иосифом, добавив, что его величеству необходимо сделать выбор между ним и начальником генерального штаба. При таком положении вещей император решился пожертвовать бароном фон Конрадом и немедленно вызвал к себе наследника престола, чтобы сообщить ему об этом своем решении.

Увольнение от должности барона фон Конрада несомненно является таким образом победой графа Эренталя, а вместе с ним и миролюбивого направления австро-венгерской политики над воинственно настроенными элементами, и такому обороту дела мы можем лишь сочувствовать. Падение начальника генерального штаба приветствуется также и итальянцами, и герцог Аварна открыто выражал мне свою живейшую радость по этому поводу, причем сказал, что в его глазах барон фон Конрад являлся самой опасной угрозой для всеобщего мира. Зато в германских кругах уход генерала фон Конрада вызывает искреннее сожаление и неудовольствие.

Императорский рескрипт, коим барон фон Конрад уволен от должности начальника генерального штаба и назначен инспектором армии с пожалованием ему большого креста ордена Леопольда, составлен в самых лестных и теплых выражениях, и, повидимому, барон фон Конрад будет продолжать пользоваться полным благоволением монарха. Доверие и дружба, которые к нему питает наследник престола, разделяющий все его взгляды, хорошо известны, а так как при всем этом служебным местопребыванием барона фон Конрада будет попрежнему Вена, можно предполагать, что его влияние на решение военных вопросов останется весьма значительным. Многие опасаются поэтому, что нынешний кризис нельзя рассматривать как окончательно разрешенный заменой барона фон Конрада другим лицом и что успех, одержанный графом Эренталем, может оказаться для него Пирровой победой, тем более, что он таким образом восстановил против себя эрцгерцога Франца-Фердинанда. Нельзя не признать, что эти опасения являются не лишенными некоторой основательности.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 172. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 74. 7 декабря/24 ноября 1911 г.

Весьма секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к секретной телеграмме моей от 10 ноября/28 октября с. г. за № 58 [1] имею честь уведомить ваше превосходительство, что нашему военному агенту ныне удалось вполне выяснить действительные размеры военных приготовлений, произведенных за последнее время Австро-Венгрией в Боснии и Герцеговине.

Согласно добытым полковником Занкевичем данным, несмотря на категорические отрицания этого начальником здешнего генерального штаба, несколько небольших воинских частей несомненно были переведены из других корпусов в названные области. Затем и кадры расположенных в Боснии и Герцеговине войск были в некоторой мере усилены включением в них нижних чинов, направленных туда из других местностей. В общем усиление этими обоими способами босно-герцеговинских войск никак не превышает 14 000 — 15 000 человек. Наконец, среди расположенных в самой Боснии и Герцеговине воинских частей были произведены некоторые передвижения

[1] См. т. XVIII, № 855.

в смысле приближения их к сербской, турецкой и черногорской границам.

Таким образом, как это мной и было высказано в вышеупомянутой моей телеграмме, сведения из Цетинье, переданные мне вашим превосходительством секретной телеграммой от [8 ноября] 26 минувшего октября за № 1739 [1] о мобилизации в Боснии и Герцеговине и о движении туда якобы четырех новых армейских корпусов, являются отнюдь не соответствующими действительности.

Более подробные данные о помянутых войсковых передвижениях сообщаются одновременно с сим полковником Занкевичем непосредственно нашему генеральному штабу.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 173. Посланник в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 75. 7 декабря/24 ноября 1911 г.

Министр иностранных дел сделал трем представителям держав-покровительниц весьма секретное сообщение, разоблачение коего, вызвав серьезные осложнения, грозило бы окончательно скомпрометировать как критское, так и здешнее правительства: сознав невозможность посылки депутатов в Афины, но зайдя в этом вопросе слишком далеко, критяне уже не могут отказаться от подобной меры добровольно. Поэтому они втайне желают, чтобы державы поставили их в необходимость уступить силе. Ввиду этого Венизелос усердно ходатайствует, чтобы, избегнув десанта, державы заявили вновь на Крите, но в еще более категорической форме, об их непоколебимом решении во что бы то ни стало воспрепятствовать отъезду критских представителей в Афины. Подобной угрозы, по мнению кабинета, было бы при настоящих условиях достаточно [2].

Сербеев.

№ 174. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 725 [3]. 7 декабря/24 ноября 1911 г.

Ссылаюсь на мою депешу от [30] 17 ноября № 123 [4] и на мое письмо от [2 октября] 19 сентября № 617 [5], продолжение моей телеграммы от [27] 14 ноября № 708 [6].

Продолжение переговоров. Вчера первое чтение проекта декларации. Министр иностранных дел, выслушав мою подробную мотивировку и комментарии каждой статьи, высказал, что он ставит на первое место вопрос о Проливах и подвергнет его обсуждению совета министров по возможности незамедлительно, несмотря на чрезвычайные заботы, вытекающие для правительства из войны с Италией. Министр воспользуется моими словесными разъяснениями текста проекта для своего доклада совету, причем особенно

---

[1] В оригинале ошибка. Тел. Нератова за № 1739 датирована 9 ноября/27 октября. См. т. XVIII, прим. к № 855.

[2] Тел. от 9 дек./26 ноября за № 113 Пустошкин сообщал Нератову, что англ. и франц. представители получили официальное уведомление, что Греция не встречает препятствий к тому, чтобы критские депутаты были задержаны державами-покровительницами силой, даже на кораблях под греческим флагом. В соответствии с решениями своих прав-в консулы предоставили совету командиров находящихся в критских водах стационеров держав-покровительниц выбор мер, которые необходимо будет принять для воспрепятствования депутатам отправиться в Афины «с единственным ограничением — не прибегать к высадке на берег вооруженных сил».

[3] Тел. бланк. В оригинале тел. ошибочно датирована 6 дек./24 ноября.

[4] См. № 124.

[5] В оригинале ошибка. Имеется в виду письмо Нератова Чарыкову за № 617 от 2 окт./19 сент. См. т. XVIII, № 509.

[6] В оригинале ошибка. Тел. Чарыкова за № 708 датирована 28/15 ноября. См. стр. 112, прим. 4.

постарается предотвратить предположение, будто Россия предъявляет эти пожелания, пользуясь теперешней войной. Если же мы сговоримся о Проливах, то возьмемся за второе предложение — железнодорожное. Что же касается дружественного содействия Турции с русской стороны, то в этой области у министра найдется множество пожеланий. По поводу железных дорог министр попытался утверждать мне, как ранее французскому послу, что уговор 1900 года предоставляет турецкому правительству право строить дороги в условленной зоне даже с помощью займов. Я указал на недопустимость такого толкования, ибо всякая кредитная операция придала бы постройке характер концессии, каковая предоставлена там исключительно русским капиталистам. Относительно нашей новой черты Самсун — Моссул министр не сказал ничего. Равным образом он не старался связать наших переговоров с вопросом о мире между Турцией и Италией в отличие от известного обращения великого визиря к лондонскому кабинету [1]. Вследствие сего русское выступление по этому предмету, если бы оно оказалось возможным, явилось бы новым и сильным оружием на пользу нашим домогательствам. Впечатление, вынесенное мной из этого первого чтения, скорее благоприятное, хотя отнюдь не следует делать себе иллюзии относительно трудности задачи, поставленной императорским правительством в вашем письме № 617. Привходящим затруднением является, как видно, крайняя нерешительность Саид-паши, уже вредящей его популярности. Намерение министра заняться сначала Проливами соответствует указанию вашей телеграммы № 1570 [2] на зависимость нашей требовательности касательно железных дорог от отношения турок к мысли о сближении с нами; последняя вполне выяснится по поводу Проливов. Так как приближается время, когда действительное, обещанное содействие Франции окажется очень полезным, прошу разрешения сообщить конфиденциально текст проекта декларации, приложенный к моей депеше № 123, здешнему французскому послу, причем было бы необходимо предписать ему из Парижа оказать мне желаемое содействие не только в пределах нашего протокола, но и по совокупности наших предложений Порте [3].

Чарыков.

№ 175. Генеральный консул в Мешеде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 146 [4]. 7 декабря/24 ноября 1911 г.

Телеграфирую посланнику:

Положение Хорасана крайне серьезно. Грабежи на всех дорогах области принимают угрожающий характер; власти везде парализованы; многочисленные здешние беспаспортные кавказские выходцы, местные революционеры и духовенство агитируют и вооружают народ против иностранцев. Во вторник [5] в главной мечети под председательством муджтехида Ага-Заде состоялось собрание народа, которому Ага-Заде объявил, что миссия наша предъявила новые требования об удалении Шустера [из] Персии, возмещении убытков, понесенных Россией за содержание в Персии наших войск и назначении советников с согласия России и Англии. [В] ответ на эти требования Ага-Заде открыто призывал народ на борьбу на смерть с неверными. Телеграммы в этом смысле разосланы по всей Персии. Кроме

[1] См. Brit. Doc. V. IX, P. I, P. 346, № 340.

[2] См. т. XVIII, № 690.

[3] Тел. от 9 дек./26 ноября за № 1990 (опубл. М., стр. 138) Нератов сообщил Извольскому для Сазонова содержание публикуемого документа и высказался также за посвящение Бомпара в курс переговоров: «Освещение дела с его стороны будет полезно и для Чарыкова, который мог бы ограничиться пока сообщением Бомпару перифразы, к сожалению, уже переданных Чарыковым официально Ассим-бею шести пунктов, полный текст коих и по существу и по редакции вызывает с нашей стороны замечания, уже известные Чарыкову. Если разделите мою точку зрения, прошу известить о данных Бомпару инструкциях».

[4] Опубл. Ор. кн., стр. 285, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[5] 5 дек./22 ноября.

того, ожидается прибытие сюда экс-шаха с туркменами. В этом случае положение Себзевара и Кучана, где много наших фирм, может быть весьма серьезно. Население всего Хорасана возбуждено до крайности. Сайкс телеграфирует в Тегеран в том же смысле. Ввиду сказанного считаю долгом предупредить, для своевременных распоряжений Асхабаду, что, в случае появления дальнейших серьезных симптомов осложнений, понадобятся в Хорасане наши войска в следующем количестве: в Мешеде — две казачьих сотни и один батальон пехоты при шести пулеметах; в Кучане — одна казачья сотня и один батальон пехоты при четырех пулеметах; кроме того, в Асхабаде нужно держать в резерве две казачьи сотни и один полк пехоты; часть этого резерва, в случае надобности, можно двинуть и в Дерегез. При такой дислокации, в случае осложнений в Себзеваре, а также Турбете возможно будет двинуть туда часть мешедского отряда, пополнив затем таковой кучанским отрядом, а последний — асхабадским резервом. Пока же считаю необходимым немедленно же командировать в Мешед одну казачью сотню при двух пулеметах. Здесь теперь всего одна казачья сотня в составе 70 человек при двух пулеметах, что крайне недостаточно в случае необходимости принятия экстренных мер. О распоряжениях прошу уведомить[1].

Дабижа.

№ 176. Меморандум английского посла в Париже российскому министру иностранных дел.

8 декабря/25 ноября 1911 г.[2].

The question of Persia is the cause of great anxiety to Sir E. Grey. He has spoken seriously on the subject to Count Benckendorff, who will no doubt have reported to Mr. Sazonow the conversation which Sir E. Grey had with the Ambassador on the 2-nd instant[3].

Sir E. Grey desires to put on record now his views on certain points in order to avoid the risk of a possible difference between the Russian and British Governments and to indicate the lines on which, in his opinion, they may continue to cooperate, and in doing so he considers it desirable that he should be explicit on certain matter of importance, viz:

1. He recognizes that the outcome of the present situation must be to secure the establishment of a Government in Persia that will conform to the principles of the Anglo-Russian agreement and pay proper regard to the special interests of Great Britain and Russia respectively.

2. It would not be consistent with the dignity of England to recognize a restoration of the Ex-Shah after the manner in which he has disregarded the warnings given to him by both the Russian and the British Governments not to return to Persia. His restoration cannot be essential to the object described in point I. It would moreover give rise to apprehension in Persia of vindictive measures on his part against those who were instrumental in expelling him from the country. Sir E. Grey therefore trusts that the Russian Government will not add to the embarrassments of the situation by permitting the restoration of the Ex-Shah to be outcome of the present crisis.

3. The Russian and British Ministers at Tehran should at once confer together as to the selection of a foreign financial adviser to be recommanded

[1] Дополнительной тел. от 9 дек./26 ноября за № 149 (опубл. Ор. кн., стр. 307, с сокращениями) Дабижа требовал «немедленно командировать в Мешед одну казачью сотню и один батальон пехоты при 6 пулеметах и в Кучан один батальон пехоты и казачью сотню при 4 пулеметах». Ссылаясь на публикуемую тел. Дабижа, Поклевский телеграфировал Нератову 11 дек./28 ноября за № 1229 (опубл. Ор. кн., стр. 312): «Положение дела в Хорасане не представляется пока настолько серьезным, чтобы вызвать посылку в Мешед и Кучан целых отрядов».

[2] Тел. от того же числа за № 186 (опубл. Ор. кн., стр. 296 и М., стр. 140) Сазонов передал Нератову текст публикуемой записки.

[3] См. № 139.

as successor to Mr. Shuster for it is most important that one should be found who would be acceptable to both England and Russia.

4. As soon as the Russian demands on the Persian Government have been conceded, the British and Russian Governments should together consider and cooperate in measures, a loan being one of them, for preventing chaos and for putting the Persian Government into a position to restore order.

5. The demand for an indemnity put forward by Russia would, if exacted, materially impair the object set forth in point 4. Sir E. Grey hopes that when the present crisis is past the Russian Government will find means of avoiding the difficulty which would be caused by an insistence on the payment of an indemnity.

6. Sir E. Grey understands that as soon as the Russian demands have been complied with and order in Northern Persia has been restored, the military measures and occupation of Persian territory which are now in progress and are stated to be provisional and not permanent will cease [1].

Sir E. Grey has directed Sir Fr. Bertie when communicating his views to Mr. Sazonow to state that the only point on which it seems possible to take immediate action is the consideration by the British and Russian Representatives at Tehran of the question of a successor to Mr. Shuster, but Sir E. Grey trusts that Mr. Sazonow will concur with him that the policy which he has outlined accords with the views of the Russian Government [2].

Перевод.

Вопрос о Персии причиняет большое беспокойство сэру Э. Грею. Он серьезно говорил об этом предмете с графом Бенкендорфом; последний несомненно донес г. Сазонову о разговоре, который сэр Э. Грей имел с послом 2-го текущего месяца.

Сэр Э. Грей желает зафиксировать в настоящий момент свои взгляды по некоторым пунктам, дабы избежать риска возможного расхождения между российским и британским правительствами, и указать, в каких направлениях, по его мнению, они могут продолжать свое сотрудничество, причем он считает желательным высказаться с полной ясностью по некоторым важным предметам, а именно:

1. Он признает, что в результате нынешнего положения должно быть обеспечено создание в Персии правительства, которое будет сообразоваться с принципами англо-русского соглашения и будет оказывать должное внимание специальным интересам как Великобритании, так и России.

2. С достоинством Англии было бы несовместимо признание реставрации экс-шаха после того, как он так пренебрег предостережениями, делавшимися ему как российским, так и английским правительствами, советовавшими ему не возвращаться в Персию. Его реставрация не может иметь существенного значения для целей, указанных в пункте 1. Кроме того, она вызвала бы в Персии опасение мести с его стороны против лиц, участвовавших в изгнании его из страны. Поэтому сэр Э. Грей надеется, что российское правительство не будет способствовать увеличению затруднений в создавшемся положении, допустив, чтобы реставрация экс-шаха явилась результатом нынешнего кризиса.

---

[1] Пам. запиской от того же числа (опубл. Ор. кн., стр. 293) Бьюкенен передал Нератову текст всех шести пунктов, содержащихся в публикуемом документе, без введения и заключительной части.

[2] Письмом от 9 дек./26 ноября (опубл. Ор. кн., стр. 302) Нератов сообщил Бьюкенену свое согласие на обсуждение Барклаем и Поклевским в Тегеране вопроса о преемнике Шустера при условии, что, согласно установившемуся принципу, чиновник этот будет избран среди подданных второстепенных держав. «Есть, однако, важный вопрос, — указывал Нератов, — на который я хочу обратить ваше внимание — это необходимость поставить предварительно некоторые пределы деятельности будущего финансового советника, роль которого должна быть в точности сведена к роли советника по финансовому ведомству. Речь идет, следовательно, о том, чтобы добиться значительного уменьшения прав, переданных меджлисом Шустеру и на основании которых последний пользовался почти диктаторской властью. Несомненно, что положение мало улучшится, если преемник Шустера сможет продолжать оказывать такое же влияние, как и его предшественник». Передавая в тот же день содержание этого письма Поклевскому тел. за № 1995 (опубл. Ор. кн., стр. 303, с сокращениями), Нератов указывал, что преемник Шустера «должен быть непременно подданным второстепенной державы и притом предпочтительно голландец, бельгиец или датчанин». Нератов считал, что «швед нежелателен ввиду приглашения уже на персидскую службу довольно значительного числа шведских инструкторов».

3. Российский и британский посланники в Тегеране должны были бы немедленно обсудить между собою вопрос о выборе иностранного финансового советника, который должен быть рекомендован в качестве преемника г. Шустера, так как крайне важно найти лицо, одинаково приемлемое для Англии и России.

4. Как только русские требования к персидскому правительству получат удовлетворение, британское и российское правительства должны обсудить между собою совместные меры, в том числе вопрос о займе, для предотвращения хаоса и чтобы дать возможность персидскому правительству восстановить порядок.

5. Требование возмещения, выдвинутое Россией, нанесло бы, если бы оно было приведено в исполнение, существенный ущерб цели, изложенной в п. 4. Сэр Э. Грей надеется, что, когда нынешний кризис пройдет, российское правительство найдет средства, чтобы избежать трудностей, которые создались бы в результате настояний на уплате возмещения.

6. Сэр Э. Грей полагает, что как только русские требования будут выполнены и порядок в Северной Персии будет восстановлен, военные меры и оккупация персидской территории, проводимые в настоящее время и объявленные временными и не постоянными, будут прекращены.

Сэр Э. Грей поручил сэру Фр. Берти заявить, при сообщении его взглядов г. Сазонову, что единственный пункт, по которому представляется возможным предпринять немедленные действия, это рассмотрение британским и российским представителями в Тегеране вопроса о преемнике г. Шустера, но сэр Э. Грей надеется, что г. Сазонов согласится с ним, что намеченная им политика соответствует видам российского правительства.

№ 177. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Вене Н. Гирсу.

Телеграмма № 1978. 8 декабря/25 ноября 1911 г.

Сообщается в Канею Пустошкину [1].

Благоволите, сговорившись с вашими французским и английским коллегами, имеющими получить одинаковые инструкции, запросить графа Эренталя, не признает ли австро-венгерское правительство возможным, через консула на Крите, предписать капитанам австрийских пароходов, совершающих рейсы между островом и Пиреем, в особенности же отходящему с острова в будущую среду, отказать в приеме на пароход критским депутатам, намеревающимся ехать в афинскую палату. Таковое содействие облегчило бы державам-покровительницам охранение status quo и избежание обострения греко-турецких отношений [2].

Нератов.

№ 178. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма [3]. Париж [4], 8 декабря/25 ноября 1911 г.

Из моих разговоров с французскими государственными людьми я выношу впечатление, что опасения, внушаемые Англии категорическими требованиями, предъявленными нами Персии под угрозой занятия Тегерана, раз-

[1] Тел. от 7 дек./24 ноября за № 110 Пустошкин передал согласованный между росс., англ. и франц. представителями в Канее план воспрепятствования критским депутатам отправиться в Афины, который одновременно посылался в Петербург, Париж и Лондон. Признавая крайне трудным помешать посадке критян на суда, консулы считали, что гораздо легче задержать их в пути. Они предлагали поручить военным стационерам задерживать и обыскивать в критских водах все уходящие из Крита греч. суда. Ввиду того, что этого нельзя было проделать с австр. пароходами, которые отправлялись еженедельно в Пирей, консулы просили свои прав-ва согласовать этот вопрос в Вене и добиться соответственного предписания австро-венг. консулу в Канее.

[2] Содержание публикуемой тел. Н. Гирс передал в австр. м-во ин. дел вербальной нотой от 9 дек./26 ноября за № 1700.

Доверительной запиской от 12 дек./29 ноября за № 3200 Эренталь сообщил, что австро-венг. прав-во не имеет права предписать пароходству «Австрийский Ллойд» не принимать на пароходы критских депутатов, но что оно все же обратило его внимание на санитарные меры, принятые греч. прав-вом по отношению к пассажирам, едущим из Крита. Это соображение побудило пароходство временно прекратить посадку на Крите пассажиров, едущих в Грецию.

[3] Тел. бланк. Номер отсутствует.

[4] См. стр. 140, прим. 2.

деляются в той же мере и в Париже. Здесь думают, что непосредственное вмешательство в политическую жизнь Персии, к которому неизбежно приведет присутствие в Тегеране русских войск в нынешнее тревожное время, может иметь последствием разрыв нашего согласия с Англией, что повлечет за собой уничтожение Тройственного согласия, в котором здесь видят основу европейского равновесия и залог мира. Тревожное настроение как здесь, так и в Англии настолько сильно, что я прихожу к заключению о необходимости воздержаться до моего возвращения в Петербург от всяких бесповоротных решений и мер.

Сазонов.

№ 179. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 79. 8 декабря/25 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Донесением своим от 24/11 сего ноября за № 76 я имел честь сообщить вашему превосходительству содержание речи, произнесенной г. Кидерлен-Вехтером по марокскому вопросу в бюджетной комиссии рейхстага [1].

Причиной, побудившей германское правительство предать гласности текст речи, произнесенной при закрытых дверях, было, очевидно, желание воздействовать на общественное мнение как Германии, так и Англии, ознакомивши их впервые с той опасностью вооруженного столкновения, которая угрожала минувшим летом обеим сторонам, вследствие вмешательства лондонского кабинета в переговоры между Германией и Францией относительно Марокко. Цель, которую преследовало правительство, была двоякая: у себя оно надеялось прекратить нападки на внешнюю политику кабинета, направив общее негодование против Англии, там же оно стремилось возбудить общественное мнение против правительства и этим заставить последнее выступить с такими примирительными заявлениями, которые могли бы даже служить преддверием к некоторому политическому сближению между обоими государствами. Для достижения вышеупомянутой цели берлинский кабинет использовал промежуток времени между опубликованием вышеизложенной речи г. Кидерлена и выступлением сэра Э. Грея в английской палате депутатов [2] возбуждением газетной кампании, силившейся доказать, что

---

[1] В указанном донесении (ср. стр. 84, прим. 1.) Остен-Сакен сообщал: «Начав с краткого исторического очерка отношения Германии к Марокко, статс-секретарь по иностранным делам, не сообщая текстов самих документов, дал обстоятельную картину, с точки зрения Германии, положения марокского вопроса после занятия французским отрядом Феца. Основной задачей в это время было, по словам г. Кидерлен-Вехтера, заставить Францию посылкой крейсера в Агадир вступить с ней в действительные переговоры о Марокко и прекратить медленный захват французами страны шерифов без какой-либо за это компенсации в пользу Германии. Окончательный же захват со своей стороны какой-либо части самой марокской территории никогда не входил в намерения германского правительства. Г. Кидерлен-Вехтер не нашел, повидимому, нужным останавливаться на отдельных фазисах переговоров своих с г. Камбоном, приведших к недавнему соглашению, зато часть его речи, посвященная отношению Англии к этим переговорам, изложена была им очень подробно и произвела здесь громадное впечатление. Статс-секретарь вполне подтвердил догадки здешнего общественного мнения об упорном вмешательстве Англии в марокский вопрос и энергичной поддержке, оказанной ею Франции. Он привел выдержки из целого ряда донесений германского посла в Лондоне, доказывающих крайнее возбуждение лондонского кабинета. Г. Кидерлен-Вехтер в своей речи упомянул, между прочим, о резком обмене мнений по вопросу посылки крейсера в Агадир между графом Вольфом Меттернихом и сэром Э. Греем, причем последний в самых определенных выражениях поставил на вид германского правительства, что Англия окажется в необходимости вмешаться в это дело, если бы франко-германские переговоры не привели к желаемому результату».

[2] Имеется в виду речь Грея, произнесенная 27/14 ноября. После подробного изложения марокских событий Грей коснулся общего политического положения и, между прочим, заявил, что «дружба Англии с Францией и Россией служит гарантией тому, что обе эти державы не будут проводить по отношению к Германии агрессивной политики». Грей заявил, что он готов сделать все, чтобы улучшить отношения с Германией, но не за счет дружбы с другими державами.

обострение отношений между Германией и Англией, благодаря вызывающему образу действий руководителей великобританской внешней политики, достигло того крайнего предела, после которого может произойти или полный разрыв, или примирение. В немецкой печати указывалось при этом на пример Фашоды, после которой произошло в скором времени известное политическое сближение между Англией и Францией. Но хитросплетения Вильгельмштрассе удались только в той части, которая касалась самой Германии. Нападки на внешнюю политику правительства действительно почти прекратились, и возбуждение общественного мнения страны всецело направилось против Англии, которая обвинялась в систематической враждебности к Германии и оказании поддержки ее противникам даже в таких вопросах, в которых интересы Англии вовсе не были затронуты; так, в марокксском вопросе она оказалась, по словам немецкой печати, более французской, нежели сама Франция. Что же касается до кабинета С.-Джемса, то он отказался пойти по пути, указываемому ему берлинским, и речь сэра Э. Грея далеко не оправдала тех надежд, которые на нее возлагало германское правительство. Холодно-вежливый тон речи великобританского статс-секретаря по иностранным делам произвел в Берлине весьма неблагоприятное впечатление, и заявление, сделанное им о желании поддерживать с Германией хорошие отношения, не могло изгладить впечатления, произведенного предыдущими его заявлениями об агрессивности германской политики, а также о твердом намерении великобританского правительства неуклонно придерживаться и впредь системы настоящих своих политических соглашений.

Особенно наглядно сказалось неблагоприятное впечатление, можно даже сказать, разочарование, испытанное берлинским кабинетом означенным выступлением великобританского министра, в речи, произнесенной имперским канцлером в последнем, перед его закрытием, заседании рейхстага; текст оной имею честь при сем препроводить в газетной вырезке на благоусмотрение вашего превосходительства [1]. Г. фон Бетман-Гольвег в сдержанных, но твердых выражениях указал на противоречие между дружественными заверениями сэра Э. Грея и положением, занятым Англией в марокксском вопросе, доведшим ее почти до вооруженного столкновения с Германией, между тем как наиболее заинтересованные в этом вопросе державы— Франция и союзница ее Россия — во все время переговоров относились к Германии с доверием. В заключение своей речи канцлер заявил, что Германия также желает поддерживать мирные и дружественные отношения с Англией, но желание это может быть осуществлено только при том непременном условии, что дружеские заверения великобританского правительства получат практическое применение в направлении ее иностранной политики.

Нет сомнения, что разрешение сложного марокксского вопроса заключением настоящего соглашения между Германией и Францией не внесло в международное положение Европы элементов успокоения, напротив: на последующих отношениях между Германией и Францией неизменно отразится испытываемое первой чувство досады за заключение с слабейшим противником маловыгодной для Германии сделки.

Что же касается Англии, то события минувшего лета уже повели к значительному обострению существующих уже давно между ней и Германией чувств недоверия и неприязни. Ближайшим последствием этого будет по всей вероятности, в самом непродолжительном времени, новое значительное увеличение сухопутных и морских сил как Германии, так и Англии.

Примите и пр.

Гр. Остен-Сакен.

---

[1] Текст речи Бетман-Гольвега от 5 дек./22 ноября не воспроизводится.

№ 180. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 81. 8 декабря/25 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Неожиданная смена начальника австро-венгерского генерального штаба генерала барона Конрада фон Гетцендорфа и причины, ее вызвавшие [1], произвели здесь почти что не меньшее впечатление, чем в пределах самой Двуединой монархии. Завеса, открывшаяся внезапно на столь неискренние и даже недружелюбные отношения между двумя членами Тройственного союза, дала богатую пищу для здешней печати и поставила на очередь вопрос о прочности этой политической комбинации. Интерес, очевидно, сосредотачивается на ненадежности Италии, как члена Тройственного союза. Австро-Венгрия является в этом отношении наиболее заинтересованной, но и в Германии неуверенность в одном из союзников вызывает некоторое беспокойство. Несмотря на известное охлаждение по отношению к Италии и крайнее неудовольствие из-за триполийского предприятия, выражающееся в резких и недружелюбных отзывах немецкой печати, на что я уже имел случай обратить внимание императорского министерства [2], в Германии очень дорожат сохранением Италии в Тройственном союзе. Это ясно сказалось в тех почти единогласных отзывах здешней прессы, подробно комментирующих столкновение гр. Эренталя с генералом Конрадом. В Берлине отдают полную справедливость осторожности, в данном случае министра иностранных дел соседней монархии, сознавая, что если бы восторжествовало мнение начальника генерального штаба и на итальянской границе были бы произведены требуемые им военные приготовления, Италия была бы навсегда потеряна для Тройственного союза. Между тем единственной благоразумной внешней политикой для Австро-Венгрии считают здесь такую, которая не помешала бы его возобновлению. Однако и теперь опасность в этом отношении не миновала, и в Германии прекрасно сознают, что за спиной ген. Конрада стоит будущий австрийский император, недружелюбное отношение которого к Италии достаточно известно. Сочувственное отношение в здешних политических кругах к графу Эренталю в борьбе его с начальником генерального штаба тем более знаменательно, что ген. Конрад, энергия коего в усилении военной мощи Австро-Венгрии очень ценится, пользуется здесь всеобщей симпатией. На политику же графа Эренталя, стремящегося эмансипироваться от опеки Берлина, смотрят все с бо́льшим недоверием и даже неудовольствием; его обвиняют между прочим также и в том, что в последнем кризисе, вызванном разрешением марокккского вопроса, он недостаточно определенно подчеркивал свою солидарность с Германией. Принципиальный вопрос о вмешательстве военного элемента в направление внешней политики не встречает здесь осуждения, но под непременным условием, чтобы решающий голос принадлежал ответственному руководителю внешней политики. При этом припоминают конфликт между князем Бисмарком и тогдашним начальником германского генерального штаба генералом Вальдерзее в 1888/1889 году, который вызвал целую легенду о будто бы недружелюбных замыслах последнего по отношению к России и Франции, которым канцлер энергично воспротивился. Насколько достоверна эта история, неизвестно; во всяком случае сам граф Вальдерзее, в последнюю эпоху своей деятельности, зачастую навещал меня с целью убедить меня в ложности этой легенды.

Примите и пр.

Гр. Остен-Сакен.

---

[1] См. № 171.
[2] См. т. XVIII, прим. к № 812.

№ 181. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 727. 8 декабря/25 ноября 1911 г.[1].

Сообщено в Париж.

Ссылаюсь на письмо мое от [5 декабря] 22 ноября с. г. [2], которое получите в субботу.

Признавая полную непричастность Болгарии к динамитным македонским покушениям [3], турецкое правительство приписывает их итальянскому подкупу [4]. Предполагаемая цель Италии — побудить державы из страха перед балканскими осложнениями заставить Турцию принять итальянские условия для переговоров о мире. С другой стороны, беспорядки в Македонии несомненно соответствуют желаниям той партии войны, которая в Вене борется против партии мира теперь, как во время аннексионного кризиса. Продолжение итальянско-турецкой войны представляет при этих условиях все возрастающую опасность для мира на Балканском полуострове. Поэтому казалось бы желательным постепенно подготовить совместное выступление нейтральных великих держав в Константинополе и Риме с предложением перемирия как исходного пункта для переговоров о мире. Согласие Турции мне кажется обеспеченным, и для Италии новейший ее военный успех в Триполийском оазисе мог бы равным образом сделать мысль о приостановке кровопролития удобоприемлемой.

Чарыков.

№ 182. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 728 [5]. 8 декабря/25 ноября 1911 г.

Получил телеграмму № 1968 [6].

Она разошлась с моей телеграммой № 725 [7], в которой изложены заявления, сделанные мне Ассим-беем третьего дня при первом чтении проекта декларации. Об этом фазисе переговоров я еще не осведомил Лоутера и Бомпара. В общих чертах они оба находятся в курсе моих сношений с Портой по данному предмету; касательно же Проливов названным послам пока известно лишь, что мы желаем дружески убедить Турцию обязаться декларацией не препятствовать проходу русских военных судов чрез проливы, не подвергая, однако, саму Турцию от сего риску или опасности и не упуская из вида международного характера этого вопроса. Оба посла знают также, что теперешняя редакция проекта декларации имеет предварительный характер и подлежит переработке соответственно указаниям, ожидаемым из С.-Петербурга. Ввиду упоминаемого вами интереса не только Франции, но и Англии к вопросу о переговорах наших с Турцией относительно Проливов и, если мне будет разрешено сообщить французскому послу полный текст проекта декларации [8], прошу разрешения сделать одновременно такое же сообщение и английскому послу или, по крайней мере, дать ему конфиденциально текст статьи, касающейся Проливов. При этом весьма желательно

[1] Лит. копия ошибочно датирована 7 дек./25 ноября.

[2] См. № 159.

[3] 4 дек./21 ноября в Иштибе в связи с тем, что была разрушена мечеть, толпа мусульман напала на болгар, и в результате этого 14 чел. болгар было убито и 157 ранено.

[4] В тел. от 7 дек./24 ноября, текст которой был передан де Сельвом Сазонову во время пребывания последнего в Париже, Бомпар сообщал по поводу событий в Иштибе следующие сведения: «Болгарский македонский комитет будто бы получил из Италии сумму в два миллиона франков, предназначенную для того, чтобы дать ему возможность совершать покушения — этот факт будто бы упомянут в полицейских донесениях, пересланных из Софии турецкому министру иностранных дел, который без колебаний приписывает Италии деятельность болгарских банд».

[5] Царск. экз.

[6] См. № 164.

[7] См. № 174.

[8] См. стр. 162, прим. 3.

снабжение Лоутера инструкцией поддерживать здесь наши предложения как относительно Проливов, так и по совокупности проекта. Нынешнее настроение турок придает отношению Англии к нашим домогательствам очень важное значение. В свое время надо будет, может быть, также воспользоваться сделанным со стороны берлинского кабинета предложением содействия [1]. Как только Ассим-бей осведомит меня о результате своего обещанного доклада здешнему совету министров, я приму его сообщение ad referendum, и все дело могло бы уже поступить на указанное в вашей телеграмме суждение нашего совета министров. Вообще при этих переговорах казалось бы желательным использовать в некоторой мере новейший прецедент франко-германских переговоров об использовании и применении международного Алжезирасского договора путем сепаратного соглашения между двумя участниками оного с последующим извещением о сем прочих участников. Если дело дойдет до подписания между Россией и Турцией аналогичного соглашения касательно Лондонского договора 1871 года, то надлежать будет составить и подписать вместе с тем идентичное, соответственное циркулярное обращение обоих государств к державам. При установлении редакции этого обращения потребуется, несомненно, обстоятельное обсуждение и отделка, дабы оно не могло быть истолковано в смысле, указанном в вашей телеграмме № 1968. Ныне же последний абзац из проекта статьи 4-й в таком случае вовсе не вошел бы в текст декларации, будучи исчерпан и осуществлен фактом означенного совместного обращения России и Турции к державам.

Ч а р ы к о в.

Действительно, пример соглашения Франции и Германии может быть нам полезен.

Ливадия, [16] 3 декабря 1911 г.

№ 183. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 1216 [2]. 8 декабря/25 ноября 1911 г.
Срочно.

Посетивший меня вчера вечером министр иностранных дел заявил, что кабинет продолжает усиленно работать над принятием меджлисом наших требований и что он уже сильно надеется на то, что пункты 1-й и 3-й нашего ультиматума [3] не вызовут более возражений. Относительно же 2-го пункта здесь укоренилось убеждение, что принятие его равносильно отказу Персии от независимости, а потому министр спросил меня, нельзя ли то же самое выразить в другой форме, не затрагивая персидского самолюбия [4]. Министр не предложил другой определенной формулы для этого пункта, но дал понять, что Персия могла бы обязаться, приглашая на службу иностранных советников, не терять из вида или не нарушать интересов России и Англии. По мнению Восуг-эд-Доуле, эта формула настолько обща, что для избежания возможных недоразумений шахскому правительству придется все равно вступать в переговоры с императорской и английской миссиями прежде приглашения на службу иностранцев. Я ответил министру, что не имею никакого права вступать с ним в переговоры об изменении текста ультиматума,

---

[1] Ср. № 79.
[2] Опубл. Ор. кн., стр. 298, со стилистическими изменениями.
[3] См. № 104.
[4] В тел. от 8 дек./25 ноября за № 1982 (опубл. Ор. кн., стр. 295, с сокращениями) Нератов сообщал Поклевскому, что в разговоре с Али-Голи-ханом последний указал на 2-й пункт, «как на самое тягостное для самолюбия персов требование», и отметил, что истолкование слова «согласие» в смысле «соглашения», вероятно, было бы для перс. прав-ва более приемлемым. Не возражая против изменения этого слова, Нератов запрашивал Поклевского, «какое значение с местной точки зрения могло бы иметь подобное разъяснение персидскому правительству по означенному пункту ультиматума».

но что я не премину довести до сведения вашего превосходительства о происшедшей за эти дни перемене взглядов в персидских правительственных сферах. Далее министр выразил желание узнать, как императорское правительство хотело бы поступить со служащими уже в главном казначействе американцами. Министр думает, что едва ли эти чиновники могут с пользой служить под начальством европейца другой национальности, но что, может быть, по денежным соображениям они не захотят добровольно нарушить своих контрактов с шахским правительством; во всяком случае с ними будет поступлено согласно желанию императорского правительства. Министр также спросил меня, будут ли отозваны наши войска из Казвина, если персы примут наши требования, и выразил надежду, что в последнем случае и мы не откажемся дать шахскому правительству некоторые доказательства нашего доброжелательства и тем укрепим вновь создаваемую почву для истинных добрососедских отношений между Россией и Персией. Министр при этом намекнул, что опустевшая персидская казна будет скоро нуждаться в займе или денежном авансе и что, с другой стороны, России следовало бы помочь Персии избавиться от Мохамед-Али-шаха, присутствие коего в Персии является главной причиной господствующего здесь враждебного к России настроения, которое еще усиливается опасением, что посылка в Персию нашего отряда имеет скрытой целью восстановление бывшего шаха на престоле. На все эти вопросы я ответил уклончиво, и я был бы очень признателен вашему превосходительству за сообщение мне соответствующих указаний, особенно же относительно возможности изменения редакции 2-го пункта ультиматума и отозвания из Казвина наших войск. В заключение министр сказал мне вполне категорически, что если меджлис все-таки не согласится на принятие наших требований, то кабинет не остановился бы перед его роспуском.

П о к л е в с к и й.

№ 184. Поверенный в делах в Пекине[1] временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 109[2]. 8 декабря/25 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к телеграмме за № 842[3] имею честь представить при сем на благоусмотрение вашего превосходительства указ вдовствующей императрицы от [6 декабря] 23 ноября с. г., узаконяющий формально отречение князя-регента[4], фактически уже бывшего устраненным от дел со времени приезда в Пекин Юань Ши-кая. Акт этот наносит новый тяжелый удар подорванному престижу манчжурской династии, представленной отныне малолетним ребенком и вдовствующей императрицей, проживающей, по собственному ее признанию, в «глубине дворцовых зданий» и не занимающейся делами управления. Полное признание своего бессилия завершает дело, начатое «покаянными» указами князя-регента, бывшего действительно за три года своего правления лишь игрушкой в руках окружавших его лиц.

---

[1] Тел. от 1 дек./18 ноября за № 817 Щекин сообщал, что он вступил в управление миссией, ввиду отъезда Коростовца в отпуск.

[2] Опубл. Изв. МИД, 1912 г., кн. 5, стр. 122.

[3] Тел. за № 842 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Возможно, имеется в виду тел. от 6 дек./23 ноября за № 841, в которой передавалось содержание указа императрицы.

[4] Указом от 6 дек./23 ноября была санкционирована отставка регента и было постановлено, что «ответственность за назначение сановников на должности и заведывание государственными делами» возлагается на председателя совета м-ров и членов совета м-ров. В этом указе приводился доклад князя-регента, в котором он, прося об отставке, писал: «Как в назначении сановников на должности, так и в заведывании делами я в большинстве случаев действовал вразрез с народными чувствами; меры, направленные к введению конституционного строя, ограничивались одними только пустыми словами». «Неудачный образ действий одного лица, — сообщалось далее в указе, — был причиной тому, что теперь все население империи терпит тяжелые бедствия».

Вся власть переходит к председателю и членам совета министров, т. е. фактически к одному Юань Ши-каю, так как в среде образованного им кабинета, за последовательным отказом от должности немногих имеющих хоть какое-либо значение министров и товарищей их, не осталось ни одного человека, способного выделиться и сыграть самостоятельную роль.

Ловкость Юань Ши-кая сказалась не только в подготовке отречения князя-регента, для каковой цели использована была придворная партия вдовствующей императрицы, но особенно в устранении себя самого от опеки над малолетним императором. Таким образом, сосредоточив власть в своих руках, Юань не связывает своей судьбы с судьбой династии. Вместе с тем оба великих опекуна: и Сюй Ши-чан, друг и сторонник Юань Ши-кая, и пожилой, безличный Ши-Сюй — не могут явиться опасными соперниками председателя совета министров.

Показав воочию, что манчжурская династия обратилась уже в «пустой звук», как выразился один из делегатов правительства в переговорах с революционерами, Юань очевидно надеется облегчить достижение компромисса и прекращения вооруженной борьбы, которая при постепенном истощении обеих сторон быстро ведет Китай к анархии и к иностранному вмешательству. Тем временем перемирие в Учане продолжено [1], и переговоры с революционерами еще не прерваны, причем, по последним сведениям, Юань Ши-кай привлек к делу в качестве посредника Тан Шао-и. С другой стороны, как вашему превосходительству известно из телеграфных донесений, съехавшиеся в Учане делегаты восставших провинций успели выработать основания временного республиканского строя и одновременно деятельность революционеров приняла более активный характер [2]. При таких условиях вопрос о компромиссе остается в настоящую минуту открытым, и, если таковой не будет достигнут, Юань Ши-каю останется либо пожертвовать монархическим принципом и принять президентство республики, сопряженное с риском потрясений при окончательном устранении манчжурской династии, либо искать иностранного посредничества или, наконец, продолжать вооруженную борьбу, если он найдет к тому средства из иностранного источника, но, как сказано выше, рискуя в этом последнем случае скоро привести страну к анархии.

Примите и пр. Щекин.

№ 185. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 2000 [3]. 9 декабря/26 ноября 1911 г.

Телеграмма № 1216 получена [4].

Из нашей телеграммы № 1982 [5], очевидно скрестившейся с вашей, вы уже усмотрели, что мы готовы были бы допустить известное толкование пункта 2-го наших требований, которое облегчило бы задачу тегеранского кабинета в переговорах с меджлисом. Однако предлагаемая Восуг-эд-Доуле постановка вопроса представляется нам слишком неопределенной. Во всяком случае мы желали бы предварительно иметь ваше заключение насчет того, насколько таковая предупредительность в отношении персов вообще соответствовала бы местной обстановке.

Об американцах, приглашенных Шустером, у нас никаких сведений не имеется, и мы затрудняемся высказаться определенно относительно даль-

---

[1] Тел. от 4 дек./21 ноября за № 830 Щекин сообщил Нератову, со слов Островерхова, что представители провинций «прибыли в Учан. Заключено перемирие на три дня».

[2] Тел. от 6 дек./23 ноября за № 840 Щекин передавал Нератову сообщение Островерхова, что «представители провинций Ань-Хой, Чжецзян, Фуцзян, Хунан, Хубей, Цзян-Су, Гуан-Си и Шандун лично, а Цзян-Си, Гуан-Дун и Гуичжоу по доверенности, с участием на правах совещательных членов представителей от Чжили и Хэнаня [3 декабря] 20 ноября утвердили временное положение о китайской республике».

[3] Опубл. Ор. кн., стр. 304, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[4] См. № 183.

[5] См. стр. 170, прим. 4.

нейшей судьбы каждого из них. Соображение министра, что они едва ли могут с пользой служить под начальством европейца другой национальности, представляется нам довольно веским; но мы отнюдь не настаиваем на обязательном удалении всех американцев. Во всяком случае всех увольняемых, как и самого Шустера, надо будет удовлетворить полным содержанием за все остающееся контрактное время, что, вероятно, не составляет слишком обременительной для персидской казны суммы.

В случае удовлетворения по трем пунктам нашего ультиматума и если не возникнут новые обстоятельства, как, например, направленные против нас беспорядки, наш отряд будет отозван из Казвина.

Если персидское правительство наглядно проявит свое желание установить с нами действительно вполне дружественные добрососедские отношения, лучшим доказательством чего будет успешное окончание затянувшихся дел и удовлетворение некоторых законных пожеланий наших, то мы охотно окажем ему содействие в вопросе о заключении необходимого займа. В частности, для уплаты денег Шустеру и другим увольняемым американцам, вероятно, представится возможность выдать персам небольшой аванс.

Мохамед-Али-шаха мы, как известно, не поддерживаем и поддерживать не будем, но прямо вмешиваться в его борьбу с правительством, как в чисто внутреннее дело, не можем. Если персидское правительство займет ныне прочное положение и серьезно примется за установление порядка в стране, то оно, вероятно, без большого труда само справится с этой внутренней смутой. Мы, однако, опасаемся, что достижение такового прочного положения будет для правительства очень трудно при настоящем составе меджлиса и без созвания, в противовес этому учреждению, полагающегося по закону сената. Поэтому, если правительство имеет действительно возможность распустить меджлис, мы могли бы ему только дружески посоветовать непременно прибегнуть к этой мере, назначив одновременно с тем срок новых, строго согласованных с законом, выборов как в меджлис, так и в сенат.

Нератов.

№ 186. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 188 [1]. Париж, 9 декабря/26 ноября 1911 г.

По сведениям итальянского правительства, Чарыков будто бы сделал Порте официальное сообщение в смысле требования свободного пропуска русских военных судов через Проливы. В Лондоне полагают, что это известие основано на том, что наш посол недавно коснулся вопроса о Дарданеллах в разговоре с великим визирем, который попросил его обратиться с этим к министру иностранных дел: это обстоятельство могло подать повод думать, что означенный предмет из области частной беседы перешел в официальные переговоры. Благоволите поручить Чарыкову ясно установить в Константинополе совсем частный характер его обмена мыслей с турками касательно Проливов и отнюдь не придавать этим беседам значения официальных переговоров [2].

[Сазонов.]

---

[1] Маш. копия. Публикуемая тел. была сообщена Нератовым Чарыкову 10 дек./27 ноября за № 2003.

[2] 9 дек./26 ноября было напечатано в «Matin» интервью, данное Сазоновым главному редактору «Matin» Стефану Лозанну, в котором по вопросу о Дарданеллах было сказано следующее: «Вопроса о Дарданеллах», о котором каждый день всюду печатают, не существует. В самом деле, «вопрос» в дипломатическом смысле предполагает просьбу, формулированную правительством, а также предпринятые шаги и переговоры. Но Россия ни о чем не просит, не начинала никаких переговоров, не пыталась предпринимать никакого шага. Дарданеллы это дверь — дверь несколько узкая, — через которую проходит вся торговля южной России. В первую очередь важно, чтобы эта дверь осталась открытой. Совсем недавно можно было опасаться, что в резуль-

№ 187. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 734 [1]. 9 декабря/26 ноября 1911 г.

Копия в Париж.

Продолжение моей телеграммы № 731 [2]. Ссылаюсь на мои телеграммы №№ 725 [3] и 728 [4].

Также вымышлены известия некоторых здешних газет, будто турецкий совет министров в четверг [5] отверг русское предложение о Проливах. Министр иностранных дел сказал мне сегодня, что совет в четверг вовсе не касался этого предмета. Министр добавил, что он относится крайне бережно к сообщению совету министров наших предложений, дабы не дать повода к мысли, что Россия пользуется для своих целей теперешними затруднениями Турции. Одним словом, переговоры вступили в обычную турецкую колею подобно англо-турецким переговорам о Багдадской железной дороге, и чтобы подвинуть их потребуется дипломатическое давление на Порту. Я делаю, что могу с своей стороны, но должен подтвердить просьбу о разрешении мне сообщить конфиденциально текст проекта соглашения французскому и английскому послам с упомянутыми в телеграмме № 728 оговорками и о снабжении обоих послов инструкциями содействовать ходу и успеху наших переговоров.

По сведениям французского посла, подтверждаемым некоторыми доверительными источниками, барон Маршалл под рукой настоятельно советует туркам, будто бы от имени своего правительства, отвергнуть русское предложение о Проливах.

Чарыков.

№ 188. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 2010 [6]. 10 декабря/27 ноября 1911 г.

Телеграммы №№ 1221 [7] и 1225 [8] получены.

Сообщаю сегодня великобританскому послу, что наш отряд не двинется из Казвина в Тегеран ранее [21] 8 декабря, если только обстоятельства не

тате итало-турецкой войны на ней окажется замок. Турки даже говорили о том, чтобы запереть ее на засов. Россия ограничилась тем, что обратила внимание различных европейских держав на этот факт и напомнила им о необходимости оставить эту дверь настежь открытой. Вот и все. В этом нет «вопроса».

[1] Маш. копия.

[2] 7 дек./24 ноября тел. за № 1972 Нератов запросил Чарыкова «насколько правдиво известие берлинской «Morgenpost» об отклонении турецким советом министров «после бурного заседания» вашей ноты». Обращая внимание на то, что «известие такого значения и столь конфиденциального характера» попало в газеты раньше, чем Чарыков был об этом извещен, Нератов предписывал ему, в случае подтверждения факта, «обратить внимание Ассим-бея на затруднительное положение, в которое такой образ действий Порты ставит вас, а следовательно и императорское правительство». На эту тел. Нератова Чарыков тел. от 8 дек./25 ноября за № 731 ответил: «Известие берлинской «Morgenpost» совершенно вымышлено».

[3] См. № 174.

[4] См. № 182.

[5] 7 дек./24 ноября.

[6] Опубл. Ор. кн., стр. 309, со стилистическими изменениями.

[7] Тел. от 9 дек./26 ноября за № 1221 Поклевский сообщал Нератову: «Сердар-Асад сказал сегодня Барклаю и мне, что он надеется получить в самом непродолжительном времени согласие меджлиса на наши требования. При условии некоторых перемен в составе кабинета меджлис согласился, будто бы, на свой собственный роспуск, предоставив министрам нужные полномочия для принятия нашего ультиматума». По словам Сердара-Асада, он добился этого результата, «заверив парламентские круги в том, что в случае уступчивости со стороны персов войска наши не продвинутся далее Казвина». В тот же день тел. за № 1222 Поклевский передавал Нератову, что Сердар-Асад «убедительно просит ваше превосходительство разрешить Мухбир-эс-Солтане занимать высшие правительственные должности под личной ответственностью и гарантией Сердара в том, что он не будет действовать враждебно нашим интересам».

[8] Тел. от 9 дек./26 ноября за № 1225 (опубл. Ор. кн., стр. 305) Поклевский передавал просьбу Сердара «сообщить ему без промедления указания, которые я могу

вынудят вас вызвать войска туда раньше. Искренне желая отозвать наш отряд из Казвина, русское правительство рассчитывает сделать это, как только персидское правительство подчинится нашим требованиям, если, конечно, не возникнет новых инцидентов, вроде, например, насилия над нашими агентами, нападений на наши учреждения или отряд, вызывающих действий по отношению к России, общих беспорядков и тому подобное, что сделало бы отозвание отряда невозможным.

Вы можете в этом смысле объясниться с персидским правительством.

Что касается Мухбира, то к предоставлению ему какого-либо второстепенного министерского поста, при гарантии Сердар-Асада, мы не встретили бы препятствий, но было бы полезно, если бы по местным условиям это оказалось возможным, заручиться обещанием, что в случае предосудительных по отношению к нам действий, Мухбир будет тотчас удален из состава кабинета.

Нератов.

№ 189. Временно управляющий министерством иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 885. 11 декабря/28 ноября 1911 г.

Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Имею честь препроводить при сем вашему высокопревосходительству копию с памятной записки, переданной мною вчера великобританскому послу[1] вследствие сообщенного им мне желания сэра Э. Грея иметь письменное изложение наших взглядов на настоящий фазис персидских дел, которое могло бы послужить для него материалом к предстоящему его выступлению в палате общин.

При этом считаю долгом пояснить, что первая часть этой записки, касающаяся вопроса о возвращении на престол бывшего шаха Мохамед-Али, была повергнута мною предварительно на всемилостивейшее благовоззрение государя императора и удостоилась высочайшего одобрения[2]; вторая же ее часть, заключающая в себе предположения наши относительно дальнейших движений нашего экспедиционного отряда и возможности его отозвания из Персии, была составлена мною в согласии с установленными ранее принципами. Я должен присовокупить к этому, что назначенный мною на [21] 8 декабря предельный срок, раньше коего не предполагается двинуть наши войска из Казвина к Тегерану, был намечен мною по следующим соображениям. Во-первых, как вам уже известно из телеграмм нашего посланника в Тегеране, персидское правительство при деятельном участии прибывшего недавно в Тегеран старшего бахтиарского хана, Сердара-Асада, прилагает, повидимому, искреннее старание склонить меджлис на принятие наших требований[3], что избавило бы нас от необходимости сделать столь серьезный во всех отношениях шаг, как занятие столицы Персии, и, во-вторых, по местным соображениям представляется весьма желательным, чтобы движение нашего отряда на Тегеран не совпало с днем тезоименитства государя императора.

Передавая об изложенном, пользуюсь случаем и пр.

Нератов.

получить от вашего превосходительства относительно 1) возможности изменения редакции 2-го пункта ультиматума, 2) дальнейшего движения наших войск в случае уступчивости персов и 3) его просьбы о Мухбир-эс-Солтане».

[1] См. приложение к публикуемому документу.

[2] Указанная часть печатаемой в приложении к публикуемому документу пам. записки (первые три абзаца) была послана Нератовым Фредериксу в Ливадию для представления Николаю II на одобрение 7 дек./24 ноября за № 1974. В тот же день она была также послана в Париж Сазонову за № 1971.

[3] См. стр. 174, прим. 7.

Приложение.

10 décembre/27 novembre 1911 г.[1].

Le gouvernement impérial ayant déclaré à plusieurs reprises que les mesures militaires auxquelles il a été forcé d'avoir recours en Perse n'ont absolument aucun rapport avec les aspirations de Mohammed-Ali-Shah au trône persan, il tient à confirmer à nouveau cette déclaration de la manière la plus catégorique. Il ne voudrait en aucun cas qu'on pût lui attribuer l'intention d'imposer un souverain à la Perse et de déroger au principe de non-intervention dans la lutte de l'ex-shah avec le gouvernement actuel, principe qu'il avait proclamé dès le début.

Par conséquent le gouvernement impérial déclare que si l'ex-shah profitait actuellement de la présence en Perse du corps d'expédition russe pour réaliser ses desseins, le gouvernement russe ne le reconnaîtrait pas comme souverain du pays, sans un accord préalable avec le gouvernement britannique.

Le gouvernement russe a pris connaissance avec plaisir de la communication de Sir G. Buchanan annonçant que le Cabinet de Londres, à son tour, lui promet son appui le plus énergique pour l'établissement de rapports normaux entre la Perse et la Russie, ainsi que pour la formation et le maintien d'un Cabinet et pour l'élection — s'il en est question — d'un régent, bien disposés envers la Russie [2].

Le ministère impérial est en mesure d'affirmer que le détachement russe concentré à Kazvine ne continuera pas sa marche sur Téhéran avant le 21/8 décembre si toutefois le ministre de Russie ne se voit pas forcé dans le cas où la situation deviendrait menaçante d'appeler les troupes dans la capitale avant cette date.

Le gouvernement impérial est animé du désir de faire retirer ledit détachement de Kazvine aussitôt que possible et il compte mettre à exécution ce dessein dès que le gouvernement persan se sera soumis aux exigences qui lui ont été formulées. Le gouvernement russe aime à espérer qu'aucun nouvel incident ne viendra à ce produire tel que des actes de violence sur la personne d'un agent russe, une attaque contre les institutions russes ou nos troupes, des actes de provocation envers la Russie, des troubles en général, etc. De pareils faits rendraient évidemment impossible le rappel du détachement.

Перевод.

Императорское правительство, неоднократно заявлявшее, что военные меры, к которым оно вынуждено было прибегнуть в Персии, не имеют решительно никакого отношения к притязаниям Мохамед-Али-шаха на персидский престол, считает нужным еще раз самым категорическим образом подтвердить это заявление. Оно ни в коем случае не желало бы, чтобы ему приписывали намерение навязать Персии правителя и нарушить принцип невмешательства в борьбу экс-шаха с настоящим правительством, — принцип, провозглашенный им с самого начала.

Вследствие этого императорское правительство заявляет, что если бы экс-шах воспользовался в настоящий момент присутствием в Персии русского экспедиционного корпуса с целью осуществить свои намерения, российское правительство не признало бы его правителем страны без предварительного соглашения с английским правительством.

Российское правительство с удовлетворением приняло сообщение сэра Дж. Бьюкенена о том, что лондонский кабинет, со своей стороны, обещает ему свою самую энергичную поддержку для установления нормальных отношений между Персией и Россией, а также для образования и поддержки кабинета и для выборов — если об этом возникнет вопрос — регента, вполне расположенных к России.

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 307. Публикуемая пам. записка была послана Нератовым Бьюкенену при следующем письме от 10 дек./27 ноябр. за № 883: «При сем препровождаю вам изложение наших взглядов по поводу экс-шаха, совпадающих в общем с проектом, который вы передали мне в пятницу [8 дек./25 ноября]. Я счел нужным добавить нашу точку зрения на возможные передвижения нашего казвинского отряда. Надеюсь, что эта памятная записка доставит сэру Э. Грею материал, необходимый ему для заявления в парламенте по вопросу о русской политике в Персии, как он о том выразил желание».

[2] См. № 155.

Императорское министерство имеет возможность подтвердить, что сосредоточенный в Казвине русский отряд не будет более продвигаться к Тегерану до 21/8 декабря, если только российский посланник не будет вынужден, в том случае, когда положение станет угрожающим, вызвать войска в столицу раньше этой даты.

Императорское правительство одушевлено желанием отозвать упомянутый отряд из Казвина, как можно скорее, и оно рассчитывает осуществить это намерение, как только персидское правительство подчинится предъявленным ему требованиям. Российское правительство хотело бы надеяться, что впредь не произойдет никаких новых инцидентов, как например, акты насилия над кем-либо из русских агентов, нападение на русские учреждения или на наши войска, вызывающие поступки по отношению к России, общие беспорядки и т. д. Подобные факты сделали бы, очевидно, невозможным отозвание отряда.

№ 190. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 96 [1]. 11 декабря/28 ноября 1911 г.

Ассим-бей предложил Гешову заключить турецко-болгарское соглашение на условиях: 1) исполнение Турцией болгарских пожеланий относительно Кумановской линии, торгового трактата и других. 2) Строгое невмешательство в обоюдные внутренние дела. 3) Самое благожелательное отношение Порты к правам и желаниям турецких болгар. 4) Десятилетняя гарантия неприкосновенности обоюдных территорий. Гешов сообщил мне об этом дня три тому назад, добавив, что дает турецкому посланнику отвезти Ассиму благоприятный в общем ответ, но что не придает существенного значения этому предложению и подозревает, что оно было сделано, чтобы увериться, связана ли Болгария с Сербией и соглашается ли гарантировать неприкосновенность Македонии. С тех пор Гешов еще скептичнее относится к турецкому предложению, ибо получил от Сарафова сведения, неблагоприятные болгарским фактическим домогательствам в Константинополе.

Неклюдов.

№ 191. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 1235 [2]. 11 декабря/28 ноября 1911 г.

Получил № 1295 [3].

Мы с Барклаем убеждены, что лучшим кандидатом для замещения Шустера был бы Морнар, с которым мы находимся в прочных, испытанных отношениях и который превосходно знаком с персидскими условиями. Однако трудно поручиться, что меджлис согласится на это назначение. Если Морнар займет место главного казначея, то нам, мне кажется, не следует стремиться к уменьшению его полномочий, тем более, что об этом, вероятно, позаботится само персидское правительство [4].

Поклевский.

№ 192. Управляющий консульством в Урге начальнику Отдела Дальнего Востока Козакову.

·/. Донесение № 1166. 11 декабря/28 ноября 1911 г.

М. г. Григорий Александрович,

Как я упоминал в своем донесении императорскому посланнику в Пекине от [12 ноября] 30 октября с. г. за № 1028, в копии представленном

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 11.

[2] Частично опубл. Ор. кн., стр. 312, со стилистическими изменениями.

[3] В оригинале ошибка. Тел. за № 1295 датирована 23/10 сент. и адресована полит. аг-ву в Бухаре. Имеется в виду тел. Нератова от 9 дек./26 ноября за № 1995 (см. стр. 164, прим. 2).

[4] В тел. от 18/5 дек. за № 2068 (опубл. Ор. кн., стр. 332) Сазонов, сообщая Поклевскому, что кандидатура Морнара росс. м-вом одобряется, указывал при этом на желательность ограничения прав финансового советника.

в первый департамент при письме от [14] 1 ноября за № 1046 [1], халхасские князья, ободренные происходящими во Внутреннем Китае беспорядками, решили действовать более энергично для достижения своей заветной цели — отделения Халхи от Китая. В этом намерении их еще более укрепили согласие нашего правительства на снабжение монголов оружием и данный частным образом действительным статским советником Коростовцом, через консульство, совет не упускать исключительно благоприятного случая, каковым является революция в Китае, для обеспечения самобытности Халхи.

Прежде всего князья озаботились организованием монгольских войск, чтобы, в случае необходимости, подкрепить свои требования силой.

Несмотря на то, что российское правительство распорядилось ускорить выдачу монголам оружия, дело это, по мнению князей, могло затянуться на срок больший, нежели им было желательно. У гэгена нашлось несколько десятков ружей; князья решили вооружить ими монгольских солдат, которых для скорости решено было набрать в ближайших к Урге хошунах. На тот хошун, в котором находится Урга, рассчитывать нельзя было ввиду того, что князь его, монгольский амбань в Урге Пунцук-цэрен, считался по своему официальному положению не внушающим доверия. Пока разослали гонцов по всем хошунам, уехал из Урги начальник военного управления полковник Тан, со всеми офицерами и инструкторами регулярных войск. У манчжурского амбаня осталось только 40 солдат его личной стражи и отряд пеших и конных солдат около 300 человек. Но последний отряд был не страшен князьям, так как передался со всеми офицерами на сторону гэгена, которому дал клятву в верности. Таким образом в распоряжении Саньдо осталось только 40 солдат, живших у него в ямыне.

Когда князья увидели, как благоприятно для них складываются обстоятельства, они [28] 15 ноября заявили Саньдо, что вызвали из хошунов монгольские войска. На вопрос амбаня о причинах созыва войск князья ответили, что руководствуются примером 1900 г., когда вследствие беспорядков в Китае в Ургу были стянуты войска из хошунов. Ответ князей очень испугал Саньдо, который [29] 16 ноября прислал ко мне своего секретаря и просил вмешаться в это дело и предложить монголам высказать свои требования. Не имея никаких указаний на этот случай, я ответил, что официально не могу принять на себя посредничества, но частным образом передам князьям предложение амбаня. Князья ответили, что они требуют, чтобы китайская администрация во главе с Саньдо покинула Монголию, частных же лиц и их имущество они не тронут. Вступить в переговоры с амбанем князья отказались. [30] 17 [ноября] я передал частным образом ответ князей Саньдо, который был им убит. Он пытался было поехать к гэгену и князьям, чтобы лично переговорить с ними, но не был принят.

[1 декабря] 18 [ноября] приехал секретарь амбаня Янь, который передал мне, что князья только-что объявили амбаню о состоявшемся провозглашении автономии Халхи и предложили Саньдо выехать из пределов Монголии вместе с остальной администрацией, и что амбань официально просит у консульства убежища для самого себя с семьей, а также для своих чиновников и их семей. Я, конечно, дал просимое убежище и принял в консульстве амбаня с его приближенными и их семьями, всего в числе до 30 человек.

Приехав в консульство, Саньдо посетил меня, благодарил за гостеприимство и заявил, что официально поручает защите и покровительству императорского консульства всех китайцев, остающихся в Урге. Сам же он, уже в качестве частного лица, проживет в консульстве несколько дней и уедет в Кяхту.

Как оказалось, по получении амбанем изложенного выше требования князей, китайский отряд отказался его защищать, потому что, как сказано выше, еще раньше перешел на сторону гэгена. Узнав о том, личная стража Саньдо разбежалась. Сам амбань и его приближенные совершенно потеряли

---

[1] Донесение от 12 ноября/30 окт. за № 1028 и письмо от 14/1 ноября за № 1046 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружены.

голову и не знали, что предпринять. При таких-то обстоятельствах Саньдо решил уступить без протеста, который ничему не помог бы, и покинул ямынь.

В тот же день гэген, через посредство председателя сейма Тушетханского аймака князя Чагдуржана и да-ламу Цэрен-чимыта, сообщил мне официально о происшедшем перевороте. Как и раньше, я на основании телеграфных указаний императорского посланника подтвердил им о нежелательности допущения со стороны монголов каких-либо насилий над китайцами, а тем более кровопролития. Князь ответил, что гэген преисполнен самых миролюбивых намерений, что мирное китайское население не будет подвергнуто никаким притеснениям и что князьями приняты меры для поддержания порядка.

Не доверяя мерам, принятым монголами, я, для обеспечения безопасности как русских торговцев, живущих в трех верстах от консульства смешанно с китайцами, так и китайского мирного населения, находящегося под нашим покровительством, поручил начальнику конвоя организовать охрану наших и китайских подданных, а также китайских телеграфа и банка. Оба эти учреждения взяты мной под охрану по той причине, что в целости их заинтересованы как консульство, так и наши подданные. Между тем князья хотели разогнать телеграфистов и ограбить банк. [3 декабря] 20 ноября вечером я получил известие, что перешедшие на сторону монголов китайские солдаты намереваются ограбить китайские лавки в Курене. Не надеясь на распорядительность князей, которые к тому времени не успели еще разобраться в своих обязанностях, и опасаясь, как бы при грабеже не пострадали наши подданные, что случилось бы неизбежно, я поручил начальнику конвоя послать к начальнику этих китайцев одного офицера и от моего имени просить принять все меры, чтобы его солдаты не могли учинить грабежа, и, если можно, отобрать у них оружие. Начальник китайских солдат, с которым я был знаком раньше, ответил, что примет все меры к поддержанию порядка среди своих подчиненных, и сам распорядился спрятать имевшееся на руках у солдат оружие. С нашей стороны не было допущено ни малейшего насилия. Тем не менее за действиями китайцев было установлено наблюдение. На следующий день гэген прислал сказать, что он ручается за китайских солдат, как за своих подданных, и просит прекратить наблюдение за ними. Через несколько дней, ввиду полного спокойствия, были сняты наши патрули в Курене и Маймачене.

[4 декабря] 21 [ноября] выехал из Урги в Кяхту амбань Саньдо, перед отъездом еще раз повторивший просьбу о принятии китайцев под покровительство консульства. Его сопровождали 12 монгольских солдат, посланных князьями, и два переводчика с 10 казаками, командированные мною. Переезд до границы совершился благополучно, и [10 декабря] 27 [ноября] вечером Саньдо приехал в Кяхту.

В настоящее время временное правление поручено гэгеном особому совету, состоящему из шести князей: Далай-бэйсэ, Хандавана, Намсарай-гуна, Цецен-вана, бывшего монгольского амбаня Пунцук-бэйсэ, Чагдуржан-гуна и да-ламы Цэрен-чимыта. Главой этого временного правительства назначен председатель сейма Тушетханского аймака гун Чагдуржан.

Конечно, трудно судить на первых порах о дееспособности новообразовавшегося правительства. Однако до сих пор поддерживается порядок и спокойствие среди населения Урги, и, как видно, монголы стараются устранять всякие поводы к недоразумению. Вследствие такового образа действий до настоящего времени в Ургинском округе не раздалось ни одного выстрела, не пролилось ни капли крови.

Тотчас же после переворота князья послали в Кяхтинский маймачен своего чиновника на смену цзаргучею, который, получив к тому времени по телеграфу соответствующие инструкции от Саньдо, беспрекословно сдал должность и выехал в Кяхту. Тогда же были посланы гонцы в Улясутай, Кобдо и другие места с объявлением о состоявшейся автономии Халхи и с предложением китайской администрации уступить место монголам.

В настоящее время в Урге находится около 500 монгольских солдат, не считая передавшегося китайского отряда. Солдаты последнего, находившиеся в командировках на приисках акционерного общества «Монголор» и в Кяхте, по возвращении в Ургу были обезоружены своими же товарищами, к которым и присоединились. Монгольские солдаты вооружены самым разнообразным оружием, какое только нашлось в Урге: есть и берданки, и кремневки, и маузеры — старого образца, и магазинные, отобранные у китайских солдат. [29] 16 декабря предполагается провозглашение гэгена ханом всей Халхи. На это торжество должны съехаться все халхасские ханы и князья. Церемония провозглашения будет совершена по старинному монгольскому обычаю чуть ли не времен первых ханов из дома Чингиса.

Донося о вышеизложенном и представляя одновременно копию настоящего донесения российскому поверенному в делах в Пекине, с совершенным почтением и пр.

В. Лавдовский.

№ 193. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 739. 12 декабря/29 ноября 1911 г.

Судя по некоторым признакам, борьба за преобладание, происходящая в Вене между партией мира и партией войны, начинает отражаться неблагоприятно на отношениях Черногории к Турции. Взамен господствовавшего в Цетинье — до назначения известного своим австрофильством Греговича министром иностранных дел — стремления установить с Турцией соглашения о добрососедских отношениях, здесь замечается ныне повышающаяся требовательность Черногории к Порте и как бы подыскивание предлога для разрыва. Таким имеет, повидимому, служить возбуждение вновь давнишнего и неосуществимого требования, чтобы Турция направила Адриатическую железную дорогу не через Приштину и Албанию, а через Санджак и Черногорию к Антивари. Вместе с тем черногорское правительство систематически воздерживается от отклика на предложения о сближении, делаемые турецким министром иностранных дел, и даже от дальнейших сношений с Портой касательно осуществления регуляризации Скутарийского озера, в пользу которой Черногория добилась летом от Турции письменного уговора и которая может сразу облегчить тот экономический и финансовый кризис, от которого Черногория несомненно страдает и под предлогом которого она готовится напасть на Турцию. Здесь говорят также о 3 200 000 кронах, недавно полученных Черногорией из Австрии [1]. С точки зрения сохранения мира на Балканах приходится опасаться, что Черногория будет втравлена в войну с Турцией, дабы принудить венских сторонников мира согласиться на военное выступление самой Австро-Венгрии.

Чарыков.

№ 194. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 1243 [2]. 12 декабря/29 ноября 1911 г.

№ 1.

Министр иностранных дел сказал мне сегодня, что меджлис отказал вчера обновленному кабинету Самсам-эс-Солтане в полномочиях, необхо-

---

[1] Тел. от 12 дек./29 ноября за № 156 Арсеньев сообщал Сазонову: «На-днях скупщине будет передан на утверждение договор о крупном для королевства займе в Вене, отдающем Черногорию в кабалу Австрии и тем делающем нашу поддержку Черногории бесцельной». По мнению Арсеньева и росс. воен. агента в Черногории Потапова, протест России против этого займа мог бы быть действительным в том случае, если «одновременно было бы сообщено королю, что в случае заключения займа в Австрии все субсидии из России прекратятся».

[2] Опубл. Ор. кн., стр. 315, со стилистическими изменениями.

димых для принятия ультиматума, вследствие чего исполнение наших требований с согласия меджлиса становится весьма мало вероятным [1]. Министр просил меня затем представить на усмотрение вашего превосходительства передаваемую в телеграмме № 2 новую редакцию пункта 2-го [2]. Восуг уверял меня, что наше согласие на подобную, менее обидную для персидского самолюбия, редакцию этого пункта обеспечит принятие всего ультиматума. Кабинет еще раз предложит меджлису согласиться на наши требования и, в случае отказа, распустит его и самостоятельно даст нам удовлетворение. Оставляя на ответственности министра все вышеизложенное, прошу спешных указаний относительно приемлемости для нас предложенной персами редакции пункта 2-го, а также должен ли я в утвердительном случае письменно уведомить персидское правительство о допускаемом нами изменении ультиматума, или же я мог бы ограничиться выражением согласия уже после того, как персы письменно примут в видоизмененной форме наши требования. Восуг доказывал мне также необходимость получения кабинетом от нас обещания, что принятие ультиматума повлечет за собой немедленное отозвание экспедиционного отряда в Россию. По его словам, только при этом условии министры получат возможность оправдаться в глазах народа за роспуск меджлиса. Я позволил себе ответить, что в случае исполнения наших требований, войска наши не подвинутся далее Казвина, но что, по моему личному мнению, нам было бы очень трудно отозвать отряд, прежде чем прекратится бойкот русских товаров и антирусская агитация и мы не получим полной уверенности в отсутствии опасности для наших подданных и учреждений в Персии.

Поклевский.

№ 195. Поверенный в делах в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 12 декабря/29 ноября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Со времени отправления последней экспедиции в моем распоряжении не накопилось таких положительных данных, которые укладывались бы в рамки официального донесения. Весь интерес минуты сосредоточивается теперь на переговорах, к которым приступили делегаты Юань Ши-кая с революционерами в Ханькоу. Если компромисс будет достигнут, хотя бы только с частью восставших провинций, факт этот значительно улучшит положение и увеличит надежды избежать анархии, к которой затяжная борьба постепенно истощающихся противников неминуемо приведет Китай. Относительно главных условий, обсуждаемых сторонами, поступали разные, частью противоречивые, сведения, за достоверность которых нельзя

---

[1] Сообщая в тел. от 12 дек./29 ноября за № 1236, что возможность иного толкования редакции 2-го пункта ультиматума (см. стр. 170, прим. 4) возбуждает в перс. прав-ве надежду на еще бо́льшую уступчивость со стороны росс. прав-ва, Поклевский извещал, что он через М. М. Гирса передал перс. м-ру ин. дел, что ультиматум «не может служить предметом каких-либо с нами переговоров, что весь отряд наш в течение двух дней прибудет в Казвин и что надежда персов на некоторое изменение редакции пункта 2-го не должна ни в чем влиять на происходящие ныне между кабинетом и меджлисом совещания, базой для коих следует считать наши три требования, формулированные в ультимативной ноте».

[2] В тот же день тел. за № 1242 (№ 2) (опубл. Ор. кн., стр. 316) Поклевский передавал предложенную перс. прав-вом редакцию 2-го пункта: «Что касается приглашения иностранных чиновников и офицеров, в которых будет нуждаться персидское правительство для организации государственной службы, то последнее, желая во всех случаях поддерживать наилучшие отношения с Россией и Англией, будет заботиться о том, чтобы выбор означенных чиновников и офицеров ни в чем не нарушал законных интересов этих правительств в Персии. Поэтому в вопросах, касающихся приглашения иностранных чиновников и офицеров, персидское правительство будет готово предварительно обмениваться мнениями с российской и английской миссиями в Тегеране».

было, однако, поручиться, что и вынудило меня воздержаться от доклада их вашему превосходительству по телеграфу. Устранив в угоду революционерам князя-регента и князя Цзай-Тао от всякого официального положения в правительственной иерархии, Юань Ши-кай, по слухам, сделал дальнейшую уступку революционерам, предложив придать выборный характер должности председателя совета министров, что при нынешних полномочиях, предоставленных этому сановнику, было бы равносильно созданию поста президента республики, притом с очень широкой властью. Революционеры, или, по крайней мере, генерал Ли Юань-хун, пошли до известной степени навстречу этой мысли, поставив условием, чтобы республика была провозглашена формально и чтобы местопребывание правительства находилось не в том же городе, который будет служить резиденцией императора; указывалось будто бы даже на Нанкин, если в Пекине останется жить император, причем последний не принимал бы никакого участия в делах управления.

Повидимому, крайние элементы будут, однако, настаивать на полном принятии своей программы, для характеристики коей позволяю себе приложить в газетной вырезке из «Journal de Pékin» заявления главаря чжилийских революционеров Ван Чжао-мина и перевод полученной им от известного революционного деятеля Хуан-сина телеграммы[1]. Нельзя не отметить, что третий пункт этой упомянутой выше программы носит явно социалистический характер.

Удастся ли при таких условиях осуществить компромисс, все еще остается сомнительным. Тем временем положение пекинского правительства продолжает осложняться с каждым днем: средства для уплаты жалованья столичным войскам, по сведениям из довольно достоверного источника, на исходе, и поддерживать порядок окажется тем более не легко, что здешний революционный комитет постарается, вероятно, использовать недовольство среди войск. Видимо на случай неудачи переговоров комитет готовится к более активному образу действий. Недавно ко мне явился китаец, заявивший себя уполномоченным комитета, и осведомился, справедливо ли приписывается России китайской прессой намерение выступить в защиту династии и препятствовать установлению в Китае республики. Я ответил, что императорское правительство самым категорическим образом заявило о своем невмешательстве во внутренние дела Китая, и задача наша здесь сводится к защите наших собственных интересов. Посетитель осведомился затем, будем ли мы признавать республиканское правительство; я ограничился указанием, что вопрос об официальном признании какого-либо правительства со стороны держав может возникнуть лишь тогда, когда оно действительно образовалось и в полном объеме осуществляет свою власть. Как я узнал, с подобными запросами являлись и в некоторые другие миссии.

Нет сомнения, что все иностранные представители здесь внешним образом придерживаются принципа невмешательства, однако отношение некоторых из миссий к событиям, при более внимательном наблюдении, принимает более индивидуальный характер. Повидимому, под влиянием личных отношений к бывшему военному министру Ин-чану германский посланник в начале кризиса склонен был верить в легкую победу правительства и династии над революционным движением. Такая точка зрения, несомненно, не осталась без практических результатов: германская пресса и телеграфное агентство Ostasiatischer Lloyd до последнего времени вели открытую кампанию в пользу манчжурской династии. С другой стороны, в консульских донесениях, а равно и в печати проскальзывали сведения о поставках оружия правительственным войскам и даже об участии в их рядах герман-

---

[1] В этом заявлении Ван Чжао-мин, изложив историю кит. революционного движения, указывал, что «генеральная ассоциация революционеров формулирует свою программу относительно будущего революции следующим образом: а) свержение существующей династии; б) установление республиканского режима и в) национализация земли».

ских инструкторов в сражениях у Ханькоу. Наконец, как в пекинском дипломатическом корпусе, так и на собраниях консулов, особенно в Ханькоу, замечалась тенденция германских представителей противиться всяким коллективным мерам, которые могли бы стеснить пекинское правительство. Возбуждение среди революционеров против Германии, угрозы бойкотом германских товаров, убийство компрадора одной из крупных немецких фирм в Шанхае, а главное, самый ход событий значительно изменили настроение германских представителей, всячески старающихся теперь засвидетельствовать о своем беспристрастном отношении к китайской междоусобице.

Симпатии американских представителей и газет с самого начала, несомненно, лежали на стороне революции. В настоящее время американцами видимо начинает овладевать сомнение в организационных и творческих способностях революционеров; смущает их также все более и более развивающаяся анархия в некоторых провинциях, на юге, а также в Гань-су и Шень-си, где проживает довольно много американских миссионеров. Эту точку зрения довольно откровенно высказывал мне лично американский посланник.

Отношение французской миссии выяснится, нужно думать, окончательно с приездом через несколько дней посланника г. Маржери, бывшего чрезвычайным представителем Франции на коронационных торжествах в Бангкоке. Временный его заместитель еще недавно смотрел весьма оптимистически на положение и был занят главным образом возможностью осуществления разных займовых операций. Между тем одна из провинций, где у Франции более всего интересов, именно Юнань, находится уже теперь в состоянии полнейшей анархии.

Весьма трудно охарактеризовать позицию, занятую японцами. Со стороны японского посланника неизменно проявляется большая осторожность и сдержанность; как только попустительство японских властей революционерам в Манчжурии стало предметом жалобы Чжао Эрр-сюня консульскому корпусу в Мукдене, немедленно же требование китайцев о принятии мер против революционеров на японской концессии было исполнено. По сведениям, идущим с юга, японцы там скорее солидарны с революционерами, между тем наряду с этим, как вашему превосходительству угодно будет припомнить из донесений консула нашего в Тяньцзине, японский пароход Такумару доставил в Тонку целый транспорт орудий, ружей и боевых припасов для правительственных войск, причем уплата по поставке еще не закончена. Ликвидация этого долга, достигающего 1 800 000 иен, может еще повести к разным неожиданностям, и здесь распространился даже слух, что в качестве гарантий уплаты китайское правительство предложило заинтересованной японской фирме доходы Пекин-Калганской железной дороги. Я не преминул воспользоваться первым случаем, чтобы осведомиться у японского посланника, насколько это предложение имеет под собой почву. Г. Иджуин ответил, что подобные слухи доходили и до него, но что ни китайское правительство, ни японская фирма к нему не обращались, а такая сделка не могла бы состояться без его участия. Хотя Пекин-Калганская железная дорога построена исключительно на средства казны, и китайцы вольны распоряжаться ею по своему усмотрению, я все-таки просил г. Иджуина ознакомить меня с подробностями этого дела, если последнее, паче чаяния, приняло конкретную форму и дошло бы до японской миссии, на что он и выразил согласие. Несомненно во всяком случае, что некоторая двойственность замечается в действиях японцев, причем явление это, вероятно, следует отнести на счет колебаний и сомнений, испытываемых в Токио и усугубляемых той общей подозрительностью, с которой встречается здесь каждый шаг Японии.

Наконец, из других наиболее заинтересованных иностранных представителей остается упомянуть об английском посланнике, придерживающемся все время корректного и выжидательного положения, хотя и настроенном скорее пессимистично. В отношении займовых операций он, по примеру

своего американского сотоварища, видимо мало склонен поощрять их в силу яркой политической окраски, которую приобрела бы в настоящую минуту всякая крупная финансовая сделка.

Я счел нелишним обременить внимание вашего превосходительства приведенными подробностями, которые могут представить интерес, так как, если в ближайшем будущем положение не изменится к лучшему, вопрос о более солидарной деятельности и группировке держав в Китае силой вещей, вероятно, станет на очередь.

Примите и пр. Щекин.

№ 196. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 2028 [1]. 13 декабря/30 ноября 1911 г.

По поводу пункта шестого известной вам английской памятной записки, сообщенной гофмейстеру Сазонову великобританским послом в Париже [2], Бьюкенен сообщил мне дополнительно, что слова: «как только порядок будет установлен» — относятся не только к казвинскому, но и к тавризскому и ардебильскому отрядам [3].

Я ответил на это послу, что назначение последних двух отрядов не имеет ничего общего с нашими требованиями и с задачей, лежащей на экспедиционном казвинском отряде, и что в настоящее время ввиду положения дел в Азербайджане и Ардебиле и, в особенности, ввиду возможности наступления турок мы лишены возможности высказаться относительно момента отозвания их.

Нератов.

№ 197. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 2029 [4]. 13 декабря/30 ноября 1911 г.

Сообщается в Лондон.

Великобританский посол передал мне, что Грей считал бы своевременным предоставить ныне же вам и Барклаю обсудить положение дел в Персии и сообща выяснить, какие меры могли бы быть приняты для упорядочения общего порядка вещей в этой стране. Грей имеет очевидно при этом в виду такие вопросы, как создание сильного местного правительства, ограничение вмешательства меджлиса в административные дела, созвание сената, заключение займа и тому подобное.

Не встречая к тому со своей стороны препятствий, прошу вас переговорить об этом с Барклаем и о результате ваших совещаний телеграфировать. Само собой разумеется, что вместе с тем нам важно будет знать и ваши личные взгляды на все эти вопросы, независимо от выводов, к которым вы придете по соглашению с вашим британским коллегой.

Нератов.

№ 198. Консул в Львове послу в Вене Н. Гирсу.

Донесение № 4403. 13 декабря/30 ноября 1911 г.

Имею честь донести, что в минувшее воскресенье, 10 декабря/ 27 ноября, в 12 часов дня, в то время, когда в канцелярии вверенного мне консульства,

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 318, с сокращениями и стилистическими изменениями.
[2] См. № 176.
[3] Это дополнение Берти передал Сазонову в Париже письмом от 9 дек./26 ноября, а Бьюкенен Нератову пам. запиской от 10 дек./27 ноября.
[4] Частично опубл. Ор. кн., стр. 319, со стилистическими изменениями, и Siebert, II, S. 261, № 534.

в доме № 9 по улице Потоцкого, находился секретарь оного надворный советник Верховцев, занятый разборкой консульской корреспонденции, неожиданно ударами камней раздроблены были два окна кабинета консула, выходящие в переулок, и одновременно с сим, как усмотрено было позже, забрызганы брошенными чернильницами как стена дома, в которой помещаются сказанные окна, так и вход в консульство, с улицы Потоцкого, где находится щит и флагшток; два огромных чернильных пятна расположились на стене в самом незначительном расстоянии от щита, одно с правой, а другое с левой стороны, причем брызги чернил попали на край самого щита. Манифестация эта, по собранным сведениям, совершена была группой студентов, к коей присоединились некоторые уличные элементы, причем часть манифестантов была задержана находившейся здесь, в совершенно недостаточном числе, полицией, но только один, некто Костецкий, был оставлен под арестом и ныне предан суду.

Явившемуся ко мне сейчас же с докладом о происшедшем надворному советнику Верховцеву я, находясь по болезни уже несколько дней в постели, предложил немедленно отправиться в наместничество Галиции с протестом от моего имени по поводу нанесенного русскому консульству во Львове оскорбления и указанием на недостаточность принятых для охраны его мер. Наместник Галиции, выразив сожаление по поводу происшедшего и заявив, что и сам неоднократно подвергался во Львове подобного рода нападениям толпы, обещал принять необходимые меры, после чего охрана консульства была немедленно и значительно усилена. В тот же вечер, после митинга, имевшего место (по поводу выделения Холмщины) в центре города, на этот раз уже огромная толпа вновь пыталась проникнуть к консульству, но после ожесточенных схваток была отбита полицией. Следующий день (понедельник) прошел спокойно; но к вечеру, ввиду замеченного брожения, охрана консульства была усилена полуротой пехоты, что оказалось весьма соответственным, так как толпа вновь двинулась к консульству и была остановлена лишь угрозой открыть огонь.

Выбитые в консульстве стекла я распорядился вставить немедленно для возможности продолжения занятий в канцелярии, чернильные же пятна были удалены, и стена приведена в надлежащий вид рабочими, доставленными местной полицией.

Об арестованных и о наложенных на них наказаниях буду иметь честь донести своевременно.

К сему долгом считаю присовокупить, что состояние здоровья моего настолько улучшилось, что дня через два я надеюсь находиться уже лично в консульстве, коим, впрочем, я не переставал управлять и во время моей болезни [1].

Я. Экземплярский.

---

[1] В ответ на словесные представления росс. пос-ва в Вене по этому делу последним была получена от австро-венг. м-ва ин. дел нота от 12 дек./29 ноября за № 3190, в которой сообщалось, что расследование, произведенное наместником в Галиции, констатировало: а) что щит консульства остался совершенно нетронутым, б) что разбиты были два окна частной квартиры консула, а окна консульства не пострадали, в) что полицией во Львове немедленно были приняты меры к подавлению демонстрации, причем 1 человек был арестован.

В ответной ноте от 14/1 дек. за № 1722 Н. Гирс указывал, что результаты расследования наместника в Галиции не совпадают с данными, сообщенными консулом во Львове, и добавлял при этом, что разбитые стекла консульства были вставлены по приказу консула, а чернильные пятна на стене были удалены рабочими, доставленными местной полицией.

Нотой от 15/2 дек. за № 1725 Н. Гирс известил австр. м-ра ин. дел, что инцидент во Львове произвел самое тягостное впечатление в России. «Императорское правительство, — указывалось в ноте, — считает необходимым, чтобы наместник в Галиции выразил сожаление нашему консулу по поводу произведенного оскорбления со стороны манифестантов и чтобы виновные были строго наказаны».

№ 199. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма [1]. 13 декабря/30 ноября 1911 г.

Получил телеграмму № 2010 [2].

Передал содержание ее через Гирса министру иностранных дел и Сердар-Асаду, а также посетившим меня другим бахтиарским ханам. Все эти лица усиленно просили, чтобы хотя незначительные части нашего отряда стали выступать из Казвина в Россию немедленно по принятии ультиматума, так как иначе персидскому правительству будет невозможно справиться с усиливающимся в Тегеране и провинциях народным возбуждением. Я указал, что наши войска не могут быть отозваны раньше, чем Шустер будет фактически уволен и пока здесь не прекратятся вызывающие по отношению России действия вроде бойкота наших товаров, трамвая и антирусской агитации. Министр и бахтиары уверяли, что правительство примет самые энергичные меры для прекращения подобных явлений, и намекали на невозможность для них распустить меджлис и решиться на столь непопулярную меру — принятие наших требований без более определенных обещаний относительно отозвания экспедиционного отряда. По имеющимся здесь сведениям, многие умеренные депутаты подают, по совету кабинета, в отставку, чтобы нарушить необходимый для законного решения меджлиса кворум и тем добиться прекращения парламентской деятельности.

Поклевский.

№ 200. Министр иностранных дел [3] посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 2043 [4]. 14/1 декабря 1911 г.

№ 1.

Телеграммы №№ 1236 [5], 1242 [6], 1243 [7] и [13 декабря] 30 ноября [8] получены.

Предполагаемый персами текст второго пункта приемлем за исключением последнего абзаца, в котором выражение «предварительный обмен мнений» представляется слишком неопределенным. За № 2 вам сообщается наше предположение относительно возможного изменения этого абзаца[9]. Редакцию эту вы можете словесно предложить министру иностранных дел.

Если персы на это согласятся, то они должны вас письменно уведомить, что они принимают наши требования и просят изложить второй пункт в означенной редакции. Тогда вы можете им объявить, что русское правительство, желая доказать свое доброе расположение к Персии, соглашается признать все три требования свои удовлетворенными.

Что касается отозвания войск из Казвина, то мы готовы приступить к удалению их оттуда после выполнения требований, если тому не помешают чрезвычайные обстоятельства, упомянутые в нашей телеграмме № 2010 [2].

Сазонов.

---

[1] Номер отсутствует. Опубл. Ор. кн., стр. 321, со стилистическими изменениями.
[2] См. № 188.
[3] 13 дек./30 ноября Сазонов возвратился в Петербург из заграничной поездки и 14/1 дек. вступил в управление м-вом.
[4] Опубл. Ор. кн., стр. 326, с сокращениями и стилистическими изменениями.
[5] См. стр. 181, прим. 1.
[6] См. стр. 181, прим. 2.
[7] См. № 194.
[8] См. № 199.
[9] В тел. от того же числа за № 2044 (№ 2) (опубл. Ор. кн., стр. 326) Сазонов предлагал следующий текст: «Поэтому персидское правительство, желая достигнуть соглашения в вопросах, касающихся приглашения означенных чиновников, будет готово предварительно обменяться мнениями с российской и английской миссиями в Тегеране».

№ 201. Министр иностранных дел послам в Лондоне, Париже, Вашингтоне и Берлине — Бенкендорфу, Извольскому, Бахметеву, Остен-Сакену и поверенным в делах в Токио и Пекине — Броневскому и Щекину.

Телеграмма. № 2045. 14/1 декабря 1911 г.

Японский посол сообщил, что английский посол в Токио справлялся, как отнеслось бы японское правительство к выдаче англо-франко-германо-американским синдикатом аванса в полтора миллиона лан китайскому правительству. Японский министр иностранных дел ответил, что он должен обсудить этот вопрос прежде, чем дать решительный ответ, но во всяком случае считает невозможными денежные ссуды пекинскому правительству, если они не будут одобрены революционерами.

Нератов, которому было сделано это сообщение, заметил барону Мотоно, что мы попрежнему [1] относимся отрицательно к выдаче китайцам авансов в счет проектируемого сказанным синдикатом китайского займа в 10 миллионов фунтов стерлингов.

Сазонов.

№ 202. Министр иностранных дел наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

Телеграмма № 2046. 14/1 декабря 1911 г.

Независимо от рассматривавшихся в совете министров общих подготовительных мер на случай дальнейшего движения нашего отряда из Казвина на Тегеран, о коих ваше сиятельство будут извещены военным министром, прошу, по соглашению с председателем совета министров и по общеполитическим соображениям, подтвердить начальнику отряда, что он не должен выступить из Казвина без особого указания посланника. Вместе с тем, ссылаясь на сообщенную вам телеграмму Поклевского № 1237 [2], прошу по возможности усилить состав ардебильского отряда.

Сазонов.

№ 203. Министр иностранных дел послу в Вене Н. Гирсу.

Письмо № 785 [3]. 14/1 декабря 1911 г.

М. г. Николай Николаевич,

Недавняя поездка короля Фердинанда в Вену и свидание его с императором Францем-Иосифом [4] невольно останавливают на себе наше внимание.

Как мне кажется, выставленных графом Эренталем в разговоре с вами объяснений о желании австрийского правительства точно определить положение, которое Болгария займет в случае осложнения, недостаточно для личных переговоров двух государей, — факта, противоречащего, кроме того, еще недавно сделанному вам графом Эренталем заявлению, что до весны не предполагается приема в Вене ни одного балканского монарха [5].

---

[1] См. № 74.

[2] В тел. от 12 дек./29 ноября за № 1237 (опубл. Ор. кн., стр. 315, с сокращениями и стилистическими изменениями) Поклевский сообщал, что он узнал об уходе из Ардебиля воинской части. «Так как условия в Ардебильском округе не изменились к лучшему, — указывал далее Поклевский, — и шахсевенский вопрос остается все тем же больным нашим местом, я считаю необходимым заменить ушедшую из Ардебиля воинскую часть новой и в том же составе».

[3] Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 12, где это письмо ошибочно приписано Нератову.

[4] См. №№ 111 и 165.

[5] Тел. от 3 окт./20 сент. (без номера) Н. Гирс сообщал, со слов Эренталя, «что слухи об официальном посещении осенью королями Сербии и Болгарии венского двора неосновательны и что речи не может быть об официальном приеме их императором Францем-Иосифом до весны».

Точно так же трудно объяснить себе приглашение короля Фердинанда в Вену одним только желанием побудить его к сближению с Румынией.

Более вероятным, следовательно, является предположение, что темой происходивших разговоров служило общее положение Балканского полуострова и в частности Македонии [1].

Исходя из различных отрывочных указаний, особенно же из факта значительного усиления боевой готовности монархии на южных ее границах (о чем военный агент в Вене обстоятельно доносит в военное министерство) [2], можно предположить, что разговор с королем болгар происходил в таком направлении: либо Австрия, основываясь внешне на точке зрения status quo, предостерегала Болгарию от всяких его нарушений, прибавив угрозу, что в случае малейшего ее движения она сама вынуждена будет двинуться в сторону Сербии и Санджака, либо, предоставив Болгарии в принципе свободу действий в сторону Македонии, она советовала ей по этому вопросу сговориться с Румынией. Очевидно, что разговоры эти были бы не легкие и не скорые, а тем самым вбивался бы, так сказать, клин между Болгарией и Сербией, сближение коих всегда было особенно ненавистно в Австро-Венгрии.

Исходя из вышеизложенных или подобных им догадок, ваше превосходительство, может быть, найдете случай выведать и осветить императорскому министерству суть недавних австро-болгарских разговоров, что без сомнения облегчит нам суждение об общем положении балканских дел.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 204. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 744 [3]. 14/1 декабря 1911 г.

Получил телеграмму № 2003 [4].

На сегодняшнем дипломатическом приеме Ассим-бей попросил меня разъяснить ему заявление, приписанное гофмейстеру Сазонову газетой «Temps», о совсем частном характере моего сообщения о Проливах [5]. Я ответил, что подробные сведения о моих сношениях касательно русско-турецкого соглашения имеются в Петербурге и что по отношению к Проливам мной уже было заявлено Ассим-бею наше намерение не производить давления на

---

[1] Тел. от 12 дек./29 ноября за № 98 (опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 12) Неклюдов сообщал, со слов Данева, что по возвращении своем из Вены король заявил последнему, «что со «старым и больным» императором он о политике не говорил. С Эренталем он разговаривал долго, причем Эренталь, стараясь выведать намерения Болгарии, сказал будто бы королю, что Австрия в принципе и при известных обстоятельствах не противилась бы расширению болгарских границ в сторону Македонии. Король отвечал на это весьма уклончиво; он заметил, что граф Эренталь и все политические сферы в Вене крайне смущены и озабочены». По словам Данева, «король за последние недели все более убеждается в прочности и тесном и решительном взаимодействии России, Франции и Англии и уверен также в преимуществе сил сих трех держав над силами Германии и Австрии. Это сознание, — как надеются и Данев и Гешов, — может заставить короля решиться на окончательный оборот в сторону соглашения с Сербией и Россией».

[2] Тел. от 15/2 ноября Занкевич сообщал в ген. штаб, что в Боснию перевезено от 14 до 15 тысяч нижних чинов, а возле Вышеграда и Фочи сосредоточено до двух дивизий. Деп. от 19/6 дек. за № 73 Гартвиг сообщал, что, благодаря работе серб. воен. м-ва и Комитета народной обороны (см. № 39), в ген. штабе Сербии имеются самые достоверные сведения о вооружениях Австрии на границе Санджака. Эти сведения, по словам Гартвига, «не только вполне подтверждают, но и широко развивают все то, что мной в течение целых месяцев сообщалось на основании «сербских источников» и разведок доверенных лиц императорской миссии». В заключение Гартвиг высказывал мнение, что Россия должна быть признательна серб. ген. штабу и особенно Комитету народной обороны, «с такой предупредительностью открывающим для нашего пользования свои секретные разведочные архивы».

[3] Маш. копия.

[4] См. № 186 и прим. 1 к нему.

[5] Ср. № 186.

Порту, пользуясь ее теперешним затруднительным положением. Поэтому и во исполнение полученной инструкции я прошу министра не придавать моим беседам по названному предмету значения официальных переговоров. Министр спросил, желаю ли я, чтобы он предложил совету министров все 6 пунктов переданного мной проекта декларации [1] для сообщения мне словесного на них ответа. Я сказал, что желаю представления совету министров наших предложений и получения ответа за исключением параграфа, касающегося Проливов. Буду телеграфировать обещанное сообщение министра в видах обсуждения оного особенным совещанием.

Чарыков.

№ 205. Выписка из донесения российско-императорского генерального консула в Шанхае статского советника Гроссе от [14]1 декабря 1911 г. № 960 [2].

Революция в Китае, после указа [30] 17 октября [3], начала распространяться с особенной силой и охватила всю долину Янцзы-цзяна.

Даотай Лю Янь-и, опасаясь возникновения беспорядков в Шанхае и не имея в своих руках достаточно средств, чтобы предотвратить их, обратился с ходатайством о присылке войск и денег. Просьба его, однако, не была уважена.

Тем временем революционное движение стало принимать серьезный характер и разразилось в открытый бунт, причем сигналом к нему послужил отказ властей в уплате жалованья полицейским.

Мятежники заняли присутственные места, удалили чиновников и подожгли ямынь даотая. Арсенал, Вусунские форты и военные лодки оказались в руках революционеров. Военные припасы и оружие были розданы всем желающим лицам и попали в руки неблагонадежного элемента, что вызвало опасение нападения со стороны последних на мирных жителей. Ввиду этого республиканское правление в Шанхае обратилось в муниципальный совет концессии с просьбой принять исключительные меры к надзору за китайцами, прибывающими в иностранные части города.

С [4 ноября] 22 октября революционеры сами приняли меры к поддержанию порядка и приступили немедленно к организации управления. Шанхайский даотай лишился всякого престижа и был принужден консульским корпусом передать старшему консулу на хранение ценные бумаги, обеспечивающие иностранным банкам возврат ссуды, выданной ими местным властям. [24] 11 ноября даотай сдал вышеупомянутые документы и отстранил себя от всякого участия в делах и неоднократно просил консула нашего в Шанхае дать ему, в случае опасности, приют в его доме, однако до сих пор надобности в этом не ощущалось, так как даотай, отстранив себя от дела, избавился от всяких враждебных действий со стороны революционеров.

Что же касается личного состава временного правительства в Шанхае, то во главе его стоит бывший китайский посланник в Вашингтоне Ву Дин-фан [4]. По словам статского советника Гроссе, главная деятельность его заключается в том, что он произносит публичные речи в собраниях революционных кружков и инспирирует прессу, муссируя значение незначительной армии республиканцев и подготовленность китайского населения к политическому самоуправлению.

---

[1] См. стр. 112, прим. 2.

[2] Царск. экз. Заголовок оригинала.

[3] 30/17 окт. 1911 г. был издан императорский указ (опубл. Изв. МИД, 1912 г., кн. V, стр. 93, где по ошибке датирован 30/17 сент. 1911 г.) о введении в Китае конституционного строя (см. т. XVIII, № 785).

[4] К донесению № 960 Гроссе приложил краткие сведения о карьере Ву Дин-фана: «Уроженец Кантонской провинции, получил высшее образование в Англии, начал карьеру в Гонконге адвокатом; участвовал в заключении мирного договора с Японией в Симоносеки, был дважды посланником в Соединенных Штатах, комиссаром для пересмотра торговых трактатов и вице-председателем кодификационного отдела министерства юстиции. Вышел в 1909 году в отставку и поселился в Шанхае, где принимал деятельное участие в подготовлении революции».

В этом чувствуется какая-то неуверенность в успехе своего дела, несмотря на то, что настроение толпы, правда, подогреваемое лубочными картинами и всей туземной прессой, сильно приподнято, что выражается особенно ярко массовым поступлением молодежи в ряды республиканской армии. Иностранные издания в Шанхае, за исключением немецких, относятся сочувственно к идеям Ву Дин-фана, старательно поддерживая в революционерах бодрость духа. Тем не менее деятельность нового правительства все еще ограничивается одними словами, не касаясь фактического преобразования старого строя.

Относительно сотрудников Ву Дин-фана можно сказать, что лица эти, не составившие себе имени в своей прошлой деятельности, ничем не отличаются от заурядных китайских чиновников и не сулят в будущем никаких благоприятных результатов в деле проведения внутренних реформ. Ву Дин-фан и его сторонники не имеют серьезного практического опыта, являясь лишь теоретиками в вопросах об изменении государственной жизни Китая. Выбор Ву Дин-фана объясняется не столько его личными качествами, сколько его популярностью в Америке, на которую возлагают немалые надежды здешние революционеры. Между тем трения, происходящие в настоящее время между Ву Дин-фаном и Ли Юань-хуном, с одной, и членами местного революционного комитета, с другой стороны, указывают с достаточной ясностью на отсутствие единства в партии сторонников свержения манчжурской династии. Во всяком случае можно предсказать, чем бы ни окончилось республиканское движение в Китае, что шанхайским деятелям не суждено сыграть той высокой роли, которую на них возложила республиканская партия. Кроме того, недостаток денег, принудительное обложение жителей чрезмерными налогами в пользу революции создают почву для ропота и неудовольствия.

В заключение статский советник Гроссе добавляет, что интересы русских в городе Шанхае до сих пор не терпели ущерба и находятся под охраной иностранных военных судов и местных сухопутных сил.

№ 206. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 74. 14/1 декабря 1911 г.

Как я с первых дней после моего приезда уведомлял императорское министерство, нижняя палата тремястами голосов против одного приняла резолюцию о немедленной денонсиации трактата с Россией [1]. Остается сенат, который несомненно последует этому примеру, но, вероятно, ничего не предпримет до нового сообщения, обещанного президентом после рождественского перерыва, т. е. 3 января н. ст.[2]. Государственный секретарь, повидимому, потерял всякую надежду на благоразумие старших законодателей и убежден, что остановить их теперь возможно лишь обоюдно-дружественным соглашением на пересмотр старого трактата. Не будучи до сих пор осведомлен о том, как императорское правительство отнеслось бы к этой инициативе со стороны президента, мне остается покуда лишь воздержаться здесь от всякого обсуждения своевременности и приемлемости подобного предложения, но считаю долгом обратить благосклонное внимание вашего превосходительства на то, что денонсиация трактата в обеих палатах уже примет силу закона, так как на открытое противодействие президента теперь рассчитывать нельзя, и что через три недели всякое соглашение *на пересмотр* трактата окажется уже неизбежным, а не добровольным с нашей стороны.

Бахметев.

---

[1] В деп. от 20/7 дек. за № 65 Бахметев, между прочим, сообщал, что в нижней палате была принята предложенная депутатом Зульцером резолюция, в которой говорилось, что «русское правительство нарушило трактат между Соединенными Штатами и Россией, заключенный в С.-Петербурге 18 декабря 1832 г., тем, что оно отказывается уважать (to honor) американские паспорты, правильно выданные американским гражданам на основании их породы и веры».

[2] См. №№ 212 и 237.

№ 207. Министр иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

·/. Телеграмма № 2051. 15/2 декабря 1911 г.

№ 744 получен [1].

Так как переданные вами Ассим-бею пункты преждевременно огласились не по нашей вине, считаем невозможным вести переговоры в рамках сообщенных вами туркам текстов. Поэтому благоволите теперь же предупредить Ассим-бея, что мы принуждены приостановить ныне дальнейший обмен мнений, но что всегда будем готовы выслушать частным образом мнение Турции по затронутым вопросам.

Для вашего сведения добавляю, что получение официального отзыва турок на 5 пунктов было бы нежелательно, так как в представленном вами тексте они не дают нам достаточных выгод без компенсаций на почве Проливов [2].

[Сазонов.]

№ 208. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Письмо [3]. 15/2 декабря 1911 г.

Monsieur le Ministre,

Arrivé à Londres [4] lundi dernier le soir [5] je me rendis mardi chez Sir E. Grey.

Je dis à Sir Edward que conformément au désir qu'il m'en avait exprimé j'avais transmis à votre excellence le vif désir du ministre de vous voir faire une visite à Londres qui à cause de l'absence du roi aurait dû conserver un caractère privé. Je lui dis que j'avais donné expression à son voeu avec d'autant plus de plaisir que moi-même je comprenais qu'une entrevue en ce moment eut considérablement contribué à éclaircir les points de vue de nos deux gouvernements au sujet de maintes questions, notamment celle de Perse. J'ajoutai pourtant que je n'avais pas cru pouvoir insister sur mon opinion à ce sujet autant que j'eusse fait en d'autres circonstances.

Je dis à Sir Edward que je vous avais trouvé très désireux de venir à Londres un peu plus tard, mais qu'actuellement, à votre vif regret, vous jugiez devoir y renoncer à cause de l'absence du roi d'abord, et ensuite faute de temps, attendu que notamment dans les circonstances actuelles, votre santé heureusement rétablie, vous jugiez ne pas pouvoir retarder même d'un jour votre rentrée à St.-Pétersbourg.

Sir Edward me répondit que cet argument lui paraissait tout à fait convaincant. Il répéta son regret qu'il en soit ainsi et son vif espoir de vous voir dès que cela sera possible.

Je puis vous assurer qu'à ce sujet il n'existe ici aucun froissement. Sir Edward et le gouvernement anglais ont pris la chose de la façon la plus naturelle du monde. Je poursuivis en disant à Sir Edward de la part de votre excellence que vous rentriez aux affaires, comme vous en étiez temporairement sorti, décidé à maintenir la politique de l'empereur qui est de baser notre politique en Perse sur la convention anglo-russe au sujet de ce pays et de maintenir cette convention, tout comme les deux autres, comme base des bons rapports existant aujourd'hui entre la Russie et la Grande Bretagne; que les difficultés surgies en Perse étaient certainement sérieuses, mais que vous aviez constaté avec plaisir que le point de vue russe était compris par le cabinet de Londres et aviez vivement apprécié la façon dont Sir Edward s'en était exprimé au Parlement [6]. Je lui dis que dans votre appréciation rien

---

[1] См. № 204.

[2] В ответной тел. от 18/5 дек. за № 750 Чарыков сообщил: «Ссылаюсь на свою экспедицию, которую вы получите в пятницу [см. № 221]. Сообщение сделано сегодня».

[3] Опубл. Siebert, II, S. 261, № 535.

[4] См. стр. 140, прим. 2.

[5] 11 дек./28 ноября.

[6] См. стр. 103, прим. 4.

n'était plus de nature à faciliter l'échange constant d'idées nécessaire entre les deux Cabinets.

Sir Edward me dit qu'en effet depuis ces derniers jours plusieurs points avaient été éclaircis et sa tâche très heureusement facilitée.

Je dis à Sir Edward qu'à Paris vous aviez reçu le mémorandum contenant six points principaux [1]; que vous n'aviez pas eu le temps de les soumettre à un examen approfondi, mais que votre impression avait été favorable.

Je fis pourtant mes réserves sur le télégramme supplémentaire concernant le séjour de nos troupes à Tabris et Ardebil [2], comme j'ai eu l'honneur de le télégraphier en date d'hier [3]. Sir Edward, comme vous le savez, me répondit qu'il comprenait parfaitement qu'il s'agissait pour ces deux corps expéditionnaires d'un ordre d'idées tout différent de celui qui a provoqué la marche de nos troupes sur Kazvine et que, pour le retrait des deux corps en question, il fallait des circonstances favorables et du temps. Il ajouta qu'il avait tenu à en faire mention seulement pour que le mémorandum contienne un aperçu complet de la situation en Perse, telle qu'il la comprenait.

Sir Edward ajouta qu'il lui semblait urgent que, dès que les difficultés actuelles seraient surmontées, les deux gouvernements conjointement s'appliquent en Perse à faciliter au gouvernement persan, tel qu'il sera, une politique constructive; que les intérêts anglais l'exigeaient et qu'il pensait qu'il en était autant des intérêts russes.

Il mit au premier plan le choix d'un nouveau conseiller financier étranger et une gendarmerie suffisante sous l'influence russe dans le nord, sous l'influence anglaise dans le midi. Il mit en relief la nécessité d'un emprunt sans lequel rien n'est possible, mais qui devait être conclu sous les auspices des deux gouvernements pour éviter toute immixion de Puissances tierces, immixion qu'autrement il considère inévitable.

Sir Edward reprit à ce sujet ses objections à l'indemnité qui constitue le troisième point de notre ultimatum, comme devant mettre aux points de vue qu'il venait d'énoncer les plus grandes difficultés et contribuera à perpétuer un état de choses dans le midi de la Perse dont les intérêts anglais souffraient de façon sensiblement plus directe que les intérêts russes dans le nord. Je répondis qu'à Paris vous vous étiez exprimé dans le même sens; que, dans votre opinion, il ne pourrait être question d'imposer à la Perse des conditions qui paralyseraient son avenir économique et qu'il s'agirait selon vous d'étudier un projet transformant cette indemnité en une condition qui, sans être onéreuse pour la Perse, répondit directement aux intérêts russes.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. министр,

Прибыв в Лондон в минувший понедельник вечером, я во вторник отправился к сэру Э. Грею.

Я сказал сэру Эдуарду, что, согласно выраженному им желанию, я передал вашему превосходительству живейшее желание министра, чтобы вы посетили Лондон, причем вследствие отсутствия короля это посещение носило бы частный характер. Я сказал ему, что передал о его пожелании с тем бо̀льшим удовольствием, что я и сам понимал, что свидание в этот момент значительно содействовало бы выяснению точек зрения обоих наших правительств по целому ряду вопросов, и в частности по вопросу о Персии. Я, однако, добавил, что не считал возможным настаивать на своем мнении по этому вопросу в той мере, в какой я бы сделал это при других обстоятельствах.

Я сказал сэру Эдуарду, что видел с вашей стороны большое желание приехать в Лондон немного позже, но что в настоящее время, вы, к вашему большому огорчению, считаете необходимым отказаться от этого прежде всего ввиду отсутствия короля, а затем и из-за недостатка времени, так как в особенности при нынешних условиях, после того, как ваше здоровье счастливо восстановилось, вы находите нужным ни на один день не задерживаться с возвращением в С.-Петербург.

[1] См. № 176.

[2] См. № 196.

[3] Имеется в виду тел. за № 318, датированная 15/2 дек., полностью изложенная в данном абзаце публикуемого документа.

Сэр Эдуард ответил мне, что этот довод ему кажется вполне убедительным. Он снова выразил свое сожаление и свою живейшую надежду увидеть вас, как только это будет возможно.

Могу вас уверить, что по этому поводу здесь не существует никакой обиды. Сэр Эдуард и английское правительство приняли это самым естественным образом. Далее я сказал сэру Эдуарду от имени вашего превосходительства, что вы, как и при временном отходе от дел, возвращаетесь к ним с решимостью поддерживать политику императора, состоящую в том, чтобы наша политика в Персии опиралась на англо-русскую конвенцию относительно этой страны, а также в сохранении этой конвенции, как и двух других, в качестве основы добрых отношений, существующих сейчас между Россией и Великобританией; что трудности, возникшие в Персии, конечно, серьезны, но что вы с удовольствием констатировали понимание лондонским кабинетом русской точки зрения и живо оценили то, каким образом сэр Эдуард высказался об этом в парламенте. Я сказал ему, что, по вашему мнению, ничто не может более облегчить постоянный обмен мыслей, необходимый между обоими кабинетами.

Сэр Эдуард сказал мне, что, действительно, за эти последние дни разъяснились многие пункты, и его задача была, к счастью, облегчена.

Я сказал сэру Эдуарду, что в Париже вы получили меморандум, содержащий шесть главных пунктов; что вы не имели времени подвергнуть его углубленному рассмотрению, но что он произвел на вас благоприятное впечатление.

Я сделал, однако, оговорки относительно дополнительной телеграммы, касающейся пребывания наших войск в Тавризе и Ардебиле, как я имел честь об этом телеграфировать вчера. Сэр Эдуард, как вы знаете, ответил мне, что он вполне понимает, что относительно этих двух экспедиционных отрядов имелись совершенно другие соображения, чем те, которыми вызван был поход наших войск на Казвин, и что для вывода обратно этих двух отрядов нужны благоприятные обстоятельства и время. Он добавил, что считал нужным упомянуть об этом только для того, чтобы меморандум содержал полный обзор положения в Персии, как он его понимает.

Сэр Эдуард добавил, что ему кажется настоятельно необходимым, чтобы, — как только нынешние затруднения будут преодолены, — оба правительства совместно приложили усилия в Персии, дабы облегчить персидскому правительству, каково бы оно ни было, проведение политики реформ; что этого требуют английские интересы, и что он думает, что того же требуют и русские интересы.

Он поставил на первое место выбор нового иностранного финансового советника и создание достаточно сильной жандармерии под русским влиянием на Севере и под английским влиянием — на Юге. Он подчеркнул необходимость займа, без которого ничто невозможно, но который должен быть заключен под покровительством обоих правительств, чтобы избежать всякого вмешательства третьих держав, которое он считает в противном случае неизбежным.

Сэр Эдуард возобновил по этому поводу свои возражения против возмещения, составляющего третий пункт нашего ультиматума, как могущего создать величайшие трудности только что высказанной им точке зрения и способствовать продлению такого положения вещей на Юге Персии, от которого английские интересы страдают значительно более непосредственно, чем русские интересы на Севере. Я ответил, что в Париже вы высказывались в том же смысле; что, по вашему мнению, не может быть и речи о принуждении Персии принять условия, которые парализовали бы ее хозяйственную будущность, и что вы считаете необходимым изучить проект, превращающий это возмещение в такое условие, которое, не будучи обременительным для Персии, отвечало бы непосредственно русским интересам.

Примите и пр. Бенкендорф.

№ 209. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 745. 15/2 декабря 1911 г.

Ссылаюсь на №№ 713 [1] и 726 [2].

Товарищ министра иностранных дел по поручению министра и затем Ассим-бей сделали мне сегодня, видимо, в силу экстренного решения совета министров, спешное сообщение по поводу телеграммы из Хоя об отправлении сотни казаков в пределы занятой турецкими войсками территории. Турецкое правительство опасается вооруженных столкновений между русскими и турками, которые оно желало бы всячески предотвратить. Я повторил заявление, что увеличение конвоя консула в Хое вызвано совершенно недопустимым покушением на русского офицера, имеет целью обеспечить безопас-

[1] См. стр. 100, прим. 2.

[2] Тел. от 7 дек./24 ноября за № 726 Чарыков сообщал, что к «вступлению русских войск в Персию турецкое правительство и даже общественное мнение относятся очень спокойно».

ное следование русских подданных и караванов по большой дороге между Хоем и Урмией и носит исключительный и временный характер. Министр пытался предложить, чтобы конвоирование русских подданных и караванов было предоставлено, по соглашению обоих правительств, турецким военным силам в пределах оккупированной ими зоны. Я заявил, что не могу обсуждать подобного рода предположение, что русское правительство не может признавать какой-либо турецкой оккупации персидской территории и что оно осуществит свое право обеспечить достаточной военной силой безопасность следования русских подданных и караванов по вековой большой дороге между бесспорно персидскими городами Хоем и Урмией. Если бы на этой дороге находились турецкие солдаты, то, во избежание нежелательных недоразумений, их надлежало бы снабдить инструкциями — относиться с дружескими содействиями к следованию русских оказий по означенному пути. Тогда министр высказал опасение, что русские отряды могут занять и укрепить позиции на территории, занятой турками, и тем вызвать нежелательные осложнения, а равно и остаться на этих позициях даже после возможного отграничения этих местностей к Турции. Я ответил, что мне неизвестно о намерении наших отрядов занимать и укреплять какие-либо позиции между Хоем и Урмией. В пределах бесспорно персидских консульских округов Хоя и Урмии такое занятие зависело бы, впрочем, от усмотрения русского военного начальства. Если последнее заняло бы позиции на территории, которая могла бы считаться спорной, то я признал бы возможным обсудить вопрос, как предотвратить недоразумения между такими русскими и турецкими постами. Очевидно, русские войска были бы удалены из тех местностей, которые оказались бы отграниченными к Персии. Турецкий военный министр, видимо, придает огромное значение нашему решению занять Хой и конвоировать оттуда дорогу к Урмии, проходящую через город Дитман и округ Салмас, которые турки считают своими. Ввиду сего, во избежание кровопролития, казалось бы крайне желательным для нас осуществление обеспечения безопасности означенного пути, незанятого нами, конвоированием русских подданных и караванов традиционным способом, как оказии. Отдельные посты подвергнутся несомненному риску нападения со стороны нарочно сосредоточенных превосходных сил. Если бы по неосмотрительности или небрежности местного военного начальства какой-либо русский пост потерпел поражение, такой недопустимый случай вовлек бы нас в войну с Турцией [1].

Чарыков.

№ 210. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 881. 15/2 декабря 1911 г.

№ 1.

Получил № 2045 [2].

Сегодня представители Англии, Германии, Франции и Америки пригласили японского посланника и меня для частного обмена мнений. Выяс-

---

[1] В ответной тел. от 16/3 дек. за № 2056 Сазонов сообщал Чарыкову, что Турхан-паша обратился к нему с аналогичным заявлением. «Я решительно отклонил предложение, — указывал Сазонов, — о конвоировании наших караванов турецкими отрядами в оккупированных местностях, заявив, что я считаю совершенно недопустимым такого рода порядок в пределах Персии, где мы одни лишь можем принять меры для защиты наших торговых интересов. Я посоветовал затем Турхану рекомендовать Порте спешно снабдить своих офицеров указаниями ни в каком случае не чинить каких-либо препятствий нашим воинским частям, во избежание весьма серьезных последствий. В заключение я высказал послу мнение, что в видах устранения существующих издавна осложнений в пограничной зоне следовало бы безотлагательно приступить к решению этого спорного вопроса, намеченного турецко-персидской комиссией в Константинополе».

[2] См. № 201.

нилось, что Юань Ши-кай нуждается в трех миллионах лан главным образом для уплаты жалованья войскам. Представители четырех держав готовы были бы рекомендовать своим правительствам поддержать Юаня и выдать эту ссуду, но желали бы придать ей международный характер и осведомляются о мнении японского посланника и моем [1]. На мое замечание, что, докладывая такое предложение на усмотрение императорского правительства, должен буду упомянуть о последующих проектируемых шагах, так как едва ли трехмиллионная ссуда окажется достаточной, чтобы восстановить власть пекинского правительства, последовал продолжительный обмен мнений, выяснивший крайнюю запутанность положения и отсутствие определенного плана у сотоварищей. Желая, однако, подготовить почву для сближения и одновременно сделать попытку к какому-либо выходу из затруднений, я предложил обратиться к нашим правительствам с просьбой разрешить шести миссиям чрез своих консулов в Шанхае передать Тан Шао-и и Ву Дин-фану составленные в общей форме, исключающей всякую мысль о вмешательстве, пожелания каждого из наших правительств о скорейшем заключении соглашения. Не выходя за пределы дружественного совета, подобный шаг не мог бы явиться и признанием республиканского временного правительства, так как пекинское правительство пожелало вести официально переговоры с Ву Дин-фаном и, следовательно, считает его на то уполномоченным. Кроме того, дабы не разглашать предложенного сообщения и тем не умалять его действия, нет надобности предупреждать пекинское правительство, которое к тому же будет лишь приветствовать все, что может облегчить до крайности ему необходимый компромисс. Наконец, такая мера могла бы принести практическую пользу, если бы она была приведена в исполнение до начала или в самом начале переговоров в Шанхае. Изложенное предложение было единогласно одобрено и тут же выработан французский текст сообщения обоим комиссарам, передаваемый в телеграмме за № 2 [2]. Идентичный текст высылается сегодня остальными пятью сотоварищами своим правительствам с просьбой дать ответ не позднее воскресенья, [17]4 декабря, дня приезда Тан Шао-и в Шанхай. Если хотя бы один из нас не получит согласия своего правительства, сообщение не будет сделано. Прошу указаний [3]. Дальнейший предварительный обмен мнений о ссуде Юань Ши-каю решено отложить до выяснения результатов сегодняшнего обращения к правительствам. Соображения по вопросу об отношении к Юань Ши-каю представляю в телеграмме за № 3 [4].

Щекин.

---

[1] В деп. от 19/6 дек. за № 112 Щекин писал: «Крайняя запутанность положения, с полной очевидностью обнаружившаяся на этом собрании, и является, вероятно, главной причиной, побудившей представителей держав, банки коих образовали так называемый четверной синдикат, привлечь к участию в совещании японского посланника и меня; всякие займовые операции Китая имеют в настоящую минуту столь ярко выраженный политический характер, что система игнорирования России и Японии, не принесшая прочных результатов при более благоприятных для синдиката условиях, повидимому, начинает сходить с очереди; до поры до времени или окончательно — это, конечно, вопрос будущего».

[2] В тел. от 15/2 дек. за № 882 (№ 2) передавался текст сообщения: «Миссии... в Пекине поручено ее правительством сделать следующее официозное заявление уполномоченным на ведение переговоров об условиях восстановления мира в Китае: Правительство... считает, что продолжение ведущейся борьбы в Китае затрагивает не только саму эту страну, но и материальные интересы и безопасность иностранцев. Продолжая сохранять позицию абсолютного нейтралитета, занятую им до сего времени, правительство... считает необходимым официозным образом обратить внимание обеих делегаций на необходимость достигнуть скорейшего соглашения, способного положить конец настоящему конфликту, так как оно убеждено, что эта точка зрения отвечает желанию обеих сторон».

[3] 17/4 дек. за № 2061 Сазонов телеграфировал Щекину: «Можете сделать предположенное заявление».

[4] См. № 211.

№ 211. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 883. 15/2 декабря 1911 г.

Доверительно.

№ 3.

Выступая с мыслью о поддержке Юань Ши-кая в предвидении затяжки или неудачи переговоров в Шанхае и стремясь установить какой-либо план действий, предварительно доклада своему правительству, мои сотоварищи, насколько могу судить, кроме общего опасения о возможности наступления анархии в Китае, руководствуются также еще индивидуальными соображениями, именно: английский посланник — доверием к личности Юань Ши-кая и сомнением в осуществимости республики в Китае, германский посланник — стремлением поддержать династию [1], французский поверенный в делах — желанием содействовать заключению займов и американский посланник — заботой о сохранении за Америкой ее роли в Китае. Японский посланник видимо колеблется и ждет решений своего правительства. По существу не могу ручаться, приведет ли дальнейший обмен мнений о ссуде Юань Ши-каю к какому-либо определенному плану; подобная мера, гораздо более политическая, чем финансовая, представляет на первый взгляд ту практическую выгоду, что она избавляет иностранные державы от необходимости, если кризис не будет улажен, самим заботиться о поддержании порядка и возлагает эту роль взамен денежной поддержки на Юань Ши-кая. За одной ссудой, однако, неминуемо должны будут последовать другие, и все будет покоиться на личности одного Юаня, ввиду отсутствия у него даровитых сотрудников, а главное возможного заместителя. В таком положении придется выжидать, пока крайнее истощение сил не приведет к успокоению. Вместе с тем неизвестно, как отразится подобная политика на интересах иностранцев в отделившихся провинциях, которых не завоевать обратно без крайнего напряжения, а с другой — их нельзя оставить на произвол судьбы. Следуя той же логике, пришлось бы выдавать ссуды и вождям революции для поддержания порядка и упрочения независимости Юга. Если, наконец, дело дойдет до необходимости водворять спокойствие в Китае иностранными войсками, то для этого потребуются очень многочисленные силы, коими располагают на Дальнем Востоке лишь Россия и Япония, на которых ляжет главная тяжесть подобной задачи; казалось бы поэтому, что если мысль о поддержке Юань Ши-кая примет более конкретную форму, было бы необходимо, буде возможно, сразу определенно установить, как далеко должна простираться подобная поддержка [2]. Счел долгом заблаговременно доложить эти соображения вашему высокопревосходительству на случай неудачи переговоров в Шанхае, что придало бы положению весьма серьезный характер.

Щекин.

№ 212. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 76. 15/2 декабря 1911 г.

Продолжение № 74 [3].

Нокс сейчас меня уведомил, что сведения, которые он мне дал во вторник [4], а именно, что сенат дождется обещанного ему вторичного сообщения президента, оказались ошибочными и что резолюция будет представлена и,

---

[1] Ср. № 195.

[2] В деп. от 19/6 дек. за № 112 (см. стр. 195, прим. 1) Щекин по этому вопросу добавлял: «Если бы мы по каким-либо высшим соображениям решились пойти на совместное вмешательство, к которому нас, быть может, постараются привлечь другие державы, то, казалось бы, непременным условием нашего участия должно быть обеспечение за нами той доли влияния, которая нам по праву принадлежит и которая хотя бы несколько компенсировала и риск и ответственность, ждущие нас на этом пути».

[3] См. № 206.

[4] 12 декабря/29 ноября.

несомненно, принята в будущий понедельник [1]. Причина этой поспешности находится в том, что если денонсиация будет принята после 1 января 1912 года [нов. ст.], то срок до отмены трактата продолжится до 1 января 1914 года; если же он пройдет до 1 января 1912 года, то срок сократится на год. Этот шаг сенаторов можно считать не только демонстрацией против нас, но еще более против президента, которому они высказывают явное неуважение, не желая подождать даже несколько дней для выслушания его послания по столь важному вопросу. Нокс меня спрашивает, можно ли надеяться до понедельника получить из Петербурга известие, которое дозволило бы президенту остановить резолюцию сената; этим он, конечно, разумеет наше соглашение [2] на пересмотр трактата до его денонсиации.

Бахметев.

№ 213. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 77. 15/2 декабря 1911 г.

Продолжение № 76 [3].

Я сейчас был у президента по его приглашению, и он мне официально подтвердил то, о чем прежде заговаривал Нокс, а именно желание его получить принципиальное согласие императорского правительства на пересмотр трактата [18]32 года. В таком случае предстоящая чрез три дня денонсиация его и в сенате не состоялась бы и резолюция, принятая нижней палатой, сделалась бы недействительной и как бы несуществовавшей. Я мог ему только ответить, что я уже передавал предположения Нокса о возможности «уладить дело» этим путем и не премину сообщить ему решение, которое будет принято императорским правительством, только что я его получу, прибавив, что со слов государственного секретаря мы могли бы рассчитывать на еще две, три недели, а настоящий срок мне кажется весьма коротким для принятия столь важной меры. И президент, и Нокс показались мне крайне удрученными неудачей их попыток остановить демонстрацию, которая тяжело падает на них самих и которую они признают недостойной их собственной страны. Президент надеется, что мы «не особенно дорожим старым трактатом и не откажемся обновить его в вполне удовлетворительном для обеих сторон духе». Тут же он вызвал наиболее влиятельных сенаторов в надежде уговорить их повременить и, к моему удивлению, в первый раз известил Гайльда об этой комбинации. Сомневаюсь, чтобы сенаторы поддались; следовательно, если не будет получена какая-нибудь весть из Петербурга, можно уверенно ожидать, что денонсиация трактата будет законно принята в понедельник [1], значительно ранее, чем было предположено и обещано и против открыто высказанного желания президента.

Бахметев.

№ 214. Памятная записка японского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

*/. 16/3 декабря 1911 г.

Le gouvernement impérial a attaché dès le début une très grande importance aux événements qui se déroulent en ce moment en Chine. Néanmoins il lui a paru opportun de suivre pendant quelque temps le développement de ces événements et d'examiner ensuite les mesures qu'il y aurait lieu de prendre, en cas de nécessité. Voilà pourquoi le gouvernement impérial n'a pas cru devoir, jusqu'à présent, prendre aucune mesure concernant la situation actuelle en Chine.

---

[1] 18/5 декабря.
[2] Так в оригинале.
[3] См. № 212.

Or cette situation s'aggrave de jour en jour. L'autorité de la Cour de Pékin a complètement disparu et les hommes au pouvoir n'ont ni la force matérielle ni la volonté sincère de parer aux événements actuels. Les émeutes se sont répandues dans tout l'Empire Chinois et il n'y a que peu de provinces dans le nord de la Chine où l'autorité du gouvernement central s'exerce encore.

L'arrivée de Yuan Shih-Kai au pouvoir a fait naître un certain espoir pour le rétablissement de l'ordre. Mais toutes les mesures qu'il a pu prendre jusqu'à présent n'ont pu arrêter le progrès de la révolution en Chine. La sécurité à Pékin même est menacée et toutes les Puissances ont dû renforcer les troupes qui gardent les légations.

La victoire des impérialistes à Han-Yang a, sans aucun doute, porté un coup sensible aux révolutionnaires, néanmoins cette victoire n'apporte aucun changement appréciable dans la situation générale de la Chine. En supposant même que les impérialistes remportent d'autres victoires et arrivent à pacifier les localités comprenant U-Tchang, Han-Yang et Han-Kou, les révolutionnaires repoussés de ces localités recommenceront leurs exploits dans d'autres localités comme cela s'est vu à Su-Chang.

Il y a donc peu d'espoir à ce que le gouvernement chinois puisse, avec ses seules forces, arriver à rétablir l'ordre dans toutes les parties de l'Empire.

Maintenant si on se tourne du côté des révolutionnaires, la situation n'est pas meilleure. Plusieurs provinces ont proclamé leur indépendance. Mais elles ne possèdent aucune force réelle pour exercer cette indépendance. Leur geste ne semble avoir pour but que d'éviter momentanément des conflits avec les révolutionnaires. C'est ainsi que déjà certaine province qui s'était déclarée indépendante est revenue au gouvernement de Pékin, depuis l'arrivée de Yuan Shih-Kai au pouvoir. Quant aux révolutionnaires des diverses provinces, ils n'ont guère d'unité de direction. Les révolutionnaires de chaque province ou de chaque localité agissent à leur guise. Il y a des chefs qui se sont enfuis. Parmi les chefs des révolutionnaires il y a des dissensions intestines. Les fonds leur manquent également, de sorte que dans certaines localités ils procèdent à des contributions forcées. Parmi les soldats révolutionnaires se trouvent des brigands et des vagabonds. Le jour où les chefs révolutionnaires ne pourront plus payer leurs soldats, non seulement ces brigands et ces vagabonds, mais même les soldats réguliers se changeront en brigands. L'histoire plusieurs fois séculaire de la Chine nous en donne maints exemples. Déjà un certain nombre d'étrangers ont été victimes des révolutionnaires. Dans le cas où ces événements dureraient quelque temps, le commerce étranger en souffrira sans aucun doute et le sentiment anti-étranger qui ne s'est pas encore ouvertement manifesté peut se produire de nouveau comme au temps des Boxers. Il est surtout à craindre qu'avec l'approche de l'hiver, après les inondations et la mauvaise récolte dans certaines provinces, les brigands et les nouveaux soldats ne commettent des actes de brigandage et que les révolutionnaires ne puissent maintenir l'ordre et la sécurité même dans les localités qui sont en leur pouvoir.

Le point capital en discussion en ce moment parmi les Chinois est de savoir si on maintiendra la monarchie ou on établira une république.

Dans l'opinion du gouvernement impérial, l'institution d'un gouvernement républicain en Chine, étant données ses traditions historiques, semble d'une façon générale d'une exécution présentant de réelles difficultés. En outre les révolutionnaires qui demandent son établissement ne semblent guère avoir pris les mesures nécessaires pour exécuter un pareil projet. Si leur situation reste telle qu'elle a été exposée plus haut, l'établissement d'un gouvernement républicain est matériellement impossible.

Dès lors serait-il possible de rétablir l'autorité de la monarchie mandchoue sur les bases anciennes, qui aux yeux de tout le monde est complètement tombée? Le gouvernement impérial ne le pense pas.

D'après l'opinion du gouvernement impérial, la seule solution qui semble convenir à la situation actuelle de la Chine serait tout en répudiant l'idée

d'une république, de modifier le régime actuel, en abolissant les abus résultant du pouvoir despotique de la monarchie mandchoue, de manière à donner le pouvoir réel aux chinois tout en laissant la souveraineté nominale à la dynastie mandchoue.

Le gouvernement chinois vient de promulger une constitution. Le 26/13 novembre dernier le régent a prêté son serment, au nom de l'empereur, devant les mânes des ancêtres de la dynastie mandchoue. Le gouvernement japonais estime qu'en face des événements qui se passent actuellement en Chine, il serait de la plus urgente nécessité de rechercher les moyens de faire durer d'une manière générale ce nouvel état de choses.

A cet effet, il conviendrait de faire comprendre, d'une part, à la cour de Pékin, qu'elle devra s'en tenir formellement aux lois constitutionneles fondamentales et veiller au maintien de l'ordre social, que là se trouve son salut et, d'autre part, aux révolutionnaires, que s'ils persistaient dans leur utopie d'établir un régime républicain en Chine, l'état chinois courrait de grands risques de désordre et de dislocation et que les chinois pourraient se trouver dans des situations des plus pénibles, et qu'il leur serait infiniment plus profitable de faire des concessions mutuelles et de cesser les hostilités.

Quant aux garanties de l'exécution des promesses réciproques, les Puissances qui ont les plus grands intérêts en Chine pourront s'entendre à l'effet de s'entremettre entre les deux parties, en prenant pour base, d'une part, le maintien de la dynastie mandchoue et d'autre part le respect des droits des chinois.

Перевод.

Императорское правительство с самого начала придавало очень большое значение событиям, развертывающимся в настоящий момент в Китае. Тем не менее ему казалось целесообразным в течение некоторого времени следить за ходом этих событий и лишь затем подвергнуть рассмотрению мероприятия, которые пришлось бы принять в случае необходимости. Вот почему до настоящего времени императорское правительство не считало нужным принимать каких-либо мер касательно настоящего положения в Китае.

Это положение делается с каждым днем все более и более серьезным. Авторитет пекинского двора совершенно перестал существовать; люди, стоящие у власти, не имеют ни материальной возможности, ни искреннего желания изменить ход событий. Мятежи распространились по всей китайской империи, и власть центрального правительства сохранилась лишь в нескольких провинциях Северного Китая.

Приход к власти Юань Ши-кая подал некоторую надежду на восстановление порядка. Но все меры, которые он имел возможность до сих пор принять, не могли остановить хода революции в Китае. Порядок не обеспечен даже в Пекине, и все державы должны были усилить состав войск, охраняющих миссии.

Победа сторонников империи в Ханьяне нанесла, без сомнения, революционерам чувствительный удар; тем не менее эта победа не внесла заметного изменения в общее положение Китая. Даже если предположить, что сторонникам империи удастся одержать и другие победы и умиротворить местности, охватывающие Учан, Ханьян и Ханькоу, революционеры, вытесненные из этих местностей, возобновят свои подвиги в других, как это было у Су-Чанга.

Итак, мало надежды на то, что китайское правительство своими собственными силами сумеет восстановить порядок во всех частях империи.

Что касается революционеров, то положение их не лучше. Многие провинции провозгласили себя независимыми. Но для осуществления этой независимости у них нет никаких реальных возможностей. Этот жест был, повидимому, сделан лишь с целью избежать в данную минуту столкновения с революционерами. Так, одна из таких провинций, объявившая себя независимой, с приходом Юань Ши-кая к власти снова подчинилась пекинскому правительству. Что касается революционеров различных провинций, то они страдают от недостатка единого руководства. Революционеры каждой провинции или каждой местности действуют по своему усмотрению. Некоторые из их вождей разбежались. Между революционными вождями существуют внутренние разногласия. У них также ощущается недостаток в средствах, в связи с чем они прибегают в некоторых местностях к насильственным поборам. Среди революционных солдат встречаются бродяги и разбойники. В тот день, когда революционные вожди не будут в состоянии оплатить своих солдат, не только эти разбойники и бродяги, но даже и настоящие солдаты обратятся в разбойников. Многовековая история Китая подтверждает это многочисленными примерами. Уже некоторое число иностранцев сделалось жертвой революционеров. Если такое положение продлится в течение некоторого времени, иностранная торговля, без сомнения, пострадает, и враждебные по отношению к иноземцам чувства, еще не проявившиеся открыто, могут снова вспыхнуть, как во времена боксерского восстания. В особенности следует опасаться, что

с приближением зимы, после наводнений и плохого урожая в некоторых провинциях разбойники и новые солдаты предадутся грабежу, а революционеры не сумеют поддержать порядок и спокойствие даже в тех местностях, которые находятся в их власти.

В настоящее время основным спорным вопросом между китайцами является вопрос о том, сохранить ли монархию или установить республику.

Вообще говоря, по мнению императорского правительства, установление республиканского образа правления в Китае, принимая во внимание его исторические традиции, сопряжено с серьезными затруднениями. Кроме того, революционеры, требующие установления такого режима, не приняли, повидимому, мер, необходимых для осуществления подобного проекта. Если их положение останется таким, как оно описано выше, установление республиканского правительства будет фактически невозможно.

Но тогда возможно ли будет восстановить на прежних основаниях авторитет манчжурской династии, который, по всеобщему мнению, перестал существовать? Императорское правительство этого не думает.

По мнению императорского правительства, только следующий исход отвечает создавшемуся в настоящее время положению в Китае: отбросив мысль о республике, изменить настоящий режим путем устранения злоупотреблений, происходящих вследствие деспотического правления манчжурской династии, таким образом, чтобы, сохранив номинальный суверенитет за манчжурской династией, предоставить реальную власть китайцам.

Китайское правительство только-что объявило конституцию. 26/13 ноября текущего года регент от имени правительства принес присягу перед душами предков манчжурской династии. Пред лицом развертывающихся в настоящее время в Китае событий японское правительство считает крайне необходимым изыскать средства, способные продлить в общих чертах это новое положение.

С этой целью следовало бы, с одной стороны, дать понять пекинскому двору, что он должен твердо держаться основных конституционных законов и заботиться о поддержании общественного порядка и что в этом — залог его спасения; с другой стороны — указать революционерам, что если они будут упорствовать на своем несбыточном желании установить в Китае республиканский режим, то китайское государство подвергнется серьезному риску смут и распадения, что китайцы могут оказаться в самом тяжелом положении и что им гораздо выгоднее пойти на взаимные уступки и прекратить военные действия.

Что же касается гарантий для выполнения взаимных обещаний, то державы, имеющие наиболее крупные интересы в Китае, могли бы договориться между собой, чтобы выступить в роли посредника между двумя сторонами, приняв за основу посредничества, с одной стороны, сохранение манчжурской династии, а с другой — уважение к правам китайцев.

№ 215. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 320. 16/3 декабря 1911 г.

Résumé du discours de Sir E. Grey au sujet de la Perse: il dit que discours précédents avaient examiné convention à point de vue erronné, il ne s'agit pas seulement de Perse, mais de beaucoup plus; il s'agit de questions internationales qui s'envenimeraient si convention était rompue — un danger que convention avait été de prime abord destinée à conjurer, il s'agissait avant tout concilier intérêts russes et anglais qui étaient en lutte; base de l'intégrité et indépendance persane se trouve être la plus sûre dans ce but mais cela n'implique pas que Angleterre se soit engagée à garantir intégrité et indépendance ni a transferer ses responsabilités des frontières des Indes au Caucase; le but de la convention n'était pas de détruire ou diminuer l'influence russe où elle existait ni de refouler Russie — but était que ni Russie ni Angleterre n'use de leur influence acquise au détriment l'une de l'autre. Sir E. Grey analyse preuves répétées de loyauté de Russie à ce programme, il reprend question Shuster en détails et il conclut ainsi: «il est inadmissible que action d'un seul homme quelles que soient ses intentions ou qualités suffise pour fausser esprit et intention de convention et pour compliquer rapports entre deux grandes nations sur question conseillers étrangers». Grey dit que si gouvernement persan doit avoir libre choix pour membres persans de son gouvernement il est essentiel qu'il tienne compte de Russie et Angleterre pour nominations de conseillers étrangers qui en eux-mêmes sont nécessaires; il s'en suit aussi qu'il appartient au gouvernement anglais et au gouvernement russe de faciliter autant que possible le choix de ces conseillers, ainsi que la conclusion d'un emprunt dans leurs propres intérêts autant que dans

celui de la Perse. Concernant question de ex-shah Grey a donné lecture d'un mémorandum en six points communiqué au gouvernement impérial [1], lequel, dit-il, contient le point de vue anglais sur cette question spéciale ainsi que les autres questions en suspens. Le ministre ayant ainsi rendu public le point de vue anglais dit qu'il désire communiquer à Chambre ce que suit du point de vue russe et qu'il ne croit pas pouvoir mieux faire qu'en donnant lecture d'un article public dans «Rossiya» qui coincède parfaitement avec échange d'idées diplomatique; au sujet shah Grey donne connaissance de ce qui lui a été dit à ce sujet par voie diplomatique [2]. En concluant ministre dit qu'il voit dans ce qu'il vient de porter à la connaissance de la Chambre, la base d'une politique générale qui permet coopération utile entre Angleterre et Russie, qui en préservant indépendance et intégrité persane assure intérêts anglais dans le midi et intérêts russes dans le nord parce que cette indépendance sera ainsi formulée, qu'elle devra tenir compte des deux et que les partis Perse ne pourront plus l'employer à tenter la dangereuse expérience de jouer l'une des Puissances contre l'autre [3].

Benckendorff.

Перевод.

Резюме речи сэра Э. Грея относительно Персии: он говорит, что в предыдущих речах конвенция рассматривалась с неправильной точки зрения; дело идет не только о Персии, но о значительно большем; дело идет о международных вопросах, которые обострились бы, если бы конвенция была нарушена — опасность, которую конвенция прежде всего была предназначена предотвратить; дело идет в первую очередь о том, чтобы примирить английские и русские интересы, находящиеся между собою в состоянии борьбы; целостность и независимость Персии является самой надежной базой для этой цели, но это не означает, что Англия обязалась гарантировать целостность и независимость или перенести свою ответственность за индийскую границу на Кавказ; целью конвенции не было уничтожение или умаление русского влияния там, где оно существовало, и не оттеснение России, — цель была в том, чтобы ни Россия, ни Англия не использовали приобретенное ими влияние во вред одна другой. Сэр Э. Грей анализирует повторные доказательства верности России этой программе, он снова подробно возвращается к вопросу о Шустере и заканчивает так: «Недопустимо, чтобы действий одного человека, каковы бы ни были его намерения или достоинства, было достаточно, чтобы извратить дух и намерения конвенции и осложнить отношения между двумя великими нациями по вопросу об иностранных советниках». Грей говорит, что если персидское правительство должно иметь свободу выбора персидских членов своего правительства, то нужно, чтобы при назначении иностранных советников, которые сами по себе необходимы, оно считалось с Англией и Россией; из этого также следует, что английскому правительству и российскому правительству надлежит, насколько возможно, облегчать выбор этих советников, а также заключение займа как в своих собственных интересах, так и в интересах Персии. По вопросу об экс-шахе Грей огласил меморандум из шести пунктов, сообщенный императорскому правительству и который, сказал он, содержит изложение английской точки зрения по этому специальному вопросу, равно как и по другим вопросам, ожидающим разрешения. Предав таким образом гласности английскую точку зрения, министр говорит, что он желает сообщить палате нижеследующее относительно русской точки зрения и что, по его мнению, он не может это сделать лучше, чем огласив статью, напечатанную в «России», которая совершенно совпадает с дипломатическим обменом мнений; относительно шаха Грей сообщает то, что ему было сказано по этому поводу в дипломатическом порядке. В заключение министр говорит, что в том, о чем он только-что довел до сведения палаты, он видит основу для общей политики, делающую возможным полезное сотрудничество между Англией и Россией, которое, сохраняя независимость и целостность Персии, обеспечивает английские интересы на Юге и русские интересы на Севере, так как эта независимость будет оговорена так, что она должна будет учитывать и те, и другие, и что персидские партии более не смогут пользоваться ею для опасных попыток делать ставку на одну из держав против другой.

Бенкендорф.

---

[1] См. № 176.

[2] См. № 189 и приложение к нему.

[3] Тел. от того же числа за № 321 Бенкендорф сообщил Сазонову, что, по мнению Грея, его речь произвела хорошее впечатление на парламент, за исключением «непримиримых». Бенкендорф далее передавал сделанное ему Греем заявление, что он считал нужным обрисовать в своей речи правильную картину происходящих в Персии событий, подробно изложить английскую точку зрения и осветить русскую точку зрения таким образом, чтобы можно было вывести заключение об отсутствии каких бы то ни было трудностей для продолжения англо-русской совместной деятельности в Персии.

№ 216. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 1259[1]. 16/3 декабря 1911 г.

Среди населения Шираза господствует сильное возбуждение, вызванное приходом английского отряда и нашим ультиматумом[2]. Английский консульский конвой бойкотируется, и население отказывается продавать ему съестные припасы, которые с завтрашнего дня придется добывать силой.

Поклевский.

№ 217. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 78. 16/3 декабря 1911 г.

Нокс сейчас сообщил мне, что, желая во что бы то ни стало остановить сенат от принятия резолюции нижней палаты в ее неподобающей редакции, в которой говорилось о нарушении трактата Россией, президент решил послезавтра, в понедельник, объявить конгрессу послание, что он официально предложил императорскому правительству приступить к отмене трактата 1832 года для заключения нового; текст его послания, как мне сказал Нокс, составляет парафразу ноты, которую Гайльд представит вашему высокопревосходительству[3], и сенат, прямым одобрением и утверждением действий президента, совсем уничтожит резолюцию палаты. Нокс сознает, что президент был вполне бессилен в борьбе с этой агитацией и что этим последним действием он хочет, по крайней мере, смыть с конгресса пятно, постыдное для всей страны. Я должен, впрочем, прибавить, что, хотя главные сенаторы в комиссии по иностранным делам и согласились с президентом, они еще могут быть, при настоящем возбужденном настроении, побеждены большинством. О veto президента, после голосования в палате и положения, принятого сенатом, нечего и думать, так как оно несомненно было бы отменено законным большинством двух третей[4].

Бахметев.

№ 218. Нота посла США в Петербурге министру иностранных дел.

№ 72. 17/4 декабря 1911 г.

Excellency,

Under instructions from my Government, and in pursuance of conversations held by the Secretary of State with the Russian Ambassador at Washington, I have now the honor to give to the Imperial Governement, on behalf of the United States, the official notification contemplated by article twelve of the Treaty of 1832 whereby the operation of the said Treaty will terminate in accordance with its terms on January Ist, 1913.

Your Excellency will recall that pourparlers between the two Governments during the last three years have fully recognized the fact that this ancient Treaty... [5] is no longer fully responsive in various respects to the needs of the political and material relations of the two countries which grow constantly more important.

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 329, со стилистическими изменениями.

[2] См. №№ 104 и 115.

[3] См. № 218.

[4] Дополнительной тел. от того же числа за № 79 Бахметев сообщал: «Последняя попытка президента была решена вчера вечером после моего разговора с ним, когда я ему дал понять, что если задорный текст резолюции нижней палаты будет одобрен и сенатом, то это, несомненно, произведет неблагоприятное впечатление на императорское правительство и в России вообще. Более этого он при всем желании положительно не способен сделать при настоящей сильной оппозиции против него в обеих палатах».

[5] Пропуск в оригинале. Во франц. переводе этой ноты, представленном одновременно с публикуемым текстом и написанном так же, как и англ. текст, на бланке пос-ва США в Петербурге, этот пропуск читается: «Comme il est naturel» («естественно»).

The Treaty has also given rise, from time to time to certain controversies equally regretted by both Governments.

In conveying the present formal notification to Your Excellency I am instructed to express the desire of my Government, meanwhile, to renew the effort to negotiate a modern Treaty of friendship, commerce and navigation upon basis more perfectly responsive to the interests of both Governments. I am directed by the President at the same time to emphasize the great value attached by the Government of the United States to the historic relations between the two countries and the desire occupies my Government to spare no effort to make the outcome of the proposed negotiations contribute still further to the strength and cordiality of these relations.

I avail myself of this occasion to offer to Your Excellency the renewed assurance of my highest consideration [1].

Curtis Guild.

Перевод.

Ваше превосходительство,

Согласно инструкциям моего правительства и в развитие бесед между государственным секретарем и российским послом в Вашингтоне, имею честь в настоящее время сделать императорскому правительству, от имени Соединенных Штатов, официальную нотификацию, предусмотренную статьей 12-й договора 1832 г., о прекращении 1 января 1913 г. действия названного договора, в соответствии с его условиями.

Ваше превосходительство вспомните, что в переговорах, имевших место между обоими правительствами в течение последних трех лет, был полностью признан тот факт, что этот прежний договор... [2] во многих отношениях уже не отвечает полностью требованиям политических и материальных отношений между обеими странами, которые непрерывно приобретают все большее значение.

Договор время от времени давал также повод к возникновению некоторых разногласий, о которых одинаково сожалеют оба правительства.

Я получил инструкцию при передаче вашему превосходительству настоящей формальной нотификации выразить пожелание моего правительства тем временем возобновить усилия к выработке нового договора о дружбе, торговле и мореплавании на основах, более отвечающих интересам обоих правительств. Я имею указания от президента в то же время подчеркнуть, какую большую ценность правительство Соединенных Штатов придает сложившимся исторически отношениям между обеими странами и каково желание моего правительства не останавливаться ни перед каким усилием для того, чтобы результаты намечаемых переговоров содействовали дальнейшему укреплению и сердечности этих отношений.

Пользуюсь этим случаем и пр. Кэртис Гайльд.

№ 219. Памятная записка российского посольства в Лондоне статс-секретарю по иностранным делам Грею.

17/4 декабря 1911 г.[3]

Le Dalai-Lama, ayant adressé à l'empereur de Russie une missive, dans laquelle il demandait que le gouvernement impérial lui prêtât son appui pour le faire rentrer dans ses droits sur le Thibet; sa majesté a daigné l'honorer d'une lettre responsive [4], que le ministère impérial des affaires étrangères se propose de transmettre à sa destination par le canal du Consul général à Bombay et dont la teneur peut être résumée comme suit.

Après les compliments d'usage sa majesté donne l'assurance qu'elle a été douloureusement impressionnée, ayant appris que sa sainteté avait à se plaindre ce dernier temps des vicissitudes de la destinée. Elle exprime néan-

---

[1] Ответной нотой от 18/5 дек. за № 14837 Сазонов известил посла США в Петербурге о получении им публикуемой ноты и о принятии изложенного в ней к сведению.

В докл. записке от 19/6 дек. Сазонов сообщил Николаю II содержание публикуемой ноты и свой ответ на нее. На этой записке имеется помета Николая II: «Повод, послуживший к такому шагу со стороны Сев. Америк. Штатов, конечно, не дружелюбный по отношению к русскому правительству. Президент, повидимому, сознательно противится подобному решению законодательных палат. Ливадия, [22]9 декабря 1911 г.».

[2] Пропуск в оригинале. См. стр. 202, прим. 5.

[3] В маш. копии дата отсутствует. В письме от 17/4 дек. Бенкендорф уведомлял, что публикуемая пам. записка была им передана в тот же день.

[4] См. № 69.

moins l'espoir que ces difficultés n'auront qu'un caractère passager. Le gouvernement impérial voue une attention sérieuse à l'évolution des affaires thibétaines et suivra avec un intérêt bienveillant les tentatives que le Thibet pourra faire dans le but de défendre ses droits, en tant que ces derniers sont basés sur le système des traités existants.

Pour conclure sa majesté attire l'attention particulière du Dalai-Lama sur la convention anglo-russe de 1907 et émet l'opinion, que c'est en tenant compte des relations amicales établies entre la Russie et l'Angleterre que sa sainteté réussira le mieux à triompher des difficultés pendantes [1].

Перевод.

Далай-лама обратился к российскому императору с посланием, в котором просил, чтобы императорское правительство оказало ему поддержку для восстановления его прав на Тибет; его величество соизволил почтить его ответным письмом, которое императорское министерство намеревается передать по назначению через посредство генерального консула в Бомбее и содержание которого может быть изложено следующим образом:

После обычных приветствий его величество дает заверение, что он был глубоко огорчен, узнав, что его святейшеству пришлось за последнее время жаловаться на превратности судьбы. Он тем не менее выражает надежду, что эти трудности будут иметь лишь временный характер. Императорское правительство уделяет серьезное внимание ходу событий в Тибете и будет с благожелательным интересом следить за попытками, которые Тибет сможет предпринять для защиты своих прав, поскольку эти последние основываются на системе действующих трактатов.

В заключение его величество обращает особенное внимание далай-ламы на англо-русскую конвенцию 1907 г. и высказывает мнение, что, считаясь с дружественными отношениями, установившимися между Россией и Англией, его святейшеству удастся наилучшим образом преодолеть существующие трудности.

№ 220. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 128. 18/5 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Во исполнение инструкции вашего высокопревосходительства, содержащейся в телеграмме от [10 декабря] 27 ноября с. г. за № 2003 [2], я не только сделал министру иностранных дел сообщение, изложенное в моей телеграмме от [13 декабря]30 ноября за № 744 [3], но и озаботился о том, чтобы здешние политические круги и печать были соответственным образом осведомлены о взглядах императорского правительства на теперешнее положение вопроса о Проливах.

Цель эта является теперь достигнутой, как усматривается между прочим из хроники турецкой газеты «Танин» от 15/2 сего декабря, гласящей, что «по нашим сведениям не происходило никакой негоциации между Портой и русским правительством касательно вопроса о Проливах, и этот вопрос считается не затронутым, не поставленным на очередь».

Равным образом и согласно телеграмме г. управлявшего императорским министерством, здешнему французскому послу остается неизвестным текст проекта декларации, и я, после упомянутого свидания с Ассим-беем, ограничился тем, что поставил г. Бомпара в известность о содержании данного моего разговора с названным министром. По отношению же к великобританскому послу дело осталось в том фазисе, в котором оно находилось при отправлении мной телеграммы от [9 декабря] 26 ноября с. г. за № 734 [4].

Ввиду вышеизложенного можно присвоить лишь исторический интерес тому обсуждению вопроса о Проливах в его новой форме, которое происхо-

---

[1] Письмом от 3 янв. 1912 г./21 дек. 1911 г. Бенкендорф препроводил копию ответной ноты Грея от 28/15 дек., в которой последний выражал благодарность за сообщение ему содержания письма Николая II далай-ламе.

[2] См. № 186 и прим. 1 к нему.

[3] См. № 204.

[4] См. № 187.

дило в константинопольской печати за последние дни [1], при котором означенный вопрос оказался впервые предметом всестороннего рассмотрения различных органов свободного турецкого общественного мнения.

Несмотря на столь ограниченный интерес означенного обсуждения, заслуживают полного внимания те выводы, к которым оно приводит, в предвидении того времени, когда могут ослабеть или исчезнуть внешние препятствия, затруднившие ныне придание вопросу о Проливах дальнейшего движения.

Выводы эти следующие:

1. Среди турецких политических деятелей, принадлежащих к теперешней правительственной партии, есть группа убежденных сторонников соглашения с Россией на почве открытия Проливов в мирное время исключительно для русских военных судов. Воззрения этой группы высказаны основательно и смело в ряде статей газеты «Танин» и в менее положительной, но все же благоприятной форме в независимой газете «Сабах». Воззрения эти сводятся к тому, что уступка России в указанном направлении желательна и возможна. Она должна быть обставлена техническими условиями, обеспечивающими безопасность Турции и компенсирована с русской стороны уступками в области капитуляций и железнодорожного строительства и добрым расположением России к status quo на Балканах и в Персии. В результате должно было получиться прочное русско-турецкое сближение, согласное с общим планом соглашения, намеченного в письме ко мне г. управлявшего императорским министерством от [2 октября] 19 сентября с. г. за № 617 [2] и восстановлявшего между Россией и Турцией, в несколько смягченной форме, отношения времен Ункиар-Искелессийского договора.

2. Таковое сближение имело привести, по мысли его сторонников, к сближению Турции с прочими державами Тройственного согласия — Францией и Англией. Однако первостепенное значение для Турции сближения с Россией настолько ясно для упомянутой группы, что, как мне достоверно известно, последние статьи «Танина» были написаны уже после осведомления их автора, Хуссейн Джахид-бея, о полученном будто бы Портой сведении касательно несогласия лондонского кабинета на русскую формулу открытия Проливов. Тем не менее вероятность успеха русского домогательства сильно возросла бы при возможности рассчитывать здесь на поддержку в рассматриваемом вопросе великобританского посольства.

3. Противоположное, неблагоприятное русскому желанию, воззрение изложено вполне ясно в прилагаемой у сего статье оппозиционной газеты «Алемдар» [3], редактор коей только-что выбран депутатом от Константинополя [4].

Главный довод защитников этого воззрения заключается в том, что открытие Проливов России поставит Турцию в вассальное к ней отношение и что, если бы русское правительство и удовольствовалось сейчас условным правом прохода для своих военных судов, оно непременно воспользуется первым удобным случаем, дабы сбросить всякие технические ограничения и сделаться хозяином в водах Оттоманской столицы. Во избежание сего рекомендуется усилить морскую и сухопутную оборону Проливов настолько, чтобы всякое покушение на них России было бы неосуществимым, поддерживая вместе с тем с русским правительством дружественные отношения.

Такое воззрение разделяется до сих пор, несомненно, огромным большинством турок и, повидимому, большинством членов теперешнего кабинета. Но это не значит ни что оно правильно, ни что оно не может из-

---

[1] Собрание статей местных газет по вопросу о Проливах препровождается, вместе с сим, при обзоре печати в первый департамент. [Прим. оригинала.]

[2] См. т. XVIII, № 509.

[3] Приложение не воспроизводится.

[4] См. мою депешу от 14/1 декабря за № 126. [Прим. оригинала.] (См. стр. 207, прим. 2.)

мениться в смысле применения первой, изложенной выше, сочувственной России, турецкой политической программы, в зависимости как от последующих решений императорского правительства, так и от дальнейшего развития внутреннего и внешнего кризиса, переживаемого Турцией.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

№ 221. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Письмо. 18/5 декабря 1911 г.

Частное.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Дмитриевич,

Сердечно поздравляю вас с выздоровлением и возвращением к руководительству внешней политикой России, хотя как раз теперь стали на очередь самые тяжелые дела, одновременно и в небывало острой форме.

Я догадываюсь, что этим непредвидимым синхронизмом надо объяснить ваше решение отложить дело о Проливах, в особенности, если верны турецкие сведения о несогласии Англии на нашу теперешнюю формулу. Конечно, без Англии и тем более против Англии невозможно провести здесь этой формулы, по крайней мере без резких и бесповоротных настояний. Но для меня было бы чрезвычайно ценно знать, основательна ли эта догадка и как вы предполагаете относиться к этому вопросу, т. е. снят ли он с очереди совершенно или лишь на известное время?

Дело в том, что, как вы указываете в телеграмме № 2051 [1], без компенсаций на почве Проливов остальные 5 пунктов проекта декларации не дают нам достаточных выгод и даже напротив, за исключением ст. 3, дают выгоды только Турции. Сами турки, оказывается, смотрят на все эти пункты как на уступки им взамен открытия Проливов. Таким образом исключение пункта о Проливах нарушает экономию всей комбинации, и Ассим-бей едва ли удивится, когда я передам ему сегодня, «что мы принуждены приостановить (suspendre) ныне дальнейший обмен мнений, но что всегда будем готовы выслушать частным образом мнение Турции по затронутым вопросам». Вот я и надеюсь, что вы сообщите мне, хотя бы исключительно для моего личного сведения, указания по затронутому выше вопросу.

Обострения самого вопроса о Проливах и притом в неблагоприятной для России обстановке следует ожидать приблизительно через $1^1/_2$ года, когда появится здесь первый турецкий дредноут (а пожалуй и два), наши же будут далеко не готовы. Дадим ли мы туркам оттянуть до этого срока решение по Проливам и по малоазиатским железным дорогам?

По отношению к последним срочность наступит уже в феврале, когда французские предприниматели должны представить Порте результаты изысканий по линиям Сивас — Харпут, Сивас — Эрзерум и Трапезунд — Эрзерум. К этому времени желательно было бы уже оградить наши интересы заключением с Портой соглашения хотя бы лишь о железных дорогах, пользуясь для сего обещанной деятельной поддержкой Франции.

По этому поводу я не думаю, что введение в имеющийся проект соответственного текста слов «construction» или «tracé» [2] усилило бы нашу обеспеченность, ибо уже имеющиеся в проекте выражения «intérêts commerciaux» и «préalable» [3], если они будут приняты Турцией, безусловно лишают ее права и возможности строить без нашего согласия, даже средствами казны, какие-либо дороги к востоку от дороги Самсун — Сивас — Харпут — Моссул. Введение оговорок не сделает редакцию более сильной, а лишь сделает ее менее приемлемой и даст туркам предлог снова оттягивать дело. Надо также иметь в виду, что французским предпринимателям и капиталистам неизвестно секретное русско-французское соглашение о железно-

[1] См. № 207.

[2] «Конструкция» или «трасса».

[3] «Коммерческие интересы» и «предварительно».

дорожном деле и что они легко могут, при таком обороте дела, стать не па нашу, а на турецкую сторону. Резюмируя вышеизложенное, я считал бы с местной точки зрения следующий план действий наиболее соответствующим данным обстоятельствам:

1) После сообщения мной Ассим-бею указания вашей телеграммы № 2051 считать железнодорожный вопрос, как неотложный, выделенным из схемы общего русско-турецкого соглашения.

2) Просить французское правительство дать Порте (ввиду приближения срока предъявления малоазиатских изысканий) дружеский, но настоятельный совет высказать русскому правительству, для начала частным образом, свое мнение об изменении или замене договора 1900 [г.] каковое мы выразили Порте всегдашнюю готовность выслушать.

3) В ожидании подобного сообщения от Порты подвергнуть весь вопрос о русско-турецком соглашении суждению особого совещания и, не изменяя пока существующей редакции ст. 4 проекта декларации, наметить те изменения означенной редакции, которые представлялись бы желательными в зависимости от дальнейшего выяснения турецких предложений или домогательств.

Новейшее ухаживание турок за французами делает участие последних вполне уместным, а среди турок почва для железнодорожного соглашения настолько подготовлена, что такие серьезные деятели, как бывший (и будущий) великий визирь Хильми-паша и бывший министр общественных работ (и вероятный будущий министр иностранных дел) Габриель Эфенди Норадунгиан, уже стали сторонниками соединения (raccordement) русских и турецких железных дорог.

Внутреннее положение здесь очень плохое [1]. На почве изменения ст. 35 конституции произойдет правительственный кризис. Надо бы использовать это положение возможно широко для русских интересов. Позже, если Турция выживет, все будет значительно труднее.

Душевно преданный вам

Н. Чарыков.

№ 222. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 1268. 18/5 декабря 1911 г.

Если персы до [21] 8 декабря утром не исполнят наших требований, то могу ли непосредственно предложить генералу Хабаеву выступить в Тегеран с тем, чтобы запоздалое принятие нашего ультиматума уже не остановит на пути движения нашего отряда. Прошу также указаний по следующим вопросам: 1) В каком отношении будет находиться начальник отряда в Тегеране к посланнику? 2) Какие задачи должна преследовать миссия в случае, если отряд наш найдет в Тегеране правительство и меджлис? 3) Тот же вопрос на случай, если здесь не окажется правительства и никакой власти. 4) Как поступить в последнем случае с Шустером и можно

---

[1] В деп. от 14/1 декабря за № 126 Чарыков следующим образом характеризовал внутреннее положение Турции: «Сущность его характеризуется беспощадной и неразбирающей средства личной борьбой за власть между теми турками, которые ею теперь обладают и которые принадлежат в большинстве к партии «Единение и прогресс», хотя уже великий визирь Саид-паша и некоторые министры не входят в ее состав, и теми турками, которые хотят добиться власти и которых, при всем разнообразии их взглядов и интересов, временно связывает воедино общее стремление свергнуть теперешнее правительство. Стремление это оказалось настолько могучим, что оппозиционная группа, основанная весной, сорганизовалась в особую парламентскую партию «Единение и свобода». Указывая далее, что новой партии удалось провести в парламент от города К-поля своего кандидата, журналиста Тахир Хайредин-бея, Чарыков сообщал, что «в области внешней политики новая партия высказывает враждебность России, а относительно Германии следует выжидательному образу действий. Ее кандидатом на пост великого визиря является 80-летний старец Киамиль-паша, считающийся любимцем Англии».

ли игнорировать его присутствие до образования правительства, которое возьмется его удалить? 5) Может ли миссия по отношению к Ефрему руководствоваться исключительно своим собственным суждением, принимая во внимание его образ действий, предшествующий приходу нашего отряда? Настроение меджлиса, несмотря на сильное на него давление в пользу принятия ультиматума, еще не выяснилось. Агитация же со стороны духовенства усиливается, а демократы распространяют в народе слух, что Англия и Америка будто бы не допустят вступления наших войск в Тегеран [1].

Поклевский.

№ 223. Поверенный в делах в Токио министру иностранных дел.

¹/. Телеграмма № 250. 18/5 декабря 1911 г.

В разговоре с одним из коллег английский посол сказал на-днях, что если начавшиеся в Шанхае переговоры, в приготовлении коих английские представители в Китае принимали лишь косвенное участие, не приведут к миру, то английское правительство выступит на сей раз уже с прямым предложением своего посредничества. Оно предпримет этот шаг или совместно с Японией или одно, уговорившись с ней предварительно о всех подробностях. По всем имеющимся здесь признакам, посредничество Японии, если состоится, будет благоприятно революционерам. За последние дни в Шанхай отправились известные здесь профессора Атерао и Соедзима для советов революционерам по составлению конституции и другим юридическим вопросам. В тот же лагерь отправились несколько отставных военных и моряков.

Броневский.

№ 224. Наместник на Кавказе министру иностранных дел.

¹/. Телеграмма № 7666. 18/5 декабря 1911 г.

Из телеграмм наших посланников в Константинополе и Тегеране за №№ 745 [2] и 1258 [3], а также нашего вице-консула в Ване [4] я с очевидностью усматриваю, что появление наших войск в Хое и на пути в Урмию заставило турок раскрыть свои карты и объявить нам, что ими оккупирована не спорная только полоса, но целиком вся Урмийская персидская провинция. Такое положение вещей дает нам возможность действовать с открытыми глазами и говорить как с турками, так и с другими иностранными государствами прямо, без недомолвок. Я не буду касаться государственной политики, которая вне моей компетенции, но считаю обязанным высказать тот взгляд, что сейчас тем или иным способом должен быть решен вопрос

---

[1] Тел. от 19/6 дек. за № 1272 (опубл. Ор. кн., стр. 336, со стилистическими изменениями) Поклевский сообщал Сазонову, что накануне перс. м-ры предложили меджлису предоставить кабинету или специально избранной меджлисом комиссии необходимые полномочия для ликвидации конфликта с росс. прав-вом, угрожая в противном случае отставкой. Как указывал далее Поклевский, голосование этих предложений не дало положительных результатов, и «вопрос о принятии ультиматума все еще остается открытым».

[2] См. № 209.

[3] Тел. Поклевского за № 1258 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Очевидно, имеется в виду его тел. от 16/3 дек. за № 1256, в которой Поклевский извещал Сазонова, что, по словам Барклая, турец. м-р ин. дел сообщил Лоутеру, что турец. прав-во «отдало своим войскам приказ не пропускать наши воинские части из хойского отряда по оккупированной турками персидской территории, т. е. по дороге между Хоем и Дильманом». По мнению Поклевского, это распоряжение указывает, «что опасность вооруженного столкновения с турками может возникнуть безразлично, будем ли мы занимать какие-либо посты на дороге между Хоем и Урмией или ограничимся лишь конвоированием русских подданных и караванов на этой дороге».

[4] Тел. от 15/2 дек. (без номера) консул в Ване Олферьев сообщал Чарыкову, что отправка из Турции солдат и военных запасов на границу продолжается, что ходят слухи о неизбежности войны между Россией и Турцией и что, по тем же слухам, турец. прав-во намерено послать свои войска в Урмию.

о спорной персидско-турецкой полосе, по крайней мере хотя бы обозначить пределы этой спорной полосы, вне которой туркам не должно быть места. До решения этого вопроса, во избежание острого столкновения, следует по соглашению непосредственно с Константинополем или через другие дворы признать в Урмийской провинции status quo данного положения, т. е. взаимно гарантировать право наше и турок находиться в занятых ими зонах и не вредить друг другу. Во всяком случае ни одной минуты не следует упускать из вида, что турки давно уже готовятся силой оружия отстоять свой захват в Персии; об этом говорит целый ряд донесений наших агентов в Малой Азии и особенно подтверждают последние телеграммы посланников в Тегеране и Константинополе. Нельзя игнорировать приготовления турок к войне с нами и если будет решено противодействовать захватам, то следует и нам немедленно же приступить к таким же приготовлениям, памятуя, что выигрыш во времени мобилизации здесь, на нашей границе, имеет громадную важность. В ожидании надлежащих инструкций от вашего высокопревосходительства я телеграммой консулу в Хое и начальнику отряда генералу Бокшанину указал избегать столкновений с турками, отнюдь первыми не вступать с ними в столкновение и не занимать никаких новых пунктов, на постах стоять бдительно и о всяком скоплении турок или малейшей с их стороны угрозе сообщить консулам в Хое и в Урмии [1].

Воронцов-Дашков.

№ 225. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Щекину.

Телеграмма № 2075. 19/6 декабря 1911 г.

Сообщается поверенному в делах в Токио.

Японский посол передал мне памятную записку [2], в которой после пространного изложения опасности, которую представляет для держав царящая в Китае неурядица, содержится предложение, чтобы заинтересованные державы выступили с советами примирения между сторонниками династии и революционерами с тем, чтобы действительная власть принадлежала китайцам при сохранении номинального суверенитета манчжурской династии. Гарантией мира между этими враждующими партиями было бы посредничество заинтересованных держав, в основание которого было бы положено сохранение династии и уважение прав китайцев.

В моей ответной памятной записке [3] я указываю, что мы уже согласились, чтобы представители шести держав в Пекине преподали заседающим в Шанхае уполномоченным Юань Ши-кая и революционеров совет притти между собой к соглашению [4]. Точно так же мы не встречаем в принципе возражений против того, чтобы согласиться с другими державами относительно посредничества между сторонниками манчжурской династии и ре-

---

[1] Донесением от 22/9 дек. за № 491 ген. консул в Эрзеруме Штритер сообщил Сазонову, что по направлению к перс. границе двигаются все время турецкие воинские части, «а за последнее время по всему Эрзерумскому вилайету совершается большое передвижение патронов и боевых припасов». По словам консула, к перс. границе «турки стараются направлять наиболее способных и энергичных офицеров и администраторов».

[2] См. № 214.

[3] Ответная пам. записка Сазонова, переданная Мотоно 19/6 дек., полностью изложена в публикуемом документе.

[4] См. № 210. Тел. от 21/8 дек. за № 896 Щекин передал Сазонову сообщение консула в Шанхае Гроссе о том, что, в ответ на сделанное представителями держав заявление, Тан Шао-и просил передать благодарность от своего и Юань Ши-кая имени «за дружеский совет, данный ему шестью державами». Со своей стороны Ву Дин-фан просил передать, что «сделает все возможное для заключения мира». По словам Тана, меморандум держав будет обсуждаться на ближайшем заседании мирной конференции, а тем временем «всякие враждебные действия обеих партий приостановлены». В тел. от того же числа (без номера) Гроссе сообщал: «На вчерашнем заседании мирной конференции решено: 1) продлить перемирие до 31 декабря нового стиля, 2) ввести республиканскую форму правления. Тан, соглашаясь в принципе с предложением Ву Динфана, находит необходимым испросить инструкцию Юань Ши-кая по второму пункту».

волюционерами на указанных в памятной записке японского посла основаниях.

Мы просим, однако, сообщить нам, намерено ли японское правительство ограничиться посредничеством или имеет в виду принять меры, чтобы заставить уважать волю держав, если враждующие стороны отвергнут их советы или установившееся между ними соглашение будет затем нарушено одной из них. В утвердительном случае, какие это могли бы быть меры. Мы желали бы также знать, какие именно державы японское правительство разумеет под заинтересованными державами.

Сазонов.

№ 226. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Письмо. 19/6 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Неизвестность намерений Австрии относительно Балкан продолжает озабочивать Консульту. Даже столь осторожный и преданный Тройственному союзу человек, как Боллати, и тот отметил присутствие в Македонии австрийских эмиссаров. Впрочем, и он, и маркиз ди Сан-Джулиано подчеркнули при этом уверенность, что граф Эренталь не питает в данную минуту никаких замыслов нарушить status quo на полуострове. Усиление гарнизонов в Боснии-Герцеговине приблизительно на 15 000 чел. является скорее мерой предосторожности, нежели действием агрессивным. При обнаружившейся недавно междуведомственной розни в Австрии [1], по мнению обоих собеседников, вероятно, что сказанные распоряжения исходят от австрийского генерального штаба, а не от Ball-Platz'a.

С неменьшей неуверенностью относятся в Консульте и к Германии. По поводу обошедших печать известий о массовом выселении итальянцев из портов и укрепленных городов Оттоманской империи, маркиз ди Сан-Джулиано сказал мне, что никаких подтверждений принятия подобной меры в отношении его соотечественников он не получал. К тому же неизвестно, какие города причисляются к разряду укрепленных. Между тем германский посол заходил к нему, чтобы подчеркнуть, что мысль высылки итальянцев была оставлена вследствие заступничества за них барона Маршалла. Из слов товарища министра иностранных дел можно было вынести впечатление, что в Консульте не верили угрозе турок, и таковая будто бы считается плодом фантазии барона Маршалла. Последний желал приписать заслугам Германии отмену несуществовавших распоряжений. В свою очередь, в германском посольстве серьезно озабочены бойкотом, объявленным в Милане германским произведениям. Бойкот этот покамест принял весьма незначительные размеры и ограничился областью химических и фармацевтических продуктов. Тем не менее ввиду того, что рынок северной Италии принадлежит исключительно германской промышленности, националистические круги поместили в свою программу извлечение из германских рук несметного числа предприятий, в которых немцы утвердились и которые им удалось создать не только при помощи своих, но даже итальянских капиталов. Первое предостережение, данное германским промышленникам, может быть чреватым серьезными последствиями.

Жалобы итальянского правительства на недостаточность охранения французским правительством границы между Тунисом и Триполи не прекращаются, несмотря на все старания кабинета г. Кайо честно соблюсти нейтралитет. Маркиз ди Сан-Джулиано вполне дает себе отчет в невозможности закрытия столь длинной границы, теряющейся среди пустыни. Но итальянское министерство внутренних дел относится строже к правительству соседней республики. Оно помещает на столбцах официозной печати статьи, в которых упорно повторяется, что война могла бы быть окончена в недельный срок, если бы Франция и Англия более строго сле-

[1] См. № 157.

дили за невывозом в Триполи военной контрабанды. Лорд Китченер, по сообщению агентства Стефани, уже приказал задерживать на границе также и членов Красного Полумесяца, подозревая в них воюющих. Из Туниса была будто бы послана итальянской колонией телеграмма на имя маркиза ди Сан-Джулиано, но последний отрицает факт получения ее и уверяет, что ознакомился с ней лишь из газет. В этой телеграмме, копия с которой была также отправлена г. Титтони, председатели 20 итальянских учреждений в Тунисе просят принять меры к прекращению доступа в Триполи находящимся в Тунисе турецким офицерам и военным запасам.

Во избежание проникновения турецких офицеров в Триполи из Константинополя через Марсель и Тунис со среды 20/7 сего месяца обслуживающие Ближний Восток суда будут подвергаться особо тщательному осмотру; причем внимание, главным образом, будет обращено на выяснение самоличности путешественников.

Примите и пр.

Кн. Долгорукий.

P. S. Германский посол, которого только-что видел, весьма раздражен против итальянцев. Он упрекает их в том, что они не оценивают вовсе того, что было достигнуто Германией в деле охраны интересов итальянских подданных в Турции и что они не могут простить его правительству, что ему не удалось добиться сохранения в силе их капитуляционных прав. «Если старания Франции оказались успешными в 1876—1877 гг., — добавил он,— то это, вероятно, ввиду того, что тогда было мало русских в Турции; итальянских же рабочих теперь там насчитывается около 80 000. В 1897 г. капитуляции были отменены в отношении греков, и итальянцы обижены тем, что Порта приравнивает их к эллинам». При этом г. Ягов просил меня узнать в императорском министерстве, оставались ли в силе в отношении наших подданных капитуляции в Крымскую кампанию?

Ut in litteris

Кн. Долгорукий.

№ 227. Поверенный в делах в Стокгольме [1] министру иностранных дел.

*/. Депеша № 24. 19/6 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как королевское правительство, так и здешнее общественное мнение сильно озабочены за последние годы вопросами государственной обороны.

Многолетние труды комиссии, созванной для разрешения сложной задачи о приведении в надлежащую боевую готовность флота и армии, при возможно наименьших затратах, окончились, как ваше высокопревосходительство изволите припомнить из донесения действительного статского советника Нарышкина от 20/7 декабря 1910 года за № 36 [2], далеко неудачно и вызвали в Швеции всеобщее недовольство.

Тем не менее, прежнее консервативное правительство, основываясь на постановлениях сказанной комиссии, выработало тип броненосцев, наиболее подходящих, по его мнению, к шведским потребностям, испросило у риксдага минувшей весной необходимые кредиты для начала работ и даже сделало некоторые заказы.

Однако новый либеральный кабинет, сменивший осенью министерство Линдмана, не счел возможным слепо следовать принятой консерваторами судостроительной программе и вернулся снова к обсуждению вопросов обороны.

---

[1] 16/3 дек. посланник в Стокгольме Нарышкин вручил свои отзывные грамоты, и 17/4 дек. Мясоедов вступил временно в управление миссией.

[2] В упомянутом донесении Нарышкин писал Сазонову, что «вместо положительного ответа, какие мероприятия необходимы для доведения королевства до полной боевой готовности и какие суммы должны быть на это затрачены, комиссия занялась определением, сколько может еще дать страна на свою военную силу, и, по решении этого спорного вопроса, пыталась втиснуть в узкие рамки 92 миллионов крон, разложенных на семь лет, и переустройство армии и усиление флота».

Вместо прежней, многочисленной и разнородной по составу комиссии, работавшей без определенного правительственного задания, министерство учредило ныне четыре отдельных комиссии, по пяти членов в каждой (только в одной, финансовой, — шесть членов).

Особенностями их состава являются: во-первых, полное отсутствие военных; членами комиссии назначены исключительно депутаты риксдага, настоящие и бывшие; и, во-вторых, узкая партийность состава. В каждую комиссию входит по три либерала (в финансовую — четыре) и по одному консерватору и социал-демократу, что обеспечивает за либералами абсолютное большинство в комиссиях, которого они не имеют ни в верхней, ни в нижней палатах.

Комиссиям поставлены определенные задачи. Первой, финансовой, — выяснение экономического положения и платежных сил Швеции. Второй — составление плана государственной обороны. Третьей — изыскание способов возможного сокращения расходов по усилению обороны, без нарушения общего плана. Наконец, четвертая будет занята исключительно вопросом о сроках отбывания воинской повинности.

Ближайшим последствием учреждения этих комиссий явилось стремление правительства приостановить исполнение военных заказов, сделанных на основании отпущенных весной на постройку броненосцев кредитов и, в частности, задержать изготовление орудий для этих броненосцев, несмотря на контракт, заключенный уже с орудийным заводом в Бофорсе.

Намерение это вызвало страстную полемику в оппозиционной печати. Кроме чисто академических соображений о конституционности приостановки правительством принятого палатами и утвержденного королем закона и обвинений в задержке развития боевой готовности страны, значительное влияние на раздражение общественного мнения оказали материальные расчеты, так как многие члены риксдага и другие видные деятели являются акционерами названного орудийного завода и потому денежно заинтересованы в исполнении сделанных казной заказов.

Полемика достигла таких размеров, что чуть было не привела к отставке кабинета и явилась предметом обсуждения на последнем совете министров под председательством самого короля.

На этом совете, после доклада морским министром обстоятельств дела, его величество принял следующее решение.

Король признает нежелательность приостановки заказов, как с конституционной точки зрения, так и потому, что отсрочка эта задерживает развитие морских сил Швеции. Однако настоящие политические условия побуждают его величество согласиться с предложением кабинета.

Обнародование этого высочайшего постановления не послужило, однако, к успокоению умов, так как здешнее общественное мнение считает общее политическое положение в Европе настолько тревожным, что всякая отсрочка в разрешении вопросов обороны признается небезопасной для Швеции. Кроме того, консервативные круги недовольны этим решением еще потому, что считают его уступкой нынешнему министру-президенту и объясняют трудностью в настоящее время найти ему заместителя.

С глубочайшим почтением и пр.

Мясоедов.

№ 228. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Депеша № 74. 19/6 декабря 1911 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к доверительной депеше моей от [3 декабря] 20 ноября № 71 [1] почитаю долгом уведомить, что королевское правительство получило на сей раз более утешительные сведения из Софии о ходе переговоров по сербо-болгарскому соглашению.

[1] См. № 145.

Пригласив к себе Спалайковича, Гешов поручил ему известить свое правительство, что король Фердинанд в принципе одобрил выработанный проект секретной конвенции и изъявил готовность подписать ее, как только по отдельным статьям оной будет установлено полное согласие.

Выразив затем благодарность сербскому правительству за проявляемое им миролюбивое настроение, болгарский председатель совета министров вновь приступил к обсуждению статьи о распределении взаимных сфер влияния. Приняв в общем последний сербский вариант, Гешов убедительно настаивал лишь на изменении небольшой северо-восточной части демаркационной линии, сделав и с своей стороны некоторую уступку в пользу сербов. Дело касается, стало быть, только территории между болгарской границей и Новосела на реке Вардаре.

Отказываясь от первоначального проекта распределения сфер по реке Пчинье, болгары ныне предлагают установить демаркационную линию: от места слияния сербо-болгарской границы, у Черного Верха, по юго-западному направлению к Куманово, оставляя последний за Сербией, а все горные склоны Эгри-Паланки — за Болгарией; затем от Куманово на юг через Овче Поле до Новосела на Вардаре. В дальнейшем направление разграничительной черты вплоть до Струги на Охридском озере не возбуждает более разногласий.

По сему поводу вчера и сегодня я имел продолжительные совещания с Миловановичем, из объяснений коего я заключаю, что он надеется склонить своих коллег к принятию нового болгарского проекта, с самым незначительным отступлением, именно в пределах только Овче Поле, представляющем для Сербии значение с стратегической точки зрения.

Не решаясь ввиду сего брать на себя ответственность за окончательное принятие болгарского варианта, Милованович предполагает пригласить на совещание некоторых членов генерального штаба для выработки граничной черты исключительно в согласии с военными надобностями. Как только работа эта будет закончена (вероятно через 2—3 дня), Милованович не преминет сообщить ответ сербского правительства Гешову, в полной уверенности, что дальнейших возражений со стороны болгар не последует.

Сообщая мне об этом, председатель совета министров выразил надежду, что императорское правительство не откажет в своем благожелательном посредничестве в Софии в целях полюбовного разрешения вопроса, в котором сербское правительство проявило самую крайнюю уступчивость [1].

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 229. Памятная записка японского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

20/7 декабря 1911 г.

Comme complément de la communication contenue dans l'aide-mémoire remis à son excellence Mr. Sazonow le 16/3 décembre [2], l'ambassadeur du Japon vient de recevoir de son gouvernement le télégramme suivant pour être communiqué au gouvernement impérial de Russie:

Les vues du gouvernement impérial concernant la manière de parer aux graves événements qui se déroulent actuellement en Chine sont telles qu'elles ont déjà été exposées par votre excellence au gouvernement impérial de Russie.

[1] Тел. от 20/7 дек. за № 99 (№ 1) (опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 14) Неклюдов сообщал: «Положение следующее: король Фердинанд повторил Гешову свое сочувствие союзу, Гешов и Спалайкович пришли к полному согласию по всем пунктам, кроме разграничения Македонии, хотя тут разногласие сводится лишь к пяди земли близ самой болгаро-турецкой границы, а именно к местечкам Кратово и Эгри-Паланка с округой». Отмечая, что заключение союза важнее для Сербии, чем для Болгарии, Неклюдов просил Сазонова воздействовать на сербов «в смысле прекращения дальнейших препирательств с их стороны». По мнению Неклюдова, если соглашение «не будет подписано до рождества, то оно, вероятнее всего, никогда не состоится».

[2] См. № 214.

Le gouvernement impérial désireux de connaître sur ce sujet les vues du gouvernement anglais s'était adressé dernièrement au Cabinet de Londres, lorsqu'il apprit que Yuan Shih-Kai avait demandé au ministre d'Angleterre à Pékin d'intervenir auprès des révolutionnaires en vue d'une entente entre ces derniers et le gouvernement chinois. Le ministre d'Angleterre à Pékin a télégraphié à cet effet au consul général d'Angleterre à Hankéou et cette intervention aboutit à la conclusion d'un premier armistice d'une courte durée. Pendant ce temps des pourparlers eurent lieu entre Yuan Shih-Kai et les révolutionnaires en vue d'engager des négociations pour une entente entre les deux partis. Aussi le gouvernement anglais a demandé au gouvernement impérial de s'associer aux bons offices susmentionnés du gouvernement anglais, indépendamment des vue émises par le gouvernement japonais sur la question générale, pour faire aboutir, si possible, les négociations engagées [1]. Le gouvernement impérial a accepté cette proposition du gouvernement anglais et c'est ainsi que les deux gouvernements japonais et anglais ont décidé d'offrir de commun accord leurs bons offices aux deux partis en lutte en Chine. Il est inutile d'ajouter que cette intervention se borne simplement aux offres de bons offices.

Перевод.

В дополнение к сообщению, содержащемуся в памятной записке, врученной его превосходительству г. Сазонову 16/3 декабря, японский посол только-что получил от своего правительства следующую телеграмму для сообщения императорскому правительству России:

Точка зрения императорского правительства в вопросе о мероприятиях, которые следует принять в связи с развертывающимися в настоящее время крупными событиями в Китае, вполне отвечает той, которую ваше превосходительство уже изложили императорскому правительству России.

Императорское правительство, желая знать взгляды английского правительства по этому вопросу, обратилось недавно к лондонскому кабинету, когда оно узнало, что Юань Ши-кай просил английского посланника в Пекине выступить в качестве посредника перед революционерами в целях соглашения между этими последними и китайским правительством. Английский посланник в Пекине телеграфировал с этой целью английскому генеральному консулу в Ханькоу, и в результате этого выступления было заключено на короткий срок первое перемирие. За это время Юань Ши-кай договаривался с революционерами о том, чтобы начать переговоры о соглашении между обеими сторонами. Английское правительство обратилось также к императорскому правительству с просьбой принять участие в вышеуказанном посредничестве английского правительства с целью привести, если возможно, к благополучному разрешению начатые переговоры, независимо от взглядов, высказанных японским правительством по общему вопросу. Императорское правительство приняло это предложение английского правительства, и таким образом оба правительства — японское и английское — решили совместно предложить свои добрые услуги двум воюющим партиям в Китае. Излишне добавлять, что это выступление ограничивается просто-напросто предложением добрых услуг.

№ 230. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 2088 [2]. 20/7 декабря 1911 г.

Телеграмма от [20] 7 декабря получена [3].

Вполне разделяем ваше мнение о неприемлемости каких бы то ни было словесных обещаний персидского правительства. Согласиться на замену 2-го пункта ультиматума каким-либо новым условием совершенно иного характера мы, конечно, не можем. В этом пункте нам важно лишь добиться того, чтобы действительно персы были поставлены в невозможность приглашать на службу таких иностранцев, которые были бы неподходящими для России и Англии; что же касается редакции соответственного обязательства Персии, то она нам безразлична.

Так как в наших решениях изменений, очевидно, не будет, то и вопроса о сроке не возникает. Во всяком случае имейте в виду, что до увеличения

[1] Ср. № 223.
[2] Опубл. Ор. кн., стр. 340, со стилистическими изменениями.
[3] См. № 236.

отряда новыми подкреплениями [1] мы его из Казвина двигать не будем, кроме разве случая непосредственной опасности в Тегеране для европейцев.

Сазонов.

№ 231. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 20/7 декабря 1911 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

C'est avec un réel plaisir que je reprends ma correspondance avec vous après votre longue maladie et que je vous adresse d'abord tous mes voeux pour que les fatigues de Pétersbourg ne vous entravent pas. La façon dont vous avez supporté Paris est du meilleur augure. — Grey a pris le plus naturellement du monde, que vous ne soyez pas venu ici. Non pas qu'il ne regrette vivement n'avoir pas pu causer avec vous, mais il se rend absolument compte des circonstances. Je l'ai trouvé confiant dans l'avenir et nullement intimidé par les attaques de l'opposition. Je vous dis ailleurs que ce Cabinet n'est plus aussi sûr de sa situation qu'il l'était jusqu'ici. Mais le triage, et il y a du triage, ne provient nullement de la politique étrangère. C'est même le seul point clair. De sorte que nous pouvons être tranquilles jusqu'au jour fatidique où Lansdown reprendra le fil. Un fil qu'il ne coupera certainement pas, si cela dépend de lui.

J'ai vu Nicolson hier. Il n'avait rien de précis de Téhéran. Le ministre de la Perse avait donné de l'espoir. Cela se trouve être prématuré. Nicolson était visiblement soucieux, surtout de l'inconnu. C'est à dire d'un état de choses à Téhéran où un rien fortuit peut produire des difficultés sérieuses. A ce sujet il est encore revenu sur la nécessité de s'entendre sur un programme, le plus défini possible. Selon lui avant tout il faut chercher et trouver un conseiller financier agréable aux deux gouvernements. Il trouve que s'il est un homme de confiance, il ne faudrait pas trop chicaner ses pouvoirs, une influence trop modeste donnant trop libre jeu aux intrigues persanes. Il faut bien un pouvoir assez fort pour mener le pays et n'être pas à sa merci, comme l'actuel. Mais il faut que le conseiller étranger ait son mot à dire, bien entendu à condition que l'homme désiré puisse être trouvé. Je ne sais rien du diplomate hollandais, au sujet duquel je vous ai télégraphié [2], sinon ce que l'on m'a dit. J'ai télégraphié à toute bonne fin. Après tout il y a là une possibilité, il y a aussi l'avantage que Poklewsky et Barclay doivent bien connaître l'homme en question, et que cet homme vient d'assister à une bonne leçon.

J'ai trouvé Nicolson comme Grey inquiet de la prolongation indéfinie de la guerre turco-italienne, et de sa réaction possible sur les Balkans. Sans d'ailleurs qu'ils ne voient rien à faire qu'à attendre. Ils ne sont pas inquiets de Crète.

Il n'est pas fâché que Mr. de Selves ait comblé les lacunes du discours de Grey [3], qui ne s'était pas décidé à préciser les exigences allemandes qu'à un certain moment il a jugé inacceptables pas plus qu'à dévoiler la source dont il tenait ces renseignements. Mr. de Selves vient de le dire. Mr. de Kiderlen, à ce moment, demandait tout le Congo et une situation économique priviligiée au Maroc. En plus il a ajouté que l'Angleterre et la Russie étaient constamment tenues au courant. Comme je l'espérais, Grey n'est plus revenu, dans son dernier discours, sur toute cette question, qu'il considère enterrée. Par contre Grey aimerait beaucoup voir terminée la négociation franco-espagnole. En cette question, il y a des points où il se considère engagé vis-à-vis de l'Espagne et s'en est clairement expliqué avec Cambon.

---

[1] См. стр. 221, прим. 4.

[2] Тел. от 18/5 дек. за № 322 Бенкендорф извещал Сазонова, что, по имеющимся у него сведениям, в кандидаты для замещения Шустера намечается Уденйдейн, голландский посланник в Тегеране.

[3] См. № 232.

Vous voilà sur les bras une bien désagréable affaire avec les Etats Unis [1]. Je suis sûr que vous vous en tirerez, mais pas sans difficultés. Taft doit être aussi ennuyé que nous. Diplomatiquement ils n'ont pas le moindre leg to stand on. Mais au fond de tout cela il y a pourtant une grosse question, la question juive, qui s'aigrit partout depuis juste deux ans. La voilà soulevée à l'étranger de la façon la plus déplorable pour tout le monde, y compris la question en elle-même chez nous. Je crois qu'il s'agit de bien regarder les choses en face. Faire de ce vote unanime de la Chambre des réprésentants une simple intrigue juive, est se faire illusion. Cela donne la mesure de leur influence, peut-être plus considérable en Amérique qu'ailleurs, mais qui existe partout. En Allemagne elle est moins percevable, pour la bonne raison que l'Allemagne a su faire flèche de cette influence, qui partout travaille au profit allemand. [Chez] nous c'est juste le contraire. Et il ne faudrait pas se tromper sur la portée de la chose. Ici cela ne joue pas encore beaucoup. Pourtant tout le travail pro-allemand, et anti-russe, est juif à l'origine. Ce vote de la Chambre américaine représente après tout une opinion établie sur la question juive en Russie. Les chambres européennes pour d'autres considérations ne voteraient pas comme l'américaine, mais quant à l'opinion en elle-même, je doute qu'il y ait différence sensible. Cela n'est pas à établir, encore moins à proclamer, mais c'est je crois à prendre in petto, en sérieuse considération. Jusqu'il y a deux ans, la grande juiverie était divisée; une partie notable et puissante comptait sur l'initiative de notre gouvernement à mettre le sujet à l'étude, dans le sens d'une réforme, même modérée. C'est alors qu'ils ont renoncé. C'est à peine s'il y a encore des vestiges d'élément modérateur. Je n'en connais qu'un, une partie de Rotshild. C'est pourquoi j'ai vivement regretté que le ministère de l'intérieur m'ait refusé un petit service à leur rendre à propos d'un Mr. Linch, ingénieur, qu'ils voulaient envoyer à Kystym à l'Oural. C'est d'autant plus regrettable que les Rotshild doivent y voir un symptôme, qui est un knock on the head, aux paroles que le «Novoe Vremia» vous prête, qu'il s'agit surtout d'éléments subversifs anarchistes. Comment le principe peut s'appliquer à un juif dont se portent garant et dont veulent user industriellement les plus conservateurs parmi les conservateurs juifs, les seuls qui jusqu'ici continuent à modérer le mouvement. Cela devient difficilement explicable.

Tout ceci n'est d'aucun secours pour votre négociation d'un nouveau traité de commerce. Si j'en parle, c'est qu'il y a longtemps que je m'attends à quelque difficulté de ce genre, surgissant à l'improviste frappant notre cuirasse, à une félure, parce que dans mon opinion, félure il y a, plus dangereuse qu'il n'y parait, surtout à se reposer, sur la théorie inévitable au point de vue de la raison d'Etat, mais tout de même un peu simpliste: que c'est là affaire intérieure pure et simple.

Ici Noël commence et toute la quinzaine qui commence mettra le Foreign Office en vacances. Grey va et vient, et Nicolson s'en va en congé pour un mois.

Encore mille voeux pour vous, j'entends votre santé et vos forces et mille hommages à Madame Sazonoff.

Très sincèrement à vous Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

С истинным удовольствием я возобновляю переписку с вами после вашей длительной болезни и прежде всего желаю, чтобы петербургские заботы не отразились бы на вас плохо. Ваше самочувствие в Париже является лучшим показателем. Грей нашел вполне естественным, что вы не приехали сюда. Не потому, что он не сожалеет о том, что не мог побеседовать с вами, но потому, что он вполне отдает себе отчет в обстоятельствах. Я нашел его полным веры в будущее и ничуть не обескураженным нападками оппозиции. В другом сообщении я говорил вам, что кабинет уже не так уверен в своем положении, как прежде. Но затруднения, — а таковые в самом деле имеют место, — ни в коем случае не проистекают от внешней политики. И это даже един-

[1] См. № 218

ственный ясный пункт. Так что мы можем быть спокойны до того рокового дня, когда Лансдоун вновь возьмется за дело, от которого он, конечно, не отступится, если только это будет зависеть от него.

Я видел Никольсона вчера. Он не имеет никаких точных известий из Тегерана. Посланник в Персии считает, что можно надеяться. Это преждевременно. Никольсон был, видимо, озабочен, в особенности неизвестностью, другими словами, таким положением вещей в Тегеране, когда пустая случайность может вызвать серьезные затруднения. По этому поводу он вернулся к вопросу о необходимости договориться относительно программы, по возможности точно разработанной. По его мнению, нужно прежде всего искать и найти финансового советника, приемлемого для обоих правительств. Он считает, что, если это будет человек, заслуживающий доверия, не следует слишком ограничивать его власть, так как слишком ограниченное влияние предоставит чрезмерную свободу персидским интригам. Нужна власть достаточно твердая, способная руководить страной, а не быть в зависимости от нее, как теперешняя. Но необходимо, чтобы иностранный советник имел возможность высказывать свое мнение, при условии, конечно, что может быть найден подходящий человек. Я ничего не знаю о том голландском дипломате, о котором я вам телеграфировал, кроме того, что мне сказали. Я телеграфировал на всякий случай. В конце концов такая комбинация возможна, и она имеет то преимущество, что Поклевский и Барклай должны хорошо знать этого человека и что этот человек недавно был свидетелем хорошего урока.

Я нашел Никольсона, так же как Грея, озабоченным бесконечно затягивающейся войной между Италией и Турцией и ее возможными последствиями на Балканах. Впрочем, они считают, что в данном случае не остается ничего другого, как ждать. О Крите они не тревожатся.

Он ничего не имеет против того, что г. де Сельв восполнил пробелы речи Грея, который не решился указать точно немецкие требования, считавшиеся им одно время неприемлемыми, а также назвать источник, откуда исходили эти сведения. Г. де Сельв сделал это. Г. Кидерлен требовал в то время все Конго и привилегированное экономическое положение в Марокко. Кроме того, он добавил, что Англия и Россия все время держались в курсе дела. Как я и рассчитывал, Грей больше не возвращался в своей последней речи ко всему этому вопросу, который он считает погребенным. Напротив, Грей очень желал бы завершения франко-испанских переговоров. В этом вопросе есть некоторые пункты, в которых он считает себя связанным по отношению к Испании, и он ясно сказал об этом Камбону.

Вот у вас сейчас весьма неприятное дело с Соединенными Штатами. Я уверен, что вы с ним справитесь, но не без затруднений. Тафту должно быть так же неприятно, как и нам. С дипломатической точки зрения в их распоряжении нет ни малейшей точки опоры, но в основе всего этого лежит крупный вопрос, еврейский вопрос, который всюду обостряется уже в течение двух лет. Теперь он поднят за границей и самым прискорбным образом для всех, в том числе и для этого вопроса у нас. Я думаю, что нам следует смотреть на вещи прямо. Приписывать простой еврейской интриге это единодушное голосование в палате представителей, значит создавать себе иллюзии. Это дает представление об их влиянии, которое в Америке, может быть, более значительно, чем в других странах, но которое существует повсюду. В Германии оно менее заметно, по той простой причине, что она сумела его использовать и заставить его повсюду работать на пользу Германии. У нас как раз наоборот. Не нужно создавать себе иллюзий относительно значения этого вопроса. Здесь он еще не играет большой роли. Но вся работа в пользу Германии и против России инспирируется евреями. В конце концов это голосование американской палаты представителей указывает, что установилось определенное мнение относительно еврейского вопроса в России. Европейские парламенты, по соображениям иного характера, не будут голосовать, как американский, но я сомневаюсь, чтобы их мнение, как таковое, значительно отличалось от мнения американцев. Этого невозможно доказать, еще менее возможно заявлять об этом открыто, но я думаю, что это обстоятельство должно быть молча, но серьезно принято во внимание. Еще два года тому назад среди широких еврейских кругов не было единодушия; одна часть, значительная и сильная, рассчитывала, что этот вопрос будет пересмотрен по инициативе нашего правительства в смысле реформы, хотя бы и умеренной. Тогда-то они и отказались. Теперь от умеренного элемента почти не осталось и следа. Мне лично известен только один — партия Ротшильда. Вот почему я очень сожалел, что министерство внутренних дел не захотело оказать им небольшую услугу по делу инженера Линч, которого они хотели послать в Кыштым на Урале. Факт тем более прискорбный, что Ротшильды должны усмотреть в нем симптом, опрокидывающий заявление, которое вам приписывает «Новое время», что имеются главным образом в виду анархисты с их пагубной деятельностью. Каким образом этот принцип может быть применен к еврею, за которого поручаются и которого хотят использовать в промышленных целях самые консервативные из еврейских консерваторов, которые единственно продолжают действовать умеряюще, это становится трудно объяснимым.

Все это, однако, не принесет никакой пользы вашим переговорам о новом торговом договоре. Если я говорю об этом, то потому, что давно уже ожидаю, что на нашем пути возникнут неожиданные препятствия, затрагивающие наше слабое место, а слабое место, по моему мнению, у нас есть, и оно более опасно, чем кажется, — это главным образом успокоиться на теории, неизбежной с точки зрения государственного разума, но все же слишком упрощенной, что все это есть лишь вопрос чисто внутренней политики.

Здесь начинается рождество, и в течение ближайших двух недель у министерства иностранных дел будут каникулы. Грей то приезжает, то уезжает. Никольсон уходит в отпуск на месяц.

Еще тысячу раз желаю вам сил и здоровья и шлю привет г-же Сазоновой.

Искренне преданный вам

Бенкендорф.

№ 232. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [1]. 20/7 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ныне, после речей, произнесенных руководителями внешней политики в Берлине, Лондоне и Париже [2], представляется желательным подвести общий итог событиям последних месяцев и определить взаимное положение участников недавнего кризиса. Теперь уже не остается сомнения в том, что в течение минувшего лета кризис этот несколько раз принимал чрезвычайно острый характер и серьезно угрожал всеобщему миру. При этом весьма рельефно выступили наружу свойства существующих политических группировок и особенности внутреннего положения в каждой из заинтересованных стран.

Во Франции, где я имел возможность наблюдать за ходом событий изо дня в день, дело прошло через два фазиса: минутное увлечение марокккской авантюрой со стороны гг. Мониса, Берто и Круппи и затем упорное отстаивание французских интересов и дипломатическая борьба против Германии дружными усилиями гг. Кайо, де Сельва и Камбона. Вы изволите вспомнить, что, решившись послать военную экспедицию в Фец [3], г. Круппи, совершенно незнакомый с политической обстановкой Европы, вполне искренне и наивно рассчитывал на крепость франко-германского соглашения 1909 года [4] и на все мои предостережения отвечал в самом оптимистическом тоне. Когда же в момент падения кабинета г. Мониса разразился агадирский инцидент, здесь наступила сперва минута крайней тревоги, а вскоре затем обнаружилось в высшей степени приподнятое, чтобы не сказать, воинственное настроение. При этом нельзя не отдать полной справедливости хладнокровию, спокойной решимости и даже искусству, с которыми велись трудные и запутанные переговоры такими новичками в дипломатическом деле, как гг. Кайо и де Сельв, правда, при помощи старого и опытного дипломата — Ж. Камбона.

Если сравнить обе версии последовательного хода событий — германскую и французскую, — следует прежде всего заметить, что первая, изложенная в известном сообщении г. Кидерлена комиссии рейхстага и печати [5], содержит несомненно неточности и даже искажения истины. Нельзя, конечно, с полной уверенностью сказать, что именно имело в виду германское правительство, когда оно послало военное судно в Агадир; несомненно, однако, одно, а именно, что во Франции в течение нескольких недель господствовало полное недоумение относительно истинного значения этого «жеста». К этому именно периоду относится сделанное мне г. Кайо заявление, что

[1] Частично опубл. Stieve, I, S. 194, № 172.

[2] О речи Кидерлена и Грея см. стр. 166, прим. 1 и 2. 14/1 дек. де Сельв произнес в палате депутатов речь, в которой он изложил ход франко-германских переговоров о Марокко. Говоря о роли, которую играли в этих переговорах дружественные Франции державы, он указал, что хотя они и были готовы оказать Франции поддержку, но никогда не побуждали ее к агрессивным выступлениям. Затем, приветствуя мирное завершение указанных переговоров, де Сельв отметил выгоды достигнутого соглашения, поскольку оно предоставляет Франции полную свободу действий в Марокко, укрепляет ее алжирские владения и увеличивает ее мощь. Относительно Испании, по мнению де Сельва, должно проводить следующую политику: поскольку Франция ценой жертв добилась в Марокко нового положения, выгоды которого распространяются и на Испанию, последняя должна со своей стороны принести жертвы.

[3] Фец был занят франц. отрядом под командой ген. Муанье 21/8 мая 1911 г. См. т. XVIII, № 39.

[4] Франко-герман. соглашение от 8 февр. /26 янв. 1909 г. о Марокко.

[5] См. № 179.

Франция не может допустить утверждения Германии на территории Марокко и что скорее, чем допустить подобное утверждение, она решится на войну. Опасения французского правительства еще усиливались сведениями о том, что германский генеральный штаб изучал операцию высадки в Агадире. Затем, когда, наконец, г. Кидерлен формально согласился на территориальную компенсацию в пределах экваториальной Африки и когда в Берлине начались нескончаемые переговоры, — постоянные проволочки и придирки со стороны берлинского кабинета опять-таки внушили французским министрам мысль, что Германия ищет лишь предлога порвать переговоры и довести дело до столкновения. Германская версия о мирном и безобидном характере посылки судна в Агадир опровергается еще одним обстоятельством: а именно — здесь всем известно, что еще до этой посылки г. Кайо, в то время занимавший в кабинете г. Мониса пост министра финансов, не разделяя оптимизма г. Круппи, первый подал в Берлине чрез посредство некоторых французских и немецких финансистов мысль о территориальной компенсации. О подобной компенсации шла также речь в Киссингене между гг. Камбоном и Кидерленом, и можно с уверенностью сказать, если бы Германия продолжала спокойно вести переговоры в этом смысле, она достигла бы более значительных результатов; ибо в то время во Франции мало кто заботился о колонии Конго, считавшейся совершенно непроизводительной и почти необитаемой. Возбуждение против уступки этой колонии обнаружилось лишь мало-помалу, по мере затяжки переговоров; еще в августе г. Кайо заявлял барону Шену о готовности уступить весь берег реки Убанги и провести южную границу по реке Алима, а в сентябре, под давлением проснувшегося общественного мнения, эти уступки оказались невозможными.

Таким образом оказывается весьма правдоподобным, что первоначальная мысль г. Кидерлена заключалась вовсе не в том, чтобы путем агадирской демонстрации принудить Францию к переговорам о компенсации; как во Франции, так и в самой Германии его «жест» был понят как первый шаг по пути к завладению частью Марокко, а последовавшее вслед за сим его согласие на переговоры о компенсации — как последствие вмешательства Англии и твердости, проявленной не только Францией, но и всеми державами Тройственного согласия.

Речь г. де Сельва обнаружила перед европейской публикой, что германская дипломатия была вынуждена не только к этому отступлению, но и к отказу от двух других позиций; г. Кидерлен начал с того, что потребовал уступки всей колонии Конго с морским побережьем, портами и городами; затем, несмотря на официальное опровержение с немецкой стороны, несомненно, что он пытался получить в Марокко в пользу Германии особые экономические привилегии, с разделением страны на две сферы экономического влияния — французскую и германскую. От этих двух требований г. Кидерлен был принужден отказаться.

Из всего вышесказанного нельзя не вывести заключения, что г. Кидерлен вел дело весьма неосторожно и неискусно и облегчил Франции несомненный дипломатический успех.

Образ действия германского правительства привел, однако, не только к технической победе французской дипломатии: он имел еще и другие, несравненно более серьезные последствия. До агадирского инцидента в широких слоях французской демократии, зараженной иллюзиями международного пацифизма, несомненно, существовало течение в пользу соглашения с Германией. Это течение и находившаяся с ним в связи идея антимилитаризма громко проповедывались не только в печати и парламенте, но и во всей стране. Шесть лет тому назад первое столкновение с Германией на почве марокккского вопроса вызвало всеобщий панический страх перед войной и сознание в полной военной неподготовленности. В этом году картина была совершенно иная: германская угроза произвела противоположный результат. Французская нация не только не растерялась, но обнаружила, может быть, сверх ожидания, необыкновенное единение, спокойную ре-

шимость и патриотический подъем, при полном отсутствии вызывающего шовинизма или театральной воинственности. В этом отношении можно смело сказать, что г. Кидерлен оказал Франции неоценимую услугу и достиг в несколько недель результата, к которому в течение последних лет тщетно стремились лучшие силы Франции [1].

Наконец, рассматриваемые события обнаружили еще некоторые политические истины, в которых до сих пор, казалось, можно было сомневаться. Кризис 1908 года по поводу боснийской аннексии оставил в общественном сознании Европы некоторое недоверие к прочности и действительности Тройственного согласия. Ныне комбинация эта, сложившаяся под давлением исторической необходимости, показала не только всю свою внутреннюю солидарность, но и способность свою оказать решающее действие на пользу всеобщего мира. В этом отношении в высшей степени знаменателен факт, что во время тревожных дней минувшего лета Англия, не будучи связана с Францией никаким формальным обязательством, была готова выдвинуть против Германии не только весь свой флот, но и всю свою экспедиционную армию. Не эта ли решимость держав Тройственного согласия внушила германской дипломатии тот дух уступчивости, который в конце концов привел к подписанию соглашения 4 ноября [нов. ст.]?

Приписывая дружным действиям держав Тройственного согласия заслугу поддержания мира при настоящих обстоятельствах, я отнюдь не желаю предаваться оптимизму относительно будущего. После только-что минувшего кризиса политическое положение в Европе сделалось еще менее устойчивым; несомненно, что всякое частное столкновение между двумя державами должно неминуемо обратиться в общеевропейский конфликт, от участия в коем ни Россия, ни другая европейская держава уклониться не может. С божьей помощью момент этого конфликта может быть отдален, но о возможном его наступлении мы должны думать ежечасно и ежечасно к нему готовиться.

Примите и пр. Извольский.

№ 233. Посол в Вене министру иностранных дел.

·/. Письмо. 20/7 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Граф Эренталь был вчера лично у меня, прося повергнуть к стопам его императорского величества свои поздравления и пожелания по случаю тезоименитства государя императора. Эренталь повторил мне, что император Франц-Иосиф скорбит, что ему пришлось подчиниться предписанию докторов, которые запретили ему, ввиду сильной простуды, дать традиционный обед членам императорского посольства.

Эренталь затронул во время нашей беседы несколько вопросов. Говоря о предварительном собрании 28/15 декабря делегаций, он заявил, что ему придется выступить, но он намерен ограничиться изложением программы и общими пожеланиями в духе консервативном. Настоящие прения в общем собрании делегаций начнутся не ранее апреля месяца. Он прибавил, что до него дошли слухи, что ведутся какие-то непосредственные переговоры между Италией и Турцией для прекращения войны и что будто-бы английский посол в Риме говорил о каких- то новых условиях, которые могли бы примирить воюющих. Он не верит этим слухам, но искренно желал бы, чтобы война прекратилась до весны, иначе осложнения на Балканах неминуемы. На мой вопрос, может ли он мне что-либо сообщить о заключенном Черногорией займе в Австрии [2], граф Эренталь ответил мне, что «Boden Credit Anstalt», частное финансовое учреждение, обратилось к нему несколько месяцев тому назад, чтобы узнать, не имеет ли австро-венгерское прави-

---

[1] У Stieve опубликована только последующая часть письма.

[2] См. № 193. Тел. от 18/5 дек. за № 158 Арсеньев сообщал, что 17/4 дек. скупщина утвердила договор о займе черног. прав-ва в Австрии

тельство что-либо против заключения Черногорией займа. Он ответил, что на экономической почве он приветствует всякий заем в Австрии. Этот незначительный заем заключен для покрытия других долгов. Эренталь сказал мне при этом, что балканские державы скорее укрепили бы мир, если бы более занимались внутренним своим экономическим благосостоянием. Черногории стоил конфликт малиссоров с турками очень дорого [1]. Сам Эренталь подвергся сильным нападкам всех католиков, потому что он советовал албанцам примириться с турками, не продолжать распри, вместо того, чтобы притти им на помощь поддержкой оружием и деньгами. Делать этого он не хотел, так как он желал остаться верным строго консервативной политике status quo на Балканах. Несмотря на столь миролюбивые его намерения, обвинения и нападки на него сыплются со всех сторон. Этим закончилась наша беседа. Эренталь, несмотря на то, что он уверен в поддержке императором Францем-Иосифом его политики, показался мне довольно удрученным.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 234. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 83. 20/7 декабря 1911 г.

Непрекращающееся брожение на Крите вместе с раздражением, вызванным арестом депутатов, и с каждым днем усиливающаяся здесь оппозиция ставят кабинет в крайне тяжелые условия [2]. Ввиду этого греческое правительство, подчеркивая свою корректность, поручило своим представителям обратить благосклонное внимание держав-покровительниц на желательность, в частности, освобождения депутатов, а также и на общую невыносимость создавшегося последними событиями положения на острове, где не предвидится конца периодическим волнениям, которые могут привести к полной анархии. При таких обстоятельствах афинский кабинет видит исход лишь в изменении настоящего status quo на Крите и надеется, что державы изыщут тот новый, хотя бы временный, режим, который мог бы дать Криту успокоение. Как ваше высокопревосходительство усмотрите из словесного сообщения, которое вам должен сделать греческий представитель, его правительство не позволяет себе формулировать какого-либо конкретного предложения, но всецело полагается на усмотрение держав-покровительниц, ссылаясь лишь в виде примеров на бывшие положения Боснии и Герцеговины, а также и Восточной Румелии. По общему нашему впечатлению, положение греческого правительства действительно безвыходное, и никакие меры временного характера помочь уже не могут.

Свербеев.

№ 235. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма [3]. 20/7 декабря 1911 г.

Срочно.

Получил телеграмму от [19] 6 декабря [4].

Пробывший два дня в Тегеране начальник штаба экспедиционного от-

[1] Имеется в виду восстание албанского племени малиссоров в апреле — мае 1911 г., которому Черногория оказывала поддержку.

[2] Тел. от 16/3 дек. за № 122 Пустошкин сообщал Сазонову, что 15/2 дек. в Канейском порту на греч. пароход ворвались 24 критских депутата. Пароход был отправлен под конвоем франц. крейсера в Суду, куда прибыли представители держав. Последние предложили депутатам подписать обязательство отказаться от намерения отправиться в Афины, прибавив, что в случае отказа они будут задержаны на стационерах впредь до решения держав. «Переговоры, длившиеся до ночи, — заканчивал Пустошкин, — привели к тому, что сегодня утром 16 депутатов добровольно перешли на французский крейсер. Ввиду нежелательности долее задерживать греческий пароход, наполненный мирными пассажирами, мы распорядились о переводе силой остальных восьми депутатов на стационеры».

[3] Номер отсутствует.

[4] В тел. от 19/6 дек. за № 2077 Сазонов, ссылаясь на тел. Поклевского за № 1268 (см. № 222), сообщал последнему: «По мнению военного ведомства, начи-

ряда полковник Конге совместно с князем Вадбольским подробно выяснил здешнюю обстановку, причем оба эти офицера уверены, что ныне состав отряда совершенно достаточен для занятия Тегерана, даже если бы со стороны персов было оказано сопротивление. Присоединяясь к этому мнению, позволяю себе заметить, что сколько-нибудь значительное промедление в переговорах с персидским правительством произведет неблагоприятное для нас впечатление и может быть превратно истолковано.

Поклевский.

№ 236. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

·/. Телеграмма [1]. 20/7 декабря 1911 г.

Министр иностранных дел приехал ко мне поздно вечером с следующим предложением. Он уверял меня, что сторонники кабинета в меджлисе сегодня же начнут подавать в отставку, чем воспользуется будто бы регент для объявления дальнейших заседаний этого собрания незаконными. По словам министра иностранных дел, кабинет, несмотря на сыплющиеся на него со всех сторон нападки, примет наши требования, но ему хотелось бы, не нарушая наши интересы, показать народу, что он добился некоторого изменения условий ультиматума. Так как самую большую оппозицию продолжает встречать второе условие, даже в теперешней редакции, то министр иностранных дел спрашивает, не согласится ли императорское правительство удовлетвориться словесным обещанием шахского правительства относительно иностранных чиновников в принятой нами редакции. Взамен этого кабинет будто бы в ответной ноте на ультиматум разрешит в желательном нам смысле вопрос об автомобилях и Караджадагской концессии и, кроме того, обяжется либо предоставить кому и когда мы укажем концессию на железную дорогу от Джульфы до Астары на Тегеран и южнее до границы нашей зоны, либо согласится, чтобы оба наши дорожные предприятия в Персии получили право замены их теперешних концессий на железнодорожные и при сем на весь остающийся до истечения их концессий срок. Я указал министру, что мы, может быть, могли бы согласиться на подобную комбинацию в будущем в обмен на третье наше условие, но Восуг заметил, что это наше требование не встречает более возражений, между тем, как в народе глубоко уверены, что принятие второго пункта лишает Персию независимости. Министр иностранных дел просил повергнуть на усмотрение вашего высокопревосходительства его новое предложение, уверяя, что в случае вашего согласия со стороны персов не будет более никаких задержек в оформлении их новых обязательств. Не считая себя в праве самостоятельно отвергнуть это предложение, прошу срочных указаний вашего высокопревосходительства. Позволяю себе, однако, доложить, что при теперешнем неопределенном положении кабинета и меджлиса и постоянных колебаний в среде здешних политических партий, я не могу поручиться, что в Тегеране окажется достаточно сильная власть для приведения в исполнение новых персидских предложений или что последние не сделаны лишь для выигрыша времени. Вследствие сего представляется желательным, каковы бы ни были решения императорского правительства, дать персам лишь 24 часа для его формального принятия [2].

Прошу срочных телеграфных указаний.

Поклевский.

нать движение нашего отряда в нынешнем его составе из Казвина к Тегерану было бы рискованно. Решено увеличить отряд до одной дивизии, о чем делаются срочные сношения с наместником. Это увеличение потребует некоторого времени и, во всяком случае, не менее одной недели».

[1] Номер отсутствует. Опубл. Ор. кн., стр. 338, со стилистическими изменениями.

[2] В тот же день тел. (без номера, опубл. Ор. кн., стр. 339, со стилистическими изменениями) Поклевский сообщал, что меджлисом избрана комиссия из пяти членов, которой поручено, под руководством регента, «ликвидировать конфликт с нами на

№ 237. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 85. 20/7 декабря 1911 г.

Резолюция сената [1] об отмене трактата прошла сегодня в палате.

Бахметев.

№ 238. Министр иностранных дел наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

Телеграмма № 2099 [2]. 21/8 декабря 1911 г.

Получен № 7668 [3].

Ссылаюсь на передаваемые вам телеграммы консула в Реште №№ 281, 288, 290, 296 [4].

Телеграммы указывают на очень тревожное положение дел благодаря деятельности местных революционных организаций. Уже начались оскорбления наших офицеров и казаков и даже нападения на них. Ввиду необходимости прекратить анархию в Реште, от которой страдают также наши подданные и наша торговля, я предписал надворному советнику Некрасову задержать главарей шайки и держать их под арестом до дальнейших приказаний [5]. Так как для этого он должен иметь в своем распоряжении известную военную силу, обращаюсь к вашему сиятельству с покорнейшей просьбой не отказать, если вы признаете это возможным, распорядиться оставлением в Реште прибывших туда казачьих сотен в размере, установить который можно было бы предоставить соглашению консула с начальником казвинского отряда.

Сазонов.

№ 239. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 324. 21/8 декабря 1911 г.

Je constate et crois devoir vous informer, que plus situation indécise à Téhéran se prolonge plus inquiétude et excitation de l'esprit public ici s'accentue. Les adversaires de la politique de Grey deviennent de plus en plus actifs et leur succès a pour cause que les partis qui soutiennent le Cabinet ne trouvent pas de réponse à la question de savoir ce qui se passera le jour où

условиях, на кои она сочтет нужным согласиться». Он обращал внимание Сазонова на то, что принятие росс. прав-вом предложения перс. м-ра ин. дел «должно повлечь за собой перемену редакции второй части пункта 1-го ультиматума».

[1] В тел. от 20/7 дек. за № 84 Бахметев сообщал: «После некоторых оппозиционных речей сенат вчера вечером 72 голосами против нуля утвердил послание, которым президент объявил ему, что он поручил послу в Петербурге известить императорское правительство о желании правительства С. А. С. Штатов прекратить действие трактата 1832 года 1 января 1913 года и начать переговоры для заключения нового, более соответствующего интересам обоих правительств. Послу в Петербурге при этом было предписано настоять на великой цене, которую здешнее правительство придает историческим сношениям между обеими странами, и желании не щадить усилий, чтобы результат предлагаемых переговоров еще более способствовал укреплению этих дружеских отношений».

[2] Опубл. Ор. кн., стр. 345, со стилистическими изменениями.

[3] Тел. от 20/7 дек. за № 7668 Воронцов-Дашков сообщал Сазонову, что в Энзели прибыли две сотни кубанцев и лабинцев.

[4] Тел. от 18/5 дек. за № 281 (опубл. Ор. кн., стр. 333, с сокращениями и стилистическими изменениями) Некрасов сообщал Сазонову, что в Реште на двух перс. купцов, за неподчинение их бойкоту русских товаров, было совершено покушение, и отмечал: «В городе нет безопасности, нет власти; всюду стрельба». Некрасов в заключение писал: «Непринятие быстрых мер может вызвать резню и убийства. Прошу задержать в Реште прибывшую в Энзели сотню гребенцов, дать мне разрешение арестовать главарей». Тел. от 19/6 дек. за №№ 288, 290 и 296 (опубл. Ор. кн., стр. 336, и 337, с сокращениями и стилистическими изменениями) Некрасов сообщал, что в городе были попытки нападения на казаков росс. консульства. Отмечая, что среди перс. рабочих Лианозова наблюдается брожение, Некрасов указывал, что базары закрыты, объявлена всеобщая забастовка и что «ни один пароход в Энзели не разгружается».

[5] Это предписание было дано Некрасову тел. от 20/7 дек. за № 2084.

nos troupes y entreront. Cette lacune nourrit toute l'agitation. On doute de la possibilité de créer rapidement un ordre de choses adoptable après retraite de nos troupes, ce qui fait redouter leur séjour prolongé qui deviendrait fatalement désastreux pour l'accord. Puis autant que je puis juger un point essentiel est que successeur de Shuster soit décidé de manière à ce qu'il puisse entrer en fonction dès que Shuster quittera sans interrègne et que la question emprunt soit décidée sans retard comme moyen de calmer les esprits et inspirer confiance en successeur Shuster en lui assurant un succès que Shuster n'a pas pu enregistrer [1].

Benckendorff.

Перевод.

Констатирую и считаю долгом вас уведомить, что чем больше затягивается неопределенное положение в Тегеране, тем более усиливается здесь беспокойство и возбуждение общественного мнения. Противники политики Грея становятся все активнее, и причина их успеха состоит в том, что партии, поддерживающие кабинет, не находят ответа на вопрос о том, что случится в тот день, когда наши войска туда войдут. Этот пробел дает пищу для всякой агитации. Сомневаются в возможности после ухода войск создать быстро приемлемый порядок вещей, и это заставляет опасаться их длительного присутствия, которое, к несчастию, было бы фатальным для соглашения. Затем, насколько я могу судить, существенным моментом является такое решение вопроса о преемнике Шустера, при котором он мог бы вступить в должность немедленно после отъезда Шустера, без междуцарствия, и чтобы вопрос о займе был решен без промедления, как средство для успокоения умов и внушения доверия к преемнику Шустера, обеспечив ему тот успех, которого Шустер не мог вписать на свой актив.

Бенкендорф.

№ 240. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [2]. 21/8 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Переговоры между Францией и Испанией о Марокко сейчас в полном ходу. Г. де Сельв ознакомил меня в общих чертах с содержанием инструкций, коими снабжен французский посол в Мадриде, где между ним и испанским министром иностранных дел происходит обмен мыслей при участии английского посла. Из слов г. де Сельва я мог заключить, что инструкции г. Жоффре составлены сравнительно в примирительном и умеренном духе. Настаивая на том, что Испания, так же как и Франция, обязана принести известные жертвы ради приобретаемых ею новых прав в Марокко, французское правительство не требует возвращения Лараш и Эль-Ксара [3] и желает лишь получить отведенную Испании соглашением 1904 года южную, чресполосную зону, никогда, впрочем, испанцами незанятую. Здесь думают, что территориальный вопрос разрешится без особенных затруднений, ибо в крайнем случае Франция, вероятно, откажется от порта Ифни, представляющего, повидимому, для Испании особенную ценность. Гораздо труднее будет разрешить вопрос о совмещении французского протектората над Марокко с особыми правами, которые Испания требует для себя в своей зоне. Вы изволите вспомнить, что г. де Сельв принял предложенную мною ему, по уговору с испанским послом, мысль о назначении султаном особого делегата или комиссара для испанской зоны, который будет сноситься с испанскими властями [4]. Предложение это включено в инструкции г. Жоф-

---

[1] Тел. от 20/7 дек. за № 2086 Нератов сообщал Поклевскому: «В английской печати появились сведения, будто за последние несколько месяцев Шустер привел персидское казначейство в блестящее состояние и что в этом казначействе имеются будто бы большие свободные суммы. Выходит таким образом, что, требуя отставку Шустера, мы сознательно препятствуем улучшению денежных дел в Персии. Подобные сведения желательно опровергнуть. Благоволите поэтому спешно сообщить данные о положении персидской казны, для опровержения путем редакционной статьи в «Новом времени».

[2] Опубл. Stieve, I, S. 195, 173.

[3] См. № 32.

[4] См. т. XVIII, № 839.

фре и в принципе не встречает возражений ни с той, ни с другой стороны. Тем не менее, практическое выполнение этой мысли вызовет, без сомнения, горячие пререкания. Из сегодняшних агентских телеграмм видно, что испанский министр иностранных дел вручил г. Жоффре ответ на французские предложения, но ответ этот здесь еще не получен. Г. де Сельв ожидает со стороны Испании упорные возражения, но не теряет надежды в конце концов притти к соглашению. Симпатичное отношение к Испании, проявленное французской палатой депутатов, должно повлиять умеряющим образом на испанское правительство. Со своей стороны я буду продолжать мое воздействие на г. де Сельва в том же смысле.

Примите и пр.

Извольский.

№ 241. Военный агент во Франции начальнику генерального штаба Жилинскому.

Рапорт № 429. 21/8 декабря 1911 г.

Секретно.

Начальник штаба армии, генерал Дюбайль, сообщил мне следующие интересные сведения:

Самым видным деятелем по организации высадки английской армии во Франции является генерал Вильсон, начальник оперативного отдела английского генерального штаба. Этот генерал приезжал летом в Париж для того, чтобы обо всем сговориться. В настоящее же время, сказал мне генерал Дюбайль, генерал Вильсон находится в Бельгии для изучения ее обороноспособности против Германии и для побуждения ее принять решительные меры противодействия германскому вторжению.

Принимая во внимание враждебное отношение бельгийцев к Германии, весьма ярко обнаружившееся прошлым летом, и опасение за Конго, находящее себе недвусмысленное подтверждение в только-что заключенном франко-германском договоре [1], мне кажется вероятным, что удастся побудить бельгийцев склониться в сторону Тройственного соглашения, так как надежды на сохранение своего нейтралитета становятся для них все более и более призрачными.

Генерал-майор гр. Ностиц.

№ 242. Нота российского посла в Вене австро-венгерскому министру иностранных дел Эренталю.

№ 1755 [2]. 21/8 декабря 1911 г.

Monsieur le Ministre,

Me référant à la note que votre excellence a bien voulu me faire parvenir concernant le facheux incident de Lemberg [3], je crois devoir ajouter que, tout en se montrant très reconnaissant aux sentiments exprimés par le gou-

---

[1] Ст. 16 франко-германской конвенции по вопросу о Конго от 4 ноября/22 окт. 1911 г. гласит: «В случае, если территориальный статут бассейна Конго, установленный Берлинским актом от 26/14 февр. 1885 г., будет изменен действиями той или другой из договаривающихся сторон, последние должны будут договориться между собой, а также с другими державами, подписавшими Берлинский акт». Ср. № 408 и прим. к нему.

[2] Печатается с чернового отпуска, хранящегося в делах б. росс. пос-ва в Вене.

[3] В ноте от 17/4 дек. за № 3271 Эренталь признал, что сведения, сообщенные им в ноте от 12 дек./29 ноября за № 3190 (см. стр. 185, прим. 1), оказались неточными, что на щите имелись следы чернил и что окна были разбиты в кабинете консульства, а не в квартире консула. Далее сообщалось, что полицейский, давший первые неправильные сведения, понесет наказание и что приняты меры к усилению охраны консульства. Австро-венг. прав-во выражало «живейшее сожаление по поводу досадного инцидента» и уведомляло росс. посла, что наместнику в Галиции дан приказ принять меры к предупреждению подобных демонстраций.

vernement impérial et royal, le Cabinet impérial estime qu'il serait équitable que le lieutenant de Galicie Mr. de Bobrzynski exprime de son côté personnellement au consul de Russie à Lemberg Mr. Exempliarsky sa réprobation et ses sentiments de regret au sujet de l'offense faite au consulat impérial et ressentie très péniblement en Russie.

D'après le rapport que je viens de recevoir du consul de Russie, les autorités locales ne lui ont fait aucune communication touchant à la manifestation hostile qui s'est produite le 10 décembre contre le consulat impérial et le lieutenant de Galicie ne lui a exprimé aucun sentiment manifeste de regrets [1].

Veuillez agréer, etc. [G i e r s.]

Перевод.

Г. министр,

Ссылаясь на ноту, присланную мне вашим превосходительством по поводу прискорбного инцидента во Львове, я считаю своим долгом добавить, что императорский кабинет, питая глубокую признательность за чувства, выраженные императорским и королевским правительством, полагает однако, что было бы справедливо, чтобы наместник Галиции г. Бобржинский, со своей стороны, лично выразил российскому консулу во Львове г. Экземплярскому чувства сожаления по поводу оскорбления, нанесенного императорскому консульству, оскорбления, которое произвело в России весьма тягостное впечатление.

Судя по донесению, только что полученному мной от российского консула, местные власти не сделали ему никакого сообщения относительно враждебной демонстрации против императорского консульства, имевшей место 10 декабря, и наместник Галиции не выразил ему никакого явного чувства сожаления.

Примите и пр.

[Г и р с.]

№ 243. Посол в Вене министру иностранных дел.

⁄. Депеша № 76. 21/8 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из событий здешней парламентской жизни, имевших место за последнее время, наибольшего внимания заслуживают, во-первых, выступление главы кабинета по соглашению с графом Эренталем по вопросу о перемене в высшем начальстве генерального штаба [2], а, во-вторых, принятие рейхсратом временного шестимесячного бюджета на 1912 год. Отвечая на запрос христианских социалистов и социал-демократов относительно причин назначения начальника генерального штаба барона Конрада фон Гетцендорфа инспектором армии и замены его генералом Шемуа, граф Штюргк заявил, что конституция предоставляет императору — верховному вождю всех сухопутных и морских сил обеих половин монархии — неотъемлемое право назначать и сменять по своему усмотрению как начальников генерального штаба, так и прочих военных должностных лиц. Затем министр сказал, что появившиеся в связи с уходом генерала барона фон Конрада толки относительно разногласия его в вопросах внешней политики с ведомством иностранных дел, а именно враждебного его отношения к союзной Италии (что и составляло суть запроса), не отвечают действительности и что основы внешней политики Придунайской империи остаются те же, что и прежде. Утверждение же социал-демократов, что в высших сферах существует стремление поколебать эту традиционную политику, выдвигается ими, сказал министр, для того, чтобы самым непарламентским способом впутать в прения имя одного из членов императорского и королевского дома.

---

[1] В ответ на запрос Н. Гирса от 18/5 дек. (отношение за № 1739) консул в Львове сообщил ему 20/7 дек. донесением за № 4477, что наместником Галиции не было выражено сожаления по поводу происшедшего инцидента, а также что «из числа арестованных во время бывших манифестаций удержано под арестом и привлечено к ответственности четыре лица».

[2] См. № 171.

В заключение министр сказал, что твердо и последовательно преследуемая правительством политика, направленная к сохранению мира, как в данный момент, так и впредь, будет стремиться к той же цели и что между всеми органами правительственной власти в этом отношении существует полное единомыслие. Речь министра-президента вызвала одобрение палаты, которая отклонила предложение социал-демократов открыть прения по этому вопросу. Подобное же заявление было сделано в венгерском парламенте графом Куном в ответ на такого же рода запрос депутата графа Аппоньи.

Обсуждая вышеприведенное выступление графа Штюргка в парламенте, правительственный «Fremdenblatt» говорит, что министр-президент определенно заявил, что уход генерала барона фон Конрада не связан с вопросами внешней политики Двуединой монархии и что таковая не подвергается никакому влиянию, исходящему из высших сфер, где к ней будто бы относится критически так называемая «военная партия», самое существование коей газета положительно отрицает. Иначе отзывается об этом «Neue Freie Presse», не находящая заявление графа Штюргка достаточно определенным и считающая, что инцидент Конрад — Эренталь был вызван причинами иного свойства, которые станут известными лишь во время заседания делегаций, собирающихся 28/15 декабря. Однако газета признает, что слухи о том, что наследник престола—противник союза с Италией, были должным образом опровергнуты министром-президентом. «Zeit», за последнее время постоянно нападающая на графа Эренталя, не удовлетворена объяснениями министра и, не стесняясь в выражениях, винит во всем графа Эренталя, составившего прочитанный Штюргком ответ, в сущности ничего, по мнению газеты, не объясняющий. Конечно, это заявление никого не убедит, и еще недавно германский посол говорил мне, что в Германии сожалеют об уходе барона фон Конрада, но понимают, что он не имел права вмешиваться в иностранную политику.

В том же заседании 15/2 декабря принят был палатой временный бюджет большинством 276 голосов против 180. За бюджет голосовали члены немецкого национального союза, поляки, христианские социалисты, чешские аграрии и младо-чехи. Против — социал-демократы, все далматинцы без различия партий, так как они недовольны правительством за то, что оно не приступает к постройке необходимой им железной дороги, русины, итальянцы, группа профессора Массарика и чешские радикалы. Нельзя не отметить того факта, что в данном случае правительство нашло поддержку у большинства чешских депутатов парламента. Это объясняется тем, что во главе двух крупнейших ведомств — земледелия и общественных работ, на которые приходится не малая доля бюджета, стоят чехи Браф и Трнка. Кроме того готовность чехов вотировать расходы на общегосударственные нужды объясняется еще тем, что они заинтересованы в предпринимаемых правительством работах по сооружению водных путей сообщения и урегулированию рек не только в Нижней Австрии, Силезии и Галиции, причем в этой провинции в угоду полякам уже строится канал Одер — Висла, но и в Богемии и Моравии. На одни только эти две последние области только-что внесенный в палату правительственный законопроект ассигнует 63 миллиона крон, причем 7 миллионов пойдет на урегулирование русла реки Молдавы возле города Праги. Общая стоимость всех работ по устройству водных сообщений во всей Австрии составит почти полмиллиарда крон. Часть проектированных работ должна быть закончена к 1923 году, а после этого срока предполагается приступить к продолжению будущего канала Одер—Висла до Днестра. Для всех этих сооружений правительству, вероятно, придется прибегнуть к займу.

Осенняя сессия рейхсрата ныне закончилась, и депутаты разъехались на продолжительные рождественские вакации.

Примите и пр.

Н. Гирс.

*

№ 244. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Письмо. 21/8 декабря 1911 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я имел честь получить секретное письмо вашего превосходительства от [14] 1 декабря с. г. № 785 [1].

Постараюсь, по мере возможности, выяснить цель поездки короля Фердинанда в Вену и какие могли быть побудительные причины у графа Эренталя для личного обмена взглядов с королем болгарским. Во-первых, это посещение короля носило исключительно частный характер и в этом отношении оно не противоречило сделанному мне графом Эренталем заявлению, что до весны не предполагается ни в коем случае официального приема в Вене ни одного балканского монарха. Несомненно, что более вероятным является предположение, что темой происходивших переговоров служило общее положение Балканского полуострова и, в частности, Македонии.

Чтобы объяснить себе желание графа Эренталя выяснить общее положение Балканского полуострова, не следует терять из виду, что граф Эренталь предпринял все первые шаги для полного соглашения действий на Балканском полуострове трех более всего заинтересованных держав, а именно России, Австрии и Италии. Когда была объявлена война между Италией и Турцией, Эренталь льстил себя надеждой, что Россия согласится на предварительное обсуждение программы вдвоем с Австрией до полного согласования действий всех пяти держав на почве соблюдения status quo. Вполне основательно мы предпочли действие совместное всех пяти великих держав, вследствие чего было поручено послам этих держав в Константинополе выработать план и находиться в постоянном соприкосновении по всем вопросам. Эренталь убедился, что эти совещания послов не приводят к желательному для австро-венгерского правительства результату, а, с другой стороны, он уверен, что весной следует ожидать осложнений на Балканах, если итало-турецкая война продлится до этого времени. Ему кажется, что наше правительство, как и наши представители на Балканах, относятся не только с недоверием к Австро-Венгрии, но отчасти даже недружелюбно. Неоднократно Эренталь говорил мне, что наши отношения пока все еще корректные, но не совсем дружелюбные. Мы не связаны никаким особенным соглашением на случай острого кризиса на Балканах, на что я ему всегда возражал, что недоверие исчезнет, когда неопровержимые факты отклонят всякое подозрение; для России чувствительное место — враждебное к ней отношение поляков и украинофилов. Результатом этого неопределенного положения явилось желание Эренталя предостеречь Болгарию от всяких нарушений status quo, советовать ей по вопросу Македонии сговориться главным образом с Румынией и таким образом предотвратить столь нежелательное для Австрии политическое соглашение между Болгарией и Сербией. Неопределенность положения вообще была главной побудительной причиной значительного усиления боевой готовности монархии.

Осветить более суть недавних переговоров графа Эренталя с королем Фердинандом является для меня почти невозможным, так как Эренталь стал в последнее время крайне сдержанным в своих разговорах со мной, — он чувствует, что после смерти престарелого монарха ему придется сойти с политической арены, так как он не пользуется доверием эрцгерцога Франца-Фердинанда.

В разговоре со мной болгарский посланник Салабашев сообщил мне, что король Фердинанд сказал ему самым положительным образом, что в беседах с императором Францем-Иосифом и графом Эренталем он не уклонился от своих обязанностей конституционного монарха и не связал свою страну никакими обязательствами.

[1] См. № 203.

Сообщения нашего представителя в Софии касательно короля Фердинанда [1] заслуживают, по-моему, полного внимания.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 245. Посланник в Белграде посланнику в Софии Неклюдову.

Телеграмма № 194. 21/8 декабря 1911 г.
Личная.

Получил телеграмму № 100 [2].

Телеграмма эта по тону и категоричности далеко оставляет за собой все когда-либо полученные мной министерские предписания. По существу нахожу весьма опасной вашу попытку из Софии давать указания сербскому министру иностранных дел и совершенно недопустимым ваше желание, чтобы русский посланник в Сербии проводил перед королевским правительством какую-либо личную точку зрения представителя России в Болгарии. Руководствуясь общими указаниями министерства, я даю здесь надлежащие советы и высказываю свои соображения, которые ни разу не встретили возражений в Петербурге. В частности, вы хорошо помните, что ваша точка зрения по духу и букве, по общей идее и подробностям, с самого начала возникновения сербо-болгарских переговоров, была диаметрально противоположна моей. Кто из нас оказался прав, свидетельствуют ныне уже достигнутые результаты. Наконец, ни в одном министерском сообщении я не встречал мысли, будто сербо-болгарское соглашение необходимо для закрепления Болгарии в каком-то направлении. Это соглашение имеет громадное значение для интересов обоих государств и сыграет великую роль в восточном вопросе. Для удержания же Болгарии в том или ином направлении у вас, мне кажется, должны быть другие средства. В заключение, для вашего сведения сообщаю, что по поводу последних бесед Спалайковича с Гешовым я имел продолжительные совещания с Миловановичем соответственно донесению, уже отправленному мной с курьером в Петербург [3]. Я сильно надеюсь, что оба правительства придут к соглашению [4].

Гартвиг.

№ 246. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

Депеша № 69. 21/8 декабря 1911 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вчера его величество король Николай сообщил мне о своем намерении в конце января или в первой половине февраля посетить С.-Петербург, добавив, что ввиду своего преклонного возраста желал бы еще раз пред смертью иметь свидание с его императорским величеством, а также получить лично от его императорского величества указания относительно образа действий Черногории в надвигающемся в наступающем году кризисе на Балканском полуострове.

Король поручил мне просить ваше высокопревосходительство доложить о сем его императорскому величеству и узнать, благоугодно ли будет его

---

[1] См. № 165.

[2] 20/7 дек. Неклюдов телеграфировал Гартвигу за № 100: «Спалайкович сообщил Миловановичу мои настоятельные советы заключить возможно скорее соглашение, не настаивая на дальнейших территориальных уступках. Усиленно прошу вас поддержать безотлагательно перед Миловановичем мою точку зрения. Сербо-болгарское соглашение безусловно необходимо для закрепления Болгарии в желательном нам направлении».

[3] См. № 228.

[4] В письме от 23/10 дек. Неклюдов, выражая сожаление, что Гартвиг превратно понял его тел. от 20/7 дек. (см. прим. 2), объяснял: «Прося вас поддержать советы, высказанные мной Спалайковичу, ради конечного успеха того дела, над которым мы с вами столь дружно и сообща работали, я предполагал, что эти советы уступчивости будут вами всецело одобрены. Искренно извиняюсь за недоразумение».

императорскому величеству назначить время для прибытия короля в Россию.

Я ответил королю, что не премину о вышеизложенном довести до сведения вашего высокопревосходительства, и высказал при этом предположение, что король изберет маршрут через Фиуме и Будапешт на Варшаву.

«Нет, — ответил мне король. — Я поеду через Триест и Вену, так как пароходы Триестской линии удобнее и менее подвержены качке, чем пароходы, совершающие рейсы на Фиуме. Ввиду моего преклонного возраста мне нельзя будет проехать до С.-Петербурга без остановки на пути. Я предполагаю на один день остановиться в Вене. С моей стороны было бы неучтиво, находясь в Вене, не посетить императора Франца-Иосифа, но посещение это не будет носить официального характера. Мое официальное посещение Вены состоится лишь после посещения С.-Петербурга. Император Франц-Иосиф высказал намерение во время официального посещения моего Вены назначить меня шефом одного из австрийских полков».

«Не могу скрыть от вашего величества, — возразил я на это королю, — что посещение вашим величеством Вены ранее России не может не произвести весьма неблагоприятного впечатления в С.-Петербурге, особенно ввиду того, что король сербский не колебался двукратно в этом году ехать чрез Австрию, на пути в С.-Петербург [1] и Париж [2], без остановки в Вене». Я также напомнил его величеству содержание следующей телеграммы вашего высокопревосходительства [13 января 1911 г.] 31 декабря 1910 года за № 1886, в свое время сообщенной королю: «Назначение его величества шефом австрийского полка произведет, без сомнения, тяжелое впечатление в славянских, особенно сербских землях, в ущерб популярности самого короля».

Доводы эти, к сожалению, оказались недостаточными, чтобы убедить короля отказаться от намерения посетить Вену ранее С.-Петербурга и отклонить предложенное ему звание шефа австрийского полка [3].

Примите и пр.

С. Арсеньев.

№ 247. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма [4]. 21/8 декабря 1911 г.

Вечером министр иностранных дел прислал ко мне начальника русского отделения, чтобы заявить, что персидское правительство принимает наш ультиматум, причем второй пункт — в редакции, одобренной вашим высокопревосходительством [5]. Министр иностранных дел просил при этом, чтобы мы в ответной ноте заявили, что наш отряд будет немедленно отозван из Казвина и что мы с помощью войск не будем добиваться новых условий. Я ответил, что к данным мной ранее словесным объяснениям ничего письменно прибавить не могу. Министр иностранных дел завтра представит мне проект ответной ноты на ультиматум, которая будет составлена согласно полученным инструкциям в телеграмме № 2043 [6].

Поклевский.

---

[1] Король Петр приезжал в Петербург на свадьбу своей дочери с князем Иоанном Константиновичем 3 сент./21 авг. 1911 года.

[2] См. № 144.

[3] В тел. от 10 янв. 1912 г. / 28 дек. 1911 г. за № 2251 Сазонов одобрил ответ Арсеньева королю Николаю относительно посещения им Вены, но отмечал при этом, что «пожалование королю шефства какого-либо австрийского полка считается допустимым без возражений». В докл. записке от 17/4 янв. 1912 г. Сазонов спрашивал Николая II, следует ли поставить условием приема короля черногорского, чтобы он по дороге в Петербург не заезжал в Вену. На записке имеется помета Николая II: «Для меня это безразлично. Царское Село, [17]4 января 1912 г.».

[4] Номер отсутствует. Опубл. Ор. кн., стр. 345, со стилистическими изменениями.

[5] См. стр. 186, прим. 9.

[6] См. № 200.

№ 248. Министр иностранных дел управляющему генеральным консульством в Канее Пустошкину.

·/. Телеграмма № 2104. 22/9 декабря 1911 г.

Сообщается в Париж, Лондон и Афины.

Ввиду невозможности неограниченно держать строптивых депутатов под арестом на крейсерах [1], французское правительство предполагает отпустить их, причем консулами держав-покровительниц им должно быть поставлено на вид, что державы, показав им на деле свое решение не пускать их в Афины, в случае дальнейшей попытки их противиться этому постановлению держав, прибегнут к еще более суровым мерам и ни в коем случае не допустят эти явно революционные элементы сделаться источником внутренних смут на острове и предлогом обострения греко-турецких отношений. Вполне присоединяемся к таковой программе действий, относительно времени и способа осуществления которой благоволите действовать по соглашению с французским и великобританским представителями. При этом следует иметь в виду возможность роспуска на будущей неделе афинского парламента. Если он состоится, то можно бы и не делать освобождаемым депутатам предполагаемого заявления, приберегши это средство воздействия для дальнейшего будущего [2].

Сазонов.

№ 249. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

·/. Телеграмма № 2109 [3]. 22/9 декабря 1911 г.

Сообщается в Париж, Лондон, Константинополь и Тифлис.

Персидский поверенный в делах явился сегодня в министерство и сообщил, по поручению своего правительства, что последнее принимает все наши требования, из которых пункт второй будет в персидской ноте изложен в условленной между нами редакции. Вместе с тем Али-Голи-хан выразил надежду, что наш казвинский отряд будет немедленно отозван.

Поверенному в делах было отвечено, что его заявление с удовольствием принимается к сведению и что отряд, конечно, будет отозван, но что мы рассчитываем, что к этому времени наши требования будут исполнены фактически и что Шустер будет уже уволен [4]. Одновременно Али-Голи-хану было сказано, что с возобновлением нормальных дружеских отношений между нами и Персией мы надеемся встретить со стороны персидского правительства полную готовность притти, путем чисто дипломатических переговоров, к разрешению целого ряда нерешенных в течение многих лет вопросов, причем само собой разумеется, что это отнюдь не является каким-либо новым требованием в связи с только-что благополучно разрешенным инцидентом.

Затем поверенный в делах сообщил, что в Реште и Тавризе произошли столкновения с нашими вооруженными силами [5], вину за которые он

---

[1] См. № 234.

[2] Тел. от того же числа за № 2105 Сазонов, ссылаясь на публикуемый документ, предписал Свербееву: «По соглашении с великобританским и французским представителями благоволите поставить в известность Венизелоса о предположенном образе действий на Крите, присовокупив настойчивый совет не изменять данному обещанию о недопущении критских революционных депутатов в афинскую палату». Тел. от 3 янв. 1912 г./21 дек. 1911 г. за № 127 Пустошкин извещал Сазонова об освобождении 24 депутатов после получения известия о закрытии палаты в Афинах.

[3] Опубл. Siebert, II, S. 264, № 536, с сокращениями.

[4] Тел. от 22/9 дек. (без номера) Поклевский извещал Сазонова о своих переговорах с перс. м-ром ин. дел относительно ответной персидской ноты на росс. ультиматум. «В ней будет заявление о том, — сообщал он, — что персы принимают все три требования и что Шустер и Лекофр уже уволены; за сим будет изложена просьба о принятии нами новой, уже одобренной вашим высокопревосходительством, редакции второго пункта» (см. стр. 187, прим. 9).

[5] См. № 238 и прим. к нему. Тел. от 21/8 дек. за № 725 (опубл. Ор. кн., стр. 344, со стилистическими изменениями) Миллер сообщал: «Сегодня утром вблизи губерна-

возлагал на последние, причем, однако, его объяснения были очень сбивчивы.

Ему было отвечено, что, по нашим сведениям, почин нападений принадлежал персам, что подробных телеграмм у нас еще нет и что, во всяком случае, дальнейший образ действий наших войск в этих двух городах будет зависеть никак не от центральных правительственных установлений, а от усмотрения командующих нашими военными частями на месте, которым лучше известна вся обстановка и которые будут действовать сообразно с обстоятельствами.

(Для действительного статского советника Поклевского.) Само собой разумеется, что распорядиться отозванием всего казвинского отряда можно будет лишь, если вы вполне уверены, что иностранцы в Тегеране находятся в полной безопасности [1].

Сазонов.

№ 250. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Депеша № 72. 22/9 декабря 1911 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретным письмом от [29] 16 прошлого ноября месяца императорскому министерству иностранных дел благоугодно было поручить мне проверить полученное им сведение, будто один румынский полк в Яссах приведен в боевую готовность и будто король Карл, призвав вождей оппозиции, просил их сохранять все известия о мобилизации в полной тайне [2]. Депешею от [7 декабря] 24 ноября, по поводу назначения генерала Авереску начальником генерального штаба, я имел честь доносить, что оно служит серьезным показателем намерения Румынии итти по пути подготовления своей армии к возможным в близком будущем военным осложнениям [3].

С того времени министр иностранных дел Майореску подтвердил мне в частной беседе, что нынешним кабинетом было израсходовано в течение года около тридцати восьми миллионов франков на удовлетворение неотложных требований войска и пополнение боевых его снарядов, имевшихся в крайне ограниченном количестве.

Из секретного источника военный наш агент полковник Искрицкий узнал, что последовал новый заказ пулеметов, предназначаемых, вероятно, для резервных частей, так как регулярные войска снабжены уже ими, что два офицера румынского генерального штаба секретно выехали в Варну, что предстоит еще новый крупный заказ снарядов и что предполагается испросить кредит в тридцать пять миллионов франков на укрепление берегов Черного моря около Констанцы, причем работы по укреплению должны быть произведены в пятилетний срок. Эти сведения представляются мне правдоподобными, так как они вполне соответствуют настроению, господствующему здесь в настоящее время.

торского дома был обстрелян из-за засады наш дозор. Наши отвечали выстрелами. У нас легко ранен стрелок. Стрельба между нашими и фидаями продолжается». В тот же день тел. за № 728 (опубл. Ор. кн., стр. 344, со стилистическими изменениями) Миллер сообщал, что бой на улицах не прекращается, а тел. за № 731 (опубл. Ор. кн., стр. 344, со стилистическими изменениями), сообщая, что тавризский отряд понес значительные потери, указывал: «Долго держаться не могу. Ввиду невыгодного для нас впечатления от целого дня безрезультатного боя и подъема духа фидаев, ходатайствую о немедленной присылке в Тавриз из Эривани второй стрелковой бригады. Положение очень серьезное во всех отношениях».

[1] У Siebert'а последний абзац опущен.

[2] Письмо от 29/16 ноября в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[3] В деп. от 7 дек./24 ноября за № 67 М. Гирс сообщал, что Авереску был воен. м-ром либерального кабинета в 1909—1910 гг. и должен был выйти в отставку за год до падения м-ва в связи с резкими выступлениями против него в парламенте лидера консерваторов Маргиломана, обвинявшего его «в самых тяжелых служебных преступлениях». По словам Гирса, новое назначение Авереску состоялось по настоянию короля «ввиду ожидаемых им весной осложнений на Балканском полуострове и необходимости поставить своевременно во главе генерального штаба наиболее выдающегося румынского генерала».

Его величество король Карл не скрывает своего опасения, что итало-турецкая война, в случае если она затянется до марта или даже февраля месяца, приведет к серьезным осложнениям на Балканском полуострове. Опасения его величества без всякого сомнения отражаются по его настояниям[1], на деятельности военного здесь ведомства.

Что же касается слухов о мерах, принимаемых в Ясском военном округе, то я почел долгом обратить на них внимание генерального нашего консула в Яссах еще в первых числах прошлого ноября месяца. Действительный статский советник Пустошкин донес мне в ответ прилагаемым при сем в копии весьма секретным письмом, что слухи эти не подтверждаются тщательно собранными им справками[2].

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 251. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

·/. Телеграмма[3]. 22/9 декабря 1911 г.

Телеграфирую в Решт:

Ссылаюсь на последние телеграммы[4].

Сообщите подробно, какие репрессивные меры вами приняты в Реште и Энзели, с какими результатами и какие с нашей стороны потери. Сколько лиц вами задержано, кто они такие и в чем обвиняются. По моему мнению, их следует содержать под арестом до приезда нового губернатора, которому будет приказано их наказать. Право высылки этих лиц в Баку не может быть вам предоставлено, так как вообще такими правами нельзя никого снабжать, да и наши власти в России не имеют возможности содержать под арестом персидско-подданных. Русско же подданных, в случае совершения ими проступка, я мог бы выслать в Россию по 177 статье. Духовных категорически прошу вас не задерживать и вообще избегать всего, что способно возбудить религиозный фанатизм персидского народа, столь опасный для русско-подданных в местах, где у нас нет достаточной военной силы[5].

Поклевский.

№ 252. Поверенный в делах в Токио министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 252. 22/9 декабря 1911 г.

Получил № 2075[6].

Министр иностранных дел, которого я посетил сегодня, сказал, что ответный меморандум вашего высокопревосходительства[7] передан ему лишь сегодня японским послом, и он подвергнет оный тщательному изучению прежде, нежели дать ответ на поставленные вопросы. В частности относительно того, к каким мерам полагает японское правительство прибегнуть, если в результате посредничества враждующие стороны отвергнут советы держав или, приняв условия мира, их нарушат, — Учида находит, что этот вопрос подлежит особенно внимательному общему изучению, дабы можно было заранее условиться относительно объемов коерситивного воз-

---

[1] Так в оригинале.

[2] Письмо ген. консула в Яссах К. Пустошкина от 29/16 ноября за № 608 не воспроизводится.

[3] Номер отсутствует.

[4] См. стр. 223, прим. 4.

[5] Еще 4 дек./21 ноября Поклевский в ответ на соответствующий запрос Некрасова предписал ему тел. за № 1196: «Вам ни под каким видом не следует арестовывать духовных лиц. Нам также надо вообще избегать без крайней необходимости особых мер строгости по отношению к персам, дабы не усиливать народного возбуждения, вызванного движением наших войск на Тегеран».

[6] См. № 225.

[7] См. № 225 и стр. 209, прим. 3.

действия; по его словам, цель японского меморандума — взаимное обсуждение всех подобных вопросов. На мой вопрос, послан ли им аналогичный меморандум американскому правительству, министр ответил утвердительно, прибавив, что этого желало английское правительство. Относительно того, какие державы подразумеваются под словом «заинтересованные», министр сказал, что прибег к этому термину из желания избегнуть прямого перечисления: это те державы, с которыми Япония имеет специальные соглашения, касающиеся Китая: Россия, Англия, Америка и Франция, к сим четырем державам он присоединяет еще лишь Германию, но находил бы нежелательным давать понятию «заинтересованных» еще более широкое толкование. По словам министра, из Шанхая ему доносят, что выступление шести держав с советами примирительного характера[1] принято было Тан Шао-и с благодарностью, прием же, оказанный сему шагу Ву Дин-фаном, произвел на консулов неблагоприятное впечатление. Получено также известие, что предполагается продлить перемирие, истекающее 23-го [декабря нов. ст.], до конца года, т. е. на 8 дней.

Броневский.

№ 253. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Щекину.

Телеграмма № 2114. 23/10 декабря 1911 г.

№№ 908 и 909 получены[2].

Одобряя в общем направление, которое вы предполагаете придать переговорам по монгольскому вопросу, мы не видим пользы в проектируемом вами письменном заявлении китайского правительства, что оно не будет пользоваться своим суверенитетом в Монголии для враждебных нам целей. Китайцы всегда отрицали такого рода цели, что не мешало им действовать в Монголии во вред нашим интересам. Предлагаемое вами письменное заявление не внесет в это дело ничего нового.

Мы считаем своевременным прямее подойти к нашей цели, как она изложена в нашей телеграмме № 1987[3], и согласиться выступить с посредничеством, о котором вас запрашивал Куэ-Фан, при условии, чтобы оно имело целью заключение между китайцами и монголами договора, обеспечивающего автономию Монголии. По нашей мысли, договор этот должен заключать с китайской стороны обязательства не содержать в Монголии китайских войск, не колонизовать монгольских земель китайцами и не вводить в Монголии китайской администрации. Под этими условиями монголы должны бы признать по сказанному договору суверенитет Китая и допустить китайского резидента в страну.

Оказывая эту услугу китайскому правительству и соглашаясь в случае заключения такого договора попрежнему поддерживать с Китаем трактатные отношения по монгольским делам, мы желали бы обеспечить исполнение Китаем договора с монголами путем какого-либо обязательства китайского правительства обсуждать с нами свои мероприятия в Монголии, причем наши консулы получили бы возможность контроля за соблюдением

---

[1] См. № 210 и прим. к нему.

[2] Тел. от 22/9 дек. за №№ 908 и 909 Щекин сообщал Сазонову о заявлении старшего кобдосского амбаня Куэ-Фана, что ему поручено выехать в Ургу «для переговоров о соглашении с гэгеном и князьями». На доверительный запрос амбаня, можно ли будет рассчитывать на содействие России в этом деле, Щекин ответил, что он может передать это ходатайство на усмотрение росс. прав-ва лишь в том случае, если будет иметь возможность «представить положительные доказательства, что Китай окончательно отказался от своей прежней, враждебной России, политики в Монголии».

В заключение Щекин высказывался за то, чтобы обусловить помощь Китаю при переговорах с монголами «выдачей нам письменного заявления, что Китай не будет пользоваться своими суверенными правами и своей властью в Монголии в военном, административном, экономическом и финансовом отношениях для причинения ущерба или нанесения вреда интересам России и русско-подданных».

[3] Содержание тел. от 8 дек./25 ноября (по журналу исходящих телеграмм датированной 9 дек./26 ноября) за № 1987 исчерпывается публикуемым документом.

как китайцами, так и монголами устанавливаемых между ними договорных отношений.

Кроме того, нам желательно заручиться преимущественным правом на постройку железных дорог, которые могут быть нужны в Монголии, и, в частности, принципиальным согласием китайского правительства на постройку русскими линии от Урги до нашей границы.

Вышеизложенное относится к Внешней Монголии. Что касается Внутренней Монголии, то ввиду лежащих на нас политических обязательств по отношению Японии, положение этой части Монголии является особым, и мы предпочли бы пока его не касаться.

Об этом последнем обстоятельстве считаю долгом напомнить вам для вашего личного сведения [1].

Сазонов.

№ 254. Министр иностранных дел консулу в Реште Некрасову.

Телеграмма № 2117. 23/10 декабря 1911 г.

Сообщается посланнику в Тегеране, наместнику на Кавказе [2].

Так как нападения на наши войска в Тавризе [3] и Реште [4] состоялись в момент, когда персидское правительство уже согласилось исполнить требования нашего ультиматума, то мы рассматриваем эти нападения, почин которых принадлежал местным революционным элементам, как отдельные факты, не зависящие от центрального правительства и с желаниями последнего никакой связи не имеющие. Поэтому мы будем принимать в обоих городах по нашему усмотрению меры, какие найдем нужными [5].

Когда вам удастся восстановить порядок с помощью имеющихся в вашем распоряжении, а также возвращаемых в скорости из Казвина сил и по прибытии в Энзели второго военного судна, о срочном отправлении коего сношусь вместе с сим с морским министром, благоволите разработать меры к наказанию виновных в нападении и к установлению такого порядка вещей, при котором повторение подобных фактов было бы исключено. Со своей стороны полагаю, что в числе прочих мер следует установить: 1) арестование всех русских подданных, принимавших участие в нападении на наш отряд, и суд над ними по законам военного времени; 2) обезоружение фидаев и прочих беспокойных элементов Решта; 3) арестование и высылка в Россию главарей движения [6]. Относительно остальных мер, в особенности

---

[1] Ответной тел. от 24/11 дек. за № 914 Щекин запрашивал Сазонова, должен ли он ограничиться устным заявлением кит. прав-ву, «что мы согласны оказать посредничество только для заключения между китайцами и монголами договора, обеспечивающего автономию Монголии, не определяя сути этого договора, или же я должен добавить при этом другие, перечисленные в телеграмме, условия». Щекин высказывал сомнение, что китайцы примут эти условия и вообще предложение посредничества росс. прав-ва. Тел. от 26/13 дек. за № 2133 Сазонов предписал Щекину действовать путем устных переговоров с кит. м-рами, подчеркивая уже оказанные услуги по охране ургинского отделения Дайцинского банка и восстановления телеграфного сообщения с Ургой. Кроме того, согласно инструкции Сазонова, Щекин должен был дать понять кит. прав-ву, что переговоры о пересмотре С.-Петербургского договора 1881 г. в части, касающейся Монголии, росс. прав-во могло бы вести с фактическим прав-вом Монголии, а не с кит. прав-вом.

[2] В тот же день тел. за № 2116 (опубл. Ор. кн., стр. 351, со стилистическими изменениями) Сазоновым была послана аналогичная инструкция в Тавриз (копии в Тегеран и наместнику на Кавказе), измененная лишь в соответствии с местными условиями, отличными от условий Решта.

[3] См. стр. 231, прим. 5.

[4] См. стр. 223, прим. 4.

[5] Далее зачеркнуто: «не возлагая ответственности за происшедшее там на персидское правительство, с которым у нас восстановились вполне нормальные дружественные отношения».

[6] В своей инструкции Миллеру (см. прим. 2) Сазонов предлагал установить следующие меры: «а) арестование всех русских подданных, принимавших участие в нападении на наш отряд, и суд над ними по законам военного времени; б) обезоружение фидаев и прочих беспокойных элементов Тавриза; в) занятие Арка нашим гарнизоном и разрушение арсенала и других мест, откуда могло бы быть оказано сопротивление».

поскольку они будут касаться персидских подданных, предоставляю вам разработать их самостоятельно.

Имейте в виду, что, так как за последние дни была пролита кровь русских солдат, к тому же, повидимому, изменническим образом, это возмездие должно быть очень суровым и послужить разбойничьим элементам хорошим уроком на долгое время [1].

Арестованных можете отправить в Баку [2]. О содержании их под стражей впредь до решения их участи сносимся с наместником. Сообщайте последнему все ваши телеграммы.

Сазонов.

№ 255. Министр иностранных дел военному министру Сухомлинову.

Письмо № 1317. 23/10 декабря 1911 г.
Секретно. Спешно.

М. г. Владимир Александрович,

Вследствие письма от [18] 5 сего декабря за № 2176 [3] спешу уведомить ваше высокопревосходительство, что с моей стороны не встретилось бы препятствий к тому, чтобы отряд из состава войск Приамурского военного округа, подготовленный для экстренного движения в случае надобности в Пекин и Тяньцзин, был поставлен в условия, дающие ему возможность вести строевые занятия в нормальной обстановке. Принимая, однако, во внимание, что положение дел в Китае далеко не может быть признано не внушающим более опасения и что необходимость командирования русской воинской части в Китай опять может возникнуть, я покорнейше прошу вас не отказать в распоряжениях к тому, чтобы означенный выше отряд был в состоянии вновь приготовиться к выступлению в случае требования в возможно короткий срок, примерно в неделю.

В ожидании уведомления о последующем примите и пр. [4].

[Сазонов.]

№ 256. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

·/. Телеграмма [5]. 23/10 декабря 1911 г.

По приказанию правительства и под охраной усиленных нарядов полиции сегодня открылась половина здешнего базара. Решение принять наш ультиматум постановлено комиссией меджлиса под давлением кабинета, который, по имеющимся здесь сведениям, все же намеревается через два — три дня распустить меджлис, опасаясь, что последний будет мешать намерению правительства установить самые дружественные с нами отношения.

Поклевский.

№ 257. Наместник на Кавказе министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 7637 [6]. 23/10 декабря 1911 г.

До сего дня никакие распоряжения относительно действия войск в Персии мной делаемы не были. Начальники отрядов, в Персии находящихся,

---

[1] Далее зачеркнуто: «так как надо надеяться, что после нынешних событий нам не придется вновь прибегать в Персии к вооруженному воздействию для восстановления наших нарушенных прав или для наказания революционных подонков, ведущих себя вызывающим образом».

[2] Ср. № 251.

[3] Письмом от 18/5 дек. за № 2176 Сухомлинов запрашивал Сазонова, «может ли настоящее положение дел в Китае вызвать необходимость экстренного командирования в его пределы войсковых частей, а следовательно, встречается ли необходимость иметь вполне подготовленный отряд или же таковая необходимость уже отпала».

[4] Письмом от 25/12 дек. за № 2249 Сухомлинов сообщил, что им сделаны соответствующие распоряжения.

[5] Номер отсутствует. Опубл. Ор. кн., стр. 354, со стилистическими изменениями.

[6] Опубл. Siebert, II, S. 265, № 537.

принимали различные меры по соглашению с консулами, которые являлись настоящими руководителями действий войск. Такое положение вещей я считаю в принципе неправильным и теперь при обострившихся отношениях — недопустимым. Необходимо дать начальникам отрядов инструкции, определяющие цель их командирования, и предоставить для достижения ее полную свободу. Инструкция эта, по моему мнению, должна быть приблизительно следующего содержания: безостановочно итти в Тегеран, занять его и там действовать согласно предписаниям посланника. Обеспечить весь путь до Тегерана, оставив в Энзели, Реште и Казвине достаточные этапы. Действовать самым энергичным образом против забастовок, бойкотов, грабежей и нарушений спокойствия, фидаев арестовать, при сопротивлении уничтожить. Принимать в соображение заявления консулов, но действовать вполне самостоятельно, исполняя лишь приказания посланника. Долгая задержка отряда в Казвине, доказывающая революционерам, что какое-то постороннее влияние не дает нам свободы действия, несомненно, сильно повлияла на увеличение дерзости фидаев, что и подтверждается дерзким выступлением фидаев в Тавризе, где уже третий день идет бой с нашим отрядом [1].

Воронцов-Дашков.

№ 258. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 1283 [2]. 24/11 декабря 1911 г.

Министр иностранных дел вручил мне ноту о принятии ультиматума [3], и я письменно ответил о нашем согласии на перемену редакции второго пункта. Обе ноты составлены согласно указаниям вашего высокопревосходительства и в смысле моей телеграммы от [22] 9 декабря [4]. Сегодня регент созвал большое совещание из представителей всех классов населения, которому был предложен вопрос о роспуске меджлиса, после того как министр иностранных дел изложил общее положение вещей и указал на чинимые меджлисом правительству препятствия в области внешней и внутренней политики. Собрание единогласно высказалось за роспуск меджлиса, и приказ об этом регента уже послан председателю этого собрания. В городе пока совершенно спокойно. С вчерашнего вечера Индо не действует, и у меня нет сообщения с Тавризом. Поврежден также телеграф на Решт и на Астрабад.

Поклевский.

---

[1] Повидимому, публикуемая тел. была также послана Коковцову. Тел. от 24/11 дек. за № 2119 (опубл. Siebert, II, S. 266, № 538) Коковцов сообщал Воронцову-Дашкову (копии в Тегеран, Тавриз и Решт): «Императорское правительство совершенно отделяет вспышки в двух названных городах [Решт и Тавриз] от образа действий центрального персидского правительства, с которым с момента принятия ультиматума у нас возобновились нормальные отношения. Поэтому итти на Тегеран у нас нет никаких оснований, а нужно будет, наоборот, распорядиться обратным движением в Россию из Казвина сосредоточенного там отряда, как только от посланника будет получено извещение о фактическом выполнении наших требований шахским правительством». Относительно же карательных мер против «напавших на наши военные части революционных шаек» Коковцов указывал: «Я считаю необходимым предоставить фактическое исполнение карательных действий нашим военным начальникам на местах, но не иначе, как по предварительному каждый раз соглашению с консулами в Тавризе и Реште. Опытность последних и исчерпывающее знакомство с условиями персидской жизни, а также неизменно хорошие отношения между ними и бывшими в обоих городах начальниками военных частей служат полным ручательством за то, что участие их в обсуждении карательных действий может принести лишь бесспорную пользу делу».

[2] Опубл. Ор. кн., стр. 355, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[3] См. приложение I к публикуемому документу.

[4] См. приложение II к публикуемому документу.

Приложение I.

Перевод ноты шахского министра иностранных дел на имя императорского посланника в Тегеране от 2 мохаррема 1330 г. [24/11 декабря 1911 г.] за № 14840 [1].

В ответ на ноту вашего превосходительства за № 158 [2] честь имею сообщить, что персидское правительство, ввиду того, что оно всегда желало сохранения хороших отношений и дружественных связей с императорским правительством и многократно доказывало свои благие стремления к устранению затруднений и тех случаев, кои могли бы повредить дружественным отношениям между обеими государствами — ныне также для того, чтобы со стороны моего правительства ничего не было сделано противного прежнему его образу действий, чтобы не была потрясена существующая многие годы и ценная для обеих сторон историческая дружба между двумя государствами и чтобы устранить всякие поводы к жалобам императорского правительства и причины к недоразумениям, как это указано в конце вашей ноты, — ввиду всего этого персидское правительство приняло три пункта требований, указанных в вышеупомянутой ноте, и уволило со службы персидского правительства гг. Шустера и Лекофра. Что же касается до второго пункта, коим в ноте вашей требуется, чтобы персидское правительство обязалось не принимать на свою службу иностранцев без предварительного согласия российской и великобританской миссий в Тегеране, то персидское правительство просит, чтобы вместо приведенных выше выражений российская миссия приняла бы редакцию, приведенную ниже, а именно: «Персидское правительство, ввиду искреннего желания сохранить во всех случаях лучшие отношения с Россией и Англией, впредь, в случаях приглашения на службу иностранных чиновников и офицеров, в которых оно будет нуждаться для устройства своих управлений, будет стараться, чтобы выбор их не был таковым, который причинил бы вред законным интересам этих двух государств в Персии. Поэтому персидское правительство будет готово относительно приглашения упомянутых выше чиновников и офицеров предварительно обмениваться мнениями с российской и великобританской миссиями в Тегеране, дабы было достигнуто по этому соглашение». Очевидно, как это указано в ноте вашего превосходительства, персидское правительство имеет право быть уверенным, что после принятия требований императорского правительства главные причины трений, возникших между обоими государствами, устранены и что создана почва, на которой оба правительства могут установить прочные дружественные отношения; персидское правительство также имеет право быть уверенным, что после принятия требований отношения между обоими государствами возвратятся к положению, лучшему прежнего, когда ультиматум не был еще предъявлен, а следы мер, кои императорское правительство сочло нужным принять, чтобы эти требования были исполнены, спешно устранятся и надежды персидского правительства на полную помощь со стороны императорского правительства полностью оправдаются.

Примите и пр.

Приложение II.

Нота императорского посланника в Тегеране на имя шахского министра иностранных дел от [24] 11 декабря 1911 г. за № 164 [3].

Из содержания ноты вашего превосходительства от сего числа за № 14840 я с удовольствием осведомился, что персидское правительство,

---

[1] Маш. копия. Заголовок оригинала. Опубл. Ор. кн., стр. 381. Приложения I и II были препровождены Поклевским Сазонову при деп. от 28/15 дек. за № 64.

[2] См. № 115.

[3] Маш. копия. Заголовок оригинала. Опубл. Ор. кн., стр. 383.

движимое чувством дружбы к императорскому правительству, решило принять требования последнего, изложенные в ноте моей за № 158 [1]. Императорское правительство, желая доказать свое доброе расположение к Персии, соглашается принять предложенную вашим превосходительством редакцию пункта второго нашего ультиматума и считает себя таким образом удовлетворенным по всем трем нашим требованиям.

Сообщая об этом вашему превосходительству, я надеюсь, что теперь, когда главные причины происходивших трений устранены, между двумя нашими правительствами, как и вы сами указываете в вашей ответной ноте, действительно установятся самые искренние добрососедские отношения к обоюдной пользе обоих государств.

Примите и пр.

№ 259. Наместник на Кавказе министру иностранных дел.

Телеграмма № 7785 [2]. 24/11 декабря 1911 г.

По телеграмме вашей, обращенной к консулу в Реште и адресованной мне в копии [3], позволяю себе, ваше высокопревосходительство, предложить следующее: дерзкое нападение на наш отряд в Тавризе и истязания раненых требуют самого серьезного возмездия, почему полагал бы предложить генералу Воропанову, по прибытии в Тавриз с отрядом, взорвать цитадель и учредить полевой суд, в котором судить всех зачинщиков нападения на наш отряд, виновных в истязании раненых, а также и всех наших подданных, скрывающихся в Персии и примкнувших к вооруженному нападению на наш отряд. Приговоры немедленно приводить в исполнение. Кроме указанного, безусловно необходимо взыскать с населения Тавриза значительную денежную сумму для обеспечения семейств убитых и раненых. Полагаю, что сумма вознаграждения за смерть и раны офицеров и нижних чинов должна быть определена в размере не менее 1 000 и не более 10 000, в зависимости от ранга, звания, семейного положения и состояния. Признаю необходимым такую же меру в смысле суда, наказания и денежного вознаграждения применить в Энзели и Реште и во всех других пунктах Персии, где были случаи оскорбления и убийства русско-подданных. Считаю себя обязанным предложить включить в число вознаграждаемых за смерть и раны также и всех других русско-подданных, потерпевших в Тавризе и иных пунктах [4].

Воронцов-Дашков.

---

[1] См. № 115.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 268, № 539.

[3] См. № 254.

[4] В тот же день, в дополнение к публикуемой тел., Воронцов-Дашков телеграфировал Сазонову за № 7786 (опубл. Ор. кн., стр. 357, с сокращениями и стилистическими изменениями и Siebert, II, S. 269, № 540): «О мерах репрессии, которые необходимо будет применить в Тавризе и Реште в возмездие за пролитую русскую кровь, горячо настаиваю, чтобы всех виновных судили полевым судом и судили бы в Персии на местах, где они совершили свои преступления, и их из Персии отнюдь не высылать в Россию для заключения в тюрьмы Кавказского военного округа, где все тюрьмы переполнены и где суждение этих тяжко обвиняемых преступников бесконечно затянется и, может быть, будет сравнительно слабо по приговору». Тел. от 25/12 дек. за № 2128 Нератов передал содержание публикуемой тел. Поклевскому, Миллеру и Некрасову и просил срочного заключения по этому вопросу.

№ 260. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Свербееву.

·/. Телеграмма № 2130. 25/12 декабря 1911 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Телеграммы №№ 83 [1], 86 [2] и 88 [3] получены.

По нашему мнению, предлагаемые в них решения критского вопроса без всякого сомнения не могут быть приняты турками, а потому подымать этот вопрос и бесцельно, и тем более несвоевременно, что роспуск афинской палаты, который, мы надеемся, состоится на-днях, отодвигает опасный срок на почти три месяца.

Грекам следовало бы помнить, что Крит уже пользовался исключительно благоприятным положением при правлении верховного комиссара, но сами же критяне нарушили это положение. Всякая попытка более радикального решения вопроса при настоящем настроении в Турции имела бы последствием непосредственное греко-турецкое столкновение, последствия коего для королевства, как и для Крита, ясны сами собой.

Сазонов.

№ 261. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 327 [4]. 25/12 декабря 1911 г.

Mr. Mallet me dit que le ministre de Perse est venu ce matin lui dire qu'il apprenait de Téhéran qu'à Tavriz environ 500 femmes et enfants avaient été massacrés. Il ajouta: comme à Tripoli. Mallet lui a répondu qu'il venait de recevoir un télégramme de Barclay disant qu'un seul non-combattant avait été tué. Le ministre dit que sa nouvelle lui était confirmée de St.-Pétersbourg. Il est à prévoir que nouvelles sensationnelles persanes seront publiées et produiront première impression qui sera exploitée. Je crois qu'il serait nécessaire qu'informations les plus exactes possibles soient fournies à Reuter et à correspondant du «Times» à St.-Pétersbourg. Le ministre n'a pas dit que ses nouvelles venaient de son gouvernement, mais seulement qu'elles lui parvenaient de Téhéran. Le public ici ne sait rien de précis sur origines des incidents de Tavriz; une communication circonstanciée me paraît nécessaire également [5].

Benckendorff.

Перевод.

Г. Маллет сказал мне, что сегодня утром персидский посланник приходил к нему, чтобы сказать, что, согласно полученному им из Тегерана сообщению, в Тавризе было

---

[1] См. № 234.

[2] Тел. от 21/8 дек. за № 86 Свербеев сообщал Сазонову, что посланники трех держав-покровительниц пришли к выводу, что греч. прав-во и король примут следующее решение критского вопроса: остров продолжает состоять под номинальным сюзеренитетом турец. султана, административно же он зависит от греч. короля и пользуется правом посылать своих депутатов в греч. парламент. Последнее условие — единственно приемлемое для критян. В указанном разрешении критского вопроса Турция, по мнению Свербеева, ничего не потеряет при условии сохранения ею суверенитета. Свербеев далее сообщал, что греч. прав-во решило распустить парламент и назначить новые выборы в конце февраля, надеясь за эти три месяца урегулировать критский вопрос. Свербеев, а также франц. и англ. посланники считали настоящий момент наиболее благоприятным для изменения status quo на острове.

[3] Тел. от 22/9 дек. за № 88 Свербеев сообщил Сазонову, что при обсуждении греч. палатой депутатов обращения критского революционного собрания о принятом им решении послать своих депутатов в афинский парламент, Венизелос заявил, что он однажды уже высказал «отношение правительства к настоящему вопросу и что заявление его было одобрено палатой» (см. стр. 63, прим. 3).

[4] Опубл. Ор. кн., стр. 360, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[5] В тот же день за № 326 Бенкендорф телеграфировал Сазонову: «Пресса публикует тревожные телеграммы о Тавризе. Очень прошу информировать меня также о положении в Тегеране». Тел. от 27/14 дек. за № 2146 Сазонов предлагал Бенкендорфу обратить «в дружественной форме» внимание англ. прав-ва на то, что тел. Рейтера из Персии носят «тенденциозный, явно неблагоприятный для нас характер, что объясняется известным недоброжелательством к нам его тегеранского корреспондента. Хотя последнее сведение об избиении якобы нашими войсками женщин и детей и было сообщено со слов тавризского вице-губернатора, тем не менее Рейтер должен был предвидеть, какое впечатление оно произведет».

убито около 500 женщин и детей. Он добавил: как в Триполи. Маллет ответил ему, что только-что получил телеграмму от Барклая, сообщающую, что был убит лишь один не-комбаттант. Посланник сказал, что его сообщение подтверждено из С.-Петербурга. Следует предвидеть, что сенсационные персидские известия будут опубликованы и создадут первое впечатление, которое будет использовано. Полагаю, что было бы необходимо снабжать возможно более точными сведениями Рейтер и корреспондента «Times» в С.-Петербурге. Посланник не говорил, что его сведения исходят от его правительства, но сказал лишь, что они поступили к нему из Тегерана. Здешняя публика не имеет никаких точных сведений о происхождении тавризских инцидентов; подробное сообщение мне кажется также необходимым.

Бенкендорф.

№ 262. Посланник в Софии министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 102 [1]. 25/12 декабря 1911 г.

Король Фердинанд просит разрешения послать особую миссию в Ливадию, чтобы приветствовать их императорские величества, как то делали доселе турки. Во главе миссии поставлен будет председатель собрания Данев, а к нему присоединен генерал Марков, т. е. нация и двор. Данев сам весьма желал бы побывать официально в России и иметь счастье представиться государю императору. Он первый подал мысль о приветственной миссии и чрезвычайно дорожит ее осуществлением. Гешов ему вполне сочувствует и очень желал бы, чтобы первоначально подписано было соглашение с Сербией, так, чтобы миссия Данева явилась первым наглядным актом бесповоротно закрепленного в Болгарии искренно русского курса. Считаю своим долгом всецело поддержать просьбу болгарского короля и правительства. Данев, как непреклонный и убежденный сторонник России и как вполне правдивый и надежный государственный человек, достоин счастья повергнуть перед их величествами истинные чувства болгарского народа. При этом я был бы чрезвычайно доволен, если бы вы могли с ним свидеться, переговорить и дать ему подобающие директивы. Было бы поэтому весьма хорошо, если бы прием миссии и время приема, всецело зависящие от благой воли государя императора, могли совпасть с вашим в Ливадии пребыванием. Разумеется, было бы превосходно, если бы ко дню приема подписано было сербско-болгарское соглашение. Но это всецело зависит ныне от доброй воли сербов и от тех советов, которые у нас признали бы возможным им преподать. Осмеливаюсь просить возможно скорейшего отзыва [2].

Неклюдов.

№ 263. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 1286. 25/12 декабря 1911 г.

Сообщено в Тифлис, Константинополь, Тавриз, Урмию и Хой.

[21] 8 декабря министр иностранных дел подписал вместе с здешним турецким посланником протокол о собрании в Константинополе в самом непродолжительном времени новой турецко-персидской разграничительной комиссии. Базой для работ последней будет служить Эрзерумский трактат [3]. Срок занятий комиссии назначен шестимесячный, после чего все оставшиеся спорными вопросы передаются на решение гаагского трибунала.

Поклевский.

---

[1] Тел. бланк. Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 15, где датирована ошибочно 24/11 декабря.

[2] В ответной тел. от 26/13 дек. за № 2136 Сазонов сообщал Неклюдову, что Николай II в ближайшем будущем возвращается из Ливадии, «почему и моя поездка туда не состоится». Сазонов указывал, что, таким образом, повод к приезду особой миссии отпадает, но, «тем не менее, предполагаемое посольство, с Даневым во главе, всегда может рассчитывать на самый радушный прием в С.-Петербурге, если бы нашелся к тому подходящий повод».

[3] Имеется в виду турецко-перс. договор о разграничении от 31/19 мая 1847 г.

№ 264. Особый журнал совета министров [1].

26/13 декабря 1911 г.

По поводу декабрьских событий в Персии.

Ввиду произведенного на наши войска и учреждения в Тавризе нападения со стороны местных фидаев [2] (так называются иррегулярные персидские войска) и возбужденных в связи с сим наместником вашего императорского величества на Кавказе вопросов о преподании определенных указаний для действий наших войск в Персии [3] и об объявлении на Кавказе частной мобилизации или же о передвижении в названный край потребного числа немобилизованных войск из внутренних губерний, председатель совета министров признал необходимым обсудить в совете создавшееся в Персии положение и наметить наши дальнейшие в названной стране мероприятия.

Входя вследствие сего в рассмотрение настоящего дела, совет министров принял прежде всего во внимание, что [21] 8 текущего декабря русские воинские части и учреждения в Тавризе, Реште и Энзели подверглись вооруженным нападениям со стороны фидаев, местной черни и разных кавказских выходцев, причем в первом из перечисленных городов эти нападения приняли весьма напряженный характер и сопровождались зверскими истязаниями и надруганиями над нашими ранеными и убитыми. По донесению начальника нашего тавризского отряда [4], полковника Чаплина, враждебные против нас действия в Тавризе начались с вечера [20] 7 декабря, а на другой день высланные из отряда дозоры были обстреляны из домов, с крыш и из караван-сараев, причем всякое сообщение отряда с нашим генеральным консульством и русско-персидским банком было прервано. Пришлось открыть орудийный огонь по цитадели и городу и вести ожесточенный бой на улицах и площадях Тавриза. Упорство персов объясняется присутствием среди них большого числа кавказских и персидских армян, руководивших боем. С нашей стороны, по [24] 11 декабря включительно, убиты поручик князь Вахвахов и 39 нижних чинов, ранено пять офицеров и 42 нижних чина, раны преимущественно тяжелые — разрывными пулями. Доблесть наших войск оказалась, по удостоверению главнокомандующего войсками Кавказского военного округа, выше всякой похвалы, и в ближайшие же дни после открытия враждебных действий сопротивление персов было сломлено. Нападения на русских в Реште и Энзели [5] произведены были также [21] 8 декабря, но серьезных размеров не приняли, и наружный порядок был восстановлен весьма скоро. Однако, согласно заявлению министра иностранных дел, основанному на телеграфных донесениях наших представителей в названных пунктах, положение в этих городах продолжает быть весьма тревожным. Наконец, в Казвине, где находится более сильный русский отряд [6], порядок не был нарушен, и признаков брожения не наблюдается. События в Тавризе, Реште и Энзели последовали неожиданно для главного кавказского начальства, не предусматривавшего подобного нападения и полагавшего, что численность наших отрядов в Персии достаточна для исполнения возложенных на них задач. По крайней мере, в телеграмме от [20] 7 декабря за № 7672 на имя военного министра главнокомандующий войсками Кавказского военного округа сообщал, что «он, с своей стороны, основываясь на донесениях самих начальников

---

[1] Лит. копия. На копии имеется надпись: «На подлинном его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать знак рассмотрения в Царском Селе, [7 февраля] 25 января 1912 года».

[2] См. стр. 231, прим. 5.

[3] См. № 257.

[4] Отряд этот состоял в то время из $3^1/_2$ батальонов пехоты, 6 сотен и 6 орудий. [Прим. оригинала.]

[5] В рештском отряде было тогда три сотни кубанцев — две роты в Реште и одна рота в Энзели, поддерживаемая нашим военным судном «Красноводском». [Прим. оригинала.]

[6] 11 батальонов пехоты, 8 сотен и 12 орудий. [Прим. оригинала.]

отрядов и полковника князя Вадбольского, считает силы всех отрядов совершенно достаточными для выполнения поставленных им задач в полном объеме, а относительно тавризского и хойского отряда тем более, так как в непосредственной близости от них находится в готовности вторая стрелковая бригада, которая поддержит их по первому требованию на 4—5 дней». Соответственно с этим, отвечая на телеграмму начальника генерального штаба от [22] 9 декабря, главнокомандующий [23] 10 декабря за № 7675 телеграфировал ему: «Согласно донесениям начальника тавризского отряда полковника Чаплина, никакой серьезной опасности, повидимому, не угрожает ни самому отряду, ни учреждениям банка и консульства, вверенных защите отряда. Разделяя лично мнение полковника Чаплина, я тем не менее для еще большей безопасности выделил из Ардебиля на усиление тавризского отряда четыре роты Мингрельского полка, две сотни лабинцев и 2 горных орудия. Отряд этот под командою полковника Немировича-Данченко [17] 4 декабря прибыл по назначению и вступил в состав тавризского отряда. К моему удивлению, совершенно неожиданно вечером [21] 8 декабря этапный комендант в Джульфе донес мне о том, что телефон перерезан и сообщение с Тавризом прервано. Конной почтой из ближайшего поста к Тавризу сообщено, что слышны орудийные и ружейные выстрелы и что между нашим отрядом и персами идет бой» [1].

Как только телеграммы о произведенных на русских в Тавризе, Реште и Энзели нападениях дошли до центрального правительства, со стороны председателя совета министров последовали срочные сношения с наместником вашего императорского величества на Кавказе в видах немедленного усиления русских войск в этих пунктах и безотлагательного принятия строжайших мер к наказанию виновных в упомянутых нападениях [2]. В результате сего: 1) в Тавриз направлены из Эривани 4 стрелковых полка 2-й бригады, пять казачьих сотен, 3 батареи по 4 орудия, взвод мортирной батареи и полурота сапер, под начальством генерал-майора Воропанова; 2) в направлении Энзели, Решта и Казвина двинут с Кавказа отряд силой в 4 000 человек, под командой генерал-майора Хабаева, и 3) в Энзели, в помощь портовому судну «Красноводск», с Астрабадской морской станции послана канонерская лодка «Ардаган», а из Баку — канонерка «Карс». Вместе с тем председатель совета министров, по соглашению с министром иностранных дел, телеграфировал наместнику о необходимости открытия при наших военных отрядах в Тавризе, Реште и Энзели военно-полевых судов для суждения в них: а) зачинщиков нападения на наши войска, учреждения и вообще на русских подданных, б) всех виновных в истязании наших раненых и в) всех русских подданных, скрывающихся в Персии и примкнувших к вооруженным нападениям на наши войска. Наряду с сим, начальникам наших отрядов в Персии предписано, по соглашению с местными русскими консулами, немедленно приступить к наказанию виновных в произведенных нападениях и к устранению на будущее время возможности возобновления подобных явлений. В качестве таковых мер указаны: арестование всех русских и персидских подданных, принимавших участие в нападении на русские войска; суждение их по законам военного времени; обезоружение фидаев и прочих беспокойных местных элементов; разрушение мест, откуда оказывается сопротивление, а равно и другие меры, которые по свойствам совершенных нападений признаются начальниками отрядов необходимыми для восстановления порядка.

Сообразив изъясненные обстоятельства, последовавшие в промежуток времени между [20] 7 и [25] 12 декабря, и признавая правильными все распоряжения, сделанные в видах усиления наших отрядов в Персии и нало-

---

[1] В упомянутой тел., кроме приведенного текста, Воронцов-Дашков сообщал, что он двигает «к Тавризу из Эривани стрелковый полк, сотню и батарею», и просил «ассигнования в Кавказский округ чрезвычайного кредита на отправку войск в Персию, так как совершенное отсутствие денег задерживает готовность отрядов». Эта тел. опубл. Ор. кн., стр. 352, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[2] См. №№ 257 и 259 и прим. к ним.

жения строгих кар на лиц, виновных в нападении на русских людей, совет министров вполне одобрил также изустное заявление статс-секретаря Коковцова, что он приказал уже перевести по телеграфу необходимые для содержания дополнительно командированных в Персию отрядов средства в испрашиваемом главнокомандующим войсками Кавказского военного округа размере [1] и что вообще никаких задержек в переводе потребных для сего денег допущено не будет. В связи с сим статс-секретарь Коковцов не мог не заметить, что на некоторые части из числа командированных в Персию отрядов в составе чрезвычайных кредитов испрашиваются и суммы, отпускаемые на довольствие этих частей по сметам военного министерства, тогда как за счет означенных кредитов могут удовлетворяться только дополнительные, сверх обыкновенных и предусмотренных сметами, расходы. Обратив внимание на неправильность таковых двойных выдач, министр финансов и государственный контролер признали необходимым образовать в Тифлисе особую комиссию из представителей вверенных им ведомств, а также военных чинов для выяснения и упорядочения этого дела, но во всяком случае указанное обстоятельство ни в какой степени не повлияет на замедление в ассигновании просимых главнокомандующим кредитов, которые будут и впредь отпускаться по первому требованию.

Переходя засим к общей оценке создавшегося в Персии положения, совет министров принял во внимание, что нападения на наши войска в Тавризе, Реште и Энзели последовали почти одновременно с принятием персидским правительством всех предъявленных ему с нашей стороны в виде ультиматума требований. О подчинении последним персидский поверенный в делах лично заявил русскому министерству иностранных дел [22] 9 декабря [2], причем Али-Голи-хан выразил надежду, что наш казвинский отряд будет немедленно отозван. К своему заявлению названный поверенный в делах добавил, что до него дошли сведения о происшедших в Реште и Тавризе столкновениях с нашими вооруженными силами, вину за которые он возлагал на последние, но объяснения его по сему поводу были до крайности сбивчивы. С своей стороны, императорское правительство, с чувством удовлетворения осведомившись о принятии нашего ультиматума, уведомило тегеранский кабинет, что оно совершенно отделяет вспышки в двух названных городах от образа действий самого персидского правительства и готово возобновить с ним нормальные отношения [3]. Таким образом, рассматривая означенные нападения, почин к коим дан был местными революционными элементами, как отдельные факты, не зависевшие от тегеранских властей и ясно доказывающие полное их бессилие охранить порядок, русское правительство сочло себя обязанным принять по своему усмотрению те меры к наказанию виновных в этих нападениях и к восстановлению спокойствия, какие представляются ему наиболее целесообразными. На этом основании и последовали вышеупомянутые телеграфные распоряжения председателя совета министров об усилении наших военных сил в Персии и об учреждении в Тавризе, Реште и Энзели военно-полевых судов, причем фактическое исполнение карательных действий предоставлено нашим военным начальникам на месте, по предварительному соглашению с местными русскими дипломатическими представителями, исчерпывающее знакомство коих с условиями персидской жизни может служить ручательством, что участие их в предварительном обсуждении карательных действий принесет пользу делу. С своей стороны, совет министров признал, что, согласно правильному указанию министра путей сообщения, наряду с быстрым проявлением самой суровой репрессии по отношению к лицам, непосредственно виновным в произведенных на русских нападениях, необходимо также разрешить начальникам наших от-

---

[1] В тел. от 24/11 дек. за № 7739 Воронцов-Дашков просил «о скорейшем отпуске денежных сумм, ибо совершенно исчерпан чрезвычайный кредит, а сейчас требуется не менее 300 000 рублей».

[2] См. № 249.

[3] Ср. стр. 237, прим. 1.

рядов, по соглашению с консулами и независимо от последующего общего возмещения убытков шахским правительством, производить денежные взыскания с населения, поддерживавшего враждебные против нас действия, не налагая, однако, контрибуции на ту часть мирных жителей Тавриза и Решта, которая никакого участия в нападениях на наши войска не принимала, с обращением указанных взысканий в доход казны. Что же касается материального вознаграждения пострадавших чинов наших отрядов и семей тех из них, кои были убиты, то таковое вознаграждение должно быть включено в сумму наших издержек по походу в Персию, подлежащих возмещению в силу предъявленного нами и принятого персидским правительством ультиматума (п. 3 сего ультиматума). Останавливаясь далее на возбужденном наместником (телеграмма [23] 10 дек. № 737 [1]) вопросе о преподании нашим войскам в Персии общих указаний с предписанием им безостановочно двигаться в Тегеран, оставляя в промежуточных пунктах достаточные этапы, совет министров нашел, что, за принятием шахским правительством нашего ультиматума, у нас нет более оснований итти на Тегеран, а нужно будет, наоборот, распорядиться обратным движением в Россию командированных в Персию отрядов и прежде всего казвинского, как только шахское правительство фактически исполнит все требования нашего ультиматума. По этому поводу совет не мог не отметить, что пребывание наших отрядов в Персии отнюдь не носит характера оккупации этой страны: они командированы лишь для охраны русских интересов, пока само персидское правительство не в силах ограждать порядок, и для поддержания предъявленного нами ультиматума. Следовательно, за принятием последнего, необходимость движения на Тегеран может почитаться уже отпавшей, а затем, как только в стране упрочится известный порядок, нужно будет вывести из нее и остальные наши войска, оставив лишь консульские конвои. При таких условиях совет министров не усматривает надобности в преподании нашим отрядам в Персии каких-либо особых инструкций, кроме тех общих указаний, которые даны были им при отправке их в Персию. В несколько особом положении находится, однако, вопрос о командировании наших войск в Урмийский округ. Дело в том, что, выполняя свой давнишний план, намеченный еще около 60 лет тому назад известным Дервиш-пашой, Турция неуклонно стремится захватить преобладающее влияние в северо-восточной части Малой Азии. За последние же пять лет движение это значительно усилилось, создав немаловажную угрозу для нашего Кавказского военного округа, так как, проникнув в восточную часть Урмийского округа, турки могут через Западный Азербайджан обойти нашу главную операционную линию на Кавказе с ее малозащищенного восточного фланга. В настоящее время от наших консулов в Эрзеруме, Ване, Баязиде и Дамаске, а также от кавказских военных властей поступают тревожные сведения о спешных мерах военного характера, принимаемых Портой в турецких областях, прилегающих к нашей закавказской границе и к турецко-персидской пограничной зоне. Ввиду сего совет министров полагает, что настало время неотлагательно усилить в значительной степени (примерно полком пехоты с пулеметами, несколькими орудиями и сотней казаков) наш отряд в Хое и занять некоторые пункты Урмийской провинции, каковы: Кущи, Яушанлу, Дильман, Конхэ и Хантахты, а также Марагу с восточной стороны Урмийского озера для защиты русских подданных от разбоев курдов. Что же касается ближайшего к турецкой границе пункта названного округа — Маку, — то занятие его нашими войсками [2] представляется, как заявил министр иностранных дел, при данных обстоятельствах несвоевременным, ибо оно не-

[1] Очевидно, ошибка. Имеется в виду тел. за № 7637 от 23/10 дек. См. № 257.

[2] Тел. от 18/5 дек. за № 34680 Воронцов-Дашков сообщал Сазонову о своем полном согласии с мнением Чарыкова о желательности посылки в Маку отряда (см. стр. 100, прим. 2) и считал «настоятельно необходимым теперь же занять Маку, ввиду усиления турками своих конвоев в Персии и вследствие крайне важного значения города Маку в стратегическом отношении».

сомненно еще более обострило бы наши отношения с Портой. Впрочем, заблаговременная подготовка этой военной операции была бы весьма желательна, дабы можно было занять Макинское ханство, расположенное в крайнем северо-западном углу Персии, у пункта соединения русской, турецкой и персидской границ, в любой момент, если бы турки возобновили свои захваты в этой области. При отмеченных обстоятельствах представляется вполне ясным, что ввиду серьезного стратегического значения, которое имеет занятие русскими отрядами Урмийской провинции, в настоящее время нельзя иметь никаких видов на возможность близкого отозвания этих отрядов и, быть может, скоро придется даже подкрепить их еще дополнительными силами. Вследствие сего совет считает, что заявление главнокомандующего войсками Кавказского военного округа о желательности усиления означенных войск новыми частями из внутренних губерний заслуживает полного внимания и во всяком случае такое усиление представляется более предпочтительным, нежели мобилизация Кавказского округа. В сем отношении генерал-от-кавалерии Сухомлинов объяснил в присутствии совета, что в Кавказском военном округе имеется всего три корпуса, из которых один почти целиком находится теперь в откомандировании в Персии. Выделение в пределы названной страны такого значительного числа войсковых частей естественно повело к тому, что остающиеся в Кавказском округе войска, ввиду их слабого состава за увольнением нижних чинов в запас, поставлены в тяжелое положение по выполнению караульной службы, а кроме того, что гораздо важнее, недостаток войск в округе нарушает наши стратегические предположения на случай возможного столкновения с Турцией на кавказском театре. Между тем последнее обстоятельство ставит нас под угрозу того, что в нужную минуту мы можем оказаться слабыми на важнейших наших операционных направлениях и должны будем сразу же отказаться от активных действий. Ввиду изъясненных условий совет находит необходимым просить военного министра войти к вашему императорскому величеству с всеподданнейшим докладом, в коем испросить высочайших указаний, не соизволите ли ваше величество приказать передвинуть одну из дивизий Казанского военного округа на Кавказ.

Руководствуясь всем вышеизложенным, совет министров *положил*:

Уполномочить председателя совета министров обратиться к наместнику вашего императорского величества на Кавказе с телеграммой, в которой: 1) просить генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова телеграфировать, признает ли он наличное число русских войск в Персии достаточным для беззамедлительного подавления враждебных против нас действий и примерного наказания виновных в произведенных на нас в Энзели, Реште и Тавризе нападениях, и 2) сообщить наместнику от совета министров: а) что, по восстановлении порядка в названных городах и фактическом выполнении персидским правительством всех наших требований, русские отряды в Персии, за исключением находящихся в Урмийском округе, подлежат возвращению в Россию; б) что карательные действия против виновных в нападении на наши войска должны быть осуществлены со всей необходимой строгостью и быстротой по соглашению начальников наших отрядов с местными русскими консулами; в) что в числе карательных мер нужно разрешить начальникам отрядов, по соглашению с консулами и независимо от последующего общего возмещения убытков шахским правительством, производить денежные взыскания с населения, поддерживающего враждебные против нас действия, с обращением этих взысканий в доход казны; и г) что производство на Кавказе частной мобилизации представляется нежелательным, но военному ведомству надлежит ныне же сообразить вопрос об усилении Кавказского военного округа переводом туда дивизии из внутренних губерний.

О таковом заключении своем совет министров долгом поставляет всеподданнейше довести до сведения вашего императорского величества, присовокупляя, что изложенная, согласно с приведенным заключением

совета, телеграмма отправлена статс-секретарем Коковцовым генерал-адъютанту графу Воронцову-Дашкову [27] 14 истекшего декабря за № 6112 [1].

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами совета министров и скреплен управляющим делами совета.

№ 265. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо. 26/13 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Во время прений в палате депутатов о франко-германском соглашении один из ораторов спросил министра иностранных дел, правда ли, что австро-венгерское правительство ставит условием признания соглашения открытие парижского рынка для австро-венгерских займов. Г. де Сельв ответил на этот вопрос отрицательно. Тем не менее в печати и публике продолжает держаться слух, что австро-венгерское правительство стремится использовать настоящий случай, чтобы заключить во Франции крупный заем. Так как г. де Сельв с начала обсуждения мароккских дел парламентом абсолютно недоступен, я не преминул запросить г. Жоржа Луи о степени достоверности этого слуха. При этом я подробно изложил ему наш взгляд на вопрос об австро-венгерских займах. Я высказал ему, что по нашему убеждению всякая ссуда денег Австро-Венгрии может лишь облегчить ей завершение вооружений, а, следовательно, ускорить ее поступательное движение на Балканский полуостров. Нынешнее расстроенное положение австро-венгерских финансов является хотя бы отчасти гарантией против активных выступлений правительства Двуединой монархии. При этом с нашей точки зрения опасны и нежелательны не только государственные австро-венгерские займы, но и всякие ссуды, хотя бы под видом финансирования крупных железнодорожных или иных предприятий. Было бы чрезвычайно прискорбно, если бы Франция, связанная с Россией не только союзом, но и общностью интересов в самом широком смысле, способствовала усилению державы, преследующей цели, почти открыто враждебные русской политике.

Г. Ж. Луи ответил мне, что Австро-Венгрия в принципе уже присоединилась к франко-германскому соглашению; формально же свое согласие она обещала дать несколько позже, отнюдь, однако, не ставя этого согласия в зависимость от каких бы то ни было финансовых вопросов; при этом г. Ж. Луи, однако, не скрыл от меня, что австро-венгерское правительство действительно выразило надежду на открытие французского рынка для ее [2] государственных и частных займов. По словам г. Ж. Луи, со стороны Франции не дано Австро-Венгрии никаких обещаний на этот счет, а ясно выраженное в палате депутатов отрицательное отношение к австро-венгерским пожеланиям служит ручательством тому, что французское правительство не вступит на этот путь.

В заключение г. Ж. Луи обещал мне с точностью передать мои заявления министру иностранных дел и председателю совета министров.

При первом же моем свидании с гг. де Сельвом и Кайо я не премину возвратиться к настоящему предмету. Вы, конечно, знаете, до какой степени трудно бороться против стремления французских банков находить помещение для накопляющихся французских сбережений. Раз мы не заключаем на парижском рынке ни государственных, ни железнодорожных займов, сбережения эти весьма естественно стремятся хотя бы в Австро-Венгрию или даже в Германию. С своей стороны, французское правительство

[1] Повидимому, журнал совещания совета м-ров, имевшего место 26/13 дек., был составлен только в январе 1912 г. Журнал этот был препровожден канцелярией совета м-ров Сазонову при письме управляющего делами совета Плеве от 10 февр./28 янв. за № 548: «Имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству копию с высочайше рассмотренного [7 февр.] 25 сего января особого журнала совета министров [26] 13 декабря 1911 г. по поводу декабрьских событий в Персии».

[2] Т. е. Австро-Венгрии.

легко поддается давлению со стороны финансовых сфер. В настоящем случае, по моему убеждению, нам необходимо действовать не только дипломатическим путем, но также и путем печати. Я не премину употребить все усилия, дабы некоторые влиятельные газеты предприняли кампанию против австро-венгерских займов, но, не обладая никакими денежными средствами для воздействия на печать, мне будет весьма нелегко достичь этой цели.

Примите и пр. Извольский.

№ 266. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 90. 26/13 декабря 1911 г.

Получил телеграмму № 2130 [1].

Считаю долгом уведомить ваше высокопревосходительство, что хотя временное затишье и наступит, но вслед за ним на острове неминуемо должны возобновиться настолько серьезные беспорядки, что они приведут или к греко-турецкому столкновению, или к занятию Крита международными отрядами, причем державам-покровительницам пришлось бы, может быть, взять в свои руки и самое управление островом. Ввиду этого с местной точки зрения казалось бы крайне желательным воспользоваться предстоящим трехмесячным сроком, а также и временным улучшением греко-турецких отношений для выработки нового, более соответствующего интересам Греции режима. Нет сомнения, что каждое видоизменение в сказанном смысле существующего на острове положения встречено было бы Портой несочувственно. Ваше высокопревосходительство признали бы, может быть, настоящий момент благоприятным для энергичного и единодушного воздействия на Турцию, которая, казалось бы, ввиду ее настоящих затруднений, была бы сговорчивее, и это тем более, что нравственная ее связь с Критом осталась бы неприкосновенной. Таковы также взгляды моих французского и английского сотоварищей, которые сочли своим долгом поставить о них в известность свои правительства.

Свербеев.

№ 267. Консул в Реште министру иностранных дел.

Телеграмма № 330 [2]. 26/13 декабря 1911 г.

Опасное положение в городе, неоднократно отмеченное ранее, созданное известной шайкой наших недоброжелателей, угрозами подчинивших себе местное население и власти, ухудшилось значительно с прибытием в Решт шайки талышинских разбойников. Было совершенно ясно, что, не довольствуясь возбуждением населения против русских и французов, организацией бойкота с письменными угрозами русским подданным, основанием [3] забастовок, шайка готовилась к активному выступлению. В сознании этой опасности я решил поместить в центре города некоторое количество казаков. Днем [21] 8 декабря две сотни казаков отправились поэтому в город, чтобы перейти в караван-сарай Камрание и прилегающие конюшни, где находились талышинцы. По дороге казаки вошли в типографию, постоянно выпускавшую всевозможные возбуждающие против нас листки, и уничтожили там уже готовый набор. Прибыв на место, казаки обезоружили трех талышинцев, собиравшихся войти в караван-сарай, когда из заранее приготовленной засады с крыш злоумышленники открыли огонь по сотням. Как выяснилось впоследствии, стреляли также правительственные жандармы и полицеймейстер Юсуф-хан с балкона дома Назмие. Ответным огнем казаков убито и ранено более 30 человек, после чего перестрелка прекратилась,

[1] См. № 260.
[2] Частично опубл. Ор. кн., стр. 364, со стилистическими изменениями.
[3] Так в оригинале.

и казаки вошли в караван-сарай. Из казаков никто не пострадал главным образом потому, что стреляли сверху, убита одна лошадь, ранено 6 лошадей казаков. Описанное происшествие показало всю опасность дальнейшего нашего выжидательного положения. На другой день поэтому роты Шемахинского полка и казаки заняли Назмие, конфисковали оказавшееся в арсенале оружие и приступили к обыскам и арестам. За поздним получением разрешения на последнюю меру главари успели скрыться; [24] 11 декабря консульство выпустило прокламации с объяснением своих действий и приглашением населения обратиться к своим обычным занятиям под покровительством наших войск. Результаты принятых мер: прекращение забастовок, открытие части базаров, восстановление движения на Пирбазар и Тегеран и бегство шайки талышинцев и Сеид-Ашрефа, бежавшего равным образом и скрывшегося предварительно в турецком консульстве.

Наступившее затишье представляется лишь временным. В консульстве имеются сведения о готовящихся новых выступлениях персов и армян. Кое-где уже раздаются угрозы мести за [21] 8 декабря. Наступил момент крайнего напряжения наших сил. В ближайшем будущем весьма вероятно придется отражать разбойничьи нападения в городе, охранять на протяжении широкой площади порядок, значительные склады оружия казвинского отряда, обоза и вновь конфискованного оружия, зорко следить за тайными сборищами, организующими новые нападения, производить обыски и арестовывать многочисленных злоумышленников, занятых сейчас всякими подготовлениями к будущему выступлению до выделки бомб включительно.

Находящиеся сейчас в наличности наши военные силы не в состоянии справиться с этой работой, так как хотя в Реште имеются две роты и четыре сотни, но общее число людей этих боевых единиц составляет лишь 350 человек.

Жизнь и имущество наших подданных и учреждений в большой опасности. Настоятельно прошу о спешной присылке особого отряда в Решт. Силой обстоятельств начатую борьбу приходится продолжать. Аресты мулл и вредных деятелей энджумена, подстрекающих толпу, необходимы. Пассивным отношением или хотя бы вынужденной приостановкой мероприятий в указанном направлении мы подготовим только желательные результаты для возбужденной толпы. В настоящее время задержано всего арестованных в Реште трое персидских подданных и один русский. Высылка подобных лиц в Баку представляется единственно целесообразной мерой.

Признавая, что мера эта не предусмотрена действующими юридическими нормами, считаю долгом обратить внимание императорской миссии [1] на то, что существующие обстоятельства совершенно исключают применение таких норм, рассчитанных только на нормальные международные отношения.

Принимая во внимание это обстоятельство, я и не справлялся о праве своем на проведение этой меры, лишь просил соответствующего разрешения телеграммой № 301 [2] в совершенно исключительном порядке.

Некрасов.

№ 268. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 2144. 27/14 декабря 1911 г.

По слухам в Париже готовится значительный австро-венгерский заем, к коему правительство республики относится будто бы благоприятно.

---

[1] Повидимому, публикуемая тел. была адресована Некрасовым Поклевскому и послана Нератову в копии.

[2] Тел. от 21/8 дек. за № 301 (опубл. Ор. кн., стр. 347, с сокращениями) Некрасов просил разрешения отправить арестованных в бакинскую тюрьму.

Благоволите обратить внимание министров на кажущееся нам несогласие таковой финансовой политики с общим политическим направлением Франции, благодаря которому аналогичный заем не был допущен два года тому назад [1].

[Сазонов.]

№ 269. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо № 1331 [2]. 27/14 декабря 1911 г.
Секретно.

М. г. Александр Петрович,

Во время моего недавнего посещения Парижа французский министр иностранных дел и гг. Симон и Нецлин, директоры Banque d'Indo-Chine и Comptoir National d'Escompte, говорили мне о привлечении к участию в известном англо-франко-германо-американском синдикате для финансирования китайских займов русской и японской финансовых групп, которые могли бы при этом, по их словам, получить равную с уже участвующими в синдикате финансовыми группами долю участия в его делах. Как г. де Сельв, так и гг. Симон и Нецлин очень настаивали на получении нашего согласия принять участие в сказанном синдикате. Они указывали на то, что благодаря солидарности русской группы с французской и японской, а во многих случаях и с английской, мы получили бы, будто бы, преобладающее влияние в делах синдиката.

Я не счел возможным определенно высказаться о таком предположении, сославшись на необходимость обсудить этот вопрос по соглашению с министром финансов. Однако уже в разговоре с г. де Сельв я указал ему на то, что лично я не вижу пользы от нашего участия в англо-франко-германо-американском синдикате, в котором полная солидарность у нас могла бы существовать разве только с французской группой, японская же и английская, вероятно, в некоторых случаях действовали бы отдельно от нас, а германская и особенно американская, по всем вероятиям, заняли бы враждебное нам положение. Я думаю даже, — чего я не сказал моему собеседнику, — что и французская группа, заинтересованная прежде всего в извлечении денежных выгод, не оказывала бы нам деятельной поддержки для разрушения таких проектов, которые, будучи для нас неудобными, сулили бы, однако, хорошую прибыль синдикату. Я выразил далее г. де Сельву сомнение в том, чтобы мы и американцы могли работать в Китае в одной финансовой комбинации, ввиду явно враждебных нам политических целей, которые американские финансисты преследуют на Дальнем Востоке.

Из предшествующей переписки вашему превосходительству известно отрицательное отношение императорского правительства к нашему участию в англо-франко-германо-американском синдикате. Мы стремимся к расторжению этого синдиката путем выхода из него французской группы и считаем возможным принять в нем участие лишь при условии такой его перестройки, которая обеспечивала бы нам преобладающее влияние в его предприятиях к северу от Великой стены. Подробно эта точка зрения изложена в письме министра финансов [3], копия которого препровождена вам [19] 6 октября с. г. за № 1042. Предложения, сделанные мне через г. де Сельва, совершенно не соответствуют этим нашим целям, ибо при предлагаемой нам комбинации мы не только не обеспечили бы нашей сферы в Китае от враждебных нам

---

[1] Тел. от 28/15 дек. за № 192 (опубл. Stieve, I, S. 199, № 176) Извольский сообщал Сазонову: «Я уже несколько дней тому назад имел с Ж. Луи серьезный разговор о проекте австро-венгерского займа, отчет о коем вам привезет завтра Демидов [см. № 265]. По моему внушению здесь уже ведется против этого займа газетная кампания, начавшаяся со статьи Шерадама в «Petit Journal» от 26/13 декабря. Весьма желательно, чтобы и русские газеты обращали внимание на этот вопрос».

[2] Опубл. Stieve, I, S. 197, № 175, где ошибочно проставлен № 1381.

[3] Имеется в виду письмо Коковцова от 13 окт./30 сент. за № 615 (см. т. XVIII, № 619).

финансово-политических влияний, но и голос наш в решениях синдиката был бы лишь весьма слабым: не надо забывать, что в группу Русско-азиатского банка, которой французы соглашаются предоставить участие в размере $^1/_6$ общего дела, входят, кроме названного банка, Banque d'Outremer, Maison de Banque Spitzer et Eastern Bank; таким образом на долю русских капиталов, представленных Русско-азиатским банком, пришлась бы лишь $^1/_{24}$ часть общего предприятия синдиката.

Из прилагаемого при сем в копии письма министра финансов от [8 декабря] 25 минувшего ноября № 821 [1], ваше превосходительство усмотрите, что до него дошли слухи о намерении китайцев ликвидировать ныне же вознаграждение за боксерское движение, заключив для сего соответствующий иностранный заем. Я вполне присоединяюсь к мнению статс-секретаря Коковцова, что, не имея оснований возражать против осуществления этого намерения, мы должны требовать, чтобы сказанная операция была предпринята не иначе, как с нашего согласия и при нашем, буде мы того пожелаем, участии. Поэтому покорнейше прошу вас сделать французскому правительству в форме, которую вы признаете наиболее подходящей, заявление в изложенном смысле, дав ему понять, что мы широко воспользуемся своей преобладающей долей участия в боксерском вознаграждении, чтобы налагать наше veto на все проекты его досрочной ликвидации, которые будут несогласны с нашими интересами.

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 270. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Письмо. 27/14 декабря 1911 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретными телеграммами за № 86 [2] и 90 [3] я имел честь уведомить ваше высокопревосходительство о тех причинах, в силу коих здешние представители держав-покровительниц сочли своим долгом обратить благосклонное внимание своих правительств на желательность использовать предстоящий 3-месячный перерыв законодательной деятельности в Греции для выработки нового режима для Крита.

Момент этот, на наш взгляд, удобен именно потому, что он, с одной стороны, совпадает с временным улучшением греко-турецких отношений, а с другой — что в минуту серьезных как внешних, так и внутренних осложнений Порта оказалась бы, по всей вероятности, несравненно более сговорчивой.

В данном случае речь идет, как вы изволили убедиться, опять-таки лишь о временном режиме, который явился бы тем не менее новым шагом в смысле критских и эллинских вожделений и, как таковой, он, может статься, дал бы всем, в деле заинтересованным, $1^1/_2$-годовую или 2-летнюю передышку.

Режим этот, очевидно, не удовлетворил бы вполне ни одной из сторон, так как здесь и на Крите мечтают лишь об аннексии, а в Турции, насколько мне известно, желали бы ограничиться дарованием острову широкой автономии под суверенитетом султана.

Тем не менее, как я имел честь донести секретной телеграммой за № 86, мы имеем полную уверенность (на основании *доверительной* беседы французского посланника с Венизелосом), что указанные нами видоизменения

[1] Содержание письма Коковцова от 8 дек./25 ноября за № 821 в основном изложено в публикуемом документе. При этом же письме Коковцов, препровождая Сазонову копии писем директора банка d'Outremer Франки и директора Русско-азиатского банка Верстрата, отмечал, что, как видно из этих писем, «предположения об устранении противодействия России и Японии операциям Четверного консорциума... ныне отвергнуты французскими участниками консорциума, несмотря на старания французского посла в С.-Петербурге склонить их к той или иной комбинации».

[2] См. стр. 240, прим. 2.

[3] См. № 266.

существующего порядка были бы, хотя и без воодушевления, приняты Грецией и Критом, под условием, конечно, что суверенитет Турции будет вполне номинальным, ввиду тех несомненных выгод, которые представили бы для них как признание Портой управления на острове именем короля Георга, так и допущение критских уполномоченных в афинский парламент.

Что же касается до самой Турции, свыкшейся с мыслью, что Крит для нее окончательно потерян, и стремящейся только сохранить за собой номинальное верховенство над островом, то она, смею думать, едва ли решилась бы, особенно в настоящую минуту, оказать серьезное и упорное сопротивление твердо выраженной державами-покровительницами воле.

Если я позволяю себе еще раз утруждать внимание вашего высокопревосходительства изложением вышеприведенных соображений, то делаю это исключительно ввиду тех серьезных осложнений, которые предвидятся вслед за открытием новой эллинской палаты весной, когда брожение на острове, дойдя, по всей вероятности, до своего апогея, вызовет в свою очередь сильное возбуждение и в самой Греции, которое правительство не в состоянии уже будет сдержать.

В заседании палаты, в коем обсуждалось обращение критского революционного собрания к греческому парламенту, одним из умеренных депутатов высказана была вызвавшая шумные рукоплескания мысль, что критянам следовало бы подчиниться теперь указаниям эллинского правительства в надежде на то, что Греция будет более подготовлена к весне, когда на Балканском полуострове ожидаются осложнения.

Наблюдая на месте за событиями и настроением и убеждаясь воочию, какого труда стоит Венизелосу сдерживать общественное мнение, которое, как оно в настоящую минуту ни послушно, все же всей душой сочувствует своим братьям на Крите, мы невольно приходим к заключению, что возобновление, и притом с удвоенной силой, брожения на Крите должно будет неминуемо привести либо к греко-турецкому столкновению, либо к занятию острова нашими отрядами, причем державы-покровительницы легко могут оказаться вынужденными взять в свои руки и самое управление островом.

Если справедлив переданный мне из доверительного и весьма авторитетного источника слух, что на будущих выборах предполагается, будто бы, выбирать в Греции и на Крите как эллинских, так и критских депутатов, то здешнее правительство поставлено было бы этим в безвыходное положение.

Примите и пр. С. Свербеев.

№ 271. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 160. 27/14 декабря 1911 г.

Sa majesté le roi m'a dit avoir renseignement de bonne source qu'à suite entente avec plusieurs Puissances, Autriche se propose en janvier prochain occuper Sandjak. Roi déclare être décidé ne pas accepter fait accompli et à s'opposer énergiquement pour n'être pas englobé dans pays étranger et ennemi. Cependant si Puissances d'accord avec Autriche trouvent juste compensation au Monténégro, roi acceptera seulement dans ce cas leur décision [1].

Arsénie w.

---

[1] Позднее, в деп. от 18/5 янв. за № 2, ссылаясь на публикуемую тел., Арсеньев писал Сазонову: «В случае занятия Санджака Австрией нельзя будет, по моему глубокому убеждению, остановить короля черногорского от оккупации Северной Албании и части Старой Сербии ни угрозами приостановки русских субсидий, ни действительной приостановкой высылки их из России. Для того, чтобы иметь уверенность, что Черногория в вопросах внешней политики будет придерживаться указаний из С.-Петербурга, казалось бы крайне желательным, чтобы королю Николаю было сделано категорическое заявление, что императорское российское правительство ни в каком случае не допустит аннексии Санджака Австрией. Лишь после такого заявления можно рассчитывать, что черногорское правительство будет и на будущее время вести внешнюю политику, вполне согласную с видами России».

Перевод.

Его величество король сказал мне, что из хорошо осведомленного источника он получил сведения о том, что Австрия, в результате договоренности с многими державами, намеревается в январе будущего года занять Санджак. Король заявляет о своем решении не признавать совершившийся факт и энергично сопротивляться, чтобы не быть включенным в чужую и враждебную страну. Однако, если державы в согласии с Австрией найдут справедливую компенсацию для Черногории, то король только в этом случае согласится принять их решение.

Арсеньев.

№ 272. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 1298. 27/14 декабря 1911 г.

Копия в Константинополь.

Получил телеграмму № 2106 [1]. Ссылаюсь на телеграмму наместника на Кавказе от [18] 5 декабря [2].

Ввиду признания теперь всеми вероятности и нежелательности столкновений с турками, лучшим способом избежания последнего представляются, мне кажется, предлагаемые наместником переговоры в Константинополе по установлению status quo взаимного расположения наших войск в спорной полосе до окончательного решения турецко-персидского пограничного спора. При этом было бы для нас особенно желательным обеспечить от турецких захватов Макинское ханство и добиться отозвания турецких войск на западе от дороги Хой — Салмас — Урмия, в тех местах, где они ее занимают, хотя во время переговоров, может быть, удастся найти другую, еще более подходящую для нас почву. Если же это окажется невозможным, то, полагаю, установление status quo «нынешнего» взаимного расположения войск положило бы конец дальнейшим турецким захватам и было бы поэтому для нас выгодным, особенно если нам удастся обеспечить за собой право беспрепятственного конвоирования караванов по дороге Хой — Салмас — Урмия.

Поклевский.

По-моему предлагаемое посланником — практично.
Царское Село, [1 января] 19 декабря 1911 г.

№ 273. Консул в Реште министру иностранных дел.

Телеграмма № 343 [3]. 27/14 декабря 1911 г.

Сообщено в Тегеран, Тифлис и Казвин.

Получил телеграмму № 1217 [4].

Дополнение моей телеграммы № 309 [5].

Положение в Реште крайне опасно. Ожидают поджога города и выступлений бомбистов. Русские вновь получили угрожающие письма. Наших сил недостаточно. Телеграмма посланника сообщает о невозможности присылки войск из отряда; начальник штаба из Тифлиса и Фидаров из Ардебиля сообщают о невозможности присылки войск из России и Ардебиля. Настоятельно прошу, во избежание катастрофы, о возможно спешной присылке особого отряда в Решт. Возможно народное восстание. Опасаюсь подавления находящихся в Реште наших сил численностью. Продолжаю аресты,

---

[1] В тел. от 22/9 дек. за № 2106 Сазонов просил заключения Поклевского по вопросу «об установлении status quo нынешнего взаимного расположения наших и турецких сил в спорной полосе».

[2] См. № 224.

[3] Опубл. Ор. кн., стр. 368, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[4] Очевидно, ошибка. Тел. за № 1217 датирована 11 сент./29 авг. и адресована в Тегеран. Вероятно, имеется в виду тел. за № 2117. См. № 254.

[5] Тел. Некрасова за № 309 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

предстоит еще много. Начинаю высылку в Баку. На дальнейшие мероприятия по охране города, обыскам в городе, охране конфискованных складов бомб и оружия, сопровождения арестантов нужны войска. Кроме того, нужны войска для охраны жизни и имущества наших подданных в Талышах, Ленгеруде, Лаиджане и Тунекабуне, где за последнее время деятельность эмира Асада воспроизводит талышинские нравы и сообщает характер рабского состояния положению наших подданных. Прошу предписания командиру «Карса», хоть на время, спустить десант для Решта в 40 человек с пулеметами. Кризис затянется надолго, но продолжать действовать можно только в начатом направлении. Никакая персидская власть ничего не в состоянии сделать до водворения полного порядка нашими войсками. Английский и турецкий представители только подстрекают персов и покровительствуют им. Прошу ускорить отъезд первого из них, собирающегося в отпуск через пять недель, и второго тоже через три с половиной месяца. Прошу разрешения ареста турецких армян. Нападение [21] 8 декабря было не случайное и находится в полном соответствии со всей деятельностью бывших за последнее время в Гиляни губернаторов и каргузаров. Среди нападавших были жандармы и полицеймейстер, и нападение совершено с правительственного учреждения. В разработке мер борьбы не встречаю затруднений, но нужны войска. На умиротворяющую прокламацию консульства персы ответили дерзкими объявлениями с опровержением. Купцы увозят товары с базара, боясь поджога. Все это прекратится с поимкой всех главарей, на что нужна достаточная сила [1].

Некрасов.

№ 274. Туркестанский генерал-губернатор министру иностранных дел.

Телеграмма № 788. 27/14 декабря 1911 г.

Запрошенный мною касательно положения хорасанский консул Дабижа сообщает: «Наступившее было, с появлением слухов о выступлении из Асхабада большого отряда, успокоение вновь нарушено брожением, возникшим при виде появления в Мешеде лишь одной сотни. Газеты и митинги призывают к джехаду. Покамест, однако, в Хорасане и в Мешеде все спокойно». Полагаю, что тавризские события в сильно преувеличенном и искаженном виде несомненно найдут отражение по всей Персии и что заверениям центрального правительства о данных им распоряжениях к умиротворению населения по отношению к русским никакого значения придавать нельзя, при очевидной слабости центрального правительства и местных властей. Признаю потому положение мешедского отряда опасным вследствие его малочисленности и отдаленности от подкреплений, считаю безусловно необходимым теперь же довести его до предположенного состава, т. е. немедленно командировать в Мешед и в Кучан два батальона пехоты и еще одну сотню с придачей отряду одной конной батареи [2].

Самсонов.

---

[1] В тел. от 30/17 дек. за № 360 Некрасов отмечал: «Вообще приходится смотреть на нападение [21] 8 [декабря] на казаков, как на заранее подготовленную засаду персидских правительственных войск, которым помогали фактически персидские и турецкие армяне, а морально — турецкий и английский консулы».

[2] В тел. от 29/16 дек. за № 2160 (опубл. Ор. кн., стр. 386, с сокращениями и стилистическими изменениями) Сазонов, сообщая Поклевскому и Дабижа, что Самсонов предлагает увеличить отряд в Мешеде, указывал: «Отвечаем генералу Самсонову согласием на эту меру и в этом смысле сносимся с председателем совета министров и военным министром». В ответ на эту тел. Поклевский сообщал, что «ныне с принятием ультиматума, роспуском меджлиса и благодаря усилиям правительства, направленным к успокоению умов, возбуждение заметно улеглось». Поклевский считал «несвоевременным отправление наших войск в Исфагань и Хорасан, тем более, что появление в этих фанатически настроенных местностях нашей военной силы может именно способствовать усилению антирусской агитации» (тел. № 1326 от 3 янв. 1912 г./21 дек. 1911 г.).

№ 275. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Берлине, Вене и Риме — Извольскому, Бенкендорфу, Остен-Сакену, Н. Гирсу и Долгорукому.

·/. Письмо № 799 [1]. 28/15 декабря 1911 г.
Весьма доверительно.

М. г. ...,

Тревожное настроение, естественно вызванное итало-турецкой войной, ныне вследствие продолжительности этой войны распространяется все шире и повсеместно усиливается по мере того, как к возбуждению настоящей минуты примешивается опасение за дальнейшие последствия этой войны и предвидится возможность возникновения с началом весны новых беспорядков на Балканском полуострове и, в частности, в Албании. Элементов нестроений в тех краях, как известно, всегда достаточно, а при существовании войны между Турцией и Италией малейший случай мог бы повести к самым непредвиденным последствиям.

Убедившись, что чувство тревоги испытывается [2] и многими из иностранных представителей, с коими мне пришлось обсуждать настоящее положение, я считаю, что всеобщему интересу отвечало бы попытаться обеспечить окончание войны до весны, дабы не давать событиям развиваться роковым образом и вне всякого умеряющего воздействия.

К сожалению, обе враждующие стороны в настоящую минуту стоят на столь противоположных и непримиримых точках зрения, — требуя, одна — сохранения своих суверенных прав над занятыми неприятелем областями, другая — признания провозглашенного ею присоединения этих областей к своей территории, — что, казалось бы, нет возможности найти почву для примирения. Но я полагаю, что тем не менее следует не откладывая приступить к обмену мнений в целях изыскания начал, которые явились бы приемлемыми для обеих сторон. Задачу эту я вижу в том, чтобы, удовлетворив по существу требование Италии о присоединении занятых ею по праву войны провинций Триполи и Киренаики, вместе с тем избавить Турцию от обидной для ее самолюбия необходимости признать отторжение названных областей путем формального договора [3].

Достигнуть этого, быть может, удалось бы следующим путем: великим державам, сговорившись между собой относительно самого принципа европейского вмешательства, следовало бы предпринять шаги в Константинополе с целью убедить Турцию в неизбежности для нее потери этих уже занятых Италией областей, а затем повлиять на нее для принятия *перемирия*, как формы фактического прекращения военных действий, — перемирия, которое бы длилось до той поры, когда явится возможность заключить окончательный мир. Этим промежутком времени Турция должна бы воспользоваться для отозвания из Триполи и Киренаики тех незначительных отрядов, которые там еще находятся. Одновременно с переговорами по этому пункту следует сообщить Порте о согласии Италии, под какой-либо подходящей формой, передать турецкому правительству денежное вознаграждение в размере, который подлежал бы совместному определению. С другой стороны, в обеспечение прав Италии на занятые ею африканские провинции, — державы, каждая в отдельности, обязались бы по отношению к Италии, — путем обмена нот или деклараций, — признать суверенитет ее над Триполи и Киренаикой. Добиваться ныне же признания этого факта Турцией, может быть, и не следовало бы, предоставив самой силе обстоя-

---

[1] На полях чернового отпуска имеются две пометы: «Не откажите вернуть по прочтении. С[а з о н о в]» и «Возвращаю с исправлением одного слова. К[о к о в ц о в]».

[2] В черновом отпуске вместо «испытывается» было слово «питается»; исправлено рукою Коковцова.

[3] Тел. от 28/15 дек. за № 100 Долгорукий сообщал Сазонову, что итал. м-ру ин. дел казалась бы заслуживающим внимания «всякая комбинация, которая позволит державам признать совершившееся присоединение Триполи и Киренаики к Италии и не лишила бы Порту внешнего предлога к платоническим притязаниям на обе области».

тельств проявить свое решающее влияние на последующее положение вещей.

Представительство и осуществление этого совместного воздействия пяти великих держав следовало бы, по-моему, предоставить Франции, как державе, заинтересованной в турецких делах лишь с финансовой стороны и пользующейся общим доверием остальных, более непосредственно заинтересованных.

Все эти соображения я изложил здешним представителям пяти великих держав, особенно подробно развив их итальянскому послу, который обещал немедленно же снестись с римским кабинетом. Из дальнейшей беседы с г. Мелегари я вынес впечатление, что итальянское правительство отнеслось бы сочувственно к посредничеству держав на условиях, которые мной были намечены, причем, однако, посол, — пока лишь как личное мнение, — выставляет еще одно условие перемирия, а именно полное восстановление status quo ante bellum в отношении вытекающих из капитуляций прав и преимуществ для итальянских подданных в Турции.

Я не скрываю от себя, что вышеизложенные предложения поневоле носят характер некоторой неопределенности и неполноты, и, ввиду этих недостатков, преследуя лишь общую всем и настоятельную цель предотвращения *серъезнейших* осложнений, я был бы очень признателен, если бы кабинеты держав, с своей стороны, внесли бы в этот вопрос свои дополнения и осветили бы его с тех сторон, которых я не касаюсь. При этом я не могу не чувствовать некоторого опасения, как бы существующее между Германией и Францией соперничество не побудило берлинский кабинет отнестись отрицательно ко всему проекту, опасаясь, может быть, возможного ущерба своему влиянию на Турцию. Если бы такие опасения оправдались, то неудача попытки никак не могла бы быть представлена в виде неуспеха одной только Франции, а легла бы равным образом на все державы, от имени коих Франция имела бы действовать.

Покорнейше прошу ваше... доверительно объясниться по содержанию вышеизложенного с министром иностранных дел для выяснения возможности дальнейших шагов в этом вопросе и о последующем уведомить меня в возможно непродолжительном времени.

К сему считаю долгом присовокупить, что я еще совершенно не затрагивал вопроса о приостановлении военных действий в разговорах с турецким послом, полагая необходимым предварительное установление общности взглядов и действий между европейскими кабинетами.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 276. Дипломатический агент в Каире министру иностранных дел.

*/. Депеша № 37. 28/15 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Если, с одной стороны, нельзя отрицать некоторого возбуждения, царящего среди мусульман в Египте по поводу войны Италии с Турцией, то все-таки необходимо отметить, что это возбуждение далеко не достигает указанных европейской печатью размеров.

Разразившиеся в октябре месяце в Александрии беспорядки, о которых управлявший дипломатическим агентством надворный советник Саблер не преминул своевременно донести императорскому министерству [1], были до

---

[1] Тел. от 2 ноября/20 окт. (без номера) Саблер, сообщая Нератову о беспорядках в Александрии, отмечал, что они вызваны появившимися в арабских газетах телеграммами из Константинополя «о блестящих победах турецких войск в Триполи». «Третьего дня и вчера, — заканчивал Саблер, — в арабских кварталах Каира происходили антиевропейские демонстрации мусульман со знаменами, но столкновений с европейцами не было».

сей поры единственным явлением в этом роде. Быстро и энергично принятые правительством и англичанами меры пресекли беспорядки в самом начале, не дав им распространиться, и после того нигде в пределах Египта порядок не был нарушен.

Собственно, и вспышка в Александрии была последствием горячих фанатических статей арабской печати. Говорили также о специальной агитации, которая велась националистами для подготовки беспорядков, из желания создать затруднения оккупирующей Египет державе на первых же порах после приезда сюда лорда Китченера.

Вследствие этого александрийские беспорядки едва ли можно считать проявлением действительного настроения мусульманского населения.

Тем не менее некоторое глухое возбуждение существует среди туземцев; оно не приняло пока угрожающего характера, ограничиваясь лишь огромным интересом к известиям с театра войны и общим поднятием как религиозного чувства, так и сознания единства мусульманского мира. Конечно, ввиду замкнутости этого мира для христиан всегда приходится считаться с возможностью сюрприза, в виде внезапных фанатических вспышек под влиянием каких-либо новых факторов, но во всяком случае в настоящее время, ввиду твердости правительства и страха перед англичанами, надо надеяться, что порядок в Египте более не будет нарушен.

Распространенные же европейской печатью слухи о том, что Каир и Александрия объявлены на военном положении и что христиане не могут выходить на улицу без оружия, лишены всякого основания и лишь вредно отразились на количестве прибывающих на зиму в Египет туристов.

Примите и пр.

А. Смирнов.

№ 277. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 198 [1]. 28/15 декабря 1911 г.

Ссылаюсь на мое донесение № 74 [2].

К совещаниям по поводу сербско-болгарского соглашения вызван был сюда из Софии сербский посланник. Сегодня в ночь Спалайкович возвращается к своему посту с окончательной инструкцией, сущность которой заключается в следующем: во-первых, по обоюдному желанию статьи 3-я и 4-я выделяются из общего текста и составляют особенное секретное приложение к договору из двух статей. Во-вторых, что касается разграничения сфер в единственной спорной части на северо-восток, т. е. от общей государственной границы до Вардара, то сербы выражают готовность принять последний болгарский вариант, но лишь с небольшим изменением, а именно, от Нерадова, вместо направления по прямой линии на юго-запад, разграничительная черта пройдет на юг, пройдет Крива-реку у Петралицы и Мостаницы, откуда, обходя Кратово, направится на юго-запад, чрез Живалево, Туралево и Граддеште, к Вардару. Настоящий сербский вариант, оставляя болгарам столь желаемые ими Эгри-Паланку и Кратово, отмежевывает в пользу сербов, по сравнению с гешовским вариантом, лишь несколько бо́льшую часть Овче Поле. В-третьих, вышеописанный вариант представляет последнюю и крайнюю уступку сербов, далее которой они итти не могут. Если бы болгары отказались принять его, то сербское правительство предлагает восстановить статью о верховном арбитраже, который коснется спорной местности, между последним гешовским и настоящим сербским проектами. Сообщая мне содержание инструкций Спалайковичу, Милованович обратился с ходатайством об оказании императорским правительством соответственного воздействия в Софии. Со своей стороны, почитаю долгом горячо

[1] Тел. бланк. Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 15, где датирована 29/16 дек. Тел. от 30/17 дек. (без номера) Гартвиг просил датировать публикуемую тел. 28/15 дек.

[2] См. № 228.

поддержать означенное ходатайство, ибо, во-первых, как мне известно, некоторые члены совещания с Пашичем во главе самым решительным образом противятся новой уступке болгарам, и Милованович взял все дело на свою личную ответственность. Во-вторых, упоминаемая выше небольшая площадь на Овче Поле, не представляя для болгар никакого интереса, напротив, для сербов имеет громадную стратегическую важность, как естественный заслон по отношению к Ускюбу. Наконец, в-третьих, последнее соображение не лишено значения и с русской точки зрения, если принять во внимание, что в будущих событиях Сербия может быть призвана сыграть роль нашего аванпоста. По впечатлениям Спалайковича, Гешов проявлял все время страстное желание подписать скорее соглашение и, конечно, не стал бы создавать затруднения к полюбовному решению настоящего дела. Но последняя граница, повидимому, предложена королем Фердинандом и в таком случае может возникнуть лишь вопрос личного самолюбия [1].

Гартвиг.

№ 278. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 1306. 28/15 декабря 1911 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму Некрасову № 1305 [2].

Позволяю себе обратить особое внимание вашего высокопревосходительства на опасные планы Некрасова [3], могущие вызвать восстание в Гиляни и новую смуту в Персии. Притом его фантазия, повидимому, не знает никакого предела, и он находит возможным игнорировать нормы как закона, так и международного права. Ввиду склонности Некрасова к самостоятельным выступлениям, мне представляется необходимым поставить в рамки его теперешнюю деятельность и предписать ему действовать по мере возможности дружелюбно с персидскими властями. Если высказанные мной в вышеупомянутой телеграмме взгляды заслуживают одобрения вашего высокопревосходительства, то прошу подтвердить их для неукоснительного исполнения Некрасовым.

Поклевский.

№ 279. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

'/. Телеграмма № 2156 [4]. 29/16 декабря 1911 г.

Сообщена генеральному консулу в Тавризе и консулу в Реште.

Председатель совета министров телеграфировал наместнику [27] 14 декабря [5]:

По восстановлении порядка в Тавризе, Реште и Энзели и фактическом выполнении персидским правительством всех наших требований, русские отряды в Персии, за исключением находящихся в Урмийской провинции, подлежат возвращению в Россию. Карательные действия против виновных в нападении на наши войска должны быть осуществлены со всей необходимой строгостью и быстротой, по соглашению начальников наших отрядов с консулами. В числе карательных мер нужно разрешить начальникам отрядов, по соглашению с консулами и независимо от последующего общего возмещения убытков шахским правительством, производить денежные взыскания с населения, поддерживающего враждебные против нас действия [6].

Сазонов.

---

[1] Тел. от 29/16 дек. за № 103 Неклюдов сообщал Сазонову, что он находит инструкции, данные Спалайковичу, «совершенно целесообразными и предлагаемую сербами черту разграничения вполне справедливой и удобоприемлемой для Болгарии».

[2] Тел. Поклевского за № 1305 помечена 29/16 дек. См. № 283.

[3] См. № 273.

[4] Лит. копия. Опубл. Ор. кн., стр. 385, со стилистическими изменениями

[5] См. № 264.

[6] В тел. от 29/16 дек. за № 3599 Воронцов-Дашков, признавая, что «возвращение находящихся в Персии наших отрядов послужит, конечно, громадным облегчением

№ 280. Министр иностранных дел наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

·/. Телеграмма № 2163. 29/16 декабря 1911 г.

Сообщено Чарыкову.

№ . . . получен [1].

Опасаемся, что предлагаемое вашим сиятельством размежевание сфер нашей и турецкой могло бы быть истолковано как косвенное признание нами пределов турецкой оккупации, чего мы всемерно должны избегать. Кроме того, соглашение о зонах явилось бы введением нового принципа турецкого участия в персидских делах, последствия чего трудно учесть. Новых фактов, раскрывающих намерение турок захватить всю Урмийскую провинцию, казалось бы, не возникало. Напротив, делегаты Минорский и Шипле пришли к выводу, что турки ныне достигли тех пределов, которые сами они выставляют своей будто бы исторической границей. Вполне признавая тревожный характер сообщений о сборах турецких войск, приходится считать, что даже при осуществлении предлагаемого соглашения мы отнюдь не могли бы воспрепятствовать туркам усилить отряды в районе ныне занимаемых ими сильных позиций.

При таких условиях разделение зон не отдалило бы угрозы столкновения с Турцией, если бы последняя стала его искать. Равным образом опасность для наших частей со стороны курдов не исключилась бы и при соглашении.

Ввиду того, что турок на самой дороге Хой — Урмия, повидимому, все еще нет, мы могли бы свободно осуществлять права движения по ней караванов с возможно сильным конвоем, хотя бы впредь до выяснения последствий этого способа передвижения. Не представлялось бы затруднений и к установлению дополнительных наших постов, например, в Дильмане, Кохнэ-Шехре, Аллен-Сарае, Хантахты и других пунктах, которые удобнее окончательно наметить на местах, конечно, сообразуясь с силами хойского отряда [2].

Сазонов.

№ 281. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Щекину.

·/. Телеграмма № 2164. 29/16 декабря 1911 г.

№ 925 получен [3].

Благоволите при первом подходящем случае указать министру иностранных дел, что мы не можем признать внутренние затруднения Китая основательной причиной, чтобы замедлять переговоры по пересмотру С.-Петер-

---

для службы кавказских войск и подготовки их к боевым действиям, ввиду возможных осложнений с Турцией», высказывал мнение, что отозвание войск из Персии «должно несколько задержаться» как для выполнения карательных мер, так и для охраны русской торговли в Персии.

[1] Очевидно, имеется в виду тел. Воронцова-Дашкова за № 7666 (см. № 224).

[2] Тел. от 1 января 1912 г./19 дек. 1911 г. за № 767 Чарыков сообщал Сазонову: «При видимом и вынужденном теперешними обстоятельствами решении турок соблюдать крайнюю сдержанность по отношению к нашим отрядам в Персии и старательно избегать столкновений турецких отрядов с ними, я не усматриваю с местной здешней точки зрения возражений» против «продвижения караванов по дороге Хой — Урмия». Вместе с тем Чарыков отмечал, что дополнительное установление русских постов по этой дороге привело бы к вооруженному столкновению между турецкими и русскими отрядами.

Тел. от 1 янв. 1912 г./19 дек. 1911 г. за № 2185 Сазонов передал Поклевскому содержание публикуемого документа. На этой тел. против фразы относительно выводов, к которым пришли Минорский и Шипле, имеется помета Николая II: «Почему у них такая уверенность? Царское Село [1 января 1912 г.] 19 декабря 1911 г.».

[3] Тел. от 28/15 дек. за № 925 Щекин сообщил Сазонову, что русские контрпредложения по пересмотру Петербургского договора 1881 г. рассматриваются особой комиссией при вай-ву-бу, причем 10 дней назад Щекину сказали, что ответ будет готов через 2 месяца, а в день отправки телеграммы, «сославшись на необходимость наведения дополнительных справок и на затруднительность внутреннего положения, никакого определенного срока не указали».

бургского трактата. Наши контр-предложения весьма умеренны и не содержат каких-либо новых принципов. Ссылки на внутренние затруднения и на необходимость дополнительных справок производят на нас поэтому тягостное впечатление желания затянуть переговоры [1].

[Сазонов.]

№ 282. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 762 [2]. 29/16 декабря 1911 г.

Ссылаюсь на мое письмо от ... декабря [3].

Великобританский посол доверил мне, что он сделал вчера великому визирю и министру иностранных дел решительное, хотя и не официальное, заявление против приписываемого германскому обществу Багдадской дороги притязания изменить направление названной линии между Моссулом и Багдадом в смысле приближения магистрали к Ханекену. Такое изменение существующего направления недопустимо, пока между лондонским кабинетом и Портой производятся и еще не окончены переговоры о железнодорожном участке Багдад — Персидский залив, основанные на предположении, что направление остальной части Багдадской дороги останется неизменным. Великий визирь ответил, что ему неизвестно намерение, приписываемое обществу Багдадской дороги, и что он считает доводы посла обоснованными [4]. Товарищ министра иностранных дел, заменявший Ассим-бея, тоже отозвался неведением. Он подтвердил послу, что турецко-персидский протокол о разграничении подписан в Тегеране [5] и что турецкие члены смешанной комиссии уже намечены Портой и находятся в Константинополе. Совет министров постановил, по сведениям, проникшим в печать, отправить телеграфное предписание турецким отрядам в персидских пределах — избегать столкновений с русскими отрядами.

Чарыков.

---

[1] Ответной тел. от 3 янв. 1912 г./21 дек. 1911 г. за № 947 Щекин сообщил Сазонову: «Лу Чжен-сяну будут высланы в ближайшем времени письменные инструкции касательно продолжения переговоров по пересмотру Петербургского трактата. Китайское правительство заверяет, что с его стороны нет желания затянуть переговоры».

[2] Опубл. Siebert, II, S. 269, № 541.

[3] Очевидно, имеется в виду письмо от 14/1 дек., посвященное вопросу о направлении Багдадской ж. д., в котором Чарыков сообщал Нератову: «По сведениям французского посла, германское общество Багдадской ж. д. ведет в настоящее время переговоры с Портой о разрешении ему изменить установленное до сих пор направление названной линии между Моссулом и Багдадом в смысле большего приближения линии к персидской границе. Именно до сих пор было установлено, что Багдадская ж. д. будет следовать от г. Моссула до г. Багдада вдоль правого берега реки Тигра и что ветвь на Ханекен будет проведена от пункта в 60 километрах не доходя Багдада (Садидже). Между тем теперь названное общество желает перешагнуть через реку Тигр у Моссула, следовать затем в сторону Персии до Керкука, где имеются интересные залежи нефти, и затем направиться по богатым нефтью местностям Керкукской области в сторону Ханекена, вдоль границы Персии, соединиться с г. Ханекеном коротенькой веткой и уже потом итти к Багдаду». Указывая далее на то, что такое изменение направления дороги выгодно для экономического развития Турции, но не выгодно для России и находится в противоречии с Потсдамским соглашением, согласно которому главная магистраль должна была проходить далеко от персидской границы и связываться с последней посредством ж.-д. ветки Садидже — Ханекен, Чарыков продолжал: «Если же Багдадская магистраль сама приблизится к Ханекену с северо-запада на более или менее близкое расстояние, то вся экономия Потсдамского соглашения о ханекенской линии была бы коренным образом фальсифицирована. Кроме того, проведение Багдадской магистрали через нефтеносные земли Керкукской области, минеральные масла коей оказываются равноценными бакинским, явилось бы новым невыгодным для нас и необусловленным в Потсдаме нарушением русских интересов».

[4] Тел. от 10 янв. 1912 г./28 дек. 1911 г. за № 196 (опубл. Stieve, II, S. 23, № 183) Извольский передавал сообщение Рафаловича о том, что «попытка общества Багдадской железной дороги изменить трассу на Ханекен встретила сопротивление со стороны турецкого правительства. Однако усилия общества продолжаются при деятельной поддержке Маршалла».

[5] См. № 263.

№ 283. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 1305 [1]. 29/16 декабря 1911 г

Телеграфирую Некрасову, ссылаясь на свои [2] телеграммы за №№ 329 [3] и 343 [4]:

На основании ваших последних донесений, а также принимая во внимание, что до [21] 8 декабря в Гиляни царило лишь безвластие, но непосредственной опасности для русско-подданных не замечалось, можно притти к заключению, что взрыв в Реште и Энзели произошел под влиянием охватившего всю Персию за последнее время исключительного временного возбуждения и вслед за первыми же нашими активными выступлениями по водворению порядка. Из ваших же донесений явствует, что несмотря на рекомендованные и ныне принятые против шайки наших недоброжелателей меры, вы теперь опасаетесь народного восстания. Я вполне разделяю это опасение и полагаю, что мы должны всячески этого избегать. Поэтому я считаю, что, пользуясь наступившим в Реште и Энзели затишьем, деятельность подкрепленных теперь из Казвина войск должна ограничиться самым энергичным, беспощадным отражением возможных на них и на русско-подданных нападений, охраной наших учреждений и внешнего порядка в городе и поддержанием торгового движения. Дальнейшие же аресты персидско-подданных по одному лишь подозрению, обыски в домах мусульман, а тем более какие-либо меры против духовенства представляются мне совершенно нежелательными и способными лишь разжечь народные страсти. Вам также не следует задерживать турецко-подданных и не высылать персидско-подданных в Баку, если вы на то не получите специального разрешения из Петербурга. По моему глубокому убеждению, полного успокоения умов в Гиляни и удаления нежелательных оттуда элементов можно достигнуть лишь совместной и согласной деятельностью вашей с персидскими властями. Кабинет делает в этом направлении все возможное, и новый губернатор, который должен вскоре прибыть в Решт в сопровождении двухсот персидских казаков, снабжен соответствующими указаниями. Вы, напротив, уклоняетесь от свидания с каргузаром, которому приказано оказывать возможное содействие по восстановлению нормального порядка вещей в Гиляни [5].

Поклевский.

*

№ 284. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

·/. Депеша № 116. 29/16 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На-днях мне было доставлено прибывшим из Даржилинга тибетцем письмо далай-ламы на имя императорского посланника, помеченное 30-м числом 8-й луны, то есть 8 октября старого стиля. Перевод этого документа представляется при сем на благоусмотрение вашего высокопревосходительства [6].

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 386, с сокращениями.

[2] Так в оригинале. Должно быть: «его».

[3] Повидимому, Некрасов копию своей тел. за № 330 (см. № 267) послал Поклевскому за № 329.

[4] См. № 273.

[5] Ссылаясь на публикуемую тел., Клемм 31/18 дек. за № 2178 телеграфировал Некрасову: «Подтверждая данные вам посланником общие указания [ср. № 278], прошу особенно осторожно относиться к аресту турецко-подданных, которых можно задерживать лишь в том случае, если они взяты с оружием в руках при нападениях на наши войска. По соглашению с наместником никакие арестованные не должны высылаться в Россию, а все, как русские, так и персы, подлежат военному суду на месте. Общность действий ваших с персидскими властями весьма желательна».

[6] Ср. № 219. В этом письме далай-лама писал Коростовцу, что китайцы захватили все тибетские дела, «всех обижают». «Как было раньше, так и в будущем не откажите содействовать тибетским делам, которые всегда близко соприкасались с русскими делами, и всегда можно было опереться на русских».

Из слов посланца можно было заключить, что во время отъезда его из Даржилинга до далай-ламы не дошло еще никаких сведений о начавшемся на юге Китая революционном движении, ни тем более о последних событиях в Тибете. Впрочем, здесь также не имеется подробных и точных данных о недавнем перевороте в Лхассе, если не считать скудных известий, попавших в прессу об аресте китайских властей тибетцами и об изгнании части китайских войск. Английский посланник, с которым мне пришлось беседовать о положении дел в Тибете, в общем подтвердил приведенные сведения, прибавив лишь, что по сообщению великобританского консула в Чэндуфу, с переходом всей Сычуанской провинции в руки революционеров, новый губернатор отправил Чжао Эрр-фына восстанавливать власть Китая в Тибете, дав ему около 3 000 человек войска. Сведения эти относились к 27/14 ноября, но, по общему убеждению, едва ли Чжао дойдет до Тибета, а вероятнее всего, по примеру Ду Ан-фана, будет убит по дороге собственными солдатами [1]. В заключение сэр Джон Джордан высказал в качестве совершенно личного своего мнения, что, быть может, возвращение далай-ламы в Лхассу оказалось бы полезным для водворения порядка в Тибете.

Не имея в настоящую минуту положительных данных о положении вопроса, я полагал бы вообще предпочтительным повременить пока с письменным ответом далай-ламе и с какими-либо советами проживающему в Пекине его посланцу до получения руководящих указаний вашего высокопревосходительства, тем более, что рано или поздно, осведомившись о событиях в Урге, далай-лама, вероятно, постарается войти в сношения с хутухтой, каковые сношения не могут не представить для нас известного интереса.

С глубочайшим почтением и пр.

Щекин.

№ 285. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

·/. Депеша № 117. 29/16 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к телеграмме от [28] 15 сего декабря № 928 [2] считаю долгом представить при сем на благоусмотрение вашего высокопревосходительства перевод императорского указа, объявляющего о готовности династии подчиниться решению, которое примет будущий парламент в отношении формы правления в Китае [3]. Читая между строк, можно сказать, что этот документ равносилен заранее выраженному согласию отречься от престола.

В заседание совета министров, обсуждавшего издание указа, были привлечены бывший регент, князь Цин, и его старший сын, князья Цзай-Тао, Цзай-Сюнь, Цзай-Цзэ, Юй-Лан и Су. Отклонив просьбу Юань Ши-кая и других министров об отставке, собравшиеся сановники признали настоятельную необходимость сделать дальнейшую попытку к соглашению с республиканцами ценой новой уступки, и издание указа, на который уже была получена санкция вдовствующей императрицы, было окончательно решено.

Упомянутый шаг правительства явился прямым последствием неожиданного оборота, принятого переговорами в Шанхае: главный уполномоченный Тан Шао-и, а за ним и вся отправленная из Пекина делегация объявили себя сторонниками введения республиканского строя, под влиянием

---

[1] На запрос Сазонова (тел. от 30/17 дек. за № 2174) по поводу имеющихся в Лондоне сведений о событиях в Тибете Бенкендорф тел. от 2 янв. 1912 г./20 дек. 1911 г. за № 338 ответил, что произошло столкновение между тибетцами и кит. войсками, но что прав-во Индии «не придает ему большого значения и не обеспокоено».

[2] В тел. от 28/15 дек. за № 928 Щекин сообщал: «Императорский указ от имени вдовствующей императрицы и с согласия ближайших князей императорской крови санкционирует передачу вопроса о форме правления в Китае на рассмотрение созываемого парламента».

[3] В этом указе (см. прим. 2) говорится, что совет м-ров обязан в самом непродолжительном времени «войти в переговоры с Ву Дин-фаном по вопросу о взаимном прекращении военных действий, чтобы обеспечить спокойное существование населению и прекратить великие бедствия».

«неопровержимых» доводов своих противников. Тан Шао-и одновременно отказался от должности министра почт и сообщений, остальные же делегаты, занимающие места на правительственной службе, не дали пока себе труда последовать этому примеру. Антидинастические чувства Тан Шао-и не составляли ни для кого секрета в тот момент, когда последовало его назначение главноуполномоченным по ведению мирных переговоров; делегация же, сопровождавшая его, состояла сплошь из людей молодых, известных своим прогрессивным направлением. Отсутствие более консервативных элементов объяснялось желанием избегнуть бесполезных трений с революционными делегатами и облегчить соглашение. В результате, однако, усилилось впечатление, будто Юань Ши-кай, выступая открыто защитником династии, под рукою планомерно работает над полным ее устранением. В таком случае исход, желательный для республиканцев, можно считать заранее обеспеченным, если только приезд в Шанхай одного из самых влиятельных вождей революции, Сун Ят-сена, и выставленная им кандидатура на пост президента республики не спутает все расчеты и не поведет, в числе прочих случайностей, к окончательному отделению юга Китая от севера.

Возможность двойной игры со стороны Юань Ши-кая не только допустима, но, быть может, даже и вероятна. Однако для определенного суждения о положении не только у европейцев, но, повидимому, даже у японцев недостает точных сведений о настроении среди массы населения, несомненно, страдающего от продолжения смуты, а главное среди войск: при недостатке денежных средств на жалованье и содержание армии вопрос об ее верности и дееспособности разрешим в лучшем случае разве лишь для непосредственных начальников. Тем временем военные приготовления продолжаются с обеих сторон; более энергично — среди республиканцев, получающих подкрепление и готовящихся защищать Учан и перейти в наступление не только в обход Хань-яна с целью прервать сообщение по Пекин-Ханькоуской линии, но и от Нанкина к северу, не считая проекта отправки десанта из Шанхая в Печилийский залив. Такому проекту правительство, видимо, придало значение серьезной угрозы, так как в район Цинвандао в предупреждение высадки стянуто до 5 000 войск, которые легко могут получить дальнейшие подкрепления из Син-Мин-фу. Одновременно сосредоточиваются войска вдоль линии Тяньцзин-Пукоуской железной дороги, находящейся пока в руках правительства, кроме небольшого участка у Янцзы.

Насколько все эти военные демонстрации задуманы серьезно, судить в настоящую минуту не представляется возможным.

Примите и пр. Щекин.

№ 286. Министр двора министру иностранных дел.

Телеграмма № 3225 [1]. Ливадия, 29/16 декабря 1911 г.

По высочайшему государя императора повелению сообщаю вашему высокопревосходительству текст ответной телеграммы его императорского величества от [28] 15 сего декабря на имя генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова: «Тифлис. Генерал-адъютанту графу Воронцову-Дашкову. Возмущен дерзким нападением персов на наши войска в Тавризе. Вполне одобряю данное вами приказание генералу Воропанову действовать сурово и быстро. Передайте частям, понесшим потери, мое сердечное спасибо. Николай». Текст телеграммы, полученной его императорским величеством из Тифлиса того же числа от генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова: «Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, основываясь на телеграммах полковника Чаплина из Тавриза: [20] 7 декабря в Тавризе вследствие вооруженного сопротивления персидских полицейских исправлению телефона, испорченного, повидимому, намеренно, команда стрелков при офицере принуждена была употребить в дело оружие,

[1] Тел. бланк.

причем было убито два полицейских; на следующий день посланные в город дозоры были во всех пунктах обстреляны из домов и с крыш, вследствие этого дозоры были стянуты в лагерь. А по местам непрекращавшейся стрельбы открыт артиллерийский огонь. Затем, вследствие опасения за участь отдельных команд, находившихся в городе, и полного перерыва всяких сообщений с городом была послана особая колонна, которая с непрерывным боем достигла расположенной в городе роты мингрельцев и вернулась с ними в лагерь, понеся крупные потери. Персы выказывали крайнее упорство, а все дома оказались приспособленными к обороне. Приходилось брать каждый дом под огнем разрывных пуль. [22] 9, [23] 10 и [24] 11 артиллерийская и ружейная перестрелка не прекращалась, и два раза посылались колонны с пулеметами и орудиями для установления связи с консульством; персидский губернатор обращался с просьбой прекратить бой, но персы огня не прекращали. [25] 12 был дан отдых войскам, и действия ограничились обстреливанием ближайших домов города, откуда персы вели попрежнему огонь. [26] 13, по донесениям из Джульфы, в стороне Тавриза слышна редкая орудийная, пулеметная и ружейная стрельба. До сих пор связь с тавризским отрядом не установлена. Я, со своей стороны, при первом же донесении о перерыве сообщения с Тавризом и о слышной там перестрелке, [22] 9 декабря спешно двинул к Тавризу из Эривани 5 стрелковый полк с четырьмя горными орудиями и сотней казаков. Отряд этот, быстро изготовившийся и перевезенный по железной дороге до Джульфы, вчера ночевал в 25 верстах от Тавриза, сделав в два дня 100 верст по глубокому снегу через два горных перевала, и [26] 13 подходил к Тавризу. Вслед затем [23] 10 декабря я приказал двинуть туда же остальные 3 полка второй стрелковой бригады с двумя полевыми батареями и четырьмя сотнями. Этот отряд уже сосредоточивался [26] 13 в Джульфе, а сотни находились в 40 верстах впереди ее. Потери в отряде полковника Чаплина по [24] 11 декабря включительно: убиты второго стрелкового артиллерийского дивизиона поручик князь Вахвахов, Мингрельского полка 34 нижних чина, Лабинского полка 4 казака и Сунженского полка 1. Ранены командир батареи второго стрелкового артиллерийского дивизиона подполковник Гуженицицкий; легко: Мингрельского полка поручик Федоров; тяжело: 1 стрелкового полка прапорщики Гиголов и Шарин и один офицер Сунженского 3 полка, фамилия не выяснена; легко из нижних чинов ранены: 1 стрелкового полка 16, 2 стрелков[ого] Мингрельского полка 24 гренадера, Сунженского полка один казак [1]. Офицеры и нижние чины отряда держатся выше всякой похвалы. В перестрелках и экспедициях принимают участие добровольцами даже. Поранения преимущественно тяжелые, разрывными пулями. Врачебный персонал работает самоотверженно. Обо всем этом свидетельствует полковник Чаплин. Всеподданнейше докладываю вашему императорскому величеству, что беспримерно дерзкое нападение на наш тавризский отряд персов, руководимых, по донесениям, беглыми кавказскими революционерами и подстрекаемых, повидимому, турецкими агентами, требует решительного и сурового возмездия. Всякое промедление и проявление в этом случае излишней гуманности будут истолкованы, как проявление слабости и зависимости нашей от посторонних сильных влияний. Поэтому я предписал начальнику второй стрелковой бригады генералу Воропанову быть решительным в полном подавлении всякого сопротивления и суровым в наложении кары на виновных в пролитии крови русских войск. Граф Воронцов-Дашков. Пятница, [29] 16 декабря № 7888» [2].

Генерал-адъютант барон Фредерикс.

---

[1] Ср. № 264.

[2] Тел. от 13 янв. 1912 г./31 дек. 1911 г. за № 8251 штаб Кавказского воен. округа доносил в строевой отдел главного управления ген. штаба: «Полевые суды в Тавризе пока повесили двадцать человек. Наши потери: убито офицеров — один, нижних чинов — тридцать восемь; ранено офицеров — пять, нижних чинов — сорок шесть; умер от ран — один нижний чин».

№ 287. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Щекину.

·/. Телеграмма № 2171. 30/17 декабря 1911 г.

Сообщается поверенному в делах в Токио.

Ссылаюсь на телеграмму № 2075 [1].

Японский посол на словах сделал мне следующее сообщение:

Японское правительство выражает императорскому правительству искреннюю признательность за согласие действовать вместе с Японией для предложения дружеских услуг заинтересованных держав в видах примирения борющихся в Китае партий. Мысль эта, однако, не встретила единодушного одобрения держав, почему японское правительство берет назад свое предложение и решается выждать дальнейших результатов совершающихся в Китае событий.

Японский посол строго доверительно прибавил, что сказанное предложение было отвергнуто английским правительством, считающим необходимым предоставить китайцам самим решить вопрос о желательной для них форме правления [2].

[Сазонов.]

№ 288. Посол в Берлине министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 110. 30/17 декабря 1911 г.

Получил письмо № 799 [3].

Только-что имел длинный разговор с Циммерманом, временно заменяющим находящегося в отпуску статс-секретаря, которому подробно изложил содержание помянутого письма. Повидимому, Пурталес не успел еще сообщить своему правительству отчета вашего с ним разговора. Но Циммерман отнесся лично вполне сочувственно к вашему предложению, которое и передаст имперскому канцлеру, ожидаемому здесь завтра вечером. Берлинский кабинет, по предположению моего собеседника, не откажется приступить сообща с другими державами к разработке вашего предложения и не будет против предоставления Франции инициативы сообщения воюющим державам проекта о примирении. Однако Циммерман полагает, что одно денежное вознаграждение не явится достаточной компенсацией для Порты в вопросе, затрагивающем достоинство Турции. Имея в виду ваши опасения, что существующее между Германией и Францией соперничество побудило бы . . . . . [4] отложить свое участие в общих шагах европейских держав, я развил Циммерману вашу мысль, что общность предложения устраняет от каждой отдельной державы возможность подвергнуться обвинению в пристрастии по отношению к одной из воюющих сторон. Циммерман вполне усвоил эту точку зрения и полагает, что такой род опасения не остановит германского правительства участвовать в коллективном шаге. На мой вопрос, как отнесся бы берлинский кабинет к мысли, высказанной мне моим турецким сотоварищем о необходимости для Италии дополнить денежную компенсацию уступкой ненужных частей Триполи и Киренаики, Циммерман ответил, что он опасается, как бы Италия не отказалась наотрез от подобной сделки. Кроме того, берлинскому кабинету трудно выступить с предложением, которое могло бы возбудить неудовольствие общественного мнения союзной державы. Турецкий же посол, которого

---

[1] См. № 225.

[2] Ср. № 229. В тел. от 26/13 дек. за № 328 Бенкендорф передавал, что, в связи с появившимися в печати сообщениями из Пекина о намерении Англии и Японии выступить в пользу монархии, «агентство Рейтера с одобрения министерства иностранных дел опубликовало опровержение, в котором говорилось, что усилия британского правительства в согласии с другими державами направлены к оказанию помощи Китаю для образования правительства сильного и получившего одобрение народа».

[3] См. № 275.

[4] В оригинале пропуск. Следует читать: «берлинский кабинет». Ср. № 275.

я видел сегодня, отрицает возможность всякого соглашения, основанного исключительно на денежной сделке. Турецкий посол полагает, что турецкое правительство ни в каком случае не согласится в настоящее время на перемирие, так как оно даже не могло бы пред общественным мнением страны оправдать подобную уступчивость пред столь ничтожными успехами Италии в Триполи. Вообще турецкий посол полагает, что никакие переговоры не приведут к результату при теперешнем итальянском министерстве. Только падение Джиолитти и переход власти в руки новых деятелей, которым было бы легче сознать ошибки предшественников, дало бы возможность Италии вступить на почву компромиссов. Я не премину передать вашему высокопревосходительству результат переговоров Циммермана с имперским канцлером.

Остен-Сакен.

№ 289. Генеральный консул в Шанхае министру иностранных дел.

*/. Телеграмма [1]. 30/17 декабря 1911 г.

Тан Шао-и сообщил мне, что: первое — открыть национальное собрание предполагается в средине января; второе — Сун Ят-сен выбран временным президентом делегатами всех провинций, кроме Чже-цзян и Гань-су, от которых представителя не было.

Гроссе.

№ 290. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Депеша № 44. 31/18 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В настоящее время назрел вопрос о новом болгарском займе.

Как мне объяснили гг. Тодоров и Гешов, болгарская казна желает конвертировать свои 6% займы (главным образом краткосрочные) в $4^1/_2$-процентный долгосрочный заем. Новый заем будет, конечно, значительно превышать старые и именно в таком размере, чтобы уплата процентов и погашений по $4^1/_2$-процентному долгосрочному займу равнялась уплате процентов и погашений по 6% краткосрочным. Разница будет употреблена главным образом на достройку и постройку железнодорожных линий.

В таком виде представили мне дело болгарские министры. Но здесь все уверены,— и я вполне разделяю это мнение,— что вышеупомянутой операцией Болгария не может удовольствоваться и что намеченная конверсия явится лишь первым шагом, за коим должен последовать новый заем. По общепринятому здесь мнению, Болгария в общей сложности, — т. е. и на конверсию, и на покрытие переходящего долга (dette volante), и на чрезвычайные расходы,— нуждается в 200 000 000 франков.

Чрезвычайные расходы, предстоящие Болгарии,— это действительно постройка новых железнодорожных линий (вопрос, которым уже деятельно занимается собрание), а также заготовление весьма большого количества военных снарядов,— ружейных и артиллерийских,— путем покупки за границей и оборудования собственных заводов. Болгарская армия слаба именно своими боевыми запасами. Здесь это отлично сознают и будут всячески стараться найти средства для восполнения этого важного пробела.

Болгария обратится, как и доселе обращалась, прежде всего к французскому кредиту. Но если и на этот раз французские банки и французское правительство потребуют ассигновки специальных средств для уплаты процентов по новому долгу, т. е. скрытого залога, то болгарское правительство снова в этом откажет. Кабинет Гешова—Данева уже и так терпит ожесточенные нападки за свое «туркофильство»; он ни за что не захочет, чтобы его еще

[1] Номер отсутствует.

упрекали в допущении урона национального достоинства при заключении займа, после того как радикальное правительство устроило заем без всяких гарантий в Вене.

Я отлично знаю, по моей предыдущей деятельности, что с французской правительственной стороны уступки сделано не будет, почему и не ходатайствую заранее о поддержке нами в Париже болгарской точки зрения. Я полагаю, что на этот раз болгары устроятся с французскими финансовыми группами иначе, т. е. предоставив им вместо всякого обеспечения — подряды и поставки по постройке железнодорожных линий и по снаряжению армии. При этом, однако, может,— я не скрою,— потерпеть ущерб намеченный нами за последнее время план устройства русского снарядного и патронного завода в Болгарии.

Постараюсь изучить совместно с полковником Романовским финансовую сторону этого вопроса в связи с предстоящим болгарским займом, дабы оградить, если только возможно, область военного снаряжения Болгарии от захвата европейскими,— хотя бы даже и французскими,— финансистами.

Примите и пр. Н е к л ю д о в.

№ 291. Посланник в Софии посланнику в Белграде Гартвигу.

Письмо. 31/18 декабря 1911 г.

М. г. Николай Генрихович,

Я имел честь получить ваше письмо от [28] 15 декабря [1]. Вы начинаете его следующим образом:

«Я, конечно, не допускаю и мысли, чтобы моя ответная телеграмма[2] могла вас обидеть. Если вы, положа руку на сердце, спокойно перечитаете вашу *деловую шифрованную* телеграмму [3], то, несомненно, признаете, что другого ответа на нее нельзя было ожидать. В течение *двух с половиной* лет я прилагал все свои знания, чтобы склонить Сербию к соглашению с Болгарией, боролся со всеми препятствиями, сглаживал тысячи недоразумений, возникавших с обеих сторон, давая этому делу, по крайнему моему разумению, такое направление, которое встречало полное одобрение министерства и, строго говоря, искреннее сочувствие как в Белграде, так и в Софии. И вдруг, так сказать, dans le moment suprême [4], неожиданно получаю от вас нечто вроде категорического *предписания* подчиниться вашим указаниям. Верьте, я не толкую вашей телеграммы, а беру ее так, как она есть: *через сербского агента* в Софии вы даете *свои* настоятельные советы (весьма категорические), а мне прямо предлагаете *безотлагательно* поддержать здесь *вашу* точку зрения.

Но, оставляя даже в стороне всю *конструкцию* этой телеграммы (кстати, сегодня я получил от Сазонова телеграмму, заключающую просьбу черногорского короля для одного воздействия здесь; министр заканчивает: если *считаете возможным, благоволите* оказать и т. д.), добрейший Анатолий Васильевич, как вы хотите...»

Говоря таким образом, вы представляете дело в совершенно неправильном освещении, а именно, как будто бы настоящая минута есть результат непрерывной работы вашей на дело сербо-болгарского союза. Это совершенно не так. В начале прошлого года никто об этом союзе и не говорил, и между Софией и Белградом царило обычное отчуждение. Только со вступлением во власть кабинета Гешова и Данева [5] оживились надежды на возможность сближения, и начало новым переговорам положено было из Софии в половине сентября с. г. болгарским кабинетом.

---

[1] Указанное письмо Гартвига исчерпывающе изложено в публикуемом документе.
[2] См. № 245.
[3] См. стр. 229, прим. 2.
[4] «в последний момент».
[5] Коалиционный кабинет Гешова—Данева был образован в марте 1911 года.

За время переговоров, ведшихся с тех пор, Спалайкович весьма часто со мной советовался, и я откровенно высказывал ему мою точку зрения, которая всегда была известна министерству из моих последовательных телеграмм и донесений; я совершенно определенно и неоднократно высказывал ее и вам. А Спалайкович передавал ее Миловановичу.

Напоследок, т. е. в моей телеграмме от [20] 7 декабря [1], дело шло, как вы отлично знаете, лишь об одном пункте, а именно о разграничении на восток от Вардара. Здесь я советовал сербам в лице Спалайковича проявить известную уступчивость ради достижения высшего результата. Я имел и имею все основания предполагать, что вы не давали противоположных сему советов. Поэтому я позволил себе «усиленно просить» вас поддержать мои советы Спалайковичу перед Миловановичем, ибо иначе эти советы не имели бы цены. Я прибавил слово «безотлагательно», дабы выразить спешность минуты. Я не прибавил слов «благоволите» и «если признаете возможным», так как был уверен, что если вы не признаете этого возможным, то, очевидно, и не сделаете, именно потому, что я не ваш начальник и что мои «усиленные просьбы» никакой обязательности для вас не имеют и иметь не могут.

Вы продолжаете:

«... Добрейший Анатолий Васильевич, как вы хотите, чтобы я поддерживал вашу точку зрения, которую вы официально и в частных письмах ко мне столь *категорически* противополагали моей? Ведь вы, конечно, помните, как вы выразились в письме ко мне от [25] 12 ноября [2]: «Во избежание всяких *недоразумений* (?) считаю *долгом заявить* (это говорится так в частном письме!) вам, что по вопросу о статье соглашения, предвидящей наступательные против Турции действия,— *я остаюсь при прежнем моем мнении*. Подобная статья *ни в коем виде и ни в какой редакции*, по-моему, *не допустима*». Официально, в донесениях министерству вы находили крайне *опасным* допускать вообще третью и четвертую статьи и полагали возможным подвести проект *сербо-болгарского соглашения* под трафарет *балканской федерации*!!!

Я всеми силами возражал против этого, доказывая, что исключение третьей и четвертой статей равносильно крушению дела, над которым и Сементовский, и я много поработали. Министерство согласилось со мною» [3].

Я действительно был против включения в соглашение особой статьи, предвидящей наступательные против Турции действия. И в тех инструкциях, которые получал я из министерства, всякий раз высказывалось желание ограничить соглашение двумя пунктами: 1) единение против постороннего нападения и для защиты status quo и 2) распределение сфер влияния в Македонии. Я решительно не могу поверить, чтобы инструкции, которые получали вы, отличались от тех, которые получал я, за это ручаются мне высокая порядочность и испытанное благоразумие А. А. Нератова.

В частности, ваше утверждение, что я «полагал возможным подвести проект сербо-болгарского соглашения под трафарет балканской федерации», тем более меня удивляет, что в письме моем к А. А. Нератову [4], которое я вам переслал в черновике через Штрандтмана, я именно высказывался, — и весьма категорично,— против бескостной идеи «балканской федерации».

Вы говорите далее:

«А в деле распределения сфер? Ведь вы ради болгар собирались даже

---

[1] См. стр. 229, прим. 2.

[2] См. № 98.

[3] Письмом от 12 янв. 1912 г./30 дек. 1911 г. Неклюдов запрашивал Сазонова, действительно ли, как писал Гартвиг, статья о наступательных действиях против Турции одобрена м-вом. «Если сербо-болгарское соглашение осуществится, — писал далее Неклюдов, — то, разумеется, мы получим на Балканах определенную и сильную позицию; а Австрия должна будет эту позицию брать с боя. Это большой плюс в нашу пользу и в пользу «старо-славянской» идеи». По мнению Неклюдова, Сербия и Болгария «будут испытывать значительно большее искушение начать действия против Турции по собственному почину и нам нужно будет зорко смотреть за тем, чтобы они не впутали нас в события раньше времени».

[4] Ср. № 97.

из-за Ускюба «буркалы царапать»? [1] Болгары оказались значительно уступчивее вас. К сожалению, они до сих пор продолжают попросту *торговаться*. Когда я стою за точку зрения белградского правительства, то я поддерживаю *вовсе не сербские интересы*, а *чисто русские*. Объяснение этому вы найдете в моих телеграммах и депешах».

Если перевести эту фразу на общепринятый язык, то это значило бы, что я хотел настаивать на уступке Ускюба болгарам. Это утверждение совершенно произвольно: я *не ожидал*, чтобы болгары уступили Ускюб, и очень был бы рад увидеть, что я ошибался. Но и до сих пор *торг* болгар относительно разграничения на восток от Вардара сводится именно к высотам, командующим Ускюбом, т. е. к фактическому господству над дорогой Кюстендиль—Куманово — Ускюб. Болгарам я все время в вопросе разграничения советовал и советую настойчиво уступчивость. Для меня, равно как, надеюсь, и для вас, дело шло не об успехе болгар или сербов, а об успехе дела, которое у нас рассматривается как отвечающее интересам России.

Исполняя по отношению к этим интересам весь мой долг и работая на них по мере сил и уразумения, я черпаю в сознании исполненного долга то беспристрастие и то спокойствие, с коими подобает прежде всего относиться не только к противоположному мнению, но и к необоснованным нареканиям.

Примите и пр. А. Неклюдов.

P. S. Вы доканчиваете ваше письмо так:

«Так и теперь Спалайкович везет *крайние, последние* предложения. Было бы в высшей степени желательно, *чтобы болгары его приняли*. Милованович взял ответственность на себя: вопрос касается *небольшого клочка*, но важного не только для Сербии, но и для славянского дела со стратегической точки зрения. Если болгары отклонят, переговоры рухнут и тяжкая вина падет *исключительно на Болгарию*.

Вот как я думаю.

Спалайкович расскажет вам кое-какие подробности.

До свидания. Еще раз выражаю надежду, что наша телеграфная переписка не будет вами превратно истолкована».

На это я вам ответил шифрованным письмом от [29] 16 декабря с. г., гласящим так:

«Получил ваше личное письмо через Спалайковича, который прочел мне последние инструкции Миловановича, сообщенные вами, как Спалайкович мне передал, вчера по телеграфу в Петербург.

Я телеграфировал министру, что считаю эти инструкции целесообразными [2] и предлагаемую ныне сербами черту разграничения вполне справедливой и удобоприемлемой для болгар» [3].

Ut in litteris А. Неклюдов.

---

[1] В письме от 3 июня/21 мая 1911 г. Неклюдов, отвечая Гартвигу на выраженное последним желание приехать в Софию для переговоров с Гешовым по серб. вопросу, между прочим писал: «Я сам буду очень счастлив вас увидать своим гостем и присутствовать при ваших словопрениях с болгарами. Но только предупреждаю вас заранее: Ускюба мы вам ни под каким видом не отдадим; нам нужна линия и дороги Кюстендиль — Куманово — Ускюб для проникновения в долину Вардара; вы ведь нам горы южнее Эгри-Паланки не раздвинете, а одной Струмой мы ни в жисть не удовлетворимся. И всякий раз, как будет произноситься слово «Ускюб», мы с вами будем цепляться друг другу в волоса и даже в буркалы!»

[2] См. стр. 258, прим. 1.

[3] При письме от 31/18 дек. Неклюдов препроводил Сазонову всю свою переписку с Гартвигом (см. №№ 98, 245 и публикуемый документ). В том же письме Неклюдов сообщал, что Пашич является противником сербо-болг. соглашения и настаивает на распространении серб. сферы влияния возможно дальше на юг. «Пашич, как я доподлинно знаю, оттого так дорожит Македонией, что весьма плохо верит в возможность для сербов поглотить и переварить целый албанский край и через таковой проникнуть к Адриатике. Это говорит в пользу рассудительности Пашича, но отнюдь не в пользу его славянского энтузиазма и послушания нашим желаниям и советам». Далее Неклюдов писал: «В Белграде — Пашич; здесь — военная партия, к коей чутко прислуши-

№ 292. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Депеша № 78. 31/18 декабря 1911 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На секретном совещании, созванном председателем совета министров для обсуждения нынешнего фазиса сербо-болгарских переговоров, обнаружилось довольно резкое разногласие в оценке последних предложений софийского кабинета. Пашич, министр финансов Протич и военный министр Степанович категорически настаивали на сохранении в полной неприкосновенности ранее выработанного ими проекта распределения сфер [1], находя, что председателем совета уже и без того сделаны Болгарией [2] значительные уступки, на которые они, при других политических обстоятельствах, никогда не дали бы своего согласия. Препирательства между Пашичем и Миловановичем приняли весьма острую форму: лидер радикалов упрекал министра иностранных дел в чрезмерной податливости, которую широко использовали болгары, предъявляя все новые и новые требования, отводя сербские исторические притязания до крайнего минимума, в ущерб прямым интересам сербов Македонии и Старой Сербии. Подобную политику попустительства Пашич считал тем более опасной, что она в конечном результате отвечала лишь затаенным планам короля Фердинанда, мечтающего, в угоду Австрии, лишить Сербию твердой опоры на Балканах. Он доказывал, что при первоначальном обмене взглядов с Ризовым, Людскановым и даже Гешовым ясно выступало согласие болгар на раздел сфер влияния по сю и другую сторону Вардара в более выгодном для сербов смысле. Весьма сильным доводом в подкрепление рассуждений Пашича служит, между прочим, и отмеченное им настойчивое стремление болгар исключить из проекта соглашения статью о русском верховном арбитраже, который, по их понятию, очевидно, должен был бы сказаться далеко не в пользу чрезмерных притязаний Болгарии.

Возражая Пашичу, Милованович, само собой разумеется, мог только сослаться на высшие политические соображения, побуждающие Сербию воспользоваться благоприятной минутой, чтобы покончить старые недоразумения с Болгарией, установить общность взглядов на дела балканской политики и, в полном единении с ней, стать на защиту взаимных интересов от каких бы то ни было покушений извне.

В этих видах председатель совета министров считал необходимым, в согласии с общими указаниями императорского правительства, явить новое доказательство искренней готовности Сербии притти к соглашению с Болгарией принятием гешовского варианта разграничительной черты сфер влияния [3] с теми изменениями однако, которые военным ведомством признаются существенно важными со стратегической точки зрения. Милованович доказывал бесполезность препирательств из-за того или иного направления демаркационной линии в северо-восточной части Македонии, где для Сербии значение представляют лишь горные хребты у Овче Поля, как естественная защита пути на Ускюб, отходящий в сербскую сферу влияния.

В заключение председатель совета министров заявил на совещании, что он берет на свою личную ответственность выработку новых предложений софийскому правительству, как крайней и последней уступки со стороны Сербии. В случае отказа Болгарии принять эти предложения Милованович сочтет своим долгом, прервав дальнейшие переговоры, подать прошение об отставке.

Сербскому посланнику в Софии Спалайковичу, участвовавшему на совещании, даны были в вышеуказанном смысле инструкции, сущность коих

вается (ибо опасается ее) король Фердинанд; и тут и там — оппозиция, упреков коей все-таки боится правительство. Вот элементы, противные осуществлению соглашения».

[1] См. № 145.

[2] Так в оригинале. Следует читать: Болгарии.

[3] См. т. XVIII, № 829.

мной сообщена была на усмотрение вашего высокопревосходительства в секретной телеграмме моей от [28] 15 декабря за № 198 [1].

Как я имел честь упомянуть в этой телеграмме, Милованович убедительно просил меня ходатайствовать о милостивой поддержке императорским правительством сербских предложений в Софии, где, быть может, не отдают себе отчета в том, что предъявление со стороны Болгарии новых требований неминуемо поведет к полному крушению почти уже налаженного дела сербо-болгарского соглашения.

Я не преминул также высказать по телеграфу соображения, которые побуждают меня горячо поддержать перед вашим высокопревосходительством ходатайство председателя совета сербских министров.

В заключение почитаю долгом сообщить не лишенную интереса подробность, которую доверительно поведал мне сербский посланник в Софии Спалайкович: тотчас по возвращении своем из недавней поездки в Вену король Фердинанд [2], неожиданно для всех, стал высказывать интерес к делу соглашения с Сербией. Уже в донесении моем за № 74 [3] упоминалось, что его величество поспешил одобрить в принципе выработанный проект секретной конвенции и выразил готовность подписать ее, как только по отдельным статьям ее будет достигнуто полное согласие. Перемена эта особенно поразила Гешова, который вскоре нашел и ключ к загадке; как оказалось, король Фердинанд был крайне встревожен ходившими в Вене слухами о миссии графа Берхтольда и о предстоящем будто бы сближении между Россией и Австрией на почве балканской политики. Полагая, что при таковом обороте дела Болгария не может впредь рассчитывать на тайную поддержку Австро-Венгрии, король решил, что самая элементарная предусмотрительность обязывает его искать опоры в союзе с Сербией для осуществления национальных задач на Эгейском море. Спалайковичу рассказал об этом сам Гешов.

Примите и пр. Ник. Гартвиг.

№ 293. Министр иностранных дел посланнику в Софии Неклюдову.

Телеграмма № 2182 [4]. 1 января 1912 г./19 декабря 1911 г.

Сообщается в Белград.

Получил № 103 [5].

Осведомившись через Гартвига о преподанных Спалайковичу последних инструкциях [6], очень надеемся, что ввиду, с одной стороны, крайней ничтожности желаемой сербами прирезки против последнего болгарского проекта и удовлетворения взаимных домогательств в остальном, а, с другой стороны, важности преследуемой задачи и благоприятности настоящей минуты, обе державы поспешат притти к соглашению между собой на основании последнего сербского предложения.

[Сазонов.]

№ 294. Консул в Реште министру иностранных дел.

Телеграмма № 372. 1 января 1912 г./19 декабря 1911 г.

Копии в Тегеран и Тифлис [7].

Во избежание ошибки, ввиду неточности последних предписаний, прошу указаний, как поступить с лицами, уже арестованными и высланными в Баку, из коих, полагаю, только трое действовали оружием против войск,

[1] См. № 277.
[2] См. № 165.
[3] См. № 228.
[4] Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 17.
[5] См. стр. 258, прим. 1.
[6] См. № 277.
[7] Публикуемая тел., очевидно, была послана Некрасовым Поклевскому за № 373 и Воронцову-Дашкову за № 374. Ср. стр. 300, прим. 4, и № 332.

4-й и 5-й подстрекали, роль же остальных в нападении не выяснена точно; удаление их было необходимо для водворения спокойствия; как поступить с лицами, арестованными и находящимися сейчас в Реште, из коих один действовал в толпе, нападавшей на наш патруль, и осмелился поносить высочайшее имя и получил штыковую рану, о котором, однако, неизвестно, имел ли он оружие или нет, участие же другого не вполне доказано; как поступить с лицами, участие коих в нападении известно, но которые еще не арестованы; как поступить с лицами, не принимавшими непосредственного участия в нападении, будучи, например, только его организаторами или пособниками; как поступать с лицами, не замешанными в нападении, но опасными для спокойствия и известными своей недоброжелательностью к русским, в частности, с братьями и членами шайки Керим-хана, захват которых в ближайшем будущем вполне возможен и за некоторыми из коих уже послана погоня? Лиц, взятых с оружием в руках при нападении на войска, в Реште не оказалось: они были убиты или скрылись. Применима ли такая суровая мера, как полевой суд, к лицам, не захваченным на месте преступления с оружием в руках? Распространяются ли меры, применяемые к персам, и на других иностранно-подданных? Если да, то в каких случаях? Следует ли прекратить обыски, открывающие новые склады оружия у частных лиц, и отказаться ли от права конфискации уже известных складов оружия? Должны ли наши войска отнестись пассивно к каким-либо сборищам на улицах или вблизи города?

Некрасов.

№ 295. Министр иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 2191. 2 января 1912 г./20 декабря 1911 г.

Сообщается в Белград.

Ввиду сильного возбуждения, произведенного в Старой Сербии избранием на призренскую митрополию архимандрита Дожича, пользующегося самой плохой репутацией, сербское правительство ходатайствует о нашем содействии к неутверждению этого избрания патриархией [1]. Благоволите оказать просимое содействие, указав патриархии на несомненный вред для обаяния православной церкви от подобных иерархов и вызываемых ими настроений в среде православных общин.

Благоволите также объясниться с сербским посланником о непригодности и кандидатуры Раденковича и обсудить с ним возможность других кандидатур, каковые и поддержать, если нужно, пред патриархией [2].

Сазонов.

---

[1] Деп. от 19/6 дек. за № 75 Гартвиг сообщал Сазонову: «Еще недели за две до официального опубликования [18]5 марта сего года отставки высокопреосвященного Никифора консул наш в Призрене телеграммой уведомил меня, что местные сербы крайне взволнованы известием о выдвинутой кандидатуре на Рашско-Призренскую кафедру презираемого ими архимандрита Гавриила Дожича, известного, будто бы, лишь отрицательными качествами и проникнутого враждебными чувствами к России. На запрос мой, обращенный по сему поводу к сербскому правительству, министр иностранных дел Милованович просил меня через наших консулов успокоить сербов Македонии и Старой Сербии, категорически уверяя, что кандидатура Дожича не пройдет, выражая полную надежду на то, что патриархия утвердит кандидата королевского правительства архимандрита Богдана Раденковича, окончившего духовную академию в России». «Между тем, — указывал далее Гартвиг, — к общему удивлению и негодованию здесь получено на-днях известие о состоявшемся назначении Рашско-Призренским митрополитом именно ненавистного сербам архимандрита Дожича, состоявшего, как оказывается, кандидатом черногорского правительства». В заключение Гартвиг отмечал, что, по полученным в Белграде «самым достоверным сведениям, кандидатура архимандрита Дожича, брата черногорского министра юстиции, проведена была исключительно под давлением австро-венгерского посольства в Константинополе».

[2] Тел. от 2 янв. 1912 г./20 дек. 1911 г. за № 161 Арсеньев передавал Сазонову просьбу короля черногорского, чтобы росс. пос-во в К-поле «оказало содействие к ускорению выдачи берата черногорцу Дожичу, избранному митрополитом призренским». В ответ на эту тел. Сазонов телеграфировал Арсеньеву 4 янв. 1912 г./22 дек. 1911 г.

№ 296. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

·/. Телеграмма № 2194 [1]. 2 января 1912 г./20 декабря 1911 г.

Сообщается послу в Лондоне и консулу в Тавризе.

Телеграмма [31] 18 декабря получена [2].

Великобританский посол, по поручению Грея, просит, чтобы в случае занятия Шоджа-эд-Доуле Тавриза ему было внушено не провозглашать там Мохамед-Али-шаха [3].

Со своей стороны считаем это более приемлемым, чем предложение Барклая побудить Шоджа притти предварительно к соглашению с персидским правительством. Воспротивиться вступлению в город Шоджа, приглашаемого самим населением, страдающим давно от безвластия, мы не могли бы без явного нарушения принципа невмешательства во внутренние дела. Но мы не видим необходимости признавать его формально азербайджанским генерал-губернатором. Миллер и без такого признания может сноситься с ним,— как некогда с Саттаром,— как с фактической местной властью. Миллер мог бы внушить Шоджа, чтобы он воздержался от торжественного провозглашения Мохамед-Али. В случае вступления Шоджа в город, казалось бы полезным предупредить его, что поддержание порядка в городе и производство карательных действий за минувшие беспорядки мы оставляем за собой и что, во избежание недоразумений, ему лучше не вводить в город свои войска, кроме разве небольшого личного конвоя. Впрочем, этот вопрос лучше предоставить решению Миллера сообразно с местными условиями [4].

Отвечаем Бьюкенену в означенном выше смысле.

Благоволите снабдить соответствующими указаниями Миллера.

[Сазонов.]

№ 297. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 339 [5]. 2 января 1912 г./20 декабря 1911 г.

Après avoir pris connaissance des dernières litographies persanes contenues dans l'expédition, crois devoir, en me référant à mon télégramme d'hier [6],

---

за № 2204: «Имея самые неудовлетворительные отзывы о личности Дожича, мы поручили Чарыкову воспрепятствовать утверждению избрания Дожича, коему противится и Порта. Впрочем, мы не сочувствуем также и кандидатуре Раденковича».

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 396, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[2] Тел. от 31/18 дек. (без номера) Поклевский сообщал Сазонову, что, по словам Барклая, Шоджа-эд-Доуле собирается занять Тавриз. Указав «на тягостность впечатления, которое будет произведено в Англии фактом занятия Шоджа Тавриза и провозглашения там Мохамед-Али шаха», Барклай спрашивал, нельзя ли, прежде чем Шоджа вступит в Тавриз, взять с него обязательство притти предварительно к соглашению с перс. прав-вом. Тел. от 2 янв. 1912 г./20 дек. 1911 г. за № 1319 Поклевский передал Сазонову просьбу Восуг-эд-Доуле не допускать Шоджа-эд-Доуле в Тавриз. Сообщая далее, что из слов м-ра можно заключить, что «в случае наших настояний правительство будет готово примириться с Шоджа и вновь назначить его губернатором в Марагу», Поклевский извещал Сазонова о вероятном назначении Сепехдара генерал-губернатором Азербайджана.

[3] Тел. от 1 янв. 1912 г./19 дек. 1911 г. за № 336 Бенкендорф передал Сазонову, что, по поручению Грея, Маллет накануне заявил ему, что признание Шоджа-эд-Доуле губернатором Тавриза вызовет осложнения и что Россия и Англия должны принять меры к их предотвращению.

[4] В тел. от 3 янв 1912 г./21 дек. 1911 г. за № 790 Миллер сообщал Сазонову, что, «уступая настойчивым просьбам всех классов населения, Шоджа-эд-Доуле торжественно въехал вчера в Тавриз, приветствуемый огромными толпами народа». Тел. от 4 янв. 1912 г./22 дек. 1911 г. за № 796 Миллер добавлял, что Шоджа-эд-Доуле не провозгласит Мохамед-Али-шаха и будет поступать во всем согласно указаниям росс. прав-ва.

[5] Опубл. Siebert, II, S. 271, № 543.

[6] Тел. от 1 янв. 1912 г./19 дек. 1911 г. за № 337 (опубл. Siebert, II, S. 270, № 542) Бенкендорф сообщал Сазонову, что редакторы нескольких больших газет, поддерживающих англо-русское соглашение, в том числе газеты «Times», выразили Маллету свои опасения, что репрессии росс. прав-ва в Персии произведут в Англии плохое впечатление.

signaler à neuf que si les représailles sanglantes purement militaires dépassaient les extrêmes limites, une commotion publique ici ne serait pas maîtrisable. La situation du consul anglais à Shiraz continue à être extrêmement critique. Un massacre d'anglais qui serait résultat d'effervescence occasionnée par nos mesures de répression créerait une situation très grave. Cette hypothèse pourrait peut-être s'appliquer à tous les lieux en Perse ou résident des étrangers sans protection armée ni russe, ni anglaise. Ce qui précède m'est inspiré par le télégramme du comte Woronzoff du 24/11 décembre № 7785 [1] et par les observations qui me paraissent éminemment sages contenues dans le télégramme du président du Conseil du [24] 11 décembre № 2119 [2].

Benckendorff.

Перевод.

Ознакомившись с последними персидскими литографиями, полученными с дипломатической почтой, считаю долгом, ссылаясь на свою вчерашнюю телеграмму, снова указать, что если чисто военные кровавые репрессалии перейдут за крайние пределы, то здесь будет невозможно сдерживать общественное возбуждение. Положение английского консула в Ширазе продолжает быть крайне критическим. Избиение англичан, которое явилось бы результатом возбужденного состояния, вызванного нашими репрессивными мерами, создало бы очень серьезное положение. Эта гипотеза может быть применена ко всем пунктам Персии, где иностранцы проживают, не пользуясь защитой русской или английской армии. Изложенное приходит мне на ум под влиянием телеграммы графа Воронцова от 24/11 декабря, № 7785, и замечаний, содержащихся в телеграмме председателя совета от [24]11 декабря, № 2119, которые представляются мне исключительно разумными.

Бенкендорф.

№ 298. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 1322 [3]. 2 января 1912 г./20 декабря 1911 г.

Министр иностранных дел сказал мне, что шахское правительство, приняв ультиматум, рассчитывает теперь на наше содействие и будет, вслед за разрешением вопроса о преемнике Шустера, просить нас о займе и о денежном авансе. Министр указал также на необходимость для Персии приобрести оружие и желание ее руководствоваться в этом вопросе исключительно соображениями экономии. По его словам, правительству теперь предлагают ружья германской армии предпоследнего образца, коими вооружены в Германии резервы, по 18 марок за штуку. Восуг-эд-Доуле спросил меня, можем ли мы отпустить какие-либо ружья, равнокачественные с упомянутыми немецкими и приблизительно за ту же цену. Он выразил надежду, что в противном случае мы не откажем шахскому правительству в транзите оружия.

Поклевский.

№ 299. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 1323 [4]. 2 января 1912 г./20 декабря 1911 г.

Получил №№ 2156 [5] и 2168 [6].

Мирное население, повидимому, не принимало участия в последних событиях ни в Тавризе, ни в Реште. Если бы все-таки решено было подвергать его денежным взысканиям, то осуществить последние будет крайне затруднительно помимо шахского правительства. По поводу возможного

[1] См. № 259.
[2] См. стр. 237, прим. 1.
[3] Опубл. Ор. кн., стр., 397, со стилистическими изменениями.
[4] Опубл. Ор. кн., стр. 395, с сокращениями и стилистическими изменениями.
[5] См. № 279.
[6] Тел. от 30/17 дек. за № 2168 Сазонов, ссылаясь на тел. Нератова за № 2128 (см. стр. 239, прим. 4), предписывал Поклевскому: «Благоволите сообщить ваше заключение по вопросу о денежных взысканиях с населения и относительно практического осуществления этой меры».

скорого отозвания казвинского отряда позволяю себе высказаться за несвоевременность подобной меры. В Тегеране, правда, пока царит полное спокойствие, несмотря на то, что агитация демократов против нас и кабинета продолжается, и неизвестно, решится ли правительство на крутые меры в случае ухудшения положения. Вследствие сего представляется желательным несколько повременить с дальнейшим отозванием хотя бы части казвинского отряда и выждать, пока не выяснится, какое впечатление произведут на здешнее население принимаемые нами в Тавризе и Гиляни меры.

Поклевский.

Я решительно против немедленного отозвания каких бы то ни было наших отрядов из Персии. Сообщите председателю совета министров.

Царское Село, [3 января 1912 г.] 21 декабря 1911 г.

№ 300. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо [№ 812][1]. 3 января 1912 г./21 декабря 1911 г.

Посол в Константинополе в депеше от 14/1 декабря с. г. № 127, в литографии уже препровожденной к вашему превосходительству, излагает содержание разговора, недавно происходившего между турецким министром общественных работ Хулусси-беем и представителем Самсун-Сивасского синдиката г. Ламорне по вопросу о строительной деятельности названного синдиката [2].

Предлагая г. Ламорне расширить объем предпринимаемых синдикатом предварительных изысканий, каковые должны быть приведены в ясность в феврале наступающего года, Хулусси-бей вместе с тем высказывал опасения, что осуществление малоазиатских линий будет затруднено «новейшими домогательствами» России [3].

В этих словах министра нельзя не усмотреть сознания того затруднительного положения, в котором находится Турция в отношении железнодорожного строительства в Малой Азии, пока существует в нынешней форме соглашение 1900 года.

Как вы припомните, замена этого соглашения «более подходящим к изменившимся условиям договором» составляла основу переговоров, порученных гофмейстеру Чарыкову в минувшем сентябре, но тема эта была оттеснена на второе место вопросом о Проливах, неожиданное оглашение коего побудило меня пока совершенно прекратить эти разговоры [4]. Императорскому посольству в Константинополе, таким образом, довольно затруднительно вновь приступать к вопросу о железнодорожном соглашении.

Между тем в ясной постановке его ближайшим образом заинтересованы французские финансовые и промышленные сферы и, в частности, Самсун-Сивасский синдикат.

Ввиду сказанного и по смыслу V пункта протокола, подписанного гофмейстером Чарыковым и г. Бомпаром [5], нам казалось бы весьма уместным,

---

[1] Маш. копия. В оригинале номер отсутствует. Как видно из других документов, это письмо имело № 812. Ср. №№ 417 и 515.

[2] В деп. от 14/1 дек. за № 127 Чарыков сообщал Нератову, что Хулусси-бей предложил Ламорне, сверх уже предоставляемых синдикату железных дорог, взять также продолжение линии Самсун — Сивас — Харпут на Диарбекир и Мардин до смычки этой линии со строящейся Багдадской дорогой. Кроме того, синдикату предложена ветвь от Харпута к Битлису и озеру Ван. «Ламорне, — сообщал далее Чарыков, — ответил согласием произвести изыскание этих линий, но лишь на счет турецкой казны».

[3] В той же деп. (см. прим. 2) Чарыков писал, что Ламорне на такое заявление Хулусси-бея «отозвался незнанием». Чарыков указывал Нератову на необходимость для ограждения русских интересов «выяснить до февраля взаимное отношение русского и турецкого правительств по отношению к малоазиатскому железнодорожному вопросу».

[4] См. № 207.

[5] Имеется в виду протокол, подписанный Чарыковым и Бомпаром в апреле 1911 г., пункт V которого устанавливал, что при переговорах с турец. прав-вом о постройке жел. дорог к востоку от Сиваса франц. прав-во должно получить предварительное согласие России. См. т. XVIII, приложение к № 202.

*

чтобы французское правительство, с своей стороны, побудило Порту, определивши ясно свои desiderata в вопросе о железнодорожном строительстве в Малой Азии, сообщить их гофмейстеру Чарыкову либо непосредственно, либо через французского посла и тем содействовать устранению тех «затруднений со стороны России», возникновения коих, повидимому, опасаются турецкие министры.

Со стороны Франции такой образ действий вполне вытекал бы из наших взаимных отношений и послужил бы, кроме того, к урегулированию вопроса, в котором французские капитал и труд значительно заинтересованы.

Прошу ваше превосходительство воспользоваться первой возможностью для объяснений с французским правительством по изложенному вопросу и о результате разговоров ваших поставить меня в известность.

[Сазонов.]

№ 301. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 341 [1]. 3 января 1912 г./21 декабря 1911 г.

Mallet m'a montré confidentiellement télégramme de Barclay au sujet exécution Sikat ul Islam [2]. Barclay exprime sa consternation. Il dit que spécialement vénéré dans grande partie de Perse, exécution constitue catastrophe d'importance si majeure qu'il est impossible d'en prévoir toutes les conséquences. Il croit chute du Cabinet inévitable. Nouvelle publiée ici ce matin. «Times» consacre article de fond à toute la situation à Tabriz y compris cette exécution. Article comme jusqu'ici nous est favorable, mais avec réserve sur cette exécution. Je crois qu'impression opinion publique sera défavorable et créera difficultés. Atteinte au fanatisme religieux est ce qu'on redoute le plus ici [3].

Benckendorff.

Перевод.

Маллет доверительно показал мне телеграмму Барклая по поводу казни Сикат-оль-Ислама. Барклай выражает свое огорчение. Он говорит, что казнь лица, особо чтимого в большей части Персии, представляет собою катастрофу такого выдающегося зна-

[1] Опубл. Siebert, II, S. 272, № 544.

[2] Тел. от 6 янв. 1912 г./24 дек. 1911 г. за № 806 (опубл. Ор. кн., стр. 406, с сокращениями и стилистическими изменениями) Миллер сообщал Сазонову, что «зловредная и опасная не только для нас, но и всего мирного населения деятельность главы секты шейха Сикат-оль-Ислама», проповедывавшего истребление русских, «сделала смертный приговор необходимым, тем более, что, как видно из найденной при Сикате телеграммы, ни он, ни энджумен не исполнили приказа Тегерана прекратить нападения на русских и истязания». «Мною приняты, — заканчивал Миллер, — все меры к суровому, но справедливому возмездию за вероломное нападение на наши войска». На этой тел. имеется помета Николая II: «Это меня вполне удовлетворяет. Царское Село, [7 января 1912 г.] 25 декабря 1911 г.».

[3] В тел. от 4 янв. 1912 г./22 дек. 1911 г. за № 342 (опубл. Siebert, II, S. 272, № 545) Бенкендорф, сообщая Сазонову, что репрессивные меры, принятые в Тавризе, угрожают затмить предшествовавшие им и вызвавшие нападения на русские войска, указывал: «Созываемый на 15 января [нов. ст.] митинг в Лондоне примет более значительные размеры, чем до сих пор». Для ослабления враждебной России агитации Бенкендорф советовал опубликовать в официозной газете «Россия» документальные данные о беспорядках в Тавризе и об оскорблениях русских солдат. На этой тел. имеется помета Николая II: «Нервность англичан начинает мне надоедать. Царское Село, [5 января 1912 г.] 23 декабря 1911 г.». В ответ на публикуемую тел., а также на тел. Бенкендорфа № 339 (см. № 297), Сазонов телеграфировал Бенкендорфу 4 янв. 1912 г./22 дек. 1911 г. за № 2206 (опубл. Ор. кн., стр. 399, с сокращениями и стилистическими изменениями, и Siebert, II, S. 273, № 546): «Русское общественное мнение, по справедливости, глубоко возмущено ужасающими зверствами, совершенными над нашими солдатами в Тавризе, хотя, во избежание чрезмерного возбуждения умов, мы и воздержались от опубликования многих возмутительных подробностей. С этим обстоятельством мы не можем не считаться, и суровая расправа с виновниками последних событий в Тавризе и Реште является неизбежной. При этом кара может коснуться и духовных лиц, вроде Сикат-оль-Ислама. Однако примеры казни подобных лиц бывали и в Персии и в Турции. Благоволите в этом смысле высказаться перед великобританским правительством».

чения, что невозможно предвидеть все ее последствия. Он считает, что падение кабинета неизбежно. Это известие опубликовано здесь сегодня утром. «Times» посвящает обстоятельную статью всему положению в Тавризе, включая и эту казнь. Статья, как и до сих пор, благоприятна нам, но с оговоркой относительно этой казни. Считаю, что впечатление на общественное мнение будет неблагоприятным и создаст трудности. Действия, затрагивающие религиозный фанатизм, являются как раз тем, чего здесь опасаются больше всего.

Бенкендорф.

№ 302. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Письмо. 3 января 1912 г./21 декабря 1911 г.

Monsieur le Ministre,

En l'absence de Sir E. Grey je me suis rendu aujourd'hui chez Mr. Mallet pour lui parler du contenu de la lettre que vous avez bien voulu m'adresser en date du [28] 15 décembre № 799 [1] au sujet d'un projet d'intervention dans le conflit actuel entre la Turquie et l'Italie.

Dès que je lui fis connaître le but de ma visite Mr. Mallet me dit qu'un télégramme à ce sujet avait été reçu de Sir G. Buchanan et que Sir Edward y avait déjà répondu [2]. Il me fit lecture de cette réponse. Je fis observer à Mr. Mallet que je craignais que Sir Edward n'ait pas saisi tout à fait exactement la nature de la proposition de votre excellence.

Tout d'abord Sir Edward revient à son opinion que, faute de base précise acceptée par l'une et l'autre Puissance belligérante, une intervention ne serait d'aucun effet. Cette fois je combattai l'opinion du secrétaire d'Etat à deux points de vue.

Je dis d'abord qu'à s'y tenir on arriverait au printemps, saison propice à toutes les complications à prévoir dans les Balkans, sans avoir fait aucune tentative pour les prévenir et qu'ainsi on assumait une grave responsabilité.

Je dis ensuite que sans prétendre à constituer une base complète dans toutes ses parties, la proposition confidentielle dont je venais l'entretenir fournissait pourtant une base réelle qui présentait l'avantage, jusqu'ici cherché en vain, de consacrer les résultats inévitables de cette guerre, sans que la dignité du sultan et l'amour-propre national ottoman aient trop péniblement à en souffrir.

Sir E. Grey dans sa réponse dit que seule une démarche de toutes les Puissances à Constantinople offrirait quelque chance de succès.

J'objectai que c'était bien ainsi que votre excellence concevait le projet, que si vous aviez pensé à la France pour les ouvertures à faire à Constantinople, la raison en était que vous considériez la France comme la Puissance la plus acceptable à la Turquie, mais que la France serait à tout point de vue l'organe de toutes les Puissances et parlerait en leur nom et au sien.

Sir Edward redoute que la Porte ne soumette son acceptation à des conditions, telle que la garantie de ses domaines en Europe.

J'expliquai que ceci me paraissait déplacer la question; qu'il s'agissait dans l'intérêt de la paix d'offrir à la Turquie l'issue la plus favorable pour

---

[1] См. № 275.

[2] В тел. от 29/16 дек. за № 866 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Грей просил Бьюкенена высказаться перед Сазоновым в следующем смысле: «По моему личному мнению, в настоящее время было бы совершенно неполитично оказывать какое-либо давление в Константинополе, кроме коллективного или, по крайней мере, одновременного выступления всех пяти держав. Иначе имеется опасность, что три державы будут поставлены в ненормальное положение в Константинополе, из чего Германия и Австрия могут извлечь выгоды. Давление, произведенное лишь тремя державами, может не достигнуть цели, а тогда какая-либо держава может вмешаться и предложить условия, действительно или внешне более благоприятные для Турции, чем первое предложение трех держав; но даже если Турция расположена поддаться давлению, весьма вероятно, что в качестве условия принятия ею советов держав она попросит их гарантировать ее европейские владения; это возложит на них серьезную и тяжелую ответственность, если будут продолжаться недавние турецкие методы управления в Македонии».

elle qui se puisse imaginer, attendu que, ne pouvant nourrir l'espoir de réconquérir les provinces perdues, sa dignité seule restait un obstacle à la paix et que cette dignité se trouvant sauvegardée dans la mesure du possible l'influencer dans le sens de votre excellence — était lui parler au nom de ses propres intérêts; qu'il me paraissait dès lors peu probable qu'elle y mette la condition qui est venue à l'esprit de Sir Edward; mais qu'après tout, même si tel était le cas, cela constituerait une difficulté de la négociation, difficulté qui peut-être la ferait échouer, mais que néanmoins la tentative, aujourd'hui devenue si nécessaire, aurait été faite.

Je répondis à peu près dans les mêmes termes à l'objection de Sir Edward prévoyant de l'opposition de la part de l'Allemagne et peut-être de l'Autriche. Je dis que cette prévision ne devrait pas mettre obstacle à la tentative, qu'au cas d'un refus, la responsabilité pour l'échec d'une tentative sérieuse de rétablir la paix retomberait non pas sur les Puissances qui s'y étaient associées, mais sur celles qui avaient refusé leur concours.

Mr. Mallet me demanda ce que votre excellence entendait par pression à exercer sur la Porte, de quelle nature serait cette pression et jusqu'à quel degré elle serait étendue.

Mr. Mallet me dit que vous aviez usé de ce mot en conversation avec Sir G. Buchanan. Je lui répondis que je ne le trouvais pas dans la lettre que vous m'aviez fait l'honneur de m'adresser; que vous exprimez bien qu'il s'agissait «d'une démarche à Constantinople des Grandes Puissances dans le but de convaincre la Porte de l'inutilité de ses efforts actuels et de l'influencer pour qu'elle accepte un armistice».

J'ajoutai qu'une démarche entreprise au nom des Grandes Puissances constituait toujours une pression et que bien entendu, la France aurait à adapter son langage à sa qualité de porte-parole des Grandes Puissances, ce qui ne pourrait manquer de produire une impression sérieuse à Constantinople, mais que pour mon compte je ne pensais pas que votre excellence ait entendu, en usant du terme de pression, lui donner la signification d'une pression comminatoire, — à part toute autre raison, — incompatible avec la neutralité.

Mr. Mallet m'avait écouté avec beaucoup d'attention; il admit que ce que je lui en disais éclaircissait plusieurs points, et me dit qu'il ne manquerait pas de rendre compte de notre entretien dans ce sens à Sir E. Grey. Il ajouta que d'ailleurs la réponse de Sir Edward, telle que Sir G. Buchanan avait été chargé de la transmettre à votre excellence, laissait la question ouverte et que, si Sir Edward avait entendu formuler les difficultés qu'il prévoyait, il n'avait aucunement donné à cette réponse un caractère définitif.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. министр,

За отсутствием сэра Э. Грея я отправился сегодня к г. Маллету, чтобы поговорить с ним по содержанию письма, которое вы соблаговолили послать мне [28] 15 декабря, за № 799, по поводу проекта вмешательства в нынешний конфликт между Турцией и Италией.

Как только я сообщил ему о цели моего посещения, г. Маллет сказал мне, что по этому вопросу получена телеграмма от сэра Дж. Бьюкенена и что сэр Эдуард уже ответил на нее. Он прочел мне этот ответ. Я выразил г. Маллету мои опасения, что сэр Эдуард не совсем точно понял характер предложения вашего превосходительства.

Прежде всего сэр Эдуард возвращается к своему мнению, что при отсутствии определенной основы, принятой обеими воюющими державами, вмешательство не возымело бы никакого действия. На этот раз я оспаривал мнение статс-секретаря с двух точек зрения.

Сначала я сказал, что если его придерживаться, то можно дождаться весны, сезона благоприятного для всех тех осложнений, которые следует предвидеть на Балканах, причем не было бы сделано никакой попытки предупредить их, и таким образом была бы взята на себя серьезная ответственность.

Я сказал затем, что, не претендуя на создание базы, полноценной во всех ее частях, доверительное предложение, о котором я только-что ему говорил, давало бы все-таки реальную основу, которая имела бы то до сих пор безуспешно отыскиваемое преимущество, что им закреплялись бы неизбежные результаты этой войны, причем от

этого не слишком чувствительно пострадали бы достоинство султана и оттоманская национальная гордость.

Сэр Э. Грей говорит в своем ответе, что единственно лишь выступление всех держав в Константинополе давало бы некоторый шанс на успех.

Я возразил, что ваше превосходительство именно так и понимаете проект, что если для предстоящего выступления в Константинополе вы подумали о Франции, то причина этого в том, что вы считали Францию державой, наиболее приемлемой для Турции, но что Франция являлась бы во всех отношениях выразительницей воли всех держав и выступала бы как от их имени, так и от своего.

Сэр Эдуард опасается, что Порта для своего согласия поставит такие условия, как гарантия ее владений в Европе.

Я объяснил, что это, по моему мнению, переносит вопрос в другую область; что дело идет о том, чтобы, в интересах мира, предложить Турции наиболее благоприятный, какой только можно представить, выход из положения, принимая во внимание, что, не имея возможности питать надежду на обратное завоевание утраченных провинций, одно лишь ее достоинство продолжает служить препятствием к миру и что так как это достоинство ограждается по мере возможности, то повлиять на нее в смысле, предлагаемом вашим превосходительством, означает обращаться к ней во имя ее собственных интересов; что, следовательно, мне кажется мало вероятным, чтобы она поставила то условие, которое пришло на ум сэру Эдуарду; но что, в конце концов, если бы даже это было так, то это составило бы затруднение для переговоров, затруднение, которое, быть может, привело бы к их неудаче, но что тем не менее следовало бы сделать попытку, ставшую в настоящее время столь необходимой.

Приблизительно в тех же выражениях я ответил на возражения сэра Эдуарда, что он предвидит оппозицию со стороны Германии и, быть может, Австрии. Я сказал, что такое предположение не должно было бы препятствовать попытке и что в случае отказа ответственность за неудачу серьезной попытки восстановить мир пала бы не на державы, которые к ней присоединились, а на те, которые отказали ей в своем содействии.

Г. Маллет спросил у меня, что ваше превосходительство понимаете под давлением, которое следует оказать на Порту, какого рода было бы это давление и до какой степени оно было бы доведено.

Г. Маллет мне сказал, что вы употребили это выражение в беседе с сэром Дж. Бьюкененом. Я ответил ему, что я его не нахожу в письме, которое вы соблаговолили направить мне; что вы ясно указываете, что дело шло бы о «выступлении в Константинополе великих держав с целью убедить Порту в бесполезности ее нынешних усилий и повлиять на нее, чтобы она приняла перемирие».

Я добавил, что выступление, предпринятое от имени великих держав, всегда представляет собой давление и что, разумеется, Франция должна была бы сообразовать свое выступление с ролью выразительницы взглядов великих держав, каковое не преминуло бы произвести серьезное впечатление в Константинополе, но что, со своей стороны, я не думаю, что, употребив выражение «давление», ваше превосходительство имели в виду придать ему значение принудительного давления, которое, независимо от всех прочих соображений, несовместимо с нейтралитетом.

Г. Маллет выслушал меня с большим вниманием; он признал, что то, что я ему говорил, разъяснило многие пункты, и сказал, что он не преминет доложить в этом смысле о нашем разговоре сэру Э. Грею. Он добавил, что к тому же ответ сэра Эдуарда в том виде, в каком сэру Дж. Бьюкенену поручено его передать вашему превосходительству, оставляет вопрос открытым и что если сэр Эдуард имел в виду формулировать те трудности, которые он предвидит, то он никоим образом не придает этому ответу окончательного характера.

Примите и пр. Бенкендорф.

№ 303. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 3 января 1912 г./21 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Телеграммой от сего числа [1] я сообщил вам вкратце мои объяснения с г. де Сельвом по содержанию вашего письма от [28] 15 декабря за № 799 [2]. Г. де Сельв вполне согласился с вашим мнением о необходимости попытаться обеспечить окончание турецко-итальянской войны до весны, дабы предотвратить возникновение новых осложнений на Балканском полуострове. О намеченном вами плане действий ему уже было известно из сообщений Жоржа Луи. Со своей стороны, здешний итальянский посол предложил ему, как бы лично от себя, довольно близко подходящую к вашему плану комби-

[1] Имеется в виду тел. за № 193 (опубл. Stieve, II, S. 18, № 179), содержание которой полностью изложено в публикуемом документе.

[2] См. № 275.

нацию. Г. Титтони полагает, что Турция, утвердившая свое владычество над Триполи сравнительно недавно, могла бы согласиться признать независимость этой страны и вслед за сим отозвать оттуда свои войска [1]. Г. де Сельв относится одинаково сочувственно к обеим комбинациям, но, по его мнению, в обоих случаях главная трудность заключается в том, чтобы убедить Турцию отозвать свои войска, сражающиеся заодно с оставшимися верными халифу арабами. Он имел уже случай замолвить об этом слово здешнему турецкому послу и убедился, что Рифаат-паша не допускает мысли о возможности подобного отозвания. Тем не менее он тотчас же запросит по телеграфу мнение французского посла в Константинополе. Лишь после того, как выяснится, имеется ли какая-либо надежда на успех той или другой комбинации, он будет в состоянии решить, может ли Франция принять на себя инициативу выступления перед другими державами и Портой. Г. де Сельв высказал мне по этому поводу, что он должен действовать с особенной осторожностью, ибо в последнее время Германия пользуется всяким случаем, чтобы возбуждать недоверие Турции к французской политике. Так ему известно, что барон Маршалл пытался внушить оттоманскому правительству, что недавнее занятие французами пограничного пункта Джанет состоялось по предварительному уговору с Италией и что отказ французских банков ссудить Турции заем был внушен им французским правительством. Он опасается поэтому, что всякое выступление Франции, если оно не окажется успешным, будет выставлено германской дипломатией как доказательство враждебных чувств Франции по отношению к Турции.

Примите и пр.

Извольский.

№ 304. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 101. 3 января 1912 г./21 декабря 1911 г.

Ссылаюсь на ваше письмо за № 799 [2].

Объяснившись доверительно с министром иностранных дел по содержанию сказанного письма, Сан-Джулиано в самых теплых выражениях просил передать императорскому правительству благодарность римского кабинета за принятый на себя почин в деле примирения Италии и Турции и за дружелюбный дух, в котором составлено ваше предложение. Но до обсуждения оного с Джиолитти и военным министром он заявил, что ему трудно высказать даже первое свое впечатление, так как вопрос слишком серьезный, чтобы его сразу обнять во всей его сложности. На мое замечание, что сдержанность его мне понятна, но тем не менее мне кажется слишком строгой и не вполне отвечающей побуждениям императорского правительства, министр решился высказать следующее замечание, которому на первых порах он приписывает совершенно особенное значение, а именно, если бы Турция приняла перемирие, то какие были бы гарантии, что она отзовет свои отряды из Триполи и Киренаики. По мнению Сан-Джулиано, без таких гарантий перемирие оказалось бы заключенным в пользу одной Турции, так как пока ее регулярные войска будут находиться в занятых провинциях, организация и возбуждение туземных элементов будут неустанно продолжаться в ущерб Италии, которая с своей стороны лишена возможности в равное время подготовить дальнейшее движение своих отрядов в глубь страны. О результатах своих переговоров с Джиолитти министр обещал меня уведомить.

Долгорукий.

---

[1] В тел. от 30/17 дек. (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) де Сельв передал Жоржу Луи текст тел. франц. посла в Риме, в которой последний высказывал мнение, что «итальянское правительство продолжает оставаться непреклонным в принципиальном вопросе об аннексии, но, крайне обеспокоенное относительно намерений Австрии и опасаясь последствий, которые могут возникнуть от продолжения войны, пошло бы на любое соглашение, которое, признавая совершившийся факт, не упоминало бы ни слова «аннексия», ни самого факта ее в Триполитании».

[2] См. № 275.

№ 305. Посол в Вене министру иностранных дел.

Телеграмма № 100. 3 января 1912 г./21 декабря 1911 г.
Личная.

Ответ на № 2166 [1].

Эренталь просит императорское правительство не настаивать на выражении сожаления и личном посещении консула наместником, считая прежде всего, что центральное правительство выше всех местных властей. Но если бы мы сочли необходимым настаивать на извинении местных властей, то австрийскому правительству пришлось бы предать гласности имеющиеся будто бы данные относительно деятельности Экземплярского, ввиду коих наместнику немыслимо посетить такого консула, дальнейшее пребывание которого в Львове во всяком случае нежелательно, по его мнению, для взаимных отношений наших государств [2].

Гирс.

№ 306. Председатель совета министров министру иностранных дел.

Письмо № 6250. 3 января 1912 г./21 декабря 1911 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Письмом от [13 ноября] 31 октября сего года за № 4326 [3] военный министр уведомил меня, что он вошел в сношение с временно управлявшим министерством иностранных дел и министром путей сообщения по вопросу об увеличении нашей железнодорожной сети на Кавказе в противовес предположенному Турцией развитию железнодорожного строительства в сопредельных с Кавказом ее малоазиатских владениях. При этом генерал-от-кавалерии Сухомлинов объяснил, что, по его мнению, при создавшемся ныне положении, настоятельно необходимо: 1) принять все зависящие меры к скорейшему сооружению стратегических дорог на Кавказе и 2) использовать все возможные с нашей стороны средства к задержке постройки малоазиатских дорог, по крайней мере до тех пор, пока не будет осуществлена программа нашего железнодорожного строительства на Кавказе.

Ныне, письмом от [21] 8 сего декабря за № 171 [4], министр путей сообщения уведомил меня, что все заявленные военным ведомством предположения по развитию нашей рельсовой сети на Кавказе выполняются вверенным ему ведомством с исключительной поспешностью. Что же касается предположения военного министра о желательности принятия мер к возможному замедлению постройки железных дорог в малоазиатских владениях Турции, то вопрос этот, по мнению тайного советника Рухлова, всецело относится к предметам ведения министерства иностранных дел, так что министерство путей сообщения не может оказать в этом отношении никакого влияния.

Ввиду весьма серьезного значения возбужденного военным ведомством вопроса о железнодорожном строительстве на Кавказе, я предполагал бы внести это дело на обсуждение совета министров в ближайшем будущем, но предварительно сего имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать, в непродолжительном, по возможности, времени, сообщить мне ваше заключение по существу вышеизъясненных предположений генерала-от-кавалерии Сухомлинова.

Примите и пр. В. Коковцов.

---

[1] Тел. за № 2166 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. По журналу исх. тел. она значится отправленной 30/17 дек. «касательно Львовского инцидента».

[2] В ответной тел. от 4 янв. 1912 г./22 дек. 1911 г. за № 2203 Сазонов предложил Н. Гирсу потребовать у Эренталя сообщения подробных сведений о деятельности Экземплярского.

[3] Содержание письма Сухомлинова от 13 ноября/31 окт. за № 4326 в основном изложено в публикуемом документе.

[4] Содержание письма Рухлова от 21/8 дек. за № 171 в основном изложено в публикуемом документе.

№ 307. Посол в Париже министру иностранных дел.

Депеша № 84. 4 января 1912 г./22 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Франко-германское соглашение 4 ноября с. г. [нов. ст.], на следующий же день после утверждения его палатой депутатов, представлено было г. де Сельвом на одобрение сената. Рассмотрение этого акта поручено было верховной палатой комиссии из 27 членов, избранных всеми группами сената пропорционально их численности. В состав комиссии вошли семь бывших председателей совета министров — гг. Буржуа, Монис, Саррьен, Клемансо, Рибо, Дюпюи и Мелин, бывший министр иностранных дел г. Пишон и большое количество бывших министров и дипломатов. Председателем своим комиссия назначила г. Буржуа и докладчиком — г. Пуанкаре.

Сенатская комиссия, собравшаяся уже четыре раза и отсрочившая ныне свои занятия до 9 января [нов. ст.], предприняла весьма подробное и всестороннее расследование не только самих постановлений соглашения 4 ноября [нов. ст.], но и определивших его условий и предшествовавших ему переговоров, а также последствий его для Франции в отношении политическом, бюджетном и военном. Не ограничиваясь оценкой акта с точки зрения будущего, комиссия задалась целью пролить свет и на прошлое и выяснить, на кого падает ответственность за сделанные ошибки.

Главное внимание комиссии привлек в этом отношении вопрос, когда и при каких условиях появилась мысль о предоставлении Германии территориальной компенсации в Конго, взамен признания ею французского протектората над Марокко [1]. Вопрос этот уже был поставлен в палате депутатов графом де Мен при самом начале прений о соглашении 4 ноября [нов. ст.], но остался невыясненным. Согласно заявлениям, сделанным г. де Сельвом в сенатской комиссии, речь о компенсациях зашла впервые во время свидания в Киссингене между г. Кидерленом и Камбоном в минувшем июне. «Если мы будем говорить лишь о Марокко, то мы не придем к соглашению, надо испробовать другое: привезите нам что-нибудь из Парижа», сказал, будто бы, германский статс-секретарь, на что французский посол ответил: «Да, поищем в другом месте». Г. де Сельв прибавил к этому, что в своем донесении о киссингенском свидании г. Камбон указывает на то, что руководствовался при этом инструкциями, данными ему тогдашним министром иностранных дел Круппи, на которого падала бы в таком случае ответственность за территориальную уступку, сделанную его преемником. Г. де Сельв сознался однако, что следов означенных инструкций ему в архивах министерства обнаружить не удалось. Г. Круппи поспешил отклонить это обвинение, возразив, что намеченное в Киссингене решение было «новой мыслью» и что данные им Камбону инструкции касались, якобы, лишь предпринятых Францией военных операций.

Как справедливо было замечено печатью по поводу этой полемики, вопрос об ответственности за признание принципа «компенсации» во франко-германских переговорах не представляет собой интереса вне отношения к парламентской обстановке. Уже в 1904 году Франция поставила на почву «ком-

---

[1] В письме от 4 янв. 1912 г./22 дек. 1911 г. (опубл. Stieve, II, S. 19, № 181) Извольский писал, что во франко-герм. переговорах о Марокко «имелась закулисная сторона, ныне постепенно раскрываемая. Теперь уже не остается сомнения в том, что г. Кайо, еще будучи министром финансов в кабинете г. Мониса, вел свою особую политику по отношению к марокканскому вопросу и первый выступил через доверенных лиц (г. Фондера — с французской и г. Земмлера — с германской стороны) с мыслью о территориальных компенсациях в Конго. Вполне установлено также (несмотря на официальные опровержения со стороны г. Круппи), что вопрос о подобной компенсации был затронут во время свидания гг. Камбона и Кидерлена в Киссингене, т. е. до Агадирского инцидента. Мало-помалу выясняются и некоторые другие интересные подробности, например, что г. Кидерлен угрожал г. Камбону занятием Магадора, что германская дипломатия пыталась истолковать соглашение 1909 г. о Марокко как налагающее на Францию обязательства общеполитического свойства и т. п.». По мнению Извольского, расследование, предпринятое сенатской комиссией, приведет, вероятно, к министерскому кризису.

пенсаций» ликвидирование счетов со своими соперниками в Марокко. После данного Англии удовлетворения в Египте мысль о предоставлении компенсации Германии могла возникнуть при первом удобном случае.

Другой вопрос прошлого, рассмотренный сенатской комиссией, касается того, почему Франция не осталась на почве франко-германского соглашения 1909 года и изменила своей прежней политике в марокксском деле. Вопрос этот возбужден был бывшим проводником этой политики — г. Пишоном. Он указал при этом, что в соглашении 1909 года надлежит видеть политическое отречение Германии от Марокко и признание ею господства французских экономических интересов в этой стране. Г. Рибо заметил по этому поводу, что если бы Франция лучше использовала в течение 1909—1911 годов преимущественное положение, созданное соглашением 1909 года, и деятельно поддержала бы в финансовом и военном отношении власть султана, события, приведшие к занятию Феца, а затем к конфликту с Германией, могли бы, быть может, быть избегнуты. Г.Кайо возразил защитникам договора 1909 года, что соглашение это оказалось на деле недействительным и не дало никакого результата. Лежащий в его основе принцип экономического неравенства держав вызвал даже протесты со стороны иностранных правительств; так, например, Англия высказала недовольство по поводу недостаточности предоставленного ей в силу этого договора участия в марокксском обществе публичных работ.

Относительно способа установления и осуществления протектората комиссия задала правительству также целый ряд вопросов. На замечание г. Рибо,не потребуется ли для установления протектората заключение особой конвенции с султаном, гг. Кайо и де Сельв ответили утвердительно, прибавив, что этот акт должен будет быть одобрен парламентом. Г. Мелин обратил затем внимание комиссии на финансовую и военную сторону организации протектората. Большие трудности, по его мнению, предстоят в бюджетном отношении ввиду того, что денежное хозяйство Марокко не может быть основано на таможенных доходах, а внутреннее обложение может быть распространено едва на полтора миллиона населения. Военная сторона дела не менее озабочивает г. Мелина. В настоящее время в Марокко находятся 54 000 войск. Занятие всей страны потребует, может быть, еще более многочисленного экспедиционного отряда. Не ослабит ли такое отвлечение французских сил в Марокко, — спрашивает г. Мелин, — защиту самой Франции?

Как бы в оправдание строгой критики, которой подвергается в настоящее время соглашение 4 ноября [нов. ст.], в газетах на-днях появился слух о начавшихся уже, будто бы, между Германией и Францией несогласиях относительно истолкования постановлений этого договора. Германское правительство держится якобы взгляда, что граница между вновь уступаемыми Германии владениями на Конго и французской территорией пролегает по тальвегу этой реки; в таком случае к Германии должна отойти часть островов, расположенных на течении Конго. По французскому же толкованию, уступаемая Германии территория простирается лишь до самого берега реки. По этому поводу между берлинской и парижской печатью открылась даже полемика. Хотя она и не может быть признана преждевременной, спор этот, несомненно, указывает, что применение соглашения 4 ноября [нов. ст.] не обойдется без значительных трудностей.

Примите и пр. Извольский.

№ 308. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо. 4 января 1912г./22 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к письму моему от 26/13 декабря [1], считаю долгом сообщить, что я не преминул самым серьезным образом объясниться с французским министром иностранных дел по вопросу о проекте австро-венгерского займа

[1] См. № 265.

на французском рынке. Г. де Сельв подтвердил мне сведения, данные мне г. Жоржем Луи; по его словам, австро-венгерской посол, сообщив ему принципиальное присоединение своего правительства к франко-германскому соглашению, вслед затем заговорил с ним о займе; г. де Сельв заметил ему, что эти два вопроса не имеют между собой ничего общего, и спросил его, ставит ли австро-венгерское правительство свое формальное согласие в зависимость от осуществления займа, на что граф Сечен ответил отрицательно. С тех пор г. де Сельв сделал уже известное вам заявление в палате депутатов, а венский кабинет, со своей стороны, известил французское правительство о формальном принятии франко-германского соглашения [1]. Вслед засим в австро-венгерских газетах появилось официозное опровержение слухов о займе.

Что касается существа дела, то г. де Сельв самым определенным образом высказал мне, что он вполне отдает себе отчет в основательности нашей точки зрения и что если австро-венгерское правительство сделает новую попытку возбудить вопрос о займе во Франции, он не преминет энергически высказаться против его осуществления.

На мой вопрос, насколько основательны слухи, будто председатель совета министров относится, из чисто финансовых соображений, доброжелательно к проекту вышесказанного займа, г. де Сельв ответил, что эти слухи дошли и до него, что он тотчас же разъяснил г. Кайо свой взгляд на политическую сторону дела и получил от него уверение в полной неосновательности приписываемых ему взглядов на это дело. В дальнейшем разговоре я объяснил г. де Сельву причины, по которым мы относимся отрицательно не только к правительственным австро-венгерским займам, но и ко всяким денежным ссудам Двуединой монархии, хотя бы под видом муниципальных и других, как бы частных, займов. Министр вполне признал правильность моей аргументации и обещал мне, что если зайдет речь о подобных операциях, он не преминет принять в самое серьезное соображение нашу точку зрения.

Из вышеизложенного я считаю возможным заключить, что в настоящую минуту вряд ли следует опасаться серьезного возбуждения здесь вопроса о правительственном австро-венгерском займе. По собранным мной сведениям, ни Лионский кредит, ни другие крупные кредитные учреждения не получали на этот счет до сих пор никаких предложений. С другой стороны, несомненно, что обыкновенные банкиры Австро-Венгрии — Ротшильды — ведут деятельную пропаганду в пользу открытия ей французского рынка; как известно, здешние политические и финансовые круги проявляют некоторые симпатии к Австрии и, в особенности, к Венгрии, все еще питая надежду, путем финансовой солидарности с Францией, отвлечь их от Германии. Симпатии эти очень искусно поддерживаются путем французской печати; в данном случае почти все главнейшие газеты, очевидно, боятся выступать наперекор Ротшильдам и другим заинтересованным банкам. До сих пор мне удалось побудить лишь три органа — «Temps», «Petit Journal» и «Echo de Paris» — категорически высказаться против австро-венгерского займа. (Статьи их при сем прилагаются[2].) Другие же газеты, как например «Matin», несмотря на все мои увещания, старательно замалчивают этот вопрос. Не имея в моем распоряжении никаких денежных средств для воздействия на печать, я вряд ли буду в состоянии побороть эту тенденцию, но мне известно, что статья г. Шерадама, а также переданная сюда по телеграфу статья «Нового времени» произвели на здешнюю публику достаточно сильное впечатление.

В заключение считаю долгом присовокупить, что, по отзывам компетентных лиц, положение парижского денежного рынка нельзя считать благоприятным для помещения крупного иностранного займа. Здесь предстоят

---

[1] 28/15 дек. 1911 г. Ср. № 265.
[2] Приложения не воспроизводятся.

некоторые внутренние кредитные операции (поземельный кредит, городской заем и т. п.) почти на миллиард франков. Кроме того, рынок все еще страдает от неудачных операций, заключенных в 1911 году.

Примите и пр. Извольский.

№ 309. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо. 4 января 1912 г./22 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вследствие письма вашего от [27] 14 декабря за № 1331 [1] я не преминул тотчас же вручить французскому министру иностранных дел прилагаемый при сем в копии меморандум [2], с изложением нашего взгляда на вопрос о проектируемом китайскими революционерами займе с целью досрочного погашения «боксерского» вознаграждения. При этом я счел более осторожным воздержаться в меморандуме от заявления, что мы принципиально не возражаем против подобного досрочного погашения, и, не предрешая этого вопроса по существу, ограничился протестом против заключения на этот предмет займа без нашего согласия и участия.

Передавая меморандум г. де Сельву, я воспользовался этим случаем, чтобы еще раз указать ему на неудобства и затруднения, проистекающие из существования четверного синдиката. Настоящий пример, сказал я, наглядно доказывает, что всякая финансовая операция синдиката, затрагивающая наши интересы, заранее обречена на неуспех, вследствие нашего противодействия. Не лучше ли поэтому перестроить синдикат таким образом, чтобы мы могли принять в нем участие на приемлемых для нас основаниях, т. е. с исключением из него американцев, деятельность коих явно направлена нам во вред.

Г. де Сельв вполне согласился со мной, что в нынешнем его виде синдикат является совершенно ненормальным явлением, но так же, как г. Жорж Луи, высказал мне, что в настоящую минуту не представляется возможным добиться выхода из него французских банков [3].

О протесте нашем против займа для погашения «боксерского» вознаграждения он обещал мне тотчас же довести до сведения французских участников синдиката.

Примите и пр. Извольский.

Приложение.

Aide-mémoire [4].

Париж, 2 января 1912 г./20 декабря 1911 г.

Pour faire suite à son aide-mémoire du 3 novembre [5], l'ambassadeur de Russie est chargé par son gouvernement de porter à la connaissance du gouvernement français ce qui suit.

---

[1] См. № 269.

[2] См. приложение к публикуемому документу.

[3] В письме от 26/13 дек. (опубл. М., стр. 140) Извольский передал Сазонову содержание бесед директора Русско-азиатского банка Верстрата с представителями входящих в четверной синдикат франц. банков по вопросу о предоставлении России и Японии по шестой доле участия в синдикате. Верстрат заявил представителям банков, что единственным приемлемым для России решением был бы выход франц. группы из синдиката и воссоздание последнего на новых основаниях. Извольский имел аналогичную беседу с Ж. Луи, который высказал мнение, что выход франц. группы из синдиката едва ли возможен в настоящее время, так как «связь между французскими и английскими банками на почве китайских дел существует издавна и является для французских кредитных учреждений абсолютной необходимостью». Ж. Луи при этом сослался на данную франц. прав-вом гарантию в том, что «оно не допустит никакой операции четверного синдиката, которая была бы признана противной нашим интересам».

[4] Маш. копия.

[5] О пам. записке Извольского франц. прав-ву от 3 ноября/21 окт. см. № 74.

Selon des informations reçues à St.-Pétersbourg, les révolutionnaires chinois auraient fait savoir au consortium financier à quatre que la première opération de crédit qui serait contractée par le gouvernement révolutionnaire serait un emprunt relatif à l'indemnité «Boxer» que les chinois voudraient totalement rembourser par anticipation; les révolutionnaires auraient reçu du consortium la réponse qu'une pareille opération était envisagée par lui comme réalisable, si les garanties accordées à cet emprunt étaient les mêmes que celles qui étaient attribuées à l'indemnité «Boxer».

Etant donné que la Russie participe à l'indemnité «Boxer» en raison du tiers de son montant, ce qui constitue une part plus considérable que celle de toute autre Puissance, le gouvernement impérial russe, tout en réservant son opinion sur le principe même d'une liquidation anticipée de la susdite indemnité, estime qu'une pareille opération ne pourrait en aucun cas être réalisée sans son consentement et sans sa participation éventuelle [1].

Перевод.

Памятная записка.

В дополнение к его памятной записке от 3 ноября, российскому послу поручено довести до сведения французского правительства о следующем.

Согласно полученным в Петербурге сведениям, китайские революционеры уведомили четверной финансовый консорциум, что первой кредитной операцией, которая будет предпринята революционным правительством, будет заем для выплаты боксерского вознаграждения, которое китайцы желали бы полностью погасить досрочно; революционеры получили, будто бы, от консорциума ответ, что он считал бы такую операцию осуществимой, если бы этому займу были предоставлены те же гарантии, что и для боксерского вознаграждения.

Ввиду того, что Россия участвует в боксерском вознаграждении в третьей его части, что составляет более значительную долю, чем та, которая приходится на всякую другую державу, — императорское российское правительство, не высказывая своего мнения относительно самого принципа досрочного погашения вышеупомянутого вознаграждения, полагает, что подобная операция ни в коем случае не может быть осуществлена без его согласия и его эвентуального участия.

№ 310. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Письмо [2]. 4 января 1912 г./22 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Франко-испанские переговоры о Марокко продолжают подвигаться крайне медленно и туго. Несмотря на то, что обе стороны в принципе приняли предложенное мною разрешение вопроса о совмещении французского протектората с особыми правами Испании в своей зоне [3], практическое осуществление этого плана встречает серьезные затруднения. Г. де Сельв жалуется на то, что Испания требует для себя более обширных прав, нежели те, которые предоставлены самой Франции, и стремится к фактическому присоединению своей зоны. С испанской стороны Франция обвиняется в желании распространить свою неограниченную власть на испанскую зону. Главную трудность составляет требование французского правительства, чтобы издаваемые султаном регламенты общего характера (напр., касательно тамо-

---

[1] В ответном меморандуме от 4 янв. 1912 г./22 дек. 1911 г., копия которого была препровождена Извольским в м-во при письме от 9 янв. 1912 г./27 дек. 1911 г., франц. прав-во заявило, что оно не имеет еще подтверждения сведений о предложении кит. революционного прав-ва. «Оно вполне понимает оговорки, сделанные Россией, но предусматриваемая возможность кажется ему столь отдаленной, ввиду положения, в котором находятся китайские революционеры, а принцип досрочного погашения боксерского вознаграждения столь спорным, что оно считает преждевременным обмен мнений по вопросу, по которому соглашение между двумя правительствами может быть достигнуто без больших затруднений».

[2] Опубл. Stieve, II, S. 19, № 180.

[3] См. № 240.

женных пошлин и т. п.) были обязательны на всем протяжении марокккской территории, не исключая испанской зоны. Испанское правительство возражает, что султанские регламенты будут издаваться под непосредственным внушением французского резидента в Феце, а потому испанцам придется фактически подчиняться французским распоряжениям. Не видя исхода из этого затруднения, г. де Сельв просил меня обдумать этот вопрос и помочь ему найти практическое его разрешение. Я только что имел по этому поводу длинную беседу с испанским послом и не теряю надежды приискать приемлемую для обеих сторон комбинацию. Существуют и некоторые другие трудности, которые, по просьбе г. де Сельва, также обсуждаются мною с г. Перес Кабальеро и которые, мне кажется, возможно будет устранить.

Примите и пр.

Извольский.

№ 311. Посол в Вене министру иностранных дел.

'/. Депеша № 78. 4 января 1912 г./22 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

28/15 декабря собрались в Вене на предварительную сессию, продолжающуюся 2 дня, австрийская и венгерская делегации, на утверждение коих был представлен общеимперский временный бюджет на январь, февраль, март и апрель 1912 г.

В обеих делегациях, сперва в венгерской, а затем в австрийской, давали объяснения общеимперские министры иностранных дел гр. Эренталь и военный генерал-от-инфантерии фон Ауффенберг . Речь гр. Эренталя была всецело построена, как он меня предупреждал несколько времени тому назад, на консервативных началах. Он даже сказал в делегации, что Австро-Венгрия была, и всегда будет, опорой консервативному направлению в Европе и на Ближнем Востоке и что усиление вооруженных сил Двуединой монархии необходимо для того, чтобы обеспечить собственную ее безопасность и вместе с ее союзницами способствовать сохранению всеобщего мира. Говоря об итальяно-турецкой войне, гр. Эренталь сослался на сделанные обоими премьерами в венгерском и австрийском парламентах 22/9 октября заявления относительно нейтралитета австро-венгерской монархии (депеша № 66 от 26/13 окт. 1911 г. [1]) и сказал, что сразу после возникновения военных действий между Италией и Турцией его ведомство приложило все старания к тому, чтобы найти подходящие основы для скорейшего заключения мира, но, к сожалению, эти старания не привели ни к какому результату. Однако, он выразил надежду, что усилия эти, в конце концов, должны увенчаться успехом, потому что в этом вопросе существует единодушие между всеми нейтральными державами. Далее гр. Эренталь сказал, что затяжная итальянотурецкая война может представить опасность для status quo на Балканах, в сохранении коего заинтересованы все великие державы, а равно и Италия, правительство которой немедленно, по объявлении войны Турции, заявило, что намерено придерживаться помянутого политического принципа. Основы австро-венгерской внешней политики, продолжал гр. Эренталь, остаются, само собой разумеется, неизменными. Опираясь на союзников и на дружественные отношения, которые Австро-Венгрия поддерживает со всеми державами, главной задачей внешней политики Двуединой монархии в данный момент является, по словам Эренталя, скорейшее заключение мира между Италией и Турцией, притом одинаково для обеих сторон почетного. Переходя к марокккскому вопросу, гр. Эренталь заявил, что Австро-Венгрия все время находилась в курсе событий и, хотя, согласно выраженному Германией с самого начала желанию вести переговоры один на один с Францией, не принимала в них участия, но тем не менее была в состоянии оказать содействие мирному разрешению этого вопроса. К сему министр иностранных дел

[1] См. т. XVIII, № 740.

прибавил, что австро-венгерское правительство с чувством особого удовольствия осведомилось о состоявшемся 4 ноября н. ст. франко-германском соглашении по этому вопросу не только потому, что этим актом мирно улажен был спор, в течение ряда лет волновавший Европу, но и потому, что постановления Алжезирасской конференции, гарантирующие всем державам, подписавшим состоявшееся тогда соглашение, беспрепятственное развитие своей экономической деятельности, остаются в силе. Таким образом, заключил министр, коммерческие интересы австрийских и венгерских подданных в Марокко никоим образом нарушены быть не могут. Речь графа Эренталя встречена была сочувственно, и его миролюбивая политика и верность идее Тройственного союза были, как показали последовавшие затем прения, одобрены венгерской делегацией. Депутат Берцевичи сказал, что Тройственный союз является существенной гарантией европейского мира. Затем делегация выслушала военного министра; генерал фон Ауффенберг говорил о материальных нуждах армии и о необходимости, не задумываясь, вотировать требуемые кредиты на оборону страны. Для убедительности своих доводов он ссылался на примеры из истории Пруссии, которая никогда не жалела средств на свои войска и благодаря этому достигла блестящих политических и экономических результатов. Без всякого самолюбия генерал фон Ауффенберг сознался, что присоединение Боснии и Герцеговины к Габсбургской короне было произведено так удачно лишь благодаря могущественному другу в «сверкающей кирасе». Далее военный министр сказал, что хотя он и считает себя связанным обещанием, данным в 1910 году его предшественником, бароном Шенайхом, в течение пяти лет не требовать увеличения военного бюджета, он, однако, не может не высказаться со всей откровенностью о неудовлетворительном состоянии вооруженных сил Австро-Венгрии и о настоятельной необходимости новых расходов на общеимперскую армию, так как, по его мнению, предвидится такое военно-политическое положение, которому установленный в прошлом году на пять лет бюджет не в состоянии будет удовлетворить. Говоря столь откровенно о недостатках в армии, министр сказал, что те, которые не должны этого знать, прекрасно обо всем осведомлены, а те, которые должны знать, не знают. В заключение министр заявил, что, кроме денег, нехватает и людей и что нужно увеличить значительно набор и довести число сверхсрочных унтерофицеров до тридцати тысяч человек.

Речь военного министра произвела невыгодное впечатление на делегатов. Происшедшие затем прения были не в пользу генерала фон Ауффенберга. Депутат граф Зичи подверг резкой критике заявление министра о необходимости увеличения военных расходов. В противоположность графу Эренталю, Ауффенберг успеха не имел никакого. По окончании прений, во время коих военный министр снова давал объяснения и, между прочим, сказал, что от него можно слышать одну только правду, был принят делегацией временный четырехмесячный общеимперский бюджет и выражено доверие графу Эренталю. Венгерская делегация настолько благоприятно отнеслась к нему, что в резолюции о доверии было сказано, что означенная делегация чувствует себя спокойной лишь тогда, когда он руководит внешней политикой. Это доказывает, что в Венгрии вполне довольны его политикой и что Эренталь, со своей стороны, всегда может рассчитывать на венгерский парламент и венгерских политических деятелей. Только два члена из оппозиционной группы Юста высказались против политики гр. Эренталя. Следует принять во внимание, что группа Юста находится в сношениях с кругами, близко стоящими к наследнику престола, который, как известно, не расположен к личности нынешнего руководителя австро-венгерской внешней политики. Военный министр фон Ауффенберг, к которому венгерская делегация отнеслась столь недружелюбно, — креатура эрцгерцога Франца-Фердинанда и проводит те же взгляды, что и прежний начальник генерального штаба, инспектор армии барон Конрад фон Гетцендорф, т. е. стоит за усиление боевой способности общеимперской армии. Его заявление о том, что предвидится такое военно-политическое положение, которое потребует увеличения

военного бюджета, дает повод предполагать, что разногласие во взглядах на важнейшие вопросы внешней политики государства действительно продолжает существовать в среде высших органов общеимперской власти. Появились даже слухи, что Ауффенберг не долго останется во главе своего ведомства, так как венгерская делегация не выразила ему обычного доверия, факт до сих пор неслыханный. Будапештская печать надеется, что к весеннему съезду делегаций он будет уже смещен.

В тот же день к вечеру общий председатель соединенного совета министров и министр иностранных дел граф Эренталь внес на утверждение австрийской делегации временный четырехмесячный общеимперский бюджет и повторил данные им венгерской делегации объяснения. То же сделал и генерал фон Ауффенберг. После кратких прений бюджет был принят. Собственно говоря, делегации были созваны теперь только для принятия временного бюджета, а дальнейшая их работа отложена на март или апрель, когда они соберутся на более продолжительный срок. Следует отметить тот факт, что граф Эренталь, вопреки ожиданиям, ни словом не обмолвился о причинах ухода генерала фон Конрада с поста начальника генерального штаба. Объяснения министра иностранных дел были одобрены и австрийской делегацией. Однако христианские социалисты выразили свое неудовольствие политикой Эренталя и высказались за союз с Германией, но против союза с Италией. Кстати сказать, христианские социалисты находятся в близких сношениях с окружающими эрцгерцога Франца-Фердинанда лицами, равно как и их печатный орган «Reichspost».

Вопрос об отношениях Австро-Венгрии к России был затронут членом палаты господ д-ром фон Грабмайером, сказавшим, что Придунайская монархия нуждается в сближении с Россией. Известный доктор Крамарж, с своей стороны, произнес речь против австро-германского союза и антирусской деятельности польско-австрийских властей в Галиции. Что касается первого пункта, то доктор Крамарж заявил, что телеграфный провод между Берлином и Веной превратился в канат, привязывающий Австрию к Германии. Следует отметить, что в этот раз гр. Эренталь в своих выступлениях в обеих делегациях ничего не сказал об отношениях Австро-Венгрии к России.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 312. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 4 января 1912 г. /22 декабря 1911 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Je vous remercie infiniment de votre lettre du [27] 14 décembre [1].

Il serait désirable que votre si belle tentative, que vous avez faite auprès des représentants des cinq grandes Puissances soit couronnée d'un succès complet. Dans ces conditions nous pourrions respirer plus librement au printemps.

J'ai soumis vos propositions au comte Aehrenthal, qui s'y attendait, prévenu par le comte Thurn. Il m'a lu le rapport de l'ambassadeur austro-hongrois à St.-Pétersbourg à ce sujet. Les grandes lignes étaient les mêmes, seulement il n'était pas question du rôle que vous voudriez attribuer à la France. Le comte Aehrenthal a écouté avec le plus grand intérêt, a promis d'étudier vos propositions et de faire connaître l'avis du Cabinet de Vienne. Il consultera naturellement avant tout Berlin. A première vue, il lui semble que la Porte ne consentira pas à rappeler ses troupes d'Afrique.

Je ne pourrai pas répondre à votre lettre très confidentielle № 799 [2] par la présente valise.

---

[1] Письмо от 27/14 дек. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено. Возможно, что имеется в виду письмо за № 799 (см. № 275).

[2] См. № 275.

En sortant de chez Aehrenthal, j'ai rencontré mon collègue d'Italie qui m'a exprimé sa grande satisfaction de l'initiative que vous avez prise. Il a été informé de votre entretien avec Melegari et de la démarche faite par Korff auprès de San-Giuliano [1]. D'un autre côté le chargé d'affaires d'Italie à Berlin informe que, selon l'avis de Kiderlen, le terrain est très propice pour une démarche collective des Puissances à Constantinople.

J'ai trouvé Aehrenthal extrêmement irritable. En parlant de notre consul à Lemberg [2], il a fait un grand effort pour être calme, et après avoir insisté vivement sur le fait qu'il possédait un dossier très compromettant au sujet d'Exemplarsky, il m'a supplié, en vue des relations entre nos pays qu'il souhaitait bonnes, de ne pas soulever officiellement la question, car il devrait opposer un refus en le motivant, ce qui provoquerait un gros scandale. Il ne s'est pas étendu davantage. Il vous appartient seul à juger si vous croyez désirable d'aller jusqu'au bout. J'attendrai vos ordres. Je ne sais ce dont on accuse Exemplarsky, mais je ne puis m'empêcher de dire, qu'il a été déplorable dans tout ce fâcheux incident et que je n'ai jamais réussi à obtenir de lui le moindre rapport substentiel. Les Polonais rendent ce poste très difficile, c'est pourquoi nous devrions y avoir un agent qui ait toujours raison.

Veuillez agréer, etc.

N. de Giers.

P. S. Le comte de St.-Aulaire, chargé d'affaires de France, sort de chez moi. Il est venu me dire qu'il avait vu le comte Aehrenthal immédiatement après A. Mavroyeni-Bey, ambassadeur de Turquie, qui était resté $^3/_4$ d'heure chez le ministre des affaires étrangères.

Parlant de vos propositions, Aehrenthal aurait dit qu'il ne pouvait encore se prononcer, il tenait à connaître avant tout le sentiment des autres Puissances sur ce point, mais il pouvait dès à présent prévoir que la Turquie ne consentirait en aucun cas à admettre pour les sujets italiens en Turquie le rétablissement du status quo ante bellum concernant les capitulations avant la signature définitive de la paix.

Dans son entretien avec moi, avant l'entrevue avec Mavroyeni-Bey, Aehrenthal n'a parlé que de la difficulté touchant au retrait des troupes turques d'Afrique.

Ut in litteris N. de Giers.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Бесконечно благодарю вас за ваше письмо от [27] 14 декабря.

Было бы желательно, чтобы столь прекрасный почин, сделанный вами перед представителями пяти великих держав, увенчался полным успехом. При таких условиях весной мы могли бы вздохнуть свободнее.

Я передал ваши предложения графу Эренталю, который ожидал их, будучи предупрежден графом Турном. Он прочел мне донесение австро-венгерского посла в Петербурге по этому вопросу. В общих чертах это было то же самое, только там ничего не говорилось о той роли, которую вы хотели бы предоставить Франции. Граф Эренталь слушал с величайшим интересом; он обещал рассмотреть ваши предложения и сообщить мнение венского кабинета. Прежде всего, разумеется, он запросит Берлин. На первый взгляд ему кажется, что Порта не согласится отозвать свои войска из Африки.

С этой почтой я не смогу отправить ответ на ваше весьма доверительное письмо № 799.

Выходя от Эренталя, я встретил моего итальянского коллегу, который выразил мне свое глубокое удовлетворение по поводу вашей инициативы. Он был осведомлен о вашей беседе с Мелегари и о шагах, предпринятых Корфом перед Сан-Джулиано. С другой стороны, итальянский поверенный в делах в Берлине сообщает, что, по мнению Кидерлена, момент очень благоприятен для коллективного выступления держав в Константинополе.

---

[1] Корф — советник посольства в Риме. Документов о его заявлении Сан-Джулиано в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено. Ср. № 304.

[2] См № 242.

Я нашел Эренталя весьма раздраженным. Говоря о нашем консуле во Львове, он делал большие усилия, чтобы сохранять спокойствие; после того, как он настойчиво утверждал, что в его распоряжении имеется досье, сильно компрометирующее Экземплярского, он горячо просил меня ради отношений между нашими странами,—а он хочет добрых отношений, — не поднимать этого вопроса официальным путем, потому что он будет вынужден ответить отказом и мотивировать его, что вызвало бы большой скандал. Больше он не стал говорить на эту тему. Вам одному надлежит судить, считаете ли вы желательным итти до конца. Я буду ждать ваших распоряжений. Я не знаю, в чем обвиняют Экземплярского, но я не могу не сказать, что поведение его в этом прискорбном инциденте заслуживает сожаления и что ни разу мне не удалось получить от него сколько-нибудь содержательного донесения. Поляки делают этот пост весьма трудным; вот почему мы должны бы иметь там агента, который всегда мог бы доказать свою правоту.

Примите и пр. Н. Гирс.

P. S. Граф де Сент-Олэр, поверенный в делах Франции, только-что был у меня. Он мне сказал, что он видел графа Эренталя тотчас после А. Мавроени-бея, турецкого посла, который пробыл три четверти часа у министра иностранных дел.

Говоря о ваших предложениях, Эренталь будто бы сказал, что он еще не может высказать свое мнение, что он должен прежде всего знать отношение других держав к этому вопросу, но что уже и теперь он может предвидеть, что Турция ни в коем случае не согласится до окончательного подписания мира признать для итальянских подданных в Турции восстановление status quo ante bellum в отношении капитуляций.

В своей беседе со мной, до разговора с Мавроени-беем, Эренталь говорил лишь о затруднениях, связанных с выводом турецких войск из Африки.

Н. Гирс.

№ 313. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 104 [1]. 4 января 1912 г. /22 декабря 1911г.

Получил № 2182 [2].

Вчера обе стороны пришли к соглашению относительно разграничения около Ускюба на основании последних инструкций сербского министерства иностранных дел, но переговоры неожиданно затянулись касательно самого конечного пункта разграничения: Струги на Охридском озере, которую Гешов bona fide считал давно уступленной сербами болгарам. Отдача Струги сербам, по словам Гешова, встречает почему-то особенную оппозицию со стороны болгарского военного министра. К тому же Ризов, который вместе с Станчовым вел особенные переговоры с сербским министром иностранных дел в Париже и подробно донес о них королю, решительно противится де уступке Струги, а это сильно влияет на короля. Я показал Гешову вашу телеграмму и сказал ему, что не могу докладывать вам о ничтожном клочке земли, раз мы считаем последние предложения сербского министра иностранных дел вполне приемлемыми для болгар. Я взял на свою ответственность присовокупить, что настоящая минута — решительная для наших отношений к Болгарии, что России необходимо теперь же знать, с какой группировкой и с какими истинными расположениями ей можно считаться, дабы руководствоваться сим в своей дальнейшей ближневосточной политике. Сегодня, по моей просьбе, полковник Романовский изложил те же самые соображения в самой дружеской форме генералу Фичеву. Завтра наш военный агент переговорит с генералом Никифоровым. Надеюсь на должное действие этих доводов на кого следует, ввиду проникших откуда-то и весьма беспокоящих болгар слухов о каких-то переговорах, в которые хочет втянуть нас Австрия. Рассчитываю также на искреннее желание Миловановича и Спалайковича, Гешова и Данева заключить соглашение [3].

Неклюдов.

---

[1] Тел. бланк. Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 17.

[2] См. № 293.

[3] В тот же день тел. за № 206 Гартвиг также сообщал Сазонову относительно задержки в переговорах о сербо-болг. соглашении, отмечая, что Милованович «решительно отказывается входить в какое бы то ни было обсуждение вопроса, по которому уже состоялось соглашение».

№ 314. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Депеша № 74. 4 января 1912 г./22 декабря 1911 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

За истекшие две недели со времени отправления последней политической моей экспедиции к вашему высокопревосходительству [1] не произошло никакого изменения в отношении румынского правительства к *итало-турецкой войне*.

Попрежнему оно опасается влияния триполийских событий на дела Балканского полуострова. Попрежнему оно почти уверено в возникновении осложнений на Балканах, если мир между обеими, ныне воюющими, сторонами не будет восстановлен до весны.

Уверенность эта особенно сильна во взглядах его величества короля Карла, мнение коего в вопросах внешней политики отражается решающим образом на деятельности его министров.

Опасения короля касательно возможных осложнений нашли себе на этих днях новое подтверждение.

Я имел уже честь доносить о личной переписке, установившейся между его величеством и германским статс-секретарем по иностранным делам, пробывшим более 10 лет германским представителем в Бухаресте [2].

Г. Кидерлен-Вехтер многим обязан королю, так как во времена его немилости в Берлине его величество оказывал ему, по мере возможности, поддержку. Король просил об оставлении его посланником при румынском дворе, когда его положение было на столь мало прочно, что его величество был доверительно запрошен из Берлина, будет ли отозвание Кидерлена ему приятно.

Встав во главе германского ведомства внешних сношений, нынешний статс-секретарь вступил в частную переписку с его величеством, в коей касается и политических вопросов.

Король неоднократно соизволивал говорить мне, что письма Кидерлена представляют для него большой интерес.

Из секретного источника, заслуживающего полного доверия, я осведомился, что на этих днях германский статс-секретарь писал королю, что он далеко не убежден в возможности сохранения весной мира на Ближнем Востоке.

Весьма вероятно, что, хорошо зная самолюбие короля, верующего в непогрешимость своих суждений, Кидерлен-Вехтер несколько и преувеличил свои опасения; при всем том он не говорил бы о них, если бы в его утверждениях не было доли правды.

Примите и пр. М. Гирс.

№ 315. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Депеша № 75. 4 января 1912 г./22 декабря 1911 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретной депешей от [22] 9 декабря № 72 [1] я имел честь доносить о мерах, принимаемых румынским правительством для подготовления своей армии к возможным весной внешним осложнениям.

По сведениям военного нашего агента, за последние дни было сделано по румынскому генеральному штабу секретное распоряжение о приобретении подробных карт Болгарии. Вместе с тем было спешно сообщено всем поставщикам армии, что данные им заказы должны быть исполнены к марту месяцу.

---

[1] См. № 250.
[2] Об этом М. Гирс сообщал в деп. от 8 дек./25 ноября за № 68.

Сведениям этим я придаю веру, так как здесь опасение осложнений значительно усиливается.

Как неоднократно я уже докладывал, румынское правительство, не питая предвзятых враждебных чувств к Болгарии, живет под страхом нарушения равновесия на Балканах чрезмерным усилением соседнего молодого королевства, в ущерб обаянию Румынии.

Готовится оно ко всяким случайностям, по убеждению моему, не столько с целью удержать болгар от военных действий против Турции, сколько с расчетом продать им свой нейтралитет возможно дороже.

Трудно теперь же определить размер румынских требований, размер, зависящий от того сопротивления, кое болгары встретили бы со стороны Турции.

По равным образом весьма правдоподобным данным, секретно сообщенным полковнику Искрицкому, меры, принимаемые ныне по отношению к IV румынскому корпусу, расположенному в Молдавии, носят исключительно оборонительный характер [1].

Примите и пр. М. Гирс.

№ 316. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 771. 4 января 1912 г./22 декабря 1911 г.

Ссылаюсь на мое донесение от [2 января 1912 г.] 20 декабря [1911 г.] [2], на вашу телеграмму № 2051 [3] и на мою № 750 [4].

Новый кабинет Саид-паши, список коего обнародован вчера, состоит преимущественно из членов предшествовавшего кабинета с более сильным оттенком преобладания партии «Единения и прогресса». Предложение заменить 35-ю статью конституции возобновлено вчера же, и палата будет, несомненно, вскоре распущена, согласно известной программе великого визиря. В области внутренней политики заметно старание правительства задобрить христиан, которым впервые предоставлено три министерских поста, и в том числе министерство общественных работ. Удаление Хулусси-бея, ревностного сторонника германских железнодорожных предпринимателей, подчеркивает прежнее направление внешней политики Саид-паши, ищущей сближения с державами Тройственного согласия. Хулусси-бей заменен армянином, бывшим до сего министром земледелия и торговли. Эти обстоятельства делают с местной точки зрения своевременным выяснение взгляда кабинета на интересующий нас вопрос о малоазиатских железных дорогах, сначала в указанной вами частной форме.

Чарыков.

№ 317. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма [5]. 4 января 1912 г./22 декабря 1911 г.

Копия в Лондон.

Министр иностранных дел выразил мне сегодня свою глубокую скорбь по поводу казни Сикат-оль-Ислама [6], который, по его мнению, ни в чем не

---

[1] Тел. от 10 янв. 1912 г. /28 дек. 1911 г. за № 184 М. Гирс передавал Сазонову, что, по полученным сведениям, «здесь усиленно продолжают готовиться к возможным весной внешним осложнениям».

[2] В деп. от 2 янв. 1912 г./20 дек. 1911 г. за № 137 Чарыков, сообщая, что в турец. политических кругах обсуждаются различные условия мира с Италией, указывал следующее: «Здесь, впрочем, так поглощены внутренним кризисом, что о войне как бы позабыли и, пожалуй, склонны свыкнуться с ней, как с одной из столь многочисленных обуз и неприятностей, которые тяготеют над Турцией в области ее внешних сношений».

[3] См. № 207.

[4] См. стр. 191, прим. 2.

[5] Номер отсутствует.

[6] См. № 301 и стр. 276, прим. 2.

был перед нами виновен, а, наоборот, сам находился в дурных отношениях с местным энджуменом и во время последних событий прилагал все усилия к восстановлению мира, что между прочим доказывается и тем обстоятельством, что он ежедневно навещал Миллера, когда генеральное консульство находилось в опасности. Правительство пока скрывает известие об этой казни, но министр уверен, что событие это причинит кабинету бесконечные затруднения в Тегеране, озлобит духовенство в Неджефе и может вызвать крупные беспорядки в провинции. Кабинет заставил меджлис принять ультиматум и затем решил распустить это собрание в надежде приобрести этим наше расположение и поддержку. Между тем казнь Сикат-оль-Ислама вызовет в стране новое возбуждение, а допущение нами в Тавриз также Шоджа-эд-Доуле после того, как нами же были разгромлены его противники, не может быть объяснено иначе, как желанием императорского правительства оказать содействие Мохамед-Али-шаху, а не здешнему правительству, которое положило столько усилий для исполнения требований России и создания дружественных с нами отношений. Последнее, повидимому, недостижимо, а потому кабинет, по всей вероятности, подаст в отставку, объяснив предварительно свой образ действий и свои обманутые надежды собранию из видных представителей столичного населения. Я повторил министру мои прежние объяснения о временном нахождении Тавриза и Решта в нашем военном управлении и введении военно-полевых судов, в деятельность коих не могут вмешиваться ни миссия, ни местные консульские представители. Я пытался также убедить министра в несвоевременности отставки кабинета, которая неминуемо вызвала бы беспорядки и анархию в Тегеране. Министр ответил, что кабинет едва ли останется у власти, но что в поисках за исходом из настоящего положения, стремясь узнать истинные цели императорского правительства, ему необходимо выяснить два ходатайства, удовлетворительный ответ на кои может побудить министров переменить их решения относительно отставки. Во-первых, он просил указать, когда или на каких условиях мы будем готовы передать Тавриз и Решт законно назначенным персидским губернаторам. Во-вторых, согласимся ли мы заявить Шоджа-эд-Доуле, что мы находим его присутствие в Тавризе нежелательным. На первый вопрос я не мог дать определенного ответа. На второй же я ознакомил министра с содержанием телеграммы вашего высокопревосходительства № 2194 [1]. Министр возразил, что такое отношение императорского правительства к Шоджа-эд-Доуле именно и убеждает его в нашем нежелании оказать какую-либо помощь кабинету, который, однако, без нее обойтись не может. Министр в заключение просил меня представить заданные им вопросы на усмотрение вашего высокопревосходительства.

Поклевский.

№ 318. Телеграмма министра иностранных дел китайского республиканского правительства [2].

*/. Нанкин, 4 января 1912 г./22 декабря 1911 г.

Republican Government has been firmly established to facilitate our intercourse with foreign countries and enable us the better to fulfill our national obligations. Earnestly urge upon you the advisibility of recognizing our government at an early date [3].

Wang Chung-hui.

---

[1] См. № 296.

[2] Тел. бланк.

[3] Тел. от 19/6 янв. нанкинское прав-во, ссылаясь на переговоры манчжурской династии с республиканским прав-вом по вопросу об отречении первой от суверенной власти и всех прав и привилегий, настойчиво просило о признании кит. республики во избежание гибельного междуцарствия.

Перевод.

Республиканское правительство прочно установилось для облегчения нашего общения с иностранными государствами и предоставления нам возможности лучше выполнять наши национальные обязательства. Усиленно настаиваю перед вами на желательности скорейшего признания нашего правительства.

Ванг Чунг-гуй.

№ 319. Военный агент в Японии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 545. 4 января 1912 г./22 декабря 1911 г.

Секретно.

Положение дел в Китае.

Несмотря на обычное прекращение занятий во всех учреждениях перед и после нового года, в военном министерстве и главном штабе занятия продолжались ежедневно, но с меньшим числом офицеров. Все начальники отделов были на местах, было несколько совещаний между чинами обоих учреждений.

Как теперь вполне выяснилось, Англия отказалась поддерживать Японию в исполнении ее плана относительно Китая [1], но это не изменило решения, принятого в самом начале — поддерживать монархию. Разница в том, что теперь Япония будет действовать еще более осмотрительно, выжидая пока событий.

Политика Англии показалась подозрительной, и японцы зорко следят за тем, чтобы их не обманули. Продолжают циркулировать слухи о том, что из Калькутты на трех пароходах «Апкар ляйн» будет отправлено в Гонконг 2 500 британских войск. Хотя подтверждения этих слухов ни из Лондона, ни из Гонконга еще не получено, но, по здешним сведениям, некоторое время пароходы названной линии не будут приходить в Японию, что как бы подтверждает справедливость слухов.

Японцы вообще думают, что нерешительная политика Англии вызывается отсутствием у нее под рукой войск и что, когда таковые будут, Англия выступит более решительно в Китае. Повидимому, японцы желали бы такого выступления, которое, по их мнению, окажется несостоятельным, и тогда главная роль в китайских событиях само собой перейдет к Японии и России. В необходимости же прибегнуть в конце концов к вооруженному вмешательству в здешнем военном министерстве более чем уверены, так как таковая будет вызвана анархией, которая, несомненно, наступит.

Некоторая перемена политики Юань Ши-кая считается японцами лишь за маневр его, ибо они уверены в том, что он на стороне революционеров, но теперь считает более выгодным быть на стороне монархии.

Генерал-майор Самойлов.

№ 320. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

·/. Телеграмма № 2216. 5 января 1912 г./23 декабря 1911 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1332 [2].

Персидский поверенный в делах по поручению своего правительства заявил мне сегодня, что тегеранский кабинет считает возможным про-

[1] Ср. № 287.

[2] В тел. от 4 янв. 1912 г. /22 дек. 1911 г. за № 1332 Поклевский высказывал свое мнение по поводу казни Сикат-оль-Ислама (см. № 301 и стр. 276, прим. 2), которую он считал «опрометчивым поступком». Считая, что персидское духовенство вообще должно быть изъято из ведения военно-полевых судов, Поклевский добавлял в заключение, что предоставление начальникам отрядов и консулам «неограниченных прав над жизнью и смертью персидско-подданных является опасным, так как лица эти, повидимому, руководствуются лишь чисто местными соображениями, не принимая во внимание последствий, которые их мероприятия могут вызвать в остальной Персии и во всем мусульманском мире».

должать свою деятельность, направленную к установлению дружественных отношений с нами, лишь в том случае, если мы установим определенный срок, когда все наши отряды будут выведены из Персии, удалим из Тавриза Шоджа-эд-Доуле и обещаем привлечь к ответственности лиц, виновных в казни Сикат-оль-Ислама и, в частности, в совершении этой казни в день ашуры. В противном случае кабинет должен будет выйти в отставку, обнародовав при этом, что он вынужден к такому шагу нашими действиями.

Я не преминул в резкой форме указать Али-Голи-хану на неуместность такого выступления персидского правительства и самым серьезным образом предостеречь его против последствий, какие мог бы иметь предположенный тегеранским кабинетом шаг.

Прошу вас спешно осветить нам создавшееся на месте положение и сообщить ваше мнение относительно возможных последствий выхода кабинета в отставку и мер, которые в таком случае нам надлежало бы принять.

Вам следует обстоятельно разъяснить регенту и министрам, что они таким путем навлекут на страну лишь неизмеримо большие бедствия. Затем, если эти сановники обнаружат должное благоразумие, вы можете дать им понять, что нами уже принимаются меры к урегулированию действий военно-полевых судов и что наши войска, конечно, не останутся в Персии дольше того времени, которое потребуется для установления нормального порядка вещей в местах их расположения [1].

Сазонов.

№ 321. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Депеша № 87. 5 января 1912 г./23 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Последняя речь австро-венгерского министра иностранных дел в делегациях [2] подробно комментируется в здешней печати, и взвешивается каждое слово, произнесенное графом Эренталем. За исключением инспирируемой правительством, почти вся печать отнеслась совершенно отрицательно к той части речи министра, которая касалась политики Австро-Венгрии во время франко-германских переговоров о Марокко.

Уже минувшей осенью возникла полемика о том, достаточно ли энергично была подчеркнута в то время графом Эренталем солидарность Австро-Венгрии со своей союзницей. Последняя же речь руководителя внешней политики Двуединой монархии, по мнению здешних политических кругов, не имеющих прямой связи с Wilhelmstrasse, только доказала обвинения, возводившиеся на графа Эренталя в слишком вялой поддержке, оказанной им Германии. Холодный и исключительно деловой тон этой речи подтвердил, что отношения между Веной и Берлином не таковы, каковыми они должны быть и на которые имеет право рассчитывать Германия, поддержавшая, с своей стороны, так определенно всей своей мощью союзницу во время аннексионного кризиса в 1909 году.

Речи министра иностранных дел противоставляют здесь деловитое, но энергичное выступление нового военного министра Австро-Венгрии, воспользовавшегося случаем упомянуть о Германии в самых теплых выражениях [2]. При этом, однако, здесь отмечается, что соседняя монархия должна была бы уже давно с большей поспешностью заботиться об увеличении своих военных сил.

---

[1] В ответ на публикуемую тел. Поклевский телеграфировал 8 янв. 1912 г./26 дек. 1911 г. за № 1348, что Восуг-эд-Доуле «поднял вопрос о совместном расследовании свидетельских показаний, которые повели к осуждению Сиката». Передавая о своем разговоре с регентом, Поклевский сообщал, что, по словам регента, «кабинет оставил теперь мысль об отставке, а, наоборот, им приняты энергичные меры для предупреждения агитации в Тегеране на почве тавризских событий»; Поклевский добавлял, что «нынешний кабинет регент аттестовал лучшим, какой Персия когда-либо имела, и искренне желающим установить прочные отношения с Россией и Англией, не боясь при этом нисколько обвинить демократов».

[2] См. № 311.

Вообще обвинения по адресу графа Эренталя и его политики в здешней независимой печати становятся все более резкими, так что германское правительство нашло, повидимому, нужным воспользоваться обзором в своем официозном органе внешней политики за минувший год, чтобы подчеркнуть все многочисленные проявления дружбы со стороны Австро-Венгрии, внешняя политика которой, несмотря на всякие министерские кризисы, остается верной своим старым традициям.

Останавливаясь на сравнительно незначительных проявлениях известного неудовольствия здешнего общественного мнения по отношению к Австро-Венгрии, притом касающегося более политики лично графа Эренталя, я считаю необходимым отметить, что за последние месяцы, в особенности со времени столь неожиданной войны между Италией и Турцией, в печати чувствуется какая-то тревога и неудовлетворенность теперешними комбинациями союзов.

Как на симптом, могу указать, что не только в печати, но и по дошедшим до меня слухам, — в разговорах средних кругов населения, — все чаще выражается мнение о целесообразности и необходимости для Германии вернуться к прежним политическим комбинациям, основой коих был союз трех императоров.

Примите и пр. Гр. Остен-Сакен.

№ 322. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Письмо [1]. 5 января 1912 г./23 декабря 1911 г.

Confidentielle et personnelle.

Monsieur le Ministre,

Les médecins m'ont considéré assez avancé dans ma convalescence pour consentir à me laisser aller au château le premier de l'an, prendre part à la présentation des félicitations à l'occasion du renouvellement de l'année.

Ainsi que je l'ai mandé à votre excellence par mon dernier télégramme [2], l'empereur l'ayant appris occasionnellement a eu la grâce de m'envoyer la veille son grand maréchal pour me dire que sa majesté me suppliait de ne pas faire d'imprudences mais que si je venais à la cour il m'offrait une audience particulière en habit de ville afin de m'éviter les fatigues d'une cérémonie officielle en uniforme.

J'ai donc été reçu dans les appartements privés de leurs majestés et en tête à tête. L'accueil qui m'a été fait portait un tel caractère de courtoisie et de bienveillance, que j'en suis resté vivement touché.

L'empereur avait très bonne mine et était de fort belle humeur. Les deux bronchites, dont il avait été atteint en automne ont été extrêmement bénignes et n'ont laissé aucune trace. Désignant l'année qui venait de s'achever comme une année pénible, chargée de menaces de guerre, il remerciait le ciel d'avoir pu éviter cette dernière calamité malgré l'énervement de l'opinion publique en Allemagne et les efforts de la presse de faire du Maroc une question d'honneur pour l'Empire.

Ici sa majesté a ajouté avec fierté et en élévant la voix — «j'avais jugé que l'honneur de l'Allemagne n'avait rien à y voir et je me suis peu soucié des criailleries qu'avait éveillé contre moi ma résolution de ne pas laisser les pourparlers prendre un caractère agressif. J'ai la conscience d'avoir rendu service non seulement à mon pays mais à l'Europe entière».

Puis se grisant un peu de ses propres paroles l'empereur à repris: «Tout le monde n'a pas agi de même. Il n'a pas dépendu de l'Angleterre pour que nos relations ne prissent un caractère alarmant. Elle peut se vanter d'avoir un moment amené la situation jusqu'aux dernières limites d'une tension excessive. Mais voilà! quand il s'agit d'elle-même l'Angleterre se décide

---

[1] Печатается с чернового отпуска, хранящегося в архиве б. росс. пос-ва в Берлине. В оригинале по ошибке датировано 4 янв. 1912 г./23 дек. 1911 г.

[2] Указанная тел. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

difficilement à rompre les lances. Par contre travailler sous main à mettre les autres aux prises — elle en est très friande.

Si j'en juge d'après une source à laquelle on devrait pouvoir accorder quelque crédit, l'Angleterre est pour beaucoup la cause de la guerre entre l'Italie et la Turquie. Je me suis laissé dire que l'ambassadeur d'Angleterre à Rome aurait insinué au Cabinet italien que plutôt que de laisser la Tripolitaine devenir la proie des velleités de la France à commander à tout le littoral africain jusqu'à l'Egypte, l'Angleterre, elle, jetterait son dévolu sur la Tripolitaine. Aussi a-t-il engagé l'Italie de profiter des embarras présents de la France pour se saisir de ce morceau tentant et se servant, comme toujours, de l'armée déloyale de la perfidie, l'Angleterre prévint sous main à Constantinople des intentions hostiles de l'Italie, en encourageant la Porte à tenir tête devant cette agression inqualifiable.

Eh bien, malgré tout cela, on se laissait prendre à cette politique aussi habile que perfide. Mais pas moi, par exemple!»

Passant à d'autres sujets l'empereur s'est exprimé avec reconnaissance de notre attitude durant les pourparlers entre l'Allemagne et la France à propos du Maroc.

«Ce n'est pas du goût de la politique Isvolsky, — a observé l'empereur non sans malice. — Je fais plus grand cas du tempérament réfléchi et calme de Mr. Sazonow».

Comme conclusion l'empereur a jeté un regard en arrière, sur les nombreuses années de notre travail commun et loyal, comme s'est exprimée sa majesté, pour le maintien de bonnes relations entre nous et m'a remercié une nouvelle fois d'avoir tenu à lui porter personnellement mes félicitations.

Puis me prenant par le bras il m'a dit: «On doit s'impatienter après moi au Zeughaus où je vais me rendre immédiatement, mais je veux vous guider dans les appartements de l'impératrice qui vous attend et qui sera également charmée de vous voir».

L'impératrice a mis le comble à son accueil bienveillant en exigeant que je prenne pour redescendre son lift qu'elle disait plus chaud que celui de l'empereur.

Veuillez agréer, etc.

[Osten-Sacken.]

P. S. J'apprends au dernier moment que le discours de l'empereur au chefs de différentes armées le jour de l'an a été on ne peut plus sérieux. Ces discours sont prononcés par sa majesté dans une espèce de Conseil militaire qu'à l'issue du défilé de cour sa majesté préside dans un salon à part porte fermée. Leur contenu ne transpire jamais dans le publique [1].

Перевод.

Г. министр, Доверительное и личное.

Врачи нашли мое выздоровление достаточно подвинувшимся для того, чтобы позволить мне отправиться во дворец 1 января, чтобы принять участие в принесении поздравлений по случаю нового года.

Как я сообщал вашему превосходительству моей последней телеграммой, император, случайно узнав об этом, соизволил накануне послать ко мне своего обер-гофмаршала, чтобы сказать мне, что его величество умоляет меня не поступать неосторожно, но что если я приеду ко двору, то он предлагает мне частную аудиенцию в штатском платье, чтобы избавить меня от утомительной официальной церемонии в форме.

Итак, я был принят в частных аппартаментах их величеств, с глазу на глаз. Оказанный мне прием носил такой любезный и доброжелательный характер, что я был живейшим образом тронут.

Император очень хорошо выглядел и был в прекрасном настроении. Оба бронхита, которыми он болел осенью, были крайне легкими и не оставили никаких следов. Отзываясь о только-что истекшем годе, как о тяжелом годе, наполненном угрозами войны, он благодарил небо за то, что мог избегнуть этого последнего бедствия, несмотря на нервозное состояние общественного мнения в Германии и на усилия прессы сделать из Марокко вопрос чести для империи.

---

[1] Слова: «Ces discours... le publique» написаны карандашом на отдельном листке, приколотом к черновому отпуску.

Здесь его величество добавил с гордостью, возвысив голос: «Я решил, что честь Германии тут не при чем, и меня мало беспокоили крики против меня, которые вызвало мое решение не допускать, чтобы переговоры приняли агрессивный характер. У меня есть сознание, что я оказал услугу не только своей стране, но и всей Европе».

Затем, немного воодушевленный собственными словами, император продолжал: «Не все действовали так же. Не от Англии зависело, что наши отношения не приняли тревожного характера. Она может похвалиться тем, что в известный момент довела положение до последних пределов чрезвычайного напряжения. И что же! когда дело идет о ней самой, Англия с трудом решается ломать копья. Наоборот, работать под рукою над тем, чтобы поссорить других, — это она большая любительница.

Судя по источнику, которому должно бы было быть оказано некоторое доверие, Англия в значительной степени является причиной войны между Италией и Турцией. Я слышал, что английский посол в Риме внушил итальянскому кабинету, что Англия наложит свою руку на Триполитанию, лишь бы не допустить Триполитанию сделаться жертвой покушения Франции на господство над всем африканским побережьем вплоть до Египта. Поэтому он предложил Италии воспользоваться нынешними затруднениями Франции, чтобы захватить этот соблазнительный кусок, и, применив, как всегда, бесчестное оружие коварства, Англия тайно предупредила Константинополь о враждебных намерениях Италии, подстрекая Порту к оказанию сопротивления этому неслыханному нападению.

И вот, несмотря на все это, люди поддались этой политике, столь же ловкой, сколь коварной. Но уж, во всяком случае — не я».

Переходя к другим темам, император с благодарностью отозвался о нашей позиции во время переговоров между Германией и Францией по поводу Марокко.

«Это не во вкусе политики Извольского, — заметил император не без лукавства. — Я больше ценю рассудительный и спокойный характер г. Сазонова».

В заключение император окинул взглядом прошлое, многие годы нашей лойяльной совместной работы, как выразился его величество, на поддержание добрых отношений между нами и снова поблагодарил меня за то, что я лично принес ему свои поздравления.

Затем, взяв меня под руку, он сказал: «Меня должно быть с нетерпением ждут в цейхгаузе, куда я отправляюсь сейчас, но я сам проведу вас в аппартаменты императрицы, которая ждет вас и которая также будет крайне рада вас видеть!»

Императрица оказала мне исключительно любезный прием, потребовав, чтобы при уходе я воспользовался ее лифтом, который, по ее словам, теплее, чем лифт императора.

Примите и пр.

[Остен-Сакен.]

P. S. В последний момент узнал, что новогодняя речь императора перед различными начальниками армии была как нельзя более серьезной. Эти речи произносятся императором в своего рода военном совете, в котором его величество председательствует по окончании придворной церемонии, в отдельном салоне, при закрытых дверях. Содержание их никогда не доходит до публики.

№ 323. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 774. 5 января 1912 г./23 декабря 1911 г.

Копия в Белград.

Получил № 2191 [1].

Вчера сделал патриархии указанное сообщение.

Выяснилось, что патриарх и некоторые члены синода не одобряют выбора Дожича и что избрание это произошло лишь для предотвращения избрания Раденковича, признаваемого патриархией совершенно недопустимым. На первый такрир патриарха об утверждении Дожича Порта ответила отказом, ссылаясь на возражение местных сербских общин. На-днях послан в Порту второй такрир. Патриарх обещал после праздников изыскать способы устранить Дожича от Рашко-Призренской кафедры. Сегодня объяснился с сербским посланником в смысле вашей инструкции. Ненадович обрадован нашим содействием к устранению Дожича и телеграфирует Миловановичу об указываемой нами непригодности кандидатуры Раденковича и о моей готовности обсудить с посланником возможность других кандидатур и поддержать таковые, если нужно, пред патриархией. Не указывая на какое-либо лицо, я отметил посланнику предпочтительность замещения Рашко-Призренского престола человеком, состоящим издавна в священстве, хорошей жизни

[1] См. № 295.

и заботящимся об интересах церкви, а не о политике, ведение коей должно быть, в особенности в названной архиепископии, предоставлено не духовенству, а консулам. Ненадович сообщил мне ответ Миловановича. Здешний черногорский представитель, отрицая, что Дожич—кандидат Черногории, выступает энергично в его пользу, соответственно телеграмме Арсеньева № 159 [1], и против кандидатуры Раденковича. Вчера Попович сообщил мне по поручению своего правительства, что неутверждение Дожича вызовет серьезное осложнение между Черногорией и Сербией. Я ответил, что имею инструкцию отнестись одинаково отрицательно к обоим названным кандидатам и, не имея своего, признаю желательным лишь назначение в Призрен достойного иерарха сербской национальности, заботящегося о церкви и чуждого политике [2].

Чарыков.

№ 324. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 2223 [3]. 6 января 1912 г./24 декабря 1911 г.

Сообщается Некрасову в Решт.

Телеграмма № 1327 получена [4].

Все лица, принимавшие прямое или косвенное участие в нападениях на наши воинские части, подлежат военно-полевому суду, который, при содействии консульства, имеет установить степень их виновности и постановить соответственный приговор. Лица, опасные для спокойствия, могут быть арестуемы при посредстве персидских властей, а при их бессилии, и непосредственно нашим военным начальством по указанию консула; после ареста предпочтительно передавать их персидским властям для содержания под стражей или высылки. Иностранные подданные нами могут быть арестованы лишь в том случае, если они захвачены с оружием в руках при нападениях на наши части. Во всех других случаях о враждебных действиях иностранцев следует доводить до сведения подлежащих консулов и требовать принятия ими соответствующих мер. Бездействие в таких случаях иностранных консулов может быть обжаловано в миссию и министерство. По отношению к лицам духовного звания следует поступать с крайней осторожностью и предавать их военно-полевому суду лишь при доказанном непосредственном участии их в нападениях. В прочих случаях следует настаивать на их удалении из Гиляни. Все обнаруженные боевые припасы и оружие подлежат конфискации. Обысков надо по возможности избегать, предпринимая таковые лишь при несомненных указаниях на наличность оружия и притом предпочтительно в присутствии местных властей. Никакие сборища на улицах или вблизи города не должны допускаться. Если наши войска будут сами поддерживать порядок в городе, как в Тавризе, то им

---

[1] Тел. от 26/13 дек. за № 159 Арсеньев передавал Сазонову, что черног. король, во избежание серьезного осложнения с сербами из-за назначения Дожича, «просит умиротворяющего воздействия нашей миссии в Белграде на общественное мнение королевства сербского».

[2] Тел. от 4 янв. 1912 г./22 дек. 1911 г. за № 207 Гартвиг сообщал Сазонову, что «разрешение дела Дожича в желаемом смысле значительно бы упростилось, если бы цетинское правительство поспешило по собственной инициативе открыто отказаться от поддержки иерарха, который неугоден православным сербам Турции». Тел. от 9 янв. 1912 г./27 дек. 1911 г. за № 211 Гартвиг, ссылаясь на публикуемую тел. Чарыкова, сообщал Сазонову, что серб. прав-во не настаивает на кандидатуре Раденковича, но сожалеет, что патриархия избрала «недостойного иерарха, презираемого православным населением Турции». «Вопреки заявлению Поповича, — указывал далее Гартвиг, — можно с полной уверенностью сказать, что устранение Дожича никаких осложнений между Сербией и Черногорией не вызовет».

[3] Опубл. Ор. кн., стр. 405, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[4] В тел. от 3 янв. 1912 г./21 дек. 1911 г. за № 1327 Поклевский, ссылаясь на тел. Некрасова за № 373 (см. № 294 и прим. к нему), просил Сазонова снабдить Некрасова подробными указаниями. «Желательно также выяснить, — заканчивал Поклевский, — подлежат ли возвращаемые ныне из Баку высланные туда духовные лица военно-полевому суду в Реште или лишь вызову в Тегеран персидским правительством».

надлежит самим озаботиться об этом; в противном случае надо предъявлять соответствующие требования персидским властям. Из предложенных Некрасовым в телеграмме [31] 18 декабря мер [1] признаем целесообразным при настоящих условиях изложенные в пунктах первом, втором, третьем, девятом, десятом и одиннадцатом. Что касается фидаев, то, по нашему мнению, упразднение таковых повсеместно должно составить одну из важнейших и неотложнейших задач персидского правительства.

Сазонов.

№ 325. Посланник в Танжере министру иностранных дел.

*/. Депеша № 117. 6 января 1912 г./24 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Прошло два месяца с тех пор, что французское правительство заключило с германским конвенцию по марокканским делам. За это время марокканский вопрос и в печати, и в законодательных собраниях подвергся обстоятельному разбору и критике. Хотя французский сенат еще не закончил дознание, которое он предпринял для выяснения всех обстоятельств этого сложного дела, возможно уже теперь подвести итоги и сделать заключения из громадного материала, образовавшегося из парламентских речей и журнальных статей.

Прежде всего считаю долгом отметить, что никто не испытывает особенного удовлетворения по поводу заключения соглашения, хотя в дипломатических канцеляриях и принято радостно приветствовать благополучное окончание спорного вопроса.

Для всякого, кто в самом деле знаком с марокканским вопросом, дело далеко не закончено.

В настроении немцев и французов за эти два месяца произошла заметная перемена: конвенция, как известно, была встречена в Германии взрывом негодования, как унизительное для достоинства Германии послабление, во Франции же она приветствовалась, как достижение конечной цели французской политики в Марокко. С течением времени положение изменилось: немцы поняли преимущества своего положения в Марокко в смысле экономическом и выгоды сделанных в Центральной Африке приобретений; а французы сознали, что дорого стоивший протекторат над Марокко далек от того, что они понимали под словом «тунизификация империи шерифов».

Осложнение марокканского вопроса тотчас после заключения соглашения 4 ноября [нов. ст.], образ действия Испании и заинтересованное вмешательство Великобритании в переговоры Франции с Испанией сильно разочаровали французов, с наглядностью указав им, какие препятствия лежат на пути установления настоящего протектората над Марокко.

В какую бы форму ни вылились результаты ведущихся в Мадриде переговоров, вперед можно сказать, что мы находимся перед новым компромиссом, коим вовсе не разрешается марокканский вопрос.

---

[1] Тел. от 31/18 дек. за № 371 Некрасов предлагал следующие меры для поддержания порядка в Реште: «1) порядок в городе поддерживается губернатором при помощи казаков бригады; 2) при казачьей части в городе состоит русский инструктор; 3) никакая другая персидская часть ни под каким видом в городе не допускается, будь то сарбазы, реформированная пехота, жандармы или всадники; 4) в случае надобности для нас обыски и аресты производятся консульством и рештским отрядом самостоятельно и независимо от персидских властей; 5) по усмотрению консульства подозрительные лица выдворяются из города в Тегеран, предпочтительнее в Россию; 6) въезд таким лицам в город возможен лишь с разрешения консульства; 7) организация фидаев уничтожается; 8) принадлежность к ней карается тюремным заключением; 9) за хранение бомб и взрывчатых веществ виновные караются тюремным заключением; 10) хозяин дома, не донесший о сем консульству, хотя бы по незнанию, штрафуется; 11) ношение оружия предоставляется с разрешения консульства, и местный губернатор представляет список консульству».

Если можно так выразиться, со времени Алжезирасской конвенции сделан шаг вперед в том лишь смысле, что с большей ясностью обрисовались роли заинтересованных сторон.

Франция, преследуя политику укрепления и расширения своих алжирских владений, ценой больших жертв в пользу третьих держав стремилась наложить руку на Марокко.

После долгих тщетных усилий ей удается, наконец, из рук Германии — и тоже не даром — получить политическое преобладание в Марокко, но вместе с тем приходится отказаться от каких-либо преимуществ экономического характера.

Испания силится удержаться в Марокко в выговоренной ею черте. Для королевского правительства это — вопрос жизни, экономические и иные интересы — на втором плане.

Роль Англии особенно характерна. Ретиво поддержав Францию в столкновении с Германией, коль скоро дело шло о возможном водворении Германии в Марокко, дружеское настроение великобританского правительства по отношению к Франции сразу исчезло, как только французы сделали попытку стать твердой ногой в Гибралтарском проливе.

Ссылаюсь на депеши мои №№ 101, 103 и 105 [1].

Как в столкновении Франции с Германией, так и в распре Франции с Испанией, Сен-Джемский кабинет, верный старым традициям, не имел в виду ни французские интересы в первом случае, ни испанские— во втором.

Англия борется за сохранение своего исключительного положения на море, возможность утраты которого не ускользает от бдительных английских государственных людей.

При таких обстоятельствах не только нельзя предвидеть скорого разрешения марокккского вопроса, но было бы вполне естественно опасаться новых осложнений. Однако, более тесное сплочение французов с немцами на экономической почве в Марокко, слияние капиталов тех и других, единство интересов представляют надежный залог сохранения мира и не останутся без влияния на возможные в будущем изменения в группировке держав.

П. Боткин.

№ 326. Посол в Вене министру иностранных дел.

Телеграмма № 104. 6 января 1912 г./24 декабря 1911 г.

Лично.

Ответ на № 2213 [2].

Эренталь избегает высказаться относительно причин неудовольствия против Экземплярского, хотя я дал ему понять, что это нежелание удовлетворить наше требование об извинении на месте идет вразрез с желанием австро-венгерского правительства установить дружеские отношения с Россией. Я был бы крайне благодарен вашему высокопревосходительству, если бы вы сочли возможным подтвердить эти слова в разговоре с австро-венгерским послом [3]. По некоторым данным оказывается, что Эренталь обвиняет нашего консула в раздаче крупных сумм для противоправительственной агитации в Галиции при выборах. Возможно, что передача денег, о которых говорится в письме первого департамента Экземплярскому от [17]

---

[1] Деп. Боткина за №№ 101, 103 и 105 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружены.

[2] В тел. от 5 янв. 1912 г./23 дек. 1911г. за № 2213 Сазонов, в ответ на предложение Н. Гирса вызвать в Вену Экземплярского для выяснения возводимых на него обвинений (тел. от 4 янв. 1912 г./22 дек. 1911 г. за № 101), высказывал сомнение, сможет ли Экземплярский дать объяснения по обвинениям, сущность которых Гирсу не сообщена, и усматривал во всем этом «явное нежелание Эренталя удовлетворить наше требование об извинении наместником».

[3] В тел. от 8 янв. 1912 г. /26 дек. 1911 г. за №№ 2227 и 2228 Сазонов сообщил Н. Гирсу о своем разговоре с австро-венг. послом в Петербурге, который сказал, что «весь вопрос сводится к личному нежеланию Бобржинского посетить русского консула». Посол добавил, что всякое настояние поведет к отставке наместника, что представляется нежелательным для австро-венг. прав-ва.

4 января № 4[1], вызвала некоторое озлобление, о чем был извещен наместник. Кроме того, неоднократный созыв графом Бобринским галицко-русских депутатов и здешних корреспондентов «Нового времени» для совещания по галицким делам очень раздражает здешнее правительство, которое считает все действия Бобринского явно враждебными Австро-Венгрии и недопустимым вмешательством во внутренние дела страны. На-днях должно состояться, под председательством Бобринского, новое совещание около Брест-Литовска[2].

Н. Гирс.

№ 327. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 105[3]. 6 января 1912 г./24 декабря 1911 г.

В дополнение моей телеграммы № 104[4].

Из разговоров с Фичевым и Никифоровым полковник Романовский вынес впечатление, что и в военных кругах дорожат соглашением с Сербией. В то же время наш военный агент определенно выяснил, что рациональная с топографической точки зрения граница бесспорно должна была бы оставить левый берег нижнего течения реки Черный Дрин и половину местечка Струги за болгарами, иначе граница выйдет совсем искусственная. Ввиду этого болгары едва ли пойдут на уступку домогательствам сербов относительно Струги. До сегодня и Гешов, и Спалайкович неоднократно говорили мне, что относительно границ на западе от Вардара никаких пререканий нет, и весь спор сосредоточивался вокруг Ускюба. Здесь болгары признали правильность последних предложений Миловановича. Но вопрос о Струге явился для них действительно неприятной неожиданностью. Я высказался бы всецело в этом смысле перед Спалайковичем, если бы не боялся, что в Белграде Пашич и другие недоброжелатели соглашения воспользуются этим, дабы уничтожить работу Миловановича и Спалайковича.

Неклюдов.

№ 328. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма[5]. 6 января 1912 г./24 декабря 1911 г.

Копия в Лондон.

Получил телеграмму № 2197[6].

Назначение Морнара главным казначеем действительно встречает сильную оппозицию, но мне кажется, что она исходит преимущественно от Шустера и его клики. Поэтому нам следовало бы воспользоваться нынешним положением вещей, чтобы добиться назначения Морнара, и мы с Баркласм покамест будем продолжать наши настояния в этом направлении. Здешний голландский посланник служил раньше в китайских таможнях, но не знаю, насколько он является компетентным в финансовых вопросах. Он симпатичный человек и высказывал мне всегда свои симпатии к России.

---

[1] В этом письме сообщалось Экземплярскому, что «некоторые лица» выразили желание оказать материальную поддержку учебно-просветительным и благотворительным учреждениям, находящимся в округе львовского консульства, и просили содействия консульства в этом деле. М-во ин. дел сочло возможным возложить «обязанности по получению денег частным образом» на секретаря консульства.

[2] В тел. от 7 янв. 1912 г./25 дек. 1911 г. за № 105 Н. Гирс сообщил о приезде в Вену Экземплярского, по словам которого, «главной причиной неудовольствия австро-венгерского правительства является агитационное движение, созданное в Галиции графом Бобринским». Дальше сообщалось, что лично консул не имел с наместником Галиции никаких недоразумений и что он держит себя в стороне от всех партий.

[3] Маш. копия. Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 18.

[4] См. № 313.

[5] Частично опубл. Ор. кн., стр. 406, со стилистическими изменениями.

[6] Тел. Сазонова за № 2197 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

Однако подозрительно то, что его кандидатура впервые выставлена американцами Селигмана [1], здешними корреспондентами «Times» и т. д., т. е. именно друзьями Шустера, которые, повидимому, надеются, что при подобной комбинации все американцы останутся на службе в главном казначействе.

Поклевский.

№ 329. Министр иностранных дел поверенному в делах в Стокгольме Мясоедову.

*/. Телеграмма № 2232 [2]. 8 января 1912 г./26 декабря 1911 г.

Дополнение моей телеграммы № 2199 [3].

Согласно сообщению великобританского посольства, шведское правительство будто бы опасается, что мы намерены распространить на находящихся уже в Персии шведских офицеров действие 2-го пункта нашего ультиматума [4], принятого шахским правительством и ставящего приглашение иностранцев на персидскую службу в зависимость от предварительного соглашения с русской и английской миссиями, а равно имеем в виду потребовать увольнения означенных офицеров.

Эти опасения лишены всякого основания, тем более, что на приглашение шведских офицеров в свое время было изъявлено согласие нами и англичанами.

Благоволите довести об этом до сведения шведского правительства, предварительно сговорившись с английским посланником, который получит такие же указания.

Сазонов.

№ 330. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 110 [5]. 8 января 1912 г./26 декабря 1911 г.

Complément à la lettre du [5 janvier 1912] 23 décembre [1911] [6].

J'ai vu hier le sous-secrétaire d'Etat qui m'a répété qu'il avait cru devoir s'adresser au préalable à Kiderlen avant de parler au chancelier, mais que l'absence de réponse de Stuttgart l'avait décidé à exposer l'affaire devant Bethmann-Hollweg. Ce dernier approuve complètement l'idée de votre excellence d'en appeler à un accord de toute l'Europe pour trouver et proposer des conditions de paix aux bélligérants. Le caractère collectif enlèverait à chacun des Puissances en particulier la crainte d'être accusée de partialité par une des parties bélligérantes. Il approuve également la nécessité de recourir à cette mesure au plus tôt et le Cabinet de Berlin va se mettre immédiatement en rapport avec les autres Grandes Puissances pour un échange immé-

---

[1] Так в оригинале.

[2] Опубл. Ор. кн., стр. 408, со стилистическими изменениями.

[3] Тел. от 3 янв. 1912 г./21 дек. 1911 г.за № 2199 (№ 1) Сазонов, передавая Мясоедову за № 2202 (№ 2) тел. Поклевского от 29/16 дек. за № 1313 о приглашении перс. прав-вом трех новых шведских офицеров, просил довести до сведения шведского м-ра ин. дел, что со стороны росс. прав-ва «не встречается препятствий к осуществлению этой меры».

[4] См. стр. 186, прим. 8.

[5] Тел., повидимому, по ошибке помечена № 110, так как за этим же номером имеется тел. от 30/17 дек. См. № 288.

[6] В письме от 5 янв. 1912 г./23 дек. 1911 г. Остен-Сакен, дополнительно к тел. за № 110 (см. № 288), передал свою беседу с Циммерманом по поводу предложения Сазонова (см. № 275). В этом письме он сообщил, что Циммерман еще не докладывал о предложении Сазонова Бетман-Гольвегу, мотивируя это тем, что «в отсутствии статс-секретаря он не решился доложить это столь важное дело канцлеру, не поставив о нем в известность своего непосредственного начальника», которому он написал подробное письмо. Остен-Сакен объяснял эту задержку в ответе берлинского кабинета тем, что последний «не хочет высказаться более определенно по существу вашего предложения, не сговорившись с другими державами и главным образом с венским кабинетом».

diat de vues sur la question. Pour ce qui est de l'initiative dont vous voudriez charger la France, le chancelier voudrait la liberté. En principe il n'aurait rien contre, mais il pense que c'est un détail particulier qui se résoudrait par lui même lors des explications en commun. Il considère ce détail comme secondaire.

Osten-Sacken.

Перевод.

Дополнение к письму от [5 января 1912 г.] 23 декабря [1911 г.].

Вчера я виделся с помощником статс-секретаря, который повторил мне, что он считал своим долгом до разговора с канцлером обратиться предварительно к Кидерлену, но что, за отсутствием ответа из Штуттгарта, он решил изложить дело Бетман-Гольвегу. Последний полностью одобряет мысль вашего превосходительства апеллировать к согласию всей Европы, дабы выработать и предложить воюющим условия мира. Коллективный характер выступления устранил бы для каждой из держав опасение быть обвиненной в пристрастном отношении к одной из воюющих сторон. Он соглашается также с тем, что необходимо, как можно скорее, прибегнуть к этой мере; берлинский кабинет незамедлительно войдет в сношения с другими державами с целью немедленного обмена взглядами по этому вопросу. Что касается инициативы, которую вы хотели бы предоставить Франции, то канцлер желал бы сохранить свободу [решения]. В принципе он ничего не имеет против, но считает это частной подробностью, вопрос о которой разрешится сам собой в процессе общих переговоров. Он считает, что эта деталь имеет второстепенное значение.

Остен-Сакен.

№ 331. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо[1]. 9 января 1912 г./27 декабря 1911 г.
Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Г. де Сельв, в течение двух месяцев совершенно поглощенный защитой франко-германского соглашения, сперва перед палатой депутатов, а затем перед сенатом, наконец доставил мне письменный ответ на мое письмо касательно вопросов о Проливах и Северном Китае[2].

Ответное письмо г. де Сельва считаю долгом приложить у сего в подлиннике[3].

Как я предвидел, ответ французского министра иностранных дел составлен если не в уклончивых, то в общих выражениях; я уже имел случай высказать, что нынешний французский кабинет, только-что подвергшийся беспощадной критике со стороны парламента за несомненно выгодное для Франции соглашение с Германией и чувствующий близкое свое падение, естественно остерегается выдачи каких-либо новых обязательств: общественное мнение Франции с большой силой высказалось против заключенных некоторыми предшественниками г. де Сельва секретных соглашений, и как раз в настоящую минуту сенатская комиссия доискивается подробной истории этих соглашений. При подобных условиях задача г. де Сельва состояла в том, чтобы, по возможности, удовлетворить наши пожелания, не давая вместе с тем повода в будущем к обличению его в повторении такого действия, которое только-что подверглось строгому порицанию со стороны парламента.

Обращаясь к анализу письма г. де Сельва по существу, мне кажется, что оно может быть признано не лишенным значения и цены; в первой своей части оно заключает, под видом фигуры повторения, признание параллельности нашего отношения к интересам в вопросах о Проливах и Северном Китае. Вслед за сим г. де Сельв формально подтверждает данные нам французским правительством в 1908 году уверения касательно Проливов; как известно, в то время уверения эти не были облечены в письменную форму и носили характер обещания со стороны Франции общей поддержки нашей политики по отношению к Босфору и Дарданеллам. Затем выраженная

[1] Частично опубл. М., стр. 145.
[2] См. т. XVIII, приложение к № 838.
[3] См. приложение к публикуемому документу.

г. де Сельвом готовность войти с нами в обмен мыслей о Проливах дает нам возможность со временем приступить к более подробному выяснению этого вопроса.

Вторая часть письма г. де Сельва содержит вполне ясно выраженное утверждение, что нам обеспечена поддержка Франции во всем, что составляет наши законные права и интересы в Северном Китае, причем сферой этих прав и интересов формально признается не только Северная Манчжурия, но и Монголия и Китайский Туркестан. Письмо оставляет без ответа мои указания на вопросы об учреждениях Восточно-Китайской железной дороги и о капитуляциях в полосе отчуждения, но умолчание это может быть истолковано лишь в нашу пользу, тем более, что заключительные слова письма содержат обещание благожелательного, в будущем, отношения Франции к нашей политике в вышепоименованных частях Китая.

Если бы, вопреки моему толкованию, письмо г. де Сельва показалось вам для наших целей недостаточным, всей переписке моей с французским министром иностранных дел можно придать предварительный характер и приступить к более формальным и подробным переговорам. Позволяю себе, однако, высказать, что в настоящем фазисе здешних дел вряд ли это представлялось бы желательным. Как вам известно, г. де Сельв, да и сам г. Кайо — халифы на час. С ними весьма трудно и даже бесполезно начинать обсуждение сложных международных вопросов. Весьма вероятно, что преемником г. де Сельва будет лицо более сведущее и более авторитетное в подобных вопросах (например, г. Мильеран). Тогда, если вы найдете это нужным, можно будет ближе подойти к интересующим нас предметам и вызвать французское правительство на более точные заявления.

Примите и пр.

Извольский.

Приложение.

Французский министр иностранных дел российскому послу в Париже Извольскому.

·/. Письмо [1]. **4 января 1912 г. /22 декабря 1911 г.**

Monsieur l'ambassadeur,

Votre excellence a bien voulu le 4 novembre dernier exprimer, au nom et d'ordre du gouvernement russe, la conviction que la France était prête à témoigner à la Russie dans certaines questions qui intéressent plus particulièrement notre alliée des dispositions aussi favorables que celles manifestées par le gouvernement russe à l'occasion des pourparlers et de l'accord récent relatif au Maroc.

Les questions visées expressément par votre dépêche susdite se rattachent en Europe au régime des Détroits, et en Asie à la situation de la Russie dans les régions du Nord de l'Empire chinois.

D'une manière générale je suis heureux de confirmer de nouveau à votre excellence les déclarations du gouvernement français, à l'occasion des événements de 1908, relativement aux satisfactions que le gouvernement russe pourrait être amené à poursuivre dans la question du Détroit du Bosphore et des Dardanelles. Le gouvernement français reste disposé à échanger des vues à cet égard avec le gouvernement russe, si des circonstances nouvelles rendaient nécessaire un examen de la question des Détroits.

Quant aux intérêts de la Russie dans le Nord de la Chine votre excellence a bien voulu rappeler que le gouvernement de la République a constamment témoigné son intention d'appuyer la Russie dans la défense de ses intérêts en Mandchourie et donné des preuves effectives de sa bonne volonté à cet égard, en refusant en dernier lieu l'admission à la cote de l'emprunt chinois de 250 millions, tant que l'article 16 du contrat relatif à la Mandchourie

[1] Опубл. М., стр. 143.

n'aurait pas été supprimé ou remanié conformément aux desideratas russes [1].

L'appui ainsi affirmé du gouvernement français à tout ce qui constitue les droits et intérêts légitimes de la Russie dans le Nord de la Chine s'étend non seulement au nord de la Mandchourie, mais à la Mongolie et au Turkestan chinois: la politique que nous avons constamment suivie à cet égard est un sûr garant de celle que continuerons à pratiquer à l'avenir dans ces régions qui intéressent particulièrement nos alliés.

Croyez, mon cher ambassadeur, à mes affectueux sentiments.

de Selves.

Перевод.

Г. посол,

4 ноября ваше превосходительство изволили выразить от имени и по распоряжению российского правительства уверенность в готовности Франции засвидетельствовать России в некоторых вопросах, особенно интересующих нашу союзницу, столь же благожелательные намерения, как и проявленные российским правительством при переговорах и недавнем соглашении относительно Марокко.

Вопросы, специально оговоренные в вашей упомянутой депеше, относятся в Европе к режиму Проливов, а в Азии — к положению России в северных областях Китайской империи.

Я счастлив в общих чертах вновь подтвердить вашему превосходительству заявления французского правительства, сделанные в связи с событиями 1908 года относительно удовлетворения, которого российское правительство, быть может, будет вынуждено добиваться в вопросе о Босфорском проливе и Дарданеллах. Французское правительство попрежнему расположено обменяться с российским правительством взглядами на этот предмет, если бы новые обстоятельства вызвали необходимость обсуждения вопроса о Проливах.

Что же касается интересов России в Северном Китае, то ваше превосходительство изволили напомнить, что правительство республики постоянно свидетельствовало свое намерение поддерживать Россию в защите ее интересов в Манчжурии и давало фактические доказательства своей доброжелательности в этом отношении, отказавшись в последнее время допустить котировку китайского займа в 250 миллионов, пока статья 16-я контракта, касающаяся Манчжурии не будет исключена или изменена сообразно желаниям России.

Подтвержденная таким образом поддержка французского правительства во всем, что составляет права и законные интересы России в северной части Китая, распространяется не только на север Манчжурии, но и на Монголию и на Китайский Туркестан: политика, которой мы придерживались постоянно в этом деле, является твердой гарантией для той, которую мы будем продолжать в будущем в этих областях, особенно интересующих наших союзниц.

Примите, уважаемый г. посол, уверения в глубоком уважении.

де Сельв.

№ 332. Чиновник для пограничных сношений при наместнике на Кавказе министру иностранных дел.

Телеграмма № 1008. 9 января 1912 г./27 декабря 1911 г.

Копия с телеграммы № 1007 консулу в Реште, отправленной по просьбе штаба округа:

Сообщаю к руководству указания генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова к вашей телеграмме № 374 [2].

Возвращение в Решт лиц, уже арестованных и высланных в Баку, сделано [3]. По выяснении вами совместно с начальником отряда виновности возвращенных, а равно всех без исключения прочих лиц, так или иначе действовавших или действующих против наших войск, их надлежит арестовать, предоставив затем решение вопроса о предании их суду усмотрению начальника отряда. Если вами по собственному почину арестованы лица,

[1] См. стр. 285, прим. 4.

[2] См. № 294 и стр. 271, прим. 7.

[3] Тел. от 6 янв. 1912 г./24 дек. 1911 г. за № 996 Кохановский, по поручению начальника штаба округа, телеграфировал в Решт (копия Сазонову): «Телеграммой министра по тому же делу приказано всех арестованных вами лиц и препровожденных в Баку немедленно возвратить вам для суждения их на месте учреждаемыми там полевыми судами». См. №№ 267, 273 и 283.

*

суду не подлежащие, то ошибка в отношении их должна быть вами исправлена также по совместном обсуждении с начальником отряда. Меры, применяемые к персам, распространяются на всех русско-подданных, а на иностранно-подданных — лишь в крайних и бесспорных случаях, например, при задержании с оружием на месте преступления. Прекращать обысков не следует, оружие конфисковать и от конфискации оружия не отказываться. Забастовок, закрытия базаров и лавок, сборищ на улицах не допускать. Надлежит иметь в виду, что во всех такого рода случаях на обязанности консула лежит выяснение обстоятельств и положения дел, равно личности и деяний обвиняемых, решение же вопроса о предании их суду является обязанностью начальника отряда. Получение из Тифлиса указаний по каждому отдельному случаю невозможно, почему необходимо сообразоваться с духом последних распоряжений правительства относительно военно-полевых судов и общим положением дел на месте [1]. Содержание настоящей телеграммы должно быть сообщено вами начальнику отряда. Подписал: за начальника штаба генерал-майор Карпов. № 8257.

Кохановский.

№ 333. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Щекину.

Телеграмма № 2244. 10 января 1912 г./28 декабря 1911 г.

№ 981 получен [2].

Сносимся с военным министром о подготовке в Джаркенте отряда на случай наступления в Илийском округе анархии, подвергающей опасности русских подданных [3]. Благоволите предупредить китайское правительство, что в сказанном случае мы будем принуждены самостоятельными мерами поддержать порядок в этом округе.

Имейте однако в виду, что занятие Илийского края не входит в наши виды, и наш отряд может быть выдвинут в Кульджу только при действительной необходимости. С другой стороны, нельзя ожидать, чтобы пекинское правительство могло принять меры для подавления смуты в Илийском крае. Поэтому мы смотрим на вышеупомянутое предупреждение, скорее как на средство давления на китайцев при происходящих переговорах по монгольскому вопросу и пересмотру С.-Петербургского трактата [4].

[Сазонов.]

---

[1] Ср. № 324.

[2] Тел. от 9 янв. 1912 г./27 дек. 1911 г. за № 981 Щекин сообщил Сазонову, что им получена от секретаря консульства в Кульдже Дьякова тел., в которой последний, донося о воен. бунте в Суй-Дуне, просил прислать для охраны сотню казаков. Щекин считал, что одна сотня казаков не может обеспечить безопасность жизни и имущества росс. подданных, находящихся в Кульджинском округе в количестве 1 200 семейств, и отмечал: «Единственной действительной мерой было бы при первой опасности занять Кульджу сосредоточенным в Джаркенте отрядом и самостоятельно поддержать порядок в области, где наши интересы слишком значительны, чтобы мы могли ими пренебрегать».

[3] В письме от 9 янв. 1912 г./27 дек. 1911 г. за № 1373 Сазонов, ссылаясь на полученные от консульства в Кульдже сведения о произведенном там войсками ген. Яна перевороте, передавшем власть в руки революционеров, писал Сухомлинову следующее: «Наши подданные не пострадали при перевороте, но управляющий консульством опасается наступления анархии, при которой имеющаяся сейчас в Кульдже русская военная охрана окажется недостаточной для обеспечения безопасности жизни и имущества русской колонии, насчитывающей до 2 000 семейств. Признавая, что дальнейшее развитие событий в Илийском крае действительно может потребовать каждую минуту ввода наших военных сил для указанной цели, я обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой не отказать сделать по телеграфу сношение с туркестанским генерал-губернатором о том, чтобы безотлагательно приступлено было к подготовлению отряда надлежащего состава, который мог бы в случае надобности быть двинут для охраны наших интересов в Илийском крае».

[4] В письме от 12 янв. 1912 г./30 дек. 1911 г. за № 1393 Сазонов сообщал Сухомлинову, в ответ на запрос последнего, что, по его мнению, предполагаемый к посылке в Кульджу отряд «мог бы быть значительно менее сильным, чем тот, который был

№ 334. Заведующий отделом Среднего Востока чиновнику для пограничных сношений при наместнике на Кавказе Кохановскому.

Телеграмма № 2253. 10 января 1912 г./28 декабря 1911 г.

Германский агент в Тавризе Шюнеман в сопровождении своего соотечественника Хага и четырех слуг намерен объехать под предлогом закупки шерсти Маранд, Хой, Котур и Маку. Особенно нежелательна его поездка в последнее место, где он, очевидно, будет заниматься сбором сведений, быть может, для турок [1]. Шюнеман выезжает из Тавриза завтра. Желательно спешно предупредить об этом макинского сердара, находящегося, по нашим сведениям, теперь в Эривани, указать ему на опасность допускать Шюнемана в Маку и побудить его установить за немцем самый строгий надзор. Под предлогом заботы о личной безопасности сердару следовало бы прикомандировать к Шюнеману своих людей, которые не допускали бы сношения с населением и препятствовали сбору сведений [2].

Клемм.

№ 335. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 1359 [3]. 10 января 1912 г./28 декабря 1911 г.

№ 1.

Получил телеграмму № 2029 [4].

Вслед за принятием ультиматума [5] мы обменялись с Барклаем мнениями об общем положении дел в Персии и ныне пришли к следующим выводам: мы находим быстрое окончание нынешнего восстания необходимым вступлением к какой-либо полезной попытке персидского правительства справиться с общей анархией в стране. Восстание это уже стоило правительству около трех миллионов рублей наличными деньгами и повлекло за собой повальные грабежи и уничтожение посевов и перевозочных средств, вызвавшее положение, близкое к голодовке во многих местах Персии и причинившее всей стране неисчислимые потери, которые должны отозваться на иностранной торговле. Кроме того, прекращение восстания необходимо и потому, что оно поглощает все внимание шахского правительства и не дает ему возможности изыскать средства для борьбы с всегдашними хроническими беспорядками в Персии. На прекращение же вос-

---

образован в Джаркенте в марте текущего года». Сазонов заканчивал письмо следующими словами: «Само собой разумеется, что названный отряд перейдет границу только в случае наступления в Илийском округе анархии, действительно угрожающей безопасности наших подданных, чего, судя по последним полученным с места сведениям, может и не случиться».

[1] Сообщая Сазонову и Поклевскому в тел. от 5 янв. 1912 г. /23 дек. 1911 г. за № 802 о предполагаемой поездке Шюнемана, Миллер добавлял: «С доводами о больших неудобствах этой поездки при настоящих условиях, могущих вызвать недоразумения и неприятные осложнения, Шюнеман не согласился, настаивая на исключительно торговом характере своей поездки». «Нельзя ли через посредство германской миссии, — запрашивал Миллер, — запретить эту поездку». Тел. от 7 янв. 1912 г./25 дек. 1911 г. за № 2226 Сазонов предложил Поклевскому объясниться в указанном Миллером смысле с германским посланником в Тегеране. В ответной тел. Поклевский сообщал, что герм. повер. в делах «считает для себя невозможным остановить поездку Шюнемэна, так как последний является лишь нештатным консульским агентом, и путешествие его вызывается частно-коммерческими целями» (тел. от 10 янв. 1912 г./28 дек. 1911 г. за № 1357).

[2] В ответной тел. от 16/3 янв. за № 9 Кохановский сообщал Клемму, что, по сведениям, полученным из Эривани, макинского хана там еще нет и что эриванский губернатор предлагает послать доверенное лицо для предупреждения хана относительно Шюнемана. В тел. от 18/5 янв. за № 33 Клемм выразил на это свое согласие.

[3] Опубл. Ор. кн., стр. 426, со стилистическими изменениями.

[4] См. № 197.

[5] См. № 247.

стания, покуда оба правительства останутся нейтральными, имеется очень мало надежды, так как правительство обладает достаточной силой, чтобы не допустить бывшего шаха, если ему не будет оказано посторонней помощи, в Тегеран, но едва ли в состоянии справиться с поднятым им движением в провинции. Между тем, без вмешательства России и Англии, беспорядки и анархия в стране будут расти, покуда правительство не потеряет остаток имеющегося у него авторитета. Так как результат недавних переговоров между обоими правительствами, повидимому, исключает возможность признания Мохамед-Али-шаха[1], то вмешательство возможно лишь в пользу нынешнего правительства, а потому мы предлагаем, добившись от персидского правительства принятия известных условий, объявить бывшему шаху, что он не будет признан обоими правительствами, и посоветовать ему вернуться в Европу. Наши же условия могли бы быть следующие: обеспечение пенсии Мохамед-Али-шаху, общей амнистии и — самое важное — получение от шахского правительства в какой-либо форме обязательства сообразоваться с принципами англо-русской конвенции. Ныне кабинет высказывает полное желание сообразоваться с этими принципами, но нам нужно считаться с возможностью его отставки и с будущим меджлисом, а потому теперь же полезно заручиться обещанием, что персидское правительство не будет действовать во вред соответствующим интересам обеих держав в Персии, или найти другую подходящую для этого формулу. В то же время нам следовало бы настаивать пред персидским правительством на роспуске его иррегулярной военной силы — фидаев, — которая за удалением Мохамед-Али-шаха станет более ненужной и может подать лишь повод к беспорядкам. Мы полагаем, что при нынешнем положении вещей не трудно добиться вышеупомянутых условий, взамен активной поддержки кабинету. Затем необходимо, чтобы персидское правительство получило без промедления деньги и оружие для жандармерии, а так как с отъездом Шустера[2] прекратились недавние переговоры о займе, то самой легкой для персов финансовой операцией представляется ныне конверсия долга персидского правительства нашему банку или какая-либо другая операция при посредстве нашего банка и под обеспечение тех же источников дохода. Ввиду сравнительной незначительности вырученной при помощи подобного займа суммы было бы желательно не вычитать из нее убытков иностранных подданных, а покрыть их из следующего займа или выпустить впоследствии специальный заем для этой цели. Надобность в деньгах здесь настолько велика, что оба правительства могли бы сделать авансы в счет будущего займа при условии, что все полученные при посредстве последнего деньги будут расходоваться под наблюдением будущего казначея, и значительная их часть пойдет на организацию жандармерии, которая под начальством шведских офицеров подает хорошие надежды. Кроме жандармерии, Персии нужна и небольшая армия для главных ее городов. План подобной армии мог бы обсуждаться миссией с персидским правительством соответственно политическо-географическому положению этих городов. Мы можем не без основания надеяться, что правительство, которое обеспечит себе нашу нравственную поддержку и активную помощь на вышеуказанных основаниях, будет достаточно сильно, чтобы действительно вести будущие выборы в меджлис таким образом, дабы обеспечить возможность необходимого пересмотра конституции в смысле предоставления короне прав veto и роспуска меджлиса и ограничения вмешательства последнего в административные дела. В случае согласия обоих правительств мог бы быть возбужден вопрос и о создании сената.

П о к л е в с к и й.

---

[1] См. № 296.

[2] Тел. от 11 янв. 1912 г./29 дек. 1911 г. за № 1362 Поклевский сообщал: «Шустер выехал сегодня на Баку и Батум в сопровождении семьи и секретаря здешней американской миссии».

№ 336. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Берлине, Вене и Риме — Извольскому, Бенкендорфу, Остен-Сакену, Н. Гирсу и Долгорукому.

⁄. Телеграмма № 2267. 11 января 1912 г./29 декабря 1911 г.

Ссылаюсь на мое письмо № 799 [1].

Из дошедших до меня гласных ответов на мое предложение [2] и ставших мне известными отзывов о нем явствует, что большинство кабинетов, вполне сочувственно относясь к основной мысли изыскать способ прекращения военных действий, тем не менее колеблется приступить к предлагаемому мной шагу. Одни сомневаются в приемлемости условий для Турции, другие, повидимому, опасаются самого способа объяснений с Турцией, как могущего, на почве взаимного соперничества, породить интриги.

Повторяю, я рад буду всякому дополнительному предложению по существу вопроса и не видел бы никаких возражений к тому, чтобы исполнительная роль была поручена двум державам, по одной от каждой из двух больших политических группировок Европы, например Франции и Германии, как не соседним с Турцией и наиболее экономически заинтересованным в ее делах.

Благоволите по содержанию вышесказанного объясниться с министром иностранных дел и о последующем уведомить.

Сазонов.

№ 337. Министр иностранных дел послу в Вашингтоне Бахметеву.

Письмо № 15671 [3]. 11 января 1912 г./29 декабря 1911 г

Денонсиация торгового договора с Америкой.

М. г. Юрий Петрович,

Я имел честь получить депешу вашу от [20] 7 декабря с. г. за № 65, а равно и другие ваши извещения [4] о ходе парламентской агитации в Северо-Американских Соединенных Штатах, направленной к отмене нашего с ними трактата 1832 года, поведшей ныне к денонсиации правительством Штатов означенного международного акта, и почел долгом о сообщенных вами сведениях всеподданнейше донести его императорскому величеству.

В настоящее время, когда отказ Америки от трактата является уже совершившимся фактом, полагаю своевременным осведомить ваше превосходительство о точке зрения императорского правительства на создавшееся между обеими странами положение и на предполагаемый с его стороны образ действий в том случае, если до 1 января 1913 г. (нов. ст.) нами не будет заключено с Америкой новое соглашение о торговле и мореплавании.

Нельзя не признать, что позиция, занятая нижней палатой, принявшей «резолюцию депутата Зульцера», имела столь явно недоброжелательный характер по отношению к России и столь резко осуждала действия императорского правительства, что принятие ее сенатом и утверждение президентом несомненно повело бы к крайне серьезному конфликту между обеими странами. Поэтому я могу лишь приветствовать то обстоятельство, что энергичными советами и настояниями вашему превосходительству удалось убедить государственного секретаря и президента Штатов в необходимости противодействия нижней палате, выразившегося в послании президента, по содержанию своему не представляющему для нас ничего оскорбительного.

Это обстоятельство является особенно важным потому, что принятая в последний момент форма отказа от договора не лишает нас возможности

---

[1] См. № 275.
[2] См. №№ 288, 302, 303 и 304.
[3] Маш. копия.
[4] См. № 206 и стр. 190, прим. 1.

принять к рассмотрению те предложения американского правительства, которые от него последуют в развитие сделанного уже им предложения о заключении нового торгового договора.

Вместе с тем считаю, однако, долгом обратить внимание вашего превосходительства на то обстоятельство, что императорское правительство остается при несомненном убеждении, что с его стороны не было допущено нарушений трактата 1832 года, что с точки зрения наших интересов настоятельной надобности в пересмотре сего трактата сейчас не имеется и что посему оно не намерено самостоятельно выставлять каких-либо предложений или проектов, относящихся к новому договору, а будет выжидать вышеуказанных предложений американского правительства.

Переходя к вопросу о том, какой будет наш образ действий в случае, если до января 1913 года у нас не будет заключено нового торгового договора, считаю долгом вас уведомить, что совет министров входил в рассмотрение относящегося к сему представления г. министра торговли и промышленности и признал необходимым учреждение особого междуведомственного совещания, на которое возложено как выработка мер, которые должны быть приняты после истечения срока действия трактата 1832 года при отсутствии нового договора, так равно и выяснение наших торгово-промышленных интересов, поскольку последние могут быть связаны с заключением торгового соглашения.

Сообщая о вышеизложенном, обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой и впредь возможно подробнее осведомлять меня о намерениях Штатов по настоящему вопросу и об отношении к нему общественных и правительственных кругов.

К сказанному обязуюсь присовокупить, что я, с своей стороны, не премину своевременно сообщить вам о принятых помянутым междуведомственным совещанием решениях [1].

Примите и пр. Сазонов.

№ 338. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 107 [2]. 11 января 1912 г./29 декабря 1911 г.

Срочная.

Ссылаюсь на № 105 [3].

Романовский убедил Спалайковича, что будет справедливо немедленно разграничить округ Струги, отдав болгарам несколько верст левого берега Черного Дрина до впадения в озеро и взяв себе весь правый берег с правой частью города. Спалайкович телеграфировал Миловановичу, прося разрешения покончить дело на этом основании. Милованович ответил, чтобы Спа-

---

[1] В ответном письме от 31/18 янв. 1912 г. Бахметев между прочим писал, что в вопросе о русско-американском трактате америк. прав-во «продолжает оставаться в смущенном недоумении, не зная, с чего начать и как начать переговоры, и сознавая, что самый вопрос, решивший участь старого трактата, отнюдь не может быть упоминаем в новом. Президент Тафт вообще лично не занимается иностранной политикой, оставляя ее в руках государственного секретаря, который и мало осведомлен и характеристически ленив, и они оба теперь совершенно беспомощны против серьезного осложнения, нарушившего их спокойствие и к обращению с которым они вовсе не подготовлены, — и наше высокомерное молчание еще увеличивает их замешательство; я не знаю, что г. Нокс пишет Гайльду, но я убежден, что и президент и он дорого дали бы за какой-нибудь совет, указывающий им исходный путь. Общественное мнение, со своей стороны, также сообразило, что была сделана неуклюжая ошибка, но оно, по присущему «практическим» американцам легкомыслию в делах, находящихся вне их кругозора, недостаточно взвесило всю важность ее, продолжая надеяться, что мы забудем выходку, сделанную сгоряча и не «нарочно» и что все пойдет по-старому как ни в чем не бывало. Желтые газеты и жиды, не зная, на какой ноге теперь плясать, замолкли, и вообще ясно чувствуется, что народное большинство желало бы загладить поступок конгресса, выражая России самые дружественные чувства».

[2] Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 18.

[3] См. № 327.

лайкович выждал и сообщил в Белград соответственно сему предложение с болгарской стороны, а сербское правительство даст ответ. Очевидно Милованович хочет поддержать мнение мое, Романовского и Спалайковича, но боится оппозиции Пашича. Убедительно прошу вашей поддержки в Белграде. Считаю дело крайне неотложным.

Неклюдов.

№ 339. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 138. 11 января 1912 г./29 декабря 1911 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По поводу предположений о примирении между Италией и Турцией, упомянутых в телеграмме императорского посла в Берлине от 30/17 декабря 1911 года за № 110 [1], французский посол рассказал мне, что его правительство сообщило ему по телеграфу вкратце донесение французского поверенного в делах в С.-Петербурге об означенном предмете.

Посол ответил г-ну де Сельв, что при переживаемом Турцией внутреннем правительственном кризисе нельзя ныне надеяться на успех мирных предложений и что, в частности, турки не согласились бы удалить свои войска из Триполитании, предоставив местных арабов их судьбе.

Великобританский посол ответил своему правительству на сходственное сообщение, что заботы о результате предстоящих законодательных выборов настолько поглощают внимание и силы теперешнего кабинета, что он не может заняться в настоящее время переговорами о мире.

Австро-венгерский посол, посетивший меня вчера, получил от графа Эренталя извещение о сделанном ему с русской стороны сообщении и изложил мне подробно ответ, отправленный им в Вену.

По мнению маркиза Паллавичини, турки вовсе не расположены искать мира. Их военное положение настолько хорошо, что они не могут согласиться на отозвание своих войск из Триполитании и не могут сослаться на непреодолимую силу врага или на понесенные поражения в оправдание перед турецким общественным мнением переговоров о мире, результатом коих явилась бы утрата Триполитании.

Опасность осложнений на Балканах несомненно существует. Но маркиз Паллавичини уверен, что для единодушной и решительной воли держав окажется возможным предотвратить грядущей весной сколько-нибудь серьезные осложнения в Македонии и Албании.

Германский посол высказал мне приблизительно те же мысли, но в более категорической форме.

Барон Маршалл убежден, что турки не нуждаются в мире и не согласятся ни на какие переговоры до тех пор, пока Италия не возьмет назад пресловутого декрета о присоединении Триполиса и Киренаики.

Турки не могут вывести своих войск из Триполитании и отвернуться от местных арабов: даже мысль о таком поступке была бы несовместима с военной честью Турции.

Что же касается Балканского полуострова, то барон Маршалл уже давно изверился в повторяющиеся каждую весну опасения местной войны. Болгария не двинется, ибо превосходство турецких военных сил в настоящее время слишком велико, и Болгария к тому же, сказал посол, «a la Roumanie dans le dos» [2].

Действительную опасность представляет Албания, и самым крупным грехом партии «Единение и прогресс» является ее албанская политика.

Но исправить последнюю еще не поздно. Надо принять требования албанских депутатов, впрочем весьма умеренные, и спокойствие в Албании не будет нарушено. Порта, повидимому, уже начала работать в этом направлении, судя по появившемуся вчера в здешней печати известию, при-

---

[1] См. № 288.

[2] «имеет в тылу Румынию».

лагаемому в газетной вырезке [1]. От оценки угрозы для мира со стороны Черногории барон Маршалл уклонился.

В общем же посол полагает, что опасность на Балканах и ее устранение не имеют ничего общего с войной или миром между Турцией и Италией.

Единственной основой мирных переговоров, которую Турция могла бы принять, послужило бы оставление Киренаики и Триполийского Hinterland'а за Турцией, а Триполийского побережья за Италией. В этом смысле, по словам барона Маршалла, высказывался перед ним турецкий министр иностранных дел.

Вследствие ли инструкций из Берлина, или же по своей собственной инициативе барон Маршалл деятельно поддерживает среди турок непримиримое настроение, и не одному мне достоверно известно, что сделанному им министру иностранных дел внушению обязана своим появлением недавняя статья «Танин», заявляющая, что, прежде всяких переговоров о мире, Италия должна взять назад декрет о присоединении Триполитании.

Барон Маршалл считает этот декрет крупнейшей ошибкой итальянской дипломатии и убежден, что, не будь декрета этого, было бы легко найти приемлемую для турок примирительную комбинацию.

Из вышеизложенного ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что все четыре посла не рассчитывают на успех предложения, которое было бы сделано в настоящее время Турции о примирении с Италией.

Та же мысль высказывается в различных формах турецким правительством [2], а во вчерашних газетах напечатано пространное заявление в том же духе военного министра, прилагаемое во французском переводе [3].

Вместе с тем все мои сослуживцы признают пользу происходящего ныне, по почину с.-петербургского кабинета, обмена мыслей между великими державами касательно условий итало-турецкого примирения, соглашение по отношению к коим необходимо установить сообща заблаговременно, ранее наступления той минуты, когда окажется возможным соответственное сообщение нейтральных великих держав воюющим сторонам.

В ожидании этого времени позволю себе отметить следующие два пункта, выяснение коих считается в некоторых турецких кругах желательным в связи с заключением мира с Италией.

I. Туркам интересно определить ту сумму, которую Италия согласится уплатить управлению турецкого государственного долга (Dette Publique) в возмещение ущерба от выделения из ведения этого учреждения Триполитании.

Так как турецкая казна является участницей операций и прибылей названного управления, то при желании было бы возможно для Турции

---

[1] При деп. приложена вырезка из газеты «Le Jeune Turc» от 10 янв. 1912 г./28 дек. 1911 г., в которой сообщалось, что в связи с докладом, представленным губернатором Коссовского вилайета о необходимости реформ в Албании, совет м-ров решил приступить немедленно к выработке приказа о реорганизации алб. жандармерии, а также заменить командующего воен. силами в Албании военачальником-албанцем.

[2] См. мою тел. от 6 янв. [1912 г.] 24 дек. [1911 г.] за № 778. [Прим. оригинала]. В этой тел. Чарыков говорил о невозможности для Саид-паши и партии «Единение и прогресс» до окончания выборов в новую палату депутатов заключить мир, который признавал бы аннексию Триполи и Киренаики.

[3] При документе приложена вырезка из газеты «Le Jeune Turc» от 10 янв. 1912 г./28 дек. 1911 г. В заметке, озаглавленной «Déclaration de Mahmoud-Chevket-pacha», приводится заявление турец. воен. м-ра редактору газеты «Сабах», что появившиеся в европейской печати сведения о сделанных якобы Портой мирных предложениях лишены всякого основания. Указав далее, что турец. прав-во может вести переговоры только при условии признания суверенных прав султана над Триполи и Бенгази, Махмуд-Шевкет закончил свое заявление следующими словами: «Весь мир знает нашу точку зрения. Мы всегда готовы вести переговоры на условиях, почетных как для нашей страны, так и для Италии».

по этой статье выговорить себе, не нарушая приличий, достаточные денежные выгоды.

II. Одним из условий мира с Италией явилось бы совершенное прекращение ею всякого воздействия на Албанию.

Это прекращение выразилось бы в закрытии всех итальянских школ в Албании, а равно и в упразднении итальянских почтовых контор в означенной области.

Мысль эта — новая и дошла до меня из кругов, близких к бывшему великому визирю Хильми-паше, который все более выдвигается в качестве вероятного преемника Саид-паши.

Насколько она приемлема для Италии, судить не берусь, но для Турции подобный оборот дела представил бы очень крупные выгоды.

Искренний и добросовестный отказ Италии от той агитационной политики, которую она ведет уже лет 15 в Албании и которая очень похожа на недавнюю итальянскую политику в Триполитании, несомненно обеспечил бы Турции большее спокойствие и безопасность на ее Адриатической окраине, благодаря прекращению там итальянских происков и пропаганды.

Более того, итальянское правительство наверное обусловило бы закрытие своих школ и почтовых контор одновременным закрытием и австро-венгерских школ и почтовых контор в Албании. А вследствие этого Турция выиграла бы вдвойне, очистив Албанию не только от итальянской, но и австро-венгерской пропаганды.

Конечно, положение Австро-Венгрии в Албании иное, чем положение Италии: Австрия обладает там историческим правом покровительствовать католической церкви (но, впрочем, не католикам — турецким подданным).

Однако австро-венгерская пропаганда выходит на деле далеко за границы этого чисто церковного покровительства, к области которого едва ли можно отнести широко распространенное в Албании австро-венгерское школьное дело.

Что же касается почтовых контор, то Австро-Венгрия уже обязалась перед Турцией договором об аннексии Боснии и Герцеговины [1] сохранить таковые конторы только в тех местностях, где имеются сходственные учреждения других держав.

В силу этого обязательства Австро-Венгрия действительно уже закрыла свои почтовые конторы во всех тех пунктах Адриатического побережья, где не было других иностранных почтовых контор.

Следовательно, закрытие итальянских почтовых учреждений в тех пунктах, где ныне существует лишь итальянская и австро-венгерская почта, должно будет повлечь за собой закрытие и австро-венгерской конторы, к вящшей выгоде турок.

С этой точки зрения турецкая мысль о прекращении итальянской пропаганды в Албании может приобрести значение при детальной разработке условий мира между Турцией и Италией.

Примите и пр. Н. Чарыков.

№ 340. Посол в Вене министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 106. 12 января 1912 г./30 декабря 1911 г.

Получил № 2267 [2].

В ответ на сделанное мной сообщение Эренталь ответил, что, по его мнению, момент, чтобы приступить в Константинополе к предлагаемому вашим высокопревосходительством шагу, еще не наступил. Он полагает, что Турция не согласится отозвать войска. В разговоре вчера с итальянским послом в Вене Эренталь дал ему совет, чтобы Италия еще усилила численность своих войск в Триполи и уничтожила бы всякую возможность сопротив-

---

[1] Имеется в виду австро-турец. договор от 26/13 февраля 1909 года.
[2] См. № 336.

ления со стороны турок и арабов. Аннексия должна состояться на деле, тогда только турки пойдут на обсуждение условий для заключения мира. Эренталь прибавил, что Италия не согласится уплатить какое-либо денежное вознаграждение до окончания войны. Судя по донесениям австро-венгерского посла в Константинополе, французский посол Бомпар также находит, что предлагаемый нами в Константинополе шаг преждевременен. Равным образом и Чарыков в разговоре с австро-венгерским послом в Константинополе выразился в том же смысле; он заявил, что мысль о заключении перемирия исходит от него, но он сознает, что в данное время она невыполнима. Вследствие состояния своего здоровья Эренталь на неделю покидает Вену.

Гирс.

№ 341. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 980. 12 января 1912 г./30 декабря 1911 г.

Ву Дин-фан передал [5 января 1912 г]. 23 декабря [1911 г]. консулам в Шанхае заявление временного республиканского правительства, пространно доказывающее неизбежность переворота в Китае и содержащее программу из восьми пунктов: 1) Все договоры, заключенные с манчжурским правительством до революции, сохраняют свою силу, пока не истечет их срок. 2) Обязательства по займам и вознаграждениям, принятые на себя манчжурским правительством до революции, будут уважаться. 3) Права, предоставленные манчжурским правительством иностранцам до революции, будут уважаться. 4) Жизнь и имущество иностранцев в пределах юрисдикции республиканского правительства будут охраняться. 5) Государство должно быть поставлено на прочное основание и национальная мощь его развита. 6) Социальное положение народа должно быть улучшено, порядок сохранен и в основу законодательства положено благополучие большинства населения. 7) Манчжуры будут пользоваться покровительством на равном положении с китайцами. 8) Гражданское и торговое право будут пересмотрены, финансы улучшены, препятствия к развитию торговли и промышленности будут устранены, свобода вероисповедания обеспечена.

Из сопоставления этого последнего пункта с содержащимся в тексте заявления обвинением манчжур в прекращении всякого общения с внешним миром усматривается намек на желание республиканцев открыть всю страну для иностранной торговли.

Щекин.

№ 342. Министр иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 837. 13 января 1912 г./31 декабря 1911 г.

Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Секретным письмом от [3 января 1912 г.] 21 сего декабря за № 6250 [1] вашему высокопревосходительству угодно было, сославшись на письмо г. военного министра от [13 ноября] 31 октября сего года за № 4326 [2], предупредить меня о намерении вашем поставить на обсуждение совета министров вопрос о возможном замедлении постройки железных дорог в Малой Азии и о средствах воздействия, коими может в этом направлении располагать министерство иностранных дел.

Еще особым совещанием от [15] 2 июня 1910 года была установлена желательность добиться от Турции изменения соглашения 1900 г., предоставляющего нам некоторые права в области железнодорожного строи-

---

[1] См. № 306.
[2] См. № 306 и стр. 281, прим. 3.

тельства в северной части Малой Азии, так как выяснилось, что Порта имеет возможность, не нарушая буквы этого соглашения, обходить тем не менее стеснительные для себя условия оного.

Последовательные переговоры Порты с представителями синдиката Самсун-Сивасской железной дороги, донесения о которых императорского посла в Константинополе министерство иностранных дел своевременно сообщало вашему высокопревосходительству [1], еще подкрепляли вверенное мне министерство в необходимости пересмотра указанного уговора с Турцией. В ожидании благоприятного момента для начатия с ней переговоров, посол в Константинополе, известным вам соглашением с французским послом [2], обеспечил за нами возможность следить за дальнейшими сношениями оттоманского правительства с Самсун-Сивасским синдикатом и даже поставить дальнейший ход этих сношений в некоторую зависимость от оборота, какой примут русско-турецкие переговоры по вопросу о соглашении 1900 года.

Начатый в конце сентября гофмейстером Чарыковым с Саид-пашой разговор на эту тему я, однако, оказался вынужденным прекратить, так как центр тяжести переговоров нежелательным образом оказался перемещенным с частного вопроса о малоазиатских железных дорогах на общую совокупность русско-турецких отношений. Но упомянутое соглашение гофмейстера Чарыкова с французским послом дало мне возможность и предлог, через посредство Франции, постараться побудить турок самим возобновить разговоры об изменении все же стеснительного для них соглашения 1900 г. Пока же оно останется в силе, мы гарантированы от постройки железнодорожных линий концессионным порядком, а опыты казенной постройки, предпринятые турками на первом участке будущей Самсун-Сивасской железной дороги, не дают пока оснований опасаться чересчур быстрого осуществления этого предприятия.

Вот в кратких чертах положение этого вопроса в настоящее время.

Примите и пр.

Сазонов.

№ 343. Поверенный в делах в Лондоне[3] министру иностранных дел.

Телеграмма № 349. 13 января 1912 г./31 декабря 1911 г.

Получил № 2267 [4].

Грей, по словам Никольсона, не составил себе еще вполне определенного мнения по возбужденному вопросу, которому принципиально всецело сочувствует. Основным условием он считает предварительное достижение полного единодушия великих держав по всем пунктам. Он продолжает придерживаться мнения, что согласованное выступление послов всех держав в Константинополе и в Риме было бы правильнее и целесообразнее. Будучи незнакомым с точкой зрения Германии, он не считает пока возможным высказаться о предоставлении исполнительной роли одновременно ей и Франции. Никольсон лично полагает, что дальнейшие шаги должны быть отложены до разрешения министерского кризиса в Париже и окончания выборов в Германии. От Маллета мне известно, что английский посол в Константинополе не верит в возможность успешного результата выступлений на основе присоединения к Италии турецких провинций и, во всяком случае, советует обождать окончания министерского кризиса в Константинополе.

Эттер.

---

[1] Ср. № 300.
[2] См. т. XVIII, приложение к № 202.
[3] 6 янв. 1912 г./24 дек. 1911 г. Бенкендорф выехал из Лондона.
[4] См. № 336.

№ 344. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 1373. 13 января 1912 г./31 декабря 1911 г.

№ 2.

Выводы, изложенные в моей телеграмме № 1 [1], подсказываются главным образом тем соображением, что водворение Мохамед-Али-шаха на престоле возможно либо при занятии нами Тегерана и уничтожении нами же враждебных ему элементов в столице, либо при дальнейшем разложении здешней правительственной власти и беспорядках, которые ослабили бы силу сопротивления бывшему шаху. Первая возможность исключена при нынешних обстоятельствах, вторая же слишком опасна для наших и иностранных интересов, и нам пришлось бы вероятно прибегнуть к помощи наших войск, прежде чем Мохамед-Али-шаху удалось бы воспользоваться воцарившейся анархией. Дальнейшее же продолжение персидской междоусобицы представляется недопустимым как вследствие разорительности ее для персидского народа, так и из-за необходимости для нас начать здесь созидательную работу, которая кажется ныне возможной благодаря существованию кабинета не только благоразумного и работоспособного, но и готового принципиально признать в некоторой форме опеку над Персией России и Англии. Должен также заметить, что обязанный считаться со всеми имеющимися у нас соглашениями, я позволил себе сделать заключающееся в моей телеграмме № 1 предложение как единственное, которое кажется мне совместимым с принципом общей нашей с Англией политики в Персии.

Лично и весьма секретно. Кроме того, если по вступлении бывшего шаха в Персию мы могли с успехом утверждать, что Россия остается нейтральной во внутренней персидской борьбе, то теперь мы этого более сказать не можем. Поэтому и все наши консулы в Северной Персии, вероятно, по тайным от миссии указаниям из министерства работают на пользу Мохамед-Али-шаха и многие из них уже сильно скомпрометировали императорское правительство. Миллер настолько умен и ловок, что водворение им Шоджа может при некоторой натяжке получить правдоподобное объяснение; также Некрасов пока особенно себя не скомпрометировал, а Беляев лишь немного. Зато здешнее генеральное консульство с самого своего основания ничем другим, кроме пропаганды в пользу Мохамед-Али-шаха, не занималось. Оно летом приблизило к себе известного авантюриста Амираджиби, который состоял несколько месяцев при консульстве чем-то вроде нештатного секретаря. Амираджиби первоначально занимал при Мохамед-Али-шахе должность главнокомандующего его армией, и персидское правительство, указывая на эти обстоятельства, неоднократно уже просило миссию об его высылке из Персии. Другим близким человеком при генеральном консульстве был некий Али-Клыт-Хан-Садеб, вербовавший террористов в России и упомянутый в телеграмме Некрасова № 1373 [2]. Он тоже ныне находится при бывшем шахе. О двух компрометирующих нас фактах в районе Астрабадского консульства я уже сообщал в телеграмме № 1147 [3], на которую не получил ответа. Вообще же, как Иванов, так и консульский агент в Бендергязе оказывают открытые услуги бывшему шаху и явно

---

[1] Повидимому, Поклевский имеет в виду свою тел. от 10 янв. 1912 г./28 дек. 1911 г. за № 1359 (см. № 335).

[2] Тел. Некрасова за № 1373 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[3] В тел. от 25/12 ноября за № 1147 Поклевский сообщал, что консул в Бендергязе и консул в Астрабаде прибегают к таким действиям, которые, «будучи оглашены, могут нас сильно скомпрометировать»: так, с одной стороны, с согласия консульства в Астрабаде «представителю бывшего шаха были сданы 267 правительственных ружей, значительное количество патронов и винтовок. Затем [29] 16 октября Мохамед-Али-шах посетил посыльное судно «Астрабад», и ему был оказан «обыкновенный» прием. Отобедав и пробыв на судне 2 часа, бывший шах съехал на пристань для свидания с перешедшими на его сторону и находившимися в нашем бесте правительственными войсками. На берег его сопровождал начальник станции и свезенный с «Астрабада» десант, который при этом охранял его особу». На этой тел. имеется помета Николая II: «Тут ничего особенно нет. Ливадия, [1 декабря] 18 ноября 1911 г.».

содействуют укреплению его власти в Астрабадской области. Об этом сообщают как из персидских источников, так и английский агент в Астрабаде и бельгийские таможенные чиновники. Последние, впрочем, вообще в политику не вмешиваются и говорят о фактах, лишь поскольку они относятся к возникшим между ними и Жеребиным инцидентам. В настоящее время Амираджиби занят вербовкой на службу Мохамед-Али-шаха наших ингушей и других кавказцев, которых в Персии уже несколько сот человек. Не говоря о том, что это причинит нам много хлопот в будущем, создавая новый фидайский вопрос, отсутствие с нашей стороны каких-либо мер к возвращению на родину этих русских подданных, несмотря на циркуляр миссии № 564 [1], приводит всех здесь к заключению, что это делается с одобрения императорского правительства. Все вышеизложенное, по моему глубокому убеждению, несовместимо с нашим достоинством и престижем в Персии, и в наших интересах — возможно скорее покончить с этим ненормальным положением, либо посадив бывшего шаха на престол, либо предложив ему удалиться из Персии. Если бы выбор императорского правительства остановился на втором решении, то вслед за ним необходимо было бы принять серьезные меры к искоренению установившейся за последнее время в нашей здешней консульской практике служебной распущенности, которая столь вредно отражается на достоинстве императорской миссии и делает для нее объединение деятельности всех наших агентов в Персии невозможным.

Поклевский.

Государств. публичная историческая библиотека

[1] Циркуляр миссии за № 564 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен.

УКАЗАТЕЛЬ I

Именной [1]

УКАЗАТЕЛЬ II

Корреспонденты [1]

[1] Цифры обозначают номера документов.

УКАЗАТЕЛЬ III

Темы дипломатической переписки [1]

---

[1] Цифры без скобок обозначают номера документов; цифры, поставленные в скобках, обозначают соответствующие пункты рубрик.

Проливы

Россия

Румыния

Сербия

Соединенные Штаты Америки

Тибет

Тройственное согласие

Тройственный союз

Турция

Франция

Черногория

Швеция

Япония

25 р.

6495/II

25 р.
6495/II